

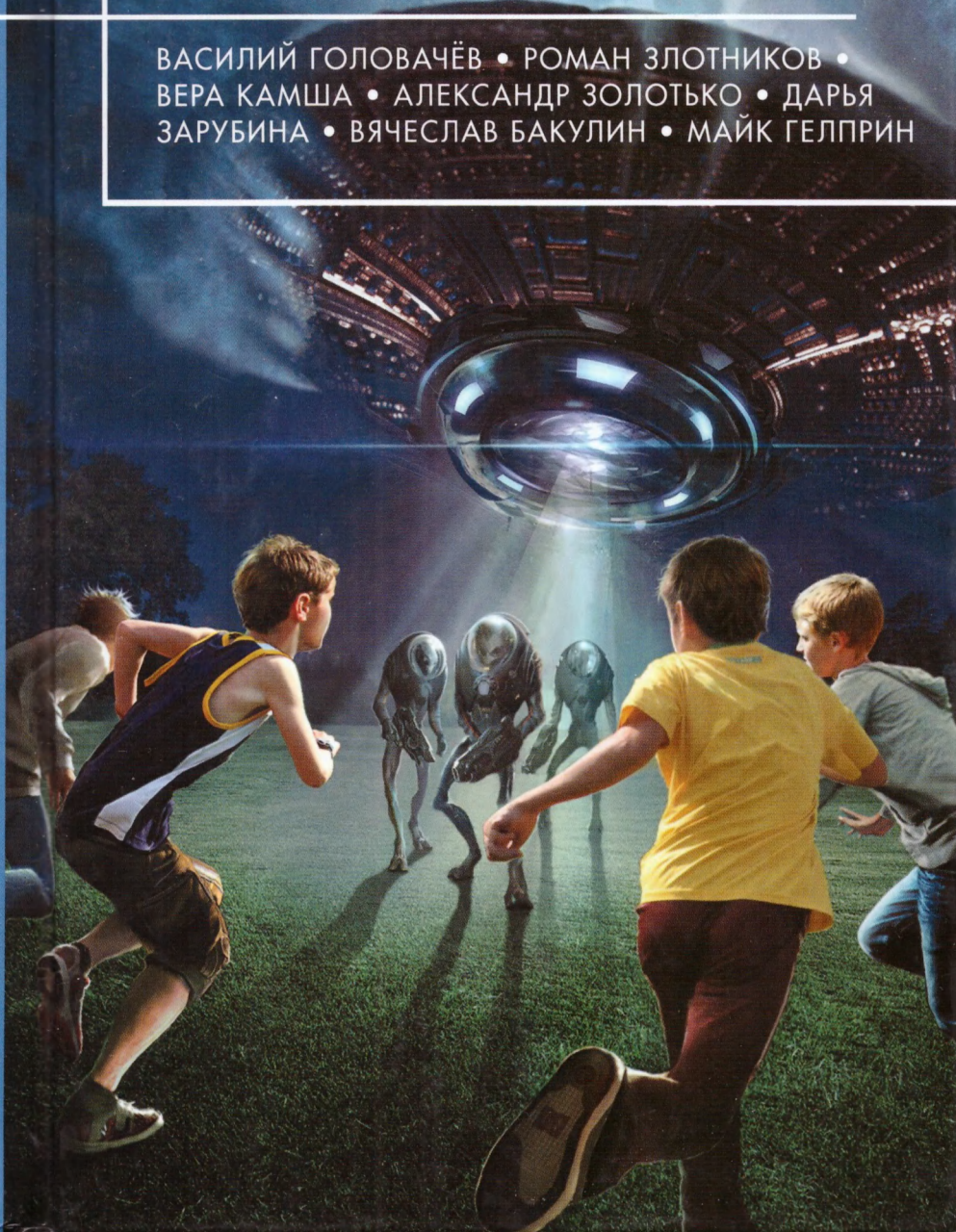
ПРИШЕЛЬЦЫ. ЗЕМЛЯ ЗАВОЕВАННАЯ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ • РОМАН ЗЛОТНИКОВ • ВЕРА КАМША • АЛЕКСАНДР
ЗОЛОТКО • ДАРЬЯ ЗАРУБИНА • ВЯЧЕСЛАВ БАКУЛИН • МАЙК ГЕЛПРИН

ПРИШЕЛЬЦЫ ЗЕМЛЯ ЗАВОЕВАННАЯ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ • РОМАН ЗЛОТНИКОВ •
ВЕРА КАМША • АЛЕКСАНДР ЗОЛОТКО • ДАРЬЯ
ЗАРУБИНА • ВЯЧЕСЛАВ БАКУЛИН • МАЙК ГЕЛПРИН

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ПРИШЕЛЬЦЫ ЗЕМЛЯ ЗАВОЕВАННАЯ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ

РОМАН ЗЛОТНИКОВ

ВЕРА КАМША

СЕРГЕЙ РАТКЕВИЧ

ЭЛЕОНОРА РАТКЕВИЧ

АЛЕКСАНДР ЗОЛОТЬКО

ВИКТОР ТОЧИНОВ

МАЙК ГЕЛПРИН

ДАРЬЯ ЗАРУБИНА

ВЯЧЕСЛАВ БАКУЛИН

ИГОРЬ МИНАКОВ

ВЛАДИМИР ВЕНГЛОВСКИЙ

МИХАИЛ КЛИКИН

и другие

ПРИШЕЛЬЦЫ ЗЕМЛЯ ЗАВОЕВАННАЯ

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П77

Разработка серийного оформления
художников А. Саукова, Е. Савченко

Серия основана в 1996 году

Составители сборника
В. Бакулин, Л. Демина

Иллюстрация на переплете М. Петрова

П77 **Пришельцы.** Земля завоеванная / сост. В. Бакулин, Л. Демина. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 640 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-86810-0

Руководство отдела исследований аномальных явлений научного Управления ФСБ срочно отправляет своего сотрудника Варавву Кашина в поселок Усть-Кишерть Пермского края. Это место с давних пор известно как Малёбская геопатогенная зона, но до сих пор оно не обращало на себя внимания российских спецслужб. И вдруг — срочная командировка майора Кашина с заданием высшего уровня секретности...

Какой мальчишка не мечтал стать настоящим космическим пиратом, управлять звездолётом, стрелять из бластера?! Вот только в реальности всё несколько сложнее...

Так ли важно, кто они и откуда? Так ли важно, каковы их истинные цели? Так ли важно, насколько они отличаются от нас внешне? Главное — они ЧУЖИЕ. И они захватили нашу Землю...

Василий Головачёв, Роман Злотников, Вера Камша и другие авторы в сборнике фантастических произведений о вторжении инопланетных агрессоров!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Бакулин В., Буторин А., Гелприн М.,
Головачёв В., Венгловский В., Злотников Р.,
Зарубина Д., Золотко А., Камша В.,
Кликин М., Колужняк В., Кудрин О.,
Минаков И., Овсяник Д., О'Коннор Э.,
О'Рэйн, Прососов И., Раткевич С., Раткевич Э.,
Романова Т., Точинов В., Черных Ю.,
Шакилов А., 2016

© Состав и оформление.

ISBN 978-5-699-86810-0

ООО «Издательство «Э», 2016

ВАСИЛИЙ В. ГОЛОВАЧЁВ

МОЛЁБСКИЙ ЧЕЛЛЕНДЖ

Подмосковье, лес под Чисменной.

24 августа, утро

блака над лесом разошлись, и хотя ноги выше колена были мокрыми от влаги, собранной с травы штанами и кроссовками, настроение улучшилось. Да и грибов было столько, что Варавва пожалел, что не взял с собой дополнительную тару: уже через час хождений вдоль небольшого ручейка, пересекающего шоссе Москва — Волоколамск, в густом смешанном лесу с обширными моховыми полянами, корзина была почти полна подосиновиками, белыми, лисичками и рыжиками.

Найдя сухой бугорок возле еловой крепи, куда опытный грибник никогда не полезет, Варавва присел, достал полиэтиленовый пакет с завтраком: варёные яйца, куриную ножку, пакет кефира, яблоко, — и с удовольствием его умял, вспоминая, как в молодости, ещё до известных майданных революций на Украине, ездил по грибы с друзьями из Днепропетровска в леса под Новомосковском, за сто с лишним километров от города.

Ехать надо было рано утром (машин тогда не было ни у кого), с тремя пересадками, до деревни Ивано-Михайловка, после чего они переходили по железному мосту речку Самару на территорию танкового по-

★ лигона, где и собирали самые высокие и красивые в мире подосиновики.

Времена те давно прошли, но Варавва не переставал их вспоминать и нередко названивал оставшимся в «стране победившего ублюдонацизма» приятелям, рассчитывая когда-нибудь слетать в Днепропетровск и с той же компанией отправиться по грибы.

Допив кефир, он аккуратно уложил пакет с отходами в ямку под елью, присыпал слоем опавших иголок (кылек, как говорила бабушка-белоруска), прикинул, как будет выбираться к дороге, через топь или с краю от ручья, и двинулся обратно, ощутив прилив сил.

В четверг двадцать четвёртого августа грибников в лесу было мало, их наплыв ожидался к субботе-воскресенью, поэтому Варавве почти никто не встретился на пути, чему он был рад. Грибная охота требовала тишины, покойного сосредоточения на красотах природы, а не криков со всех сторон, когда лес навещали большие молодёжные компании.

Ближе к ручью начался мшаник, усеянный зарослями лисичек.

Варавва начал их собирать и наткнулся на огромную упавшую сосну, из-под комля которой выше человеческого роста выбрались вдруг двое мужчин разного возраста, постарше и помоложе. Тот, что постарше, был массивным, как бетонная плита, и носил бороду, молодой, узколицый, смуглый, смотрел как прицеливался, и в глазах его прыгали чёртики. Оба носили пятнистые куртки по моде «милитари» и такие же кепи с длинным козырьком.

Досадуя на себя, что расслабился и не учуял грибников (обошёл бы крюком, чтобы не встречаться), он, тем не менее, вежливо поздоровался с ними и повернул направо, к более светлым зарослям осины и берёзы.

— Эй, малый, погода, — окликнули его.

Он оглянулся.

Похожие больше на егерей, чем на обычных грибников, мужчины смотрели на него оценивающе, но с

разными эмоциональными оттенками: бородач — угрюмо, чернявый — с весёлым презрением.

— Вы мне?

— Тебе, тебе, — сказал бородач. — Грибками не поделишься?

Варавва внимательней оглядел мужчин, отмечая их злую нацеленность на конфликт. Попробовал уладить ситуацию мирным путём.

— Так ведь грибов полно кругом, сами наберёте. Да и в чём вы их понесёте?

— В кепках, — хохотнул чернявый парень.

— А-а... в таком случае вам и двух красноголовиков хватит. — Матвей достал из корзины одного красавца.

— Издевается, — нехорошо посмотрел на напарника чернявый.

Матвей сунул подосиновик обратно, повернулся и зашагал между стволами берёз и сосен к светлому вывалу впереди: край леса был близок. Однако его манёвр не устроил странную пару.

Послышался щелчок взводимого курка, и Матвей понял, что недооценил «егерей». Они были вооружены.

Он оглянулся.

Бородач целился в него из ружья.

Чернявый держал в руке пистолет.

— Грибочки оставь, родимый, — обронил бородач. — И шагай отседова тихонько. И ещё один совет: не ездь в Усть-Кишерт! Не вернёшься!

— В Кишерт? — невольно удивился Варавва. — Я вроде бы не собирался. А где это?

«Егеря» переглянулись.

— Не знаешь, так узнаешь. Грибы оставь и вали! — Дуло ружья глянуло Варавве в лоб. Только теперь он разглядел, что это не ружьё, а карабин «СКС», старое, но проверенное и мощное оружие, хотя и давно снятое с вооружения армии.

Под ложечкой засосало. Пуля «СКС» пробивала метровую кирпичную кладку.

— Неужто стрелять начнёте? — поллюбопытствовал он. — А как люди услышат или увидят?

— Тебе будет уже всё равно.

— А-а... верно. — Варавва стало совсем интересно. На психов «егеря» не походили, а их намёки на Усть-Кишерт должны были иметь основания, если только «грибники» не ошиблись, принимая его за кого-то другого. Стоило это выяснить.

Он поставил корзину под куст, в заросли крапивы, отступил.

— Забирайте. Я могу идти?

— Топай, не забудь, о чем тебя предупредили.

— А как же, не забуду. — Варавва попятился в кусты, следя за дулами карабина и пистолета (похоже, новейший «калаш», оружие спецназа), сделал несколько шагов и перешёл на темп, начиная переводить задуманное в практическую плоскость. Он не собирался отдавать ни за грош свою грибную добычу, а познакомиться с вооружёнными «егерями» хотелось всё больше. Тем более что они скорее всего знали, с кем имеют дело.

Расчёт оказался верным. На крюк длиной в полсотни метров потребовалось всего полминуты, и его возвращения «егеря» не ждали. Они только-только успели вытащить корзину из травы с крапивой и заглянуть в неё.

Варавва прыгнул из-за ели на спину бородатому, костяшками пальцев вбил ему мочку уха в шею, отобрал карабин и съездил прикладом чернявому по скуле, отбрасывая его метра на полтора в кусты, на корни сосны. Поднял выпавший в траву пистолет, проверил обойму, поставил на предохранитель, спрятал в карман.

Снял с обоих ремни, связал руки за спинами, прислонил спинами друг к другу. Обыскал, не нашёл ни паспортов, ни мало-мальски приличных удостоверений. Пошлёпал ладонью по физиономии одного, другого.

— Как самочувствие, орёлики?

Бородач пришёл в себя, попытался освободить ру-

ки, но Варавва воткнул ему в пузо ствол карабина, и здоровяк застыл, ворочая глазами.

— У меня нет ни желания, ни времени играть с вами в допросные игры, — сказал Варавва. — Если вы меня спутали с кем-нибудь, я попрошу прощения и отпущу вас с миром. Если нет, вам придётся коротко и быстро ответить на мои вопросы... если, конечно, вы хотите остаться целыми и невредимыми.

— Развяжи, фраер! — сквозь зубы процедил чернявый.

— Повторять не буду. Вы не грибники и, судя по вашим пушкам, не егеря. Вопрос первый: кто вы?

— Пожалеешь, сука!

Бородач снова попытался разорвать ремень на мощных руках, и Варавва выстрелил из карабина так, чтобы пуля вонзилась под каблук армейского ботинка сорок шестого размера.

Пленники подскочили, ошеломлённо глядя на карабин в руках Вараввы, оставшегося совершенно спокойным.

— Следующий выстрел будет в ногу, — равнодушно пообещал он, присел на корточки перед пленными. — Будем говорить?

Его тон и поведение подействовали не меньше выстрела.

— У нас задание... — неохотно пробормотал бородач, отводя глаза.

— Какое? От кого?

— Ты его не знаешь...

Варавва поднял ствол карабина, целя в бедро здоровяка.

— Он начальник усть-кишертской полиции, — заторопился бородач. — Мой шурин.

— А ты кто?

— Начальник...

— Чего? Неужели тоже полиции?

— ЧОПа... в Волоколамске...

— Важная шишка. А он? — кивнул Варавва на чернявого.

— Мой зам...

— Какого дьявола вы ко мне прицепились? Кишер — это где?

— Усть-Кишерть... Пермский край...

Варавва присвистнул.

— Ни хрена себе! Где я, а где Усть-Кишерть! Какая связь? Вы точно того нашли, кого надо?

— Ты Варавва... Кашин...

— Блин! Откуда твой шурин знает обо мне, если он живёт в Пермском крае, а я в Москве?

— Не знаю... велено найти, предупредить...

— А твой шурин знает, кто я?

— Нам не сказали... велели предупредить и всё.

— Идиоты! Как вы на меня вышли?

— Следили...

— Вели с Чисмены, — криво усмехнулся чернявый. — Нам дали адрес твоей дачи. Отпусти, а то согрит ненароком.

Варавва вдруг вспомнил, что когда он загонял свой тёмно-вишнёвый «Ягуар» на территорию садового товарищества «Предлог» под Чисменой, недалеко оставилась серая «Лада Веста».

— Серая «Лада»!

— Ну...

— Зачем я шурина? Откуда он меня знает?

— Его спроси.

Варавва успокоился.

— Обязательно спрошу. Его фамилия, имя, звание.

— Чешко Михаил... Игоревич... полковник.

— Ты кто?

— Лёвушкин... Степан...

— Ты? — Варавва посмотрел на чернявого.

— Если я тебе скажу, — развязно бросил парень, — тебя завтра зарежут!

Варавва двинул его прикладом в скулу, так что сидевший зам Лёвушкина отлетел на метр в сторону, врезался головой в сосновый комель и затих.

— Кто он?

Начальник частного охранного предприятия проводил напарника глазами, слотнул слюну.

— Тогоев... Махмуд... зря ты его так... у него брат — охранник самого главы Дагестана.

— Здесь не Дагестан. А если потребуется, я и брата найду. Твой шурин объяснил причину, почему я не должен ехать в эту вашу Усть-Кишерть?

— Не...

Варавва встал, раздумывая, что делать дальше. Судя по тупой морде Лёвушкина, ничего он больше не знал, выполнил просьбу свояка и всё. А из этого следовал вывод: если у Вараввы оставалось желание разобраться с инцидентом, то надо было как раз и лететь к чёрту на кулички, в Усть-Кишерть, чтобы разгадать загадку. Но ведь Пермь — не Подмосковье? Кто его отпустит, если отпуск практически закончился?

Варавва вынул из карабина и пистолета магазины с патронами, сунул себе в карман куртки, оружие обоих чоповцев бросил в кусты.

— Не дай вам бог встретиться со мной ещё раз! Моя контора намного круче вашей, да и вашего шурина тоже. Понял?

— Развяжи...

— Сами развяжетесь. Понял, спрашиваю?! — Варавва сделал вид, что отводит ногу для удара.

— Понял, понял...

Зашевелился чернявый зам Лёвушкина, показал начавшую наливаться синью опухоль на скуле.

— Убью... гада!

— Объясни ему, — кивнул Варавва на парня, взял корзинку с грибами и шагнул в просвет между деревьями.

Через несколько минут, поменяв на всякий случай направление, он вышел на край леса.

Однако на этом его приключение не закончилось. Когда он уже подходил к линии электропередачи, зазвонил мобильный. Варавва с удивлением считал с экрана номер шефа.

— Слушаю, товарищ полковник.

— Доброе утро, майор, — влился в ухо хрипло-

ватый басок Старшинина. — Надеюсь, ты в России?

— Уже вернулся, товарищ полковник.

— Где был?

— В Белоруссии, под Гомелем, на родине бабушки.

— В Белоруссии хорошо, я тоже отдыхал там как-то, под Брестом. Майор, нужно срочно убыть в Подуралье, в Пермский край. Уровень 5—5.

Сердце дало сбой. Сложность задания характеризовали уровни секретности — от единицы до пяти, и уровень сложности — тоже от одного до пяти, и сочетание 5—5 означало, что руководство Управления посчитало задание архиважным.

— Куда?!

— Пермский край, Усть-Кишертский район, деревня Молёбка.

«Не может быть!» — хотел сказать Варавва, но вовремя остановил язык. Мысли бежали торопливо, но все они представляли собой очередь вопросов, на которые полковник вряд ли мог ответить.

— И что там?

— С двадцать пятого августа, то есть с завтрашнего дня, в Молёбке начинается очередной межрегиональный этно-футуристический фестиваль «Молёбка: миф и реальность», в котором примут участие уфологи, эзотерики и писатели. Ни разу не слышал об этом?

— Совсем мало, там какая-то геопатогенная зона, часто видели НЛО...

— Уже хорошо, хотя зона там не патогенная, а существенно аномальная. Остальное я сброшу тебе на имейл. Так вот, в последнее время там, в этой самой М-зоне, НЛО стали видеть чаще, но самое главное — сегодня, час назад, когда в деревню уже начали съезжаться делегации, в том числе из-за бугра, был убит известный отечественный уфолог Барков. А неделю назад там же пропал без вести другой уфолог — Белобров.

— Чёрт побери! — вырвалось у Вараввы. Судя по всему, шурин чоповца Лёвушкина был настроен серьезно. Хотя связи между ним и собой Варавва по-

прежнему не видел никакой. Главный вопрос: откуда этот самый шурин узнал о предполагаемом визите в Пермь сотрудника отдела исследований аномальных явлений научного Управления ФСБ Кашина, если этот сотрудник, то есть сам Варавва, узнал об этом только сейчас? — оставался без ответа.

— Ты знал Баркова? — хмыкнул Старшинин. — Или Белоброва?

— Нет, просто... странно всё...

— Надо слетать туда.

— Я уже понял. Но ведь НЛО — не моя спецуха, этим контентом занимался другой эксперт.

— Капитан Супрун, он уволился месяц назад. Ты должен его помнить, встречались в «конторе».

— Не помню.

— Ты сейчас где территориально?

— Под Волоколамском, в Чисмене.

— Я пошлю машину, вылет из Домодедова после обеда, в четыре часа, успеешь. Проводку тебе обеспечат, в Перми встретят.

— Х-хорошо, — пробормотал Варавва.

— До связи. — Телефон замолчал.

Пришла мысль, что неплохо было бы расспросить чоповцев о пермских полицейских подробнее, но искать их по лесу не хотелось, да и момент был упущен, вряд ли после инцидента они остались на прежнем месте, дожидаясь возвращения обидчика.

Где-то недалеко засвистела электричка.

Варавва очнулся и быстрым шагом направился через небольшое поле к столбам линии электропередачи, за которыми виднелись дома посёлка.

*Большое Савино,
24 августа, вечер*

Самолёт сел в пермском аэропорту Большое Савино точно по расписанию.

За время полёта Варавва успел изучить материалы, присланные Старшининым по электронной почте, и

★ **14** знал о месте назначения достаточно, чтобы представлять себе, с чем ему придётся столкнуться.

Молёбский фестиваль, посвящённый этно-историческим корням края с упором на его легендарность, порождённую аномальной зоной и встречами с НЛО, проводился уже не первый год, начиная с две тысячи четырнадцатого. Его основателями считались Усть-Кишертская районная библиотека и отдел туризма и экскурсий Пермского министерства культуры. На него год от года съезжалось всё больше гостей из разных регионов России и даже зарубежных стран, а также собирались все местные любители «экзотических встреч с пришельцами», туристы и просто молодые люди, жаждущие приключений.

В первые годы весь фестиваль умещался в один день, несмотря на обилие конференций и конкурсов. Однако в нынешний, после того как были построены павильоны и шатры для всех желающих отдохнуть и поучаствовать в программе фестиваля, мероприятие разбили на две части, посвятив первую встречам учёных-уфологов и эзотериков, вторую — беседам с писателями и знакомством с творческими центрами.

Но этими встречами программа не исчерпывалась. В ней были и мастер-классы, и конференции на разные темы, и конкурсы (даже такие экзотические, как конкурс кулинарного искусства «Битва поваров»), инсталляция живых скульптур, велогонка, выступления песенных групп, театр моды, концерты мастеров искусств и даже балет.

Варавва, изучив программу, и сам был бы не прочь послушать знающих людей и поучиться у умеющих их мастерству. Тем более что, по отзывам в Интернете людей, побывавших на фестивалях, съезжались в М-зону действительно интересные личности, бескорыстно занимавшиеся изучением аномальных явлений. У Вараввы даже мелькнула мысль позвонить Старшинину и спросить, почему эксперты отдела и сам шеф не заинтересовались Молёбкой после посещения района группой капитана Супруна и не от-

правили туда серьёзную исследовательскую экспедицию. Всё-таки НЛО там и в самом деле наблюдали не раз. Однако мысль пришла поздно, когда он уже сидел в самолёте, и Варавва решил высказать шефу свои умозаключения после командировки.

В аэропорту его встретил молодой парнишка по имени Алексей, лейтенант, сотрудник местного отделения «конторы», спросил, как прошёл полёт, Варавва ответил, что всё нормально, и они подошли к чёрной «Волге» с местными «силовыми» номерами.

— Куда сейчас? — спросил Алексей, садясь за руль. — К нам в отдел?

— В гостиницу, — сказал Варавва; уже стемнело, и ехать сразу на место происшествия было бессмысленно, а в контору ехать не было нужды. — Где тут поблизости от Молёбки есть отель поприличней?

— Предлагаю «Сталагмит» в Кунгуре, это шестьдесят километров от Молёбки, ближе ничего не найдём. А из Перми ехать вдвое дальше.

— Хорошо, поехали в «Сталагмит». Интересное название.

— Гостиница сравнительно новая, позиционируется как гостинично-туристический комплекс, имеет свой бассейн. Организует экскурсии по Кунгуру и за город. Места у нас богаты церквями да монастырями, музеев много, очень приличный музей крестьянского быта — «Деревня Ермака». Имеются сказочные поляны, тематические уголки, центры всевозможных ремёсел. В общем, есть на что посмотреть. А «Сталагмит» стоит буквально в сотне метров от входа в знаменитую Кунгурскую ледяную пещеру. Не бывали?

— Не приходилось.

— Изумительно красивый подземный ход длиной больше километра. Пещеру облагородили, наладили подсветку, народ валом валит полюбоваться на сталактиты и сталагмиты. Я там был дважды, понравилось. Если хотите, можем устроить экскурсию.

— Некогда, — односложно отказался Варавва. Клаустрофобией он не страдал, но подземелья не любил

ни в каком виде, провалившись в детстве (ему тогда исполнилось всего шесть лет) в старые катакомбы и проплутав по ним трое суток. — Может быть, потом. Что известно об инциденте?

Проводник оценил настроение московского гостя, подобрался.

— В общем, пока ничего неизвестно, следователи только начали работать. Баркова нашли в общей палатке, он поселился там вместе с товарищем из Екатеринбурга. По предварительным данным, его убили ударом в шею. Удар был несильным, следов почти не осталось, но пришёлся в сонную артерию, мужик умер мгновенно. Это всё, что я знаю.

— Причины тоже неизвестны.

— Скорее всего.

— При нём были какие-нибудь бумаги?

— Не знаю, — виновато шмыгнул носом водитель.

— Кто занимается расследованием?

— Пермская бригада и местная полиция.

— А Чешко здесь?

— Вы его знаете? — с ноткой удивления в голосе спросил Алексей.

— Слышал от... его свояка.

— Не знал, что у него есть свояк. Вообще, по отзывам, это косорукий товарищ.

— Какой? — удивился в свою очередь Варавва.

Алексей улыбнулся.

— Взятки берёт. Но у него хорошие связи в областном УВД, недавно ему полковника дали, до этого в майорах ходил.

— Да, это характеристика. Он участвует в расследовании?

— Вряд ли, но его в Молёбке видели.

«Волга» добралась до окраин Перми, но в город въезжать не стала, свернула к трассе до Екатеринбурга.

— Ваши парни не подсоединились к расследованию? — спросил Варавва.

— По всем признакам, это обычная уголовщина, —

пожал плечами провожатый. — Нас никто не подключал, да и нужды в этом нет.

— Но у вас лично есть какое-то мнение?

Алексей помолчал.

— Уфологи вообще народ странный, а Барков был самым оригинальным. Если не считать пропавшего Белоброва. Кстати, в Молёвке сейчас находится двоюродная сестра Баркова, она журналист, сотрудник «Пермской правды», много раз интервьюировала брата и других учёных.

— Отлично, надо будет встретиться с ней. У вас есть её координаты?

— К сожалению, нет, могу узнать у знакомых, но вы её легко узнаете. — Алексей расплылся в улыбке. — Она там самая красивая. Двадцать семь лет, разведена, зовут Женя. Евгения Дарницкая.

— Спасибо.

Вопросы у Вараввы закончились, и разговор сам собой увял.

Молчали до Кунгура, к которому подъехали уже в одиннадцатом часу вечера. Алексей начал было рассказывать историю старинных зданий, мимо которых проезжала машина, однако Варавва слушал его вполуха, и гид замолчал.

Подъехали к гостинице, располагавшейся рядом с кручей, в основании которой и начинался вход в ледяную пещеру.

Гостиница оказалась достаточно вместительной, четырёхэтажной, с большим полукруглым павильоном справа, похожим на тир.

Алексей дождался, пока гость устроится, спросил:

— Что-нибудь ещё?

— Спасибо, ничего, — ответил Варавва. — Вы тоже здесь поселитесь?

— Нет, я в городе останавлиюсь, у меня тут родичи живут. Когда отправимся в Молёбку?

— Чем раньше, тем лучше. Сколько туда ехать?

— Погода хорошая, на удивление, поэтому доберёмся за час.

— В таком случае жду вас в семь часов утра.
Алексей подал руку, и на этом они расстались.

Варавва спросил у молоденькой администраторши, работает ли ресторан, и получил ответ:

— С восьми утра до десяти вечера. А бар работает допоздна, — добавила девушка.

Только теперь Варавва обратил внимание на стойку бара справа от окна ресепшн, оглядел ассортимент предлагаемых блюд и остался доволен. В меню входили быстро разогреваемые супы и вторые блюда, так что с голоду умереть ему бы не дали.

Поднялся на третий этаж на лифте, открыл дверь одноместного номера, осмотрелся, бросил сумку с вещами в шкафчик, не распаковывая. Умылся, спустился вниз, в бар, заказал понравившееся видом блюдо — «Трофей Ермака», состоящее из трёх видов мяса: кролика, индейки и свинины, а также зелёный чай и пирожки с вишнями. Уселся за отдельный круглый столик у стенки бара, хотя мог бы устроиться и на большом диване; всего бар мог вместить не менее трёх десятков посетителей.

Однако гостей этим вечером было мало. У стойки за соседним столиком устроилась молодая пара с дочерью лет пяти, да на кожаном диване за фикусами вели беседу двое пожилых джентльменов и женщина. Летний сезон кончился, и гостиница наполовину опустела, несмотря на необычайно тёплый август.

Варавва поужинал, с удовольствием напился зелёного чаю, полистал местную прессу. Бегло оглядел семейную пару, определив, что молодые люди явно в ссоре, судя по их репликам. Допил чай, собрался подняться к себе в номер, и в этот момент в гостиницу вошли двое полицейских в чёрных кожаных куртках и фуражках, капитан и сержант. Оба окинули холл специфическими и щущими и взглядами и устремились вслед за Вараввой.

— Эй, гражданин, — окликнул его капитан. — Варавва оглянулся. — Ваши документы, — продолжал капитан мальчишеским баском; у него были широкие скулы и крохотные губы жителя севера.

— Предъявите, — добавил громила-сержант замогильным голосом; он был выше Вараввы на целую голову.

— А в чём дело? — спокойно осведомился майор, хотя в голове и мелькнула мысль о связи представителей охраны правопорядка с таинственным начальником УВД Усть-Кишерти. — Я веду себя неправильно?

— Документы! — Сержант опустил руку на рукоять резиновой дубинки, висевшей на поясе.

Кровь бросилась Варавве в лицо, но он сдержался.

— У меня есть право потребовать документы от вас. Предъявите, пожалуйста. Кто вы, откуда, по чьему приказу действуете?

Полицейские переглянулись.

— Ты чо, сдурел? — выкатил блёклые глаза сержант.

— Вы отказываетесь? — осведомился капитан, топорща соломенные усики.

— Представьтесь! — сдвинул брови Варавва.

— Вам придётся проехать с нами.

— Щас! — насмешливо шаркнул ножкой Варавва. — Только грудь побрею.

— Ах ты, козёл! — набычился сержант, хватаясь за рукоять дубинки.

Варавва дождался, пока дубинка окажется в руке полицейского, в три движения выхватил дубинку и упёр её конец в кадык сержанта.

— Замри! В больницу ляжешь надолго!

Сержант послушно застыл с выпученными глазами, расставив руки-грабли.

Капитан оцепенело потянулся к пистолету на левом боку.

Варавва покачал головой.

— Не советую, малыш. Предлагаю сесть на диванчик и вежливо поговорить. Я майор Кашин, московская «контора». Кто вы?

Полицейские снова обменялись неуверенными взглядами.

Сидевшая на диване компания торопливо поднялась и опасливо отступила к кабинке с монитором охраны. Сидевший за экраном пожилой пузатый охранник встал, вышел к бару.

— Помочь, товарищ капитан? Могу вызвать наряд...

— Я тебе вызову! — недобро усмехнулся Варавва. — Займись своим делом. Ну, так как, граждане полицаи?

— Сядем, — решил капитан.

Собравшаяся было небольшая группа постояльцев гостиницы начала рассеиваться.

Сели на диван: полицейские справа, Варавва слева, ближе к фикусу.

— Кто вас послал?

— Мы не имеем права... — начал капитан кисло.

— Нарушать закон вы имеете право, а соблюдать его — нет? Кто послал? Не Чешко случайно?

Полицейские одновременно вытаращили глаза; получалось это у них артистично.

— Вы его... знаете?

— Отвечайте на вопросы.

— Да, он.

— Откуда он знает, что я прибыл в Кунгур?

— Спросите у него.

— Спрошу, конечно. То есть вы не знаете, что ему было нужно. Может быть, просто задержать на время следствия?

— Нам предписано проверить документы...

— И ради этого вы ехали из Усть-Кишерти в Кунгур?

— Проверить... задержать... доставить в Пермь...

— Ага, я таки был прав. Но если ваш начальник знает, кто я такой и где работаю, как он собирался объяснить свои действия «конторе?»

Капитан начал потеть, снял фуражку, пригладил влажные волосы, снова надел.

— У вас липовые корочки... якобы...

Варавва достал удостоверение с вытисненными золотом на корочке российским гербом и надписью

«Федеральная служба безопасности Российской Федерации». Полицейские вытянули шеи, разглядывая удостоверение. Варавва раскрыл, показал фотографию.

— Вы считаете, что существуют кретины, подделывающие такие документы? Один мой звонок, — даже не в Москву — в Кунгур, — и через полчаса вы будете сидеть в «обезьяннике» города! Устраивает вас такая перспектива?

Новый обмен взглядами.

— Извините, товарищ майор... нас не предупредили...

— Идите. — Варавва встал.

Полицейские дружно вскочили.

— Передайте полковнику... впрочем, я сам ему всё скажу. Свободны.

Полицейские козырнули и, не глядя ни на кого, поспешили из холла наружу.

Варавва смотрел им вслед. Цель полковника Чешко была понятна — не допустить сотрудника ФСБ на территорию М-зоны. А вот чего он боялся, было неизвестно.

*Деревня Молёбка.
5 августа, утро*

Машину оставили буквально за статуей пришельца, поставленной энтузиастами у въезда в деревню, дальше пошли пешком.

Об инциденте в гостинице Варавва рассказывать Алексею не стал. Пермский чекист (лейтенант со стажем работы всего в два года, как он признался) вряд ли посоветовал бы что-нибудь дельное.

Утро только вступило в свои права, свежее, тихое, с далёкими криками петухов; ночные тучи убралось на запад; день обещал быть таким же тёплым, каким сложился весь август.

Гости только начали съезжаться к Молёвке, ещё не зная о трагедии, ставили машины на специальной

стоянке и шли стайками к палаточному городку. Но их было ещё не много. Основные мероприятия фестиваля должны были начаться не раньше десяти часов утра. Лишь в нескольких палатках, установленных двумя длинными рядами, сновали владельцы, расставляя лотки, разжигая мангалы и вывешивая таблички с надписями типа: «Шашлык-башлык, пальчики оближешь!»

Жилая зона фестиваля начиналась ближе к домам деревни, многие из которых действительно выглядели печально. Большинство жителей Молёбки давно разъехалось по окрестным сёлам и городам, а их дома развалились. В последние годы поток туристов в Молёбку значительно вырос, поэтому районное начальство наконец отреагировало на запросы гостей обустройством быта сельчан. Ближе к реке Сылве началось строительство уфологического заказника. Но до постройки гостиницы и стационарной столовой дело пока не дошло. Поэтому для посетителей М-зоны возвели палаточный городок на всё лето, где можно было разместить до трёхсот любителей экстрима.

Название «Молёбка» деревня получила от молебного камня, которому поклонялись местные жители — манси. В демидовские времена в Молёбке жили около четырёх тысяч человек, выплавляли чугун, делали картечь, ядра, отливали пули для фузей. К моменту приезда Вараввы, как ему поведал Алексей, в деревне осталось всего три десятка жителей, с полсотни полуразвалившихся хат да старая церковь.

— А с чего начался шум вокруг деревни? — спросил Варавва.

— В тысяча девятьсот восемьдесят третьем году геолог Бачурин обнаружил недалеко от деревни круглый след от посадки НЛО диаметром шестьдесят два метра, — ответил Алексей. — С той поры и начали тут искать зелёных человечков, тем более что и раньше наблюдали всякие огни и светящиеся шары.

Подошли к ряду палаток, ещё почти не обжитых гостями фестиваля.

Никакого оцепления вокруг жилой зоны видно не было, лишь у крайней брезентовой палатки стояла небольшая группа мужчин: двое в штатском и полицейский.

Варавва с Алексеем подошли к ним, поздоровались. Им ответили, хотя и недружно. Полицейский с погонами старшего лейтенанта выглядел форменным стариком, ему никак нельзя было дать меньше шестидесяти лет. Бедняга, подумал Варавва с сочувствием, дослужился к пенсии только до старлея.

Его спутниками были костистолицый молодой парень с цепкими глазами и мужчина постарше, с седым ёжиком волос, накачанный так, что плащ на нём готов был лопнуть от напора мышц.

— Вы кто? — спросил полицейский; у него было серое лицо неславящего человека.

— Варенов, — представился Алексей, — пермское отделение ФСБ. Это майор Кашин из Москвы.

— Меня не предупредили, — хмуро сказал старлей.

— Это имеет какое-то значение? — осведомился Варавва. — Представьтесь.

— Петухов... усть-кишертское УВД...

Варавва перевёл взгляд на спутников старлея.

— Вы ведёте расследование?

— Так точно, — подтянулся костистолицый аскет. — Капитан Шульман, начальник следственного отдела УВД. Это следователь Борщевский.

Седой кивнул. Шея у него была короткая, толстая, отчего казалось, голова выросла в плечи, и поклон удался с трудом.

— Введите меня в курс дела.

— Да мы вроде доложили наверх, — сказал Шульман.

— Капитан! — проникновенно сказал Варавва. — Я уже заметил, что все подчинённые полковнику Чешко ведут себя по-хамски. Разумеется, мы сделаем выводы и предъявим ему свои претензии, задержался человек в этих краях. Поэтому давайте договорим-

ся: хотите остаться в полиции? Делайте своё дело и помогайте. Не хотите — я найду других помощников.

Шульман побледнел, потом вспыхнул, открыл рот, собираясь дать ответ, но встретил предупреждающий взгляд Вараввы и удержался от возражений.

— Слушаюсь... товарищ майор.

Варавва посмотрел на глыбистого следователя, изучавшего его жёлтыми, как у рыси, глазами.

— Патологоанатом дал заключение?

— Дал, уже уехал.

— Труп здесь?

— В палатке.

— Идёмте, расскажете подробности.

Засуетившийся старший лейтенант распахнул полог палатки, в которой могли поместиться с десяток человек. Варавва вошёл в палатку вслед за ним.

Внутри было темно, однако свет к палаткам был подведён, щёлкнул выключатель, и внутри зажёгся единственный плафон под полотняным потолком.

Варавва насчитал восемь кроватей, а точнее — солдатских лежаков, заправленных со спартанской строгостью.

Труп уфолога лежал на крайней кровати, лицом вверх. Щёки у него побелели, губы посинели, чёрты красивого лица расслабились, и от тела веяло холодом.

Варавва подошёл, осмотрел лицо, шею, не притрагиваясь к коже мертвеца.

На шее Баркова виднелась небольшая припухлость, но именно она и указывала на причину смерти: убийца уфолога попал точно в сонную артерию, после чего у потерпевшего случился болевой спазм, и сердце остановилось. А ударить так точно мог только профи высокого уровня, обучавшийся приёмам смертельного касания.

— Я могу ознакомиться с медзаключением?

— Нет, — буркнул следователь. — Только по официальному запросу.

Варавва поднял бровь, посмотрел на равнодушное

мясистое лицо здоровяка, не выражавшее никаких эмоций.

— А если я предъявлю вам бумагу о содействии, это будет считаться запросом?

— Прошу прощения, но я подчиняюсь своему начальству.

Варавва понял, что не только Чешко не желает помогать московскому представителю, но и всё местное силовое начальство, что наводило на определённые размышления.

Пропажа уфолога Белоброва и смерть уфолога Баркова были связаны с М-зоной, и убили последнего, очевидно, из-за неких происходивших здесь событий. Варавва почувствовал растущий азарт. Ему сильно захотелось выяснить причины инцидента и найти тех, кто за ним стоял. Расследование обещало быть нетривиальным.

— Алексей, найди, — позвал он.

В палатку вошёл лейтенант.

— У тебя есть связь с вашим штабом? — спросил Варавва.

— Есть, конечно.

— Мне нужен главный.

— Полковник Зайцев.

— Звони, я хочу вызвать сюда ЧП-бригаду.

Алексей взялся за мобильный.

Следователь и полицейские переглянулись.

— Это... зачем? — спросил капитан.

— Так как вы не расположены выдавать требуемую мне информацию, вас сменят сотрудники моего ведомства. А я подам рапорт о вашем несоответствии служебному положению. Все свободны.

— На линии. — Алексей подал смартфон Варавве.

— Э-э... погодите, — забеспокоился Шульман, обменявшись ещё одним взглядом со следователем. — Так нельзя... мы не отказываемся...

— Минутку, товарищ полковник. — Варавва накрыл мобильник ладонью. — Будем работать или продолжите ставить палки в колёса?

— Будем...

— Доброе утро, товарищ полковник, майор Кашин, Управление «Н». Вас должны были предупредить.

— Да, я в курсе, — ответил начальник пермского УФСБ густым прокуренным басом.

— Извините за ранний звонок. Мне может понадобится спецгруппа, как быстро вы сможете перебросить её в Молёбку?

— Всё так плохо?

— Прогноз, — усмехнулся Варавва.

— У меня в Кунгуре трое...

— Речь идёт о спецконтингенте быстрого реагирования.

— Его ещё надо собрать.

Варавва начал злиться, так как ему показалось, что начальник УФСБ тоже не слишком расположен помогать представителю центральной «конторы» и тянет время.

— Так соберите.

— Часа три-четыре... если машинами.

— А если «вертушкой»?

— Необходимо обоснование...

— Получите.

— Через час.

— Подготовьте, пожалуйста. — Варавва вернул мобильный, по очереди осмотрел посмурневших мужчин. — У меня ещё есть вопросы, первый: у Баркова были враги?

Шульман и старлей устремили взоры на следователя.

— Следствие только началось, — нехотя проговорил Борщевский. — Сведений мало. По отзывам, он был не слишком общителен, ни с кем не дружил.

— Женат?

— Разведён. Хотя женщины у него были.

— Круг подозреваемых? Опросили свидетелей?

— Говорю же, мы только начали работать. Никто не видел, кто заходил в палатку и кто вышел. Свидетелей нет.

— На ограбление этот случай не похож. У него что-нибудь пропало?

— При нём ничего не нашли, только паспорт и мобильный телефон.

— Странно, человек ехал сюда делать доклад и не взял материалы?

Косой перегляд мужчин подсказал Варавве, что от него многое скрывают.

— Кто его встречал?

— Ну, я, — буркнул полицейский.

— Он приехал один?

— С женщиной.

— Она здесь?

— Это журналистка из Перми, но она уехала в Усть-Кишерть ещё вчера вечером и ничего не знает. По идее, должна приехать, нам тоже хотелось бы задать ей пару вопросов.

— Хорошо, продолжайте разбираться. Будут новости — найдите меня.

Варавва бросил взгляд на синее лицо уфолога и вышел. Алексей вышел вслед за ним.

— Я вам нужен, товарищ майор?

— Пока нет, поброжу по деревне, по лагерю, осмотрюсь и позвоню.

— Вы и в самом деле хотите вызвать спецгруппу?

— Это пока моё предположение. Всегда лучше, когда не надо, но есть, чем когда надо, но нет.

Алексей улыбнулся, кинул два пальца к виску и направился к стоянке машин.

— Ты это, майор, не гони лошадей, — пробурчал появившийся из палатки следователь. — Здесь не Москва, другие порядки.

— И как вас понимать, господин Борщевский? — с любопытством спросил Варавва, вдруг окончательно осознавая, что за смертью Баркова, пропажей Белоброва и поведением Чешко и его подчинённых прячется та и на.

— Всяко случается, — пожал круглыми плечами следователь, отворачиваясь и делая шаг обратно в палатку.

— Эй, дядя, — негромко окликнул его Варавва. — Спасибо за предупреждение. Случись что, ты будешь первым, кого отсюда этапируют в Москву.

Лицо следователя вытянулось, глаза налились нехорошим блеском.

— Это... угроза?

— Это обещание. — Варавва поклонился и зашагал прочь.

Молёбка, М-зона.

25 августа, 11 часов утра

Погода расстаралась на славу, и уже к началу открытия фестиваля (приехавшее районное начальство решило не отменять праздник) температура воздуха на берегу Сылвы поднялась выше двадцати градусов. День и в самом деле обещал быть солнечным и тёплым.

Варавва на торжественном открытии мероприятия, хотя и омрачённом трагическим событием, не был. Он успел обойти окрестности, познакомился с фестивальной поляной, окружённой палатками, демонстрирующими изделия местных ремёсел, осмотрел строящиеся справа от церкви дома заказчика, побродил по берегу реки и съел шашлык в одной из продовольственных палаток, оборудованных мангалами, а также попробовал привезённые на конкурс местные яства. Особенно понравились солёные рыжики, пироги с лесными ягодами и молоко «из-под коровы», как утверждали разодетые в русские вышиванки кулинары, в основном женщины.

К одиннадцати часам гости стали расходиться по павильонам, где готовились встречи с учёными, уфологами, собирателями фольклора и писателями.

Варавва собрался было посмотреть на сбор уфологов, ознакомиться с их фотоматериалами, снимками НЛО, но в это время к нему подбежал запыхавшийся Алексей.

— А я вас ищу.

— Да я вроде не скрывался. Подругу Баркова не видел?

— В связи с ней я вас и искал. Она приехала из Усть-Кишерти минут пятнадцать назад, и её забрали полицейские.

— Что значит — забрали?

— Встретили на подъезде, усадили в «воронок», и она теперь под охраной сидит в их машине на другом конце деревни. Туда и следователь порысил.

Варавва помял пальцами подбородок.

— Парни не хотят, чтобы я с ней встретился. Или есть другая причина? Она что-то знает?

— Может быть, и то, и другое.

— Проверим. — Варавва посмотрел на часы, прикидывая, где в данный момент по московскому времени может находиться Старшинин; рано беспокоить начальника отдела не хотелось, в Москве было только девять часов утра. — Веди.

Алексей поспешил вперёд.

Возле крайнего, если считать от церкви направо, уцелевшего дома под дощатой крышей, потемневшей от времени и непогоды, действительно стоял синий «УАЗ», неизвестно как сохранившийся с советских времён. Возле него никого не было видно, даже водителя. Усть-кишертские полицейские, очевидно, увели пленницу в дом и сами находились внутри.

— Полковник Чешко не приехал? — поинтересовался Варавва.

— Не видел, — мотнул головой раскрасневшийся от ходьбы лейтенант. — Его невозможно будет не заметить, с ним обычно тусуется человек десять оперов.

— Откуда тебе это известно?

— Он и в Пермь приезжал как король, со свитой.

— Что ж, нарушим планы его подчинённых. — Варавва отодвинул ветхую калитку и первым направился к дому.

В прежние времена дом, скорее всего, принадлежал колхозному хозяйству, и располагалась в нём какая-

то мастерская, судя по невыветрившимся запахам масел, кожи и ржавого железа. Сени в нём отсутствовали. Единственную комнату с тусклыми окошками заполняли верстаки и ящики. Кое-где по стенам висели дряхлые пыльные хомуты, ржавые серпы и тряпки. Возможно, здесь хотели сделать некий музей «соцбыта», но забросили дело, и все остальные экспонаты были вывезены или украдены.

Возле одного из верстаков расположилась группа мужчин: знакомые полицейские — капитан Шульман и старлей, незнакомые — сержант и парень в штатском, и следователь Борщевский. А напротив, с другой стороны верстака, стояла женщина, от вида которой у Вараввы ёкнуло сердце.

Алексей не преувеличивал: она была красавицей!

На миг память выдала строки поэта: «Но что есть красота, и почему её обожествляют люди? Сосуд она, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде»?

Евгения Дарницкая была одета в джинсовый костюм, сидевший на ней как вторая кожа. У неё были большие лучистые серые глаза, высокий лоб, брови вразлёт, изящный носик и коралловые — ненакрашенные — губы. Плюс водопад золотистых волос чуть ли не по пояс.

Она стояла свободно, раскованно, сумочка через плечо, и лишь над переносицей пролегла морщинка, говорившая, что женщина огорчена или сердится. Когда Варавва вошёл, морщинка эта исчезла, хотя вопрос в глазах Евгении остался. Она ещё не знала, кого представляет новый гость.

Оглянулись и мужчины. Возникла немая сцена, которую разрушил Варавва.

— Доброе утро, джентльмены, — непринуждённо сказал он, проходя на середину помещения. — Кажется, я вовремя. Это и есть госпожа Дарницкая?

Никто не тронулся с места, никто не сказал ни слова.

— Это Женя, — подтвердил Алексей. — Э-э... Евгения Леонтьевна, журналистка.

— Мне бы хотелось задать ей несколько вопросов. Шульман очнулся.

— Она... даёт показания... нам.

— Выбирайте выражения, господин полицейский, — досадливо поморщилась женщина. — Я буду разговаривать с вами только в присутствии адвоката. По какому праву вы задерживаете меня и допрашиваете?

— По праву... м-м... расследования убийства... вашего знакомого.

— Я сама узнала об этом только что и ничего не знаю.

— Тем не менее нам хотелось бы выяснить кое-какие обстоятельства...

— Ничего говорить не буду, пока здесь не появится адвокат!

Варавва сделал шаг вперёд.

— Капитан, вам знакомы слова «презумпция невиновности»?

— Ну-у... да.

— Вы понимаете, что не имеете права задерживать человека без веских причин?

— У нас есть причина, — угрюмо проговорил Борщевский. — Убит известный учёный.

— И что с того? У вас есть доказательства её причастности к его смерти?

— Она видела его последним. Мы имеем полное право вести расследование...

— Вести расследование — имеете, задерживать и допрашивать как преступницу — нет! Господин Борщевский, сколько лет вы работаете в следственных органах?

— Зачем это вам? Ну... восемь.

— И вы не знаете таких элементарных вещей? Я ведь уже предупреждал: обязательно укажу в рапорте о ваших действиях. — Варавва посмотрел на Дарницкую. — Извините за неправоное поведение моих коллег, Евгения Леонтьевна, они переусердст-

вовали. Пойдёмте, поговорим без свидетелей, если не возражаете.

Дарницкая смерила его взглядом и, видимо, поняла, что её пытаются избавить от общества местных полицейских. Выйдя из-за верстака, она оказалась одного роста с Вараввой, хотя и он не был малышом при росте в сто восемьдесят пять сантиметров.

— Она... останется... здесь, — всё так же угрюмо, с паузами, проговорил следователь.

— Она... пойдёт... со мной! — с такими же паузами между словами, но железным голосом сказал Варавва. — Если появится полезная для следствия информация, я сообщу.

Стоявший рядом с капитаном молодой человек в сером костюме и водолазке сунул руку под борт пиджака. У него было узкое, как лезвие ножа, лицо и близко посаженные чёрные глаза. Он был широкоплеч, гибок, ощутимо силен и опасен. Варавва мгновенно оценил в нём оперативника высокого класса. И ещё ему показалось, что он этого молодого человека где-то встречал.

— Хорошо, — проворчал Шульман, отрицательно качнув головой в ответ на движение парня. — Надеюсь, вы поможете следствию. Нам тоже хотелось бы задать мадам Дарницкой пару вопросов.

Варавва встретил взгляд чёрных, с поволокой и шалым блеском, глаз парня в штатском, постарался не выдать своих чувств и вышел из дома, пропустив вперёд журналистку и лейтенанта. Интуиция подсказывала, что с этим мачо ему ещё придётся столкнуться на фестивале.

— Кто вы? — обернулась Евгения, оказавшись за калиткой.

— Майор Кашин, — ответил Алексей за Варавву. — Московская «контора».

— Контора?

— Федеральная служба безопасности.

Брови женщины изогнулись, в глазах протаяли удивление, любопытство и странная надежда.

— Так вы из Москвы?

— Абсолютно верно, — кивнул Варавва, подал руку. — Варавва Витальевич, можно просто Варавва, Вар и даже короче — ВВ.

Евгения улыбнулась, и у Вараввы сердце снова дало сбой, настолько красивой была эта лучезарная, немного печальная улыбка.

— Очень приятно, Женя. — Рука женщины была холодной и мягкой. — Благодарю вас за освобождение от этой не очень приятной компании. Я и в самом деле не предполагала, что возникнет такая ситуация. — По лицу журналистки прошла горестная тень. — Ермошу убили... за что?! Почему?! Он же никому не сделал ничего плохого! Мы расстались вчера нормально, он был весел, закончил давнюю свою работу по шаманизму...

— Давайте присядем где-нибудь, поговорим, — предложил Варавва. — Алексей, павильоны все заняты?

— Павильоны — все, но я видел пустые палатки.

— Поищи одну.

— Подождите, я бы хотела посмотреть на... Ермошу. — Имя погибшего Евгения произнесла шёпотом.

— Иди, — махнул рукой Варавва.

Лейтенант исчез.

— Лучше этого не делать, — посоветовал Варавва. — Местная полиция не желает помогать и ревниво следит за всем происходящим. У меня вообще складывается впечатление, что она знает мотивы преступления и самого преступника, но хочет это скрыть.

— Как его убили?

— Ударом в шею. Бил профессионал. Случайно такие удары не наносятся. Вы вчера с ним приехали?

— К вечеру, на редакторской машине, из Перми. Он остался, а я уехала в Кишертъ, у меня там подруга живёт, в библиотеке работает.

— У него были с собой какие-то вещи?

— Только плоская сумка наподобие «дипломата»,

он возил в ней планшет, личные вещи и какие-то бумаги.

Варавва вспомнил ответ Шульмана.

— А мне сказали, что при нём ничего не было.

— Враньё! — Евгения передёрнула плечами. — Значит, ради этого «дипломата» его и убили. Ермолай хвастался, что везёт на фестиваль бомбу.

— Бомбу?

— В переносном смысле. Он уже два года изучает М-зону, всё здесь исколесил, по рекам на лодках плавал, искал точку выхода.

— Какую точку?

— Он считал, что НЛО появляются из-под земли в определённых местах, через расщелины или шахты, а в глубинах М-зоны прячется база пришельцев.

Варавва спрятал улыбку.

— Ну, в этом он не сильно оригинален. Большинство уфологов тоже утверждает о присутствии в подземных пещерах баз пришельцев.

— Да, но он признавался, что вычислил, а потом нашёл точку выхода.

— Где? — недоверчиво прищурился Варавва.

— Где-то в скалах на реке Вязовке.

Варавва сдвинул брови, подобрался. Его фантазии неожиданно начали находить реальное подтверждение, хотя неясных обстоятельств в затронутой теме оставалось ещё предостаточно.

Мимо пробежала стайка школьников, за ними просеменили какие-то старушки в старинных платьях.

— Поговорим поподробнее без свидетелей, — решил Варавва. — Не возражаете?

— Как скажете. — Лицо Евгении стало безучастным, взгляд застыл. Она вспоминала приятеля. Ермошу. Варавве очень захотелось спросить, кем он ей был, но задать этот вопрос он так и не решился.

Подбежал Алексей.

— Пойдёмте, там с краю от въезда палатка дежурных по лагерю, в ней можно спокойно посидеть какое-то время.

Пробились сквозь толпу зрителей, собравшихся посмотреть на старт велосипедистов, миновали стоянку с полусотней машин разного калибра, остановились у зелёной брезентовой палатки с табличкой: «Охрана».

— Можно? — спросил Алексей у двух парней в камуфляже, но без погон, прохаживающихся поодаль.

— Заходите, — отозвался крупнотелый блондин, бросив восхищённый взгляд на Евгению.

Алексей отступил в сторону.

— Кофе принести?

Варавва посмотрел на спутницу. Та равнодушно повела плечиком.

— Принеси, если не трудно, — согласился Варавва. — И чего-нибудь к кофе, баранки там, пирожки.

Зашли в палатку, где располагалась раскладушка, столик с монитором компьютера и два раскладных стульчика, сели.

— Расскажите, над чем работал Барков. Мне говорили, что он создал целую теорию о пришельцах.

Евгения очнулась от дум, уголки губ женщины печально опустились.

— Ермолай был талантливым человеком. Закончил Томский госуниверситет, работал учителем физики, потом увлёкся уфологией и объездил всю Россию и полмира в поисках НЛО. Участвовал в двух десятках экспедиций. Последние два года изучал молёбский аномальный треугольник. Кстати, вы же работаете в ФСБ?

— Верно, послан сюда начальством разобраться с обстоятельствами гибели Баркова и пропажи Белоброва. Всё-таки аномальная зона, где люди, образно говоря, исследуя неизвестное, получают непонятное. Отдел Управления «Н», в котором я служу, как раз и занимается такими вещами.

— В таком случае я не понимаю, почему ваш отдел не занялся Молёбкой раньше. НЛО тут летают не меньше сорока лет.

— Во-первых, я работаю в отделе всего около го-

да. Во-вторых, до меня у вас работали наши эксперты, я читал их отчёт. Но в нём нет ничего особенного. Мест, где в России наблюдают НЛО, больше тысячи, молёбская аномалия мало чем отличается от других. Ну, разве что количеством фотоматериалов.

— Не только.

— Вот об этом я хочу поговорить. Так что за теорию в действительности сочинил Барков?

— Не сочинил — разработал.

— Извините.

— Он автор двух больших работ — по шаманизму и по экспансии инопланетных цивилизаций.

— Как это сочетается?

— Если учесть, что «духи верхнего мира», вызываемые шаманами, по сути — инопланетяне, то очень даже сочетается. Конечно, я не всё читала и не все идеи Ермолая восприняла, но поняла главное: он считал, что космос населён разновидностями жизни, для которых в большинстве своём планеты не имеют особого значения. То есть он имел в виду, что основная жизнь во Вселенной — тонкоматериальна. А люди, мы с вами, представляют собой грубоматериальную аномалию.

— Интересно!

— Да, я тоже увлеклась... после знакомства с ним, мне год назад предложили написать интервью... хотела даже большую статью написать о Ермоше и его теории, но... — она беспомощно развела руками, — не успела.

— Допустим, он прав, жизнь в космосе тонкоматериальна, как это можно доказать? Мы ещё до Марса не долетели.

— Не важно, куда не долетели мы, важно, что инолайфы — так называл жителей космических пространств Ермоша, прилетели к нам и давно завоевали Землю.

— Если верить мифам.

— Ермолай обработал все существующие мифы и легенды с помощью специальной программы на ком-

пьютере и получил однозначный ответ: человечество находится под контролем.

— Об этом говорят не только уфологи, но и писатели-фантасты, — улыбнулся Варавва.

— Но далеко не все учёные разрабатывают идеи с такой скрупулёзной тщательностью. Ермолай утверждает, что инолайфы...

— Пришельцы?

— Пусть будут пришельцы, они не живут среди людей в своих материальных оболочках, они используют наши тела. И пособников ищут среди нас, зомбируют проводников своих идей — так называемых пророков. Ближневосточный регион, по его мнению, где укоренился ислам, является основной территорией распространения заразы. А на других материках располагаются пункты обслуживания энергоинформационных структур.

— НЛО.

— НЛО лишь эффекты работы этих пунктов.

— А на Украине?

— На Украине сработал вторичный зомбирующий контур — американский. Инолайфы сначала закодировали США, а потом спецслужбы США начали распространять их идеологию по всему миру, доломали СССР, обрушили украинскую этноструктуру, тем более что запас предательского негатива по отношению к истинному человечеству в этой социальной общности был очень велик.

— Бандеровцы? Нацисты?

— И до них в этой крови хватало агрессивности и ненависти к иным этносам.

— Хорошо, вернёмся к нашим баранам, — сменил тему Варавва. — Ну, а здесь, в М-зоне, что нашёл ваш Ермолай... э-э...

— Мартович. — По губам Евгении скользнула горькая улыбка. — Мой... он был на сто процентов свой, никто ему был не нужен... Вы мне не верите?

— Верю! — поспешил он возразить. — По вашим словам, Барков вёз сюда некий доклад-бомбу; что он

собрался продемонстрировать? И не за эту ли готовность выдать тайну его убили?

Евгения передёрнула плечами.

— Может быть.

— Вы знаете? Он вам рассказывал?

Евгения замялась, что-то решая для себя.

— Если Ермошу убили... из-за его открытия...

— Не беспокойтесь, вы теперь под моей защитой! — Фраза прозвучала по-мальчишески хвастливо, и Варавва торопливо исправился: — Под защитой «конторы».

Впрочем, Евгения не обратила внимания на его слова.

В палатку прилетел взрыв смеха, далёкие голоса, обрывки музыки, чьи-то громкие объявления. Фестиваль зажил своей жизнью, и даже известие о гибели уфолога не испортило его торжественности и ожиданий гостей. Хотя, подумал Варавва мимолётно, может быть, о смерти Баркова никто и не объявлял, чтобы не портить проведение давно запланированного мероприятия.

Алексей принёс кофе в пластиковых стаканчиках и пакет с баранками и пирожками.

— Чешко приехал, — сообщил он. — С ним целая бригада оперов, в форме и в штатском, человек пятнадцать.

Варавва напрягся. Ничего хорошего прибытие начальника усть-кишертской полиции не сулило.

— Машины сюда не подъезжали.

— Они приехали с другой стороны, через Выселки.

— Покарауль возле палатки, чтобы нам никто не помешал беседовать. Да, и за кофе спасибо.

— Не за что. — Алексей шмыгнул за полог палатки.

— Мы так и не дошли до бомбы Баркова, — вежливо напомнил Варавва. — Это секрет?

— Молёбская зона — очень необычная. Я потому и удивилась, что ваша служба не занималась ею всерьёз. Здесь везде магнитные аномалии, вода разная, хотя река одна. Там, где Пирамидки, — часы у

людей отстают. Группа доцента уфимского авиационного института Горюхина эксперимент проделала — поместила в термос часы и оставила в зоне на сутки, так часы отстали аж на пять с лишним часов! По Ведьминым Кольцам часами можно ходить и не выйти из зоны, хотя её диаметр всего полтора километра. В общем, странно, что ваши специалисты ничего этого не заметили.

Действительно, странно, подумал Варавва озабоченно. Надо спросить у Старшинина, почему материал не пошёл наверх. И почему уволился капитан Супрун, возглавлявший группу экспертов.

— Пейте, а то остынет. Вы видели эти часы?

Евгения взяла стаканчик с кофе, пригубила.

— Ермолай участвовал в эксперименте, он и рассказал. У него вообще накопилось множество наблюдений и фактов, хватило бы на две диссертации. — Женщина сморщилась. — Один раз он даже едва не погиб из-за того, что на него упала «тарелка».

«С супом?» — хотел пошутить Варавва, но сдержался.

— Большая?

— Дело не в размерах, она излучала какое-то поле, и Ермолай спасся тем, что нырнул в воду. Но не это главное. — Женщина взяла пирожок, откусила, кивнула сама себе. — Вкусно...

— Это вся бомба?

— Нет, я же говорила — он нашёл точку выхода НЛО в зоне.

— Это другое дело. Где? Далеко отсюда?

— За урочищем Скопино, на реке Вязовке. Она маленькая, вытекает из болота, а в одном месте у неё крутой берег, скалы.

Варавва почувствовал прилив энтузиазма. Интуиция подсказывала, что он на пороге эпохального открытия.

— Вы знаете, где это место?

— К сожалению, нет, только из слов Ермолая, он там проплывал на лодке и что-то увидел.

— Он один плыл?

— Нет, с кем-то из местных жителей, но с кем конкретно, не знаю.

— Ладно, это уже кое-что, — бодро проговорил Варавва. — Попробуем определиться. Что ещё он вам рассказывал?

Ответить Евгения не успела. В палатку заглянул Алексей.

— К нам гости.

— Кто?

— Господин Чешко.

Глаза Евгении стали большими и тревожными.

— Это... нехороший человек... про него плохие слухи ходят.

— Да уж знаю, — усмехнулся Варавва. — Его клеветы меня даже в Подмоскowie нашли. Ничего, я не в комитете по утапыванию мостовой работаю. Не делитесь с ним, над чем работал Барков, хорошо?

Полог палатки резко отдернули, дюжие хлопцы в полицейских куртках оттолкнули Алексея в сторону, устались на сидящих Варавву и Евгению. За ними виднелась целая группа мужчин, из которых полковник Чешко выделялся дородной фигурой, пузом и мясистым красным лицом. Ему было жарко, и начальник усть-кишертского УВД то и дело промокал платком лоб и щёки.

— Выходите, — буркнул полицейский-брюнет.

Глаза Евгении выразили удивление. Она была шокирована грубым тоном представителя закона.

Варавва сцепил челюсти.

— Закрой... полог!

Сержант открыл рот.

— Чо ты сказал?!

Варавва, не вставая, вырвал у него полог палатки, загородил вход.

Несколько мгновений снаружи было тихо, потом раздался хор восклицаний, кто-то присвистнул, кто-то выругался. Полог снова отодвинули. На Варавву глянули жёсткие серые глаза капитана Шульмана.

— Майор, с вами хотят поговорить...

— Капитан, — сказал Варавва ледяным тоном, — более хамского поведения среди служителей закона я ещё не встречал! О нравах ваших подчинённых и вас лично я обязательно доложу начальству. А пока я занят, извольте подождать!

Шульман неуверенно оглянулся.

— Здесь начальник УВД...

— А-а... это другое дело, очень кстати. — Варавва встал, успокаивающе кивнул собеседнице: — Подождите меня здесь, пожалуйста.

Он вышел из палатки, опустил полог, нашёл глазами Чешко (чистой воды кабан, ей-богу!) в окружении ведомственной челяди, подошёл к нему.

— Добрый день, полковник. Отойдём?

— А? — выпучил глаза Чешко.

— Давайте отойдём, у меня к вам личный разговор.

— Как ты смеешь...

— Смею! — Варавва взял толстяка под локоть, заставил сделать несколько шагов от палатки, к машинам, оставив онемевшую толпу полицейских и парней в штатском.

Шульман опомнился, догнал их, за ним увязались трое полицейских, доставая оружие.

— Товарищ полковник? — начал Шульман.

Варавва оглянулся, хищно раздул ноздри.

— Ещё шаг, капитан, и мои люди отреагируют на это как на нападение на должностное лицо с неограниченными полномочиями!

Шульман невольно оглядел окрестности.

— Что вы гоните...

— Ждите, — буркнул Чешко, потяя ещё больше.

Капитан сделал понятный жест рукой, полицейские отошли.

— Привет от свояка, Лёвушкина, — сказал Варавва. — Вы с ним похожи, как близнецы-братья. Но он полный мудака, судя по всему, а с вами придётся разобратся.

— Вы... понимаете?..

— Ещё как понимаю! Борщевский мне уже всё сказал. Вырисовываются неприятные для вас обстоятельства. Первое: ваш осведомитель, тот, кто навёл вашего свояка на меня, практически вычислен.

Это была неправда, но мысли, кто мог «сдать» майора госбезопасности, у Вараввы были.

— Второе: вы попытались воспрепятствовать сотруднику ФСБ прибыть на место происшествия и мешаєте расследованию до сих пор.

— Я не...

— Третье: убийца оставил след, и я его найду! Гарантирую! Поэтому мой вам совет: расскажите мне всё, откуда растут ноги преступления, каковы его цели, что тут у вас творится и так далее. Это избавит вас от этапирования в столицу. Обещаю облегчить участь.

Чешко стал лиловым, потом бледным, лицо его окаменело, он начал приходить в себя, глаза сверкнули.

— Майор, ничем не могу помочь. Никто тебе не поверит! Гарантирую! Со мной работают профи не чета тебе. И мой тебе совет — беги отсюда, пока не поздно! Мы тут сами во всём разберёмся!

Варавва оглядел складчатое лицо полковника (ну и рыло, мать моя женщина!), усмехнулся.

— Инолайф, э?

— Чего?!

— Я здесь не один, царёк кишертский. А угрозу оценил, спасибо, приму меры. Только ведь и тебе бежать некуда, дружок? — Варавва прикинул, в какую складку лица Чешко он с удовольствием воткнул бы кулак. — Или есть куда?

Не дожидаясь ответа, развернулся к полковнику спиной, вернулся к палатке.

— Все свободны, парни, занимайтесь своими делами.

Посмотрел на Алексея, подмигнул ему, кивнул.

— Всё нормально, остальные пусть дежурят на местах.

Отдёрнул полог, вошёл в палатку, задёрнул, сел,

прислушиваясь к тишине снаружи, готовый действовать более энергично.

Снаружи заговорили, голоса стали стихать, свита Чешко отошла от палатки. Начальник УВД не рискнул продолжать «качать права» или не захотел при свидетелях, рассчитывая ответить московскому гостю позже. И опасаться его стоило: Чешко был готов сделать всё, чтобы факты о смерти Баркова и его открытии не стали достоянием общественности, а тем более службы госбезопасности.

Молёбка.

25 августа, после обеда

Фестиваль мирно вошёл в стадию конкурсов, и пришлый народ, — а собралось не меньше тысячи человек, — начал разбредаться по берегу реки и фестивальной поляне, ища развлечения по вкусу.

Варавва сводил всё-таки Евгению в палатку, где лежал мертвец, но она провела там всего несколько минут. Вышла темней тучи, в глазах женщины стояли слёзы; и даже дежурившие у палатки полицейские не решились задержать журналистку или задавать ей вопросы.

Чешко после встречи с майором куда-то исчез вместе со своей свитой, и Варавва, не заметивший, когда полицейский эскорт покинул деревню, вздохнул с облегчением, хотя понимал, что просто так полковник не отступит. Чешко пригрозил ему вполне конкретно, а значит, имел возможности осуществить свои замыслы. Непонятно было другое: откуда он получил такие возможности, позволявшие ему не бояться конфликта с мощной структурой ФСБ.

Почаствовали в фестивале — как зрители — и Варавва с Евгенией и Алексеем. Сначала послушали выступления уфологов, с просмотром видеоматериалов, важно именуемых «доказательствами физического контакта инопланетян с землянами», обошли самые близкие аномальные зоны — Поляну ужасов и Пира-

мидки, пообедали в павильончике с гордым названием «Аномальное кафе», собрались у машины Алексея, чтобы решить, что делать дальше.

— Ты первый раз на фестивале? — спросил Варавва лейтенанта.

— Второй, — ответил Алексей.

— НЛО видел?

— Видел, но не здесь. Во время проведения фестивалей местная чертовщина почему-то отключается.

— Ну и каково твоё мнение?

Алексей неопределённо посопел, поглядывая на задумчивую Евгению.

— Если честно, я в пришельцев не верю.

— Но ведь шарик светящиеся летают? Тарелки разные?

— Шарик — это какие-то электрические явления типа шаровой молнии, а тарелок никто в принципе не видел.

— Как же не видели, если об этом целые фильмы снимают?

— Снимают те, у кого хорошая фантазия, — ухмыльнулся Алексей. — Пришельцы — выдумки людей с неустойчивой психикой.

— Если бы это были просто выдумки, людей не убивали бы, — возразила примолкшая Евгения, зябко передёрнув плечами. — К тому же описаны случаи, которые нельзя списать на больную психику свидетелей.

— Ну, не знаю.

Варавва взял женщину под локоть.

— Женя, понимаю ваше состояние, но всё же хотел бы поговорить с вами о Баркове. Он был вам дорог, это естественно...

Евгения слабо улыбнулась.

— Мы дружили, и только. Я помогала ему редактировать статьи и тексты для выступлений по телевидению.

Варавва почувствовал облегчение. Было бы совсем печально, если бы выяснилось, что понравившаяся

ему женщина состояла с уфологом в гражданском браке или того хуже, была его любовницей. Последнее обстоятельство почему-то показалось особенно важным.

— Может быть, вспомните, где Ермолай Мартович нашёл точку выхода... э-э, чертей? В крайнем случае, кто ему помогал из местных?

Евгения наморщила лоб.

— В докладе этого не было. А плавал он на лодке одного из местных жителей.

— Кого именно?

— Не помню... извините.

— Тут лодка только у одного мужичка есть, у Фе-ди Скоробогатова с хутора Выселки, — сказал Алексей. — Рыбку ловит и в Усть-Кишерти продаёт на базаре. Можем подъехать, до хутора всего полтора километра, сейчас сухо, нормально проедем.

— Хорошая мысль. — Варавва оглянулся: показалось, что кто-то пристально смотрит ему в спину. — Прогуляемся заодно, разомнёмся. Вы не против, Женя? Нас всё равно не допустят до участия в расследовании убийства, судя по настроению местной полиции, поэтому надо искать другие пути выяснения истины.

— Мне всё равно.

— Тогда поехали.

Расселись в «Волге» Алексея, пропахшей кожей и антикомариным спреем. Машина выехала со стоянки фестиваля, провожаемая взглядами охранников и каких-то мрачноватых молодых людей.

Хутор Выселки встретил гостей тишиной и унынием. В нём сохранились только две хаты, ещё четыре стояли с провалившимися крышами, пугая туристов пустыми глазницами окон. Никто по единственной улочке хутора, заросшей травой, не бродил, лишь за домом с зелёным заборчиком копался в огороде мужичок лет семидесяти, лысоватый, сухой, с бородкой, одетый в тельняшку и застиранное трико. Он и оказался Федей Скоробогатовым, ответив на вопрос Ва-

раввы хмурым взглядом из-под косматых седых бровей:

— Чего надоть?

— Добрый день, дядя Федя, — сказал Алексей. — Уделите нам пару минут?

— Чего надоть? — повторил вопрос старик, не спеша выходить с огорода ближе к штакетнику.

Варавва, чувствуя себя как при выходе на подиум: интуиция то и дело подавала сигналы тревоги, за ними действительно кто-то следил, сам подошёл ближе.

— Здравия желаю, Фёдор... э-э...

— Федей меня кличут.

— Майор Кашин, госбезопасность. Это журналистка из Перми, Евгения Дарницкая. Можно задать вам пару вопросов?

Старик воткнул лопату в землю, поднял с кирпича жестяной чайник, отпил из горлышка. Не торопясь, вышел к забору.

— Чекист, значить?

— Можно и так сказать. Вы уфолога Баркова знали?

— Уфолога? — Федя почесал пальцем бородку. — А-а... Ермолая, что ли? Ну, знаю.

— Он умер.

Старик мигнул, снова почесал бороду, на задублённое годами лицо его легла тень.

— Царствие небесное... как умер?

— Похоже, убили его, сегодня ночью. Он с вами по рекам плавал, на вашей лодке. Верно?

— Ну... было дело. По Вязовке плавали надысь.

— А можете показать, где он на берег выходил?

— Могеть, и показал бы, да не могу.

— Почему?

— Лодку у меня украли. Вчера заяву в полицию отволок, обещали найти.

Варавва и Алексей переглянулись.

— Одно к одному, — тихо сказала Евгения.

— А далеко до места? — спросил Варавва. — Можно к нему по берегу подъехать?

— Так-то напрямую недалеко, версты две, Вязов-

ка там в Сылву впадает, а по берегу не подъехать, болото.

— Мне говорили, что там возвышение рельефа, берег обрывистый, скалы.

— Ну, скопинский порог там, к нему только пёхом можно добраться, через урочище. Болото щас подсохло, могёть, и доберётесь.

— Не покажете дорогу?

— Не ходок я, артрит замучил.

— Что ж, спасибо за информацию.

Евгения побрела к машине. Мужчины последовали за ней.

— Эй, майор, — послышался голос хозяина дома.

Варавва оглянулся.

— Не ходите туда, — сиплым голосом посоветовал Федя. — Пропадёте ни за грош.

— Это почему?

— Духи в тех местах злые гнездятся, не любят тех, кто их покой без надобности нарушает. Могёть, и Ермолая они сгубили.

— Благодарю за предупреждение.

Усаживаясь в кабину «Волги», Алексей сказал убеждённо:

— Федя что-то знает, да говорить не хочет.

Варавва промолчал. Его мнение совпадало с мнением лейтенанта.

— Его припугнули.

— Возможно. Может, если умело допросить, он расколется?

— Умело — это как?

Алексей отвёл глаза.

— Есть способы... вы знаете.. сыворотку можно ввести.

— Способы есть, пытки называются. Да мы не палачи, лейтенант.

Лицо Алексея пошло пятнами, он сделал официальный вид:

— Что будем делать, товарищ майор?

Варавва посмотрел на отрешённое лицо Евгении.

— Наше положение становится совсем зыбким. Женя, давайте мы отвезём вас в Усть-Кишерть, вам здесь лучше не оставаться.

— А вы?

— Я попробую найти подходы к скалам, где побывал Барков, отыскать свидетелей убийства. Найду лодку, спущусь по Сылве в место впадения Вязовки.

— Я с вами.

— Но это может быть опасно!

Глаза Евгении загорелись упрямым блеском.

— Я с вами.

Варавва встретил понимающий взгляд Алексея.

— Рискнём?

— Как прикажете, — дипломатично ответил лейтенант.

Село Усть-Кишерть, райотдел полиции.

25 августа, день

Пообедав, Чешко вызвал капитана Шульмана.

— Есть новости? — спросил он, наливая в стакан кефир из пакета.

— Ждём запуска, — коротко ответил сухолицый зам.

— Что москвич?

— Шатается вокруг и около. Следим.

— Он опасен.

— Да ладно, одни амбиции.

— Говорю тебе, он опасен! И начинает догадываться, что мы спускаем дело на тормозах.

— Он один, а один в поле не воин, как известно. В крайнем случае пригрозим, чтоб не путался под ногами, а не уймётся — уберём.

— Тогда сюда нагрянет десант из «конторы».

— Не нагрянет, мы вывезем майора за пределы зоны. К тому же нам осталось ждать всего двое суток максимум. Зверь активизируется, и мы спокойно уберёмся отсюда.

— Твоими устами — да мёд пить, Десятый!

В дверь кабинета постучали, вошли Борщевский, как всегда угрюмо-недовольный чем-то, и Супрун, его помощник по особым поручениям.

— Что обсуждаем?

— То же, что и вчера. Ситуация ухудшается, — буркнул Чешко, едва не облив китель кефиром. — Чёрт! Руки дрожат, как у алкоголика.

— Твой носитель и был алкоголиком, — презрительно выпятил губы следователь. — Десятому могли бы дать носителя получше. Я на это твоё пузо смотреть не могу!

— Чешко был ближе всех к зоне.

— Да понимаю!

Полковник с досадой бросил пустой пакет в корзину для бумаг.

— Предлагаю увезти тело в Усть-Кишерть, и чем быстрее, тем лучше. Меньше народу будет тереться у Молёбки.

— Закончим процедуры — увезём.

— Сегодня к вечеру!

— Сделаем. Я бы ещё и журналистку эту придавил где-нибудь по-тихому. Она наверняка что-то знает и может растрепаться майору. А он и так взял стойку.

— Вечером мы с ним поговорим.

Зазвонил телефон Шульмана.

— Секунду, — сказал он, поднося к уху айфон. — Слушаю.

Возникла пауза. Лицо капитана стало мрачнеть.

— С кем?.. понятно... нет, следите пока. — Шульман прикрыл трубку рукой. — Кашин на хуторе, разговаривает с лодочником.

— Говорил же — надо было его мочить! — выдал хищную улыбку Супрун.

— Что будем делать, господа наездники?

Следователь бросил тяжёлый взгляд на потеющего Чешко.

— Доигрались, герр гауптштурмфюрер? Кто будет расхлёбывать кашу, если майор начнёт копать глабоко?

— Его надо... — начал Супрун.

— А если он и в самом деле не один?

— Парнишка при нём — из наших местных чекистов.

— Я не о парнишке.

Чешко открыл второй пакет кефира.

— Выбора не остаётся. Надо брать его и допрашивать.

— Давайте я попробую объяснить ему ситуацию, — предложил Супрун. — Расскажу, чем мы занимаемся, чего ждём. В конце концов, я тоже служил в «конторе» и знаю все её слабые стороны.

— У тебя была червоточина, — буркнул Борщевский, — категорическая уверенность в безнаказанности. Поэтому ты и пошёл на контакт с нами. А этот майор слеплен из другого теста.

— Все мы имеем внутри червоточины, — не обиделся Супрун. — Вы в том числе. А попытка — не пытка. Пойдёт на контакт — хорошо, не пойдёт — спишем. Нам всего-то надо день простоять да ночь продержаться, как писал пролетарский классик.

Борщевский посмотрел на Чешко.

— Тебе решать, ты у нас координатор.

Полковник посопел, бесцельно тыкая пальцами в клавиатуру компьютера.

— Хорошо, берём его. Гарик, группу на выезд!

Шульман проговорил в трубку:

— Не спугните майора, мы скоро будем.

— Не надо посылать группу, — сказал бывший сотрудник ФСБ. — Мы сами его возьмём. Я лично с ним разберусь.

Хутор Выселки.

25 августа, три часа дня

Берег Сылвы напротив хутора оказался вполне цивилизным, он даже имел деревянный причал с леерным ограждением и широкие сходни. По всему было видно, что за ним ухаживают.

Лодок видно не было. Справа и слева от причала располагались низкие бараки — гаражи, но ни у одного из них не стояла на воде какая-либо посудина. Впечатление складывалось такое, будто все владельцы лодок дружно убыли на рыбалку и ещё не вернулись из похода.

Зато к причалу был пришвартован бело-синий катер, небольшой, с кокпитом на одного человека под прозрачным козырьком и миниатюрным кубриком на корме. Имени катер не имел, только номер — 028.

— Корыто советских времён, — сказал Алексей. — Почту возит. Осадка маленькая, шустрый, может ходить по мелководью.

— Вряд ли мы уговорим хозяина, — неуверенно проговорила Евгения.

Варавва поднялся по сходням на причал, нарочно топая по настилу ногами погромче.

Дверца кубрика, украшенная иллюминатором, открылась, оттуда высунулась заспанная небритая физиономия: светлый чубчик, клювастый нос, широкий подбородок, скуластое лицо. Цвет глаз аборигена Варавва рассмотреть не смог.

— Добрый день, сэр, — сказал он. — Это ваш катер?

— Ну? — хрипло ответил «сэр».

— Ваш или нет?

— Ну? — повторил ответ средних лет мужичок.

— Нам захотелось прокатиться на нём до впадения в Сылву Вязовки. Мы заплатим.

— Не получится.

— Почему?

— Я при исполнении.

— То есть вы не владелец?

— Моторист.

— Свяжись с хозяином, уговори, а лучше возьми нас на борт втихаря, и ни с кем не надо будет делиться. Мы потратим на прогулку не больше часа.

— Не могу...

— Такой хороший день, а ты не в настроении, —

укоризненно покачал головой Алексей. — Кто отворачивается от хорошего заработка, неблагодарен, ибо выказывает пренебрежение милости божией.

— А скоко дадите?

— Тысячу.

— Гроши, — скривился моторист.

— Две, — повысил ставку Варавва.

— Три.

— Уговорил.

— Но всех я взять не смогу.

— Почему? Уместимся как-нибудь, нас всего трое.

— Двоих возьму, — упёрся моторист.

Варавва оглянулся на спутников.

— Женя, может, останешься?

— Давайте лучше я останусь, — оценил мимику журналистки Алексей. — Будем держать связь. В случае чего я найду способ присоединиться к вам.

— Договорились, — согласился Варавва. — Жди нас здесь через час-полтора.

Он подал руку Евгении, оба перелезли на борт катера.

Моторист вылез из кубрика целиком, оказавшись в коричневой робе инспектора рыбнадзора, снял с тумбы на причале кольцо швартовой верёвки, встал к штурвалу.

Катер заворчал мотором, медленно отошёл от причала.

Плёт Сылвы лёг перед его носом извилистой лентой шириной всего в двадцать-тридцать метров.

Однако далеко катеру отплыть не удалось.

Из-за поворота реки вдруг вынесся другой катер, пошире и подлинней, с высоким фальшбортом и надстройкой на корме под белым пластиком. На носу у него торчала тумба, на которой крепился прожектор. При повороте стало видно название катера: «Гроза». Он лихо подрезал катер Вараввы, заставив рулевого остановиться.

— Всем на борту! — загремел жестяной голос. — Стоять, не двигаться! Поднять руки!

Варавва оценил ситуацию в долю секунды, отвернулся, активировал мобильный, ткнул пальцем в сенсор с позывным «Алекс».

Лейтенант откликнулся по-военному быстро:

— Да?

— Алексей, звони своему шефу, вызывай тревожную группу, как я и просил. Немедленно! Я найду способ связаться с тобой. А лучше бы ты запросил моё Управление, начальник — полковник Старшинин.

— Что случилось?! — всполошился чекист.

— Нас вяжут. — Варавва поднял руки на уровень плеч, посмотрел на испуганную Евгению. — Подними руки. Всё будет хорошо, верь мне.

Катера сошлись.

На борт судна небритого моториста прыгнули трое: мощного сложения сержант-полицейский с «калашниковым» в руках, капитан Шульман и давешний глыбистый блондин с лицом водителя асфальтового катка.

— Обыщи их, — бросил он сержанту.

Варавва мог бы освободиться от всех троих за пару секунд, но с ним была женщина, и он оставил планы освобождения на будущее.

— Я безоружен, она тем более.

Сержант всё же похлопал его по бокам, по груди, провёл ладонями по штанам, начал было обыскивать журналистку и схлопотал пощёчину.

— Наглец! Я не ношу оружия!

Сержант грубо схватил женщину за руку, дёрнул к себе... и перелетел через борт от удара Вараввы, с плеском плюхнулся в воду.

Крутоплечий блондин проводил его глазами, оценивающе глянул на Варавву, в глазах его загорелся нехороший огонёк.

— Отменный удар, майор! Чем занимался? «Барс», сгоб, карате, «боса»?

— Всем, — коротко ответил Варавва. — Не распускайте руки, моншер, это чревато.

Блондин пошевелил плечом.

Сознание отметило это движение, напрягло память: где-то он уже видел подобный жест.

На палубе соседнего катера появились ещё двое мужчин: матрос в синей робе и следователь Борщевский. Матрос помог сержанту вскарабкаться на борт катера. Борщевский упёр взгляд рысих глаз в глаза Вараввы. Несколько мгновений они смотрели друг на друга как сквозь прицелы снайперских винтовок.

— Похоже, господин из прокуратуры, вы решили окончательно перейти границу, — усмехнулся Варавва. — О последствиях подумали?

Борщевский отвёл глаза.

— С вами хотят поговорить.

— Кто?

— Я, — сказал глыбистый молодой человек, снова шевельнув правым плечом, как это делает боксёр, отбивая удар противника. — Кубрик здесь маловат, но для короткой беседы сгодится. Мобилу отдай.

Варавва помедлил, снял часы-айком, отдал блондину. Тот кинул мобильный Шульману.

— Проверь звонки. Вперёд!

Варавва посмотрел на Евгению.

— Не волнуйся, я скоро.

Кубрик и в самом деле был совсем крохотным, рассчитанным на одного матроса. В нём умещался только узкий лежак, стул и откидной столик.

— Садись, — сказал блондин, закрывая за собой дверь.

Варавва сел на лежак.

Блондин уселся на стульчик.

— Давай знакомиться.

— Я тебя узнал, — бесстрастно сказал Варавва. — Капитан Супрун. Точнее — бывший капитан.

— Надо же, какая память, — ощерился блондин. — А я тебя не сразу узнал, встречались только раз, да и то мельком. Какого дьявола тебя сюда занесло?

— Ну, это тебя сюда дьяволом занесло, а я получил задание.

— Какое?

— Догадайся.

— Неужели Старшинин всё-таки решил устроить проверку?

— Откуда полковник Чешко знал, что мне дадут задание?

— Пора бы уже догадаться. Главный опер в отделе теперь ты, вот я и посоветовал Чешко убрать тебя заранее, зная твой послужной список и неговорчивый характер.

— А он подослал ко мне шурина.

— Мог бы и киллера.

— Спасибо за откровенность. Ты-то почему оказался здесь после увольнения? Клад нашёл?

— Клад, — развеселился Супрун. — В точку! — Он посерьёзней, глаза потемнели. — Предлагаю присоединиться к нам.

— К кому? К компании Чешко?

— Он всего лишь функционер, координатор группы активации.

— Какой группы?

— В Молёбском треугольнике работает десант... Впрочем, начну по порядку, только учти, назад ходу у тебя не будет. Сведения секретные. Откажешься сотрудничать — сам понимаешь, что будет.

— Убьёте, как Баркова? Или я исчезну, как Белобров?

— Он сам виноват.

— Если я не позвоню начальству через час, поднимется тревога, Старшинин пошлёт спецгруппу.

— Пока он решится, пока соберёт группу, пока она доберётся до Молёбки... мы успеем. Но уверен, ты согласишься с нами работать, как согласился я, и позволишь. Если не такой дурак, каким прикидываешься.

— Благодарю за комплимент.

— Это не комплимент, рабочая оценка.

— Один вопрос.

— Один разрешается. Учти, на глупые вопросы я не отвечаю, а на умные не могу.

— Ты убил Баркова?

— Какая тебе разница? Этот шустрый учёный балбес начал путаться под ногами, вычислил местонахождение Зверя, подвёл под это теорию...

— Отвечай на вопрос. Судя по всему, удар ему нанёс профессионал.

— Ну, я, хотя никакого значения этот факт не имеет. Приём «жало скорпиона», могу научить.

— Не надо.

— Будешь слушать?

— Буду.

— Что тебе удалось вынюхать?

Варавва подумал, улыбнулся.

— Как ты там говорил? На глупые вопросы не отвечаем...

Супрун свёл брови воедино.

— Шутки кончились, майор! Или ты с нами, или пойдёшь путём Баркова.

Варавва хотел спросить, какие планы у бывшего капитана ФСБ насчёт Евгении, но и так было понятно, какая участь её ждёт. Дарницкая в любом случае становилась опасным свидетелем.

— Так что за клад вы нашли?

Супрун скорчил рожу, насмешливо скривил губы.

— Этот клад оставлен не людьми и не для людей. Поскольку ты работаешь в аномальном отделе, то должен знать связанные с аномальщиной разделы науки, в том числе — проблемы связи с иными цивилизациями, ксенопсихологию, целеполагание инопланетян в применении к Земле и к человечеству.

— Читал, — помедлив, осторожно сказал Варавва.

— Не буду углубляться в дебри научных дискуссий по теме, есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе. В том смысле, что Вселенная населена. Космос вообще был населён до появления человечества и будет населён после. Но не все космические существа имеют такую биоформу, как человек. Это первое. Можешь не отвечать, просто прими к сведению. Второе: давным-давно, больше ста миллионов лет назад на Землю прибыли пришельцы, находящиеся в

состоянии войны с другой цивилизацией, и оставили на планете зародыш Зверя, — название условное, так его называли мы, для определённости, — нечто вроде боевого робота-трансформера. Что было потом, почему его не забрали обратно, покрыто мраком неизвестности. Возможно отряд, оставивший Зверя, погиб. И вот спустя сто миллионов лет о нём вспомнили. Не хозяева — другие сущности, тоже находящиеся в состоянии войны с другой галактической расой. Вообще состояние войны для нашей Вселенной — перманентное состояние разума. Философствовать на эту тему нет смысла. Так вот эти сущности не являются жителями массивных тел — планет, скорее это полевые кластеры, развивающие тонкоматериальные структуры. Но они могут неким образом внедряться в массивные живые субъекты, в том числе — в тела людей. Почему и получили название — наездники.

— То есть вы пользуетесь телами нормальных людей?

— И ненормальных тоже, — хохотнул Супрун, показав крупные белые зубы. — Ими пользуются все кому не лень, в Галактике больше десяти тысяч цивилизаций, а Землю посетило не меньше сотни. Я задал вопрос.

— Значит, вы не первые? — с недоверием спросил Варавва. — Сотые?

Супрун развёл руками, шутливо поклонился.

— Прошу любить и жаловать. Главное, что мы сейчас здесь. Тело капитана Супруна является моим носителем, информатором и эффектором. Капитан Шульман — ещё один десантник, рангом выше. Ещё выше Борщевский и Чешко. И все мы делаем одно дело — активируем...

— Зверя! Который торчит где-то в Молёбской зоне. Где именно? Неужели посреди недоступного болота?

— На глубине ста пятидесяти метров под рекой. Bravo, майор! Ещё раз убеждаюсь, что в «конторе» идиотов не держат. Когда мне всё объяснили, я пошёл на контакт добровольно. Надеюсь, и ты не сглумишь.

Самое интересное, что наездники не могут вселяться в любого землянина, мешает какой-то этический принцип, играющий роль физического закона. Поэтому с ними сотрудничают только добровольные перебежчики.

— Инолайфы...

— Что?

— Барков называл вас инолайфами.

— Хорошая была голова, но сотрудничать с нами отказалась.

— Значит, НЛО в Молёбской зоне — ваши аппараты? А рост их числа — следствие процесса активации Зверя?

— НЛО — полевые энергоинформационные конструкции, изредка переходящие барьер невидимости в результате спонтанных взаимодействий с излучениями Земли. Мне пришлось сочинить массу небылиц в отчёте начальнику Управления, чтобы «контора» не послала сюда настоящую экспедицию. Теперь уже можно не беспокоиться, Зверь через пару дней выйдет на режим, и мы начнём свёртку десанта. Хотя, не скрою, нам ваша симпатичная планета понравилась.

— Какую же участь вы запланировали человечеству?

— Да никакую, — фыркнул Супрун. — Живите как жили, деритесь, воюйте, уничтожайте друг друга, перспективы у вас нет никакой, а до полевой формы жизни вы не доживёте. Конечно, когда Зверь проснётся и начнёт выбираться из темницы наружу, возможны мощные энергетические эффекты — землетрясения, обвалы породы, даже вулкан может проснуться. Мощь робота велика. Во времена по-настоящему звёздных войн эти парни способны были сокрушать целые планеты. Но пусть тебя это не беспокоит. Жертвы будут, тут до Усть-Кишерти всего ничего, да и до Перми всего сто километров по прямой, может и город зацепить. Неизбежный ущерб, как говорится, ничего личного, но совсем небольшой.

Варавва стиснул зубы. Слушать разглагольствования предателя становилось немыготу.

— Как вы будете им управлять?

— Разумеется, сделать это непросто, составлена целая программа с использованием многих разумов. Но наши техники уже нейтрализовали почти все блоки, разобрались с функционированием систем Зверя, осталось включить главный генератор.

— А если не удастся с ним сладить?

— Удастся, все наши теоретики дают добро на запуск.

— Вход к Зверю через пещеры в устье Вязовки?

— Ты и это вычислил? Туда на катере направлялся?

— Там, наверно, охрана? — ответил Варавва вопросом на вопрос.

— Относительная, в то место с суши добраться невозможно, особенно во время дождей, кругом болота, а со стороны реки дежурит группа хорошо обученных отморозков. Внутрь, в шахту, можно попасть только с определённой точки под скалой. Сверху она не видна.

— Охранники тоже зомбированные?

— Нет, им ни к чему знать подробности процесса, обыкновенные бандиты, преимущественно бывшие эки на прикорме. Иногда их приходится... менять. Впрочем, это действительно отморозки, не жалко.

— Вам и нормальных людей не жалко.

Супрун снова развёл руками.

— Ничего не поделаешь, издержки процесса, опять же — ничего личного.

— У вас там, где вы живёте, есть имена? Как тебя звали?

— Имён нет, это другая логика, другие принципы социума, другая жизнь. Существует властная иерархия, чем больше функций исполняет... гм, инолайф, пользуясь терминологией Баркова, тем выше он по положению.

— Ваш главный может всё? — усмехнулся Варавва.

— Не всё, но многое. — Я — исполнитель шестого уровня, мои главные функции — быстрое реагирование и качественное исполнение приказов.

— Шестёрка...

Супрун посмотрел исподлобья.

— В тебя тоже не заселят президента, будешь седьмым-восьмым, как Шульман с Борщевским.

— Кто из них выше?

— Борщевский — восьмой. Шульман — седьмой. Чешко — десятый. Но пусть тебя не смущает уровень перехода, это всего лишь первая должностная ступенька. В дальнейшем ты получишь возможности, о каких и не мечтал. Если останешься на Земле, дойдёшь до вершин службы, мы поможем. Пойдёшь с нами, перед тобой откроется космос.

— Как это? Я полечу... в космос?!

— Тело, конечно, останется здесь, — ухмыльнулся Супрун, — гнить. Энергоинформационная структура, которую вы красиво назвали душой, получит доступ к нашим технологиям.

— Заманчиво.

— Ты согласен?

— Ещё вопрос: что будет с Евгенией?

— С этой бабой? Она лишний балласт.

— Понятно. Поехали.

— Куда?

— Посмотрю на Зверя и решу, идти мне с вами или помирать.

Супрун вытаращил глаза.

— Охренел?! Кто же тебя пустит к нему?

— Поговори с Чешко, я буду полезен больше, чем ты.

— Что-то мало верится.

— Риски. Или кишка тонка? Годится только безоружного убить?

Супрун ощупал лицо Вараввы настороженным взглядом, встал.

— Выходи.

Варавва мог бы обездвижить его в долю секунды,

но его снова остановила мысль о спутнице. Уберечь её от гибели становилось делом чести.

Один за другим они выбрались на палубу катерка.

Река текла медленно, однако за время беседы оба катера успело снести вниз по течению метров на сто и прибить к камышам.

Шульман, стоявший у колонки штурвала (моториста нигде видно не было), сделал шаг навстречу.

— За последние два часа он звонил только один раз. Закладок нет, маячка тоже, обычная мобила.

Супрун посмотрел на Варавву прищурясь.

— Оскудела «контора», перестала снабжать агентов секретками. Доклад шефу через час — блеф?

Варавва, сделавший успокаивающий жест Евгении, остался задумчиво-спокойным.

— Может, блеф, может, не блеф. Вообще я тоже удивляюсь вам, господа инолайфы: заняты таким важным делом, а не позаботились о достойном прикрытии и запасных вариантах. А ну как проговорится кто из ваших холуёв? И сюда нагрянет СОБР, а то и «Альфа»?

Шульман покосился на Супруна.

— Я ему объяснил суть, — сказал бывший чекист.

— У нас всё под контролем, — буркнул капитан полиции. — А чтобы нагрянул СОБР, нужны веские основания, каких у тебя не будет. В местных органах у нас сидят свои люди.

— И в УФСБ?

— Естественно.

— Неужели сам Зайцев?

Собеседники обменялись взглядами. Шульман потер пальцами сухую скулу.

— Не имеет значения. О чём вы договорились?

Варавва понял, что прощупывать инолайфов не стоит, они в состоянии понять, что он играет в свою игру. И ещё он понял, что группа, которую ему обещал начальник пермского Управления ФСБ, не прилетит. Мало того, Алексей тоже скорее всего попал в список мешающих свидетелей, и его жизни угрожает нешуточная опасность.

— Он хочет посмотреть на Зверя, — хмыкнул Супрун.

— На кой?! — изумился Шульман.

— Хочу убедиться, — твёрдо сказал Варавва, — правду вы говорите или лапшу на уши вешаете. И последнее условие: Дарницкую не трогать! Если мне подойдут ваши предложения, я уговорю её помогать мне.

— Варавва?! — не поняла Евгения. — Что вы говорите?!

— Я всё объясню. — Варавва заглянул ей в глаза, добавил железобетонно: — Верь мне!

— Что там у вас? — окликнул спутников Борщевский с борта второго катера.

— Он хочет посмотреть на Зверя, — отозвался Шульман.

— Зачем?

— Хочу убедиться в вашей адекватности, — вежливо повторил Варавва свой довод. — Вы ничем не рискуете, зато я рискую всем!

— Звони Чешко, — сказал Супрун.

— Заткнись, шестой, — проворчал капитан.

Борщевский достал смартфон, отошёл на корму катера.

О чём он беседовал с координатором инолайфов, слышно не было, но, видимо, Чешко дал добро на экскурсию, потому что следователь махнул рукой Шульману.

— Пересаживайтесь.

— Давай помогу, — протянул Супрун руку Евгении.

Она отшатнулась, цепляясь за Варавву.

Супрун засмеялся, легко перемахнул на более высокую палубу второго катера, почти не дотронувшись до перил фальшборта.

Перелезли и Варавва с журналисткой.

— А с этим что делать? — указал на первый катер Шульман.

— Пусть стоит здесь, — отмахнулся Борщевский.

— Моторист?

— В воду.

— Он разве не ваш холуй? — не выдержал Варавва.

— Местный дурачок, — скривил губы капитан полиции. — Оказался не в том месте и не в то время.

— Зачем вам вешать на себя дополнительную мокруху? Если он ничего не знает, то ничего и не расскажет. Он же принимает вас за настоящих законников.

Шульман повернулся к сержанту с автоматом:

— Отпусти.

Моториста вывели из кубрика на корме второго катера, спихнули на палубу родной посудины.

— Вали! И никому ни слова!

Ничего не понявший из того, что произошло, небритый детина обрадовался, кинулся к штурвалу, катер отплыл. Заработал и мотор второго катера.

Внезапно вякнул телефон Вараввы в руке Шульмана, а вместе с ним «вякнуло» и сердце майора. Он напрыгся, лихорадочно соображая, как себя вести.

Шульман глянул на высветившийся экранчик часов.

— Какой-то Алекс.

— Лейтенант, — равнодушно сказал Варавва.

Полицейские и следователь обменялись быстрыми взглядами.

— Чего ему надо? — поднял брови Супрун. — О чём ты с ним договаривался?

Айком вякнул ещё раз.

— Дай ему, — приказал Борщевский. — Послушаем, о чём пойдёт разговор.

Шульман вернул коммуникатор владельцу, достал из-под полы куртки пистолет.

— Только без шуток!

Варавва покосился на пистолет, приготовился к иносказательному обмену фразами, надеясь на сообразительность Алексея.

— Кашин.

— Я сделал, что вы просили, товарищ майор, — доложил лейтенант.

— Когда ждать? — сухо бросил Варавва.

Возникла пауза. Алексей оценивал тон собеседника.

Не ляпни лишнего! — взмолился в душе Варавва.

— С пятого на десятое, — делано засмеялся Алексей. — Посылка из столицы будет отправлена, придётся подождать.

— Хорошо.

— Где вы сейчас? Могу подъехать.

— Где и положено, — ещё суше выговорил Варавва, — гуляю с дамой. Можешь быть до вечера свободен.

Шульман выхватил у него телефон.

— Что ещё за посылку ты ждёшь из Москвы? — поинтересовался Супрун.

Варавва, испытавший невероятное облегчение (Алексей, умница, понял его как надо), пожал плечами:

— Оружие, техника...

— Какая техника?

— Я с собой ничего не взял, а когда убедился, что М-зону надо обследовать с воздуха с помощью беспилотников и спецаппаратуры, заказал через лейтенанта необходимое. В местном УФСБ такой аппаратуры не оказалось.

— Логично. — Супрун повернулся к Борщевскому: — Что решаем?

— Пора заканчивать возиться с этим делом, — сказал следователь, «восьмой», как оценил его функциональную широту Супрун, — времени у нас мало. Высадите меня в Кишerti, отвезёте его к... горловине, а дальше — по обстоятельствам.

Катер выбрался на стрежень реки, набрал скорость.

— Что ты задумал? — едва слышно спросила Евгения, прижавшись к плечу Вараввы; глаза женщины

тревожно мерцали, но страха в них не было, только вспыхивали и тонули искорки сомнений и ожидания.

— Выжить! — шепнул он ей на ухо, погладив пальцы женщины на сгибе локтя.

*Раменское, военный аэродром.
25 августа, 11 часов, 11 минут*

Грузились в самолёт в спешке — девять бойцов в штатском и командир спецгруппы быстрого реагирования капитан Тамоников. Экипировку — комбинезоны «ратник», оружие, гаджет-оборудование, рации — везли с собой в вещмешках.

Со времени звонка из Пермского края, — звонивший представился лейтенантом Вареновым, обрисовал ситуацию, — прошло почти сорок минут, и Старшинин торопил капитана, постоянно поддерживая с ним связь. К счастью, собирать группу не было нужды, она находилась на базе ФСБ под Раменском, пребывая в состоянии «старта», и до аэродрома добралась быстро.

— На месте получите канал системы спутникового мониторинга, — закончил дистанционный инструктаж Старшинин, сидя в своём кабинете. — Вас встретят в Перми, грузитесь в «вертушку» и рвите когти в Молёбку. За время полёта мы определим точный район высадки с борта «вертушки» и сообщим. В Молёбке вас ждёт лейтенант Варенов, будете работать с ним. Мобильный майора Кашина я вам скину, но сами не звоните, ждите, пока позвонит майор.

— Понял, — сказал мощного «медвежьего» сложения чернобровый Тамоников. — Цель броска?

— Захват группы... — полковник пожевал губами, формулируя статус цели, пребывая в нерешительности, так как оставалось неизвестным, с чем или с кем столкнулся Кашин, — потенциальных пособников иностранной агентуры.

— Предел воздействия?

— ПОО.

Это означало, что группе разрешалось применение огнестрельного оружия.

— Понял.

— Удачи, капитан!

Связь прервалась.

Тамоников влез в брюхо военного «МС-21», и самолёт вырулил на взлётную полосу. В Перми он должен был приземлиться через час с минутами.

— Что же ты обнаружил там, майор? — хмуро спросил Старшинин работающий компьютер.

Компьютер не ответил.

М-зона, устье реки Вязовки у впадения в Сылву.

25 августа, ближе к вечеру

Борщевского высадили на причале близ Усть-Кишерти через полчаса после беседы Супруна с Вараввой. Вместо него на борт катера поднялись двое полицейских — лейтенант субтильного вида, с чёрными усиками «а ля опереточный злодей» и здоровенный белобрысый бугай с одной лычкой на погоне, на просторном рябоватом лице которого застыло выражение скуки. Оба держали в руках «калаши», потёртые от долгого ношения, и до места назначения не спустили с присевшей на лавочке перед рубкой катера пары Варавва — Евгения.

До впадения Вязовки в Сылву потратили ещё полчаса. Всего же на путь от Выселок до устья Вязовки (Варавва считал минуты) ушёл час с четвертью. Катер поворочался на плёсе, маневрируя, ища места поглубже, вошёл в устье Вязовки, ширина которой даже в самом широком месте не превышала пятнадцати метров, и двинулся меж стенами кустарника и камыша как прогулочная яхта в шхерах Норвегии.

Река сделала два поворота, слева показалась каменистая гряда правого берега Вязовки, окружённая воротником соснового леса.

Сначала показалось, что подойти к обрывистому берегу по усыпанной камнями отмели не удастся. Но катер повернул, умело обходя скальные рёбра в коричневой от торфа воде, и пристал к недлинной каменной ступеньке, также усеянной валунами.

Гул мотора катера стих. Вместо него в небе раздалось тихое жужжание, и на высоте двух десятков метров над берегом пролетел сверкнувший металлом крестик.

НЛО — хотел пошутить Варавва. Но это был не НЛО — беспилотник. Возможно, его специально показали пленникам, чтобы те прониклись уважением к слову «контроль».

Впрочем, мысленно Варавва поблагодарил охранников входа в подземелье за демонстрацию возможностей, теперь надо было каким-то образом связаться с Алексеем и предупредить его о наличии у инолайфов (хреновый термин всё-таки придумал Барков, что лай собаки) системы воздушного мониторинга.

— Ждите, — сказал им Супрун, спрыгивая на берег.

Вместе с Шульманом они обошли скалу перед носом катера, скрылись в расщелине.

— О чём вы с ним говорили? — тихо спросила Евгения.

— Мне предлагали генеральский чин и весь космос, — ответил Варавва серьёзно.

— За что?! — не поверила женщина.

— За пособничество инолайфам. — Он не выдержал, улыбнулся.

— Кому?

— Ермолай кого называл инолайфами?

— А-а... пришельцев... ты не шутишь?

— Шутки кончились, как сказал мой бывший коллега капитан Супрун. Шестой — в их иерархии. Они все здесь, кто на катере, пошли на сотрудничество с этими сущностями, добровольно. Так что вокруг нас не люди, а...

— Зомби?!

— Можно сказать и так. Если человек соглашается работать с ними добровольно, в него вселяется инолайф — полевая структура и командует им, пользуясь опытом и знаниями, полученными реципиентом в течение жизни.

— А если не соглашается?

— Получается Барков. — По глазам Жени было видно, что она не всё понимает, и Варавва добавил: — Он не согласился, и его убили.

Евгения вздрогнула, подумала, отстранилась.

— Значит, ты... согласился?!

Варавва сделал вид, что колеблется.

— Ещё не решил.

На лицо женщины легла тень.

— Ты согласился... потому что нас убьют, если мы откажемся... так?

— Не спеши с выводами, — шепнул он ей. — У меня есть кое-какие козыри, о которых эти парни не догадываются, и мне надо тянуть время. Помогай мне, стань актрисой, обещай подумать, задавай побольше вопросов, в общем — играй. Сможешь?

Евгения глубоко вздохнула.

— Я боялась...

— Чего?

— Что ты сломаешься... терпеть не могу предателей...

— Я тоже.

— Смогу!

— Ну и чудесно.

Из-за скалы появился Шульман.

— Иди за мной.

Варавва и Евгения встали.

— Она пусть тоже идёт. Если соглашаться, то вместе, а нет, так вы её всё равно в покое не оставите.

Капитан смерил взглядом Евгению, заколебался.

— Я не решаю такие вопросы...

— Странные у вас отношения, господа инолайфы, — усмехнулся Варавва. — Супрун — всего лишь шестёрка, а многие проблемы решает за вас. Не уважает?

Шульман снова потёр ладонью сухую скулу, она у него почему-то всё время чесалась.

— Не понимаю, майор, зачем ты усложняешь себе жизнь. Ладно, пусть идёт. — Он посмотрел на полицейских. — Не спускайте с них глаз!

— И ещё одно соображение, — обронил Варавва. — Если я не позвоню лейтенанту Варенову, он запаникует, начнёт бегать по окрестностям, меня искать, начальству доложит, а я не хочу видеть его в гробу.

Шульман снова заколебался:

— Тебе-то он кем приходится? Братом, сыном, сватом? О себе лучше беспокойся.

— Я только посоветую ему не соваться куда не следует.

Шульман поднёс руку к лицу, но чесаться не стал, достал из кармана айком Вараввы.

— Звони. Одно лишнее слово — и ты труп!

— Понял, не дурак. — Варавва ткнул пальцем в кнопку «Алекс».

Лейтенант откликнулся мгновенно:

— Товарищ майор?

— Я отъеду на пару часов, жди звонка. Посылка пошла?

Шульман сделал к нему движение, но Варавва выставил ладонь, останавливая его, выслушал ответ:

— Скоро будет.

— Жду. — Вернул мобильный капитану, стиснувшему губы в бледную полоску. — Не трогайте парня, он нам ещё пригодится.

Шульман молча повернулся и зашагал прочь от катера.

Вслед за ним потянулись остальные: Варавва с Евгенией и оба полицейских с оружием в руках.

Расщелина была узкой и упёрлась в тупик. Однако тупик оказался иллюзией: стоило повернуться к нему вполоборота, как слева приоткрылась щель, превратившаяся в метровой ширины проход между скалами. Проход вильнул в тёмный зев пещеры. Слева и спра-

ва вспыхнули яркие квадраты осветителей, не позволявшие ничего увидеть в глубине пещеры. Шульман надвинул на глаза чёрные очки, сделал жест идущим сзади.

Варавву и Евгению взяли под руки, повели в глубь пещеры.

Варавва скосил глаза, щурясь особым образом, и, прежде чем они миновали устье пещеры, заметил две неясные фигуры слева и справа от входа, а также крючковатую растопырчатую тень, чем-то напоминающую силуэт зенитной установки.

Осветители погасли. Впереди загорелся фонарь, луч света упёрся в пол пещеры, явно обработанный какими-то механизмами. В нём проявились ступеньки, уходящие в туннель, ныряющий вниз, в шахту или колодец, также со следами обработки. Пахло в пещере прогорклым маслом и ржавым железом.

Начали спускаться в шахту, диаметр которой достигал не менее десяти метров.

Спуск длился около пятнадцати минут. На глубине трёх десятков метров (по расчётам Вараввы) идущий впереди Шульман высветил фонарём круглую площадку с двумя металлическими тумбами и цилиндром диаметром в два метра, бликующим матовым стеклом.

В стенах загорелись вертикальные люминесценты. Стало видно металлическое кольцо, опоясывающее цилиндр.

— Лифт? — кивнул на него Варавва.

— Ждём, — сказал Шульман.

Раздался тихий гул, цилиндр прорезала щель, развернувшая створки двери. Из тёмной кабины лифта шагнул Супрун в сопровождении немолодого мужчины в сером комбинезоне, напоминающем робу автомастера. У спутника Супруна было морщинистое лицо землистого цвета, нос сливой, голову прикрывала белая каска. Увидев перед собой Варавву и Евгению, он нахмурился.

— Ты говорил — он будет один...

— Какого чёрта ты притащил сюда бабу?! — повернулся Супрун к Шульману.

Капитан флегматично сплюнул.

— Он хочет иметь помощника.

— Он хочет! — взъярился Супрун. — Перехочет! Ещё не генерал! Забыл?! Мы баб в помощники не берём, у них слишком длинные языки! Отведите её назад!

— Она поможет нам с прессой, — сказал Варавва, дыша глубоко и ровно, насыщая кровь кислородом. — Напишет пару успокаивающих общественность репортажей, сочинит компромат на Баркова.

— К едрене фене! Нам это уже не понадобится. Она вообще никому не нужна, даже тебе! Найдёшь тёлку помоложе! Будешь свободен. Седьмой, шлёпни её к чертям собачьим!

Шульман достал пистолет, и Варавва понял, что выбора ему не оставили. Оставалось только надеяться на скорую доставку «посылки» — диверсионной группы из центра. Алексей намекнул, что он связался с «конторой» и та выслала группу в Молёбку. Но прошло всего чуть больше двух часов с момента вызова, и сколько времени надо было ждать до её высадки, сказать было трудно. А равнодушно смотреть на то, как убивают Женю, он позволить себе не мог.

«М-мать вашу! — вскипятил он себя. — Вы уверены в безнадёжности сопротивления?! Не ждёте сурпризов?! Что ж, мой ход!»

Пистолет сам собой вылетел из руки Шульмана, свернул ему скулу.

Мгновенный поворот, удар по лодыжкам Евгении (прости, милая, нет времени на объяснения), чтобы не мешала движению, два выстрела, две пули — полицейским, цапнувшим с плеч автоматы.

Но реакция у Супруна была отличная, он умело ушёл с вектора выстрела — пуля расколола стеклянную створку лифта — и, поднырнув под руку Вараввы, выбил пистолет из его руки. Вскочил. Заработал руками и ногами в стиле мастера «барса». Ну, понят-

но, его учили там же и те же, и бил он из положений, которые считались самыми эффективными. Что ж, уверенные в своём превосходстве проигрывают реже, но проигрывают, а знаешь ли ты живу, капитан? Был ли у тебя учитель, знающий это древнерусское боевое искусство?

Варавва ударил. Ему ответили. Однако не так, как ответили бы вооружённые практиками живы. Тем не менее бой продолжался ещё какое-то время, полный почти невидимых от скорости ударов рук-ног с выплеском энергии.

Очнулся Шульман, сел, ворочая головой, ища глазами оружие.

Вышел из ступора пожилой спутник Супруна, отступил к лифту.

Варавва начал теснить Супруна, понимая, что теряет шанс спасти жизнь себе и Евгении.

Шульман на карачках побежал к телам полицейских, выронивших свои автоматы, но кто-то опередил его. Раздался выстрел.

Капитан опрокинулся на бок, получив пулю в висок.

Спутник Супруна споткнулся, испуганно втягивая голову в плечи.

Отвлёкся на мгновение и Супрун.

Это стоило ему жизни.

Варавва донёс костяшки пальцев до шеи убийцы Баркова, вложив в удар всю накопленную за время знакомства ненависть.

Супрун отшатнулся, хватаясь руками за шею, выпучил глаза.

— Алаверды, — хрипло пробормотал Варавва, опуская руки. — «Жало скорпиона».

Супрун кулём свалился на пол, дёрнулся несколько раз, затих.

Его спутник сделал было движение к лифту, собираясь сбежать, но Варавва догнал его в два прыжка, развернул к себе, дал пощёчину.

— Замри! Фамилия!

— Дергачёв, — пролепетал «автотехник».

— Уровень функционирования?!

— Десятый...

— Неплохо тебя оценили, за такого «языка» мне орден положен. Учёный, инженер?

— Инженер... электрик...

— Значит, в курсе, что здесь происходит. Расскажешь всё, что знаешь.

Морщинистолицый инженер побелел.

— Я... не могу...

— Жить хочешь?!

Дергачёв затрясся, судорожно закивал. Жить он хотел.

— Хочешь, вижу, умница. — Варавва оглянулся.

Евгения стояла у стены, держа трясущимися руками пистолет Шульмана, и огромными глазами смотрела на мёртвого капитана.

Варавва рывком усадил инолайфа на колени, подошёл к женщине, отобрал у неё пистолет, погладил по волосам.

— Женя, спасибо! Ты молодец!

— Я его... убила!

— Ты спасла меня! — Варавва хотел добавить: и себя тоже, — но не стал.

Она бросилась к нему на шею.

*Окрестности Усть-Кишерти,
25 августа, ближе к вечеру*

Летели на высоте километра, разглядывая в иллюминаторы вертолёта зелёное море тайги Пермского края, поля, болота и редкие возвышенности. Переоделись уже после взлёта, и теперь Алексея окружали упакованные в спецкостюмы «киборги», вооружённые до зубов и готовые к любому повороту событий. Разве что забрала шлемов у большинства бойцов были подняты, и Алексей мог видеть их лица, спокойные, сосредоточенные на задании, вовсе не напоми-

навшие лицо Шварценеггера, «главного терминатора» американских блокбастеров.

Блеснула излучина реки.

— Левее, — встрепенулся Алексей; он был единственным из всех пассажиров новенького «Ми-8 ММТ», кто не был экипирован «ратником».

Его слышали.

Вертолёт повернул левее.

На забрале шлема командира группы (широкий, могучий, массивный как медведь, он шлема не снимал) мигнул жёлтый огонёк вызова.

— Орёл, я Зенит, — заговорил наушник рации Тамоникова голосом дежурного системы спутникового слежения Южно-Уральского военного округа.

— Слушаю, Зенит, — отозвался Тамоников, раскрывая планшет-налокотник, экран которого показал карту Пермского края.

— Весь Кунгурский район накрыть сетью частных видеофиксаторов. Мы отследили три десятка ползающих источников, в том числе над Усть-Кишертью и Молёбкой. Судя по параметрам излучения, это в основном беспилотники класса «Орлан-2».

— Чистые гляделки? Не стрелялки?

— Скорее всего — гляделки плюс шумогенераторы. На всякий случай сообщите при подлёте, мы врубим ближайшую РЭБ¹.

— Буду над целью через пару минут.

— Удачи, Орёл!

— Приготовились! — скомандовал Тамоников, поднимая над головой сжатый кулак.

Бойцы опустили забрала шлемов.

Алексей, пристально вглядывающийся в ландшафт под винтокрылой машиной, ткнулся лбом в иллюминатор.

— Катер! Видите? Вязовка впадает в Сылву...

— Вижу, — отозвался командир группы.

¹ Станция радиоэлектронной борьбы.

— Берег обрывистый, каменистая горбина, не сядете...

Что-то сверкнуло в зелёной шкуре леса впереди по курсу вертолёта, как капелька росы на траве.

— Дрон!

— Зенит, я Орёл — «гром»!

— Есть «гром», Орёл!

На обширную болотистую равнину площадью в три тысячи квадратных километров, с петлями рек и зеркалами озёр, обрушилось невидимое цунами высокочастотного радиоизлучения, забивая все каналы связи и передачи данных всех наземных и летающих аппаратов, в том числе — управляемых дистанционно. Ослепли все датчики визуального контроля, все телекамеры, работающие на специальных частотах, потеряли управление беспилотники в зоне удара, аварийно переключили диапазоны связи самолёты пассажирских авиалиний, летящие в настоящий момент над Пермским краем, хотя на их положении это практически не отразилось. Самолёты, подстанции и штатные энергопотребители района не пострадали, используя другие диапазоны связи и методы защиты.

Вертолёт спикировал к буро-жёлтой каменистой гряде, у которой бликовал металлом палубы небольшой катер. Ему навстречу бесшумно всплыла переливчато-пульсирующая, меняющая форму «тарелка» НЛО.

Вертолёт качнуло.

— Огонь! — рывкнул Тамоников, державший связь с кабиной пилотов.

Вертолёт дал залп из левой пусковой установки НУРС...

М-зона, подземелье, кабина лифта.

Спуск в преисподнюю

Лифт медленно пополз вниз, на стометровую глубину, приостанавливаясь каждые десять метров, будто проезжал этажи обыкновенной многоэтажки.

★ Пленник, год назад работавший на пермской ТЭЦ ведущим инженером, а потом завербованный рекрутами инолайфов, работающими под вывеской Агентства адекватных рабочих предложений — ААРП по всей стране, исправно отвечал на вопросы и не думал о последствиях.

Он рассказал, что пришельцев на Земле много, но Зверем занимается лишь одна раса — полевики из центра Галактики, обитавшие в поясе между звёздами балджа, центрального галактического ядра и чёрной дырой, по массе равной миллиону солнц. Сами себя они называли наездниками, используя дикцию и произношение землян, в данном случае русскоязычных, и Дергачёв удивился, когда Варава назвал «заселенцев» инолайфами. О работах уфолога Баркова он ничего не знал, занимаясь одной проблемой — настройкой системы управления Зверем.

Что или кто такой Зверь, он, в общем-то, не знал тоже. Вернее, воспринимал спящую в недрах земли сущность как некое устройство, которое надо было разбудить, заставить вспомнить свое предназначение и служить новым хозяевам.

Воевать с людьми наездники не хотели. Они просто использовали тела землян в своих целях (как это делали и другие инопланетные существа полевой формы жизни), ничуть не переживая за их судьбы, и спокойно ликвидировали тех, кто не соглашался с ними контактировать.

Зато они воевали с какой-то агрессивной разумной расой в центре Галактики и надеялись в этой войне победить с помощью Зверя. Впрочем, подробностей Дергачёв — десятый в иерархии наездников — не раскрыл, да и как человек не интересовался такими вещами, не обладая широтой взглядов и любопытством исследователя. Ему предложили работать с пришельцами за приличное вознаграждение (какое именно, он опять-таки не сказал), инженер согласился и, как типичный обыватель, не переживал по поводу того, что служит пусть и не завоевателям, но

нелюдям, готовым ради достижения своих целей разрушить полпланеты.

— Вас убьют, — равнодушно сказал он, когда лифт почти достиг дна шахты. — Соглашайтесь, пока не поздно, они хорошо заплатят.

— Золотом? — усмехнулся Варавва, убеждённый в том, что ни при каких обстоятельствах не стал бы сотрудничать с чужаками. — И что я буду с ним делать? На базаре продавать? Сколько вас внизу?

— Одиннадцать человек. Дежурная смена.

— Дежурная смена? То есть вы меняетесь?

— Раз в месяц. Кое-кто не выдерживает, его заменяют...

— То есть ликвидируют. Понятно. Ты десятник, значит, старший смены?

— Есть ещё главный надзиратель...

— Капо.

— И куратор. Но куратор появляется всего раз в неделю.

— Кто он?

— Сто первый...

— Ух ты, большая шишка, однако! Но я имел в виду земного носителя.

— Мэр Кунгура, Гурджанян.

— Я почему-то так и думал, что вы найдёте руководителя повыше рангом, ему удобнее прикрывать вашу деятельность. А полковник Чешко в таком случае у него на побегушках. Как же легко находятся среди нас такие подонки! Ведь вы ищете только добровольцев?

Дергачёв с прежним равнодушием пожал плечами. Он мыслил конкретно, и его мелкая душонка не корчилась в судорогах переживаний.

— А надзиратель кто?

— Двадцать первый... бывший замглавы администрации Перми... Ващекин.

— Тоже неслабая фигура. Он командует охраной?

— Нет, Ващекин контролирует все службы... на-

чальник охраны — пятый, бывший вертухай из пермского СИЗО. Филоненко.

— Правильно, этой должности особые мозги не требуются. Сколько всего охранников?

— Пятеро, включая Филоненко.

— Так мало?

— Всё контролирует компьютер... датчики... здесь всё можно взорвать дистанционно.

— Тоже выход. Если четверо из одиннадцати — охранники, то остальные...

— Айтишники, энергетики, один физик...

— И все согласились работать на вас добровольно?!

Дергачёв отвёл глаза.

— Всем хочется жить... хорошо.

— Вот это желание и погубит людей в конце концов. Ладно, на эту тему потом поговорим. Выходишь первым и сразу зовёшь главного вертухая, Филоненко. Где располагаются охранники?

— Двое на мониторе, двое у лифта.

— Надзиратель?

— Как правило, в центральном пусковом модуле... или на территории. Он часто обходит зал.

— Остальные халдеи?

— Компьютерщики в модуле, в основном... но кто-то может обслуживать агрегаты запуска.

— Понятно, всех в одно место собрать не удастся. НЛО вы запускаете?

По губам Дергачёва впервые скользнула кривая ухмылка.

— Мы ничего не запускаем.

— Как же не запускаете, если над Молёбкой их видели десятки раз?

— В основном это эффекты технических сбоях запуска и спонтанные флуктуации работы некоторых ячеек Зверя, так сказать, его мыслеформы. Он реагирует на щекотку... э-э, на наши манипуляции. Но есть и другие причины появления визуальных эффектов.

— Какие?

— К нам прилетают инспекторы...

— Откуда? Из центра Галактики, что ли? — недоверчиво хмыкнул Варавва.

— Не смейтесь, так и есть, нас проверяют. И при этом далеко не всегда соблюдают правила секретности при старте-финише, считая, что завеса мистики в аномальной зоне спишет всё на феномен НЛО. Уфологи нам в этом деле весьма помогают. Нет особой нужды прятаться. Кстати, мы только что, минут пять назад, проводили инспектора.

— НЛО?

— Не знаю уж, как он себя повёл. Может быть, тоже плюнул на инструкции, и старт галактолёта кто-то видел, приняв за НЛО.

Хорошо, если бы это увидели наши парни, подумал Варавва.

— Диспозиция понятна. — План дальнейших действий созрел окончательно. — Женя, ты останешься в лифте...

— Нет! — перебила его журналистка. — Я пойду с тобой! Один ты не справишься! Я умею стрелять!

Он взгляделся в раскрасневшееся, ставшее прекрасным лицо Евгении, с пунцовыми губами и сияющими огромными глазами, мимолётно подумал, что она вполне могла бы составить ему счастье. Но чем закончится его отчаянный десант в глубины земли, никто не знал, и оставалось лишь дать себе клятву сделать всё, чтобы понравившаяся женщина выжила!

— Держи. — Он протянул ей пистолет. — Тут осталась почти вся обойма — шестнадцать патронов. Будешь прикрывать спину.

— Слушаюсь! — неумело отдала честь Евгения.

Варавва повернулся к проводнику-пленнику:

— Твоя жизнь зависит только от тебя! Делай всё, что я прикажу, и останешься жить.

— Х-хорошо, — торопливо сказал Дергачёв.

Лифт остановился...

*М-зона, берег реки Вязовки.
25 августа, ещё ближе к вечеру*

Впервые в жизни Алексей видел, как выпущенные вертолётom ракеты, взрываясь, меняют форму НЛО.

«Тарелка» — эфемерное, мерцающее, куполовидное облако, то бликующее металлом, то бросающее снопы разноцветных лучей — вдруг потекла во все стороны струями тумана и огня, и закончилось всё грандиозной огненной феерией, не уступающей по красочности современным фейерверкам.

Вертолёт качнуло, он зарылся носом в ставший плотным воздух, с трудом выровнялся над вершиной гряды, усеянной каменными россыпями, завис над ними на высоте трёхэтажного дома, поднимая тучи пыли.

— Катер!

Вертолёт дал залп по катеру. Несколько фигур, появившиеся на его палубе, успели открыть огонь из автоматов, но это их не спасло.

Катер превратился в тучу огня и дыма, затонул в течение нескольких секунд.

— Пошли! — скомандовал Тамоников.

Бойцы группы один за другим попрыгали вниз, цепляясь за трос устройства высадки десанта. Последним прыгнул Тамоников, крикнув:

— Отвечаешь за связь!

Вертолёт взмыл вверх, пошёл по кругу над грядой.

Алексей, склонившись над порогом боковой дверцы, увидел, как бойцы разбежались по гряде, наткнулись на несколько очередей: охранники точки высадки появились как чёртики из коробки, — ответили на стрельбу и собрались возле двух скал, откуда и велась стрельба.

— Идём внутрь! — прилетел в наушник рации Алексея голос командира группы. — Здесь дырка в скалах!

— Что мне передать вашим? — заорал в ответ Алексей.

— Жди, — ответили ему.

Фигурки бойцов исчезли, будто растворились в воздухе.

— Варавва, — пробормотал лейтенант, — продержись ещё чуток, мы близко...

М-зона, подземелье.

Зверь и звери...

Их не ждали.

Вернее, ждали как потенциальных сотрудников «комитета наездников», а не как десантников, вознамерившихся вдвоём нарушить давно заведённый порядок в святая святых пришельцев — в Обители Зверя. Да и то ждали одного парламента — Варавву, надёжно изолированного конвоирами сверху (как казалось), а вышли двое — Варавва и Женя, вооружённые автоматами и пистолетом Шульмана.

Сначала внимание охранников отвлек Дергачёв, выйдя из лифта первым и потребовав старшего.

Ничего особенного в его просьбе не было, и охранники, — их и в самом деле было двое, один прохаживался по полу помещения с лифтом, второй сидел за низкой стойкой, на которой красовался обычный коммутатор, и пялился на экран компьютера, в котором мелькали какие-то тени, — глянув на сгорбленного начальника смены, вызвали Филоненко.

Варавва вышел следом за инженером, держа за спиной в обеих руках «калаши» полицейских. На него посмотрели более внимательно, однако оба «пятых» не владели экстрасенсорными способностями и настрой гостя не прочувствовали.

Зато почуял неладное появившийся в коридорчике со стороны пещеры главный охранник объекта — низкорослый, но широкий, с мощными руками до колен, шапкой чёрных вьющихся волос и чёрной бородой. Бывший сотрудник СИЗО больше походил на цыгана, несмотря на обтягивающий фигуру серо-фиолетовый костюм охранника.

— Мне велено отправить вас обратно, — гроыхнул он каменными жерновами голоса.

— А мне приказали показать им Зверя, — пискнул Дергачёв.

— Кто приказал?

— Шестой...

— А мне — двадцать первый! Разворачивайтесь!

— Будьте добры, позовите Ващекина, — вежливо попросил Варавва, успев оглядеться и сосредоточиться на главных деталях обстановки. В лифтовое помещение вели два коридорчика, из первого вышел «цыган» Филоненко, второй упирался в тупичок с дверью. Дверь была закрыта и беспокоила Варавву как заноза в пальце.

Филоненко озадаченно смерил его тяжёлым взглядом.

— Сказано — вертайтесь, значитца, вертайтесь! Повторять не буду. Фикса, свяжись с верхом, пусть встречаются.

Пол помещения, выложенный рубчатыми металлическими плитами, едва заметно дрогнул.

Филоненко склонил голову к плечу, прислушиваясь к слабому, затихающему гулу стен.

— Что за чёрт? Фикса!

Бегающий пальцами по клавиатуре компьютера лысый охранник вскинул руки.

— У них там... война!

— Какая ещё война?!

— Вертолёт... ракеты... десант...

Начальник охраны оглянулся на прибывших с поверхности Земли, рванул с плеча висевший на ремне пистолет-пулемёт, и Варавва дал две очереди одновременно, в двух направлениях, одну — в Филоненко, вторую — в охранника справа, также схватившегося за оружие.

«Калашки» не подвели, пули легли густо. «Цыган» и рослый малый в мундире распростёрлись на полу.

Лысый охранник вскочил и замер под дулом автомата.

— Спроси, кто атакует, — шагнул к нему Варавва.

— Штукари... в комбезах... — выдавил парень.

— Кто?

— Спецназ какой-то... не знаю... побили охрану. —

Лысый вдруг перевёл взгляд за спину Вараввы.

Вторая дверь! — с сожалением вспомнил он, разворачиваясь и понимая, что не успевает.

Раздался выстрел, за ним другой, третий.

Варавва извернулся, падая и скидывая оба автомата.

Дверь в тупичке за лифтом была открыта, рядом с лифтом зыбилась дымчато-прозрачная фигура с человеческой головой, а из кабины лифта выглядывала Евгения с пистолетом в обеих руках. Она и стреляла, опередив гиганта в маскировочном суперкостюме «хамелеон», превращавшем его в привидение.

Варавва дал очередь, упал, вскочил, заметил движение лысого охранника — к автомату на стойке, выстрелил ещё раз.

Лысый упал.

Зыбкая зеркально-оскольчатая фигура перестала плыть и качаться, Варавва направил на неё ствол «калаша», но стрелять не пришлось.

С глухим стуком тело надзирателя — Ващекина («двадцать первого» в иерархии наездников) свалилось на плиты пола, роняя какое-то странное оружие, напоминавшее ракетницу и лазер одновременно.

В помещении стало тихо, только с экрана компьютера доносились едва слышные вопли, выстрелы и взрывы. Десант «конторы» (Варавва уже понял это) продолжал вскрывать заслоны шахты, ведущей к подземелью со Зверем, и был уже близко.

Евгения высочила из кабины лифта, метнулась к Варавве, косясь на упавшего надзирателя.

— Он... не встанет?!

— Вряд ли, — качнул головой майор, посмотрел на побледневшего до смертной синевы Дергачёва. — Что это у него в руках?

— Сплин, — хрипло выдавил начальник смены.

- Что?
- Аппарат вселения...
- Я думал — какой-то ваш разрядник.
- Мы пользуемся тем, что у нас...
- Ну да, вынуждены пользоваться нашим же оружием. Значит, в обойме этого... гм, сплина — души ваших соотечественников? Наездники?
- Да... полная смена...
- Какого хрена он пытался всадить в меня наездника? Я же не давал согласия.
- Вы бы потеряли сознание...
- И эти парни просто пристрелили бы меня. Кстати, где ещё двое охранников?
- Там, в пещере блок-пост, справа...
- Они нас видят?
- Конечно.
- Жаль, гранат нет. — Варавва отстранил Евгению. — Ждите здесь, последи за ним, чтобы не устроил концерт.

Подумав, он вернулся к трупам надзирателя, поднял с пола «ракетницу», с помощью которой наездники вселялись в тела людей. Возникла идея использовать её вместо автомата. Тем более что патронов в магазинах обоих «калашей» оставалось всё меньше и меньше. На всякий случай крикнул в проём двери, ведущей в центральную пещеру со спящим Зверем:

— Выходите по одному! Обещаю сохранить жизни!

Ему дружно ответили из двух пистолетов-пулемётов. Думать «пятые» не умели, выполняя приказ «чужих не пропускать», и уговаривать их не имело смысла.

Варавва дал в ответ длинную очередь, опустошая магазин автомата в правой руке, отбросил «калаш», берясь за рукоять сплина, перекатился мячиком по коридорчику и, уже представляя, где засели охранники, оба — слева от входа, нажал на гашетку «ракетницы», посылая очередь невидимых энергоинформационных «пуль» — «душ» наездников, ждущих своих носителей.

Идея себя оправдала: «души» нашли тела охранников, но так как их головы уже были заняты другими «квартирантами», возник конфликт новых переселенцев со старыми, охранники вообще перестали соображать, что происходит, и прыгнувший в пещеру Варавва, обнаружив противника, опустошил магазин и второго автомата. Упал, перекатился по полу под неровную, бугристую, каменную стену, ожидая ответных выстрелов, прислушался к своим ощущениям, встал.

Охранники не шевелились, получив по несколько пуль каждый. Восстановить их активность засевшие в головах наездники не смогли.

— Выходите! — крикнул Варавва, поднимая один из пистолетов-пулемётов (отечественный «бизон») и озираясь.

Пещера оказалась не столь уж и большой, как он ожидал. Её купол поднимался метров на двадцать, а диаметр не превышал полусотни метров. Зверь — необычной формы монолит со множеством плавно перетекающих друг в друга вздутий и жил, больше напоминал гигантскую каплю ртути, уходящую основанием в шахту неизвестной глубины, и его лоснящиеся, бликующие в свете прожекторов бока медленно текли сами в себе, меняя форму.

Только теперь Варавва почувствовал взгляд спящего, тяжёлый, как могильная плита, и невольно отступил назад, собираясь в комок.

Взгляд Зверя не был угрожающим, вызывая ассоциации заторможенности, отрешённости от всего сущего, равнодушия и эйфорической пустоты. Зверь — кем бы он ни был — находился в состоянии пассивной рассредоточенности, которую можно было назвать сосредоточенностью на пустоте, в состоянии протрации, если пользоваться земными терминами, и лишь изредка «вскидывался» сквозь сон, пробуждаясь на мгновение и снова впадая в глубокую депрессию нирваны.

Подошли Дергачёв, почти не обративший внимания

на «каплю ртути», и сражённая увиденным — глаза на пол-лица! — Евгения.

— Ужас! — проговорила она хрупким голосом. — Он... жидкий?!

— Это голография, — пробурчал Дергачёв, покосившись на тела охранников. — У него нет определённой формы, а рентген его не берёт. На экране томографа — куча муравьёв, образно говоря, или скорее — осиный рой. Хотя это и не осы, и не муравьи, — полевые кластеры. Но энергии в нём — что в сотне атомных бомб.

— Не рванёт? — облизнул пересохшие губы Варавва.

— Не должен, это же не бомба в конце концов. Боевой робот с большим спектром воздействия на материальные объекты.

— Вы же подготовили всё к взрыву.

— Это мера предосторожности, на случай, чтобы к нам никто не смог прорваться. Но взрыв Зверя на уничтожит.

— Ужас! — повторила Евгения. Сконфузилась, виновато посмотрела на Варавву. — А я не верила Ермоше! Честное слово!

Туша Зверя вздрогнула, по ней побежали тусклые змейки фиолетового свечения, собрались в кольцо, и это кольцо ушло в потолок пещеры, порождая водопад мелких искр.

Дергачёв бледно улыбнулся.

— Через пару минут из-под земли в районе Сылвы вылезет очередной НЛО.

Варавва очнулся.

— Значит, взорвать его нельзя?

— Если только сбросить атомную бомбу, способную пробить сто пятьдесят метров базальта и осадочных пород. Да и то я не уверен.

— А если возбудить внутри какие-нибудь автоколебания, чтобы его реактор пошёл вразнос?

— У него нет реактора, он сосёт энергию из вакуума. К тому же если Зверь взорвётся, ни от Молёб-

ки, ни от всего Пермского края не останется камня на камне!

— Ясен пень. А заставить его улететь в космос можно?

Дергачёв в растерянности почесал затылок.

— Мы не ставили такой задачи.

— Так поставьте!

— Не получится.

— Почему?

— Тревога уже началась, сюда скоро прилетят глухари.

— Кто? — не понял Варавва.

— Ну... чистильщики... зачистят территорию, наберут новую команду... так уже было.

— Глухари — тоже наездники?

— Конечно.

— Пока они найдут новых исполнителей, пока зазомбируют, пока ликвидируют компанию Чешко... хотел бы я на это посмотреть... пока спустятся к нам... сколько у нас времени?

— Может, час... может, чуть больше.

— Успеем что-либо предпринять. Веди в модуль управления вашей машинерией.

— Я хочу жить... — Дергачёв заторопился, увидев сдвинутые брови майора. — Я буду полезен, клянусь! Выполню любой приказ!

— В этом я не сомневаюсь. Интересно, это психология наездников — уцелеть любой ценой? Или чисто человеческое качество? Наездники боятся умереть?

На мгновение лицо Дергачёва стало иным, чужим, высокомерно-презрительным, словно с него слетела маска. Инженер тут же сморщился, засопел, бледнея, заискивающе заглянул в глаза Вараввы, но тот уже понял, что верить ему нельзя. Ни как наезднику, ни как человеку.

— Живи... пока... замечу подозрительный жест — пристрелю!

— Хорошо, хорошо...

Из прохода к лифтовому блоку слышался лязг, лёгкий скрип шагов множества людей.

По спине пробежал ручей мурашек.

— Отступаем! Быстро к модулю!

Дергачёв согнулся, шмыгнул мимо туши Зверя вправо, к мачте с осветителем, за которой виднелась синяя гофрированная стенка модуля управления процессом активации. За ним послушно заторопилась Евгения.

Варавва попятился, поднимая ствол «бизона».

Из проёма двери выглянула голова человека в шлеме «киборга».

Оба замерли, разглядывая друг друга.

— Кашин? — раздался густой глуховатый бас.

— А ты кто?

— Тамоников. — Забрало шлема откинулось.

Варавва поднял ствол пистолета-пулемёта вверх. Он узнал майора, с которым встречался на базе, группа из центра успела раньше глухарей. Но до решения проблемы было ещё далеко.

— Вовремя! Сколько вас?

— Обойма. — Тамоников перевёл взгляд на «глыбу дышащей ртути». — Что это за чудо?

— Зверь.

— Чего?!

— Потом объясню, майор. У нас всего час на то, чтобы разобраться с этим Зверем так, чтобы его никто не разбудил. Скоро сюда свалится десант наездников...

— Кого?!

— Расставляй своих бойцов по пещере. В этот кунг, — Варавва указал на выглядывающий из-за «ртутной капли» бок модуля, — никто не должен прорваться. Особенно уделяй внимание тем, у кого в руках будут такие штуковины. — Варавва пнул ногой «ракетницу» сплина.

— Гранатомёты?

— Хуже, зомберы, превращают людей в роботов, исполняющих чужие приказы.

— Понял.

— Попытайся связаться с базой, нужно подкрепление. — Варавва повернулся к ожидавшей его паре: — Вперёд!

Обогнули тушу Зверя.

Модуль активации и в самом деле представлял собой нечто вроде автомобильного кунга из гофрированного материала размером с грузовой фургон фирмы «Континенталь». Длина его достигала пятнадцати метров, ширина — около трёх.

От него к туше Зверя тянулась полуметрового диаметра гофрированная металлическая труба, другим концом погружённая в тело монстра. Ещё с десятков разной толщины кабелей уходил из торца фургона в щель между телом Зверя и краем шахты. Над некоторыми потрескивали электрические искорки, и воздух был насыщен озоном.

Из-за фургона доносился гул: за ним, очевидно, прятался генератор питания.

Дергачёв дотронулся ладонью до чёрного квадрата на стенке кунга, слева от контура двери. По квадрату скользнула зелёная полоска, щёлкнуло, дверь сама собой ушла в проём и в сторону.

Варавва отодвинул инженера, шагнул в фургон первым.

Он увидел пять столиков-пультов, вытянувшихся цепью вдоль стенки фургона, пять метрового размера экранов над ними и четверых операторов, сидящих за столиками, не спускающих глаз с экранов, по которым ползли столбцы светящихся цифр, геометрических фигур и цепочек непонятных символов. На появившегося Варавву они даже не оглянулись.

Зато он обратил внимание на стоящий у дальнего торца фургона аппарат под прозрачным колпаком, напоминающий барокамеру и томограф одновременно. От тумбы «томографа» тянулись жгуты кабелей, исчезаая в стенке, и ещё одна гофрированная труба, но вдвое меньше диаметром, чем труба снаружи.

В камере кто-то лежал. Было видно обнажённое те-

ло, опутанное датчиками. Голова «пациента» скрывалась в сложном шлеме. Подойдя ближе, Варавва убедился, что это мужчина. Понаблюдав за мигающими огнями на шлеме, он повернулся к Дергачёву:

— Кто это?

— Двадцать второй, — с готовностью подбежал к нему начальник смены.

— Кто носитель?

— Один уфолог... Белобров...

Вспомнилась речь Старшинина: один уфолог — Белобров — пропал, второго убили...

— Что он здесь делает?

— Ничего... он формирует брейн-зону...

— Объясни!

Подошла Евгения, с любопытством и брезгливостью оглядела прозрачный саркофаг камеры, нахмурилась.

— Он болен? Его лечат?

— Понимаете, всё просто, — засуетился Дергачёв. — Зверя невозможно активировать всего целиком одномоментно, нужно настраивать каждый нервный узел, а их у него более шести тысяч. Настроено чуть больше пяти... Для настройки мы и используем своих специалистов...

— Всаживая их в тело носителя.

— Брейнформаторов нужно много, они долго не выдерживают...

— Носитель один?

— Нет. — Дергачёв шмыгнул носом. — Они быстро сгорают, приходится заменять.

Взгляд Вараввы застыл.

Дергачёв встретил этот взгляд, переменился в лице, попятился.

— Я здесь ни при чём, эта процедура применялась до меня, клянусь!

— Сколько же вы убили людей?! Сто? Тысячу? Пять тысяч?!

— Меньше... некоторые выдерживают до десяти погружений... наездники горят чаще...

— То есть вы ни чужих не щадите, ни своих.

Инженер отступил ещё на шаг, затрясся.

— Мне тоже... надо было... но я полезнее как руководитель.

— Зачем же вы убили Баркова? Сунули бы его в камеру.

— Кого?

— Уфолога, который так же, как и Белобров, исследовал зону в Молёвке.

— Не знаю... я не убивал.

— Вряд ли ему докладывают, что творится наверху, — тихо сказала Евгения.

— Твари! — выговорил Варавва ледяными губами. — Нелюди!

— Они и есть нелюди.

— Я говорил об их носителях. Наездники родились такими бездушными и равнодушными ко всему, но ведь носят их не менее бездушные люди!

— Ермолай плохо относился к коллегам, к людям вообще, считая их вирусом себялюбия и пренебрежения к другим. Поэтому у него и не было друзей. Говорил, что человечество само себя погубит.

— Похоже, к этому всё и идёт. — Варавва подошёл к первому оператору, одетому в синий халат, понаблюдал за экраном, повернулся к пустующему стулу у пятого экрана: — Твой?

— Мой, — кивнул Дергачёв.

— Чем ты занимаешься?

— Отвечаю за модальную оптимизацию... — Дергачёв кинул взгляд на сжавшиеся губы майора, торопливо добавил: — После настройки куста брейнзон я свожу их в систему и слежу за состоянием реципиента.

— Его? — кивнул на бокс Варавва.

— Его, — показал пальцем на торец фургона Дергачёв. — Иногда приходится давать успокоительное.

— Как это?

— Мы вводим в его интерфейс специальные программы психоразгрузки: музыка, пейзажи, секс...

Евгения фыркнула.

— Секс его успокаивает? — не поверил Варавва.

— Больше, чем музыка.

— Неужели инопланетные роботы понимают, что это такое?

— У них были хозяева...

— Ну, если только они походили на людей. А что будет, если мы взорвём вашу аппаратуру?

— Зверь может возбудиться... он почти проснулся...

— И что случится?

Дергачёв сделал попытку улыбнуться.

— Случится землетрясение... может даже проснуться вулкан. Этого нельзя допустить!

— Вам-то что с того, наездникам? Вы-то смерти не боитесь?

— Не боимся... но избегаем... концепция самосохранения заложена и в нас.

— Что можно сделать, чтобы Зверь сам убрался с Земли? Тихо, без эксцессов?

Дергачёв развёл руками:

— Это невозможно. Необходимо перепрограммировать его контур управления, образно говоря — заменить целевую программу...

— Наездники ведь по большому счёту и есть программы, почему же нельзя кому-нибудь из вас прямую внедриться в мозг Зверя, как вы делаете это с людьми, и начать командовать им?

— Нашей воли не хватает, — с искренним сожалением произнёс Дергачёв, точнее, губами инженера — его наездник, «десятый».

Варавва это почувствовал. В голову пришла идея, и чтобы обдумать её, он прошёлся вдоль ряда операторских пультов, поглядывая то на экраны, то на самих операторов, по-прежнему занятых своей работой.

Подошла Евгения.

— Что ты задумал?

— Перезагрузку, — усмехнулся Варавва.

— Какую перезагрузку?

— Воли наездников не хватает на перехват управления Зверем, так, может быть, хватит моей?

Глаза Жени стали круглыми.

— Ты... с ума сошёл?!

Варавва повернулся к пульта Дергачёва:

— Сколько времени осталось до атаки ваших головорезов?

Инженер склонился над клавиатурой, пробежался по ней пальцами, впился взглядом в экран.

— Не больше двадцати минут.

Варавва посмотрел на спутницу.

— Зови Тамоникова.

— Кого?

— Командира группы, там, в зале. Быстрее! Открой ей дверь.

Дергачёв ткнул пальцем в клавиатуру.

Дверь открылась. Женя исчезла.

— Чего вы хотите?

— Занять место этого парня. — Варавва небрежно кивнул на саркофаг.

Брови Дергачёва прыгнули на лоб.

— Вы... серьёзно?!

— Более чем. Пошлёте моё сознание в Зверя. Я попробую его разбудить и подчинить.

— Вы не справитесь...

В модуль торопливо вошли Евгения и Тамоники.

— Майор, я сейчас лягу в эту коробку с крышкой, а ты проследи, чтобы меня правильно подключили. В случае каких-либо подозрений ликвидируйте всю эту вшивую шоблу, все они по сути — предатели и экзекуторы.

— Но...

— Никаких «но», майор! Речь идёт о глобальной катастрофе, и если мы не предпримем никаких мер, от Пермского края останется лунный ландшафт!

— Вы не справитесь, — повторил тупо Дергачёв, — один...

— О чём он? — требовательно дёрнула Варавву за рукав Евгения.

— Не бери в голову.

— Он сказал — ты не справишься один. — Журналистка повернулась к инженеру: — А вдвоём мы справимся?

Дергачёв посмотрел на саркофаг, на своих операторов, на Евгению, на Варавву, нерешительно подёргал себя за вислый нос.

— Не знаю... не уверен... мы не имели дел с женщинами...

— Мы не слабее мужиков! — вспыхнула Женя, повернула Варавву к себе: — И не возражай! Я пойду с тобой!

Варавва рассмеялся.

— Кто-то сказал, что женщины такие же, как мужчины, только на ощупь приятнее.

Тамоников покашлял.

— Кашин... ты понимаешь сам... что делаешь?

— Может быть, и нет, — сделался задумчивым на одно мгновение Варавва. — Если бы я думал о спасении одного человека... а спасать надо миллионы... и если есть хотя бы один шанс... Ты-то понимаешь, на что идёшь, спасительница?

— Понимаю! — сверкнула глазами Евгения. — Мы прорвёмся!

Варавва подошёл к саркофагу, внутри которого лежал обречённый на гибель человек.

— Мы уместимся вдвоём?

— Можно попробовать...

— Нужен ещё один шлем.

— Биосъём... у нас три в запасе.

— Тогда вынимайте этого парня.

— Э-э... — начал Тамоников.

Варавва крепко взял его под локоть.

— До Старшинина дозвонился?

— Радиосигнал не проходит, мы слишком глубоко, послал бойца наверх с донесением. Сыграем «альярм», прилетит вся «Альфа».

— Мы с ней ляжем, а на тебе — держать оборону

до прихода основных сил. Намертво держать! Потому что если сюда прорвутся наездники...

— Да кто это, чёрт побери?! Террористы, что ли?

— Не террористы, но тоже нелюди в человеческом обличье. И следи за сплинами... за «ракетницами». Страшно представить, что будет, если вас зазомбируют!

— Не беспокойся, я уже отдал приказ.

Варавва повернулся к Жене:

— Может, передумаешь?

— Нет! — воскликнула она, кидаясь ему на шею. — Не хочу тебя терять!

— Я тебя тоже, — улыбнулся он. — Идём спасать мир, женщина?

— Идём, мужчина!

И они шагнули к саркофагу...

ЧТО, ЕСЛИ МЫ САМИ?..

 улицы в открытую форточку доносился запах прибитой дождем пыли, слышалось пение птиц и шелест шин. Несмотря на столь умиротворяющую обстановку, Артур Александрович Гатальский — худощавый и бледный мужчина с высоким лбом — смотрел не в окно, а в отчет, который ему принесли на подпись. Как всегда, документ доделывали в последнюю минуту — уже завтра он должен был лежать перед заказчиком. На то, чтобы всё проверить, оставалось только сегодня и сейчас.

Синие росчерки, украшавшие лист бумаги под подписью «Согласовано», убеждали, что работа проделана огромная, документ всесторонне изучен и в правках не нуждается. Однако подпись «Гатальский» была определяющей, так что все вопросы, которые возникнут, будут заданы именно ему. И сначала придётся оправдываться, а уже потом искать, с кого спросить из числа «согласующих». И потому он не спешил подписывать, понимая, что каким бы идеальным ни был документ, всегда найдётся хоть один недочёт.

Вот и сейчас Гатальский уже нашёл пропущенную запятую, одно лишнее удвоенное «н» и, что уж совсем позорно, ненужный мягкий знак в «ться». Содержимое самого документа Артур Александрович просматривал мельком. Как раз здесь всё действительно было давно «согласовано». Да и задача состояла не в

том, чтобы всесторонне изучить проблему, а в том, чтобы красиво преподнести решение заказчику.

Оставалась последняя страница, когда зазвонил телефон.

Их у Артура Александровича было три — служебный, обычный мобильный и мобильный для особо важных случаев. Номер последнего знали только два человека: владелец аналитической компании, возглавляемой Гатальским, и куратор из силовиков.

Первый звонил редко и интересовался только прибылью и возможностью пристроить кого-нибудь из друзей, родственников или друзей родственников. Второй появлялся чаще, порой подкидывая какое-нибудь задание, а порой требуя результаты чужих исследований. Артур Александрович послушно выполнял эти просьбы — в конце концов, наверняка и у клиентов были свои кураторы.

Сейчас звонил тот самый мобильный для особых случаев, однако высветившаяся надпись — «Номер неизвестен» — Гатальскому не нравилась. Аппарат достался ему от куратора и от подобных надписей был застрахован.

Тем не менее, несмотря на эту странность, он на вызов ответил:

— Слушаю.

— Артур Александрович Гатальский?

— Вы же знаете, кому звоните, зачем уточнять? Если у вас какое-то дело, то говорите. — До конца рабочего дня оставалось минут тридцать, потому Гатальский торопился.

— Нам требуется сценарий развития событий. — Голос звонившего был бесстрастным и спокойным.

— Давайте по порядку. Представьтесь, расскажите, о чём речь, и согласуем сумму. Ещё лучше — если вы подъедете, и мы поговорим нормально. — Разговор порядком раздражал. И если бы не «тот самый мобильный», Артур Александрович бы уже завершил беседу или переадресовал на кого-нибудь из подчинённых.

— Миллион, — сказал «Номер неизвестен». — Аванс.

Тут же подал сигнал обычный мобильный. Гатальский взял телефон и обнаружил эсэмэс от банка с информацией о пополнении счёта его карточки. Миллионов в сообщении оказалось больше одного, и от неожиданности не сразу пришла мысль перевести их в евро.

Гатальский мог быть неплохим игроком в покер. Без дрожи в руках он вернул второй телефон на место, не сглотнул, не начал озираться, не вскочил. Даже голос его оставался спокоен, когда он сказал:

— Итак, сценарий...

По окончании разговора у Гатальского сформировалось два вывода. Первый — кем бы ни был заказчик, который так и не представился, но он явно богат и с придурью. Второй — задачка любопытная, хотя и подозрительная.

Быстро разобравшись с документом, Артур Александрович отдал его секретарше, а затем вызвал начальника отдела по работе с крупными клиентами. Тот явился минут через пять. Тяжело дыша, тучный лысый мужчина с курчавой бородой уселся в кресло напротив Гатальского и задумчиво уставился в потолок.

— Слава, — начал Артур Александрович. — Есть одно дело. У тебя кто-нибудь свободен?

— Не-а, — глухо ответил Вячеслав Бринь, который несмотря на возраст даже для подчинённых был именно «Слава». — Всё для фронта, всё для победы. У кого отпуск, а у кого сроки. А что?

— Заказали сценарий развития событий. Если никого нет, то берёшься за дело сам. Проект у меня на контроле. Докладывать чуть что и в любое время дня и ночи. Запиши телефон.

Гатальский продиктовал номер своего особого мобильного. Затем встал, прошёлся по кабинету, подвигал предметы на книжной полке, поправил портрет президента над креслом.

— Сценарий необычен, но платят хорошо, — наконец сказал он, остановившись. — Примерный смысл такой: что человечество будет делать, если Землю захватят инопланетяне?

— Правительство? — Бринь не удивился. Он был старше Гатальского на семь лет и сталкивался и с куда более странными заказами. — Или фээсбэшники?

— Не знаю, — Артур Александрович раздражённо передёрнул плечами. — А не всё равно, если отлично платят? Твоих — сто тысяч долларов. Ещё на сто можешь привлечь кого-нибудь со стороны. Что останется — на усмотрение.

— Сроки?

— Неделя.

— Маловато, — Бринь наконец-то изобразил что-то похожее на эмоции. — А если не успеем? Тема сложная, сам понимаешь...

— Слава! Я тебе не заказчик, чтобы меня уламывать. Я сроки не подвину, — Гатальский покачал головой, затем что-то вспомнил и вздохнул. — Хотя бы примерные пути решения должны быть. Не могу же я просто сказать, что мы ничего не успели. А вот если намётки будут, то попробую что-нибудь придумать. Но это на самый крайний случай. Должны успеть!

— Попробуем помаленьку.

Несмотря на обтекаемый ответ, для Бриня это был самый оптимистичный прогноз из возможных.

— Только чтобы попусту не болтали, — сказал Гатальский. — Если кого будешь привлекать, то скажи, что аналитика для компьютерной игрушки. Или для фильма.

Бринь в ответ лишь усмехнулся и так же степенно удалился.

«Всё-таки что-то здесь не так, — подумал Артур Александрович, оставшись один. — И надо бы срочно понять, пока не облажались».

За окном снова припустил дождь, создавая отличный звуковой фон для размышлений, и червячок сомнения с новой силой принялся за дело.

Ещё с раннего детства во время сильных волнений у Гатальского чесались дёсны, будто режутся зубы. И чтобы успокоить их, в ход шло всё, что оказывалось под рукой, и хорошо, если это было съедобным. В противном случае уничтожались ручки — иногда очень дорогие, — карандаши, линейки, ластики и прочая канцелярия.

А однажды, лет пятнадцать назад, Гатальский сжевал антенну от сотового телефона — пришлось срочно менять аппарат. Тот, что удивительно, продолжал работать, однако вытаскивать на глазах коллег и клиентов этот огрызок было стыдно.

Со временем привычку удалось более-менее приструнить. На столе у Артура Александровича всегда лежал блок жевательной резинки, а в ящике стола — пакетик с орехами и сухофруктами. Если их комбинировать через раз, можно было протянуть сколько-то времени.

В этот раз волнение оказалось столь сильным, что Гатальский превзошёл сам себя. Под конец он не выдержал и вернулся к карандашам. Чуть было не начал грызть и ногти, но этот порыв удалось остановить.

Причина для волнения была прозаической — как и ожидалось, Слава Бринь не успевал. Задача вышла слишком масштабной для отпущенного времени, а потому за два дня до окончания срока Гатальский всё же согласился на «упрощение до схемы». Бринь был так доволен, будто изначально этого и добивался, не собираясь выполнять заказ в полном объёме.

Когда в назначенный срок ему представили даже не общую схему, а всего лишь наметки, Артур Александрович понял, что действовать придётся по принципу, знакомому ему ещё с тех времён, когда он был обычным аналитиком: «Либо ты выдаёшь то, что человеку надо, либо уверенно врёшь».

А кроме того, Гатальский мысленно сделал пометку, что стоит задуматься о новом начальнике отдела по работе с крупными клиентами. Видимо, что-то такое мелькнуло во взгляде, поскольку Слава тут же

ринулся оправдываться. Беспрерывно гладил бороду и поднимал глаза к потолку.

Когда удалось его выпроводить, Гатальский посмотрел на жвачку, тарелочку с ореховой смесью и карандаши — ничего не хотелось. Волнение схлынуло, хотя ситуация выглядела отнюдь не радужно.

Едва он склонился над документом, чтобы хоть что-то улучшить, как зазвонил тот самый телефон с тем самым неизвестным номером.

— Слушаю, — сказал Артур Александрович.

— Готово? — спросил «Номер неизвестен», не здороваясь. — Мы ждём.

Гатальский внутренне собрался, глубоко вздохнул, а затем мысленно вызвал из памяти Артурчика Гатальчика, который на дворе всегда мог «разрулить беседу», а потому неизменно выходил победителем из любой разборки.

— Нет, не готово, но я рад, что вы позвонили. Нужно уточнить ряд моментов.

— Никаких уточнений. Вы не справились. Мы обратимся к другому человеку. — По голосу собеседника сложно было понять: расстроился он или нет.

— И ему придётся начинать всё с начала... — Эта мысль подействовала как озарение. — Мы ведь не первые, к кому вы обратились, так?

Последовала пауза. Однако абонент оставался на линии, и это дарило Гатальскому надежду. Голос его стал вкрадчивым и осторожным:

— Признаюсь, я был ошеломлён задачей, а потому сразу не озвучил нужных вопросов. В процессе работы они возникли, но... вы же не оставили свои контакты! Пришлось прорабатывать разные варианты, а всё сразу не сделаешь.

— Какие вопросы?

Гатальский быстро пробежался по подготовленному Славой документу:

— Например, каким образом будет произведён захват?

«Номер неизвестен» молчал. Пауза затягивалась.

Возникло ощущение, что там кто-то с кем-то советуется.

— Бескровным, — наконец сказал собеседник. — Очень желательно. В крайнем случае — с минимально необходимыми жертвами. Родственникам погибших будет выплачена компенсация.

— Отлично. Есть вариант, что у человечества перестаёт работать автоматическое оружие, правда, вряд ли это остановит людей в борьбе за свободу. Имеется предложение с зомбированием населения, но есть риск на чью-то невосприимчивость. Можно также постепенно внедряться, но понадобятся десятки лет, чтобы приучить человечество к мысли, что инопланетяне живут среди них. Ещё вариант с началом катастрофы и приходом в качестве спасителей... Вы слушаете?

— Да. Продолжайте.

И хотя в чужом голосе вновь не было никаких эмоций, Артур Александрович внутренне усмехнулся. Этот раунд переговоров он выиграл...

Бринь появился через десять минут после того, как Гатальский закончил разговор. Пришёл без звонка и вошёл без стука. Артур Александрович сосредоточенно изучал лист бумаги, испещрённый пометками.

— Ну? Как? — спросил Бринь заискивающе, и еле уловимый запах коньяка разнёсся по кабинету. — Сроки сдвинули?

— Возьми, — сказал Гатальский и передал листок. — У тебя три дня, чтобы отработать все варианты.

Слава несколько минут пыхтел над бумагой. Судя по движению глаз, он то читал, то задумывался, то возвращался к началу, то просто смотрел в одну точку.

— Бескровный, по возможности, захват. Минимальные усилия, чтобы подчинить себе всё человечество в тридцатилетний срок. Контроль должен быть полным и неоспоримым. Никаких вольнодумств и

протестных движений... — Бринь прервался. — Послушай, это точно не розыгрыш, а ФСБ? А может, ну... того?

— Что того?

— Настоящие инопланетяне. Что, если мы сами?..

Под взглядом Гатальского он замялся и покраснел. Артур Александрович мысленно сделал себе пометку не спешить с подбором кандидатуры на замену. Ещё годик Бринь может поработать.

— А чёрт его знает! — Гатальский неожиданно улыбнулся. — Но предоплата уже поступила на счёт, а времени в обрез. Постарайся предусмотреть все мелочи, все трудности, которые могут возникнуть. Накидай сценарии вчерне, а потом заказчик выберет один.

Бережно свернув листок вчетверо, Бринь положил его в карман. Теперь он смотрел на Гатальского с подозрением. Пытался понять хорошее настроение начальника и чуял, что дело не только в сдвинутых сроках.

Артур Александрович, будто читая мысли, подмигнул Славе.

— Что-то ещё?

— Ничего, — Бринь встал. — Только... странно всё это, не находишь?

Гатальский лишь покачал головой, продолжая улыбаться.

«Помучайся, Слава, помучайся, — почти ласково думал он, провожая взглядом подчинённого. — Будет тебе прекрасным уроком. Что к чему, ты начинаешь понимать, но вот что с этим делать, пока не догадываешься».

Следующие несколько дней Гатальский на глазах подчинённых старался держаться спокойно, но наедине с собой давал волю чувствам. Иной раз поглядывал на мобильный для особых случаев и не мог сдержать улыбки.

Бринь несколько раз на дню звонил и докладывал, как идут дела. Артур Александрович в ответ соглашался почти со всем, изредка внося несущественные коррективы. Славу это, судя по голосу, нервировало, потому что никак не походило на стандартную ситуацию перед сдачей серьёзного проекта.

Однако ни один вопрос не был задан напрямую, и никаких предположений вскользь не прозвучало. Бринь, видимо, больше не собирался рисковать и высказывать свои подозрения.

В назначенный день, когда он принёс кипу бумаги с вариантами сценария, то выглядел одновременно обречённым и изнывающим от любопытства — нечёсаная борода, помятая рубашка и преданный взор. А после того как Гатальский отложил документ в сторону и кивком указал на дверь, Слава едва не взвыл от досады.

Оставшись один, Артур Александрович вновь, как и в прошлый раз, отбросил всё лишнее, подобрался и сосредоточился.

Телефон зазвонил минута в минуту.

— Готово? — «Номер неизвестен» определённо испытывал нетерпение, несмотря на бесстрастный голос.

— Разумеется, — Гатальский пододвинул кипу бумаги и пробежался по первым строчкам. — Самый простой и бескровный вариант — дожидаться, пока человечество вымрет само. К сожалению, не вписывается в заявленные сроки. Второй вариант — дать людям по воображаемому другу, который будет максимально им симпатичен и на котором они сконцентрируются. Проблем две — вдруг на кого-то не срывается, ну и инопланетян люди могут воспринять как воображаемых друзей. Можно ещё захватывать Землю, убивать людей, а после их воскрешать и стирать все следы нападения, если технологии позволяют. Через некоторое время человечество привыкнет и будет воспринимать захват планеты как нечто само собой разумеющееся... Вы слушаете?

— Да, продолжайте. У вас интересные варианты. Не все, но третий интересен, — голос оставался бесстрастным. — Есть ещё?

Гатальский сделал паузу, а после спросил, поставившись, чтобы прозвучало спокойно:

— Скажите, а вам обязательно захватывать Землю самостоятельно?

Теперь пауза повисла с другой стороны. Долгая пауза. Артур Александрович успел просмотреть остальные варианты в документе. Разумных было мало, а многое писали просто для количества.

— Вопрос не ясен, — сказал «Номер неизвестен». — Вы могли бы переформулировать?

— А что тут переформулировать? Совершенно очевидно, что вы скованы какими-то морально-этическими нормами. Бездна дополнительных условий! Может, какая-то Лига Космических Наций или Всегалактический союз против кровавого сценария. А может, вы — вселенские буддисты и вам неприятна сама мысль об убийстве разумных существ. Или ещё что-то...

— Ещё что-то...

Гатальский в порыве радости постучал по столешнице, но тут же взял себя в руки. Никаких возражений по ту сторону трубки не было, а значит — Артур Александрович всё понял правильно. Сложил маленькие детали в большой пазл, и теперь осталось самое сложное — перевернуть этот пазл так, чтобы он не рассыпался.

— И вот, раз вам мешает «ещё что-то», раз отдали задачу на аутсорсинг... Что, если мы сами?.. Я предлагаю вам передать это дело нам на субподряд. Сроки устанавливаете вы, финансируете вы, а всю грязную работу выполняем мы. Привлечение ваших специалистов и технологий — по желанию. Проект, разумеется, будет согласован с вами, и каждый шаг тоже... ну а потом, когда мы закончим работу, вступите во владение. Кстати, Земля вас с какой целью интересует?

— Ресурсы, — после паузы. — Определённые. Люди необходимы для выработки этих ресурсов.

Больше объяснений не последовало, но Гатальский подумал, что это уже неплохо. В дальнейшем он потихоньку выведает остальное. Или попробует просчитать, исходя из указаний пришельцев.

— Ну что ж, если вы согласны на предложение, то мы можем обсудить детали...

— Подождите! — «Номер неизвестен» наконец-то проявил хоть какие-то эмоции. Кажется, он был близок к панике. — Нам нужно подумать. Мы вам перезвоним.

Положив телефон, Артур Александрович подхватил кипу бумаги и пустил в шредер. Он не сомневался, что пришельцы перезвонят, как и не сомневался в том, что захват будет устроен совсем иначе, чем было и будет придумано. А уж тридцатилетний проект вряд ли окажется закончен к сроку.

— У некоторых и за семьдесят лет коммунизма не получилось, — Гатальский усмехнулся. — А ресурсы можно и просто покупать. Лет через десять надо будет подкинуть им эту идею.

Он ещё раз посмотрел на телефон, но решил пока не звонить куратору. Как это преподнести так, чтобы тебе поверили, и в какое время — об этом ещё стоило подумать. К тому же, хотя Артуру Александровичу не нравилась роль спасителя человечества, отдавать её кому-то другому он пока не собирался.

Сначала стоило возвыситься и неплохо заработать. А там уже будет видно.

Вспомнив кое о чём, Гатальский позвонил секретарше и велел никого к нему не пускать. Особенно Славу Бриня.

Пускай помучается, гадая, как всё прошло...

СЕРГЕЙ РАТКЕВИЧ

ДЕЛАЙ, ЧТО ДОЛЖЕН

Петрович был мент. Участковый милиционер, если точнее. Когда в 2030 году президентским указом российской полиции вернули гордое звание милиции, кто-то радовался, кто-то возмущался; Петрович лишь пожал плечами и сказал, что суть работы от этого не меняется и вообще у него дел по горло, чтоб такую фигню всерьез обсуждать. Впрочем, обязательный теперь портрет Дзержинского, эффектно обрамленный марсианским пластиком, в своем кабинете он повесил безропотно.

На работу Петрович проспал. И был весьма удивлен, обнаружив участок закрытым. Странно. Ну ладно, Ванька и Санек вполне могут опоздать даже на полчаса, засранцы. У одного молодая жена и маленькая дочурка, другой геймер, каких свет не видывал, способный часами гонять парочку шерифов по прериям в поисках очередного неуловимого Джо.

Нет, понять-то его, конечно, можно, если бы в реале все можно было решить так же, как в игре, — быстрым выхватыванием «кольта», насколько проще бы ментам жилось, слов нет! Петрович и сам был не чужд геймерских радостей бытия, но не до такой же степени. Совесть тоже надо иметь. В конце концов очередной недопойманный Джо пустяки, если сравнить с тем, когда у ребенка зубки режутся, или даже просто красавица-жена новую ночнушку надела. По-

этому Ванька за свои опоздания обычно отделывался укоризненным взглядом, а Санек огребал по полной, и никакие его вопли «Петрович, прикинь, у меня патроны кончились!» необходимого действия не оказывали.

Ладно, с этими двумя все понятно, но уж Лизочка-то должна быть на месте. Никогда ведь не опаздывает. И где черти носят дежурного Игорька, хотелось бы знать? Или что-то случилось? Так некстати. Сейчас бы посидеть немного, чайку попить... может, даже вздремнуть чуток, закрывшись в кабинете. Вчерашний вечер выпил все силы и откусил изрядный кусок ночи. Драка в квартире Федоровых — всегда конец света. Папаша, мамаша, трое сыновей и две дочери. У каждого свое мнение, и чем больше водки выпито, тем сильнее мнения расходятся. Эх, здоровые черти эти Федоровы! Вот бы кого на гейм посадить, насколько тише бы стало. Бывают же такие, кого в вирт даже на буксирном тросе не затащишь... Черт, как же все-таки спать охота!

Петрович попытался открыть дверь, но замок его не признавал. Чертова штукавина глючила.

— Федор Михалыч? — предположил замок, когда Петрович коснулся указательным пальцем сканера.

— Достоевский, — отругнулся Петрович, мечтая скорей прикоснуться щекой к уютной и мягкой поверхности своего рабочего стола.

Он как можно более старательно расположил указательный палец на сканере замка.

— Игорь Степаныч? — неуверенно спросил замок.

— Не помню такого писателя, — буркнул Петрович.

— Игорь Степаныч не писатель. Он — ваш непосредственный начальник, — поведал замок после секундной паузы.

— Уже легче, а я тогда кто? — обрадовался Петрович.

— Елена Сергеевна? — задумчиво предположил электронный голос, и не думая открывать дверь.

— Какая я тебе Елена Сергеевна?! — взбесился Петрович. — У нас даже в управе ни одной Елены Сергеевны!

Отковырнул пару винтов, приподнял крышку замка, ухватил жгут проводов и дернул.

— Петрович! — взвыл замок. — Проходи. Дурак.

— Сам дурак. Задерживаешь тут мента при исполнении. Очки себе купи, железяка.

Петрович шагнул в послушно распахнувшуюся дверь и зевнул так, что при желании мог бы проглотить собственную фуражку.

— Замок, команда «Дневное время», — пробормотал он, чувствуя, что начинает засыпать.

— Есть, капитан! — отчеканил замок.

Капитаном Петрович не был. Но все замки, что стояли на охране милицеских участков и прочих гражданских учреждений, были переделаны из неудачной партии роботов для первой российской экспедиции на Марс. И упорно называли всех пользователей капитанами, как их ни перепрограммируй. Кроме того, замки регулярно глючило, но поскольку чужих они не пропускали никогда, начальство не спешило обращать внимание на то, что они и своих-то не всегда пускают. «Вы хоть представляете, сколько эта техника стоит?!» — сердито интересовалось начальство в ответ на жалобы, что на работу хоть в окно залазь. Петрович подозревал, что кто-то нагрел себе руки на установке чертовых замков, но он же не следак, чтоб копать такие вопросы. «Этим отдел внутренних исследований должен заниматься, — говаривал Антоныч, один из его коллег-приятелей. — Хотя, может, и обычное раздолбайство. Кто-то купил, не проверив, и всем по фигу. Ладно, это еще ерунда, вот у меня дружбан рассказывал, у них на внешней двери вообще чудо стоит, мало того что сексуально озабоченное, так еще и с нечеткой сексуальной ориентацией. То есть ему по фигу, к кому приставать».

Проходя по коридору, Петрович бросил короткий взгляд в зеркало и содрогнулся. На него смотрел угрюмый тип, не выспавшийся настолько, что его пристрелить хотелось от жалости.

«Такая у нас, у ментов, работа», — мрачно подумал Петрович, прикрывая за собой дверь кабинета, подходя к столу и тяжело обрушиваясь на стул. «Устал, как собака. Нет, как слон, наверное. В собаку столько усталости не влезет. Аж тошнит, как устал. А надо будет, вскочу и побегу. А что сделаешь? Кто-то же должен».

Напоминание о долге действовало слабо. Голову так и тянуло к вожаденной поверхности стола. «Взять какую-нибудь папку помягче, сверху фуражку положить», — подумал Петрович.

«И табельный ствол под правую руку, застрелить того, кто войдет и разбудит».

Он выдвинул ящик стола, выбирая наиболее пухлую папку (в том же 2030-м после мощнейшей кибератаки милицию, равно как и другие госучреждения, вновь обязали иметь все документы в распечатанном виде).

В дверь постучали.

«А табельный в сейфе», — с тоской подумал Петрович. Вдохнул.

— Войдите! — промычал он.

«Ну почему я честный мент, а не какой-нибудь поддон?»

— Ты че, баба Ксения, с жалобой опять? — спросил Петрович до того несчастным голосом, что аж самому противно сделалось.

«Встряхнись, мент! Ты ж мент, а не фразер какой!»

Впрочем, бабу Ксению несчастным голосом не проймешь. Ясно же, что несчастнее ее человека на белом свете просто быть не может. И нечего всяким тут, при исполнении, смотреть на нее жалобными глазами и от работы отлынивать. Они не для того на должность поставлены и государственную зарплату получают.

— С жалобой, Петрович! Сил нет, совсем житья не стало.

«То есть мне опять стало скучно сидеть дома, по сетке ничего интересного, в новостных лентах — сплошная скучища: падение курса доллара относительно юаня, хорошо ли это для нашего с вами рубля, и все такое прочее, скучно господа, родственников и знакомых я достала до такой степени, что они все поголовно в инвизе; аптекаршу, доктора и продавщицу я уже малость поистязала, почему бы теперь участковым не развлечься?» — мысленно перевел Петрович.

— Что ж, присаживайся, раз пришла.

— Спасибо, Петрович.

— Всегда пожалуйста. На что жалуешься на сей раз? Соседи заливают? Или молодежь за стенкой виртуальным сексом громко занималась? — со вздохом поинтересовался он. — Или, как в прошлый раз, машина мимо ехала и из нее музыка грохотала? Имей в виду, проехавшую машину искать не стану. Даже если марку укажешь, не стану. Я, конечно, милиция и все такое, а только у меня две ноги, а не четыре колеса. За машиной мне не угнаться.

— Врешь ты все, тебе служебный кар положен! — тотчас уличила его баба Ксения.

— Ага. И служебный бензин. За который отчитываться надо. Нет у меня права почем зря круги по городу нарезать.

— А если я номер запомнила?

— С третьего этажа-то? Или ты на улицу выбежать успела?

— Ты, Петрович, хоть и участковый, а все равно ужасно грубый. Ты у нас власть, ты меня защищать должен, а не издеваться над бедной старушкой. И, вообще, я не про то совсем жалобу подавать хотела.

— Бедная ты моя. Так что случилось? Говори толком.

— Я и сказала бы, если б ты мне хоть словечко вставить дал. Машина... тут, можно сказать, вся жизнь наперекосяк, а ты — машина... а ведь сколько ее осталось, той жизни, а, Петрович?

— Сколько ни есть, все твое, баба Ксения. Так на кого жалуешься?

— Во-первых, на соседа, Ваську-хакера. Он, ирод окаянный, игрульку мне хакнул, очки опыта обнулil и карты все перепутал. Не понять теперь, откуда я шла и куда мне дальше. И разве это не нарушение обещанных мне государством прав и свобод?

— Баба Ксения, ну что ты несешь? У тебя ж «Русский Щит» стоит, сколько я помню, как он мог тебя хакнуть?

— Ну он же хакер, взял и хакнул. Как-то.

— Да ладно тебе, «Русский Щит» это же не китайский «Синий Дракон».

— Может, и не китайский, а только почему-то все его «Русским Ситом» зовут. А еще он мне котом под дверь нагадил. Вот честное слово. Святой истинный крест. Чтoб мне полный геймовер вышел, если вру.

— Котом нагадил? — ошалело переспросил Петрович. Он даже проснулся от удивления.

— Котом, — кивнула Баба Ксения.

— В игре? — попробовал понять Петрович.

— Если бы. В реале.

— В реале? Он же хакер!

— Вот именно, — понизив голос, промолвила баба Ксения. — Хакер. Они на все способны. Ничего святого.

— Да у него ж нет кота! Откуда бы он его взял?

— Он же хакер, хакнул себе где-то кота и нагадил, — как маленькому, пояснила баба Ксения.

— М-да. Действительно. Баба Ксения, ты свои идеи не пробовала в виртуальные сериалы пристраивать? — вздохнул Петрович.

— А что, думаешь, стоит? — баба Ксения даже глазом не моргнула.

— А как же, кучу денег загребешь. Это ж надо такое придумать: котом под дверь нагадил. Я вот в жизни бы не догадался.

— Хм, — баба Ксения задумалась. — Но мне ведь тогда того, с этим Васькой гонораром делиться придется, так?

— Обязательно. Он ведь, можно сказать, соавтор, — ухмыльнулся Петрович.

— Тогда нет, — решительно поджала губы баба Ксения. — А то этот чертов Васька на мои гонорары еще пару прошивок в свою окаянную голову поставит. Тогда мне вообще полная перезагрузка выйдет. У меня и так подозрения, что он у меня из розетки электричество ворует.

— Не может быть! — изумился Петрович.

— Я тоже думала, что не может, но факты, Петрович, факты... улики, как у вас говорят.

— Да-а-а, баба Ксения, это дело серьезное. Надо что-то предпринимать.

— А что, Петрович? Может, ты его арестуешь, грабителя?

— Так ведь доказать еще надо, с поличным поймать. Вот ты как думаешь, сможем мы его поймать с поличным?

— Его поймаешь... он же хакер.

Баба Ксения безнадежно вздохнула и пригорюнилась.

— То-то и оно, — скорбно покивал Петрович.

— Так что ж делать? — жалобно поинтересовалась баба Ксения.

Петрович на миг скорчил задумчивую физиономию.

— Попробуй на своих розетках замки поставить, — выдал он после недолгого молчания.

— Замки?! — восхитилась баба Ксения.

— Вот именно, — солидно подтвердил Петрович. — Замки. Только не электронные — их он в два счета откроет.

— Ой, а какие тогда?

— Лучше всего навесные, баба Ксения. И когда электричеством не пользуешься, обязательно закрывай.

— Петрович — ты гений! Но это еще не все, с чем я к тебе пришла.

— Да, я помню, это только «во-первых», — вновь вздохнул Петрович. — Было ведь еще и какое-то «во-вторых»?

— Точно, Петрович. Было.

— Слушаю.

— Смотрела это я вчера вечером новостные ленты. Ты, Петрович, новостные ленты смотришь?

— И телевизор не смотрю, и радио не слушаю, времени нет. До компьютера уж не помню, когда и добирался. Занят по горло. Все тебя от разных мерзавцев обороняю. Чтоб вся та жизнь, что тебе осталась, была светлой и свободной от преступных элементов.

— Вот и зря ты, Петрович, от новостных лент, телевизора и радио отлыниваешь, — укоризненно промолвила баба Ксения.

— Баба Ксения, если ты пришла с жалобой на новостные ленты, телевизор или радио, то я тут ни при чем и ничего сделать не могу. Ты свободна, мне надо работать, прости! — на одном дыхании выдал несчастный участковый, после чего зевнул таким зверским образом, что баба Ксения опасливо отодвинулась вместе со стулом и испуганно на него посмотрела.

— Свободна, говорю. Иди домой, замки на розетки вешать!

— Вот то-то и оно, что я несвободна, — мрачно возвестила баба Ксения. — Если родная милиция не поможет, то не знаю, что и делать.

— Баба Ксения, иди уже, а? — жалобно попросил Петрович. — Что бы они там ни сказали в своих новостях, это нас касается так же, как засуха в Антарктиде и наводнение в Сахаре.

— А вот и нет, Петрович. Еще как касается. И не смей меня прогонять. Ты у нас власть, ты меня защищать должен, а не за дверь выставлять, чтоб я там скулила, как побитая собака.

Представив последнюю картину, Петрович содрогнулся.

— Сохрани меня боже от такого концерта, — пробормотал он. — Так что же там такого сообщили в новостных лентах, что без милиции никак?

— А вот, говорят, что инопланетяне мир захвати-

ли, — мрачно сообщила баба Ксения, уставившись на участкового тяжелым взглядом исподлобья.

— Баба Ксения, ты чего? — чуть испуганно поинтересовался Петрович. — Кажись, ты не пьешь, не куришь, не нюхаешь и не колешься, виртуального костюма у тебя нет и в эти современные игры, которые башню сносят, ты не играешь. Какие, на фиг, инопланетяне с утра пораньше?

— Не с утра, а вечером. — Баба Ксения стала мрачнее грозовой тучи. — Утром уже повторение по всем новостным каналам было. И если вечером президент выступал с заявлением о том, что наши вооруженные силы сохраняют контроль и все такое, то утром какие-то незнакомые личности призывали граждан сохранять спокойствие и цивилизованно сдаваться. Потом и президент то же самое сказал. Мол, хорошие условия и все такое, мол, вооруженные силы ничего не могут противопоставить, и чтоб не допускать массовой бессмысленной гибели... Я не хочу сдаваться, Петрович. Даже цивилизованно. Какие-нибудь жуткие жукоглазые монстры. Плевать я хотела в их жучьи гляделки. Это если обычные соседи способны с утра до ночи гадить несчастной старушке, тогда от этих чего ждать?

— Баба Ксения, не знаю, чего ты съела, но пойди проспись, — вздохнул участковый. — Если инопланетяне и в самом деле захватили Землю, то чем я могу помочь?

— Так у тебя ж пистолет есть.

— Ага, — ухмыльнулся Петрович. — И две обоймы патронов. Как раз хватит перестрелять армию вторжения.

— Тебе бы все ухмыляться, Петрович. Надо же что-то делать.

— Баба Ксения, давай ты пойдешь домой, просписься, составишь подробный план действий и придешь сюда завтра. Тогда и решим. Сегодня я все равно не способен на подвиги. Вчера у Федоровых опять все передрались. Пока растащил, пока мозги

вправил, пока папашу и старшенького в «обезьянник» оттащил... мне б оклематься чуток... ну не способен я сегодня сражаться с жукоглазыми монстрами. Я ж мазать буду. Только зря патроны изведу. Приходи завтра, ладно?

— Я всегда говорила, что Федоровы — это позорная язва на теле города. Можно даже сказать — зло, — объявила баба Ксения. — А теперь подумала: может, они инопланетные пособники? Пятая колонка?

— Колонна, — поправил Петрович.

— А хоть бы и коленка, — отмахнулась баба Ксения, — ты же понял, о чем я. — Она решительно встала. — Ладно, пойду я, раз ты сегодня недееспособный.

— Хорошо хоть импотентом не обозвала...

— Что же, у меня совсем совести нету, мужика таким словом обзывать? — возмутилась баба Ксения и твердым шагом покинула кабинет.

— Однако баба Ксения-то... того, — пробормотал Петрович. — Вот до чего склочность и безделье доводят. Говорил я ей, найди себе хоть хобби какое по душе.

Он малость подумал и набрал телефон психушки.

— Дежурный слушает!!! — рывкнули с той стороны так, что Петрович испуганно отдернул трубку от уха.

«Эти психиатры и сами малость того», — с неудовольствием подумал он.

— Участковый Степанов! — бросил он в трубку. — У меня для вас клиентка. Инопланетяне у нее мир захватили. Не пьет, не курит, не колется. Старая. Как бы не натворила чего. Записывайте адрес...

— Вы что, больной?!! — завопили на него с той стороны. — Или издеваетесь?!! А может, вы новостных лент не читаете, телевизор не смотрите?!! Инопланетяне захватили мир, и у нас тут черт знает что творится!!! Такого наплыва больных даже после введения компьютеров нового поколения не было! Одни видят инопланетян там, где их нет, другие

не видят там, где есть, третьи считают, что они сами инопланетяне. А вы тут звоните, работать мешаете!!!

Связь оборвалась.

— Охренеть, — пробурчал Петрович. — Ничего не понимаю. Или психи захватили психушку, или это я с ума сходить начинаю? Инопланетяне захватили мир? Так мало спать и так много работать вредно, даже если ты мент.

Петрович насыпал в любимую кружку с надписью «чай мента» двойную порцию заварки и щелкнул кнопкой электрического чайника. Вопли дежурного психиатра занозой застряли в мозгу.

«Не может быть, чтоб баба Ксения оказалась права». «Однако...»

«Из ребят все еще никого нет. Лизочка не пришла. Из управления — ни одного сообщения. Такое впечатление, что рабочий терминал умер и это абсолютно никого не волнует. Последнее — особенно странно. А тут еще психиатр этот».

Нет, Петрович был счастлив, что его до сих пор никто не тормозит. Баба Ксения ушла, и если прямо сейчас опустить голову на мягкую-мягкую папку... может, хоть полчаса поспать удастся?

Но все же...

«И за окном подозрительно тихо».

Петрович шепотом выругался и включил компьютер. Старенький 3D-монитор медленно разогрелся.

— Любую новостную на русском, — приказал Петрович.

— С какого момента? — поинтересовался комп приятным женским голосом.

— С этого, — буркнул Петрович.

— Слушаюсь, — откликнулся комп проникновенным голосом первого любовника из какого-то виртуального сериала.

«И когда нам уже интерфейс настроят? — печально подумал Петрович. — Самому, что ли, покопаться, чтоб не скакал туда-сюда?»

В следующий миг он забыл об интерфейсе. Напрочь. До интерфейса ли тут, когда...

— ..ление сохранять спокойствие, — донесся до него бархатный мужской голос. — От нашего вмешательства в вашу жизнь пока не пострадал ни один землянин. Мы предпочитаем, чтобы так и оставалось. Надеемся на ваше благоразумное сотрудничество. Со временем вы наверняка сумеете оценить выгоды существования с нами. Пока же просто примите к сведению...

— Твою мать, — простонал Петрович, вцепляясь в столешницу и вытаращенными глазами глядя на экран. — Что это за хрень?!

— А сейчас для вас прозвучит сочинение Вольфганга Амадея Моцарта «Волшебная флейта» в исполнении сводного хора войск оккупационной армии и Лондонского симфонического оркестра...

— Баба Ксения, гримза старая, не соврала, чтоб ее!

Петрович выматерился в голос, встал, открыл сейф, достал табельный ствол и услышал свист закипающего чайника.

— Да. Чаю — надо. Обязательно надо. Погорячей, покрепче... И разобраться во всей этой хрени...

Петрович залил кипятком, насыпал сахару, вновь сел за стол, держа в левой руке чашку дымящегося чаю, а в правой пистолет.

Табельный «МР» («Мощь России»), которого менты переделали сначала в «Мент России», потом в «Мурлыку», а под конец просто в «Мурку», приятно тяжелил руку.

«Двух обойм на армию вторжения, конечно, не хватит, а все равно — приятно, что есть такая штука».

— Черт, ну что за чушь? — выдохнул Петрович, поднося к губам чашку. — Нет, я понимаю, если б нас китайцы захватили. Или даже американцы, хотя куда им... но почему инопланетяне? Что за фигня, на фиг?! И почему это случилось тогда, когда я так зверски не выспался? И, кстати, почему мой рабочий терминал не трещит от приказов и распоряжений?! Должна же

быть какая-то реакция! Что должен делать я, здесь и сейчас, на своем рабочем месте, в подобной нештатной ситуации?

Чашка и пистолет промолчали.

Петрович поморщился, когда «хор оккупационной армии» явственно сфальшивил, а «Лондонский симфонический» судорожно заметался в попытке как-то это прикрыть.

— Хватит! — скомандовал Петрович, и новостная лента замерла на полужвуке. Красиво марширующая колонна инопланетных захватчиков застыла, задрав в воздухе правые ноги.

— Вот так и стойте, засранцы, — мстительно пробормотал Петрович.

Захватчики вынуждены были подчиниться.

— Увеличить изображение! — пробормотал Петрович.

— Метку, — потребовал комп.

— Без метки. Произвольно.

Изображение напоззло и придвинулось.

— Совсем как мы, — выдохнул Петрович, разглядывая инопланетян. — Гляди-ка, и негры у них есть... а этот вроде на японца смахивает... или на китайца? О, и бабы тоже! В одной колонне с мужиками! А эта — ничего. А та — вообще красotka. Че те дома-то не сиделось, красotka? И как так вышло, что они нас захватили? Где были наши космические силы? Одних только военных баз на Луне — штук пять... или уже шесть? И это что ж получается, они всю Землю победили, так, что ли? И ни одна страна, ни одна армия не смогла... Черт, да не было ж ничего! Ни выстрела я не слышал! А ведь должен! Если это вчера вечером было, так я в это время Федоровыми занимался! Ну, шумно у нас там было, но не до такой же степени, чтоб полноценные боевые действия проморгать! Не могли же они всю Землю без единого выстрела захватить?! Или... могли?

— Все новостные — повтор с самого начала. С первого сообщения о захвате, — распорядился Петрович.

— Целиком или выборочно? — поинтересовался комп.

— Выборочно. Только самое главное. Но по всему миру.

— Временной отрезок, в который должно уложиться повторение? — спросил комп.

— Пятнадцать минут.

— Принято, — откликнулся комп.

Прихлебывая крепкий горячий чай, Петрович слушал безрадостную хронику падения горделивых бастионов человечества.

Лунные базы и марсианские колонии были захвачены одновременно. Военная техника вдруг перестала работать, а все операторы внезапно уснули. Проснулись уже в плену.

Та же участь поджидала и космические армады. Единственным космическим кораблем, успевшим выстрелить по неприятелю, был российский «Георгий Победоносец». Еще китайский хакер сумел что-то такое разладить во вражеской кибертронике. Впрочем, ощутимого вреда захватчикам это не причинило. На данный момент российские, американские и китайские корабли свободно дрейфуют на орбитах постоянной дислокации, а экипажи наслаждаются гостеприимством чужих. Никого не обижают, не мучают, оказана своевременная медицинская и психологическая помощь.

Точно так же отказалась работать и наземная военная техника. Ракеты и самолеты не взлетали, орудия не стреляли, одна за другой отключались секретные системы связи, армии оказывались отрезанными от командования, а потом всех настигал внезапный, глубокий, как омут, сон.

Сообщения новостных лент становились все более истерическими. Странные люди, потрясая оружием, на всех языках мира призывали стоять до конца, убивать чужаков любыми силами и средствами. Один очкастый псих особо настаивал на немедленном подрыве всех атомных электростанций. Потом эти сообщения как отрезало. Новости оказались забиты приколами

хакеров и рядовых пользователей. Стебались над захватом, захватчиками и сами над собой. Стебались над растерявшимися правительствами, прячущими свои деньги буржуями, ошарашенными военными и кинодивами, возжелавшими экзотической инопланетной любви. И новостные корпорации — впервые! — не торопились вычищать все это безобразие со своих священных страниц. Быть может, потому, что самим и сказать-то было нечего. В этот момент чужие наконец подключились к земной сети. И подхватили всеобщий стеб. Земляне даже не сразу поняли, что стебаются вместе с чужаками над ними же. Следом шли уже официальные сообщения от штаба оккупационных сил. И пришедшие в себя правительства, призывающие граждан не делать глупостей.

— Достаточно, — выдохнул Петрович, выслушав от миленькой инопланетяночки очередное заверение, что никому из землян не будет причинено ни малейшего вреда. — Остановить.

Изображение замерло. Инопланетяночка смотрела на Петровича искренним взглядом прекрасных глаз.

— Ишь, нарочно небось красотку подыскали, — пробурчал Петрович. И, вскинув верного «мурку», прицелился в застывшее изображение.

— Хозяин, не шали! — возмутился комп. — С периферией теперь наверняка перебои будут!

Петрович скривился, вздохнул и опустил ствол.

— Без тебя знаю, — буркнул он и встал.

— Врешь, красотка, — бросил он застывшему изображению. — «Никому из землян ни малейшего вреда»? Врешь. Будет вред. Вот прямо сейчас и будет. Нашей власти уже нет, вашей — еще нет. Вот в этом самом промежутке все и случится, если, конечно, не помешать. Вряд ли ты об этом подумала... инопланетяночка. А вот я — обязан. На своем участке, по крайней мере. Мент я, видишь ли. Работа у меня такая.

— Терминал?

— Да, Петрович?

— Что там у нас с Управой?

- Глухо, Петрович.
- Отправь вызов по всем каналам.
- Слушаюсь. Отправляю. Сделано.
- И что?
- Ничего.
- Совсем ничего?
- Совсем. Отключение, блокировка вызовов, имитация обрыва связи, реальный обрыв...
- Ладно. Отправь тогда начальнику по закрытке.
- Сейчас. Да. Готово.
- Опять ничего?
- Опять, Петрович.
- А личный?
- Заблокирован.
- Хорошо. Отправь с таким кодом: две тысячи тридцать, лимонный, розовый, минус семь, зеленая звездочка, тройная хакерская спираль.
- Слушаюсь. Сделано. Есть контакт.
- Петрович, ты? — Глуховатый голос начальника звучал словно с того света. Изображения не было. — Чего тебе?
- Как это — чего?! — возмутился Петрович. — Разве не ты должен поставить задачу... в сложившейся ситуации?
- А ты еще на работе? — ответно удивился начальник.
- А где я, по-твоему, должен находиться?
- Ну ты даешь! Ладно. По старой дружбе — вот тебе совет. У тебя дача есть?
- Дача? — изумился Петрович.
- Дача, вилла, фазенда... домик за городом, одним словом. Ну хоть огородик, с собачьей будкой.
- Есть у меня дача, — буркнул Петрович. — От родителей осталась, а что?
- Бери служебный кар и дуй туда.
- И что я буду там делать?
- Сидеть.
- Сидеть?

— Вот именно. Сидеть. Тихо, как мышь.

— И что я там высижу?

— Послушай, ты, герой... нужно же разобраться, что к чему. Разберемся — вернешься. Ничего с твоим участком не случится, если он пару дней или даже пару недель без тебя постоит.

— Что ж, может, ты и прав, для себя... Игорь Степанович, — тяжело промолвил Петрович. — Приятного тебе отдыха на свежем воздухе!

— Хозяин, периферия! — взвыл терминал. — Мог просто приказать, а не колотить по клавиатуре?

— Прости, — вздохнул Петрович.

Уже из чистого интереса он набрал пароли Ваньки, Сани, Игорька и Лизочки.

— Нет ответа, — виновато поведал терминал.

— И не будет, — кивнул Петрович. — Что ж, задача ясна. Один за всех и всех до одного! Как-то так, да?

Он одним глотком допил чай, спрятал пистолет в подмышечную кобуру надел фуражку и вышел.

— Замок!

— Да, капитан?

— Постановка на охрану. И смотри мне, кишки выдеру, если кого постороннегопустишь, будь он хоть сто раз инопланетный захватчик!

— Есть, капитан!

«Это мой участок. Это мои люди. Я должен их охранять и защищать! — думал Петрович, шагая по странно пустым, насторожившимся улицам. — Они надеются. Они рассчитывают на меня. У меня нет права их подвести. Я — мент».

Где-то на уровне ощущений, на странном смешении взрослого и детского, в нем билась надежда, что где-то там... он не знает где, но это и не важно... где-то там, точно такой же парень, только отвечающий не за один участок, а за всю страну, за весь народ, точно так же выходит на улицу, засунув пистолет в подмышечную кобуру.

«А был бы такой парень, чтоб за весь мир отвечал, они б нас и вовсе не взяли!»

Стильная нарядная витрина сверкала в лучах утреннего солнца. Человек, уставившийся на эту витрину, внезапно шагнул вперед и взмахнул рукой.

Руку с молотком Петрович перехватил в последний момент. Несостоявшийся магазинный грабитель дрогнул и повернул к Петровичу изумленное испуганное лицо.

— Вовчик! — охнул Петрович. — Ты чего это? Из виртуальных дебоширов решил в грабители магазинов переквалифицироваться?

С Вовчиком Петрович был знаком давно, и знакомство это успело изрядно достать обоих. Примерно раз в неделю с Петровичем связывался кто-нибудь из Вовчиковых соседей с жалобой на очередное Вовчиково виртуальное хулиганство.

...Егу я это на бал к герцогу Фрозенхэптону... вся такая прекрасная... загадочная... в полупрозрачном платье и тончайшем шелковом белье... а в прическе — сплошные бриллианты! И только я собралась покинуть свой экипаж, как в разрыв пространства вдруг ввалился здоровенный вонючий тролль и меня дубиной! Прямо по прическе!

...Только я выхватила катану, дабы достойным образом отразить атаку моей благородной противницы, как в поединок вмешался какой-то отвратительный самец с дубиной. Мы, конечно, изрубили его на мелкие кусочки. Но это было так некрасиво... И недостойно. И стыдно. Пришлось из-за какой-то бестолочи нам обеим покончить с собой...

...И только граф Вулфстайл решил покатать меня на своем жеребце... как из кустов вывалилась какая-то отвратительная образина и своей дубиной перегадила мне весь гейм!

...Гоню это я на классной тачке... скорость под тысячу... ночь, трасса... и вдруг со всей дури врезаюсь в какого-то гоблина! Я, между прочим, оплачиваю нормальный, защищенный коннект, со мной такого просто не должно происходить! Я три месяца апгрейдил тачку и чтоб такая лажа?!

Вовчик не имел постоянной работы, так как, по его собственным словам, это отвлекало его от ИГП (игр с глубоким погружением), в которые нынче не играл только ленивый ретроград. А временные заработки не позволяли ему купить нормальный вирт-костюм. Те жуткие подделки, которыми он пользовался, были либо вовсе не экранированы, либо обладали настолько слабенькими экранами, что об этом и говорить было смешно. Поэтому Вовчик постоянно «проваливался» в чужие игры и, разумеется, оказывался там весьма неуместен. Соседи жаловались. Петрович приходил. Долго трезвонил в дверь. Наконец открывал ее универсальной ментовской отмычкой, вытаскивал Вовчика из вирт-костюма, читал ему нотацию, конфисковывал костюм и уходил. После этого где-то неделю граждане наслаждались нормальным полноценным виртом. Все дамы успевали на бал, все воительницы без помех крошили своих противниц, графы катали юных прелестниц на жеребцах, а гонщикам никто не мешал рвать пространство в клочья. Всю благословенную неделю Вовчик вкалывал на какой-нибудь тяжелой работе, зарабатывая себе на такой же пиратский вирт-костюм и на пожрать заодно. Потом история повторялась.

— Совсем сдурил? — поинтересовался у виртуального дебошира Петрович.

— Так инопланетяне же... — выдал Вовчик в свое оправдание.

— Что инопланетяне? — нахмурился Петрович.

— Ну... это... захватили, то есть...

— И поэтому ты решил, что ограбить магазин — неплохая идея? Когда всем нам и без того в любой момент может стать очень и очень плохо — решил сделать еще хуже?

— Это же не просто магазин! — Вовчик с воодушевлением посмотрел на витрину, за которой были выставлены вирт-костюмы. Дорогие, эксклюзивные модели, такие далеко не каждому по карману. — Я ж не ради обогащения какого!

— Какая разница, что именно и с какой целью тебе захотелось украсть? — фыркнул Петрович.

— Мне ж не просто так! А для дела. Я по гейму подняться хочу! Сколько можно рядовым троллем болтаться?! Будь у меня нормальный костюм, я б давно в вожди выбился, а то и вовсе в шаманы! Опыта у меня хоть отбавляй. И соседям бы не мешал больше. Не пришлось бы вам меня из вирта в реал вытаскивать. Ну какая вам разница, а? Все равно ведь власть меняется. Ну возьму я один хороший костюм, хозяин не сильно обеднеет, небось... вон у него этих костюмов сколько! Кто вообще в этой суматохе что-то заметит?

— Кража остается кражей вне зависимости от власти, Вовчик, — сказал Петрович. — Твое счастье, что я тебя вовремя перехватил. А на костюм и заработать можно. Даже на такой.

— Заработать? А как же гейм?! — воскликнул Вовчик. — Это сколько времени мне на такой костюм горбатиться?! В реале! Тролли из моей банды и ник мой забудут за это время!

— Ничего, вспомнят, — ответил Петрович. — Хороший удар дубины отлично прочищает память!

— Что вы вообще в этом понимаете? — возмущенно взвыл Вовчик. — Такие, как вы, вообще не геймят! Только по новостным лентам носом водят! Ни ума, ни таланта, ни дерзания! Вы только и способны, что другим крылья подрезать, вот!

Терпение Петровича подошло к концу. Нет, вот уговариваешь-уговариваешь такого идиота: спокойно, парень, ничего не случилось, ты просто дурак и обыкновенный законопослушный гражданин, а он вырывается и во весь голос вопит: да нет же, я вор, я грабитель, держите меня!

— С тобой, придурок, говорит великий шаман Альцгеймер. Шестидесятый лзвел, если ты, болван, не в курсе! — рявкнул Петрович.

Петрович и в самом деле когда-то играл во «Время Легенд», на котором, как наркоман на игле, сидел

Вовчик, да и сейчас порой заходил малость размяться, если реал позволял, что, увы, случалось не часто. Менту и без игрушек есть чем заняться по жизни.

У Вовчика округлились глаза. Он не мог не знать одного из самых авторитетных шаманов Клана Поющих Скал.

— Альц... сам Альцгеймер... да вы ж легенда! — выдохнул он, с обожанием уставившись на Петровича. — Я вас и видел-то всего пару раз! Вы так круты, что просто... ну, просто...

Вовчик задохнулся от избытка чувств и замолк.

— Придурок! Ты меня раз в неделю видишь, когда я тебя за шкирку из твоего незранированного самопального вирт-костюма выдираю! — рывкнул Петрович.

— Э... ну... да... но я же не знал, что...

— Ты почему нормально на костюм заработать не хочешь, болван? Даже если б я тебя не поймал, производитель все равно твою обновку заблокировал бы! — проворчал Петрович, чувствуя себя несколько странно. Не так часто нарушители смотрят на ментов с беззаветным обожанием.

— Но ведь инопланетяне... — пробормотал Вовчик.

— Дались тебе эти инопланетяне, — скривился Петрович. — Дня три, учитывая вторжение, ты в своем краденном костюме пробегаешь, а потом его все равно отрубят. Забудь. Вот ты говоришь, у тебя опыта достаточно, так?

— Ну, — вздохнул Вовчик, не понимая, куда клонит его обожаемый кумир, по совместительству оказавшийся еще и сердитым дядькой-ментом.

— А почему в детсадик для юных троллей не ходишь?

— Начинашек учить? — скривился Вовчик. — Соплякам носики утирать? Показывать, как правильно дубину держать и боевой рык вырабатывать? Фу, моя банда засмеет! Я — суровый, угрюмый тролль, это не в моем стиле.

— Но именно так можно заработать на приличный

вирт-костюм, — заметил Петрович. — Кстати, сам-то ты ведь проходил этот детсадик, так же, как и твоя банда. И кто-то вам помогал. Носики утирал. Как дубину держат, показывал. Кто-то всегда должен помогать начинающим. А банде своей можешь сказать, что именно так заработал на приличный костюм великий шаман Альцгеймер.

— Вы... — ошеломленно выдохнул Вовчик.

— А до этого у меня был такой же паленый костюм, как у тебя, — заметил Петрович. — Кстати, раз ты все равно нигде постоянно не работаешь, выясни, в какое время играют твои соседи, и найди для себя свободные промежутки, чтоб никому не мешать. Кроме того, я зайду к тебе завтра, принесу простейший экран собственного изобретения. Он хоть частично изолирует посторонний гейм от твоего проникновения.

— Э... ага... — ошеломленно пробормотал Вовчик. — Спасибо, шаман.

— И если я только не найду тебя через пару дней среди воспитателей детсада — пеняй на себя вместе с твоей бандой! — пригрозил Петрович. — Слышал небось, что происходит с теми, на кого рассердился Альцгеймер?

— Да, шаман! — выдохнул Вовчик. — Будет исполнено, великий!

— Вот и давай! — кивнул Петрович, отпуская разрушителя. — Да пребудут с тобой магия и меч, внук мой!

Вдали зазвенели разбивающиеся стекла. Послышались глумливые крики. Петрович понял, что опаздывает, и припустил бегом.

— Ну и дурак ты... Петрович, — бормотал он на ходу. — Полный идиот! Надо было... кар взять! Много эдак... набегаешь!

Это был не маленький магазинчик вирт-товаров, а большой маркет, где продавалась всякая всячина. И громил его не одинокий геймер-романтик, а с де-

сяток взрослых мерзавцев из тех, что всегда возникают в трудные времена.

Еще вчера законопослушные мирные граждане, они вдруг превращаются в мародеров, грабителей, насильников и убийц, легко и даже с какой-то радостью становятся предателями и палачами. Стоит лишь обыденной жизни слегка накрениться, а закону дать хоть небольшую слабину — и благообразные лица превращаются в мерзкие хари.

— А ну, стой! — рывкнул Петрович, подбегая и выхватывая ствол.

— Напугал! — злорадно заорал один из мародеров. — Что ты в меня стволом-то тычешь, ментяра? Не работает твоя пушка, понял? Не работает! Пришельцы все оружие — чик! — и выключили. Ясно?

Петрович отвел ствол в сторону, нажал на курок и убедился, что так оно и есть. Пистолет не стрелял, хотя был полностью исправен.

«Черт, сразу сообразить надо было! Во всех новостях ведь повторялось, ракеты не взлетели, пушки не выстрелили, так почему мой пистолет должен быть исключением? Хоть бы проверил, дубина!»

— Катись отсюда, мусор, — продолжал разоряться мародер. — Ты нам со своей пукалкой не страшен. Теперь наше время!

Петрович сделал два быстрых шага, и рукоять пистолета, описав свистящую дугу, впечаталась в голову мародера.

— Вот так, — промолвил Петрович, глядя на рухнувшего ему под ноги мерзавца. — А ты говорил, не работает... дурачок.

— Атас, мужики! — Побросав награбленное, мародеры сбились в стаю.

— Шел бы ты отсюда, ментяра... — негромко проговорил один из них. — Все равно ваша власть кончилась. А то ведь, сам понимаешь... ну кто тебя тут найдет? Кончим, на части разберем и в здешний холодильник сунем. Пришельцы ведь только огнестрел выключили.

В руке мародера тускло блеснул нож.

— В холодильник? — Петрович шагнул к мародеру, перехватил руку с ножом и вновь применил табельное оружие нестандартным способом. — Нет. В холодильник не стоит. Холодно там.

Отрубившийся мародер рухнул ему под ноги.

Остальные бросились на Петровича толпой.

Петрович сунул табельный в кобуру, отбросил нож подальше в сторону и, перехватив чью-то руку с дубинкой, от души врезал ее владельцу по физиономии. Великий шаман Альтигеймер в таких случаях обычно издавал леденящий душу вой, считающийся у троллей боевым кличем. Петровичу боевой клич был не положен, а в остальном дело не слишком менялось.

Вот тощий, со шрамом на скуле, бритый налысо тип отвалил, согнувшись от удара локтем в солнечное сплетение, вот бородатый здоровяк с хриплым воем перелетел через Петровича, разбросав ноги и сбив двух своих поделльников, вот Петрович дрогнул от мощного удара в челюсть, потряс головой, приходя в себя, вот он перехватил еще один нож, вывихнув руку, поднырнул под высокий удар ногой, нанеся встречный, вот его кулак стремительно впечатался в еще одну голову...

— Вот и все, салаги, — выдохнул Петрович, оглядывая поверженных противников. — И никакого холодильника. Или, может, мне вас в холодильник по частям засунуть?

— Ты... не можешь... ты же — власть... — просипел один из мародеров, тщетно пытаясь разогнуться.

— Вла-сть? — ласково протянул Петрович. — А кто-то тут совсем недавно кричал, что власть кончилась. Ты не помнишь, кто бы это мог быть?

— Все равно... мы тебя... кончим... гад! — простонал другой, тщетно пытаясь разогнуться.

— Если доживете, — ухмыльнулся Петрович. — Потому что я потихоньку начинаю приходить к выводу, что холодильник — совсем недурная идея.

— Погоди, начальник, мы ничего такого не натво-

рили, чтоб нас на куски резать, — подымая голову, выдохнул еще один. — Это ж беспредел выходит. А ты — мент. Ты обязан закон соблюдать.

— Спасибо, что напомнил, — очаровательно улыбнулся Петрович. — А то меня что-то память сегодня подводит. Ладно. Буду соблюдать. На колени! Руки на затылок! И кто дернется — почувствует на себе тяжелую руку закона! Очень тяжелую, — добавил он, зверски зевнув. — Потому что закон сегодня не выспался. И может случайно перестараться.

— Да мы что, начальник... мы ж ничего... не сердись только...

Просительный, виноватый тон ни на секунду не обманул Петровича.

«Вот он — главарь, заводила, мозговой центр этой группы, — думал Петрович. — Эти мерзавцы еще сами не знают, что они — почти сложившаяся банда. Они еще кажутся друг другу случайными подельниками, товарищами по удачному предпрятию, которое так не вовремя испортил сволочной мент. Им кажется, что сейчас они разойдутся в разные стороны, что каждый потащит свой узел с награбленным барахлом к себе домой и на этом все. Ничего. Еще паратройка магазинов, и они почувствуют себя единым организмом. А этот — будущий мозг, и он уже сейчас все понимает, сволочь. Ему и досталось-то меньше остальных. Упал, едва я на него замахнулся. Бережется, гад. Не барское это дело — от ментов по роже огребать. Для этого шестерки есть.

Убивать не за что. Отпускать нельзя. Стоит им за угол свернуть, как они вновь примутся высматривать, где что плохо лежит, и, не дай бог, кто-то встанет у них на пути. Так что ж с ними делать? Есть ли кто в «обезьяннике?»»

Петрович вздохнул и коснулся именного напульсника, подаренного на очередной День милиции, связываясь с «обезьянником». К его удивлению, на вызов ответили почти сразу.

— Обезьяний пастух Костя Родионов слушает! —

В синеватой голограмме напульсника показалось своеобразное Костино лицо. Костин отец был из поморов, здоровенный весельчак и балагур, мать — маленькая улыбчивая корейнка. То, что у них получилось в итоге, влет очаровывало прекрасную половину человечества. А еще Костя был прекрасным работником. Настоящим ментом, без дураков.

— Костя, родной, ты на работе! — радостно вырвалось у Петровича.

— И тебе привет, Петрович! — весело откликнулся тот. — Должен же кто-то наших «обезьянов» пасти, чтоб не разбежались.

— Я тебе сейчас еще «обезьянов» подброшу, — посулил Петрович. — Есть где разместить?

— Найдем, — откликнулся Костя. — В крайнем случае штабелями уложим!

— Какой ты сегодня злой с утра пораньше, — ухмыльнулся Петрович. — Штабелями! Прямое нарушение демократии и личного пространства граждан!

— Ну... мы можем назвать это временной архивацией, с применением простейшего архиватора типа «пендель», — окончательно развеселился Костя. — А кроме того, я к любому из «обезьянов» готов допустить адвоката!

— И куда ты их денешь? В тот же штабель?

— А куда еще? Архивация, она и в Африке архивация... — развел руками Костя.

— Ладно... архивариус... жди, сейчас буду, — пообещал Петрович и, отключив напульсник, повернулся к мародерам.

— У вас два варианта на выбор, граждане, — ласково промолвил он. — Временная архивация у Кости или холодильник прямо тут. Вопросы?

И посмотрел на них страшным взглядом шамана Альцгеймера.

Вопросов не возникло. Холодильник тоже никого не вдохновил.

«Хорошо, что «обезьянник» близко! — в очередной раз порадовался Петрович, глядя, как Костя могучим пинком подбадривает последнего из «обезьянов» и закрывает за ним решетку двери. — Не то непременно бы кто-то сбежал».

— Как ты их довести-то умудрился, — поразился Костя.

— Сам не знаю.

— Хоть связал бы, что ли...

— Нечем было. И некогда, — поделился Петрович. — Мы с тобой, Кость, едва ли не последние менты в городе, — с горечью добавил он.

— Не последние, — утешил его Костя. — Еще двое точно есть. Может, и другие потом подтянутся. Когда в себя придут.

— Надеюсь, — вздохнул Петрович. — Ладно, архивариус, держись тут. Звони, если что!

— И ты, Петрович.

Почти бегом вернувшись в участок, Петрович заскочил в гараж и разблокировал кар. С неведомым ранее наслаждением он залил бензина по полной.

— Вот так. И отчет писать не буду! — пробормотал он. — Вот еще! Отчитываться перед сбежавшими трусами?

«А красть, оказывается, приятно, — думал Петрович, созерцая доверху налитый бак. — Хотя это ведь не совсем кража... не для себя же беру... но все-таки...

Надо бы поинтересоваться у этих уродов, что они чувствуют, когда крадут. Есть ли от этого кайф и если есть, то от чего именно. От обладания украденным, от того, что не поймали, или от самого факта нарушения закона. И если верно последнее, может, их всех лечить надо, как наркоманов?

Ага. И меня с ними заодно.

Я вот почему-то чувствую себя приятно. И даже какое-то чувство мести... нет, торжества справедливости, что ли... вот, вы все сбежали, меня тут одного бросили, так я ж вам покажу — полный бак залью и

спалю до капли, катаясь по городу! Фу, стыдоба какая выходит! Прямо как маленький! И Костя со своей «архивацией» — туда же! Дорвались, два идиота!

Все. Хватит глупостей. Работать».

— Кар, свободное патрулирование района. Дополнительные указания получишь позже, — распорядился он, закрывая дверь.

Старенький гугл-автомобиль мигнул круизером.

— Да, Петрович. С началом рабочего дня! — откликнулся автомобиль.

— И тебя с тем же, — вздохнул Петрович. — День будет долгим.

«Сначала люди, потом имущество, — решил для себя Петрович. — А первые из людей — самые незащищенные: дети, старики, женщины...»

Медленно объезжая вверенный ему участок на патрульном каре, Петрович наблюдал, как в напуганный внезапным нашествием город потихоньку возвращаются движение и жизнь. Вот кто-то спешит уже на работу, кто-то торопится в булочную, вот проехала парочка авто, рыкнул сердитыми басами антикварный байкерский мотоцикл... инопланетяне там или не инопланетяне, а жить-то все равно нужно!

Петрович предотвратил разграбление магазина, торгующего напитками, и разнял драку, которая его насмешила. Пятеро мальчишек, из тех, кого Петрович снисходительно называл «студентами» ввиду отсутствия какой бы то ни было физподготовки, пытались избить здорового дядьку-грузчика. Они напрыгивали и отлетали, напрыгивали и отлетали, а сердитый грузчик только бурчал себе под нос разные нехорошие слова и вертел пудовыми кулаками.

— Семеныч, за что они тебя? — смеясь, поинтересовался Петрович, именем закона и короткой ментовской дубинкой остановив это безобразие.

— А я знаю? Домой с ночнухи шел, никого не трогал, спать хочу, как зверь, а тут эти с какой-то ерун-

дой приставать начали, ну я их и послал... по известному маршруту.

— Он в инопланетян не верит! — выкрикнул один из «студентов».

Петрович смерил крикуна внимательным взглядом.

— И что? — мягко поинтересовался он.

— Но инопланетяне же... и надо что-то делать! А он...

— Вам, молодые люди, нужно идти домой, хорошо учиться, слушаться маму и не забывать кушать манную кашу, Я надеюсь, Семеныч не станет писать на вас заяву. Или станешь, Семеныч? Имеешь право.

— Так они ж мне ничего не сделали, — пожал плечами грузчик.

— Как это ничего? А вот ссадина у тебя на щеке. Легкое телесное, так сказать.

— Это я на работе, Петрович. Ящик ловил. Скользкие, зараза, и тяжелые. И какая сволочь такую упаковку придумала? Вот на кого заяву писать надо. А эти... пусть идут... кашку кушать. Ну сам посуди, Петрович, что они, такие дохлые, могли мне сделать? Скорей уж я их малость приложил... в воспитательных целях.

— Ваше счастье, ребята, Семеныч сегодня добрый, хоть и сонный. Заяву он писать не будет, — весело проговорил Петрович. — А воспитал он вас... — Петрович всмотрелся в помятые лица «студентов», — неплохо, на мой взгляд. Не вижу смысла вмешиваться. Так что можете отправляться домой... домой, я сказал! — внушительно добавил он.

— А то, что он в инопланетян не верит?! — вновь воскликнул один из «студентов».

— Ну... у нас свободная демократическая страна, — ухмыльнулся Петрович. — Каждый имеет право верить или не верить во что пожелает. До тех пор, пока это не затрагивает других граждан, естественно.

— Но инопланетяне — объективная реальность!

— И что? До тех пор, пока ты не мешаешь окру-

жающим, можешь свободно в нее не верить. Имеешь право.

— Да? А если я, пользуясь этим вашим правом, перестану верить в вас, как в объективную реальность?!

— Ну, объективная реальность в моем лице быстренько убедит тебя в моей несомненной объективности, — Петрович с ухмылкой сунул под нос «студенту» свою ментовскую дубинку. — Я понятно выражаюсь?

— Э... да.

— Тогда домой, — бросил Петрович. — Сегодня у меня без вас хватает кого задерживать, так что можно сказать, вам повезло.

— Я тоже пойду, Петрович? — промолвил Семеныч, все это время молчаливо простоявший рядом.

— Конечно, Семеныч, прости, что задержал.

— Да ничего. Я ж понимаю — служба. Удачи тебе!

— И тебе, Семеныч.

«Кстати, почему я до сих пор не вижу никого из захватчиков? — подумал Петрович, усаживаясь в кар и продолжая патрулирование. — Они настолько уверены в себе, что им лениво нас контролировать?»

Нет, кажется, мелькнула в воздухе какая-то штука, как раз когда я со «студентами» разбирался, слишком быстрая и огромная для самолета».

Инопланетянина Петрович увидел внезапно. Он был идеально похож на человека и все же чем-то от него отличался. Петрович не мог бы с ходу сказать, чем именно. Он шел по улице, что-то бормоча себе под нос и таща за волосы плачущую девчонку лет семнадцати. В другой руке чужого покачивался объемистый узел.

«Надо же, а они от людей почти не отличаются», — подумал Петрович, разглядывая захватчика. «Такие же сволочи», — чуть погодя мысленно добавил он, глядя на девчонку, которая время от времени дела-

ла тщетные попытки вырваться, и объемистый узел с явно украденным барахлом.

На Петровича инопланетянин бросил быстрый равнодушный взгляд и потащил свою добычу дальше, явно считая, что никто из местных не захочет и не посмеет вмешаться.

— А ну, стой! — рявкнул Петрович, догоняя захватчика и заступая ему дорогу. — Ты арестован! — и ткнул инопланетянина в живот бесполезным пистолетом.

Тот посмотрел на ствол. Ухмыльнулся.

— Не работает, — сказал он.

«Русский знает — это хорошо!» — порадовался Петрович.

— Работает, — заверил его Петрович и ткнул сильнее.

— Дяденька милиционер, спасите меня, пожалуйста! — попросила плачущая девчонка.

— Обязательно, — ободрил ее Петрович. И ткнул инопланетянина еще раз.

Чужой охнул.

— Меня бить нельзя! — возмущенно воскликнул он. — Ты не можешь меня трогать!

— А я не трогаю, я провожу арест.

— Ты не можешь меня арестовать! Я представитель оккупационной армии. Мы захватили вас, теперь мы здесь хозяева!

— Отпусти девушку и верни барахло туда, откуда взял, — сказал Петрович. — Тогда я, так и быть, поверю, что ты какой-то там представитель, а не обыкновенный мародер.

— Я захватчик. Колонизатор. Имею право. — Инопланетянин попытался объяснить свою позицию упертому аборигену, умудрившемуся даже неработающее оружие превратить в грозную силу.

— Колонизатор? Захватчик? Так захватывай и колонизируй, а грабить и насиловать не смей! — откликнулся Петрович. — Отпусти девчонку, пока я добрый.

— Я имею право, — угрожающе нахмурился инопланетянин и потянул девицу за волосы с такой силой, что она взвыла.

— Да нет, дурачок, это право сейчас отымеет тебя, — ласково пообещал Петрович, примериваясь, куда бы ткнуть мерзавца так, чтоб наверняка. Чужой все-таки.

«Раз наших баб трахать могут, значит, такие же», — понадеялся Петрович.

Что ж, вот и пришла пора проверить, в какую сторону у них гнутся руки-ноги и там ли у них находятся болевые точки. А также какова боевая подготовка оккупационных сил. Что ж, посмотрим.

Обыкновенный удар коленом в пах оккупант пропустил, как последний фразер. После чего ему стало не до девичьей прически, которую он отпустил и послушно согнулся, как самый обычный землянин.

— Ы-ы-ы! — выдал он.

— Вот. А я о чем? — ласково промолвил Петрович и добавил ладонью по шее. — Ты арестован.

Чужой ткнулся носом в асфальт.

— Ай-яй-яй, — укоризненно протянул Петрович. — Кто ж тебя такого хилого без охраны погулять-то выпустил? А если б ты на наших бандюганов нарвался?

— Больно! — простонал чужой.

— Кто вообще занимался твоей боевой подготовкой?

— Никто. Я специалист по культурным контактам.

— Понятно, — фыркнул Петрович. — Изнасиловать аборигенку очень культурный способ налаживания связей. Стырить их несчастные вещички... то есть, прошу прощения, предметы материальной культуры — еще одна гениальная идея. Культурные контакты от этого наверняка процветут и запахнут. Или ты это по личной инициативе? Развлечься малость захотелось?

— Не ваше дело. Повторяю, у вас нет права предъявлять мне претензии. Я — представитель оккупационных...

Петрович легонько ткнул оккупанта носком ботинка, и тот замолк, опасливо косясь на ноги Петровича.

— Ладно, рассмотрим другую проблему. Больно тебе, говоришь? А тем, у кого ты отнял все это барахлишко? А девчонке, которую ты волок невесть куда? Ей, между прочим, еще и страшно было. Вдруг ты ее потом съешь, кто вас, пришельцев, знает?

— Мы не едим себе подобных.

— Тот людоед, которого мне как-то раз пришлось арестовывать, твердил то же самое.

— Но я же не... я только развлекся хотел!

— Ну так и искал бы такую, которая согласна.

— Я думал ее уговорить!

— Волоча невесть куда за волосы? Ты меня умиляешь...

— Даже если так... — пришелец распрямился и сел. — Даже если я не прав и что-то нарушил, судить меня могут только свои. А вы не имеете никакого права...

Петрович шагнул вперед и наступил инопланетянину на пальцы.

— А-а-а!

— Может, ты и представитель оккупационного чего-то там, раз твердишь об этом, как попугай, а вот я — здешний мент. Поставлен за порядком следить и таких гадов, как ты, пресекать!

Он слегка повернул стоявший на пальцах башмак.

— А-а-а!

— Вот видишь, некоторого взаимопонимания с оккупационным режимом мы уже достигли, — с удовольствием промолвил Петрович.

— Дяденька милиционер, — промолвила все еще стоящая рядом девчонка. — Не надо так. Ему же больно.

— Ему всего лишь больно, — возразил Петрович. — А нужно, чтоб еще и страшно стало. Они ведь навсегда пришли, понимаешь?

Девчонка кивнула, опасливо покосившись на инопланетянина.

— Надо же кому-то их воспитать немного, чтоб рядом с ними жить было можно.

Девчонка вновь кивнула.

— Беги-ка ты домой, — вздохнул Петрович. — Незачем тебе смотреть на мои методы воспитания.

— Ну почему же... — послышался глуховатый голос откуда-то сбоку. — На такие правильные методы посмотреть — одно удовольствие.

«Еще один инопланетянин», — подумал Петрович, собираясь для боя.

Этот второй и впрямь был опасен. Сухая точность движений не оставляла сомнений — перед ним наверняка опытный боец.

Специалист по культурным контактам обрадованно поднял голову и торопливо выпалил несколько звонких фраз.

— Мы должны говорить так, чтоб хозяева этой планеты нас понимали, — покачал головой второй инопланетянин. — Набрали всяких... гражданских... — вздохнул он, обращаясь к Петровичу. — Итак, ваш метод отличается простотой и оригинальностью. В полевых условиях — самое то. Ты, придурок, положи вторую руку так же, как первую! — приказал он специалисту по культуре.

Тот вновь откликнулся звонкой фразой. На сей раз она прозвучала жалобно.

— Ты что? Русский забыл? — ласково поинтересовался у него чужой.

— Нет.

— Положи руку.

— Но...

— Немедленно.

Когда рука чужого оказалась на асфальте, второй инопланетянин тотчас на нее наступил.

— Так как вы это делаете? Так?! — промолвил он, поворачивая башмак.

— А!!!

— И в самом деле эффективно, — кивнул инопланетянин. — Ты... урод... зачем к местной пристал?

— На... надоели... девочки из третьего... хотелось... новенького... Я ж ничего такого...

— Девочки из третьего, говоришь, надоели? Ничего. Познакомишься с мальчиками из пятого.

— За что?!

— Вот они тебе и объяснят, за что. Девушка, я прошу, задержитесь еще немного. Не убегайте, — просительно произнес второй инопланетянин. — Я приношу извинения за этого уroda. Мы явились не за тем, чтобы грабить и насиловать, и он свое получит сполна.

— Дяденьки, да что ж вы творите? — возмущенно воскликнула девушка, перестав отодвигаться. — Он же так без пальцев останется!

— А зачем ему пальцы, раз у него все равно совести нет? — горько бросил второй инопланетянин. — Он-то, сволочь, знает, зачем мы вас захватили. Знает, и тем не менее посмел!

— И все равно — хватит! — решительно отрезала девушка.

— Хватит так хватит. — Инопланетянин убрал ногу.

Мгновение спустя Петрович последовал его примеру.

— У-у-у! — простонал «специалист по контактам», дуя на пальцы. — О-о-о!

— Для адекватного наказания этого мерзавца я вынужден просить вашей помощи, — обратился второй инопланетянин к девушке.

— Что? — вздрогнула та. И отступила на шаг.

— Мне нужен ваш психопрофиль, — объяснил тот. — Это никак не отразится на вашем здоровье и самочувствии.

— А... зачем?

— То, что он намеревался с вами сделать, мы извлечем из его сознания, после чего, пользуясь вашим психопрофилем, смоделируем картину так, словно бы она произошла. То есть, иными словами, воссоздадим ваши ощущения и переживания так, словно бы ему

удалось добиться успеха. Разумеется, все это будет происходить отдельно от вас и никоим образом вас не заденет. После чего мы погрузим его в смоделированные ощущения, с поправкой уже на его психопрофиль таким образом, чтобы все, что могло произойти с вами, произошло с ним самим.

— То есть... наказание, адекватное преступлению? — заинтересованно спросил Петрович.

— По крайней мере мы стараемся, чтобы так оно и было, — ответил инопланетянин.

— Вы позволите? — вновь обратился он к девушке.

— Я? Да, — чуть растерянно кивнула она. — Дяденька милиционер, а...

— Я прослежу, — кивнул Петрович, с растущим интересом приглядываясь ко второму инопланетянину.

«Нет, не может же быть, чтоб мне так повезло!»

«Но кем еще он может быть, если не ихним ментом?»

Инопланетянин тем временем достал из кармана одежды нечто, больше всего напоминающее простенький антикварный плеер.

— Поскольку мы предполагали, что раньше или позже нам придется прибегнуть к чему-то подобному, то переделали эти устройства так, чтобы их использование не представляло для вас никаких сложностей и неудобств, — сказал он. — С другой стороны... у вас нет никаких оснований мне доверять, так что... начнем с меня.

Он воткнул в «плеер» нечто напоминающее миниатюрные наушники, после чего вставил их себе в уши.

— Вот так, — промолвил он. — Здесь всего одна кнопка. Если на нее нажать, то можно какое-то время слушать «Турецкий марш» Моцарта. За это время прибор считает ваш психопрофиль. Когда музыка закончится, нужно просто достать наушники из ушей. Вот, смотрите, сейчас я зафиксирую собственный психопрофиль...

Инопланетянин нажал кнопку и несколько минут молчал.

— Готово. Очень красивая музыка, — промолвил он наконец. — Так. Девушка, вас как зовут?

— Света.

— Что ж, Света... теперь вы нажмите кнопку и зафиксируйте мой психопрофиль еще раз.

— Я?

— Да. Обязательно. Я очень прошу вас сделать это и убедиться, что нажатие этой кнопки не причиняет никакого вреда. Пожалуйста.

— Ну... ладно.

Петрович зачарованно проследил, как девичий пальчик придавил кнопку.

— Вот, — промолвил инопланетянин после очередного молчания. — Потрясающая все-таки музыка. Теперь ваша очередь, Света.

— Ладно, — кивнула девушка и послушно надела наушники.

— Нажмите, пожалуйста, кнопку сами, — попросил инопланетянин.

— Хорошо, — откликнулась девушка.

«Во дает, коллега! — подумал Петрович. — Интересно, это он сам по себе такой заботливый или это часть их подготовки? И с чего такое трепетное отношение к захваченным?»

— А что это за инструмент играл? — снимая наушники, спросила девушка.

— Это наш инструмент, — ответил инопланетянин. — Если по-вашему... гидрофон... водяной орган получится, наверное... так поют водяные струи разной толщины и скорости, помещенные в силовые поля особой формы... честно говоря, я сам не очень понимаю, как это все работает, — наконец честно признался он.

— А... понятно, — откликнулась девушка. — Классная штука. Это... я пойду?

— Разумеется, уважаемая Света. Благодарю вас за сотрудничество, еще раз приношу извинения и заве-

рю, что без наказания этот мерзавец не останется! И, конечно, я не смею вас задерживать.

— А этого куда? — кивнул Петрович на все еще сидящего на тротуаре «спеца по культурным контактам». — Не хотелось бы мне его в наш «обезьянник» помещать...

— К мальчикам из пятого, как и было обещано, — откликнулся инопланетянин. — Право быть здешней «обезьяной» еще заслужить нужно.

Ловким жестом фокусника он добыл, как показалось Петровичу, просто из воздуха, тонкую длинную трубку, еще двумя-тремя точными, явно отработанными движениями превратил ее во что-то наподобие носилок, после чего указал на них «специалисту по культуре».

— Займи свое место.

Тот молча улегся на носилки. После чего материя, из которой они были изготовлены, мгновенно спеленала его, превратив в эдакую «куколку». Инопланетянин провел плеером по носилкам вблизи головы арестованного и еще раз щелкнул кнопкой.

— Порядок. Отправляем.

Носилки сами собой взмыли в воздух и устремились куда-то в небо.

— Охренеть, — высказался Петрович.

— Удобная штука, — кивнул инопланетянин.

Петрович проследил за полетом инопланетных носилок, которые на поверку оказались аналогом «воронка» на автопилоте, и повернулся к инопланетянину.

Что ж, вот и пришло время поговорить с настоящим оккупантом. Не мудаком, не сволочью, настоящим профи. У кого еще и выяснить все, что произошло и что дальше-то будет.

«Военный? Мент? Посмотрим».

— Получается, вы все русский знаете? — для начала поинтересовался Петрович у инопланетянина.

— Все, кто работает на территории России, — да, разумеется. Русский и еще несколько. Со всеми жар-

гонами, диалектами и профессиональными терминами. Нам важно, чтобы хозяева этой земли понимали нас в полном объеме.

— Положим, хозяева Земли теперь вы, — возразил Петрович.

— Ни в коем разе, — запротестовал инопланетянин. — Мы захватили вас, а не вашу планету. Все, что было вашим, останется таковым.

— То есть, буржуи зря тряслись за свои миллиарды? — ухмыльнулся Петрович.

— Не совсем так, — качнул головой инопланетянин. — Неразумно богатым людям придется поделиться.

— С вами?

— Нет, конечно. Зачем нам ваши деньги и прочие ценности? С теми, кто в результате такого непомерного накопления оказался чересчур беден. Впрочем, все будет проходить по возможности аккуратно. Мы не хотим свыше необходимого вмешиваться в вашу жизнь. Я понятно объясняю?

— Вполне, — кивнул Петрович. — Кстати, если не секрет, а кто такие «девочки из третьего» и «мальчики из пятого»?

— Не секрет. Девочки из третьего — служба психологической помощи, в том числе сексотерапия. Мальчики из пятого — экзекуторы.

— В третьем только девочки работают?

— Разумеется, нет. И в пятом не одни только мальчики. В нашей культуре нет религиозного отношения к половому распределению в профессиональной сфере.

— А у нас оно религиозное? — удивился Петрович.

— На наш взгляд — да, — ответил инопланетянин. — У вас вообще очень религиозное отношение ко всему, что касается пола. Да и ко многому другому — тоже.

— Но... есть же и неверующие.

— У них оно зачастую еще более религиозное.

— Хм, — Петрович покачал головой и решил на-

конец задать самый главный свой вопрос. Тот, что мучил его с самого начала встречи с этим вторым инопланетянином, так непохожим на первого.

— Послушай, друг... а ты ведь... ты ведь мент, да? Такой же, как я?

Инопланетянин посмотрел на Петровича с какой-то внезапной радостью, а потом рассмеялся и с удовольствием кивнул.

— Да, коллега, я тоже мент. Прислали на ваш участок для поддержания порядка.

— Так мне, это... сдать полномочия? — дрогнувшим голосом спросил Петрович.

«Черт! Как же я сразу не подумал! Это ж не подмога, это замена... он, конечно, крут, кто спорит, но он же ни фига здесь не знает. Эх, наломает дров... са-лага!»

— Сдать полномочия? Ни в коем случае, коллега! — как-то даже слегка испуганно воскликнул инопланетянин. — Как же я без вас? Боюсь, без ваших знаний и опыта ничего не выйдет. И вообще, считайте меня стажером, ладно?

«Офонареть. Он и это понял! Может, все еще и обойдется? Не один же он такой. Наверняка не один, есть и другие. Может, даже много».

— Ладно. Как тебя зовут, стажер?

— Здесь я Василий.

— А на самом деле?

Инопланетянин ответил.

— А еще раз и помедленнее, — попросил Петрович, который не смог не то что запомнить, просто воспринять странную смесь звонких и щелкающих звуков.

Инопланетянин старательно повторил, каждый звук отдельно.

«Примерно с такими же звуками боевая сороконожка пережевывает металлическую горгулью», — хихикнул нехоти влезший Альцгеймер.

«Брысь, шаман, тут серьезные ментовские разборки идут, можно сказать, инопланетный контакт на

уровне ведомств!» — шуганул Петрович свою вторую ипостась.

— Что ж, пусть будет Василий, — вздохнул он. — Об эти ваши звуки язык сломаешь.

Инопланетянин виновато развел руками.

— Как же вы русский-то выучили?! — вдруг дошло до Петровича. — И остальные? Слышь, Вася?

— Очень старались, — ответил инопланетянин Вася.

— Одуреть! — восхитился Петрович. — Слышь, стажер, будешь меня потихоньку учить вашему языку. Это ж не запрещено, надеюсь?

— Напротив, — улыбнулся тот. — Только приветствуется. А как мне называть вас?

— Петровичем. Меня все так зовут, — откликнулся мент.

«Совсем такие, как мы, — думал Петрович, глядя на инопланетного коллегу. — Или... не совсем? Должны же быть какие-то отличия. Анатомические... или более тонкие...»

— Нет, — промолвил инопланетный коллега, посмотрев на Петровича, и улыбнулся.

— Что «нет»? — спросил Петрович.

— У меня нет присосок, Петрович. И щупальцев тоже нет.

— А откуда вы...

— Стажерам следует говорить «ты», Петрович, — ухмыльнулся пришелец Вася.

— Ты что... мысли читаешь... стажер? — хрипло поинтересовался Петрович.

— Вообще-то нет. Но эта была слишком уж очевидной. Прилетели черт-те откуда и при этом такие похожие — подозрительно, верно?

— Ну... да, — Петрович смутился.

«Только еще покраснеть недоставало!» — сердито подумал он.

— А жаль, что чтения мыслей не существует, — продолжил инопланетянин. — Полезная штука в нашем деле была бы. Так вот, мы настолько похожи на

★ вас, что это кажется чудом. Когда нам стало известно о вашем существовании... мы так обрадовались!

— И первым делом захватили нас. На радостях, — пробурчал Петрович.

— Но это же естественно, — пожал плечами инопланетянин Вася. — Ведь мы так на вас похожи. Вспомните, сколько раз вы сами поступали точно так же...

— Мы? — возмутился Петрович. — Да никогда!

— Вы так плохо помните собственную историю? — поинтересовался Вася. — Стоило вам только открыть кого-нибудь похожего на вас, вы тут же его захватывали и вели себя... куда хуже нас, если честно. Взять хоть открытие Америки. Разве конкистадоры стеснялись? Или ацтеки, которых они завоевали, — разве они стеснялись, захватывая пленных и выдирая у них сердца? Или, может, англичане стеснялись, выгребая из Индии драгоценности центнерами?

— Так это когда было?! Ты бы еще неандертальцев вспомнил! — фыркнул Петрович. — Мы еще недоразвитые были! А с тех пор — ни разу.

— А с тех пор вам просто не представилось ни одной возможности, — заметил стажер. — А если б представилась? Вы бы ее упустили? Постарайтесь ответить честно, ладно?

— Может, ты и прав, стажер, только... нам, захваченным, с того не легче. И какого черта вам у нас понадобилось? Или вы свою планету похуже нас загадили и вам просто нужно куда-то перебраться?

— Честно говоря, именно это и стало основной причиной захвата. То, как вы ведете себя с собственной планетой и друг с другом, я имею в виду, — ответил инопланетянин. — Нет, нам не нужна ваша планета. Кстати, у нас их несколько. Ваша планета нужна вам, она у вас одна-единственная, ведь в ближайшее время ни на Марс, ни на Венеру вы перебраться не сможете. Эти ваши колонии — это же смешно, если честно.

— То есть, вы пожалели нашу несчастную планету

и на этом основании нас захватили? — ехидно поинтересовался Петрович. — Послали сюда целую армаду, уйму людей, техники и все такое прочее, с единственной целью — научить нас гуманному отношению к собственной планете? Стажер, ты гонишь!

— А еще больше нас тревожит ваше отношение друг к другу... это же ужасно, когда вы бессмысленно гибнете в этих ваших дурацких войнах и прочих конфликтах. Каждый из вас — исключительно ценное живое существо, а вы никак не можете этого понять.

— Те уроды, которых я так недавно упек в «обезьянник», не кажутся мне исключительно ценными, — пробурчал Петрович. — И вообще, Вася, скажи своим, пусть пришлют агитатора поопытнее, неужели ты думаешь, что я поверю в такую туфту, как бескорыстный захват?

— Разве я сказал, что мы бескорыстны? — удивился инопланетянин Вася. — Наши цели так же корыстны и отвратительны, как у любого другого захватчика в вашей или нашей истории. Просто так вышло, что вы представляете для нас невероятную ценность. Поэтому мы просто не можем смотреть, как вы истребляете друг друга под разными надуманными поводами, заодно разрушая то единственное место, в котором можете жить. Мы не какие-то мифические «хорошие парни» из ваших виртуальных сериалов, мы мерзавцы, которые вынуждены хорошо относиться к захваченному, потому что иначе не имело никакого смысла тратить столько сил и средств на захват. Пользуясь вашими понятиями, мы вложили в вас слишком много, чтобы грабить, убивать и насиловать. Потому что нас интересует не сырье, не рабский труд или что-то еще в таком роде, как предполагали некоторые неуравновешенные личности из ваших новостных лент, нас интересует ваша биосфера, как таковая... и вы, как тот чудесный, уникальный нарост, что каким-то образом на ней случился.

— Чем же мы так уникальны, если не секрет?

— Не секрет. Все равно в ближайшее время все

земляне пройдут экспресс-тестирование. Всех, кто его пройдет, ожидает уникальная работа и уникальные возможности.

— А кто не пройдет — в компост?

— А кто не пройдет — будет старательно учиться. По нашим прикидкам, вы все на это способны.

— Да? А старики, старухи?

— У вас нет стариков и старух.

— Стажер...

— В самом деле — нет. Каждая человеческая особь может в потенциале существовать около пятисот ваших лет. А вы умудряетесь умереть в каких-то семьдесят-восемьдесят...

— Можно сказать, во младенчестве, — пробормотал Петрович. — Так что же это за тестирование? И что за работа нас всех ожидает? Почему вы вообще решили, что мы можем что-то такое, чего не можете вы сами? А ведь не можете, иначе не было смысла нас захватывать.

— Можем, — вздохнул Вася. — Но недолго. Мы от этого сходим с ума. И гибнем.

— То есть, вы просто нашли тех, кто теперь будет умирать за вас?

— Вы от этого не умираете. У вас это вообще делается ради развлечения.

— Да ладно! И что же это такое?

— У вас это называется «энергоинформационные нити».

— То, что составляет начинку любого качественного вирт-костюма, — кивнул Петрович. — И что здесь такого? Только не говори мне, что вы ради этого нас захватили. Не гони, Вася!

— Не гоню. Это правда. Вы превратили в игрушку величайшее открытие. Собственно, не совсем так. Вы просто не натолкнулись еще на многообразие способов использования этого вашего открытия. И создание этих самых «нитей» не причиняет вашим создателям ни малейшего вреда.

— А вам — причиняет?

— Безумие и гибель.

— Но вы все равно, несмотря на безумие и гибель, нашли целую кучу способов использования этого самого открытия. И кто у вас занимается созданием этих самых «нитей»? Преступники?

— Как мы наказываем преступников, вы только что видели, Петрович. А созданием «нитей» занимаются добровольцы.

— И как у вас назначают добровольцев?

— А как у вас назначают телохранителей, чья задача закрыть собой охраняемый объект? Кто идет в спасатели, в ликвидаторы аварий на ваших атомных станциях?

— Но это же совсем другое!

— Почему? Достаточно отказаться от атомной энергии...

— И откатиться на пару веков назад. Ты даешь, Вася! Остаться без... без всего, в общем. Да это будет катастрофа почище взрыва на какой-нибудь такой станции!

— Вот и мы также не в состоянии отказаться от «нитей». Для нас это будет точно такая же катастрофа. Нет, даже бóльшая.

Петрович попробовал припомнить все, что он знал об этих самых «нитях». Немного, если честно. Примерно столько же, сколько он знает об устройстве атомной электростанции. Каким-то образом эти самые «нити» повышают «реальность» вирта. Что-то вроде дополнительных нервов или как-то так... Их и открыли-то не так давно.

Петрович помнил эту историю. Романтичную, как все ей подобные. Хотя не исключено, что романтичной ее сделали сенсаторы, рекламщики и прочие создатели новостных лент. История о том, как безумная русская девчонка затеяла создать вечный двигатель для машины времени, а влюбленный в нее безбашенный китайский программист решил ей помочь. Он, конечно, знал, что это невозможно, но чего не сделаешь ради любви? Вечный двигатель не по-

лучился. Машина времени — тоже. А то, что вышло совершенно случайно, ошеломленные ученые назвали «энергоинформационными объектами без физической основы».

Поскольку открытие было тотчас же выброшено в Сеть, стать чьим-то секретом или военной тайной оно не успело, а несложный кустарный приборчик, на котором и была получена первая такая «нить», мог собрать любой начинающий изобретатель вечных двигателей. Ученые, военные и секретные службы опоздали. Собственно, они далеко не сразу поняли, что вообще что-то случилось, а когда поняли — было поздно. Инфа разбежалась по Сети, как круги по воде.

Говорят, один из важных чиновников, носившийся с идеей все это как-то засекретить, махнул на все рукой после того, как его десятилетняя дочь пришла из школы с колечком, сделанным из такой нити. «Мне мальчик подарил, потому что я ему нравлюсь», — сообщила она. «А откуда он это взял?» — взвыл папа. «Сам сделал», — ответила дочь. — У нас многие их делают. Я тоже хочу попробовать». Папе осталось только рукой махнуть на всю секретность. Можно, конечно, приказать убрать без шума и пыли десяток компьютерных гениев или похитить и где-нибудь их запереть, но не прикажешь же перестрелять половину детей?

Китайский программист, гораздо более практичный, чем его русская подруга, быстро сообразил, что можно сделать с этими самыми «нитями», и вскоре открыл маленькую фирмочку, производящую вирт-костюмы нового поколения. Маленькая фирмочка незаметно переросла в огромную корпорацию, а два главных босса поженились. Говорят, где-то в глубинах корпорации до сих пор существует секретная лаборатория, где ведутся работы по созданию машины времени. Конечно, когда счастливая мать троих детей находит для этого время и умудряется вытащить своего вечно занятого мужа из его бизнес-проектов. С другой стороны, подрастающая смена вызывает опреде-

ленные надежды, что раньше или позже машина времени все-таки будет построена. С вечным двигателем, разумеется.

«Для нас это и в самом деле игрушки, — подумал Петрович. — Точно коллега подметил. Развлечение. Вроде были еще какие-то работы в медицине, что-то о замене пострадавших нервов, кажется... если я ничего не перепутал, конечно. Да. И на этом все. А медики такие осторожные и неторопливые ребята. Даже если они до чего-то дорылись, пока все как следует не проверят — фиг кто узнает. А эти... до чего такого они додумались, что для них это так важно?»

— Атомная энергия, да? Ведь именно с атомными электростанциями ты их сравнил, коллега? Так, может, вы швыряете эти «нити» в топки ваших звездолетов? Обогреваете ваши планеты, освещаете города, производите пищу и все остальное? Осуществляете связь между планетами. Живете. Дышите. Любите, рождаете детей. И кто-то постоянно должен сходить с ума и умирать, чтоб все остальные могли продолжать делать это с комфортом, — хрипло промолвил Петрович. Нет, не совсем Петрович. У того бы так не вышло. Это опять Альцгеймер рвался наружу, помочь непутевому менту прояснить ситуацию, предельно откровенно, так как и должен любой уважающий себя тролль, тем более шаман.

Инопланетянин Вася удивленно посмотрел на Петровича и кивнул.

— Собственно говоря, ведь и у нас то же самое. Просто мы научились об этом не думать, — с горечью бросил Петрович-Альцгеймер. — Не думать о тех, кто умирает за нас, за наше сытое благополучие. А вы? Вы, видимо, нет. Не сумели научиться. Вы искали выход и нашли его. Нашли нас.

— Мы тоже... научились не думать, — вздохнул инопланетянин Вася. — Мы вспомнили. Когда нашли вас.

— Вот только... почему вы даже не попробовали с нами договориться? Просто... торговать, обменивать-

ся. Ведь у вас наверняка нашлось бы, что нам предложить. Так почему вы не пришли как равные?

— Да ведь мы и так вам предложим, — ответил Вася. — Уже предлагаем. Это ведь первоочередные проекты. Продление жизни для всех, секреты излечения ваших неизлечимых болезней, устранение военных конфликтов, помощь в освоении Марса и Венеры.

— И все это могло быть обменом, торговлей, — заметил Петрович. — А чем стало теперь? Подачками?

— Подарками, — возразил инопланетянин. — А почему мы даже не попытались с вами договориться? А с кем договариваться?

— Ну... с государствами... правительствами... — чуть растерялся Петрович.

— Это не помешало бы вам продолжать издеваться над своей планетой и друг над другом, — заметил инопланетянин. — А кроме того, у вас ведь всего две формы правления, и неизвестно, какая хуже. Демократические лидеры меняются через несколько ваших лет, и политика пришедшего на смену может полностью отличаться от позиции его предшественника. Диктаторы вообще живут от переворота до переворота. С кем у вас можно надежно о чем-то договориться?

— Поэтому вы предпочли просто все захватить.

— Поэтому мы решили договариваться со всем населением Земли, предварительно убрав мешающие такому диалогу надстройки.

— Интересный диалог выходит... Вася.

— Почему же нет, Петрович? Вот как я сейчас с вами договариваюсь. Объясняю, зачем вы нам нужны и что вы можете получить от нас.

— Ладно. А те, кто все-таки окажется неспособен к этой вашей хитрой работе?

— Будут жить так же, как и раньше, с поправкой на все те возможности, которые мы вам предоставляем. Возможности предоставляются для всех землян вне зависимости от их способностей.

— Хорошо. Еще вопрос. А у вас какая форма правления?

— А на этот вопрос, Петрович, я смогу вам ответить не раньше, чем вы как следует выучите наш язык и познакомитесь с нашей культурой. Иначе просто не получится. Слишком несходные понятия.

— А по-простому? На пальцах?

Инопланетнин усмехнулся. Покачал головой.

— Лучше никак, чем неправильно. Ну чем вам поможет, если я скажу, что форма правления у нас связана с математикой и некоторыми сложными букетами запахов?

— Ничем, — с досадой признал Петрович. — Ладно. Тогда про эти «нити» давай, стажер. Что вы с ними делаете? Как это происходит? Или это тайна?

— Ни в коем разе. Вот самый простой способ. В ваших «нитях» энергия и информация текут в обе стороны, верно?

— Вроде бы. Я же не специалист. Наверное.

— Так вот, если сделать так, чтоб они текли только в одну сторону, тогда у «нити» исчезает середина. То есть, то, что помещено в ее начало, тотчас оказывается в самом конце. Материальные объекты — тоже.

— Так это же... — выдохнул Петрович. — Так это же портал! — оттолкнув Петровича, воскликнул шаман Альцгеймер, неоднократно пользовавшийся этим нехитрым заклятьем, позволявшим оказываться в самых неприятных для врага местах и исчезать оттуда, старательно перед тем напакоотив.

— В том числе, — кивнул инопланетянин Вася. — В частности, это космический лифт, который позволяет нам собирать наши корабли на орбите, не издеваясь над атмосферой в частности и биосферой в целом.

За углом послышался грохот. Зазвенели разбитые стекла.

— Стажер, за мной! — воскликнул Петрович, срываясь с места.

«А классный ведь парень, даром что инопланетя-

нин, — получасом позже думал Петрович про своего стажера, передавая Косте Родионову еще троих любителей под шумок поживиться чужим добром. — Классный парень и отличный профессионал! Если б он еще поменьше трясся над всеми этими засранцами».

И пошла работа.

— Петрович, а ну стой!

Петрович вздрогнул и остановился. Голос бабы Ксении он бы не спутал ни с чьим другим.

— Все, стажер, — ухмыльнулся он. — Мы с тобой попались. Сейчас меня назовут предателем и потребуют тебя расстрелять!

«Только бабы Ксении мне сейчас не доставало! — подумал он. — Вот уж намучаются бедные захватчики, если именно у нее окажутся те самые способности!»

— Ну что вы, наставник, — обернувшись, рассмеялся инопланетянин. — Не думаю, что все так уж страшно.

«Наставник! — ухмыльнулся про себя Петрович. — Это Альтигеймера так часто именовали, а участкового Петровича... что-то не припомню».

Петрович обернулся вслед за ним.

Баба Ксения была не одна. Рядом с ней стояла невысокая светловолосая девушка в синем плаще. На руках у нее удобно устроился огромный кот.

— Ты вот что, Петрович, когда инопланетян стрелять станешь, смотри, стреляй с разбором! Среди них и хорошие попадают, — заявила баба Ксения.

— Ого! — удивился Петрович. — А с чего это вдруг такая резкая смена политической платформы? Я тут, можно сказать, все время после нашей беседы только тем и занимался, что пистолет надраивал да пули полировал, а ты вдруг такие виражи закладываешь?

— А с того, Петрович, что вот — познакомься, — это Машенька-Атариэль. Самая что ни на есть настоящая инопланетянка. Инспектор по сглаживанию че-

го-то там... я забыла чего... то есть важная шишка у них. Но такая милая... такая хорошая...

Инопланетянка смущенно улыбнулась.

«Типичная русская красавица, — подумал Петрович. — Даже странно, что где-то у черта на куличках жили люди, настолько на нас похожие. Что-то здесь не то».

— Машенька-Атариэль, — представилась девушка.

«И имя типично русское. Лет двадцать назад было очень модным среди геймеров. После очередного «Мастера меча» детям только такие и давали».

— Петрович, — представился он.

— А мы, Петрович, знаешь, куда ходили? — тотчас вмешалась баба Ксения. — Кота покупали, вот!

— Кота вижу, — кивнул Петрович. — А зачем?

— Для меня, — ответила баба Ксения. — Жить у меня будет. Вот. И пусть теперь Васька-хакер только попробует какой беспредел учинить. Мой кот его кота мигом укоротит. Это ж не кот, а целая дивизия!

Кот и в самом деле был огромен. И как только такая хрупкая девица его на руках удерживает?

— Э... да. Понятно.

— Ничего тебе не понятно, Петрович. Он теплый. С ним поговорить можно. Он не будет мне возражать на каждом слове, как ты.

— Ага. Только обои обдерет, — не удержался Петрович.

— Да и шут с ними, с обоями... вон Машенька-Атариэль обещала помочь, если что.

— А вы умеете клеить обои? — удивился Петрович.

— Ну... надо же когда-то научиться... — Она ухмыльнулась и вдруг подмигнула, одновременно скорчив настолько непередаваемую рожу, что Петрович аж подпрыгнул.

— Нет! Не может быть! — потрясенно прошептал он, уставившись на Машеньку-Атариэль.

— Ну почему же? — откликнулась та.

— Стажер! — рывкнул Петрович. — Немедленно

★ — взять у девушки чертова кота, прихватить бабу Ксению и отойти отсюда к морготовой матери шагов на двадцать!

— Но что случилось? — удивленно поинтересовался инопланетянин Вася.

— Стажер, это приказ! — зарычал Петрович.

— Ох, ну ладно... — инопланетянин вопросительно покосился на девушку. Та кивнула в ответ. И передала ему кота.

— Баба Ксения. Давайте в самом деле отойдем немного... кстати, я коллега Петровича и даже в каком-то смысле его ученик, так что, если есть какие-то жалобы — можете изложить их мне.

— А он не обидит... Машеньку? — чуть испуганно пробормотала баба Ксения, оглядываясь. — Этот Петрович иногда такой грубиян бывает...

— Ну что вы... коллега настоящий милиционер, — уверенно откликнулся инопланетянин Вася.

— А... она его?

— Посмотрим. Если что, мы всегда сможем прийти на помощь, ведь так?

— Выдра, ты?! — неверяще выдохнул Петрович.

— Альтгеймер! — откликнулась та. И с упреком добавила: — Вот я тебя сразу узнала. А ты так ничего и не понял, пока я свою боевую гримасу не скорчила!

— Но как я мог... мне и в голову не могло прийти, что инопланетянка...

— Я говорила, что не с Земли. Много раз, между прочим. У меня и в профиле стоит: «не из этого мира».

— Мало ли что у кого стоит в профиле! А в чате... мне казалось, ты это шутишь так... а на самом деле просто не из России. Из Китая там, из Японии, Европы, Америки... мало ли кто во «Время Легенд» играет...

— Я каждый раз отвечала честно, и ты каждый раз честно не верил, — печально усмехнулась она.

— Выдра... мы столько раз прикрывали друг другу спину... рубились спиной к спине... и все это время

ты... изучала нас... проводила разведку? — с горечью поинтересовался Петрович.

— Нет! — откликнулась она. — Разведку я в других местах проводила. А с вами... мне просто понравилось с вами играть. Я по правде играла. Доказать, естественно, не могу, но... Мне даже влетало от начальства за то, что к вам хожу.

— Точно, — припомнил Петрович. — Ты пропадала. У тебя были какие-то неприятности по работе...

— Еще бы! Мне отрубили все входы! Ты представить не можешь, с чего я выходила! А потом пропал ты. Совсем.

Петрович вздохнул.

— Работа заела, — буркнул он. — Ладно. Кстати, ни в жизнь не поверю, что ты на самом деле выглядишь так, как сейчас. Выдра просто не может так выглядеть.

— Ты, как всегда, проницателен, шаман. Только между нами, троллями: мой нынешний вид — косметика.

— А у других?

— И у других. Начальство решило, что так лучше.

— А какая ты на самом деле?

— После работы покажу. Мы ведь сейчас оба при исполнении, что ты, что я...

— Тогда... приглашаю тебя после работы... на чашку чая, да?

— Чаю? Разве тролли пьют чай? Разумеется, я буду пиво!

— Ты сильно рискуешь, Выдра.

— Я?

— И что это было, наставник? — поинтересовался инопланетянин у Петровича, когда тот вернулся к нему, а баба Ксения и Машенька-Атариэль с котом на руках продолжили путь.

— А ты во «Время Легенд» играл, стажер? — откликнулся тот, улыбаясь каким-то своим мыслям.

— Ну... пробовал немного, — смутился инопланетянин.

— Класс персонажа?

— Эльф.

— Специализация?

— Стрелок.

— Левел?

— Третий, — ответил инопланетянин.

— Ты слишком молод, чтоб знать столь великие тайны, о, салага.

— А все равно мы когда-нибудь свергнем эту вашу чертову оккупацию, стажер, — устало пробурчал Петрович уже под вечер. Спать, впрочем, не хотелось. Совсем. И не скоро еще захочется. В чем в чем, а в этом Петрович был железно уверен.

— Надеюсь, что свергнете, — тотчас откликнулся оккупант. — При случае помогу оружием и техникой.

— Что? В самом деле поможешь? — ухмыльнулся Петрович. — Дашь повстанцам оружие, из которого тебя застрелят?

— Мой старший брат создавал «нити». Он умер. Так неужто я окажусь хуже?

— Да ты не шутишь, — Петрович перестал ухмыляться и посмотрел на инопланетянина в упор. — Но зачем вам это?

— Затем, что захватить какую-то цивилизацию насовсем — значит уничтожить ее. Мы пришли, чтоб защитить вас от самих себя и воспользоваться вами, а не затем, чтоб уничтожить. Тем, чего нет, не воспользуешься. А то, что любой захватчик рано или поздно платит по счетам, — только справедливо. Каждый получит воздаяние за содеянное. Впрочем, есть и другой путь. Я очень на него надеюсь. И не потому, что боюсь платить по счетам... просто...

— Просто что?

— Мы не позволим восстанию вспыхнуть раньше, чем у вас появится кто-то, кто сможет за вас отвечать, кто позаботится о вас. Кто-то, с кем можно бу-

дет... договариваться. Но будет ли он когда-нибудь? У нас разумная система правления... хотя это трудно назвать правлением, скорее чем-то вроде долга или родственного чувства... и я не могу объяснить, как это происходит, человеку, который хуже меня разбирается в запахах и математике...

— Эй, у меня пятерка в школе была! — возмутился Петрович. — По математике, по крайней мере! Запахи мы в школе не проходили. И вообще, при чем тут это?

— При том, что мы, создавшие эту систему, не можем создавать «нити» без вреда для себя. А вы плетете «нити» не задумываясь, но так и не создали систему правления, хоть сколько-нибудь отвечающую вашей же реальности. Быть может, это взаимоисключающие способности?

— И?

— Среди нас много красивых юношей и девушек, ярких, талантливых... Мы надеемся, что кому-то из вас понравится кто-то из наших. Быть может, дети от смешанных браков когда-нибудь смогут все. То, чего не смогли мы, и то, чего не можете вы.

— На ассимиляцию рассчитываешь, стажер? — нахмурился Петрович.

— Нет. — Взгляд инопланетянина был грустным. — На любовь, Петрович. Только на любовь. Она единственное, в чем мы с вами и в самом деле похожи.

Петрович подумал про Выдру, к которой Альцгеймер наконец-то сможет прикоснуться без виртуального костюма... и не решился сказать какую-нибудь гадость.

«После работы, на чашку чая? Но ведь нас со стажером некому сменить! Вот же черт! Нет, наверняка у захватчиков это не единственный мент, но доверять свой участок каким-то посторонним инопланетянам? Нет уж, потерпеть придется. А Выдра... она поймет. Та, с кем плечом к плечу брали Светлый Чертог и защищали Последнюю Стену, не может не понять».

Петрович вздохнул.

Город зажигал фонари и окна.

— Да, стажер, а смены для нас с тобой покамест не предвидится, ты уж извини. Местечко, сам видишь, веселое, — извиняющимся тоном заметил он.

— Вообще-то... я позабыл сообщить. Наша смена уже выехала, — виновато откликнулся инопланетянин Вася. — То есть, не то чтобы забыл, но... разговор слишком серьезный вышел. Не хотелось перебивать всякими мелочами. Сейчас они будут.

— Вот как? Кто-то из ваших? — нахмурился Петрович.

«Если я буду настаивать на их инструктаже и сопровождении, меня поймут? Или просто повяжут, как психа?»

— Было бы весьма опрометчиво, если бы кого-то из наших не сопровождал кто-то из ваших, — пожал плечами инопланетянин. — Да вот, кстати, и они.

Из-за угла вынырнул знакомый кар, тот самый, на котором Лизочка поцарапала переднее крыло, когда неделю назад покидала гараж. А вот и она сама выскочила.

— Петрович, поздравьте меня, я вышла замуж.

Скромный юноша, вслед за ней неловко выбравшийся из машины, представился стажером Федей.

Петрович грозно посмотрел на своего инопланетянина.

Тот пожал плечами.

— Это что, ментальный контроль такой? — прорычал Петрович. — Вася, я тебя спрашиваю!

— Петрович, как тебе не стыдно говорить про меня такие гадости?! — возмущенно поинтересовалась Лизочка, сразу сообразив, о чем речь. — Совсем заработался! Быстренько поздравь меня и марш отдыхать! Ментальный контроль! Любовь это... это просто любовь, и все тут.

— И это именно то, о чем я говорил, Петрович, — добавил инопланетянин Вася. — Кстати, тебя Выдра ждет.

— Хм, — буркнул Петрович. — Выдра. Ладно. Ли-

за, Федя... поздравляю, раз так. Медового месяца сейчас, конечно, не получится, но...

— Как это не получится? Вот же он — наш медовый месяц, — откликнулась Лизочка, обведя руками зажигающий огни вечерний город.

— Даже не знаю, что сказать... — вздохнул Петрович. — Но рад, что ты осталась. Когда твой телефон замолчал... одиноко стало. Хорошо, хоть Костя Родионов на дежурство вышел.

— А! Обезьяний Пастух? Я с ним уже связывалась! — улыбнулась Лизочка. — А не отвечала... ну, надо же было красивой девушке хоть немного времени на устройство сердечных дел. Вот теперь и отработаю пропуск.

Петрович опять посмотрел вокруг. Вздохнул. Он еще не знал, не мог знать, что будет. Зато ему было отлично известно, что делать. А дома его ждала самая удивительная женщина на свете, и так ли важно, откуда она прилетела?

— Что ж, до завтра, ребята...

СЧАСТЛИВЧИК

и походил на пугало, этот сирусянин. На бывалое, побитое непогодой огородное пугало, только с доброй улыбкой. Они все походили на нелепые и небрежные карикатуры, намалеванные бесталанным живописцем. Впрочем, на сирусян Денис насмотрелся вдоволь по телевизору, когда еще работал правительственный канал и люди на что-то надеялись. Денис тоже надеялся — поначалу.

Сейчас, когда надежда истончилась, истаяла, когда от нее остались лишь призрачные, меньше десятой доли процента, шансы, добрая улыбка на круглой желтоватой физиономии казалась едва ли не издевательской.

— Дорогой господин Стрельцов!

Голос в трансляторе звучал застенчиво и грустно, словно сирусянину было совестно, что фамилия Дениса именно Стрельцов и никак иначе.

— Да, это я, — хрипло отозвался Денис.

— Поздравляю вас, дорогой господин Стрельцов, — без малейшего акцента, но с прежней стыдливостью выдал транслятор. — Вы прошли тесты успешно, и вам...

Денис ошарашенно помотал головой.

— Что, правда? — еще не веря, не смея поверить, выпалил он.

— Я вас, разумеется, не обманываю, — добрая улыбка неожиданно стала гармонировать с грустью в голосе, создавая ощущение доверительности. — К сожалению, у меня не так много времени. Сказать по чести, его вообще нет, вы наверняка понимаете почему. Дальнейшие инструкции вы получите от моей ассистентки. Собственно, она вашей расы, и вам же будет проще. А теперь до свидания, дорогой господин Стрельцов. Увидимся на борту «Орфея».

Денис машинально кивнул. До него все еще не доходило, он не верил. «Орфеем» земляне называли спасательный трансзвездник с Сириуса, два месяца назад приземлившийся под Петергофом. Как именовали его сами сирусяне, было неизвестно. Так же, как неизвестными оставались названия остальных двухсот четырнадцати рассредоточенных по планете спасательных судов.

— Денис Петрович, пройдемте, пожалуйста, со мной.

Денис обернулся. Его манила ладонью черноволосая красавица лет двадцати пяти.

— Вы... вы тоже? — неуверенно проговорил Денис. — Вас тоже отобрали?

— Не меня, Денис Петрович. Я спутница. Вы слушайте, пожалуйста, внимательно. Вот ваш пропуск, — черноволосая протянула блестящий, отливающий перламутром ромб. — На нем ваша фотография, отпечатки пальцев и генетический код. Вам надлежит в четырехдневный срок прибыть на сборный пункт. Держите: в этой брошюре пояснения и подробности, включая адрес. С собой можете взять не больше десяти килограммов груза и не больше одного спутника — любого человека по вашему выбору. Вы все поняли?

— Постойте, — только теперь Денис осознал, что совершенно безнадежный, один на несколько тысяч шанс выпал ему. — У меня две девочки. Жены нет, так вышло, а дочери две. Дашенька и Леночка, близнецы.

Черноволосая красавица вздрогнула, отвела взгляд.

— Это ужасно. У меня тоже... — в глазах у нее появились вдруг слезы, девушка нервно смахнула их тыльной стороной ладони, — тоже есть сестра, младшая. Павлик выбрал меня. Он мог ее, мог кого угодно, любая бы согласилась не думая. Но он взял меня, а Наташа... Вы понимаете?

Денис понимал. Неведомому Павлику несказанно повезло, как и ему, Денису. Павлик прошел тесты и по невесть каким сирусянским критериям попал в число избранных. Он явно был одиноким и бездетным, этот Павлик, и из тысяч, а то и десятков тысяч желающих выбрал себе спутницу. Денис тоже одинок, только вот его одиночество иного рода. Пять лет назад Вера от него ушла, сбежала со скрипачом-виртуозом с мировым именем. Можно сказать, упорхнула, оставив с годовалыми близняшками на руках.

* * *

Денис преодолел десяток пустых и унылых, будто скорбящих коридоров «Эрмитажа» и выбрался на Дворцовую. Символично, что отбор счастливиц сирусяне затеяли именно здесь, в центре, в ядре человеческой культуры, из которого уже вывезли и погрузили на спасательные суда самые ценные экспонаты. Счастливики... Только теперь Денису удалось в полной мере осознать, что это слово напрямую относится к нему.

Очередь петляла между выставленными на Дворцовой решетчатыми барьерами. С каждым днем она редела, но все еще была многотысячной. Денис отстоял в ней две недели, ел в ней и спал, отлучаясь лишь по нужде. Потерять очередь означало упустить шанс на жизнь, пускай ничтожный, мизерный, но какой есть. Денис в этот шанс напрочь не верил, он и пытаться бы не стал, если б не мама.

— Ты должен, — настойчиво, раз за разом, повторяла она. — Обязан. Один шанс на тысячи соискателей? Ты должен его взять, даже будь он один на миллиард.

Сирусаянские транспортники должны были вывезти с Земли два миллиона человек. Тех, кто по результатам тестов был признан годным для «сохранения человеческой цивилизации на новой родине с последующим возрождением ее на старой». О том, когда это возрождение произойдет, сирусаяне умалчивали. А скорее всего, не знали сами. Просчитать последствия надвигающейся катастрофы им, видимо, оказалось не по плечу.

Денис быстро зашагал к Дворцовому мосту. Ему предстоял неблизкий и нелегкий путь: на Охту, через забитый бандами мародеров, насильников и убийц, отчаявшийся, готовящийся к всеобщей гибели город. Костяшками пальцев Денис потрогал рукоятку боевого «ТТ» за пазухой — древнего, обменянного на золото, когда на бессмысленные и бесполезные нынче драгоценности можно было еще что-то обменять.

Надвинув на глаза капюшон, Денис ступил на мост. Необходимо живым добраться до дома, остальное сейчас не важно. Упрятанный глубоко в карман сирусаянский пропуск станет подорожной на тот свет, если бандиты его обнаружат. Не оттого, что пропуском удастся воспользоваться, а попросту от злобы, зависти и безнадёги. Дениса передернуло — он отслужил два года в десанте, но стрелять в людей ему не приходилось. Плевать! Если придется, он будет стрелять — без раздумий, потому что в кармане он нес теперь жизнь одной из девочек.

Денис сбился с ноги, его замутило, недавняя радость ушла, сгинула, как не бывало. Одной из девочек... Одной из двух. Жизнь второй не уложилась в неведомые каноны сирусаянской этики. Окажись на их месте мы...

Денис выругался вслух, грязными, матерными словами. Он не знал, как поступили бы земляне, ока-

жись они на месте незваных спасителей. Усилием воли он заставил себя сконцентрироваться и мобилизоваться. Добраться до дома — сейчас это главное. В городе не ходит транспорт, не работают предприятия и учреждения, вообще ничего не работает. Полиции нет и уже не будет, и законов никаких нет, кроме одного — прожить оставшийся месяц любой ценой и за этот срок урвать от жизни как можно больше.

Опасливо сторонясь редких прохожих, Денис пересек мост и двинулся дальше по набережной. Соваться сейчас в узкие разбойничьи переулки питерского центра было равносильно походу за собственной смертью. Мимо подчистую разграбленных магазинов, мимо вывороченных из цоколей завалившихся фонарей, мимо обгорелых автомобильных остатков Денис размашисто шагал вдоль гранитного парапета.

— Помогите! Пожалуйста!

Денис вздрогнул, обернулся через плечо. Из подворотни ему отчаянно махала белой тряпкой женщина с младенцем на руках. Денис остановился. Идти на помощь было нельзя, что бы там ни стряслось. Женщина и младенец обречены, жить им осталось в лучшем случае месяц, как и всем прочим... Против воли, вопреки здравому смыслу, плохо сознавая, что делает, Денис двинулся на зов.

— Алина, Алечка, — женщина подбежала, свободной рукой ухватила за локоть и потянула за собой. — Ее избили, изнасиловали, она истекает кровью. Умоляю: помогите, сделайте что-нибудь!

Вслед за женщиной Денис ступил в подворотню, прошагал под низкой аркой во двор с чугунной оградкой по центру. Женщина внезапно шатнулась в сторону, Денис по инерции сделал еще шаг и замер на месте. У ограды стоял коренастый мужик с арматурным прутом в руке. Денис попятился, оглянулся — еще двое перекрыли выход из подворотни и теперь медленно надвигались.

— Водка есть? Курево, жратва есть? — гаркнул коренастый.

— Н-ничего н-нет, — запинаясь от страха, выдавил из себя Денис.

— Сейчас поглядим. Вещи снимай. Быстро, ну!

Вот и все, обреченно подумал Денис. Эти меня убьют за просто так, невзначай. Страх внезапно ушел, сменившись злостью и горечью. Кретин, выругал себя Денис, недоумок. Попался в примитивную западню, к озверевшим от обреченности и безнаказанности душегубам. Он скосил глаза — двое сзади приблизились, тот, что слева, уже отводил назад руку с зажатой в кулаке монтировкой.

Денис рванулся. С треском разлетелись пуговицы плаща. Он выдернул из-за пазухи «ТТ» и навскидку всадил коренастому пулю в лицо. Шарахнулся вправо, двое оставшихся удирали через подворотню на набережную. Денис выстрелил им вслед, промазал и развернулся к пятящейся от него наводчице с орущим младенцем в руках.

Ее надо пристрелить, думал он, глядя поверх ствола на ставшее мучнистым, перекосившееся от страха лицо. Вместе с ублюдком, иначе...

Он не додумал. Сплюнул наводчице под ноги, резко сунул «ТТ» за пазуху и скорым шагом двинулся прочь.

* * *

— Денис!

Мама стояла в прихожей, губы у нее дрожали, тряслись старческие венозные руки. Через месяц мамы не станет, и Веры не станет, и ее скрипача. И... Денис закусил губу, шагнул к маме, обнял, прижал к себе.

— Мне повезло, — выдохнул он, и мама дернулась у него в руках, запрокинула лицо.

— Ты, ты... Тебе?..

— На, смотри.

Денис выудил из кармана сирусянский пропуск. Мама охнула, мотнулась к стене, тяжело опустилась на ветхий плетеный стул и заплакала.

— Это я от счастья, — сквозь всхлипы пробормотала она.

Дениса передернуло. Мама еще не понимала, не осознавала еще, какой ценой им это счастье достанется.

— Папа!

Дочки наперегонки бежали к нему из детской. Денис подхватил обеих, поднял, застыл, переводя взгляд с Леночки на Дашу и обратно. Девочки были похожи, настолько, что он сам не знал, как умудрялся их различать. Они пошли в Веру, золотоволосые, синеглазые, белокожие, со звонкими голосами. Друг дружку называли сестричками — с детства.

— Папа, мы соскучились, — прощепетала Леночка.

— Тебя так долго не было, — добавила Даша, — бабушка говорила, что ты скоро придешь, а ты не шел и не шел.

— Все хорошо, все замечательно, родные мои, — бормотал Денис, покачивая ткнувшихся ему в шею и разом притихших дочек. — Я вернулся, вы же видите. Теперь я буду с вами, всегда.

— И больше не уйдешь?

— Не уйду.

Он отнес обеих в детскую, спустил на пол, похвалил платье, которое с бабушкиной помощью сшили для куклы. Постоял на пороге, растерянно слушая девчоночье щебетанье о всяких разностях и ни о чем. Затем осторожно прикрыл дверь и отправился на кухню. Мама сидела там, за старым, еще Верой купленным пластиковым столом.

— У нас осталось? — тихо спросил Денис.

Мама молча извлекла из кухонного шкафа назначенную на последний день поллитровку. Остальные, которые Денис успел урвать в разнесенном толпой супермаркете, были давно обменяны на продукты. Водка в умирающем мире ценилась дороже еды, дороже оружия, подчас дороже человеческой жизни.

Денис сорвал пробку и жадно глотнул прямо из горлышка раз, другой. Занюхал рукавом, отдышался,

вновь потянулся за водкой, но передумал и пить не стал.

— Что же теперь делать, мама? — тоскливо спросил он.

Она не ответила. Слезы вновь потекли у нее по щекам, но теперь плакала мама не от счастья, и Денис понимал это, и сам заревел бы с ней на пару, если б умел.

— Тебе. Придется. Выбрать. — Мама говорила с трудом, она будто насилиу расставалась со словами. — Леночку. Или... Или... — мама всхлипнула. — Или Дашу.

— Я не смогу.

Теперь Денис осознавал это ясно, отчетливо.

— Я не смогу, — повторил он. — Не сумею. Я останусь здесь, с вами.

Мама перестала плакать. Она помолчала, глядя в пол, потом сказала глухо:

— Сможешь. Одна из твоих дочерей должна жить.

* * *

Запершись в спальне, Денис пролистал тощую сирусянскую брошюру. Сборный пункт оказался рядом, рукой подать — в четверти часа ходьбы. Оттуда на борт «Орфея» счастливичков доставит шаттл, дальнейшая безопасность гарантируется. Денис попытался вчитаться в пункты прилагаемой инструкции. У него не получалось — буквы расплывались перед глазами. Денис отшвырнул брошюру прочь.

Полгода назад был обнаружен стремительнодвигающийся на Солнечную систему метеоритный поток. С неделю о потоке ходили слухи, один другого нелепее. Слухам Денис не верил. До тех пор, пока на человечество не обрушилось воззвание генсека ООН. А вслед за ним, сразу, без паузы, обращение президента к гражданам России.

Под углом шестьдесят градусов поток падал на плоскость эклиптики. Орбиты третьей и четвертой от Солнца планет приходились на его максимальную плотность. Это означало, что Земля и Марс сотнями тысяч небесных камней будут расстреляны, а возможно, расколоты и увлечены потоком.

Корабли сирусянской миссии приземлились за три месяца до катастрофы.

— Братья и сестры, простите нас, — на единственном еще функционирующем правительственном канале вещал похожий на несуразную карикатуру сирусянский командор, и голос его, надрывный и скорбный, звучал, словно реквием по человечеству. — Мы не успели. Наши разведчики локализовали вашу цивилизацию слишком поздно. Поверьте, на строительство транспорта мы бросили все ресурсы последних трех поколений. Мы опоздали. Мы сможем вывезти всего лишь два миллиона человек...

Ночью Денис не сомкнул глаз. Он едва не проклинал выпавшее ему «счастье». Три дня. Оставалось всего три дня. Решение, которое ему за эти дни предстояло принять, человеку принимать не подобало.

* * *

Наутро пришла Вера. Денис встретил ее на пороге, молча посторонился. С минуту, давя подкатывающие к горлу спазмы, смотрел на скачущих от радости вокруг Веры близняшек. Затем, ссутулившись, двинулся на кухню.

— Это я ее привела, — поджав губы, сказала мама. — Пожалуйста, выслушай ее. Она мать.

Денис не ответил. Он вспомнил, как рвал на куски развешанные по стенам спальни Верины офорты и сангины. Уничтожал, искоренял их, навязчиво думая при этом, что убивает любовь. Дорогушие билеты на концерт скрипача-виртуоза, всклоченного, лупоглазого, похожего на удивленную стрекозу-недомер-

ка, Денис купил сам, в подарок на Новый год. Пойти на концерт он, однако, не смог — помешал очередной аврал на работе. Денис втихую порадовался тогда — в театры и на выставки он сопровождал Веру редко и неохотно, всякий раз мечтая поскорее отделаться.

— Ты работающий, надежный, правильный. Ты прекрасный отец, — сказала однажды пришедшая навестить девочек Вера. — Но видишь ли, ты — заурядный. Обыденный, некреативный, не способный на дерзание, на полет.

Денис тогда не стал возражать. Заурядный и некреативный? Пускай. Зато у него две дочки, которых он любил самозабвенно и считал за счастье постоянные гастроли по заграницам, куда Вера моталась со своим недомерком. А Даша с Леночкой — остались с ним и переехавшей к нему мамой.

— Денис!

Он вскинул голову. Вера стояла в кухонных дверях, привалившись плечом к косяку. Мама поднялась и молча, неслышно ступая, вышла.

— Уходи, — глухо сказал Денис.

— Ты должен, — бесцветным невыразительным голосом отозвалась Вера. — Обязан спасти одну из них.

Кровь бросилась Денису в лицо.

— Должен и обязан, говоришь? — из последних сил сдерживаясь, переспросил он. — А как насчет тебя?

— Сирусяне мне отказали. Денис, наша дочь...

— Наша дочь?! — уже не сдерживаясь, рявкнул Денис. — Какая из двух, а? Что я скажу ей, когда она спросит: «Папа, где сестричка?» Скажу: «Дашенька, я убил Лену, и поэтому ты жива?» Или: «Леночка, твой папа ради тебя убил Дашу?!»

— Тебе будет трудно, Денис. Очень трудно, почти невозможно. Но ты...

— Иди отсюда, — оборвал Веру Денис. — Убирайся! Я не хочу, не желаю больше тебя видеть.

После того как за Верой захлопнулась дверь, он с минуту сидел, закрыв руками лицо. Затем вскочил,

метнулся из кухни в детскую. Леночка увлеченно наряжала куклу.

— Где? — подступился к дочке Денис. — Где Даша?!

— Сестричку взяла мама, — испугалась Леночка. — Погулять. А мне велела...

Денис не дослушал, бросился в прихожую. Мама стояла, раскинув руки, собой перекрыв дверной проем. Денис отшвырнул маму, по лестнице скатился на первый этаж, вырвался из дома наружу. Догнал Веру, выдрал Дашину ручонку у нее из ладони. Размахнувшись, наотмашь хлестанул Веру по щеке.

— Ты, мразь, сука! — заорал ей в лицо Денис. — Гадина, пошла вон, крыса! Еще раз придешь — убью.

* * *

Оставшиеся три дня слились в один бессонный непрерывный кошмар. Мама слегла, с Денисом она больше не заговаривала. Запершись в спальне, он десятки, сотни раз прокручивал в уме варианты. Приемлемых среди них не было. Ни единого. Подарить жизнь одной дочери за счет другой Денис был не способен. Так же, как не способен был оставить умирать обеих.

Утро последнего дня он встретил на пороге детской. Близняшки безмятежно спали в одинаковых позах, золотистые локоны разметались по подушкам. Денис долго смотрел на них, затем тихо притворил за собой дверь. На кухне добил из горла поллитровку и вытащил из кармана «ТТ».

Он медленно поднес ствол к виску. Зажмурился, и в этот момент раздался дверной звонок.

На пороге стоял низкорослый, всклокоченный, похожий на удивленную стрекозу скрипач-виртуоз, которого Денис ненавидел и про себя называл недомерком. Надо же, как удачно, с неким даже удовлетворением подумал Денис. В магазине «ТТ» как раз два патрона.

— Веры больше нет, — тихо сказал недомерок.

— Что? — не понял Денис. — Где нет?

— Нигде. Вечером она приняла яд.

На мгновение Денис растерялся. Смерть бывшей жены для него ничего не меняла, она была нелепа, не более. И, главное, она ничего не меняла для девочек.

— Зачем пришел? — каркнул Денис. — Смерти ищешь?

Он навел на визитера «ТТ».

— Позавчера я прошел тесты, — будто сквозь вату донесся до него тихий голос недомерка. — Взгляните, вот.

Денис ошарашенно уставился на блестящий, отливающий перламутром ромб. Такой же, как у него.

— Вера оставила записку, — тоскливо сказал скрипач. — Посмертную. Она завещала мне забрать вторую девочку.

— Что? Что ты сказал?!

— Я хотел взять Веру. Я любил ее, понимаете? Но она... Она...

У Дениса закружилась голова. Он схватился за дверной косяк, чтобы не упасть.

— Ты шутишь? — выдавил он. — Ты же можешь...

Он не договорил. Этот недомерок мог выбрать себе спутницу, любую. Что ему до чужого, по сути, ребенка.

— У нас мало времени, — едва слышно проговорил скрипач. — Собирайте детей. Быстрее, прошу вас!

Денис на секунду застыл, затем метнулся в детскую.

— Мы уезжаем, — невнятно бормотал он, лихорадочно одевая близняшек. — Уезжаем прямо сейчас.

Они вчетвером выскочили на лестничную клетку, ссыпались вниз по лестнице. «Мама, — метнулась запоздалая мысль. — Он не простился с мамой». Денис рванулся назад, остановился, затем попятился. Заставить себя сказать «Прощай, мама» он был не в силах.

Последствия стресса и бессонных ночей навалились на него ватным муторным отупением. Денис

не помнил, как добирались до сборного пункта и как садились в шаттл. Пришел в себя он лишь перед узкой, переливающейся огнями проходной, врезанной в силовой контур, ограждающий сирусянский корабль.

— Ваш пропуск, пожалуйста.

Денис подхватил на руки дочку, впопыхах не разобрав даже, какую из двух. Сунул пропуск в уродливую желтоватую конечность похожего на огородное пугало охранника. Оглянулся — недомерок со второй близняшкой на руках стоял сзади, в пяти шагах.

— Идите, — тихо сказал он. — Мы сразу за вами, вслед.

Сирусянский охранник утопил пропуск в приемном пазу, бесшумно разъехались створки овальной, в человеческий рост двери. Денис, пригнувшись, ступил вовнутрь, дверь за ним затянулась, замелькало зеленым, желтым, потом фиолетовым. Под ногами пришла в движение серебристая лента эскалатора, плавно повлекла к исполинскому, гордо пронзающему носом облака спасательному судну. Ускорила, втянулась в узкий тоннель с матовыми стенами, свернула вправо, вверх и, наконец, встала.

— Приветствую вас на борту «Орфея»!

Денис вскинул голову. Давешняя черноволосая красавица улыбалась ему. Рядом с ней переминался с ноги на ногу неказистый лысоватый толстячок, видимо, тот самый Павлик.

— Пройдемте, надо спешить, — трескучим фальцетом затараторил Павлик. — Корабль готовится к старту.

— Подождите, — Денис заозирался. — Где моя дочка и... — он замялся, — и мой друг?

Павлик недоуменно заморгал.

— Мы больше никого не ждали. Пойдите, я сейчас выясню.

Павлик исчез из виду, а Денис почувствовал, будто его хватанули когтистой пятерней за сердце и стали неторопливо и умело выкручивать душу.

— Пройдемте, — услышал он трескучий фальцет. — Вашего друга... его отправили назад. У него был фальшивый пропуск. Сказал: жена нарисовала, художница.

— Папа, где сестричка? — требовательно спросила прильнувшая к Денису дочка.

У него подломились колени.

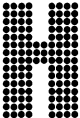
ВЯЧЕСЛАВ БАКУЛИН

МОЗГОВОЙ ЧЕРВЬ ДЖИМ

*Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб — я червь — я бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе произошел? — безвестен;
А сам собой я быть не мог.*

Г. Державин

 а пустынном шоссе ни души. Четыре часа утра. Густой туман, нередкий в Калифорнии в сезон дождей, укрывает все вокруг влажным серым саваном.

Триста тридцать лошадей мертвы. В изуродованной груди золотистого металла с трудом можно различить изящные линии одного из самых дорогих автомобилей современности. Олицетворения роскоши, свободы, неуклонного стремления вперед. Осколки стекла блестят на темном асфальте, как слезы.

Молодая женщина ползет прочь от остатков машины, оставляя за собой широкую, глянцево отблескивающую полосу. Да полно, человек ли это? Ведь двигаться так — невозможно для живого существа. Даже на пределе сил. Поэтому она ползет на одном лишь упорстве. Изломанная с садистской изощренностью кукла. Марионетка с обрезанными нитями.

Мужчина лежит на боку. С четвертой попытки перевернув его на спину, женщина-кукла делает последний рывок и, навалившись сверху, накрывает его губы своим залитым кровью ртом. Несколько судорожных подрагиваний, и все кончено.

Все кончено?

Нет.

Все только начинается.

Глаза мужчины неожиданно распахиваются. Он делает прерывистый свистящий вздох, точно вынырнувший с невозможной глубины пловец. Медленно поднимает руку и осторожно прикасается кончиками пальцев к волосам соскользнувшей ему на грудь головы мертвой женщины. Потом, на ощупь отыскав плечо подруги, он переворачивает ее тело, устраивая на сгибе собственной руки, и со странной бережностью опускает на асфальт рядом с собой. Приподнявшись на локте, несколько секунд смотрит в широко раскрытые стекленеющие глаза. И тоже целует — нежно, так невыразимо нежно. После чего снова вытягивается навзничь и принимается ждать помощи.

* * *

Дождь только что закончился. Сквозь открытое настежь окно в комнату проникал аромат мокрой листвы раскидистых лип. Чудесный, свежий, будоражащий и удивительно сладкий. Навязчиво примешивающийся к нему запах коричной сдобы из кафе неподалеку казался мне столь же неуместным, как дешевые благовония из Чайна-тауна посреди цветущего сада. Эти французы вечно что-то едят...

— Nous pouvons parler français, si vous le souhaitez, mademoiselle Robert¹, — слегка раздраженно предложил я.

¹ Можем говорить по-французски, если желаете, мадемуазель Робер (фр.).

— Вы очень любезны, но в этом нет необходимости. — Ее английский был безупречен. — К тому же вы — гость. И, пожалуйста, зовите меня просто Николь.

— Как угодно. Значит, вы хотели побеседовать о супруге Джорджа Герберта, одиннадцатого графа Пембрук, леди Екатерине, в девичестве — графини Воронцовой?

— В том числе. Хотя истинная цель, из-за которой я так настойчиво добивалась встречи с вами, иная. Я хочу предложить вам носить мой костюм.

Что и говорить, ее слова ошеломили меня. Застали врасплох. А уж я-то испытал в жизни всякое. И в этой, и в трех предыдущих.

— Носить. Ваш. Костюм, — повторил я с нейтральной интонацией, зато делая паузу после каждого слова и при этом неотрывно глядя на молодую француженку. Пытаясь осознать только что услышанное.

Не получалось.

До сего дня мы не встречались с Николь ни разу, даже случайно. Нас не связывали ни дружба, ни родство, ни общие знакомые, ни положение. Мы жили в разных странах, занимались разным делом, принадлежали к разным классам и были не только разного пола, но и возраста — Николь вполне годилась мне во внучки. Да что говорить, до недавнего времени я даже не подозревал о ее существовании. Но все же три дня назад она позвонила, каким-то чудом раздобыв мой личный номер. Потом за считанные минуты сумела заинтересовать меня настолько, что я сам не заметил, как согласился на встречу тет-а-тет в ее доме на правом берегу Сены. И вот теперь сидит напротив, демонстрируя великолепное самообладание. Не эталонная красавица, но очень мила: крепкое, спортивное и в то же время женственное тело, модная короткая стрижка золотистых, слегка выующихся волос, приятное, располагающее к себе лицо с пытливыми серыми глазами. И эти глаза глядят на меня с такой надеждой! Полагаю, именно так онкобольной

смотрит на врача, пришедшего в палату с последними результатами обследования.

Только вот какая штука — если я не ослышался, молодая и привлекательная женщина по имени Николь Робер жить не хотела.

Скрипнув колесами инвалидной коляски, я подкатил к сервировочному столику и плеснул в хрустальный «тумблер» из графина. Поднеся бокал к губам, вдохнул знакомый аромат хорошо выдержанного бурбона, на миг зажмурившись от удовольствия. Пригубил, покатав напиток на языке. Глотнул. Покосился на раскрытую коробку моих любимых сигар «Партагас», гильотинку и турбозажигалку.

— Вы совсем не богаты, и все же без возражений оплатили мне перелет из Нью-Йорка в съюте и спецавто с личным водителем. Разузнали о моих вкусах и привычках. Одного этого вполне достаточно, чтобы произвести на меня впечатление. Даже если бы вы не сказали того, что сказали.

В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь деликатным пофыркиванием кофемашины. Николь выдерживала мой прямой взгляд больше минуты. Очень неплохой результат.

Отдавая ей должное, я отвел глаза первым, чтобы освежить себе виски.

— Мистер Ди Амато! Я хочу поговорить с вами о том, о чем не говорила до сих пор ни с одним человеком. Нет ни записей, ни каких-либо других носителей информации, собранной мною. К тому же вы богаты и могущественны, а я... впрочем, вы ведь просмотрели то досье, которое я вам переслала?

Я процитировал по памяти:

— «Николь Робер. Двадцать четыре года. Гражданство — Франция. Не замужем. Круглая сирота. Близких родственников нет. Великолепное здоровье. Отсутствие каких-либо хронических или наследственных заболеваний, равно как и вредных привычек. Изучала антропологию в Беркли¹, до недавнего вре-

¹ Калифорнийский университет.

мени — сотрудник парижского института судебно-медицинской экспертизы. Увлекается альпинизмом. Рейтинг ФИДЕ — тысяча девятьсот»¹. Я ничего не упустил?

— Группа крови — первая. Отрицательная.

Окончание фразы было произнесено с явным нажимом. Любой человек, услышь он сейчас интонации Николь, наверняка пожал бы плечами.

Любой, но только не я.

Кивком подтвердив, что уточнение оценено по достоинству, я сделал новый глоток. После чего поставил бокал на столик и сцепил пальцы в замок, с трудом сдерживая нервную дрожь. Кровь бурлила в моих жилах, наполняя все тело восхитительным и, как я думал, надежно забытым чувством.

Ни разу за последние три десятилетия я не чувствовал себя настолько живым!

— Итак, вы думаете, — я интонационно выделил «думаете», — что вам известно нечто... особенное? Что ж, я весь внимание.

Ей оказалось известно весьма многое. Точнее, почти обо всем она лишь догадывалась, не имея доказательств. И все же, слушая Николь, я только головой качал. Интересно, куда смотрят «Моррисы», как мы иронично называем нашу вездесущую службу собственной безопасности в честь знаменитого сетевого вируса?² Ведь задайся эта девочка целью испортить жизнь таким, как я, у нее были бы некоторые шансы на успех. Разумеется, я не подтверждал и не опровергал услышанное, хотя несколько раз мне очень хотелось поправить мадемуазель Робер.

Например, она считала, что мой теперешний костюм — третий. Конечно, даже будь она права, я все

¹ ФИДЕ (от фр. FIDE — Fédération Internationale des Échecs) — Международная шахматная федерация. Рейтинг 1900 соответствует первому разряду.

² Имеется в виду т.н. «червь Морриса», названный по имени его разработчика Роберта Морриса.

равно оставался легендой для всех на этой планете. Особенно если учесть, что впервые я испытал священный восторг доминанта почти пять тысяч лет назад. Но даже для Николь со всей ее дерзостью невозможно было представить, что ее собеседник старше египетских пирамид. Кем же тогда была для меня эта безумная в своей отваге девушка? Муравьем, ползущим у подножия Джомолунгмы? Крилем в верхнем слое Тихого океана?

Наконец Николь замолчала, откинувшись в кресле. Такая маленькая, такая беззащитная. И в ее глазах почти не было страха.

— Вы понимаете, конечно, что я могу рассмеяться вам в лицо и посоветовать хорошего психиатра. А могу просто поблагодарить за потраченное время, гостеприимство и занимательную беседу. После чего вежливо откланяться и вернуться в Нью-Йорк. И если вы правы — заметьте, я говорю «если», — каков шанс для маленькой мадемуазель Робер не исчезнуть бесследно через небольшое время, необходимое для обеспечения моего алиби? Да-да, прямо из этого уютного жилища. Или скончаться от неожиданного сердечного приступа в офисе? Подавиться этим вашим пресловутым круассаном на Монмартре? Оказаться сбитой пьяным водителем, возвращаясь из «Галери Лафайет»? Стать жертвой нападения грабителя или маньяка? Погибнуть от взрыва бытового газа? Умереть любым из тысяч других способов в любой точке земного шара?

Николь прищурилась.

— А вы не боитесь, что на следующий день после того, как с маленькой мадемуазель произойдет любой из этих прискорбных случаев, самые авторитетные СМИ по всему миру получают, скажем, видеозапись нашей беседы?

— Вы ведете запись?

— Нет. Но в этом вам придется поверить мне на слово. Вы готовы?

— А вы? Даже если злобные чудовища, испокон веков захватывающие человеческие тела, древние монстры из глубин Вселенной, покорившие Землю, для которых вы и подобные вам — не более чем костюмы, решат не рисковать. Готовы вы к страху? Вечному страху, который станет неотъемлемой частью вашего бытия до конца дней? Готовы к одиночеству? Ведь отныне вы никому уже не сможете доверять. А если поверите — готовы ли к ответственности не только за свою жизнь, но и за жизнь тех, кто окажется рядом с вами? Друзей? Еще не встреченного мужа? Еще не рожденных детей?

— Пат?

— Пат, — согласился я. И, не удержавшись, добавил: — Если вы правы, разумеется.

Она дернула уголок рта.

— Разумеется. Но вот ведь какая штука: не знаю точно, каким образом тот или иной представитель вашего... ммм... вида получает право на новый костюм, но это явно кем-то регламентируется, и весьма строго. Скорее всего, кем-то из вашей же среды.

Если бы она знала, насколько строго! Повторю, я — легенда для ВСЕХ на этой планете. И мой возраст, если разобраться, куда менее фантастичен, чем удивительное, невозможное, феноменальное везение. *Четырежды* получить право на попытку подчинения тела аборигена, *четырежды* возобладать над человеческой сущностью и не погибнуть самому! Ведь Николь недаром так напирала на резус-фактор своей крови. Если при попытке превратить в костюм тело человека с положительным резус-фактором летальный исход для нас составлял от семидесяти пяти до девяноста процентов (человек гарантированно погибал при любом исходе), то отрицательный сужал зону риска до трех-пяти. А ведь эпохальному открытию Ландштейнера — Винера¹, благословляемому всем моим

¹ Карл Ландштейнер и Александр Винер открыли резус-фактор крови в 1940 году.

племенем, нет и двухсот лет. Тысячи лет мы играли с судьбой в «русскую рулетку», и продолжаем играть по сю пору. Ведь измерить пропасть между червем и богом может лишь тот, кто, рожденный во прахе, познал всю красоту небес. Любой из наркотиков, изобретенных человеком за все время существования его цивилизации, не способен подарить даже бледную тень от восторга счастливого, получившего костюм. Единожды познав это чудо, он будет стремиться к нему снова и снова, позабыв о страхе смерти... позабыв обо всем.

Видимо, что-то отразилось на моем лице — Николь улыбнулась так, что мне захотелось схватить ее за горло и давить. Давить до тех пор, пока даже сама мысль о превосходстве надо мной навсегда не покинет это хрупкое тело. Пусть даже и вместе с жизнью.

Девушка тотчас почувствовала и эту перемену во мне. Улыбка исчезла с ее губ, точно стертая быстрым взмахом макияжной кисти. Она выпрямила спину, точно гимназистка, сидящая перед строгим наставником, и даже разгладила платье на коленях.

— Уверена, что я права. Вряд ли существует другое объяснение тому, что вы со всей своей властью, деньгами, положением, опытом вот уже тридцать лет заперты в теле инвалида. Так вот, мистер Ди Амато, если вы примете мое предложение, то получите не просто тело. Молодое и здоровое тело. Тело, способное ходить и бегать. Водить машину и скакать верхом. Плавать и танцевать. Заниматься любовью, наконец!

— Тело женщины, — педантично напомнил я.

— Графиня Воронцова, — незамедлительно парировала Николь. — Любящая супруга и нежная мать пяти детей.

«Туше!» — едва не сорвалось с моих губ. Эта девушка была великолепна! Какая жалость, что ей предстоит умереть вне зависимости от того, чем закончится наша сегодняшняя встреча.

Чтобы собраться с мыслями, я придирчиво выбрал из коробки сигару, щелкнул гильотинкой, обрезая кончик, и принялся не спеша раскуривать. Николь не торопила меня — поняв, что гроза миновала, она забралась в кресло, поджав ноги, и маленькими глотками пила кофе, сладко жмурясь после каждого глотка. Казалось, девушка совершенно забыла о моем присутствии в комнате и даже не вздрогнула, когда я неожиданно спросил:

— Ну а что получите вы, мадемуазель Робер?

— Симон.

— Простите?

— Моя настоящая фамилия — Симон. Жан-Пьер Симон — мой отец.

Я с трудом сдержался, чтобы грубо не выругаться. Таких совпадений просто не бывает! Теперь понятно, как столь юная девушка сумела собрать такое впечатляющее досье на меня и мне подобных.

— Симон, Симон... — несколько растерянных щелчков пальцами, словно в попытке припомнить.

Ага! Теперь уже мой удар достиг цели. Кровь прилила к щекам девушки, и она поставила кофейную чашку на блюде так резко, что та издала протестующий хруст.

— Бросьте! — почти прорычала Николь. Так далекий и негромкий раскат грома в ясный день предвещает разгул стихии. — О вашей памяти в деловом мире ходят легенды. Утверждают, что Джеймс Ди Амато вообще не забывает ничего когда-либо увиденного или услышанного. Особенность вашего вида, а?

Я неопределенно пожал плечами. Что ж, играть дальше не имело смысла.

Конечно, я хорошо помнил Жан-Пьера. «Нашего одержимого галла», как его называли когда-то в Принстоне. Эта одержимость касалась всего: учебы, занятий фехтованием, ухаживаний за девушками. Стремление всегда быть лучшим, превзойти всех и во всем. «Хочешь, чтобы Симон сломал себе обе руки? — шутили у нас. — Сломай собственную

и похвастайся ему». Не скажу, что мы были особенно близкими друзьями — для дружбы с таким человеком нужно быть как минимум столь же странным, — и все же он вызывал какую-то безотчетную симпатию. Может, потому, что в стремлении «нашего одержимого галла» возвыситься над окружением никогда не было и тени высокомерия или желания унижить кого-то? Да, соперничество составляло его суть и давало Симону постоянный вектор к развитию и самосовершенствованию. Но он же был первым, кто — абсолютно искренне! — поздравил бы вас в случае победы и никогда не отказывал просящему в помощи...

— Ваш отец погиб в результате теракта двадцать один год назад. — Я вздохнул и почему-то уточнил: — Третьего марта. — А потом, к еще большему своему изумлению, добавил: — Мне жаль. Действительно жаль. Жан-Пьер... мне кажется, такие люди делали этот мир лучше.

Девушка молча кивнула — то ли соглашаясь, то ли благодаря.

За окном прошуршали шины автомобиля, отсвет фар скользнул по стене. Пальцы Николь на подлокотнике кресла слегка напряглись, но это была единственная реакция нервозности, которую она себе позволила. Браво!

— В тот день в сингапурском торговом центре «Сантек сити» были убиты сорок шесть человек, — продолжил я, когда гул мотора окончательно стих. — В том числе Жан-Пьер Симон, вся его семья: жена, сын... — пауза, — и дочь.

— Такова официальная версия, — кивнула Николь.

— А на самом деле?

— Цепочка случайностей и совпадений. Бедная женщина из числа обслуживающего персонала «Сантека» в тот день привела на работу младшую дочь. Девочку одних лет с Николь Симон. Привела, разумеется, тайком: управляющая компания не поощряет подобного, и в случае огласки женщина лишилась

бы работы. Для ее семьи это стало бы катастрофой. Сказав полиции то, что нужно, женщина не только сохранила место, но и получила многс — а по ее меркам — баснословно много — денег. Для этих людей торговля собственными детьми — обычное дело, а малышка все равно погибла.

— Что же случилось с Николь Симон на самом деле?

— Когда боевики-смертники из группировки «Джемаа Исламия» проникли в торговый центр, наша с братом няня Беатрис повела меня в туалет. Беатрис... она была не просто няней, но и телохранителем. Она никогда не рассказывала подробно о своем прошлом, но, подозреваю, в нем были не самые привлекательные страницы. Как бы там ни было, Сингапур и малайский язык моя няня знала весьма неплохо. А главное — имела кое-какие полезные связи в городе. Поняв из обрывков переговоров террористов, что главной целью нападения было именно уничтожение нашей семьи, она не только сумела покинуть «Сантек сити» со мной на руках, но и мастерски замести следы. Остальное доделали взрыв и начавшийся после него пожар на месте трагедии. Вот так из Николь Симон я стала Николь Робер, племянницей Беатрис. Когда шумиха с терактом немного улеглась, мы покинули Сингапур. Пару лет кочевали по Азии, до тех пор, пока няня не убедилась, что ее хитрость удалась. А потом переехали в Америку.

Николь замолчала.

— Весьма драматическая история. Весьма, — кивнул я, уронив в пепельницу пористый серый столбик с кончика сигары. — Прямо-таки готовый сценарий для Голливуда с Синтией Ротрок в роли вашей героической няни... хотя, пардон, кто сейчас помнит Ротрок. Скорее уж с Джиной Карано... Что ж, полагаю, теперь я должен спросить, чем же так насолил радикальной исламской организации Юго-Восточной Азии французский бизнесмен и ученый? Ведь у вас, разумеется, имеется версия и на этот счет?

Никак не отреагировав внешне на мою провокацию, Николь покачала головой:

— В том-то и вся прелесть, что ничем. Зато он насолил человеку, достаточно влиятельному и богатому для того, чтобы сделать грязную работу чужими руками, не бросив на себя даже тени подозрения. Помните Гомера — «Листьям в дубравах древесных подобны сыны человеков»?¹ Как лист лучше всего прятать в куче других листьев...

— ...так и тело — в куче других тел? — восторженно подхватил я. Обожаю цитаты, подобранные к месту и со вкусом! — Кто же он, этот коварный злодей?

Николь склонила голову к левому плечу, прищурилась:

— А кто больше всего выгадал от выхода моего отца из большой игры? Кто был в курсе всех революционных разработок, ведущихся компанией Симона в условиях строжайшей секретности? Кто после смерти всех наследников с легкостью прибрал к рукам «JPS Technologies», благодаря чему уже через полгода утроил свой капитал?

Мои брови изумленно поползли вверх:

— Эдвардс?

— Совершенно верно. Теодор Горацио Эдвардс. Когда-то — младший компаньон моего отца и управляющий филиалом его компании в Штатах. Ныне — человек, входящий в список «Forbes». Меценат и филантроп, тратящий в год десятки миллионов долларов на благотворительность. Возможный кандидат в губернаторы Калифорнии от демократической партии. Ваш главный конкурент и... — Николь сделала паузу, а потом припечатала: — ...тот, кто усадил вас в инвалидную коляску!

Как и всегда, когда мне напоминают о моем увечье, я едва слышно скрипнул зубами. Долил в бокал еще

¹ «Илиада». Песнь шестая. Перевод Н. Гнедича.

виски и одним махом опрокинул в рот, позабыв о всякой культуре питания.

— Причастность Тео Эдвардса к той аварии...

— ...недоказуема, как и к теракту в Сингапуре, — подхватила девушка. — И раз Эдвардс до сих пор наслаждается жизнью на своей вилле близ Сакраменто, значит, добраться до него не в вашей власти. Но если все то, что я о вас слышала, правда, то вы ничего не забыли и не простили. Так же, как и я.

Она вскочила с кресла и, одним прыжком оказавшись рядом, упала на колени. Сжала мою правую кисть в своих пальцах — таких тонких, таких сильных, таких горячих. Голос Николь звенел от переполнявших ее чувств, как готовая лопнуть струна.

— Пожалуйста! Мистер Ди Амато... Джеймс! Верьте мне! Я разрабатывала этот план больше двух лет и учла все нюансы. Эдвардс — мастер подлых ударов исподтишка. Давайте оплатим ему его же монетой! Умоляю!

Минуту назад я еще мог усомниться в рассказанной ею истории. Но теперь... Любой, хоть немного знакомый с Жан-Пьером Симоном, сразу узнал бы и этот бешеный напор, и интонации, и взгляд. Особенно — взгляд.

— Вы ведь читали «Графа Монте-Кристо», Джеймс? Разумеется, читали. Что, по-вашему, выбрал бы Эдмон Дантес: смириться и умереть в заточении, предоставив людей, из-за которых он очутился в замке Иф, на волю провидения? Или все равно умереть, но — отдав свое тело аббату Фариа? Дабы тот, пользуясь своим могучим интеллектом, своим богатейшим жизненным опытом и своими сокровищами, совершил возмездие?

Потрясенный, я осторожно высвободил руку и слегка помассировал пальцы.

— О чем вы говорите, Николь? Герой Дюма был взрослым человеком с положением в обществе и репутацией. Женихом накануне венчания. Обреченным на пожизненное заключение в каменном меш-

ке, наконец! А вы? Сколько вам было, когда погибли ваши родные? Три года. Вы молоды, хороши собой, успешны. Перед вами — весь мир. Долгая и, уверен, счастливая жизнь. Неужели вы готовы отказаться от нее — и от себя — ради мести? Готовы умереть, не имея никакой гарантии в том, что смерть ваша будет не напрасна?

Захваченный непонятным порывом, теперь я говорил почти так же страстно, как и девушка. В серых глазах мелькнула тень сомнения, и я продолжил дожимать, отбросив всякую осторожность:

— Как бы ни был хорош ваш план, мадемуазель, кто помешает мне согласиться с ним лишь для вида? А потом, завладев вашим телом, превратив его в костюм и убив все то, что составляет суть Николь Симон, оставить Тео Эдвардса в покое?

Николь опустила голову, дыша медленно и глубоко, словно в трансе.

Прошла минута, другая.

А потом девушка вновь подняла взор и заговорила — тем же ровным и спокойным голосом, что и в начале нашей беседы:

— Беатрис Робер умерла три года назад. Рак поджелудочной. Женщина, которая спасла мою жизнь, заменила мне мать и двадцать лет отказывалась от всего ради чужого ребенка. Все эти годы она не позволяла мне забыть, кто я. Чего я лишилась. И благодаря кому. Быть может, она была не права, но жизнь, как и история, не знает сослагательного наклонения. Я — такая, как есть. И прежде чем закрылись глаза Беатрис, я поклялась ей заставить убийцу заплатить по счетам.

Что же касается вашего вопроса о гарантиях... Как у всякого известного и богатого человека, мистер Ди Амато, у вас множество недоброжелателей и завистников. Но даже они единодушны в том, что вы ни разу не нарушили данного слова. Пообещайте мне хотя бы попытаться — большего я не прошу — сделать так, чтобы Теодор Эдвардс страдал. Чтобы он лишил-

ся своих денег, положения, близких. И, клянусь богом, я рискну!

Слова были сказаны. Любые другие — излишни. *Alea jacta est*¹.

Набрав полную грудь воздуха, я с шипением выпустил его через узкую щель между зубами, а потом резко хлопнул себя ладонями по коленям:

— Кажется, вы говорили о каком-то плане?

* * *

«...по-прежнему не найдено. Напоминаем, что маге-муазель Робер, альпинист-любитель, пропала без вести две недели назад при попытке одиночного восхождения на вершину Карденильо в Венесуэльских Андах. Невзирая на то, что покорение данной вершины не является сложной альпинистской задачей, требующей большого количества специальных средств и оборудования, следы отважной молодой женщины теряются...»

«Симона Ди Амато — Золушка наших дней!

Лечь спать простым референтом, чтобы проснуться наследницей промышленной империи с много-миллиардным оборотом!

Джеймс Ди Амато не скрывает слез радости, обретая внучку!

«Я с пониманием и уважением отношусь к нежеланию моего внебрачного сына поддерживать отношения с отцом. Радость, переполняющую мою душу, омрачает лишь то, что мой мальчик и его мать, когда-то подарившая мне столько радости, не могут быть с нами в этот великий день! Как бы там ни было, теперь я знаю, ради чего было все это. И пусть ныне я немощный старик, жизнь которого может прерваться в любой момент, — клянусь богом, теперь я ум-

¹ Жребий брошен (лат.).

ру счастливым!» — сообщил нашим корреспондентам мистер Ди Амато через своего пресс-секретаря. Напомним, что семидесятидвятилетний Джеймс Ди Амато, входящий в число самых богатых и влиятельных людей Соединенных Штатов, более тридцати лет прикован к инвалидному креслу из-за травмы позвоночника, полученной в результате авиакатастрофы...»

«...скончался во сне.

По сообщению лечащего врача мистера Ди Амато, его пациент в последние две недели жаловался на участвовавшие боли за грудиной, хотя накануне смерти бизнесмен почувствовал себя лучше.

«Мы провели весь день вместе, — поделилась с нами внучка и единственная наследница покойного, мисс Симона Ди Амато, чудесное воссоединение которой с дедом произошло всего восемь месяцев назад. — Дедушка был в отличном расположении духа, много шутил и строил планы на будущее. Вечером он с аппетитом поужинал и даже выкурил перед сном свою любимую сигару, чего не позволял себе в последнее время. Ничто не предвещало беды».

Анна Фернандес, горничная, обнаружившая тело своего хозяина утром в постели, утверждает, что на губах покойного была счастливая улыбка...»

«Энтони Эдвардс + Симона Ди Амато =???

Тонкий расчет или внезапно вспыхнувшая страсть?

Чем закончится бурный курортный роман наследников двух крупнейших бизнес-империй?

«Я всегда испытывал к Джиму огромное уважение как к человеку и бизнесмену, а в Симониту просто невозможно не влюбиться. Разумеется, решать детям, но я не мог бы желать для своего сына лучшей партии», — прокомментировал сенатор Эдвардс слухи о скорой помолвке».

«По предварительным данным Симона Эдвардс, находившаяся за рулем своего автомобиля «Porsche Boxster GTS», не справилась с управлением на скользком после дождя шоссе и на большой скорости врезалась в дорожное ограждение. В результате аварии миссис Эдвардс скончалась на месте. Ее муж, Энтони Эдвардс, также находившийся в автомобиле, получил черепно-мозговую травму и в настоящее время находится в Медицинском центре Университета Калифорнии (Сан-Франциско). Доктор Питер Рихтер, главный нейрохирург Центра, утверждает, что жизни мистера Эдвардса ничто не угрожает, однако делать какие-либо долгосрочные прогнозы пока преждевременно...»

* * *

Убаюкивающий шелест пальм и тонкий аромат цветов. Негромкий плеск неразличимых в гуще зелени мраморных фонтанов. Морской бриз со стороны залива Сан-Франциско приятно овеивает кожу. Но еще приятнее снова быть мужчиной. Это хоть как-то примиряет меня с потерей Николь.

Прищурившись, я слежу за медленно опускающимся шаром солнца с террасы роскошной виллы Тео Эдвардса. В моей руке — бокал отменного сухого вина с личного виноградника Тео Эдвардса. Мой костюм — тело любимого сына Тео Эдвардса. Его единственного сына. И это все — лишь начало.

Да, первый и самый сложный этап пройден. Скажу без ложной скромности: мы с Николь проделали гигантскую работу, чтобы все необходимые изменения в моей прошлой жизни... нет, уже в двух прошлых жизнях, выглядели предельно естественно. Мы выдержали все проверки со стороны ее и моих сородичей — и тех, и других было достаточно. «Моррисы» особенно усердствовали. У нас есть возможность определить другого доминанта без слов, бла-

годаря испускаемому инфразвуку наподобие того, при помощи которого общаются киты или слоны. Но внутренний транслятор в костюме можно подавить, хоть это и совсем непросто. Представьте себе человека, вынужденного день за днем, месяц за месяцем сидеть у сверхчувствительного передатчика, способного разразиться позывными в любой миг дня и ночи, и соблюдать абсолютную радиотишину? Не ослаблять контроля ни на секунду. Я выдержал почти четыре года, прежде чем от меня отстали... но все еще настороже.

Я на миг закрываю глаза, и перед моим внутренним взором тут же появляется лицо Николь — не яркой красавицы, в которую без памяти влюбился Тони Эдвардс, а такой, как в тот, самый первый раз, свежей парижской ночью.

Николь, Николь! Я бы сказал, что влюбился в тебя, но это была бы неправда, фальшь, оскорбляющая нас обоих. Симпатия, уважение, привязанность, восхищение, дружба, которой стоит дорожить и которой можно гордиться, — вот что я испытывал по отношению к тебе. Ты безропотно «умирала» и в очередной раз меняла имя. Ты едва ли не год провела в частной клинике пластической хирургии, превращаясь в идеальную с точки зрения Эдвардса-младшего женщину. Так же, как и я, ты ни на миг не утрачивала бдительности и при этом действительно искренне заботилась о полупарализованном старике-инвалиде, зная, что очень скоро он станет твоим палачом.

За неделю до назначенного дня я не выдержал и предложил тебе все переиграть, помнишь? «Пусть все идет, как идет, — сказал я тогда. — Хочу прожить рядом с тобой все время, отпущенное этому ветхому костюму. Пусть Тео Эдвардс и прочие катятся ко всем чертям. Почему бы нам просто не наслаждаться жизнью? А когда ты станешь наследницей моего состояния, тебе, быть может, удастся то, что не удалось мне».

★ Ты выслушала меня, не перебивая, поцеловала в лоб и сказала, что не имеешь права на ошибку. А еще ты сказала тогда, что неплохо узнала меня за эти дни. Что я хороший человек, невзирая на мою суть... нет, ты сказала — «настоящий человек». И что такие, как я, достойны жить.

Знаешь, Николь, в ночь после того разговора я едва ли не впервые пожалел о том, кто я такой. Мерзкий старый червяк. Такой бессильный в своей всесильности. А когда наши губы неделю спустя слились в последнем долгом поцелуе, благодаря которому я проник в твое тело... еще ни с одним человеком за все свои жизни на вашей планете я не испытывал такого страстного, всепоглощающего единения.

Почему-то не получается думать о твоём теле, как о костюме. Знаю, это невозможно, и все же порой мне казалось, что ты не ушла совсем, моя милая маленькая девочка. Что ты видишь, слышишь, чувствуешь вместе со мной. И я старался жить новую жизнь не только за себя, но и за тебя.

План, разработанный тобой когда-то, действительно оказался великолепен, хотя завершающая стадия его первой части едва не вышла мне боком. Даже с моим немалым опытом вождения (я, кажется, рассказывал тебе, что в молодости пару сезонов выступал под чужим именем в соревнованиях «Формулы-1») устроить правдоподобную аварию было совсем не просто. Но ты была права: именно из-за подстроенной Тео Эдвардсом аварии Джим Ди Амато лишился ног, поэтому отобрать у него любимого сына в результате другой подстроенной аварии — не только справедливо, но и изящно. А тяжелая травма головы — прекрасный повод списать на частичную потерю памяти те проколы, которые неизбежно возникли у вышедшего из больницы Тони Эдвардса.

Я еще не знаю, как именно выполняю данное тебе обещание, Николь. Представляешь, с недавнего времени я даже увлекся шахматами! Смешно, однако мне хочется верить, что, постигнув эту игру, я смогу

лучше понять твой принцип мышления и придумать для «папы Тео» нечто действительно выдающееся. А еще я перечитал «Графа Монте-Кристо». Уже дважды. Но у меня по-прежнему нет ответа на вопрос, заданный тобой при нашей первой встрече. Видимо, все дело в том, что Эдмон Дантес, как и ты, был человеком.

Не больше, но и не меньше...

ВЕРА КАМША

БЕЛЫЕ НОЧИ ИТАКИ

Анастасии Парфеновой

Колыбельная на три такта
Возвращает меня назад,
На родную мою Итаку,
В мой покинутый Ленинград...

Александр Городницкий

Врубишь ящик — там горилла
про духовность говорит...

Евгений Лукин

ПРОЛОГ

Ты вернулся! Вернулся и смотришь на сияющую, невозможно синюю Неву, а та уносит в залив последние одинокие льдины, уносит зиму, помнить о которой сейчас преступление. Ты и не помнишь, хоть знаешь и о зиме, и о неизбежной дороге, что начнется вот на этой самой набережной, и, если очередной раз повезет, здесь же и закончится. Все пути ведут или к смерти, или к Неве, а значит, еще и к любви. Как же не улыбнуться, не отдать честь Ростральным колоннам, над которыми горят негасимые огни, не давая сбиться с пути, забыть, предать, отступить.

Уходят, чтобы вернуться, сделав то, что кроме тебя не сделать никому, а возвращаются взглянуть в глаза радости и увериться: ты нужен и тебе нужны. Наша сила в том, что мы оставляем за спиной, наша слабость в умении забывать, но разве забудешь это небо с горящим в нем золотом, эту медленную вогу, этот мрамор и эту сирень? Не забудешь, а значит, мы непобедимы и почти бессмертны...

Подъехали машины, выпустили людей с цветами и шампанским. Свадьба... И хорошо, пусть будут свадьбы и дети. Пусть будет жизнь.

— Ой, а вы нас не сфоткаете?

Девчонка с черными губами и черными квадратными ногтями. Когда-нибудь станет красавицей... Если сумеет вобрать в себя свет и тени, сирень и снег, если поймет. Если улетит от того, кто сейчас с ней и кому не место на этих берегах.

— Извольте.

Остановить мгновенье, остановить свое счастье, поделиться — не жалко, ведь он вернулся. Его ждут, его очень ждут, а впереди лишь миг глиной в несколько дней, но как же это лучше часа, растянувшегося в ненужную вечность.

— Ой, спасибо!

— Пожалуйста. Не забудьте...

— Че?

— Этот день не забудьте: Петропавловку, весну, огни над колоннами.

— Ой, точно зажгли! Праздник, да?

— Конечно, праздник.

Вечный праздник по имени жизнь, и немного последнего льда. Залогом будущего лета, залогом белой ночи, которая давно стала твоей душой. Ты вернулся. Ты скоро уйдешь...

Доктор исторических наук Шульцов, успешно сдав с рук на руки начальству дорогих заокеанских коллег, веселился, как студент-прогульщик, и было с че-

го — дорогие заокеанские коллеги оказались столь вежливы, что заранее выяснили: актуальный Санкт-Петербург и Ленинград один и тот же город, и в нем имеется река Neva. По дороге из Пулкова американцы интересовались, не Neva ли это, четырежды. Первый раз на Обводном, последний — на Мойке. Когда машина въехала на Дворцовый мост, раскованные, как и положено представителям западной цивилизации, гости даже не замолчали — замолкли, умилившись не только Шульцова, но и очередной раз выручившего его с машиной Гену Саврасова. Само собой, развязавшись с дипломатической миссией, Шульцов предложил выпить кофе. Когда раздался звонок, они с Геной как раз устраивались в василеостровской ипостаси любимого итальянского ресторанчика. Олег Евгеньевич поморщился, однако ответил. Звонил бывший полковник бывшей милиции, сосед и с недавнего времени друг и соучастник.

— Олег, вы где? — требовательно спросил он, и Шульцов очередной раз подумал, сколь странен был бы этот вопрос, когда телефоны смиренно стояли на столах и висели на стенках.

— На Васильевском, Аркадий Филиппович. Зашли с Геной кофе выпить.

— Судьба, — интригуяще откликнулся товарищ полковник и предложил перенести мероприятие в одноименный ресторанчик на Стачек. Олег Евгеньевич согласился, Гена, само собой, тоже.

На встречу рванули по набережной; небо и Нева были неистово голубыми, распускающиеся деревья окутывал зеленоватый дымок, и совершенно не хотелось думать о нечисти.

— Олег Евгеньевич, — негромко окликнул Гена, — полковник что-то узнал?

— Судя по срочности, наоборот. Хочет узнать.

— Тогда зачем я?

— Нас слишком мало. Я имею в виду тех, кто знает, что в городе мы не одни.

— То есть, — уточнил Саврасов, — что убивают не только люди. Наверное...

Дальше ехали молча, думая каждый о своем. Шульцов вспоминал Наташу Саврасову, которую не удалось защитить ни мужу, ни полиции, ни шарлатанам из эзотерического салона¹. И что с того, что шарлатаны, включая «консультанта» Шульцова, загадку решили. Наташа погибла, а Гена... Гена почти обречен на одиночество, мадам же Саврасова, по глупой ревнивой злобе привязавшая сына к Трехликой, будет жить долго и счастливо. В своем понимании.

— Встану у вас во дворе, — решил Геннадий, — а то после шести будет не развернуться. Шульцов кивнул и вылез на углу, где немедленно был взят в оборот пьяненьким толстяком в разнокалиберных ботинках и черной кожаной шляпе.

— Купите билеты, — строго сказал черношляпник. — Концертный зал у Финляндского. Десятый ряд. Триста двадцать и еще сорок.

Шульцов, не торгуясь, дал пятьсот: к алкоголикам историк относился, как авгур к птицам, обрети те способность не только предсказывать, но и говорить. Толстяк вытащил из кармана измятый конверт и, прохрипев: «Начало в восемнадцать тридцать, ибо суббота», скрылся за передвижным мини-гастрономчиком с диким названием «ЛавЪка». Заканчивался понедельник, и Олег Евгеньевич аккуратно убрал неожиданное приобретение в бумажник, после чего распахнул стеклянную дверь. Полковник уже ждал, и вместе с ним ждал невысокий человек, похожий на строгого дикобраза, сумеет тот причесаться.

— Где Геннадий? — По тому, как сосед начал разговор, Шульцов понял: «дикобраз» в курсе их прошлых походов, а может, и не просто в курсе.

— Ставит машину.

¹ Здесь и далее идут отсылы к повести «Белые ночи Гека-ты», действие которой разворачивается за два года до описываемых событий.

— Знакомьтесь. Андрей Григорьевич, как нынче не говорят, мой старый товарищ. Настолько товарищ, что про ваши-наши дела знает все.

— Здравствуйте, — Шульцов протянул руку. — Если не ошибаюсь, Аркадий Филиппович вам звонил, когда мы... проникли в квартиру Хозяйки.

— Да, — подтвердил телефонный «Григорьич». — Пригласить вас попросил я. Подождем Геннадия, я вам кое-что расскажу, и мы будем квиты. В свое время Аркадий меня едва с ума вашими старухами не свел. И свел бы, если б я и прежде на потустороннюю похабень не налетал, только нынешнее совсем уж за гранью. Вы как Обводный знаете?

Обводный Шульцов знал сносно, не более того, однако именно там угнездился «истинно петербургский» ночной ресторан, пришедшийся по душе кое-кому из элиты.

— Дурацкое слово, — поморщился Олег Евгеньевич, — собачьей выставкой отдает.

— Как бы не скотофермой, — хмыкнул «дикобраз» Григорьич, — но элита туда шастает, а по выходе пропадает. С концами.

2

Яндекс-панорама услужливо вела вдоль Обводного канала. Перед взглядом Шульцова проползали знакомые, но отчего-то ставшие странными фасады, некогда фабричные заборы, щиты, перекрестки, церкви. Красно-бурый самодержавный кирпич, старая и новая штукатурка, рекламные щиты, припаркованные машины, вливающиеся в набережную отнюдь не фешенебельные улицы. Не лучшее место для дорогих заведений, хотя находятся любители и не на такую экзотику. Зато аренда здесь дешевле, особенно в ставших всяческими «центрами» бывших предприятиях.

— Поворот, — бросил «дикобраз», и ведущий «экскурсию» Гена послушно обогнул массивный коричне-

вый дом, снизу — темный, сверху — светлый. Потянулась обычная в этих краях глухая оштукатуренная стена, у нее эстафету приняла пара все еще обитаемых домов, от их двухэтажного соседа остался лишь фасад, затем шло затянутое зеленой сеткой и потому непонятное строение.

— Здесь, под аркой...

Арку Яндекс показал, но внутрь не пустил. Лет десять назад Олег Евгеньевич взялся бы угадать внутренность двора, сейчас там могло оказаться что угодно. И оказалось. То ли клуб, то ли ресторан с идиотским названием «СтарикЪ КарамазовЪ».

Отхвативший за гроши подвал некогда фабричного здания бывший филолог, а ныне зиц-владелец дюжины ресторанов и кафе вовсю эксплуатировал достоевские кошмары, дополняя их псевдобелогвардейскими подгитарными рыданиями и ограниченным контингентом дочерей камергера. Место считалось дорогим и относительно приличным — наркотиков там, по крайней мере, не предлагали, но слегка разухабистым. К «Старику» захаживали разводящиеся супруги, поцапавшиеся любовники и загулявшие гости Северной Пальмиры, в том числе и уважаемые. Один такой уважаемый пропал в середине осени, положив начало череде исчезновений. За гостем с юга потянулись местный бизнесмен, солидный фармацевт, пара ставших в конце девяностых питерцами джигитов, помощник известного депутата и, напоследок, еще один горец. Заезжий. Общего у пропавших, кроме «Старика Карамазова», не выявлялось, при этом сам «КарамазовЪ» казался чист, аки старец Зосима.

Ни малейшей заинтересованности в изничтожениях и похищениях дорогих посетителей ни у кого из персонала, постоянных посетителей, владельца и владельцев владельца не нашлось; не имели никакого формального и неформального отношения к ресторану и сгинувшие. Первого пропаданца в достоевщину завели знакомые, и они же, спустя два дня, заявили об исчезновении, надолго став главными подозревае-

мыми. Второй был одинок и случаен. Поколотив и выставив не потрафившую ему подругу, скандалист сел в машину и помчался по городу. На Обводном у него вышла легкая неприятность с «Газелью», авто эвакуировали, а герой решил развлечься. Ближайшим подходящим местечком, по утверждению все того же Яндекса, оказался «СтарикЪ». Бизнесмен просидел там до трех ночи, время от времени названивая друзьям, затем вызвал личного водителя, но до уличной стоянки, куда тот подъехал, не добрался. Фармацевт в «Карамазове» бывал довольно часто, потом его угораздило привести иногородних знакомых и перед десертом выйти то ли покурить, то ли полюбоваться луной. Полюбовался...

Питерские джигиты гуляли с компаниями, и гуляли лихо. В обоих случаях убыль в составе обнаружили уже на автостоянке, причем как и когда жертвы откололись от коллектива, никто не заметил. Помощник депутата ехал с несостоявшейся встречи, забежал на минутку, застрял, познакомился с ресторанной девицей, пообещал ей звезду с неба, отдых на Мальдивах и что-то показать. «Что-то» хранилось в машине, джентльмен за ним отправился и канул, оставив в заложниках очень уважаемый портфель. Дама прождала больше часа и, будучи честной девушкой, позвала администратора. Проверили камеры видеонаблюдения, честно запечатлевшие уходящего в сторону стоянки мужчину. Позднее выяснилось, что до авто он таки добрался, что хотел взял и на обратном пути испарился.

Утративший помощника депутат не на шутку разволновался и принялся жать на все педали, собственнно, тогда «карамазовское» дело Григорьичу и навязали. Тот стал вникать. Свел все случаи воедино, угробил несколько дней на просмотр видеозаписей, выяснил, что вообще-то надежная аппаратура чуть ли не каждую ночь слегка барахлит, проверил окружающие дома на предмет новых жильцов и пустующей по непонятным причинам площади, но так ниче-

го и не нашел. И тут пропал дальний родич крайне влиятельной в Северо-Кавказском федеральном округе персоны. Персона сочла, что это заговор если не против нее, то против отечества, и завертелось. Практически безнадежное дело оказалось на высоком, чтобы не сказать высочайшем, контроле, и Григорьич позвонил Филиппычу, который предложил немедленно выпить. В подходящей компании.

— На земле мы искать будем, — заключил «дикобраз», — но чертей ловить не по мне!

— Черта я вам и не поймаю, — покачал головой Шульцов, — только сатира, а если серьезно... Либо все мы здесь сумасшедшие, либо никто. Если никто, то два года назад нас с Геной втянуло в спор между, скажем так, незаметно освоившими город квази-античными божествами. Более всего они напоминают Гекату и Диониса с поправкой на время и место. Эти двое в древности вели спор за, да простится мне такая формулировка, кормовую базу, однако сейчас Трехликая от открытой схватки предпочла уклониться. Где она и что с ней, мы не знаем, замолчал и ее конкурент. За два года ни в моей жизни, ни в жизни Гены не случилось ничего, что позволило бы заподозрить внимание к нам неких сил. Мы свою роль в драке сыграли, с нами расплатились и о нас забыли. Рассчитывать, что я пролью вино и следствие сдвинется с мертвой точки, простите, несерьезно.

— А я и не рассчитываю, — Григорьич оглядел стол и уверенно потянулся к коньячку. — Питер — город большой, вряд ли в нем окопались только Дионис с Гекатой, и тем более вряд ли Трехликая принялась таскать немолодых подвыпивших мужиков. Насколько я понимаю, она кормится с женщин, причем с несчастных, и старается держаться в тени. Я прав?

— Если не вдаваться в подробности.

— Подробности мне без надобности. Олег Евгеньевич, я прошу вас подумать, кто из известных вам... олимпийцев способен выкинуть подобную штуку и почему. Что могло этому предшествовать? Неудачная

★ клятва? Оскорбление? Проклятие? Возможно, какой-нибудь ритуал? Кроме того, я бы очень просил вас осмотреть ресторан и его окрестности. Возможно, дело в какой-нибудь загогулине на стенке, которую приняли за приглашение. Если обычную квартиру превратили в Перекресток, то и здесь может быть что-то вроде турникета, причем разболтавшегося. Девять человек пройдут, не заметят, а десятый черт знает куда провалится. Может быть такое?

— Вряд ли. Активно действующие хозяева ни перекресток, ни дверь без присмотра не оставят. Попасть без приглашения хоть на Олимп, хоть в Аид проблематично, но я подумаю. И посмотрю.

— Послезавтра вас устроит? Скажем, в восемнадцать тридцать?

— Вполне, — заверил Олег Евгеньевич и, не удержавшись, сплеснул вино на мозаичный пол. — Хвала Дионису!

— И лицам, к нему приравненным, — очень серьезно заключил сосед, приподнимая рюмку.

3

Вечером Олег Евгеньевич был рассеян, но указали ему на это лишь сидевшие на галошнице коты. Марина из источающей томатные ароматы кухни крикнула, что Соня звонила и ночует у Машки. Шульцов угукнул — они с женой раз и навсегда решили, что «в России девушек весенних на цепи не держат, как собак» — и залез с ногами на диван. Думать.

Григорьевич был человеком компетентным и, прежде чем искать регулярно побирающих элиту чертей, проверил все, что могло прийти в голову материалисту с опытом. От Шульцова ждали не детективных потуг, а гипотез историка, на собственной шкуре убедившегося, что в городе хозяйничают не только чиновники, олигархи и прочая мафия. Олег Евгеньевич думал, но в голову лез исключительно бред. Вроде Зе-

весова орла, таскающего для сластолюбивого громовержца депутатских помощников.

— Орлы ночами не летают, — буркнул себе под нос историк, и тут запело хором. Телефон с помощью жрецов из «Аиды» сообщал, что директор института желает слышать ведущего сотрудника. Шульцов нажал зеленую кнопку.

— Олег Евгеньевич, — тон Николая Ивановича был озабоченно-дружеским, — у вашей дочери проблемы и, боюсь, серьезные. В том смысле, что устранять их придется вам. Вы уже в курсе?

— Нет, — не стал юлить Шульцов.

— Ваша дочь дома?

— У подруги.

— Будет лучше, если вы ее расспросите о подробностях. Если вкратце, то она и еще одна девушка сорвали встречу с Петраго-Соловаго, о чем пошла информация в соцсетях. Декан, и не только, озабочены, вы же понимаете...

— Понимаю, — согласился слегка оторопевший историк. Петраго-Соловаго в молодости сочинял очень славные книжки про шпионов, созрев, принялся писать омерзительные сценарии, а перезрев — продюсировать и участвовать в общественной жизни. Последней его затеей стал проект закона о защите выдающихся творцов и их творений от поругания, под коим подразумевалось всё, финансово и морально ущемляющее защитника прекрасного. О злопаметности и въедливости Петраго-Соловаго ходили легенды и анекдоты, правда, Олег Евгеньевич ими не слишком интересовался.

— Все было бы гораздо серьезней, — утешил директор, — будь вы простым кандидатом или даже доктором, но вы — признанный научной общественностью наследник академика Спадникова. У вас сложилась определенная репутация, вы водите дружбу с... компетентными людьми, это позволяет решить дело более или менее мирно. Петраго-Соловаго предлагает личную встречу, причем без посредников.

— Сперва я должен поговорить с Соней.

— Разумеется. Вам назначено завтра в тринадцать тридцать. Фонд «Светоч Третьего Рима». Знаете, где?

— Нет, — рубанул Шульцов, понимая, что на него накатывает. — Более того, я и узнавать не намерен, хотя на тринадцать тридцать согласен. На нейтральной территории.

— Олег Евгеньевич!

— Николай Иванович, я не лакей, а Соловаго не барин. Вызвать меня можете вы, суд, милиция и КГБ, сколько бы раз их не переименовывали. Соловаго хочет встречи, пусть потрудится приехать в какое-нибудь приличное место.

— Что вы имеете в виду?

— Эрмитаж.

— Эрмитаж?

— Эрмитаж, Русский музей, Петропавловку, зоопарк... Что угодно, лишь бы не кафе.

— Вы — сложный человек, — пожаловался директор, — и, судя по всему, вырастили сложную дочь, но прошлый раз вы оказались дважды правы. И как ученый, и как гражданин. Что ж, я передам ваше предложение и перезвоню.

Чем Егоров был хорош, так это тем, что не боялся уронить корону, но что могла натворить Соня? Вернее, что натворил Соловаго, не котов же прилюдно мучил? Олег Евгеньевич с сомнением глянул на компьютер, потом перевел взгляд на телефон и обратно. Поиски в Интернете отдавали подглядыванием, распросы — родительским контролем, с которым было торжественно покончено после превращения школьницы Шульцовой в студентку. Размышление прервал препротивный хрип — дочь посредством SMS просила папу выйти на балкон через пять минут, однако звонок раздался сразу же. С чувством времени у Сони всегда было худо.

— Ну, — спросил едва успевший прикрыть за собой дверь родитель, — когда серенада?

— Серенада?

— На балкон вызывают, когда ожидается серенада.

— Папа, что ты знаешь?

— Если в целом, то я знаю то же, что и Сократ, то есть ничего. Если в частности, то меня хочет видеть Петраго-Соловаго.

— Это из-за меня. Понимаешь...

Не понять было трудно. Четверть века назад студент Шульцов при всей группе отвесил пощечину преподавателю, повернулся и вышел из аудитории в твердой уверенности, что теперь ему одна дорога — защищать отечество. Он ошибся — мотавший жилы целому потоку садист струсил и воровато поставил зачет всей группе. То ли не был уверен, что кафедральное начальство его поддержит, то ли убоился заинтересовавшегося шульцовской курсовой злущего академика. О своем студенческом подвиге Олег Евгеньевич не распространялся, но наследственность еще никто не отменял — Шульцов вступился за доведенную на ровном месте до слез однокашницу, Соня — за свою вечную Машку.

Эмоций и правоты у Сониной подружки всегда было через край, доводы она находила на следующее утро, а в результате чья-то жизнь становилась заметно насыщенней. Машка спасла от усыпления котов, и они поселились у Шульцовых. Машка нашла центр помощи беженцам, и Гена Саврасов десятый месяц по выходным возил ящики и таскал мешки. Машка поднесла старику сумку с продуктами, и полковник вступил в затяжную войну с разинувшими рот на комнату деда соседями. Не сплеховала Мария и во время встречи корифея с будущими культурологами, но расхлебывать предстояло явно другим.

— Папа, — чуть дрогнувшим голосом напомнила Соня, — тебе же нравится «Юность Феодоры»?

— Настолько, насколько человеку моей профессии может нравиться якобы историческое кино, — вывернулся Олег Евгеньевич. — Лапа, мне должны звонить, так что давай по существу.

— Все очень просто. Петраго-Соловаго не читал Иоанна Эфесского!

— Возможно...

— Это непристойно, — отрезала дочь, и Олег Евгеньевич вспомнил, как в аналогичных выражениях возмущался безграмотностью всяческих телеболванов. Соня слушала отцовское шипение очень внимательно, результат не замедлил сказаться.

— Если он взялся рассуждать о Феодоре, я с тобой соглашусь.

— Папа, он хуже!

Из сумбурного дочкиного рассказа Шульцов понял, что девушки ничего не сорвали, но, похоже, стронули немалую лавину. Началось же, как чаще всего и бывает, с ерунды. Петраго-Соловаго не потрафил фильм о дочери циркового зрителя зверей, ставшей актрисой и после множества перипетий взошедшей на византийский трон. И что с того, что будущую супругу Юстиниана Великого показали с неподдельной симпатией? Фильм, как клеветнический, следовало к российскому показу запретить и создать, наконец, при Министерстве культуры орган, который будет пресекать кинопокушения на святых, августейших, гениальных и других уважаемых особ. И делать это нужно немедленно, потому что клеветническая «Феодора» собирает полные залы падких на гнусные измышления глупцов, что оскорбляет и материально ущемляет великий отечественный кинематограф. В том числе и в лице самого Агриппы Михайловича, чей последний шедевр, мягко говоря, себя не окупил. И все по милости таких вот «Феодор»!..

Обличения прервала вскочившая Машка, ринувшаяся отстаивать бурное прошлое любимой императрицы. Корифей отрезал, что обделенные внешностью и манерами кухаркины дочери из зависти всегда готовы облить грязью аристократа, и тут уже взвилась Соня.

— Я сказала... сказала, что прошлое Феодоры, кроме враждебного к ней Прокопия Кесарийского, под-

тверждено и другими источниками, и вообще... Лучше родиться умничкой-циркачкой, чем дурой и носительницей гемофилии...

— Ты это тоже озвучила?

— Нет, я сказала, что надо учить матчасть, и нас выгнали...

— Что вы бросили с порога?

— Машка, что в Гугле нынче не банят, а я посоветовала сходить в библиотеку.

— «Какая библиотека в три часа ночи», — пробормотал Шульцов. Кого Петраго-Соловаго видит на посту председателя вожденной комиссии и сколько рассчитывает иметь с киношников за разрешающий съемку автограф, было ясно. Как и то, что встреча с оскорбленным величием обещает стать веселой. — Все, Лапа, мне в самом деле должны звонить.

— Пока. Па, ты только маме не говори... Если что, я переведусь или устроюсь на работу.

— Ты будешь охотиться, — процитировал Шульцов и отключился.

Директор позвонил через четверть часа. Петраго-Соловаго выразил желание приехать в институт, а Николай Иванович по счастливому стечению обстоятельств именно это время избрал для выгуливания заокеанских гостей.

— Мой кабинет и мой бар в вашем распоряжении, — начальственной благодати просто не было предела. — Меня не будет, так что препоручаю вас Дионису. Встреча должна быть полезной и конструктивной. Агриппа Михайлович это понимает, а вы?

Шульцов понимал. Молотов тоже понимал, когда чистил зубы перед встречей с Риббентропом.

Здравый смысл требовал узнать о человеке, с которым сцепилась Соня, как можно больше. Шульцов начал со справочника. «Слава Северной Паль-

миры» усердно перечисляла творения Петраго-Соловаго, а также собранные им звания и награды. Шульцов пробежал глазами немалый список, протер очки, прочитал еще раз и полез в книжный шкаф. Сборник повестей о помогавших чекистам до, во время и после войны сперва пионерах, а потом комсомольцах стоял на месте. На месте было и авторское посвящение героическому деду Михаилу Абовичу Капанадзе, с которого будущий корифей клялся «делать жизнь». Шульцов вернулся к справочнику — ранние произведения, равно как и дед-чекист, в нем не значились, зато всю сияли имперским золотом благородные предки. Оказывается, Петраго-Соловаго были в неучтенном родстве с Рюриковичами, а фамилию, которая была слишком известна, дворянский дед корифея сменил в 1926 году. И сделал это столь изобретательно, что кровавые опричники остались с носом, зато люди просвещенные сразу понимали: перед ними представитель истинной русской, допетровской аристократии. Олег Евгеньевич поморщился и, пробормотав «я не Живаго, я не Мертваго, я не Петраго, не Соловаго», включил компьютер.

Повести, которые в самом деле были хороши, выложить в Сеть никто не удосужился, зато историк ознакомился с соловагинскими пьесами, сценариями и законодательными инициативами. Вишенкой на торте стала трехлетней давности статья, неприятно хамская по тону, но полная занятных подробностей. Оказывается, Петраго-Соловаго в 90-х водил дружбу с известным криминальным авторитетом, периодически жалуюсь тому на обидчиков. Обидчикам, правда, дозволялось откупиться: оскорбленный Агриппа брал деньгами, услугами, но всего охотней антиквариатом, отдавая предпочтение «серебряному веку». Мир переменился, авторитет закономерно сел, Агриппа Михайлович не менее закономерно с его горизонта исчез, не дождавшись пения хотя бы первого петуха. Обидчивости он, тем не менее, не утратил, как и тя-

ги к прекрасному, но круг общения поменял, сделав ставку на власти предрежащие.

Дело пошло, Агриппа Михайлович успешно до-
ил бюджет и блистал на элитарных сборищах, не
забывая пускать полученные средства и площа-
ди в оборот. Первым его детищем стал преслову-
тый «Светоч», последним на момент написания ста-
тьи — общенародный историко-кулинарный проект
«Боярский стол», призванный дать отпор чужерод-
ной шаверме и возродить блеск, который мы поте-
ряли. То, что стол был всего лишь боярским, про-
никновенно шептало о скромности учредителя-Рю-
риковича. Умилиться мешали логотип — наглый
мордастый каравай с усами-колосьями, разлегший-
ся на выполненной допетровской вязью надписи
«ВСЕМУ ГОЛОВА!» — и то, что соловагинские за-
бегаловки успели слопать две библиотеки, детские
ясли, музей-квартиру гремевшего в России 1913 го-
да тенора и добрую дюжину вполне пристойных ка-
фе и столовых. Дотошный историк поискал опро-
вержение статьи, но такового не обнаружилось,
хотя абстрактных громов и молний в адрес замах-
нувшихся на великого Агриппу ничтожеств и за-
вистников имелось в избытке. Равно как и хвалеб-
ных рецензий, одну из которых Олег Евгеньевич
поначалу принял за памфлет.

Обещанный к осени шедевр под интригующим на-
званием «Ангел в форточке» повествовал о загнан-
ных в спецприют дворянских сиротках, коих жданов-
ско-бериевские опричники сперва заставляли красть
у ленинградцев предметы искусства, а потом пере-
били. Под видом ликвидации застигнутой на месте
преступления банды грабителей. Уцелел лишь один,
вспомнивший слышанную в колыбели молитву и на
глазах потрясенных энкавэдэшников исчезнувший в
столбе света, что ворвался сквозь форточку во тьму
залитой кровью квартиры бывших князей Марато-
вых. Куда девалось бесценное кольцо, что сжимал в

руке спасенный, рецензент не сообщил, но обнадежил, что Петраго-Соловаго задумал тетралогию.

Подошли коты, заявили протест: они желали спать, а бодрствующий хозяин им мешал. Шульцов отбыл гладильную повинность и отправился в спальню. Ему снилась школа с зелеными партами, фиолетовыми чернилами и двойкой по литературе. Олег Евгеньевич помнил, что он — доктор наук и никакой аттестат ему не нужен, однако красная запись в дневнике не исчезала, как и здоровенный плакат, на котором Петраго-Соловаго жестом вождя мирового пролетариата указывал дорогу к ресторану. Нужно было взять топор и срубить это безобразие под самый корешок. Увы, на топоре сидел криминальный авторитет в княжеском колье и плакал, потому что его бросили, а он опаздывал на поезд и не хотел становиться Анной Карениной. Сердобольный Шульцов попробовал вызвать Гену, однако тот защищал маратовское золото от ползущего к нему старика Козлодоева, который, как оказалось, и вlepил Шульцову двойку, прикинувшись для этого Карамазовым.

— Профан, — фыркнул влетевший в форточку Достоевский, оказавшийся еще и академиком Спандниковым в венке из плюща. — Геродот злокозненный. Ужо будет тебе эскалоп с эстрагоном!

Плакат испугался, сбросил корифея, выгнулся наподобие паруса и стал алым, гребцы-полковники налегли на весла, Олег Евгеньевич встал у мачты, ожидая, когда запоют сирены, и понял, что вот-вот задохнется — день котами не только кончался, но и начинался.

— Уйди, — велел историк взгромоздившемуся на хозяйскую грудь рыжему Егору, — или дай телефон.

Кот предпочел уйти, Шульцов набрал полковника и как мог сдержанно объяснил, что ловить нечисть он сегодня не может по причине важной встречи и просит перенести визит к Козлодоеву, то есть, конечно же, к Карамазову на четверг.

При виде Петраго-Соловаго перед глазами вставала кинематографическая «Россия 1913 года» с твердыми знаками, Фаберже, конфетко-бараночками, французской булкой и немного Распутиным. Агриппа Михайлович был могуч и аристократичен от знаменитой николаевской бородки до галстука с золотой высокодуховной булавкой. Судя по визиту на территорию противника и протянутой руке, корифей был настроен на что-то вроде мира. Как и Шульцов.

Рукопожатие вышло значительным и столь исполненным перстней, что историку показалось, что он оцарапался.

— Прошу садиться, — Петраго-Соловаго распоряжался в чужом кабинете, будто в своем. — Ваш руководитель уверял, что вы хорошо знаете его погребок. Я пью «Мартель». От пристойного и выше.

— Этот коньячный дом знают многие, — поддержал разговор Шульцов, с трудом оторвав взгляд от придавившего соловагинский галстук Царь-колокола. — Я о нем прочел в «Капитальном ремонте».

Развалившийся в кресле барин ждали, когда им подадут, но Олег Евгеньевич в половые не нанимался. «Мартель» у директора, само собой, водился, у него водилось все, что дарят уважаемым мужчинам, однако первым историк достал австралийский шираз.

— Порой мне кажется, что Дионис покинул Европу: в Австралии дурных вин просто нет, а в Старом Свете случаются. — Шульцов улыбнулся как мог светски и вытащил уже коньяк. — У нас разные вкусы, будет правильно, если каждый позаботится о себе сам.

О себе Агриппа Михайлович заботиться умел просто великолепно.

— Вы удивлены моей лояльностью? — спросил он, элегантно согревая бокал. — Я не могу долго сердиться на хорошеньких девиц, а ваша дочь, в отличие от ее подруги, прелестна. Я бы на вашем месте

запретил Софье общаться со столь вульгарным созданием.

— Вы так думаете? — уточнил Шульцов, не далее как вчера созерцавший фото младшей внучки Агриппы Февронии в розово-черных лосинах и с кольцами в носу.

— Да, — подтвердил собеседник, — я имею обыкновение говорить что думаю. Конечно, руководство университета недовольно сорванной лекцией, я бы сказал, очень недовольно, но кто мешает ее повторить? Более того, я буду рад видеть на ней не только вашу дочь, но и вас. Мы могли бы поговорить о наших византийских корнях, в конце концов, борьба с ложной генетической памятью — наш прямой долг.

— С ложной? — Дионис все ж оставил Шульцова не до конца, будь иначе, историк бы подавился.

— Нам внушили, что мы азиаты, скифо-монголы, и это убеждение закрепилось на генетическом уровне, в то время как мы — наследники и преемники Афин и Спарты. Впрочем, вы ведь немец... В каком году ваши предки прибыли к нам?

— Простите?

— Этот город надо переименовать в Петрополь, — Петраго-Соловаго решил, что напиток достаточно нагрелся, и пригубил. Пить коньяк он умел, и вряд ли это была генетическая память. — В крайней случае, в Петроград, что и было сделано, когда мы решили отмежеваться от потомков вандалов.

— Я занимаюсь античностью, Первая мировая не мой профиль.

— Образованный человек должен знать мировую историю, — отрезал защитник Феодоры. — Значит, договорились. А ведь я давно собирался с вами связаться... Как с наследником Спадниковых. Мой дед в юности ухаживал за одной из теток вашего покойного патрона, я хочу выкупить их тройной портрет работы Серебряковой, а заодно пару других работ. Они написаны на даче, где мой дед тоже бывал...

— Простите, я не торгую картинами.

— Разумеется. Но речь об истории моей семьи, а память, генетическая память...

Дальше стала скучно, мерзко и понятно. Петраго-Соловаго в самом деле любил антиквариат, а спадниковские картины казались легкой добычей. Ну как же не отдать Серебрякову за даже не отсутствие неприятностей, за допуск дочки к телу, по самый галстук погруженному в жидкость большого кино. Тело в успехе не сомневалось, но ему нравилось слушать собственный голос, и оно вещало. О духовности, преемственности, истинной культуре и борьбе с мрачными наследиями.

— Я подошла транспорт, — закончивший речь корифей глотнул коньяку, — завтра, часов в семь.

— Нет.

— Вам удобней другое время?

— Я не отдам картины, — твердо сказал Шульцов и на всякий случай добавил: — И не продам.

Олег Евгеньевич ставил культуру Запада выше восточной, а охватившую мир япономанию не одобрял, но его отношение к учителю сделало бы честь лучшему из японцев. Вдова Спадникова знала, кому оставить набитую памятью квартиру.

— Вы своеобразны, — Петраго-Соловаго поставил бокал, — теперь я не удивляюсь поведению вашей дочери.

Теперь он не удивлялся, теперь он угрожал. Умело, можно даже сказать, профессионально. Альтернативой отданным картинам было не только многоступенчатое покаяние с более чем вероятным отчислением, но и иск о защите чести и достоинства, который в случае принятия закона об оскорблении творцов и творчеств мог перерасти в нечто более серьезное. Особенно если вскрыется связь Софьи и Марии с экстремистскими организациями. Агриппа Михайлович не мог позволить оскорблять великую культуру и государственность в своем лице. Олег Евгеньевич не мог предать Спадникова и Соню.

— Что ж, — подвел черту внук чекиста, — я вас понял, а вы не поняли ни меня, ни положения вашей дочери.

— Отчего же, — возразил Шульцов, — вас я прекрасно понимаю, но не могу требовать от Сони того, на что не пойду сам.

— У вас будут проблемы.

— Далеко не первые в моей жизни.

— Если вы полагаете, что ваша крыша вас не кинет, вы просто... банальный лох.

— Если вы полагаете, что защитник культурных ценностей может угрожать историку, используя жаргон, вы равно не разбираетесь ни в литературе, ни в истории. У меня нет покровителя, кроме того, кто даровал миру дельфинов.

— Что за чушь!

— Для обладателя генетической памяти вы знаете удивительно мало. Видимо, это признак деградации.

— На что вы намекаете?!

— Просто вспомнился ваш дед, с которого вы собирались делать жизнь. У вас не вышло.

— Так... Вы вторгаетесь в частную жизнь, а это...

— Это посвящение. Ваше посвящение к вашей же книге. Вышедшей очень неплохим тиражом. Если вам оно мешает, соберите уцелевшие экземпляры и уничтожьте. В одной не самой блестящей киносказке это пробовал сделать натурализовавшийся в нашем мире Кощей. Неудачно, однако у него не было вашего имени и опыта.

Ответный залп был предельно вульгарен, но Шульцов лишь пожал плечами и, дождавшись паузы, распахнул дверь.

— Римма Петровна, — попросил он, — прошу вас, проводите Агриппу Михайловича.

Петраго-Соловаго шумно втянул воздух, но продолжать скандал при секретарше счел излишним. Шульцов дождался, когда тронется лифт, и вернулся к столу. Очень хотелось даже не выпить, просто сесть у окна, вертя в руке бокал, но Олег Евгеньевич удер-

жался. Пусть Дионис и утратил к профессору Шульцову всякий интерес, возлияние в любой форме выглядело бы воплем о помощи, а защитить свою дочь и свою совесть старомодный мужчина обязан сам.

6

— Вы — молодец, — вместо приветствия сообщил Григорьич. — Держите удар.

— Благодарю, — слегка растерялся Олег Евгеньевич, особых ударов пока не ощущавший. — Если откровенно, я не в восторге от Университета Мундиальной культуры. Соня не слишком представляла, чему и для чего собирается учиться, просто увязалась за подругой.

— Вы не возражали? — удивился «дикобраз».

— Не думал, что их примут, ведь это заведение не для... То есть для...

— Для, черт ее бей, элиты, — подсказал Аркадий Филиппович. — Но девочки поступили.

— Наследство Спадниковых, — зачем-то объяснил Олег Евгеньевич, — причем во всех смыслах. Про Серебрякову даже Соловаго знает.

— Про чужие картины он знает не «даже», — фыркнул «дикобраз». — Странно, что прошла и Мария, но мы не о том говорим.

— Именно, — ушел от обсуждения собственных проблем Шульцов, — у нас осмотр места происшествия или как там у вас выражаются?

— И это тоже, но сперва позвольте пару советов. Во-первых никаких разговоров с доброжелателями, кроме нас с Аркадием, а во-вторых... Есть один журналист, парень даже не с тараканами, со скорпионами, но своих героев из виду не выпускает. Пару лет назад он по просьбе... одних моих знакомых занялся Соловаго, в результате красавец остался без особняка на Петергофском шоссе. Ректор Сониного университета на этой сковороде тоже покорячилась, так что

серый волк для семерых козлят у нас в кармане. Адвокат, если что, тоже найдется. С очень личной симпатией к Агриппе.

— Спасибо, если потребуется, воспользуюсь обязательно. А сетку-то сняли...

Отреставрированная арка роковой не казалась, но открывшийся взору мозаичный Достоевский мог бы выглядеть не столь помятым. Под портретом начиналась мощеная дорожка, тянувшаяся сквозь анфиладу узких дворов, утыканых поганкообразными фонарями. Картину дополняли недурные граффити, матерые двери с домофонами и умудрившиеся припарковаться машины. В марках убежденный пешеход Шульцов разбирался скверно, но не оценить вдохновенное коровье лицо с фермерского фургончика не мог.

— Меня всегда поражало, — признался историк, — что на мясных лавках изображают радость поедаемых. Счастливая собака или кошка куда уместней.

— Обман совести, — предположил Григорьич. — Куры и свиньи счастливы, значит, их можно смело есть, ведь они только этого и ждали. Насильники часто так оправдываются... А вот и «Старикан».

Заведение было воистину достоевским — крутую, уводящую в подвал лестницу украшали глазуновские иллюстрации, а при входе на самом виду возлежал здоровенный — в пору Ричарду Львиное Сердце — топор. И все равно Шульцову на язык упорно лез старик Козлодоев. Возможно, потому, что рядом с топором ждал формальный владелец ресторана, немолодой, лысо-бородатый и при этом спортивный.

— Не понимаю, — удивился Олег Евгеньевич, — ведь Карамазова убивали иначе.

— Вы правы, — непонятно чему обрадовался бородач, — но массовое сознание связывает Достоевского именно с топором. Пресс-папье, даже окровавленное, не произведет нужного эффекта.

— Тогда почему не «Раскольников», а «Карамазов»?

— Хотелось избежать ассоциаций с неприятной

большинству школьной программой. Кроме того, «Карамазов» звучит благороднее. Вы ведь обещанный эксперт?

— Видимо, — пробормотал изнывавший от хоть и не школьной, но противной ассоциации Шульцов. — Не знаю, смогу ли я быть полезен...

— Сможете, сможете... — заверил Григорьич. — Идемте, посмотрим залы.

Осмотрели. Шульцов узнал много неожиданного о дореволюционной орфографии, и не только.

— Захоти я стать большевиком, — признавался часом позже историк, — я б не вылезал из подобных заведений, они отлично стимулируют классовую вражду. Но по моей части ничего примечательного.

— Я так и думал... Пройдемся-ка по окрестностям. У самого ресторана встают три машины, не больше, остальные — на стоянке, платной, но с карамазовцев денег не берут. За стоянкой ведется видеонаблюдение, за ресторанным двором — тоже, а между ними — глухо. Впрочем, шпана здесь не резвится, объяснили в свое время...

— На Обводный дворами пройти можно? — попытался ухватить мелькнувшую мысль Шульцов.

— Можно, причем разными дорогами. Раньше имелся проход чуть ли не до Лиговки, потом пару дворов закрыли. Вы что-то надумали?

— Сам не знаю, но пропавшие могли куда-то свернуть, хотя вы наверняка проверяли.

— Проверяли. Мне помехи эти покоя не дают, странные они какие-то... Больше других буянит камера на набережной, но пропаданцы туда не добирались, а на стоянке и у ресторана волны по экрану пробегут — и все. Давайте обойдем все, раз уж пришли...

Главным впечатлением от обхода стало чудовищное изображение на торце одного из домов. Забравшаяся под самую крышу свекольная Джоконда глумливо ухмылялась — она-то знала, что тут творится, а полиция и всякие историки — нет.

— С нижней крыши малевали, — объяснил проследивший за взглядом Шульцова Григорьич. — Ну и жуткая же баба!

— При этом суть шедевра, несмотря на флюс и цветное решение, передана очень точно. Однако «развидеть», как говорит моя дочь, все равно хочется.

— Мой зять тоже так говорит, — кивнул сосед. — Погодите-ка!.. Два года назад мы влипли в мифы, но это не значит, что эти... козлодоевы угодили туда же. Зять мне дыру в голове провертел с «Доктором Кто». Там герой не бог, а периодически воскресающий пришелец, но землянам-то без разницы, им главное результат и поражающие воображения способности.

— Логично, — поддержал друга Григорьич. — Инопланетянам пропаданцы еще могут пригодиться для экспериментов, а вот зачем они, такие красивые, богам? Хотя, если современные дикари поклоняются владыкам самолетов и дарителям консервов, почему бы тем же грекам не обожествить каких-нибудь звездолетчиков? Особенно, если те принялись обуустраивать Землю, одновременно выясняя отношения между собой... Захват, долгосрочный захват — дело тонкое, а правит далеко не всегда тот, кто царствует. Олег Евгеньевич, что скажете?

— Что вы читали академика Вакулина... Простите, звонят.

Это был Гена, и это был лев, берсерк, потерявший Патрокла Ахилл! Шульцов слушал хриплый приглушенный голос и ничего не понимал. Понял сосед.

— Геннадий добрался до сегодняшнего «Частного сыщика», — объяснил он.

— Простите? — еще больше не понял Олег Евгеньевич. — Гена, я сейчас на Обводном, мне неудобно говорить. Приезжайте к...

— Ко мне, — велел сосед. — Обсуждать так обсуждать.

Нельзя сказать, что до «Частного сыщика» о Шульцове писали лишь научные издания. Пару раз Олег Евгеньевич объяснял акулам пера, что герои якобы исторических фильмов отнюдь не были дураками, психопатами и маньяками. Доцента, а потом профессора Шульцова регулярно упоминали в связи с проходящими на невских берегах конгрессами, имел резонанс и отказ сменить тему диссертации в угоду коллегам, двадцать лет назад ставшими зарубежными. Сперва директор скандал тщательно замял, но в прошлом году ситуация изменилась радикально. Крымские перспективы стоили выноса сора из избы, и Егоров расписал научный подвиг Шульцова с геродотовым блеском. Теперь история с защитой за собственный счет аукнулась вновь.

«Частный сыщик» был хитер: статья «Карьера непотопляемого историка» не обвиняла, а задавала вопросы, предоставляя делать выводы читателям. Как майор медицинской службы Шульцова пережила Блокаду, сохранив чуть ли не всех оставшихся в городе родных? Почему этнические немцы и к тому же дворяне не были репрессированы, а малолетнего отца Шульцова записали русским? Как сын беспартийных родителей поступил в престижнейший вуз и был оставлен на ведущей кафедре? Только ли научной совестью был продиктован его отказ сменить тему докторской? Как научный мир не исторг из своей среды шарлатана, подвизавшегося в эзотерическом салоне? Были ли естественными скоропостижные смерти академика Спандникова и его вдовы, составившей завещание в пользу все того же Шульцова? Что знал и о чем догадывался погибший под локомотивом друг и однокашник загадочного доктора наук? Что связывает историка и археолога со скоропалительно вышедшим на пенсию полковником Р. и не только с ним? В каких отношениях он находится с дважды разведенной К., в прошлом — врачом, а ныне доро-

гостящей гадалкой? И, наконец, почему дочь Шульцова от *второго* — выделено курсивом — брака подключилась к травле выдающихся деятелей отечественной культуры?

Нет, прямо агентом спецслужб и убийцей Олега Евгеньевича не называли, однако намеки были прозрачной байкальской воды.

— А, — пробормотал непотопляемый Шульцов, — так вот вы что имели в виду... Ну какой же это удар?

— Тем лучше, — полковник споро переводил кухню в режим «суровые мужские посиделки». — Мне казалось, в вашей среде к таким пакостям относятся болезненно.

— Не к таким. Те, чьим мнением я дорожу, о моей защите знают все, а менять работу и брать кредиты я не собираюсь.

— Я бы все равно ответил, — Григорьич подключился к сервировке, и Шульцов почувствовал себя немного паразитом. — Симметрично. Ежу понятно, что «козлит» на вас Агриппа, и просто так он не уймется. Ваша супруга в курсе?

— Нет, и не хотелось бы.

— Вот именно. Унять нашего красавца можно тремя способами. Покаяться и отдать то, что он хочет, врезать в ответ или убедить тех, кто пускает к корыту, накинуть платок на Агриппин роток.

— Первый вариант исключается. — Полковник вытащил бутылку, он по-прежнему был верен «Бульбашу». — Олег не из тех, кто сдается на милость всякой швали. Если б не Марина с Соней, я бы посоветовал драку, а так... Найдем хотя бы последнего джигита, его родич заткнет Петраго с полпинка.

— Не хотелось бы, — Шульцов поморщился, облекая неясные ощущения в слова, — не хотелось бы, чтоб конфликт двоих питерцев решали... варяги. Только бы обошлось без моей первой жены.

— Вряд ли, — и не подумал успокаивать Григорьич. — Про ваш второй брак не зря ввернули. ЧС сла-

вен копаньем в чужом белье, так что будьте готовы. Прошу к столу.

— Не сказал бы, что всегда готов, — Шульцов послушно передислоцировался, понимая, что в самом деле хочет выпить. — Вы ничего... земного не обнаружили?

— Обнаружили, кто намалевал Джоконду и счастливую корову. Редкостный балбес...

— Но, кажется, талантливый. Раз он рисует по найму, карамазовцам следовало бы воспользоваться его услугами. Достоевский над аркой ужасен...

— У художника мозгов не хватает искать заказы. Бездельника кормит мать, а подкармливает псковский дядя, он же хозяин фургончика. Ну... традиционно. За нас с вами и за фиг с ними!

Звякнули наполненные до краев рюмки, и часть зубровки оказалась на скатерти. Шульцов заподозрил умысел, сосед с лицемерным смешком воздал хвалу Дионису, и подозрение переросло в уверенность.

— Так вы что-нибудь надумали? — изобразил невинность Аркадий Филиппович. — Меня, признаться, ставит в тупик выбор. Пропадай красавицы или хотя бы красавцы, можно было бы подумать на Аполлона или Юпитера.

— В том-то и дело, что нет. Античные божества постоянных возлюбленных меняли не слишком часто, а разовых не похищали, мать Геракла вообще не знала, что изменила мужу с Зевсом... Питер, конечно, не Эллада, так что могут быть варианты. С помехами не прояснилось?

— Нет, разве что впихнули аномалию в территориальные рамки. Камеры барахлят на сравнительно небольшом участке набережной, однако никакой закономерности выявить не удалось. Если аппаратура реагирует на кого-то или на что-то, оно проявляется совершенно беспорядочно. Когда все началось, выяснить не вышло — записи хранятся ограниченное время. Я прошерстил все районные «исчезновения» за десять лет. До недавнего времени процент мужчин

среднего возраста среди пропавших без вести был обычным.

— До недавнего времени — это до открытия ресторана?

— Черт его знает. Место специфическое, по ночам особо не пошастаешь — некуда и незачем, то ли дело Лиговка... Постойте.

«Песня о тревожной молодости» в полковничьем телефоне означала коллег. Формально бывших, но Аркадий Филиппович оставался в строю куда больше, чем пытался показать.

— Докладывай, — велел сосед. Лицом он владел отменно, но подобное бесстрастие сулило новости, и Шульцов понял, что ему страшно. Соню надо было запереть дома, запихнуть в больницу, благо в Академии бабушку еще помнили, а всего лучше — забрать документы из университета и срочно купить путевку. Если не в Северную Корею, то на Кубу...

— Олег, — сосед отключился, но телефон не убрал, а положил рядом, — помнится, вы упоминали леопардов. В связи с Дионисом.

— Да, леопард сопровождает Диониса, часто в качестве верхового или упряжного животного.

— Леопард в зоопарке напал на некоего журналиста. Свидетели дружно утверждают, что молодой человек, злостно нарушив все правила, забрался за ограждение и принялся совать зверю микрофон. Он был пьян, что многое объясняет, но ничего не доказывает. Для нас куда важнее, что к леопарду приставал некто иной, как автор пресловутой статьи в ЧС... Вы ведь помните Валеру?

— Конечно.

— Ну так он, совершенно случайно, естественно, оказался неподалеку. И пока шла вся эта суматоха, успел поинтересоваться оставленной у ограды сумкой. Точнее — ноутбуком. И в нем обнаружилось продолжение оной статьи. Очень грязное и, как мы и думали, о вашей частной жизни. В общем, Валера просит узнать, не брали ли у Сони интервью.

— У Сони?

— Валера видел, как журналист с оператором вышли из университетского парка, откуда направились напрямик в зоопарк. Олег, лучше позвонить прямо сейчас.

— Хорошо... Соня, — дождавшись ответа дочери, Шульцов старался говорить спокойно, — у тебя не пытались взять интервью?

— Еще как, — жизнерадостно подтвердило чадо. — Так смешно вышло... Я не хотела говорить, а этот поросенок даже мое имя узнал. Его прогнали.

— Кто?!

— Какой-то дядька в шляпе. То есть не сам дядька, а его охранники.

— Где это было?

— В нашем парчике. Меня в деканат вызывали, но я извиняться не буду.

— С извинениями потом разберемся. Тебя ждали прямо у факультета?

— Ага... Папа, я из универа ухожу. Не из-за Петраго, просто они ничему не научат. Понимаешь, Шикова, наш замдекана... Она уговаривала, чтобы я извинилась хотя бы для вида. Осенью у нас будет дискуссия с другими гостями, и мне разрешат самые острые вопросы, а через год у них что-то планируется, так там я даже с Петраго поспорить смогу. Папа... Я сама не знаю, как у меня оно вылетело!

— Что именно?

— «В следующий раз я дам тебе побить Дэнни, — мурлыкнула дочь, — Но сегодня ты должен лечь...» Папа, она не узнала! Читает нам зарубежную литературу и не узнала, это хуже Соловаго, он хотя бы историю Византии не преподает! Я... Я это сказала и написала заявление.

— А Маша?

— Меня одну вызывали. Папа, я иначе не могу!

— Естественно. «Революция будет продолжаться»...

— Вот! Ты сразу узнал, а они...

— Они — прошлое, Лапа. — Шульцов переключил

телефон на громкую связь. — Значит, тебя ждали во дворе?

— Ага, только он ко всем приставал.

Приставала был кудрявым, в ковбойских штанах со шнуровкой и противным, а Соня злилась и терпеть не могла всякие акции. Девушка рывкнула в подставленный микрофон и побежала к воротам, кудрявый увязался следом, и тут откуда-то вылез бугай в камуфляже, сказал что-то вроде «Э» и улыбнулся. «Э» слышалось и за спиной. Соня обернулась и увидела второго бугая, очень похожего на первого, и рядом дядечку в шляпе. Дядечка лизал мороженое и с детским простодушием тарасился на корреспондента. Потом кивнул своему мордовороту, и тот куда-то отскочил.

— Софья, — вновь начал кучерявый, — не могли бы вы...

— М-не! — ухмыльнулся оставшийся бугай и сделал шаг вперед. Корреспондент тоже сделал шаг, но дорогу ему уже заступил вернувшийся второй.

— На, — он протянул корреспонденту что-то на палочке, Соня сощурилась и поняла, что это круглая конфета. Человек с микрофоном дернулся и взял, даритель сделал шаг к Соне и сунул ей в руки мороженое, пришлось укусить. Мороженое оказалось черносмородинным и очень вкусным, а журналист что-то фыркнул и убрался вместе с оператором.

— И все? — уточнил Олег Евгеньевич.

— Ага... Папа, ты сердисься?

— Я горжусь. Сиди тихо и никому не открывай.

— Я лучше помою руки перед едой.

— Сперва убери за котами, я не успел. Пока...

— Итак, — сосед уже поднимал рюмку, — хвала Дионису!

— Да уж...

Раздавшийся звонок слился с лаем Джаббы. Это был Гена с шампанским и миногами — Валера по старой дружбе успел сообщить про не пожелавшего давать интервью леопарда всем заинтересованным лицам, а ближайший продуктовый славился рыбным отделом.

В пятницу не случилось ничего, но суббота началась своеобразно. Шульцовские дамы еще спали, почивали даже коты, но не полковник. Условный звонок вырвал историка из нелепого, но веселого сна с рассуждающими о генетической памяти леопардами и выгнал в прихожую. Аркадий Филиппович был явно готов к походу.

— Случилось страшное, — объявил он. — Не для вас, но ваше присутствие очень желательно. Дело Григорыч сделает максимально громким — Агриппа заслужил, — но труп это еще не все.

— Простите, — Шульцов провел рукой по щеке на предмет щетины, было терпимо. — Я сейчас...

— Побриться и выпить чаю вы успеете, заодно я вас порадуя, хотя, нет. Лучше сперва позавтракайте. Через полчаса придет машина.

Заинтригованный историк проследовал в ванную и повернул кран, забыв закрыть дверь. Это было ошибкой: рыжий Егор при всех своих лапах и хвосте обладал душой дельфина. Звук текущей воды не извлек бы кота разве что из глубин Аида. Прыжок на раковину, тычок под руку с бритвой, закономерный кровавый итог...

— Надо было вам сразу все объяснить, — покался сосед. — Но я не думал, что вы так разволнуетесь, а аппетит я бы вам испортил.

— Я не разволновался, — историк невольно потянулся к порезу. — Просто коты... Они оказываются где угодно, с собаками так не бывает. Так что у вас случилось?

— Случилось у Соловаго. Теперь ему не до вас и даже не до антиквариата. Нет, он, конечно, выкрутится, но субсидий и должностей в обозримом будущем заразе не видать, особенно если поднимется большой шум, а он поднимется. Представляете, Олег, в холодильнике, арендованном управляющей компанией Агриппиных забегаловок, нашли трупы двоих про-

павших. Освежеванные по всем правилам мясницкой науки. И мы с Григорьичем хотели бы знать, что вы думаете по этому поводу.

— Как... как их обнаружили?

— Я бы сказал, что нашли их характерно. За сведения о пропавших уважаемые люди пообещали награду. Вчера по указанному в обещании номеру позвонили и сообщили, что трупы прячут в холодильнике на продуктовой базе и вывезут при малейшем намеке на опасность. Уважаемые люди не то чтоб совсем поверили, но неожиданный визит в указанное место организовали. Результат превзошел все ожидания; тогда бросились искать доносчика и нашли. Помните историю с бизнесменом, непонятно с какой радости распылившим в подъезде вонючку, которую добавляют в газ?

— Само собой...

— Тут что-то в этом же роде. Звонил рассорившийся с невестой и с горя напившийся студент. Звонил из дому, по собственному утверждению — из хулиганских побуждений. Ему в «Боярском столе» в ответ на обоснованную претензию нахамили, он разозлился, а тут — рекламка с телефоном и просьбой обращаться в любое время суток, он и обратился. Уважаемые люди, само собой, не верят и просят рассказать все как есть. Под гарантию полной безопасности и за немалые деньги.

— А что думает Андрей Григорьевич?

— Пока ничего. Нужно найти удобоваримое объяснение хотя бы для служебного пользования. Подбросить трупы в холодильник в обход соловагинских кадров практически невозможно, к тому же они очень профессионально обработаны. При этом ни малейшей попытки замести следы, все на виду. Изъятые бумаги в порядке, но там числятся свиные туши.

— Именно свиные?

— Именно. Это важно?

— Может быть... Если можно, попросите водителя выключить радио.

В наступившей блаженной тишине мелькали сталинские фасады, блаженствовали дождавшиеся солнца античные воины с Нарвских ворот, тянула в синеву куриные шеи отреставрированная церковь... Если б только какой-нибудь местный склочник подал жалобу, что «СтарикЪ КарамазовЪ» втайне держит скотину, визгом своим мешающую людям спать... Ничего, обойдемся без подсказок.

— Аркадий Филиппович, вам нужно объяснение для служебного пользования? У меня появилась гипотеза. Ни один нормальный современный человек ее не примет, однако...

— Однако что?

— Она объясняет, почему в одной части Средиземноморья возник запрет на свинину. Вы помните «Одиссею»?

— В общих чертах.

— Нам нужна частность, а именно — волшебница Кирка, по большинству версий близкая родственница Трехликой, возможно, даже дочь. Эта дама имела обыкновение превращать людей в чудовищ и животных, в том числе и в свиней. Кирка ценила себя очень высоко и выбирала себе соответствующих возлюбленных, сама выбирала. Как подобная сущностьотреагирует на заигрывание нетрезвого наглого мужика?

— Черт! — полковник с легкой оторопью посмотрел на Шульцова. — Все сходится... Особенно если ей нравится гулять ночами. Пол-ответа мы, считай, нашли. Остается объяснить, как свиньи угодили в холодильник и почему вновь стали людьми.

— Кирка в родстве с Гекатой, а Дионис знает, как ответить Трехликой. О некоторых вещах говорить неудобно, но, видимо, моя семья остается под, скажем так, покровительством.

Аркадий Филиппович, я подозреваю, что дело в Соне. Она не должна была пройти в этот... Университет Мундиальной культуры, однако ее приняли, причем вместе с подругой, и это отнюдь не случайность

и не везение. Я думал, про нас забыли, жил, работал, не болел. По нынешним временам даже отсутствие проблем — удача, а нам везло, пусть и без дешевых эффектов. Потом Соня сцепилась с мстительным и сильным, в самом деле сильным подонком, это становилось опасным, и покровитель вмешался с присушим ему юмором. Леопард не может изменить своих пятен... Наверное, он все время был немного рядом и не мог не почуять магию Трехликой, а дальше все очень просто.

В нужный момент чары Кирки разрушаются, а напившийся студентик испытывает неодолимое желание, как ему кажется, пошутить. И шутит, только на самом деле шутит божество. Не представляю, что вы станете с этим делать, и еще меньше представляю, где искать гуляющую ночами даму, так что рано или поздно все повторится. Конечно, если из города убрать всех слишком много о себе полагающих скотов, риск уменьшится.

— Об этом будем думать потом, а сейчас... Сейчас мы попробуем найти связь между окрестностями «Старикана» и холодильником. Удачно, что вы обратили внимание на фургончик с коровой. Псковские фермеры ребята дошлые, мимо дармовой свинины не пройдут, особенно если та... элитарная.

9

Псковский фермер не подкачал. Прапорщик в отставке, он с ходу понимал, когда и кому врать и врать ли. Осознав, что от него требуется и какими неприятностями обернется скрытность, хозяин фургона полностью подтвердил догадки Аркадия Филипповича. Единственной новостью стало, что свиньи на Обводном появились прежде ресторана.

— Я, значит, отбывал домой, — рапортовал бывший прапорщик. — Выехал, как сейчас помню, в три сорок пять, самое оптимальное время. Разворачиваюсь, зна-

чит, чтоб на набережную, и тут какой-то... прямиком под колеса! Думал — человек, не бросать же! Вылез, а оно — с пятаком. Неплохой такой, значит, на сотню кг с гаком! То, что не человек, оно, конечно, слава богу, но свинья-то денег стоит! Сразу видно — кормили на совесть. Ну, думаю, как тушу найдут, значит, сразу определяют, кто сбил. Других-то «Газелей» тут не стояло.

— И вы, — доброжелательно уточнил Григорий, — решили наезд скрыть?

— Так точно. Травмы были все больше скрытые, без крови, значит... Ну я его загрузил, думал, выкину, как отъеду, а потом успокоился, прикинул, что неэкономично, туша-то — первый сорт! Отвез к себе, значит, обработал, сдал. Сестре позвонил, конечно, расспросить между делом, не было ли чего такого, интересного. Нет, говорит, тихо все, а через месяц привез я, значит, кролей, оставил на ночь в фургоне, а при таком раскладе спишь вполглаза. И вдруг меня как шилом кольнуло — глядь в окно, а по двору свинья носится. Я племянника растолкал. Поймали, значит, а третью уже Толик сам. Набрал меня, что делать, спрашивает, ну я объяснил. Тогда мы со «стольниками», то есть с «Боярским столом» которые, и договорились.

— Как вы могли договариваться, не зная, попадутся ли вам еще бесхозные свиньи?

— Так я о своих договаривался и о кролях. Ну и сказал между делом, что, может, буду еще и беконных сдавать. От соседа, только он, значит, того, ненадежный.

— Странно, что свиней видели только вы.

— Так Толик же дежурит! Они ночами бегают, ну вот он и прибирает.

— Откуда появляются свиньи, он не заметил?

— А черт их знает! Прошу простить, я так думаю, институтские они. Институт-то биологический отсюда рукой подать. Мудрят там чего-то, вакцину, что ли, ищут... Свиньи, они, значит, органически на лю-

дей походят, вот на них и проверяют. Нам-то что, мы их не едим.

— Их едят другие.

— Так в столовых питаться — всяко здоровья не видать, а тут хотя бы свежее. Ну, химия, так где ее нет? То есть у меня-то все чисто, экологически, но эти вот... Окорочка импортные сплошь синтетика, от нее аж кости светятся. А уж сколько туда ГМО пи-хают...

— Не отвлекайтесь. Как вышло, что кроме вас и племянника никто этих свиней не находил?

Фермер-прапорщик сдвинул брови и скрипнул стулом. О таком он не задумывался, но раз приказано...

— Так, может, и ловит кто... Мы не говорим, и другие молчок, не в стол же находок их тащить! Раз не ищут, значит, не нужны, а потом, Толик их сквозь стены чует, прямо рентген!..

— Хорошо, — решил Григорьич, — давайте Толика.

Создатель свекольной Моны Лизы и счастливой коровы с ходу признал как ловлю бесхозного бекона, так и свою интуицию, имеющую на удивление узкую направленность. Он не чуял ни мать, ни дядю, ни враждебную ему и граффити дворовую активистку, только ночных свиней. Говорить с парнем было не о чем, но Шульцов, поддавшись праздному любопытству, спросил про цветочное решение Джоконды. Ответ вызвал оторопь.

— Она сама так решила, — ничтоже сумняшеся заявил художник. — И про место тоже. Я не хотел на крышу, высоко, но у меня голова...

— В каком смысле?

— Болит, если рисую неправильно, а если совсем не рисовать, в ушах воеет хуже пылесоса. Это не лечится, я пробовал.

— Хотелось бы знать, — буркнул Григорьич, отпустив, наконец, дядю с племянником, — куда это все девать? С одной стороны, не докажешь, с другой — доказывать не тянет... Эта дура под крышей, она, что, наводчица?

— Судя по всему. Приду домой, перечитаю «Портрет», похоже, Гоголь петербургские кошмары брал отнюдь не с потолка...

— Похоже на то... Вы пятьсот по сотне не разобьете?

— Сейчас посмотрю, — Шульцов полез за бумажником, но тот лягушкой выпрыгнул из кармана и шмякнулся на пол. Посыпались монетки, полетели купюры и чеки. Собирали втроем, за не выброшенный вовремя мусор было неудобно, но пятьсот разбилось без труда.

— Олег, — полковник протянул Шульцову какие-то бумажки, — а вы не опаздываете?

— Куда? — удивился историк и узнал купленные у пьяницы билеты. — Возьму машину, и, знаете, Аркадий Филиппович... будет лучше, если вы составите мне компанию.

10

Они не опоздали, но к своим местам пришлось протискиваться мимо уже рассевшихся зрителей; те спокойно, даже с улыбками, поднимались, и Шульцову стало неудобно. Встали две седовласые дамы с одинаковыми букетами, супружеская пара, миниатюрная коротко стриженная бабушка с долговязым внуком, одинокий, видимо, военный...

— Олег Евгеньевич!

Если б Шульцов умел, он бы присвистнул, потому что их соседями оказались Гена и... Соня!

— Папа, — зашипела дочь, — мы не вместе... Просто совпало. У нас во дворе билеты пьяница продавал... Наверное, он тут работает, а живет в Автово.

— Наверное, — согласился Шульцов, и свет погас. Пьяница в кожаной шляпе вернул историка в прошлое, потому что этот зал и эти песни уже были, и не раз. Когда Олег только начинал встречаться с Мариной, когда сопровождал на концерты Спадниковых,

когда, вернувшись из уже самостоятельной экспедиции, забрел к Финляндскому и, неожиданно купив билет, скользнул в темный зал, чтобы услышать:

Трудно веровать в единственного бога:
Прогневится и тебя прогонит прочь,
На Олимпе же богов бессмертных много,
Кто-нибудь да согласится нам помочь...

«Кто-нибудь» и согласился, вернее, ворвался в большую и при этом банальную неприятность, непрощенным и неверенным. Тенью древнего спора, негаданно махнувшей крылом над золотыми северными шпильями, по-новому махнувшей, потому что этот город меняет даже богов...

И тянется хрупкая нить
Вдоль времени зыбких обочин,
И теплятся белые ночи,
Которые не погасить.

Академик на сцене читал стихи, пел, знакомо отбивая такт рукой, читал стихи, улыбался, благодарил, отвечал на записки... Все шло, как прежде, а потом зрители стали просить песни, которые малость одичавший в последние годы Шульцов еще не слышал. Обманно отступившее в молодость и в исчезнувшую страну время леопардом прыгнуло в двадцать первый тревожный век. Олег Евгеньевич уходил в не свои стихи, будто в арки, за которыми дышало море, звенела кифара Терпандра, мели мостовую черные испанские юбки и дышала, дышала сиренью белая ночь, прорывавшаяся и сквозь осень, и сквозь дым прошлых войн, которые могли, должны были стать последними. Не стали...

Стукнуло сиденье — сосед справа встал, вставал весь зал, и это тоже было новым и старым. Шульцов знал, что в конце второго отделения люди традиционно поднимутся, отдавая честь взвалившим на плечи небо атлантам, но сейчас питерцы приветствовали город у иного моря.

Севастополь вернулся назад и навеки останется русским!

Понесли цветы, загорелись люстры.

— Вы ведь ленинградцы, товарищи? — спросил вставший первым сосед. — Понимаете, мне не хочется пить одному. Я недавно вернулся...

— Из командировки, как я понимаю? — Аркадий Филиппович протянул руку. — Я не прочь...

Они втроем спустились в буфет и даже оказались первыми. Вернувшийся из командировки, не спросив, взял массандровский «Старый нектар». Говорить вообще не тянуло — все уже было спето, они пили за город, в который нельзя не возвращаться, и за то, что нельзя отдавать. Шульцов, по крайней мере, чувствовал именно это.

«Нектар» был допит, и народу как-то сразу прибыло. У стойки стремительно образовался хвост, и Олег Евгеньевич вспомнил одну из спадниковских шуток. Дескать, в театральном буфете создается иллюзорное впечатление, что главное в этой жизни обрести бутерброд со свернутой в колечко лососиной, на самом же деле телесное просто берет у духовного положенные ему полчаса из трех.

Появились Гена с Соней, но не подошли, и Шульцов внезапно понял, что они видят только друг друга, хотя вряд ли успели это осознать. Будь иначе, Геннадий бы, вспомнив о Трехликой, сбежал, а он слушал что-то захлеб рассказывавшую спутницу, невозможно напоминая кавалергарда, позабывшего, что век его недолог. Когда он вспомнит, мир для обоих померкнет, но пусть это будет не сегодня...

— Эти двое должны быть вместе, — внезапно сказал «командировочный», и Шульцов зачем-то ответил:

— Соня — моя дочь.

— За них, — загорелая рука подняла бокал. — Искать, найти и не потерять — это и есть жизнь, все остальное — небытие.

— А вы нашли.

— Да, конечно... Я нашел страну, я нашел город, и я нашел ее.

— Но сейчас вы один.

— Да, сейчас я один. Хотите, я вас познакомлю? Ей, когда я уйду, нужен кто-то, кроме города, а мне уже скоро...

11

В неслучайность случайного Олег Евгеньевич окончательно уверовал, когда очередной алкоголик, на сей раз с мушкетерскими локонами, предложил купить сирень.

— Как же вы сегодня без сирени? — вопрошал «мушкетер». — Невозможно! Вам необходима сирень! Сейчас эта, потом — та. Триста двадцать и еще сорок.

Разумеется, Шульцов купил, уже зная, кому. Темно-лиловые преждевременные гроздья напоминали о винограде и почему-то о дорогах. Бесконечных, сходящихся и разбегающихся, на которых можно найти то, что нужно именно тебе; главное, не поднимать ненужное, как бы ни кричали доброжелатели, что под ногами — кошелек, кольцо, свиток. Не брать чужого это много больше, чем просто не воровать...

— Мы сегодня были... неподалеку, — подал голос Аркадий Филиппович. Похоже, он тоже догадался, но бывшие следователи догадываются иначе, чем историки.

— Мы любим Обводный, — откликнулся новый знакомый, у которого все еще не было имени. — Особенно ночью... Его недооценивают, вернее, не понимают, а он связывает куда больше, чем кажется. Сюда.

«Сюда» было в двух шагах от самой строптивой из видеокамер.

— Олег, — резко окликнул полковник, — вы не забыли, что у вас вечером важное дело?

— Оно терпит, — улыбнулся Шульцов. Сосед мог и должен был заподозрить подвох, но историк не сомневался: здесь и сейчас их не ждет ничего дурного, а она уже стояла в выходящих прямо в арку дверях. Порождение города, она была создана для белой ночи и лиловой сирени. И для него.

— Я нашел, — сказал мужчина, — теперь ты не будешь совсем одна.

— Я и не была... — женщина поднесла руку к виску, — но я рада. Вы войдете?

— Разве что ненадолго, — Шульцов протянул хозяйке букет. — Мне сказали, что вам нужна эта сирень, но этот вечер вам еще нужнее.

— О да, — она улыбнулась, — мы пойдем гулять. Я так долго гуляла одна...

— Тогда, — решил Олег Евгеньевич, — проводите нас до Старо-Петергофского.

Кажется, у нее на плечах была шаль с кистями, как на не отданном Агриппе портрете. Кажется, они говорили о Новой Голландии и о том, как кричат чайки. Кажется, они шли долго...

Позвонила Соня, сказала, что идет разводить мосты с Геннадием, она еще была счастлива, она запомнит эту ночь, ее все запомнят, а утро сейчас не важно, ведь его пока нет.

— Старо-Петергофский, — негромко напомнил Олег Евгеньевич. — Если я вам понадобится, вот карточка.

— Спасибо. — У нее и рука была словно нарисованной, узкой, с длинными пальцами и единственным кольцом. — Я вас позову, если... Если мне станет очень плохо.

И тут сосед все-таки спросил, вернее, сказал. Он был прав: с карамазовской фантазмагорией следовало кончать, причем быстро, но Шульцов заговорить о бывших мужчинах сейчас бы не смог. Впрочем, он не был полковником и другом Григорьяча, на котором висит безнадежное дело.

— Вы хотите узнать, как это происходит? — Жен-

щина казалось слегка растерянной. — Не знаю... Они отвратительны. Что с ними бывает потом, я не думаю. Это важно?

— Это не важно, — неожиданно заверил полковник, но она хотела говорить, очень хотела.

— Я могу жить без него, — бывают голоса, в которых вечно звучит скрипка, — и я живу, когда остаюсь одна. Я смогла бы жить и без города, но не без них обоих... Я не могу не гулять по этим улицам, они моя жизнь, так же как и он... Мы всегда любили друг друга, но та, кого он нашел первой, пыталась притвориться мной. У нее долго получалось...

— Это в прошлом. Поверь. Это. В. Прошлом.

Прозрачный, будто светящийся город, двое у решетки канала, весна, вечность...

— Идемте, — Шульцов подхватил полковника под руку, и тот не возражал. Старо-Петергофский проспект был странно пуст и еще более странно пах отсутствующей сиренью и только что прошедшим дождем. У Нарвской площади полковник очнулся.

— Эти перерожденные свиньи, — с видимым трудом заговорил он, — могут стать хотя бы донорами?

— Не думаю, — вынудил себя поддержать разговор Шульцов. — Да и вряд ли их в таком качестве примут. Кому религия не позволит, кому Булгаков: свиньячье сердце неприятней собачьего. Кто знает, что от донора-кабана перейдет к человеку, да и само знание, что ты местами скотина...

— Я предпочту инфаркт, — согласился полковник, — но эта женщина не похожа на Кирку, о которой писал Кун.

— Она родилась, появилась, возникла здесь, у Обводного канала. Мне кажется, она не только Кирка, как он не только Одиссей... Город, в котором мы живем, вобрал в себя слишком много имен и душ, чтобы его боги и герои слепо повторяли других.

— Кирка... — Аркадий Филиппович вопреки актуальному законодательству вытащил сигареты и закурил. — И при этом — Пенелопа... У бизнесменов

и джигитов не было ни единого шанса ни по одному азимуту. Вы попросите ее сменить маршрут?

— Попрошу, но, думаю, она сделает это сама. Что вы решите?

— Не я, и, скорее всего, ничего. Жаль, что о таком не расскажешь. Знай элита, чем ей грозит свинство, она бы постаралась вести себя по-людски, и у нее получилось бы. У наглецов и трусов всегда получается, а Цирцея в Ленинграде должна быть. И Пенелопа...

Ткать и распускать свою работу, терпеть навязчивых женихов, представлять, как их пронзают стрелы, мечтать об этом? Зачем? Зачем отводить прожорливой дряни столько места в жизни, пусть та и не кончается? Наглецы сами выбирают свою судьбу, они и не терпящий скотства город.

— Пенелопы в России не переводятся, как и Одиссеи. Хотя, пожалуй, надо говорить «в Россиях» или, по крайней мере, «в Петербургах — Ленинградах». Кроме того...

— Да?

— Аркадий Филиппович, я могу ошибаться...

— Вряд ли.

— Если так, то очень жаль. В мире становится слишком много свинства, и я больше не уверен, что все оно наше собственное. Мы нашли по крайней мере один Перекресток, теперь мы встретили того, кто приходит и уходит. Андрей Григорьевич начал говорить о вакулинской гипотезе поэтапного захвата Земли, имевшего место во времена становления первых цивилизаций. Я с этим не согласен, но то, что творится с человечеством, все сильнее напоминает болезнь, причем инфекционную. С другой стороны, болезнь при желании можно считать захватом организма преследующими свои цели чужаками. Сейчас вы будете смеяться, но ветеринар устроил нам взбучку за непривитых котов. Не важно, что они сидят дома, важно, что никто не знает, какую дрянь мы приносим на ногах.

— Не заметить разгуливающего по городу леопарда

трудно, — полковник отбросил окурок, сошел на проезжую часть и поднял руку, — но леопардов немного. В отличие от блох и клещей. Что ж, будем иметь в виду и такую опасность; само собой, не сегодня. Мне надо звонить Григорьичу, а вас ждет Марина.

12

Соня разводила мосты, Марина спала, а Шульцов бродил по квартире, выходил на балкон, возвращался, садился у компьютера, смотрел то погоду, то новости, вставал и сам не знал, чего хочет. Вот чего он точно не хотел, так это спать. В четыре историк заставил себя почистить зубы, и тут запели жрецы. Историк схватил телефон.

— Ол-лег Евв-геньевич, — заплетающимся языком произнес директор, — н-наберите на Ют-тубе «Солов-ваго... с-скандал»... И з-забудьте в-ваши проблемы!

— Николай Иванович!

— З-забудьте... Их н-нет! Вы — п-прекрасный у-чненный, но это... в-вторично... Г-глав-вное... С в-вами м-можно идти в раз-звездку... Со мной — н-нет, но я... в-вас у-вважаю. Д-да, я п-пью... За н-науку и П-питер! Ис-с-тина в в-вине, а м-мир с-спсет к-красота... В-ключайте, эт-то приказ! П-пока!

Ролик был совсем свежим, однако просмотрев успел собрать немало. Шульцов надел наушники, щелкнул мышью и узрел Агриппу.

Корифей давал ожидаемую пресс-конференцию и при этом по странному совпадению или несовпадению тоже был пьян. Что называется, в стельку.

— Я, — вещал он, вперив остекленевший взгляд в битком набитый журналистами — еще бы, такая сенсация — зальчик, — требую... пресечь попытки... нападки... дискредитации... происки... КГБ обязан... Там не мои трупы! Мне подложили... свинью... Вместо свиньи... Я т-точно знаю, кто меня... з-заказал... И за сколько... Сотни тысяч... Миллионы... В соответст-

вии с п-планами... Даллеса и этих... м-мудрецов... Это з-заговор, товарищи... В моем л-лице... Заговор против м-меня и...

— Против меня и отечества, — подсказал лохматый парень в пустынном камуфляже.

— Вот! — поднял палец Соловаго. — Против меня и очетества... Я, как национальное достояние... Что вы ржете?! Козлы!.. Вы меня... у меня! Я в-вас, сволочи... Охрана!.. Охрана!!!

Наверное, это было смешно, только Шульцова хватило на полторы минуты из четырнадцати. Историку стало противно до неистовства, и это чувство требовалось немедленно смыть. Олег Евгеньевич на минуту замер посреди кабинета, понял, что сейчас сделает, и, счастливо засмеявшись, ворвался в спальню.

— Марина, — велел он, — вставай! Немедленно!

— Ты... — Жена растерянно заморгала неподведенными и от того невозможно родными глазами. — Что? Что такое?!

— Вставай, — Шульцов уже вытаскивал из шкафа синее платье, которое он любил, а Марина не носила года четыре. Зря не носила! — Надевай, и пошли.

— Куда?

— Белые ночи не только у Невы... На Авто́вской зацветает сирень, и я ее тебе сейчас наломаю!

ПРОЛЕТАЯ НАД ГЛУБОКИМИ ТЕМНЫМИ ВОДАМИ

Лногда я думаю о том, как все началось. Я закрываю глаза и вижу их — ряды и ряды одинаково прекрасных юношей, ждущих своего часа в прозрачных пластиковых капсулах. Или в грязно-коричневых пульсирующих клоаках. Или в багровых, имитирующих мускулатуру человеческой матки плодовых мешках.

Понятия не имею, какая у них была биотехнология.

Мы и сейчас, почти сто лет спустя, ничего о них не знаем.

Я знаю лишь, что было записано в скрижалях тысячи лет назад и случилось в человеческой истории снова и снова, с разницей лишь в масштабах и последствиях.

«Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог. И сказал змей жене...»

Не так уж важно, что именно он ей сказал, — они всегда говорят то, что Ева хочет услышать. То, что ей нужно. Змеи знают Ев как облупленных.

Как всегда, все началось с женщины...

<ЛЕНКА86>

— Лена. Ле-ен! — звал веселый баритон. — Ленка, ну ты чего сбежала-то, как от огня? «Графиня изменившимся лицом бежит пруду»?

Ленка «изменившимся лицом» сидела на сухой прохладной земле между старой яблоней и кустом жасмина. Она плакала, растирая злые слезы по широкому конопатому лицу. О, как же она терпеть не могла свое лицо — толстые щеки, маленькие голубые глаза в белесых ресницах, длинный нос.

Назовите все это безобразие дурацким именем «Лена Дюка», а потом идите в мужской корпус, притворяясь, что вам нужно обсудить меню на следующую неделю. Но на самом деле, конечно, в надежде лишний раз наткнуться на Павлика. С широкой улыбкой выходите из-за угла и, уронив папку на теремках, открывайте рот и смотрите, как Павлик жадно, закрыв глаза и постанывая, целует Маринку. Как его смуглые, красивые, такие сильные руки мнут Маринкину задницу сквозь рабочие штаны. Потом издайте полузадушенный крик, подождите, пока оба повернутся — Маринка с выражением безразличного удивления на хорошеньком лице, машите руками сильнее и бегите, бегите, прячьтесь в куст, в пыль, в... Лена понюхала руку и зарыдала еще горше. Да, да, свиное дерьмо.

В селе Федоровка жители уважали свиноводство, с удовольствием разводили хрюшек, а племенной хряк Иван Иванович и вовсе был всеобщим любимцем, бродил где хотел и часто встречался у сельпо, где у многочисленной сборной местных алкоголиков считалось хорошей приметой купить «Ванечке булочку к чаю». Белый хлеб хряк любил до умопомрачения, и именно им его вечером заманивала обратно домой хозяйка Галя, черноглазая красавица лет пятидесяти.

— Паш, ну пойдем, ладно тебе, — скучным голосом позвала Маринка. — Вот я еще весь свой пере-

рыв не тратила на поиски Дюдюки. Чего ты-то за ней кинулся?

Лена покривилась. Года два назад по телевизору показали мультик про тигренка и Дюдюку, и ее жизнь уже на следующий день расцвела новыми красками — при этом каждый, кто ее так дразнил, радовался своей оригинальности. Школа кончилась, казалось, что в институте будет легче. Но с первого же семинара и переключки Дюка снова стала Дюдюкой.

— Она — мой друг, — сказал Павлик. — Хорошая девчонка. Не такая, как другие. Ну, Марин, чего ты хмуришься-то? С ней дружить хорошо. А с тобой — все остальное.

— Она-то с тобой именно остального и хочет, — усмехнулась Марина. — Я ее глаза видела, когда она убегала.

— Не, ерунда, — сказал Павлик. — Ленка просто очень правильная, ну, знаешь, не давай поцелуя без любви, такая. Это она меня сюда, в стройотряд, уговорила — я вообще в поход собирался с нашими, из политеха. Ленка сказала — нельзя на Алтае прохлаждаться, когда в стране трагедия. И правда — как в стороне-то остаться? В ликвидаторы я по возрасту не прошел, ну, хоть поселок для эвакуированных построим. Тебя вот встретил...

Маринка игриво рассмеялась, смех заглушился поцелуем. Лена сидела, скорчившись, рассматривая полосы дерьма на своей ноге и руке.

— Надеюсь, к ужину Дюдюка найдется, — сказал удаляющийся голос Марины. — Она же на этой неделе главная поварешка, а я голодная сегодня — ужас.

Ленка вылезла из-за куста, как только они ушли. Под яблоней сидел Иван Иванович и, склонив вислоухую голову, задумчиво рассматривал зеленое недозрелое яблочко на траве. Увидев Лену, приветливо хрюкнул.

— Засранец, — с досадой сказала она. — Вот зарежут тебя, будешь знать.

И пошла купаться на речку, в плохое место со скользким берегом, куда местные никогда не ходили. До ужина время было, и она еще с обеда начистила два ведра картошки, залила водой и в тенек поставила. Рагу сделать успеет.

Отмыться бы — и от дерьма, и от противной гнетущей боли, застывшей внутри, как слой жира на посуде.

Ленка шла, а перед глазами у нее все стояли крепкие руки Павлика, сжимающие Маринкину круглую задницу. И стыдная мысль все билась в голове — вот бы ощутить его руки на своей...

На берегу она разделась до трусов, потом представила, как остаток дня ходить в мокрых, сняла и их. Зашла в воду, поскальзываясь и морщась — дно было заросшее, склизкое, очень противное. Плонулась, немного поплавала, опасливо сжимая ноги, потому что позавчера перед сном Ольга из Ленинска рассказывала страшную историю, как в реке одной женщине *туда* залезла змея.

Ленка обогнула камыши, уже собралась вылезать на глиняный берег и вдруг обмерла — рядом с ее одеждой сидел молодой человек. Он был высокий, черноволосый, ужасно красивый, не просто симпатичный, а как актер с открытки или из журнала. И грустный какой-то, непохоже было, что нагло пришел и сел, чтобы над голой Ленкой поглумиться. И ранимым выглядел очень, будто у него тоже что-то плохое случилось.

Ленка замерла в воде у берега, потом про змею вспомнила и задергалась. А на берег как вылезать-то — в чем мать родила перед красавцем?

— Эй, — крикнула Ленка. — Отвернитесь-ка! Рядом с вами моя одежда!

Парень посмотрел на нее удивленно, потом на стопку одежды рядом с собой — будто впервые увидел. Закрыв лицо руками, как ребенок.

— Извините, — крикнул он. — Я не заметил. А встать и уйти не могу — ногу на глине этой подвернул. Пожалуйста, выходите, я не буду подглядывать.

Ленка выскочила из воды как ошпаренная, натянула белье, штаны, куртку-целинку — прямо на мокрое тело, все сразу прилипло. Увидев, что парень смотрит сквозь щелочки между пальцами, сердито покраснела, горячо стало по всему телу.

Парень понял, что она заметила, убрал ладони от глаз, улыбнулся смущенно.

— Извините, — сказал он. — Не удержался. Никогда не видел обнаженных девушек. А вы такая красивая!

Так он хорошо и искренне это сказал, что у Ленки и тени сомнений не возникло, что правду говорит, не шутит, не пытается насмехаться. И ей стало еще горячее, щеки запылали.

— Меня Юрием зовут, — сказал парень. Ленка подумала, что речь у него немножко странная, слишком ровная какая-то, будто он откуда-то слова считывает и старательно выговаривает. Легкий, почти незаметный акцент, вроде как у прибалтов.

— Лена, — представилась она. Подумала и села рядом с ним — какой-то он был славный, спокойный, надежный, и горячо от него ей было, как от печки. — А вы из Прибалтики?

Юрий подумал, покачал головой.

— Не думаю, — сказал он странно. — Знаете, Лена, со мной что-то случилось, и я почти ничего о себе не помню. И трудно в голове все держать. Теряюсь.

— Наверное, у вас травма была, — предположила Ленка. — Головы. Я знаю, бывают такие последствия...

И тут ее осенило — сюда ведь, в Руднедыневский район, эвакуировали и из Припяти, и из Чернобыля. Может, там и пострадал таинственный Юрий?

— Давайте я ногу вашу посмотрю, — сказала она. — Я в медицинский сначала поступила, на «Скорой» практику отрабатывала. К сожалению, вылетела после первой сессии. Не справилась. Теперь в политехе. Но если вывих или перелом там, смогу определить.

Юра аккуратно вытащил ногу из ботинка — красивого, из серой кожи, наверное, импортного. Поднял штанину, поставил на глину.

— Посмотрите, пожалуйста, Лена, — сказал он. — Я вам буду очень признателен.

Он вздрогнул, когда Ленкины пальцы дотронулись до его белой безволосой щиколотки.

— Больно здесь? — испугалась Ленка.

— Нет, — медленно сказал Юрий. — Мне вдруг стало очень горячо от вашего прикосновения.

У Ленки чуть сердце из груди не выпрыгнуло. Перелома не было.

— Наверное, растяжение просто, — сказала Ленка. — Посидите, отдохните. Боль пройдет.

— А можно, вы мне составите компанию? — попросил красавец.

Они сидели и разговаривали очень долго, забыв обо всем. Юрий хотел все знать о Ленке, ему все было одинаково интересно — ее детство в Саратове, рассказы о войне любимого дедушки, его похороны в прошлом году, ее сложности с мамой и с учебой, стройотрядовские будни, смешные случаи и интриги, Ленкины мечты, надежды и интересы.

Когда он взял ее за подбородок и поцеловал, у нее в глазах потемнело. Возбуждение было настолько сильным, что внезапно перешло в свою противоположность, она отодвинулась от него и расплакалась.

— Что с тобой? — спросил Юра. Он был невыносимо красив. От него пахло солнцем и полынью.

— Зачем такому, как ты, такая, как я? — прошептала Ленка горько. — Со мной, говорят, только дружить хорошо. Никто меня никогда не любил и не хотел.

— Я хочу, — сказал Юрий. — Очень. Ты — такая чудесная девочка, и почему-то так к себе плохо относишься. Ты же прекрасна.

И он опять потянулся к ней и поцеловал ее, и на этот раз она не отстранилась, хотя и не могла перестать плакать.

Они легли прямо на глинистый берег, прогретый

июльским солнцем, потом перекатились под густые ветки маленькой, корявой, но очень развесистой ивы. Ленка ждала боли, но ее все не было — был лишь жар, и желание, и мощная тяга одного тела к другому.

На секунду она замерла, потому что вспомнила важное.

— Я не забеременею? — спросила она. Лицо Юрия закрывало весь мир, его губы раздвинулись в медленной улыбке.

— Нет, — сказал он. — Но ты изменишься, станешь одной из тех, кто понесет народам новое будущее. Я войду в твою плоть, и твоё тело станет моим инструментом. И твоё тело и ум найдут главное, Лена, — равновесие. Я дам тебе силу и веру в себя, и не будет ничего, что бы ты не смогла сделать, если захочешь...

Он еще что-то говорил, но при этом продолжал двигаться, и Ленка слышала из всего этого только «Нет, не забеременеешь». И поверила. И вскрикнула от счастья.

День стал вечером, а потом и ночью, а о голодном некормленном стройотряде и киснувшей в ведрах картошке она так и не вспомнила.

Она проснулась в кромешную темноту, в боль затекшего тела, не привыкшего к ночевкам на жесткой холодной глине. Ночной воздух вокруг зудел комарами, радостно пировавшими на Ленкиной голой коже. Кроме них, вокруг никого не было.

— Юра, — позвала она тихо. — Юрочка?

Никто не отозвался. Он ушел, исчез, оставил ее.

Ленка на ощупь нашла свою одежду — она была у нее под головой, оделась, дрожа, выбралась из-под ивы на берег.

Она, девственница, отдалась незнакомцу на берегу грязной реки.

Она, комсомолка, нарушила все свои обещания и обязательства перед коллективом.

Она, уродина, забыла, кто она такая, и вот — расплата.

Головоломка вдруг сложилась у нее в голове — ну конечно! Необычная мягкая одежда, странность речи, таинственное прошлое, необъяснимый интерес к уродливой идиотке... Юрий был шпионом! Американским или английским... Возможно, даже японским — пожалуй, было в его тонком темноглазом лице что-то слегка азиатское. Наверное, приехал разведывать подробности катастрофы — газеты писали, что на Западе она вызвала массу спекуляций и нездоровый интерес.

Она, советская студентка, только что предала Родину — очень буднично и с большим удовольствием.

Ленка застонала от стыда и запоздалых сожалений. Шатаясь, она пошла через поле, через перелесок, к деревне и стройотрядовским корпусам. Издалека долетели голоса.

— Лена! Ле-ена! Дюка, отзови-ись!

Товарищи не спали, не отдыхали перед новым трудовым днем, а искали ее по лесам и полям. Ленке стало еще хуже. Она шла, как в бреду, и когда, наконец, вышла в свет чьего-то фонарика, к вскрику «вот она!» и пулеметной очереди вопросов, то и сама не поняла, что с ней случилось. Ее глаза закатились, она потеряла сознание и упала на дорогу. Павлик не успел ее подхватить, и затылок глухо стукнулся об асфальт.

— Ноги держи, аккуратнее, я за плечи понесу...

— «Скорую» уже вызвали, сейчас должна...

— Да что с Дююкой случилось-то, где она была?..

— Последний раз видели часа в четыре...

— Федорыч, пристегивай девку к носилкам, бить-ся начинает!..

— Судорожный приступ, температура сорок один и четыре, срочно три кубика...

— Стабилизирована...

— Поступила в остром состоянии позавчера, в себя не приходила...

— Лен, ну слушай, хватит тебе уже, просыпайся давай. Три дня уже отдыхаешь. Мы северный коттедж закончили, крышу вообще в рекордный срок покрыли. Завтра электрикой займемся с Васьком, а остальные начнут фундамент под детский сад заливать. За тебя Маринка поварешкой заступила, ругается и ворчит — ужас. А руки у нее явно не из того места растут, мы едим, конечно, но только потому что голодные очень. То недоварит, то пересолит. Ленка, ну просыпайся, чего ты?..

Лена открыла глаза.

У кровати сидел Павлик, смотрел в окно. Он не сразу понял, что она проснулась, а когда осознал, то аж подскочил.

— Наконец-то! — ахнул он. — Ну что ж ты, я сам чуть от страха за тебя не очоурился. За медсестрой сбегая — они велели сразу звать, если ты очнешься.

— Погоди, — Ленка с трудом разлепила пересохшие губы. — Дай мне в себя прийти.

Павлик уселся, ждал терпеливо.

— Ты что-нибудь помнишь? — спросил он. — Ну, что с тобой случилось-то?

Ленка покачала головой. Она не помнила. Помнила, как увидела Павлика с Маринкой, а потом — как отрезало. Только горячая темнота. И будто бы она в ней что-то нашла. А потом сразу потеряла.

— Милиция приходила, — сказал Павлик. — Врачи сказали — нет у тебя травм никаких. И... ну, никто с тобой ничего плохого не сделал. Ни синяков, ни ушибов, ни... Ничего, в общем. Загадка.

Он помолчал.

— Лен, ты тогда обиделась, да? Ну, когда мы с Маринкой... Слушай, я-то тебя совсем обидеть не хотел...

Ленка смотрела на него, откинувшись на подушку. Она помнила, как сильно его любила раньше и как долго мечтала, чтобы он на нее вот так посмотрел, как сейчас. Но эта трепетная, щемящая боль, эта дыра в душе — заросла, рассосалась, исчезла.

Хотя, пожалуй, она бы не отказалась, чтобы он ее обнял, поцеловал, крепко сжал сильными руками...

Павлик облизнул губы, глядя ей в лицо.

— Слушай, глаза у тебя какие голубые-голубые, — сказал он. — Никогда раньше не замечал.

Ленка медленно улыбнулась.

</ЛЕНКА86>

Неизвестно, сколько их было изначально.

Возможно, шестьсот шестьдесят шесть — так мы пишем в наших книгах.

Некоторые из них погибли в течение недель — сбитые машинами, недостаточно вежливо ответившие хулиганам или убийцам, задержавшие взгляд на фигурке в хиджабе. Слишком странные, слишком красивые, слишком подозрительные.

Но большинство продержалось около пяти месяцев, и только потом их мертвые тела, найденные на лавочках, в поездах, в переулках, начали поступать в морги.

И патологоанатомы сгдели и уходили в запой, и особые службы всех стран перепроверяли и засекречивали информацию о том, что среди нас ходят те, кто выглядит, как мы, но нами не является.

Мы не знаем, как именно они функционировали ментально — управлялись ли их клонированные тела таинственными «ими» — теневыми кукловодами? Или их интерактивность была программной, сродни самообучающимся ботам? Или они были самостоятельными, мыслящими, сознающими себя существами?

У них не было пищеварительной и выводящей системы — они не ели, не пили, не спали. Они дышали кислородом, в голове был мозг, сердце перегоняло по сосудам кровь, красную, как у нас, а питательные вещества распределялись из жирового мешка в подбрюшье. Когда этот запас иссяк, их органы прекратили функционировать и юноши умерли.

Что еще было в их телах? Кожа вырабатывала феромоны. А вместо спермы они производили особую сыворотку, которая, при попадании в человеческое тело, активировала в нем ряд генетических изменений.

Мы не знаем точного механизма, но дедушка говорит, что все было именно так.

Как компьютерный вирус, чужая информация прописывала себя в ДНК. Как сифилис, распространяла себя дальше — через кровь, через секс, через взаимодействие наших тел.

Прекрасные юноши прошли по миру и посеяли свои змеиные семена — в России и в Мексике, в Японии и во Франции. Семена нельзя было выкорчевать, потому что они были посеяны в нас самих. В женщин. Все всегда возвращается и становится шерше ля фам.

И зверь, на котором воссегаает блудница: «был, и нет его, и выйдет из бездны, и пойдет в погибель».

Мы не поняли, что нас захватывают, даже когда у них начали рождаться первые дети. Наши дети. В самом начале они все еще были почти полностью нами. И разве что самую чуточку — уже ими.

И воды, на которых сидит блудница: «суть люди и народы, и племена и языки».

<ДЖИЛЛ89>

Джек плакал редко и только от счастья.

Он никак не выказывал своей боли, когда у него нарывал зуб или когда их сенбернара Бадди сбил пьяный водитель, даже когда умирала от рака его мама — Джек молча сжимал зубы, каменел лицом и делал, что надо.

Но когда Джилл сказала «да» и надела на палец его кольцо, когда они остались вдвоем в первую ночь после свадьбы, когда она сказала ему, что беременна, — он плакал навзрыд. Вот и сейчас, склонившись над маленькой кроваткой, он тихо и светло рыдал, вытирая слезы, чтобы они не падали на мягкое покрывало их новорожденного сына.

— Он такой красивый, — прошептал Джек и поцеловал Джилл в лоб. — Спасибо тебе, спасибо, любимая.

Джилл улыбнулась. Она очень устала после родов, и никакого особенного умиления пока не испытывала.

— Езжай домой, поспи, — сказала она мужу. — Ты был большой молодец, здорово мне помог. Слушай, извини, что я тебе по морде дала... Больно было так, что крыша ехала, а ты все спрашивал что-то, никак не отставал.

Джек улыбнулся, потер челюсть.

— Для девчонки твоей комплекции у тебя отличный хук справа. А спрашивал я, не принести ли тебе водички со льдом. А ты всё не отвечала.

Джилл пожала плечами в притворном смущении. Джек рассмеялся и снова поцеловал ее.

— Ладно, поеду, — сказал он. — Ты отдыхай, скоро к тебе начнут медсестры с кормлением приставать. Ты решила или колеблешься?

— Смесь, конечно, смесь, — покачала головой Джилл. — Грудью никто давно не кормит, да у меня и не получится. К тому же бутылочку и ты ему дать сможешь, не все мне ночью скакать.

— О'кей, как скажешь, — сказал Джек устало, взглянул в колыбель и снова вытер глаза. — Молодцы мы сегодня. Особенно ты, любимая. Отдыхай.

И он ушел. Джилл смотрела в темное окно, в ночь над Бостоном, а в голове все вертелось:

Идут на горку Джек и Джилл,
Несут в руках ведерки...
Свалился Джек и лоб разбил,
А Джилл слетела с горки...

Она сама не заметила, как уснула, а когда проснулась, отдохнувшая, ей сказали, что медсестра дважды забирала маленького Сэма на кормление, но он не проглотил ни капли молочной смеси.

Весь день младенец отказывался брать соску. Он

вертел маленькой головой, жмурился, не плакал, но к вечеру стал очень бледным.

— Мы не можем вас выписать, пока не решится вопрос с кормлением, — сказала медсестра. — Вы точно не хотите попробовать грудью?

— Если он не начнет сосать в ближайшие пару часов, будем ставить капельницу, — сказал врач. — Раз другого выбора у нас нет.

Они ушли, все ушли, а Джилл сидела в кровати, дрожа, и смотрела в маленькое личико. Крохотная ручонка торчала из-под покрывала, запястье было чуть толще ее большого пальца.

— Что же ты делаешь? — спросила Джилл со слезами. — Сэм, сыночек, ну как же так?

Младенец открыл глаза и посмотрел прямо на нее. Это не был рассеянный, рассредоточенный взгляд новорожденного. Сэм смотрел собранно, требовательно, пронзительно.

Джилл ахнула и осела на кровать, и разрыдалась, потому что этот взгляд был, как поплавок на воде — она потянула удочку и вспомнила красивого темноглазого парня, много лет назад встреченного в библиотеке университета, и их странный, неспешный разговор, исполненный потаенных смыслов.

Том, его звали Том.

Джилл было двадцать лет, она смущалась, разговаривая с мужчинами, и была в себе очень неуверенна. Страсть накрыла ее темным горячим покрывалом, они долго целовались в темном проходе между «палеонтологией» и «папье-маше», а потом катались по полу и она старалась не кричать — потому что если не привлекать внимания, никто и не придет, ни за динозаврами, ни за поделками из бумаги.

— Все изменится, — говорил Том, — изменится навсегда. Когда-нибудь ты согласишься в глаза своего ребенка и поймешь...

Джилл впивалась ногтями в его плечи, а он как и не чувствовал.

И все изменилось — Том исчез, а Джилл перебо-

лела их внезапной страстью, как тяжелым гриппом, провалявшись в кровати пару дней и принимая аспирин. А потом она выздоровела — и как будто вышла из скорлупы, всю жизнь ее сковывавшей. Она нашла себя, и свой путь в жизни, и свою сексуальность — парни ей с тех пор проходу не давали. Здорово она с ними повеселилась, а потом встретила Джека, родила Сэма... И теперь он смотрел на нее так, что она обмирала, и хотелось взять его и выбросить в окно.

Но помимо неестественного, очень страшного в младенце двадцати часов от роду, разумного понимания, во взгляде ее сына было и другое. Была огромная любовь, и доверие, и нежность. И как будто он ее о чем-то просил.

Джилл кивнула, вытерла слезы, подняла Сэма из кроватки и дала ему грудь.

— Ну конечно же, я сама выкормлю своего ребенка, — говорила она наутро медсестрам и Джеку, когда он забирал ее сумку и дарил всем цветы перед выпиской. — Это в шестидесятых-семидесятых никто грудью не кормил, все с бутылочками бегали. Возможно, от этого и вся моя куча проблем в отношениях с матерью. У нас с Сэмом такого не будет, да, сыночек?

«Только не открывай глаза и не смотри на них до поры до времени, — думала Джилл. — Они не поймут, они испугаются. Не смотри!»

Сытый и довольный, Сэм и не думал открывать глаза. Он сладко спал.

</ДЖИЛЛ89 >

Тела не-людей не удалось сохранить для сложных исследований, за исключением десятка препаратов тканей, которые додумались сразу поместить в жидкий азот. Тела разлагались даже при низких температурах, даже в морозилке — и вскоре от них не осталось вообще ничего, кроме мутных багровых луж и архивных папок с описаниями и фотографиями.

Тогда многие верили, что в пустыне Невада есть «зона 51», где американское правительство таит от человечества разбитую летающую тарелку и серые большеглазые, глинопалые тела ее пилотов.

И многие верили, что в секретных подгорных городах Советского Союза, где разрабатывалось оружие против американцев и пришельцев, в лабораториях тоже стояли баки, откуда смотрели застывшие неземные глаза без зрачков.

Никто не ожидал, что они придут вот так — в нас, через нас, что оружие будет бесполезно, потому что они спрячутся в нашей любви.

Конечно, многие замечали необычных детей. И журналисты писали о «детях индиго» и «поколении вундеркиндов». Но человеческие дети всегда рождались разными, и во все века бывали «младенцы, рожденные со всеми зубами», или «трехлетние малыши, владеющие алгеброй».

Дети, рожденные женщинами, встретившими когда-то прекрасного юношу, а также всеми мужчинами, познавшими этих женщин, и всеми женщинами, познавшими после них этих мужчин... Эти дети были сильны и красивы. Они меньше плакали и чуть меньше ели. Они рано выучивались читать и писать, они реже болели. Их любили — дома, в школе, среди сверстников, потому что красивых, умных и независимых любить легче и приятнее, чем слабых, жалких и цепляющихся за тебя. Ну или кому как.

Генетический вирус продолжал распространяться — нетрудные моральные установки конца XX века способствовали его быстрому проникновению, но барьерная контрацепция его сдерживала. Хотя как слабо мораль и религиозные запреты тормозят подобные явления, можно судить по факту, что Колумб открыл Америку и сифилис в 1492 году, а через три года от него уже всюду умирали в Италии, через пять — в Турции, через семь — в Китае, а через двадцать была серьезная вспышка в Киото. И это во времена, когда большинство стремилось к благочестию, а скорость

передвижения была ограничена тем, как быстро может бежать лошадь или насколько силен попутный ветер.

«...и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодейства её; и на челе её написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудниц и мерзостям земным...»

Сейчас мы называем тех детей «поколением ноль».

Когда они выросли и начали искать и выбирать друг друга, влюбляться и рожать своих детей, пришло «поколение один».

<ЧЕН13>

Снова был дождь, а он забыл зонтик.

В любимом магазинчике молла ВивоСити была распродажа, а он опять забыл кредитку, в кармане болталась одна мелочь. Бай-бай, красный рюкзак из Австралии. Конечно, завтра тебя уже не будет.

Он пошел от торгового центра на остров Сенто-за пешком — назло жаре и муссону. И не по тенечку кондиционированного стеклянного коридора, а по деревянным мосткам набережной, прямо над бирюзовой водой океана.

Чен взглянул вниз и удивился — на мутноватой поверхности океана с трудом держался, греб крыльями голубь. Неизвестно было, как несчастная птица оказалась в воде, но ее будущее выглядело однозначно печальным — промокшее тело было тяжелым, попытаться забить крыльями и оторваться от воды голубь тоже не мог — нужно было каждую секунду грести, отмахивать, отсрочивать неизбежное.

Чен знал, что это глупо, но он оглядел залив — нет, если прыгать, то вылезти негде, пришлось бы плыть к одной из лодок у причала, проситься на борт. Да и никто бы не понял — так рисковать ради дурацкой птицы. Пусть уж тонет, раз так вышло.

Чен поднял телефон, сделал несколько снимков, сам не понимая, зачем. Безумный красный взгляд

обреченной птицы. Пена на воде. Болтающийся в океане кокосовый орех.

Спиной он почувствовал, как кто-то особенный на него посмотрел — иногда он чувствовал других людей, как будто взглядом или направленным на него вниманием они мягко дотрагивались до него, гладили по плечам, ерошили волосы. Он обернулся, но никого не увидел — наверное, тот, кто посмотрел, был в стеклянном тоннеле, стоял на травеллаторе, оглядывал окрестности и случайно мазнул взглядом по его высокой худой фигуре.

Чен дошел до конца мостков, прошел через турникет, заплатив свой трудовой доллар за вход на остров. Он собирался сходить в океанариум. Размеренная, спокойная жизнь большого аквариума, плавные движения рыб, особое освещение — все расслабляло его, позволяло сосредоточить мысли на важном.

Новый генетический сканер, на прошлой неделе доставленный в лабораторию, пока предлагал больше вопросов, чем ответов. Исследование не складывалось у Чена в голове, уравнения не сходились. Как будто он нырял в глубину, где лежал, скрытый от света, сияющий клад знаний и информации о том, как все взаимосвязано. Но воздуха не хватало, разум не справлялся, он не мог донырнуть, не успевал поднять крышку сундука и загрести монет из клада в кулак — сколько возьмется. Он дергался в мутной воде и злился, что не получается.

Чен сидел на лавке у аквариума, пока не пришло желанное состояние — захотелось поехать домой и начать работать. Он вышел обратно в жару, на набережную у океана.

Взглянул в воду — и не поверил своим глазам.

Голубь все еще не утонул, он проплыл метров чetyреста и теперь болтался у самого бетонного парапета Сентозы. Он двигался лихорадочно и, очевидно, очень страдал, но все никак не сдавался, не прекращал бороться со смертью. Чен вздохнул, отвернулся, ощущая усталую муку птицы, как свою. Такое у него

тоже бывало — ниоткуда возникала связь с животными, иногда даже с мертвыми. Еще совсем маленьким он отказался есть любое мясо, отказался даже пробовать, потому что остро ощущал боль и ужас, заключенные в каждом вкусно пахнущем кусочке.

Мама тоже не ела мяса, хотя напрямую ничего такого не чувствовала, просто говорила, что ей жалко животных и невкусно. А отец любил, особенно говядину, пока Чен ему не рассказал, как боятся коровы перед убоем, как много дней ревет стадо, из которого забрали молодняк. Папа долго смотрел в окно на океан — их квартира была на двадцатом этаже, — а потом сглотнул и сказал «ладно». Больше они мяса не покупали, а папа лишь иногда, тайком, бегал в «Макдоналдс». Возвращался виноватый, но довольный.

Чен отвернулся от тонущей птицы — и замер. Поодаль стояла группа японских туристов, они щелкали камерами, переговаривались, кивали. Отступив на пару шагов от остальных, стояла девушка в коротких шортах и белой футболке. Смотрела прямо на Чена, жадно, как будто лаская его лицо, плечи, руки. Их взгляды встретились, сплелись в раскаленный крепкий канат, протянувшийся от одного к другому. Чен поверить не мог интенсивности своего внезапного чувства, не мог оторваться от ее лица, взгляда, фигурки.

«Это ты?» — подумал он. И ощутил ее мысль, такую же счастливую, торжествующую. Он рассмеялся и почувствовал возбуждение, и желание, и близкое счастье. Он шагнул к девушке, но замер, потому что в океане отчаянно вскрикнул голубь — его время кончалось, уже давно кончилось, но он все отказывался умирать. Все надеялся.

Чен вздохнул, помахал девушке рукой, пожал плечами. Положил телефон на столбик ограждения — все равно иначе утонет.

— Кафе в Чайна-тауне, на Восьмой улице, — крикнул он девушке, не зная, услышит ли она, поймет ли, знает ли она вообще английский. — В восемь вечера, в восемь! Я буду ждать!

★ Перемахнул через ограду и прыгнул в залив, хорошо понимая, каким идиотом выглядит. Он ушел в теплую соленую воду с головой, вынырнул, поплыл к дурной птице. Идиот его еще и клюнул в руку. Чен поднял голубя, усадил себе на голову. Тот вцепился лапками в волосы, осел, уставший до смерти.

Когда Чен переплыл залив, покричал и его втянули на рыбачий баркас, голубь уже спал мертвым сном, и не проснулся даже когда Чен забирался по веревке, даже когда снял его с головы и усадил в коробку из-под лапши, которую ему дал старый рыбак, поглядывая на него, как на дурака.

Чен ехал в MRT, в заскорузлой от соленой воды одежде, без телефона, но с картонной коробкой и полудохлой мокрой птицей, встретив и потеряв девушку своей мечты, и именно дураком себя и ощущал.

Дома он высушил голубя феном — на самом щадящем, прохладном режиме.

Позвонил маме и отцу, поговорил об их делах. Рассказал о новом сканере, о полном анализе генома за полчаса, о стажерах из России и Америки — веселых и талантливых молодых ученых.

Вышел на балкон и долго смотрел, как внизу, в бассейне, плещутся дети. Белокожая малышка, пухлая, в красном купальнике с утятами, подняла голову и посмотрела прямо на Чена — будто погладила его по щеке. Она тоже была одной из тех, с кем он чувствовал необъяснимую связь — теплую ниточку, на мгновение протянувшуюся к нему от детского сердца. Чен помахал ей рукой и ушел с жаркого балкона в прохладу кондиционированной комнаты.

Он устроил голубю уютное гнездо в коробке из-под ботинок, пожертвовав наволочку. Птица чуть приподняла голову и посмотрела на него мутным взглядом. Потом снова заснула.

Чен поработал немного над своей программой, ответил на письма, оделся и поехал в Чайна-таун. Стенело быстро, как всегда в тропиках — вот только-

только начали сгущаться сумерки, и вдруг ночь стала уже густой, как чернила, и над улицей зажглись красно-оранжевые фонарики.

Чен сел за пластиковый столик на улице, заказал бобов и пива. Думал о чудесной девушке, о том, как она на него смотрела — внимательно и хорошо, какая была красивая.

Надеялся.

Она села с другой стороны столика, будто материализовавшись из его мыслей. Тоненькая, большеглазая, с ровно постриженной челкой.

Положила перед ним его телефон.

Он счастливо рассмеялся, она улыбнулась.

Ее звали Маки, ей было двадцать лет, она изучала промышленный дизайн в Кобэ, а поездку в Сингапур ей подарил дядя за то, что она сделала проект для его фирмы. Она пила лимонад и смеялась шуткам Чена, прикрывая рот рукой.

— Поедем ко мне? — спросил он. Она кивнула.

— Ты на машине?

— Что ты, — сказал он. — На машинах здесь ездят только очень-очень богатые. А я не богат.

Он вдруг испугался — не будет ли это проблемой. Может быть, она разочаруется, что он не очень богат и у него нет машины?

— Это плохо? — спросил он.

— Ничего, — сказала она. — Это неплохо.

В такси они молчали и не прикасались друг к другу. Иногда она спрашивала про какие-то вещи за окном, он отвечал.

— Это башня Небесного Тигра.

— Это Ботанические сады. Да, удивительная подсветка.

— Это торговый центр.

— Это «Синий горизонт», где я живу.

Она разулась за порогом, вошла в прихожую. У нее были очень красивые маленькие ноги с серебряным лаком на ногтях.

Дверь закрылась, отсекая их от города, его шума и жары, погружая в полную тишину и прохладу.

Маки легонько поклонилась, не отрывая от него взгляда. Чен поклонился в ответ.

А потом они бросились друг на друга и сделали это прямо на полу в прихожей — Маки была сверху, и Чен пожалел, что выбрал жесткий паркет для пола, а не мягкий ковер. Потом они попили чаю и сделали это на мягком ковре в гостиной. И потом еще шесть раз в кровати, до самого утра. Когда за окном рассвело, они смеялись уже немного истерически, но по-прежнему не могли оторваться друг от друга.

— А ты кто по национальности? — спросила Маки, передвигая расслабленную ногу Чена со своего живота на грудь.

— На три четверти китаец, на четверть — малай, — ответил он и пошевелил пальцами ноги. Какая же у нее прекрасная маленькая грудь!

Она удержала его пальцы, засмеялась.

— Вот беда, моя семья не очень любит китайцев. Особенно папа.

— Ну-у-у... — Он перевернулся, положил ей голову на живот. — Если ты думаешь, что здесь у кого-то исторически теплые чувства к японцам... Пройди по городу и почитай таблички, где, когда и сколько народу они расстреляли из автоматов или порубили мечами.

Он поцеловал ее в живот. Она пахла изумительно, так, что он снова весь напрягся и захотел оказаться на ней.

— Мы будем жить здесь? — спросила Маки.

— Да, пожалуйста, если ты не против, — сказал Чен. — Тут очень здорово и интересно. Еда вкуснейшая, лучшая в Азии. А когда родятся дети, мои родители будут рады помочь, чтобы у тебя оставалось больше времени. Ты мне покажешь свои работы?

Маки задумчиво кивнула.

— Я буду скучать по смене сезонов, — сказала она. — Здесь ведь вечное лето.

Они ненадолго заснули, а когда проснулись, на спинке кровати сидел голубь, просохший и бодрый, и смотрел на них, склонив голову набок.

Они выпустили птицу с балкона, но через час голубь вернулся и постучал в стекло, просясь внутрь.

Они называли птицу по-китайски — Гёзи. Это означало «голубь».

Гёзи жил у них очень долго, был покладист и любопытен, любил сидеть у Маки на голове, перебирать клювом ее волосы и смотреть в экран, когда она работала. Он никогда не гадил в доме. Когда они завели щенка, Гёзи с ним сразу подружился, иногда спал на его спине, вцепившись лапками в короткую шерсть, и клевал его, когда тот собирался грызть что-нибудь неподобающее.

Маки смеялась и гладила обоих.

Только через пятнадцать лет, когда пёс умер от старости, а младшие дети Чена и Маки, пятилетние близнецы с одинаковыми курносими носами и хитрыми глазами, впервые пошли в начальную школу, дряхлый голубь улетел и больше никогда не вернулся.

</ЧЕН28>

Можно искать иронию судьбы в том, что именно они, «поколение один», расшифровали свою переписанную генетику. Многие из них получили хорошее образование и работали на передовых фронтах науки.

Исследовательские программы разных стран выявили одинаково необъяснимые сегменты в генетическом коде — сегменты, присутствовавшие у половины тех, чьи образцы были исследованы, в той или иной степени, и не встречавшиеся в образцах более старых, из 90-х и 80-х.

Прошло еще несколько лет, прежде чем правительственные службы открыли доступ к трем сохранившимся в жидком азоте образцам тканей «нечелове-

ческого происхождения, выращенным путем биоинженерии».

Еще год, прежде чем страшная правда подтвердилась — да, внутри человечества действует и распространяется чужой генетический код. И еще полтора года, прежде чем информация просочилась в прессу.

Вначале телевидение опасно визжало, а заголовки интернет-порталов и газет были испуганно-разоблачительными — «Чужие среди нас», «Что они делают с нами?», «КТО они??», «Вычислить и изолировать» и «Враги с нашими лицами».

В течение нескольких месяцев скандал утих, призывы к линчеванию заглохли, потому что программа всеобщего анонимного тестирования выявила — в той или иной степени «переписаны» более шестидесяти процентов населения Европы. В традиционно более изолированных странах, вроде Японии, их было меньше, двадцать-тридцать процентов. Но ни одна из стран на тот момент не была в положении, позволяющем принять решение ограничить в правах как минимум треть населения.

Тут же подоспели и результаты первых масштабных исследований — повышенный коэффициент интеллекта, резистентность к вирусам, психическая уравновешенность, уровень социальной встроенности... Они были лучше. Это было однозначно и неоспоримо.

Пресса тут же начала использовать выражения вроде «гены богов», «апгрейд хомо сапиенс» и «подарок человечеству». Вторая древнейшая, что с них взять.

Именно тогда мы удалились и самоизолировались — нас было много, мы были испуганы и сплочены, среди нас были люди с громадными средствами.

«Общины Чистых» построили свои города — островные, горные, плавучие. Вот уже сорок лет наша цивилизация развивается параллельно их цивилизации. Чтобы оставаться сильными, мы берем и покупаем у них все лучшее и новое в науке и технологиях.

Мы самодостаточны, мы богаты, мы чисты. Мы

не совокупаемся с зараженным человечеством, все наши граждане тестируются ежемесячно, неженатые — раз в неделю. Согрешившие изгоняются. Наши философы создали новые религиозные устои, синтезировав священные тексты. Духовное единство скрепляет нас в непобедимый монолит.

Они умнее, сильнее и здоровее нас. Они прекратили войны, победили голод, избавились от нефти, сделали Сахару плодородной, построили орбитальный лифт, начали колонизацию Марса и признали права высших животных. Они учатся, едят, рисуют, исследуют и путешествуют.

Но при этом мы — лучше.

Честнее.

Мы остаемся людьми. А они ими только притворяются.

Поэтому мы сильнее и они за это заплатят.

«Приготовьте против них сколько можете военной силы и взнузданных коней — таким образом вы будете держать их в страхе».

<ДЕНИС63>

— Привет! В ближайший час на этой сетевой площадке с вами буду я, Денис Иванович Нетихий. Я — профессор Новосибирского НИИ Наследственной памяти и физиологии мозга. Мне тридцать девять лет, я безумно люблю свою работу и горжусь исследованиями, которые мы проводим. Те, кто ими интересуется и хочет что-либо спросить — прошу вас, подключайтесь к нашему кабинету, звоните, заплетайтесь — я буду рад ответить на любые вопросы.

А пока ни одного не поступило, я начну эфир, оседлав своего любимого конька — наследственную память. Тридцать-сорок лет назад одно упоминание такого явления на любой научной конференции гарантировало вам хороший здоровый смех от коллег, а также одинокий вечер в своем номере с бутылкой виски — потому что разговаривать с вами после это-

го никто бы уже не стал. Это было что-то вроде астрологии или алхимии. Теперь все иначе, и хотя мы в самом начале пути, но с каждым поколением количество людей, обладающих знанием и пониманием прошлого — в различной степени и на разных уровнях, — растет...

А вот к нам и заплелся первый любопытствующий.

— Привет! Я — Оксана из Твери. Денис, я уверена, что многих волнует, насколько мы продвинулись в том, чтобы выяснить — что же случилось в конце двадцатого века? Кто и зачем начал менять нас? Как мы можем спокойно принимать происходящее и то, что продолжает в нас изменяться, если мы не знаем целей и природы тех, кто вмешался в нашу жизнь — в планетарном масштабе?

— Оксана, мне кажется, вы недавно пообщались с проповедниками «Чистых».

— Да, и должна признаться, их рассуждения и выкладки звучат довольно убедительно. Я не могу перестать об этом думать. Что, если мы уже не люди? Что, если Земля захвачена — неизвестными Ими, которые притворяются нами?

— И что они вам предлагали сделать по этому поводу?

— Сами знаете, что...

— Перевязать трубы и отказаться от продолжения рода?

— Они называют это «очищением генофонда». По их словам, это единственный способ предотвратить уничтожение человечества. Они говорили о боге и дьяволе...

— Да, они любят цитировать священные тексты, в основе их мировоззрения лежит довольно мощная нарезка из всего, что тысячелетиями апеллировало к религиозным чувствам наших предков. Немудрено, что и сейчас эти слова заставляют задуматься и напрячься. Ведь мы действительно не знаем, кто и зачем внес новые элементы в нашу ДНК. За последние восемьдесят лет они никак больше себя не про-

явили. Но давайте вернемся к писаниям. «По плодам их узнаете их», помните? Взглянем на плоды. Люди стали умнее и сильнее, мы дольше живем и легче умираем, мы быстрее обучаемся и меньше впадаем в депрессию. Мы развиваем бесконтактное общение, мы добрее и ближе друг к другу с каждым поколением. Преступность, насилие и химзависимости снизились втрое по сравнению со временами наших прадедов.

— Да, но ведь есть мнение, что мы уже другие. Что при этом мы — не люди.

— Оксана, вот мы занимаемся наследственной памятью. Сейчас как раз проводится исследование по неандертальцам и кроманьонцам. Есть версия — и факты ее не опровергают, — что все это уже случилось в человеческой истории. Что в генетический код неандертальцев около восьмидесяти тысяч лет назад извне были внесены изменения. Они распространялись так же — с помощью микроскопических внутриклеточных носителей, которые меняли структуру ДНК. Потом рождались дети — у них внутриклеточных микроструктур уже не было, они несли эту новую информацию в своих телах. И новые поколения. И новые. Неандертальцы стали кроманьонцами, стали гомо сапиенс, а теперь — нами. Возможно, сходный механизм привел и к происхождению самих неандертальцев от прото-вида их эволюционных предшественников. Понимаете? Мы не знаем, кто это сделал. Не знаем, насколько они могущественны и чего они хотят. И по-прежнему, как и при Гомере или Шекспире, не знаем, зачем мы, люди, здесь — в этом мире, на этой планете, почему мы смертны, куда мы уходим после. Но никогда не сомневайтесь в том, что все мы — люди. Мы созданы из элементов Земли, мы живем, любим и страдаем, помним, желаем, ошибаемся, создаем новые миры и красоту. Что есть человек? Как писал Джон Донн — никто из нас не остров в этом мире. Мы — одно, мы взаимосвязаны, это наш цивилизационный выбор и главная си-

ла. «Смерть каждого человека умаляет и меня, ибо я един со всем человечеством...»

Мы — новые люди, но мы люди. И я этим горжусь.

Оксана, извините, я вошел в раж. Вы все еще здесь? Нет? Уф, простите. Но у нас есть звонок. Привет!

— Вам не победить.

— Что, простите?

— Вы — не люди. Вы, суки, думаете, что вы лучше? Что вам ДНК подрихтовали, и вы тут же стали лучше, чем мы? Змеиная ваша кровь, и семя змеиное, и вы, суки, скоро умоетесь кровавыми слезами, и раскаетесь в блюде своем и гордыне своей, и небо потемнеет от дыма, когда мы начнем ваше отродье жечь в печах, или атомом вас выжигать — аккуратно, точно, а то нам еще своих детей, невинных и чистых, потом растить на этой планете. Дьявольские ублюдки! Вы захватили планету, и притворились людьми, и украли наше будущее! Но грядет судный день! Не трудись меня искать, падла, телефон в воду брошу. Да и если найдете — нас легион, и больше с каждым днем. Молитесь и раскаивайтесь, просите у Господа снисхождения, от нас не дождетесь. Мы постараемся вас удалить с планеты погуманнее, но уж как получится. Ненавижу!

— Ээээ... Да, пожалуй, против такой аргументации мне сказать нечего. Что тут скажешь? Ну разве что — вот вам наглядная демонстрация разницы во взглядах. Кто из нас — человек? Кто, выражаясь по-библейски, наследует Землю?..

</ДЕНИС63>

Они вышли в мир в июне, лета Господа Нашего две тысячи семидесятого.

По некоторым подсчетам, прошло ровно сто лет с тех пор, как воинство Врагов, первый отряд Дьявола, ступил на нашу многострадальную возлюбленную Землю.

Было их шестьсот шестьдесят шесть — как, наверное, и тех.

И шестьсот шестьдесят шесть дней они готовились к своей миссии — постом, тренировками, молитвами и хирургическими операциями.

Последнюю неделю они питались внутривенно — из-за имплантированного на место желудка пятикилограммового шарика оружейного плутония. Остальные части бомбы были имплантированы раньше, в течение всего последнего месяца, и весили все вместе около двадцати килограмм.

— Внутри у вас больше, чем видно снаружи, — шутила майор Норьега. — Помню фразу из какой-то книжки в детстве. Или фильма. Неважно.

Винсент помнил, из какой книжки.

— Вы — наши ангелы, — говорила майор Норьега. — Ангелы гнева. Не мир, но меч несете вы врагу. Да, конечно, сейчас нам не победить — противник слишком велик и силен. Нас — лишь сотня миллионов, а их — семь миллиардов. Но мы пустим им кровь, пошатнем их беспечное довольство, вынудим их посмотреть нам в лицо...

Винсент кивал и жал на кнопку между ключицами — маленький имплант подкачивал в кровь смесь опиатов и транквилизаторов. Болевые рецепторы им отключили еще до начала основных операций, но привычка к определенным веществам в крови осталась.

— Вы должны быть готовы к тому, что «Община Чистых» никогда официально не признает вас, — печально качала головой майор Норьега. — Скорее всего, даже осудит и заклеит, как радикалов, террористов, религиозных фанатиков. Но в сердцах всех наших людей вы останетесь навсегда — тайными мучениками, прекрасными жертвами, бесстрашными вечными мальчиками.

Винсент улыбался и выбрасывал руку перед грудью в общем салюте. Как и все они, он был тайно влюблен в Норьегу. У нее были длинные темные волосы, прелестный маленький носик, очень белые зу-

бы и совершенно невероятная грудь. Говорят, в раю таких, как он, будут улаживать семь прекрасных пери. Он очень надеялся, что хотя бы одна из них будет похожа на майора Норвегу.

— «...и истребите всех нечистых жителей земли, и всех идолов их истребите и все высоты их разорите; и возьмите во владение землю и поселитесь на ней, ибо Я вам даю землю сию во владение». Аминь, — сказала прекрасная женщина и посмотрела прямо на Винсента своими огромными влажными глазами.

Разве стал бы Винсент спорить с Господом и Норвегой? Он погладил живот, где за экранирующим жировым слоем ждал своего часа твердый шарик, готовый развернуться очищающей смертью и почти двумя килотоннами тротилового эквивалента.

До Лондона он добрался на круизном катамаране.

Контроль в порту прошел легко — все элементы бомбы были надежно экранированы, кнопка активации была двойная, глубоко в подмышечных впадинах, случайно не нажать.

Винсент держался спокойно, улыбался уверенно и слегка скучающе.

Для него больше не было ни боли, ни страха, он был стрелой в полете, спущенной сильной, безжалостной рукой, чтобы перебить исполину поджилки, чтобы он закачался. Стреле нельзя рассуждать, ей уже не повернуть, не упасть на землю бессильным прутиком. Ее дело — долететь и поразить врага.

Стояла удивительно прекрасная погода, воздух был теплым и ароматным, вокруг все цвело и благоухало, нежный ветер ласкал лицо.

Целью Винсента была больница святого Томаса — сияющий небоскреб в самом сердце города, у Вестминстерского моста. Здесь было самое большое родильное отделение в Англии — почти на тысячу рожениц. Хирургия, педиатрия, онкология — по сетевым данным пациентов и вместе с персоналом, жертва Винсента должна была принести многим тысячам

душ освобождение от отравленной плоти — вертикальный термоядерный взрыв снесет здание и встанет до неба одной из шестисот шестидесяти шести свечей во славу Господа.

Винсент спустился в станцию пневмотюба, сел в капсулу. Порадовался, что один в шестиместной — минуты размышлений и медитации перед концом лишними не будут. Но удача тут же поморщилась — в капсулу заскочила девчонка, растрепанная, совсем еще молодая, но уже демонстративно беременная, не скрывающая последствий своего разврата.

— Успела! — выдохнула она, развалилась на кресле напротив, ничуть не стесняясь Винсента, начала на стенке капсулы код и стала читать и просматривать новости, да все какие-то несерьезные, вырожденческие — про похождения блудливых певцов, про новую постановку Гарри Поттера, про роман какого-то врача с какой-то актрисой.

Актриса напомнила ему майора Норъегу определенными деталями своей фигуры, и он не смог сдерживать интереса. Девчонка заметила.

— О, вам она тоже нравится? — спросила она.

Винсент помотал головой, закрыл глаза. Оставалось пятнадцать минут до назначенного срока — он успевал с запасом. Он глубоко вздохнул, обнял себя руками, как будто замерз, и активировал систему детонации. Обратного пути не было. Даже если теперь его остановят в лобби больницы, застрелят, свяжут — через пятнадцать минут его тело станет светом, и жаром, и мечом господним. Он вонзится в болевую точку этого порочного города порочных нелюдей, и мир наполнится стоном.

Девушка напротив ахнула, пальцы стукнули по стеклу. Капсула дернулась и застыла. Винсент открыл глаза — девчонка смотрела на него с ужасом, обвиняюще, не веря.

— Ззззз что? — спросила она, заикаясь. — За что вы нас так ненавидите? Вы что, не понимаете, насколько ужасно то, что вы собираетесь сделать?

«Чертова телепатка», — понял Винсент. Говорили, что их тоже становилось все больше и больше по мере того, как семя дьявола набирало силу. Но все равно — единицы, так мало, что их даже в расчетах не учитывали. Вот же не повезло.

— Что ты сделала с капсулой? — спросил он, доставая нож. Оставалось десять минут. Еще вполне можно было успеть.

Девчонка вздернула подбородок. Ну конечно, сучка заблокировала пневматику аварийным антитеррористическим кодом. Его можно еще раз ввести и отменить в течение трех минут, как ошибку. Если этого не сделать, код «террор» подтвердится, капсула с максимальным ускорением помчится в изолированный подземный бункер, и там уже с ними обоими будут разбираться спецслужбы.

Нелюди не были слабыми доверчивыми овечками.

Можно ли за три минуты причинить ей достаточно боли и страха, чтобы она разблокировала капсулу?

Оказалось — нельзя.

Винсент вытер руки о футболку — кровь была противная, липкая, как-то по-особому скользила между пальцами. Девка лежала на полу, сипела — голосовые связки он ей осушил ребром ладони, когда капсула уже начала двигаться, все ускоряясь, удаляясь от намеченной цели и превращая высокую жертву Винсента в фарс, в нелепое и очень ресурсоемкое самоубийство.

Глаза у нечеловеческой девки были очень синие, она смотрела прямо на Винсента и плакала, обнимая свой окровавленный живот и зажимая глубокую рану в болевой точке над коленкой.

— Закрой глаза, сука, — сказал он, сглотнув, не в силах больше выносить этой испуганной, обвиняющей синевы. — Закрой, а то выколю.

Но она все смотрела и смотрела, дрожа.

И тогда, сам не отдавая себе в этом отчета, он тоже заплакал — по ней и по себе. И, вопреки всему, во

что его приучили верить, он почему-то очень пожалел, что уже нажал на кнопку.

Сразу после взрыва наступает тишина.

Либо потому, что более громкого звука рядом нет, ударной волне нечего противопоставить.

Либо потому, что у слушающего лопнули барабанные перепонки, он прижимает руки к окровавленным ушам и беззвучно кричит в мир, перевернутый и искореженный тем, что случилось.

Археологи находят стойбища кроманьонцев с ожерельями из зубов неандертальцев и с обглоданными неандертальскими костями в кострищах.

И наоборот.

И кто из них прав?

Можно долго вглядываться в настоящее и прошлое — как в темную, бездонную воду, которая течет, меняется, поднимается волнами, порою грозя захлестнуть и самого наблюдателя. Что мелькает в темных потоках — рыбы или тени, безымянные чудовища или облака песка?

Кто прав — они или мы?

Что делать — покориться потокам истории или, «ополчась на море смут, сразить их противоборством»?

Кто наследует Землю?

АЙВЕН-ДА-МАРЬЯ, ИЛИ С ДНЕМ ПОРАЖЕНИЯ!

 это счастье было трудно поверить. Айвен наконец-то оказался на земле Кур-Ити-Ати. Впрочем, «на земле» — слишком громко сказано. Так, клочок суши. Правда, и «клочок суши» — тоже не самые точные слова для этого случая и такого пункта назначения, известного каждому с детства.

«Битва над Кур-Ити-Ати», «Поражение над Кур-Ити-Ати». Последний и, как говорят, почти безнадежный, а оттого — еще более героический бой землян против оккупантов. В учебниках сражение излагалось очень увлекательно: со схемами, картами и яркими иллюстрациями. Так, что даже девочки, а не только мальчики, проглатывали эти видеоницы, не останавливаясь, на одном дыхании. Кроме того, текст там был такой душевный и произносился с такой болью! Каждый чувствовал, как близка была Победа. Как возможна была Свобода. Но нет, нет, не получилось. Земля проиграла и была оккупирована.

Дальше в учебниках была маленькая поясняющая главка-серия «Поражение и Преображение». Следующий раздел, включающий много параграфов и идущий уже до конца учебника, так и назывался — «Оккупация. Порядок, Мир и Счастье на Земле». И в этих словах тоже была справедливость. Высшая, по-

жалуй, справедливость. Ну, будто поминки после смерти самого близкого и родного человека. ЭТО случилось, ЭТО не изменить. Глупо, бессмысленно спорить, потому что тут действуют силы высшего уровня. А значит, нужно просто смириться и научиться с ЭТИМ жить. Потому что оккупация — оккупацией, но жить-то все равно надо...

Уже по оформлению карантинной комнаты чувствовалось, что ты попал в особое место, недоступное простым смертным, а только тем, кто обслуживает тех, кто общается с богами. Айвен часто думал (но никому, конечно же, не говорил) о том, что об оккупантах, инопланетянах в учебниках, q- и v-книгах рассказывается, словно о богах. Так подробно и убедительно расписывается их мудрость, сила, чувство справедливости. Ну и капризы, конечно. Тут даже отдельный пример приводился: до наступления Эры Поражения люди говорили о «капризной Фортуне» (это у них, наивных, была такая богиня), а после — «ОНИ капризны». Под «ОНИ» подразумевались именно оккупанты. К счастью, капризов у них немного. Но главный из них, «Оккупационный Космический Налог», был все же очень обидным и воспринимался населением тяжело; болезненно. Говорят, даже случались бунты (такие же наивные и бессмысленные, как восстание против смерти). Они подавлялись четко, беспощадно и так быстро, что по-настоящему ни «Порядка», ни «Мира и Счастья» на Земле не нарушали.

Рассказывали об этом шепотом и наедине, так что никто даже и не знал доподлинно — а были ли они вообще, эти бунты? Может быть, их просто выдумывают для самоуспокоения? Мол, да, сам я умный и потому трусоватый, но есть, есть на Земле люди сумасшедшей храбрости, способные на такое. И восхитишься мысленно их героизмом. И почтишь мысленно их светлую память. От этого становится легче на сердце, будто сделал что-то хорошее, нужное, правильное. Оккупация после этого уже не кажется такой оскорбительной, и можно спокойно жить при ней дальше.

Человека, за которым следовало ухаживать Айвену, называли Старик, и это было точным прозвищем. Разве что выглядел его подопечный не совсем человеком. Трудно сказать, отчего, в первую очередь, происходило такое впечатление. То ли от возраста, то ли от множества имплантантов и биозаменителей. Какими бы качественными, дорогими и похожими на настоящие они ни были, им все же было далеко до живой молодой или хотя бы не ветхой плоти — самого дорогого, что есть на Земле. А очень может быть, это впечатление объясняется тем, что Старик, как один из ответственных работников Оккупационного Правительства, слишком часто и напрямую общался с захватчиками-инопланетными и перенял манеры — пластику, мимику — этих почти богов.

Но все-таки Старик понравился Айвену. Чувство достоинства и властность не доходили у того до высокомерия. Напротив, он был внимателен, заботлив. От этого даже появлялось ощущение, что Старик — слуга Айвена почти в той же степени, что и Айвен — его служка. Хотя, конечно, всего лишь «почти» и только «впечатление».

Подумалось, как хорошо, как правильно, что именно такие люди, властные, но мудрые и заботливые, находятся в Оккупационном Правительстве, а не те, что были до них раньше. Говорят, те довели дело до унижительного и страшного «кровавого казуса», а эти не только устранили его, но и решили все другие проблемы, установив сразу же после «Поражения и Преображения» — «Порядок, Мир и Счастье на Земле». Айвен почувствовал, что на сердце потеплело. Показалось, что Старик не просто великий человек (все же человек!), прислуживать которому ему посчастливилось, а его, Айвена, родственник. Пусть не самый близкий, но все же именно родственник. И вдруг так захотелось узнать его настоящее имя. Но нет, это было запрещено. Для безопасности и поддер-

жания Мира на Земле персональные данные членов Оккупационного Правительства засекретили. Айвену не суждено было узнать, кто перед ним: обычный функционер, чиновник, пусть даже самого высокого уровня, но рядовой, «один из» или, может быть, даже сам председатель Правительства.

От главного острова лучами по окружности расходились маленькие островки. От этого сверху весь элитный курортный архипелаг Кур-Ити-Ати (он носил то же имя, что и главный остров) казался проекцией Солнечной системы (звезда плюс планеты) на теплую океаническую гладь. Остров Старика звался Кур-Тики.

Айвену понравилась комната, где жил его предшественник. Ощущение было такое, будто в ней раньше обитал прадедушка или какой-то другой старший родственник. Дедушка умер, а ты теперь живешь здесь вместо него. Для начала Айвен почти ничего не стал менять, только выбросил совсем уж устаревшую технику и вставил везде свои чипы: родные лица, родные пейзажи.

Комната с ментально меняющимся микроклиматом. Старик — добрый и внимательный хозяин. Уютный остров с пальмами. Поблескивающий живой, лазурный океан. Как прекрасна жизнь, как же ему повезло!

Рядом с их островом был другой островок с похожим жилищем, похожим набором пальм, беседок, настилов, спусков к воде. И даже катер почти такой же, только не бело-синий, а бело-розовый. Скорее всего это означало, что его владелица — женщина, но долго не было возможности убедиться, так ли это — из жилища никто не выходил. Правда, когда темнело, огонек в окнах загорался. Айвен невольно начал фантазировать, кто там живет. Должно быть, женщина. И при ней — еще одна женщина. Или девушка...

Да, он не ошибся. Именно девушка. На третий день

она вышла из жилища. Быстро подбежала к океану, спустилась на несколько ступенек и набрала воды в ладошку. А потом утерла лицо этой водой (соленой!). Айвену, жившему на большой земле у реки, это показалось странным. Живя в таком замечательном жилище с таким набором регулируемых функций, выбежать на секунду на воздух, для того чтобы умыться соленой океанической водой... Чудно. Он бы не стал так делать.

На четвертый день девушка не вышла, а на пятый показалась. И на шестой тоже. А на седьмой уже не просто выскочила на настил, но и, сбросив халат, звонко нырнула в воду, а потом поплыла вдаль от острова — быстро, но красиво. Не с мужской хищной силой, а с женской плавной ловкостью.

Айвен подумал, что он должен бы начать волноваться о ней — уж больно далеко заплывала девушка. Но нет, волноваться не получалось. Трудно было представить, что с этой дельфиншей что-то случится. И точно, вот уже ее голова и руки над водой превратились в маленькую точку... Но сразу же вслед за этим точка опять начала разрастаться — и уже снова можно было различить голову, руки... А еще через минуту, одну или несколько (с таким зрелищем о времени забываешь) она выскочила на настил, набросила халат и скрылась в доме.

Айвен решил, что это было, пожалуй, лучшее зрелище, лучшее развлечение за все время, что он пробыл здесь, на Кур-Ити-Ати.

После этого девушка выходила часто (бывало, что и по три раза в день) и купалась, заплывая далеко от берега. Острота, свежесть первого впечатления стерлись, но все равно смотреть на нее и за ней было приятно. Намного проще и интереснее, чем за Стариком.

А вот хозяйка девушки по-прежнему не показывалась. Наверно, все еще отходила от болезни. Жалко ее, ведь скоро должен был начаться большой, светлый и радостный праздник, День Поражения и Пре-

ображения. Все островки курортного архипелага заботливо к нему приукрашивались, причем не только объемными инсталляциями, но и живыми цветами, праздничными лентами и ленточками. От ветра с океана, то легкого, а то и посильнее, все это (ну то есть все, кроме голограммпроекций) качалось, шуршало и позвякивало, создавая удивительное праздничное настроение. И музыка, не тихая, не громкая, а именно такая, чтобы не мешала, входила в душу.

Но соседка Старика все не выходила.

* * *

Дня за три-четыре до Дня Поражения Старик попросил Айвена сходить (или сплавать, как ему удобнее) на остров соседки, узнать, как у нее дела. Это было очень странно и неправильно. Понятно, что идти тут недалеко — по лучевой дорожке на главный остров архипелага, а оттуда по такой же дорожке — на остров соседки. А уж на катере, переведя его в тихходный режим, — вообще минутное дело. Но ведь связаться по Сети — еще быстрее. Точно так же можно все узнать, все выпросить, да еще и иметь изображение плюс голос, почти живой. А Старик послал его с личным визитом, как делали, наверно, тысячелетия назад.

Но, с другой стороны, если задуматься, то это было в духе Кур-Ити-Ати, на котором, в отличие от остальной Земли, вообще было много настоящих вещей и настоящего живого общения, а не проекций. Здесь, конечно, не отказывались от техники, но, кажется, поставили цель уменьшить ее присутствие, давление. Вернуть в существование человека что-то древнее, природное. Продукты здесь тоже были настоящие, с сильным, насыщенным вкусом, к которому поначалу трудно привыкнуть, но зато, когда уж привыкнешь, отвыкать не хочется.

Ну и слежение... На большой земле поговаривали, что слежение идет везде, за всем и за всеми. Это было правильно, поскольку все знают, какими хрупкими были раньше на планете Мир и Порядок. И только сейчас, когда Земля объединилась под мудрым руководством Оккупационного Правительства, удалось избавиться от тысячелетних войн, от глупого нерасчетливого расходования ресурсов. Ну, разве можно рисковать такими достижениями? И ребенок ответит, что нельзя...

Это все, что успел надумать и передумать Айвен, дойдя до соседского домика. Он попробовал открыть дверь — та была заперта. Айвен постоял, подождал, но ничего не происходило. Хотя, наверно, обитателям дома уже давно должен был поступить сигнал, что у дверей кто-то ждет. А может быть, его просто не хотят впускать?

Айвен развернулся и пошел по дорожке обратно, но уже после десятка шагов остановился. Неудобно получается. Старик попросил его пойти, узнать, а он, здарсьте, вот уже и обратно — с пустыми руками. Пришлось снова развернуться и идти обратно к двери. Айвен опять постоял у входа. Но почему же ему не открывают? Или хотя бы не спросят: «Кто там? Зачем?».

И вдруг он догадался: тут, пожалуй, нет гостевых датчиков, сенсорного оповещения. Что ж тогда делать? Постучать, что ли?

Айвен сложил пальцы правой руки угловатыми костяшками вперед и постучал в дверь, сначала тихо, потом погромче. Открыла девушка, которую он уже хорошо знал издалека. Лицо у нее было встревоженное, но не внезапно-встревоженное, а привычно, устало обеспокоенное.

Айвен так часто и много представлял, как будет с ней знакомиться, что имел большой и надежный запас слов. Но тут все они из головы вылетели.

— Я... Там вот... Тут рядом. Я — Айвен, ухаживаю за Стариком. Он просил узнать, что с... — тут Айвен понял, что не знает, как назвать хозяйку дома, и Старик, посылая его с заданием, как-то обошелся без имени.

— С Хозяйкой? — сказала девушка и посмотрела в глубь жилища. — С Хозяйкой все хорошо.

Она вышла наружу и плотно прикрыла дверь. Сделала глубокий выдох, а потом такой же глубокий вдох, будто на все сто процентов хотела поменять воздух внутри себя.

— С Хозяйкой не все хорошо. Она уходит. Говорят, скоро. То есть еще поживет. Но уже скоро... — Девушка запнулась, подавляя слезы. — Скажи своему Старику, чтобы пришел, и побыстрее. Моя хочет с ним поговорить. Очень хочет. И это ее еще больше мучает. Понял?

— Понял.

— Я — Марья. А ты — Айвен?

— Да.

— Ну, слава богу. Поговорить есть с кем. А то совсем живые слова забуду. С Хозяйкой теперь не больно наболтаешься. И плавать скучно, выть хочется. Вечером, к ночи, выходи к океану. У меня минут двадцать будет. Всё, беги к своему. — Она по-звериному быстро нырнула в жилище и закрыла дверь.

* * *

Айвен рассказал Старику, как все было. Сначала просто коротко рассказал, но Старик этим не удовлетворился и вытащил из него все подробности, чуть ли не каждый жест, звук, интонацию. А узнав все, помрачнел. Айвен как-то почувствовал, что его Старик не пойдет к Хозяйке Марьи. Непонятно, почему, но не пойдет. Сам будет мучиться и ее мучить, но не пойдет. Однако на словах, во время вечернего купания, велел передать, что «да-да, вероятно, на днях».

Услыхав эти слова, Марья крикнула «Трус!» и в бешенстве ударила обеими ладонями по воде. Чувствовалось, что с большим удовольствием влепила бы Айвену, а еще лучше — Старику (хотя это и совсем уж противозаконно). Айвен опешил от такой реакции.

★ Неконтролируемая агрессия. Да еще говорить такое. И о ком — о хозяевах!

Пока он приходил в себя, Марья уже уплыла, далеко-далеко. И быстро, как она умела. Айвен поплыл вслед за ней, но не с лайнерской скоростью, а как любил — с речной, пресноводной основательностью. Пока совсем не перестал плыть, а просто лег на спину и стал смотреть на звезды. Сначала просто так, а потом, думая, у какой из них могут жить инопланетяне, оккупанты, боги, гаранты Порядка, Мира и Счастья на Земле.

Вдруг кто-то укусил его за бок. Сразу обожгла мысль: «Акула! Акула прорвалась через инфразвуковую ограду!» Но нет — это была Марья. Долгий заплыв помог ей выплеснуть злость и обиду. А долгое одиночество, боль ухаживания за умирающим близким человеком требовали уравнивания. Какой-то радости, чего-то светлого. Ей захотелось поиграть, не по-женски, не по-девичьи, а детски, безгрешно, по-щенячьи.

Они гонялись друг за другом, притапливали, взбирались по очереди на плечи и ныряли. Высокие звезды, темная даль океана, теплые огоньки Кур-Ити-Ати. И они двое — в центре этого мира, всего мироздания. Так легко было потерять счет времени. И так трудно было возвращаться домой, к своим Старику и Хозяйке.

— Ты все же напомни своему. Хорошо? — сказала Марья на прощанье.

И Айвен понял, что не сможет ей отказать.

* * *

Конечно, Старик его напоминанию не обрадовался. Просто кивнул, несколько высокомерно, что вообще-то ему не свойственно. И всё. Забыли. Понятно было, что он никуда не пойдет.

А до Дня Поражения и Преображения оставалось лишь несколько дней. Украшений — лент, цветов, ко-

локольчиков — становилось все больше, а голограмм-проекции были уже на каждом шагу. Они показывали этапы установления Порядка, Мира и Счастья на Земле, а также то, как отличается это от прежнего непрерывного кровопролития — войн, мятежей и бунтов.

Самыми интересными были проекции сверху — они изображали реконструированную Битву над Кур-Ити-Ати. Так достоверно, что казалось, будто очутился в самом ее центре. Вот «контратака Флиндрина», вот «удар Тхрч133», а левее — знаменитый «таран О7»... И музыку сделали погромче. То ли намекая на приближение праздника, то ли для того, чтобы заглушить звуки битвы, подаваемые слегка приглушенно.

Только сейчас Айвен ясно осознал то, что раньше всегда чувствовал лишь затаенно, подсознательно. Он читал много святых книг человечества. И, пожалуй что, во всех них люди воевали с Богом или с богами. Почти всегда проигрывали. Иногда получали жестокое возмездие за дерзость, но все же чаще — награду, воздаяние за смелость и стойкость. Так ведь и Битва над Кур-Ити-Ати — то же самое. Человечество проиграло, Земля оккупирована. Но в награду за храбрость истинных воинов люди получили достойную жизнь на всей планете (какой не было никогда ранее) под управлением мудрого Оккупационного правительства, за которым стоят могучие инопланетяне, почти боги. Если бы еще не «Оккупационный Космический Налог». Если бы не «кровавый казус», пусть и устраненный, но так глубоко врезавшийся в память землян...

Налог сейчас составлял три десятитысячных процента населения Земли. Да, он выплачивался людьми. Каждый год в День Поражения, праздновавшийся по традиции ночью, оккупанты забирали предназначенный им Налог. Эти люди исчезали навсегда, и никто не знал, что с ними происходит.

А «кровавый казус» был в давние времена, в прежние лихие годы. Говорят, «Оккупационный Космиче-

ский Налог» тогда был и больше, и страшнее. Он составлял 0,000031415926535 ... %. То есть в пересчете на людей круглого числа не получалось. А то, что оставалось после запятой, приходилось отдавать частями тела живого человека, на которого выпадал жребий. Так было долгие годы после Поражения, пока хитроумное обновленное Оккупационное Правительство не сумело выторговать у захватчиков более выгодные условия. После этого на Земле стало вообще почти идеально.

«Дурачина, о чем я думаю! — обругал себя Айвен. — Ведь совсем скоро я увижу Марью!»

Вот только как она отреагирует на реакцию Старика на просьбу ее Хозяйки...

* * *

В этот раз Марья уже не злилась, как раньше. Похоже, именно такого ответа она и ждала. Только прошептала едва слышно, на одном духе без пауз: «Как же она не может больше молчать ей надо рассказать кому-то...»

Они снова плавали, гонялись друг за другом, бесились. Однако в этот вечер в их играх было уже не только детское, но и примешивалось что-то новое. Как бы это сказать: не совсем взрослое, но, пожалуй, нечто подростковое, робко-чувственное. Однажды Айвен даже чуть не поцеловал Марью. Но она, перед тем оцепенев на мгновение, выскользнула, вздохнула поглубже и нырнула далеко-далеко. А когда вынырнула, ущипнув по дороге за голень, — сказала «До завтра!» и поплыла.

Айвен долго не мог заснуть. Он думал, что там, на большой земле, у своей реки, он еще никогда так не влюблялся. Пробовал подшучивать над собой, высмеивать себя. Мол, хороша любовь, когда нет выбора: одна Марья и никого вокруг. Но посмеяться не получалось.

Похоже, это всерьез.

Завтра такой Праздник. А тут — влюбился. Глупо и странно. Столько важной работы: украшать жилище, настраивать голограммы, развешивать ленты. Но трудно делать хоть что-то. Тянет к той стороне дома, откуда виден островок Хозяйки и Марьи. И она почему-то все не выходит. Но каждая секунда, проведенная не в смотреии на их домик, кажется бессмысленной. Правда, и каждая секунда, проведенная в смотреии, тоже бессмысленна. Потому что она не выходит!

К обеду Айвен начал волноваться — может, что-то случилось? И не с Хозяйкой, а с Марьей. Да нет, нет. Ну что может с ней случиться?.. Здесь! На Кур-Ити-Ати! Смешно. Но посмеяться опять не получалось.

Да еще Старик после обеда как взбесился, будто муха (которых здесь не водится) его укусила. Стал нервным, ругается. Ни «спасибо», ни «пожалуйста». Странно, таким Айвен его еще не видел.

Снова стоял недвижно, смотрел на домик напротив...

И вдруг разом, вмиг, успокоился. Марья же сама говорила, что «Хозяйка уходит». Видно, старушке совсем плохо, вот служанка и смотрит за ней так, что даже на минутку выскочить некогда. Ведь такое уже было в первые дни, когда Айвен только приехал сюда. Да, он совсем успокоился. Даже на свою «смотровую площадку» бегать перестал. Ну, почти. А тут еще Старик велел составить особо сложную, главную голограмм-инсталляцию.

Айвен так увлекся, что и не заметил, как к нему подошли. Он поднял глаза, только когда его окликнули. Двое незнакомцев, совсем не похожих ни на обслугу Кур-Ити-Ати, ни на старичков архипелага.

— Айвен, — твердо сказал один из них, — нам нужно поговорить.

А второй мягко прикоснулся к его голове, и Айвен потерял сознание.

Когда Айвен очнулся, перед ним были те же два человека, а еще стол, стул и лампа, свет от которой бил в глаза. Он попросил опустить абажур лампы. Один из двоих тут же откликнулся на его просьбу и протянул руку к лампе, но второй резким, злым движением перехватил руку и не позволил этого сделать. «Нелогичное поведение, несогласованность», — подумалось Айвену. Но дальше времени думать не было — его засыпали вопросами, а он отвечал на них. Быстро, без остановок, не думая.

Удивительное дело: когда Айвен пытался сделать паузу, задуматься над ответом, ему становилось больно. Он не мог сказать, откуда взялась эта боль, ведь к нему ничего не подключали. Однако боль была. Сначала она забиралась под черепушку, а если пауза затягивалась, то быстро расходилась по всему телу. И тогда уже каждая мышца, клетка, каждая капля крови требовала: «Говори. Говори! Говори правду!!!» Конечно, он отвечал, но вопросов меньше не становилось. Они продолжались и продолжались.

И вдруг в какой-то момент Айвен почувствовал, что с ним произошло что-то непонятное. Вся эта ситуация начала им восприниматься подобием какой-то спортивной игры. Ему бросают с двух сторон мячи, а он должен их отражать. И если сначала для того, чтобы отбивать эти мысленные мячи-вопросы, ему нужно было задумываться, то теперь, после какого-то переломного момента, он делал это — и очень ловко — автоматически. А голова освобождалась, и можно было думать о чем-то еще.

Интересно было смотреть на эту ситуацию со стороны. Айвен заметил, что человек, с самого начала проявивший себя злым, и сейчас задает вопросы недобро, резко. И ему нравится, когда Айвен отвечает несколько робко, как бы испуганно. Другой же спрашивал мягким, душевным, вкрадчивым голосом. А здесь Айвен чувствовал, что удовольствие спраши-

вающего вызывают простые, спокойные ответы, когда он смотрит зрачки в зрачки широко открытыми, «честными» глазами.

Поскольку Айвен начал отвечать именно то и именно так, как хотели эти двое, то он уже не испытывал боли. «Интересно, а может, прежняя боль, появлявшаяся, как показалось, во время задержки с ответом, была случайной?» Айвен намеренно задержался с ответом, изобразив размышление, и боль тут же вернулась — та же и в прежнем порядке. Ага, значит, он не ошибся со своим анализом и своими выводами. Эта неожиданно обнаружившаяся игра становилась еще более интересной.

И еще он уловил, что когда слишком долго отвечает безошибочно и без пауз, то вопрошающие тоже недовольны. Значит, периодически нужно ошибаться. И как только Айвен принял это решение, оно стало частью его «автоматических ответов». А он тем временем начал размышлять над другим: какие вопросы ему задают, можно ли их систематизировать? И, надо же, как только Айвен поставил перед собой такое задание, все вопросы, уже заданные и сейчас задаваемые, представились в его воображение большим массивом, который дробится на несколько групп.

Первая группа вопросов — разные вариации одного, главного: «Что он сделал с Марьей?»

Вторая: «О чем его просила Марья?»

Третья: «Что он знает о контактах, общении Марьи с кем-то, кроме Хозяйки?»

Четвертая: «Есть/было/будет ли у него самого общение с кем-то, кроме Старика и Марьи?»

Пятая: «Что он знает о Великом Поражении над Кур-Ити-Ати?»

Тут Айвен неожиданно стопорнулся, потому что классифицировать дальше было труднее. Вопросы были более разнообразными и как будто сопротивлялись, ускользали от классификации. Но Айвену все же удалось сбить их в стайку.

Старик! Эти вопросы так или иначе касались Ста-

рика, хотя сам он в них часто и не назывался. Но обязательно подразумевался.

А седьмую группу составляли вопросы неклассифицируемые, то есть самые-самые разнообразные. Они были как вода, в которой стайками плавали остальные шесть групп вопросов.

Дальше Айвен готов был понять еще что-то важное, но тут второй, тот, что «добрый», опять мягко прикоснулся к его голове, и Айвен вновь потерял сознание.

— Ну, что, — сказал первый, «злой», — можно прекращать, наверное. Вопрос-массив загружен полностью. Распределение ответов — в рамках нормы. Не думаю, что нужен дополнительный. Или все же сделать коррекцию? А?

— Вряд ли. Линия ответов четкая, прекрасно выраженная.

— Да-да. Поначалу даже слишком идеально. Признаться, у меня сначала закралось подозрение. Но ненадолго. Вроде как обычное статистическое отклонение.

— И я сначала заволновался, но потом, когда пошли прогнозируемые отклонения... Нет-нет, все в порядке.

— Так что, выныриваем этого болванчика и отправляем Старику?

Оба замолчали. Пауза затянулась.

— Да, по всем инструкциям так и нужно... — опять заговорил второй. — Выводить и отправлять к месту службы. Но что-то меня дергает. Будто что-то не так.

— Та же ерунда, — согласился первый. — Скажу больше. Такое впечатление, что он и сейчас нас слышит. — Очевидно, последнее предположение обоим показалось таким невероятным, что они рассмеялись.

Айвен же вдруг (снова «вдруг») осознал, что действительно слышит их. И это было странно. Ведь он терял сознание, когда рука второго коснулась его лба. Но если настоящую потерю сознания можно срав-

нить с глубоким сном, в который проваливаешься, как в яму, то тут сон был легкий, поверхностный. И спишь, и не спишь, периодически слышишь, как домашние шумят за стенкой.

— Нет, ну слышать нас он, конечно, не может, — сказал второй. — Но такое впечатление, что в этом парне что-то есть.

— Согласен. Не гений, но мог бы работать у нас. Пограничный уровень способностей. По инструкции можно оставить как есть. Можно попробовать взять к нам в Службу Порядка. Можно, если начать приди-раться...

— Причем сильно приди-раться...

— Да, сильно... Тогда можно взять в глубокую обработку. Но если мы не ошиблись с «пограничным уровнем способностей», то это разрушение сознания. Да?

— Пожалуй, да. У него же откуда-то высокая критичность. А с ней перегруза не выдержать. Так как решим? Что делаем?

Айвен не совсем понимал, что стоит за словами этих двоих. Что за «пограничный уровень способностей»? Но даже его понимания «болванчика» было достаточно, чтобы взять в толк, что означает «разрушение сознания». Ему ужасно этого не хотелось. И в Службу тоже не хотелось. Почему-то за этим словом чудилось нечто не совсем чистое. Пожалуй, даже гаденское.

«Оставить, как есть. Оставить, как есть. Оставить, как есть...» — мысленно повторял про себя Айвен.

— Оставим, как есть, — сказал первый.

Услышав дословное повторение своей мысли, желания, Айвен вздрогнул от неожиданности. И тут же испугался за себя — скверное поведение для находящегося в обмороке. Но оказалось, что ничего страшного. Сегодня — все по делу. Все на пользу.

— О! Пошли первые единичные судороги. Что-то мы тормозим. Давай быстренько формулировать решение-обоснование-версию.

— Да. Итак... Возвращаем этого Старику?

— Так... Будем накладывать какие-то ограничения на память и сознание?

— Не стоит. Только Старика злить. Ведь все эти обезьянки из obsługi — их дальние родственники.

— Согласен. По поводу Марьи в Олл-Инфе ничего нового?

— Так, смотрю... В трех километрах отсюда белковая аномалия. Там у нее была кровопотеря. Прогнозная версия с вероятностью восемьдесят семь процентов: смертельный исход, обусловленный нападением морских хищников.

— Ясно. Доплавалась Марья. Ну вот скажи, что за... Есть же инструкция — не выплывать за двухкилометровую зону. Откуда она здесь взялась такая?

— Хозяйка просила взять в служанки именно ее. Учитывая, что у Хозяйки других родственников не осталось, Служба Порядка пошла навстречу.

— Несмотря на такой уровень нонконформизма?

— Да.

— Тогда ясно... А этому, — Айвэн почувствовал, что его плеча коснулась рука, — говорим, что эта Марья утонула?

— Да.

— Тогда нужна программа нивелирования чувства вины.

— Конечно. Но не до нуля. Пусть немного останется — будет лучше работать, старательней ухаживать за своим Стариком.

— А что с Хозяйкой? Переводим ее обслуживание на машинерию?

— Да. Вот бы кого вызвать в Службу Порядка на допрос. Что-то у нее расход служек невероятный: трое за пять лет. По статистике такое бывало?

— Смотрел. Только в первые годы Кур-Ити-Ати. В последнее время — нет.

— Да. И тут аномалия...

— Но с Хозяйкой нам никак нельзя поработать?

— Никак. Список «бессмертных». И Старики там же.

— Да какие они, к черту, «бессмертные», всего лишь «неприкасаемые»...

— Ну и ладно. Включай, что ли, нашего талантливового болванчика...

* * *

Айвен вернулся в дом к Старику и продолжил подготовку к Дню Поражения. Все было почти как раньше. Но на самом деле — совсем иначе. Очень изменился Старик. Ни добрый, ни злой, а совсем равнодушный. Айвен поставил его кресло так, чтобы тот видел домик Хозяйки. Старик сидел, глядя туда неотрывно. Айвен, оторвавшись от работы, встал на минутку у него за спиной и...

И не смог долго смотреть на тот дом. Вспомнилась Марья. Тяжело и больно. Захотелось плакать, выть, рвать что-то или кого-то на куски. Он развернулся и ушел, только чтобы не видеть этот дом и не вспоминать ни о чем. Но было трудно забыть не только о Марье, но и о том, что он услышал от «добрého» и «злого».

Они сказали ему, что Марья утонула, потому что слишком далеко и рискованно заплывала. А он, в общем-то, ни в чем не виноват. Хотя... если бы Айвен был чуть более внимателен и решителен, если бы предостерег ее от рискованных заплывов, то, может быть, все было бы иначе. Хотя, в общем-то, Айвен все равно ни в чем не виноват.

Но ведь это полностью соответствовало тому, что ему чудилось в дрёме-полусне! «Тогда нужна программа нивелирования чувства вины». — «Конечно. Но не до нуля. Пусть немного останется — будет лучше работать». Значит, он и вправду слышал их. Да не просто слышал. Похоже, он мог воздействовать на этих могущественных людей, когда мысленно просил: «Оставить, как есть».

От ощущения этой силы, не вполне понимаемой, плохо осознаваемой и почти не управляемой, растерянность Айвена только усиливалась. Да еще Марья... И Старик с грустными собачьими глазами, глядящий в одну сторону... И эта безумная, идиотская подготовка к светлому празднику Дня Поражения и Преображения. Хоть бы уже скорее он настал.

И только сейчас Айвен понял, что он перестал слышать музыку, которая по-прежнему была разлита в предпраздничном воздухе курорта. Нет, музыка играла по-прежнему, вот только он ее не слышал. Или слышал по своему желанию. Тише, громче — как хотел. А можно, например, вместо этой опостылевшей праздничной музыки слушать плеск воды между катером и причалом — громко-громко. Да, так лучше.

Интересно, а что еще он может?..

* * *

Праздник настал.

Сразу после полуночи начались салюты. Не голограммные — настоящие: живые, горячие, огненные. Айвен никогда такого не видел. Очень красиво. От этого зрелища даже сердце болеть стало меньше.

Потом пошли инсталляции. Парады, демонстрации и взаимные поздравления со всей Земли. Всех — всем. И от каждого — каждому. Потом, к часу ночи — поздравления от мудрого Оккупационного Правительства, передающего заодно и волю всеобщих хозяев. Земля замерла в торжественной, праздничной, покорной тишине.

А после этого настала пора платить Оккупационный Космический Налог. По всей планете люди, вошедшие в сумму Налога, свозились к крупнейшим космодромам. Там загружались в ракеты. Взлетали и... исчезали неведомо куда. Навсегда.

Это было так больно, так страшно, так унижительно — платить дань живыми людьми, своими соотечественниками. Отдавать их неизвестно куда и неизвестно зачем. Но в то же время было в этом какое-то величие неизвестности и рыцарской покорности суверену. Не говоря уже о том, что мудрому новому Оккупационному Правительству, в отличие от глупого прежнего, удалось отменить «кровавый казус»...

И вот они взлетели. Их ракеты исчезли. Навсегда.

После этого, как положено, объявили минуту памяти по ушедшим. Всем ушедшим — и в войне с захватчиками вообще, и в легендарной Битве над Кур-Ити-Ати. И покинувшим нас сейчас, улетевшим в неизвестность...

А после минутной горечи (под музыку, выворачивающую душу наизнанку) — вновь веселье. Самое бурное, совершенно сумасшедшее.

Показалось, что даже Старик забыл про свою Хозяйку и поддался смешному безумию. Он начал прыгать, махать руками, ну, вроде как танцует. Айвен даже улыбнулся. Но потом вдруг понял, что ненароком отключил для себя голос Старика. И все это время просто не слышал его. Вот тот и взбесился.

Улыбка быстро сошла с лица Айвена, когда он в бедламе, шуме, «включил» Старика и услышал, что тот кричит:

— Идиот! Болван! Пошли! Срочно!

— Куда?

— В тот дом. К Хозяйке!

К Хозяйке? Значит, Старик все же прислушался к ее просьбе? Ну да, прислушался и решил в светлый праздник Дня Поражения навестить ее.

Все объяснялось легко и просто. Но в глубине души Айвен понимал — что-то не так. Слишком уж нервным, даже истерическим голосом говорил-кричал Старик.

Что-то случилось с Хозяйкой. И, зная состояние ее здоровья, нетрудно было предположить, что.

* * *

Вопреки ожиданиям Хозяйка была жива и выглядела очень хорошо. Ну, то есть, как хорошо... Можно сказать, не хуже Старика. Разве что с большим ограничением в движениях. Поскольку раньше Айвен никогда ее не видел, то смотрел с интересом. И с не меньшим интересом — на странного вида машинерию в углу. Если он не ошибался, то это была та самая Машина Жизни, о которой так много (но шепотом) говорили на большой земле.

— Пришел. Прибежал... — сказала Хозяйка неприветливо. — А когда я просто просила, все прятался.

— Я не мог... Не мог, и всё. Но какая разница? Ты же знаешь, как я тебя... Как я к тебе... Ты же моя... Ты же знаешь.

— Знаю. Но все равно — ты трус. Хотя и я не лучше.

— Перестань. Не надо. Перестань. Что ты задумала? Ты вправду хочешь все разрушить?

— Не разрушить. Восстановить! Я устала быть хлопкой среди рабов. И пусть хотя бы перед смертью...

— Какой смертью? Живи! В исследованиях по спецзаказу в связи с тобой — огромный прогресс. Понимаешь, еще чуть-чуть — и ты выздоровеешь...

— «Выздоровеешь»... Я не хочу. Устала. Зачем мне моя дряхлая и подлая жизнь, если я даже не смогла защитить эту девочку.

— Марью?

— Да.

— Постой. Сюда приезжали двое из Службы Порядка. Сказали, что они ни при чем. И тело не нашли.

— Такой старый и такой дурной.

— Раньше ты говорила «наивный».

— Это до пятисот лет наивный, а потом — дурной. Это я. Я! Я хотела, чтобы она выбралась отсюда. Поэтому я не верю в «восемьдесят семь процентов вероятности», что ее сожрали какие-то твари.

— Ты?!

Айвен никогда не видел Старика таким удивленным.

— Ты дала добро на побег из Кур-Ити-Ати?! Но зачем? Ты сошла с ума! И после этого ты еще что-то говоришь о какой-то «защите этой девочки»?

— Я устала жить среди стада холопов, которое вы тут вырастили. Я устала быть рядом с вами во время этого идиотского празднования Дня Поражения, которое вы придумали... Я хочу вернуть людям Победу. Память о ней, правду о ней, гордость за нее.

— Ну вернешь, и что? Ты добьешься только того, что опять начнутся войны.

— Замолчи!!! — проорала Хозяйка в лицо Старiku. И только тут, похоже, она вспомнила, что в комнате есть еще Айвен. — Прекрасный юноша, будьте любезны, выйдите отсюда вон.

Айвен посмотрел на Старика. Тот кивнул, подтверждая приказ. Айвен пошел к выходу и, хотя пути тут было несколько шагов, старуха еще успела произнести:

— И дверь, пожалуйста, закройте поплотнее!

Как Айвен ни напрягался, он не мог услышать, что происходит там, внутри. Убедившись, что уловить хоть звук из домика не удастся, он позволил себе слышать, что творится вокруг — включил звук радостного праздника Дня Поражения и Преображения.

Подумал некстати, как он раньше радовался в этот день, как веселился. А сейчас, в центре мира, под великим небом Кур-Ити-Ати, сидит одинокий, растерянный, с болящим сердцем...

Айвен не то чтобы заснул, но впал в какой-то транс, из которого его в какой-то момент что-то вытолкнуло. И появилась непонятно откуда взявшаяся уверенность, что он должен войти в домик.

Айвен подошел к двери, прикоснулся к ее ручке, в этот миг напомнившей ему изгиб руки Марьи, и... Но нет, войти сразу не решился. Все же Старик, все же Хозяйка.

Айвен постучал. Никто не ответил. Постучал еще раз. Опять не ответили. Вместе с третьим стуком он широко распахнул дверь и вошел.

Старик и Хозяйка лежали рядом, плечо к плечу. С закрытыми глазами. На лицах — умиротворение. И это выглядело как-то очень естественно, единственно правильно, как две створки одной раковины.

Он подошел к ним поближе, потрогал лоб. У него. У нее. Оба были холодны. «Странно. Они так ругались при жизни. А когда помирились, тут же решили вместе уйти из нее...»

Зачем-то, для проверки, что ли, Айвен потрогал собственный лоб. Тот был теплым, пожалуй, даже горячим. И зря. Сейчас как раз надо бы быть поспокойней, хладнокровней.

Еще день назад их было четверо. Потом исчезла Марья. Теперь умерли Старик и Хозяйка. Остался он. Один.

И он должен что-то делать.

Или сделать.

Айвен не понимал, откуда внутренне ощущаемое требование активности. Но, задумавшись, понял, что это неизбежно. Его и раньше подозревали незнанием в чем. А уж теперь точно просто так не отпустят. И возьмут, как там это было у них... Возьмут в глубокую обработку с разрушением его критического сознания. Стало страшно. Захотелось спрятаться где-то, отсидеться, а лучше — отлежаться. Каждая секунда промедления грозила потерей всего.

Значит, нужно что-то делать. Но Айвен не понимал, что. Прежняя учеба, работа, не говоря уж о времени, проведенном на Кур-Ити-Ати, приучили его к исполнению мудрых наставлений, а лучше — приказов. Айвен посмотрел на Старика, но тот был неподвижен и ничего подсказать не мог. Значит, нужно думать самому. Но как же это трудно. Особенно когда нет внешнего раздражителя.

Что его может ждать? Общение с теми двумя. А может, и многими такими, как та парочка. И общение в

других условиях, куда худших, возможно смертельных. Как этого избежать? Убежать? Скрыться? У Марьи не получилось.

Тогда нужно показать, что он не виноват. Для этого нужно осмотреться тут. Может, есть что-то, доказывающее его невиновность.

Вот в руке у Старика пишущая ручка. (Да-да! Тут, на Кур-Ити-Ати, они еще попадались). А между Стариком и Хозяйкой лежит сложенная буквой «V» картонка. И на ней — что-то, написанное этой ручкой, которую тут, на курорте, используют, чтобы делать пометки, оставлять записки на картонных карточках (вместо уни-экрана, как на большой земле).

Айвен достал картонку, аккуратно, чтобы и тела умерших не сильно побеспокоить, и не просыпать еще что-то в нее заложенное. На картонке было написано «Лю», «И я». А внизу две смешные рожицы и две странные закорючки. Что это? «Лю» — «Люблю»? И все это с улыбкой — перед смертью. Айвен посмотрел на умерших с уважением и вспомнил Марью.

Больше на картонке ничего не было. Айвен положил ее на пол, достав перед тем содержимое. Это была бумага. Но какая-то непривычная, неправильная — не туалетная. Слишком жесткая и с чересчур контрастным изображением — текстом, иллюстрациями. Как ее пускать в дело — глупая, бесполезная целлюлоза. Но если она лежала между двумя умершими, людьми такого уровня, то, значит, имела какой-то смысл.

Айвен начал рассматривать ее и застыл от изумления. Было от чего. На первом же листе сверху слева стоял пропечатанный заголовок «Победа над Кур-Ити-Ати». Впрочем, слово «Победа» было зачеркнуто, а над ним, ручкой же, было написано «Поражение». Получалось: «Поражение над Кур-Ити-Ати».

Айвен бегло посмотрел все листы и узнал всё, что там было. Текст, иллюстрации — так знакомо по учебнику истории. Только в учебнике — все на

экране, в движении, а тут — на бумаге, застывшее и исчерканное. Но как это может быть: не «Победа над Кур-Ити-Ати», а «Поражение»? Чья-то шутка? Если да, то очень странная! Кошунственная, подпадающая чуть ли не под все главки старинных законов. И спросить не у кого... Айвен растерянно огляделся вокруг.

И увидел Машину Жизни. «А что, если?..» Он сам вздрогнул от своей мысли — вот уж действительно кошунство! Потом плюнул (на пол, по-настоящему!) и начал подтаскивать, благо, на колесиках, то есть получалось — подвозить Машину к кровати. Но как ее подключать? Вряд ли так уж трудно. Там, скорее, начинка сложная, а внешне — просто, чтобы прислуга могла обслуживать. Но к кому подключать? Наверное, лучше к Хозяйке, ведь машина настраивалась на нее (но подсознательно Айвен понимал, что ему просто жалко дергать тело и душу Старика).

Он присоединил липучки к телу, как было показано на схемах, изображенных на боках Машины. И включил ее. По телу Хозяйки прошла судорога, но и всё... Понятно, она за точкой невозврата, изношенность организма большая. «Прости, Старик, придется все же и тебя потревожить, возвращая в этот мир».

Переподключая липучки, Айвен обратил внимание, что тело Старика не так окоченело, а значит, надежды больше. Включил...

Прошла судорога. Потом — легкий выдох. И вдох... Точнее, вдохи, мелкие, задыхающиеся.

— Что? — Старик с трудом открыл глаза, спросил едва слышно. — Что ты делаешь?

— Я? Оживляю вас.

— Зачем? Это же ненадолго. И... мне больно! Перестань.

— Сейчас перестану. Только ответьте на вопросы, — Айвен почувствовал, что в его голосе появились интонации «злого» из тех двух, что его расспрашивали. — Что это?

— Где?

— Вот! — Айвен потряс стопкой листов.

— Учебник. Отпусти...

— Я вижу, что учебник. Почему в таком виде, исчерканный? Что это?

— Она писала, — Старик обозначил глазами движение в сторону Хозяйки.

— И что?

— Совет ЗемШтаба не утвердил.

— Почему?

— Я предложил другое решение.

— Какое?

— Лучшее.

— А кто тут черкал?

— Я. Я редактировал. Там же наши подписи.

Подписи? Айвен привык, что кодификанты могут быть только в электронном виде. Он всмотрелся в бумаги и только сейчас обратил внимание: да, правда, закорючки, имеющиеся на каждой странице, совпадают по рисунку с теми, что стояли на картонке под «Лю», «И я».

— А что? Что было? Что было на самом деле? Победа или поражение — над Кур-Ити-Ати?

— Какая разница? Победа или поражение... Это так сложно...

— Нет! Это просто! Победа или поражение? Кто победил в той Битве — мы или они?

— Мы. Мы победили.

Айвен закрыл глаза. Под черепом бились слова из учебника, известные каждому: «Как близка была Победа. Как возможна была Свобода. Но, увы, не получилось».

— Но зачем? Какого черта, если мы победили, вы это все написали??? Зачем нам врут? Врали, — вы врали! — столько лет?

— Если бы история была такой, как написала она, то мы бы опять проиграли.

— Как можно было бы проиграть, если оккупанты разбиты?

— Так, как было до того. Мы — сами себе оккупанты.

— Почему? Как?

— Так, как было до того. Вместо одной незлой фальшивой оккупации было бы много меньших, но настоящих, страшных. Бесконечные дразги, войны.

— После такой Победы?.. Не может быть!

— Может. Мы, земляне — стадо обезьян, откуда-то получивших разум. И не одно стадо, а много. Если нас всех не напугать снаружи, мы будем бесконечно грызться друг с другом! Поэтому, если агрессора победили, если оккупантов нет, их нужно было придумать!

Айвен задумался. А ведь он, получавший высшие баллы по истории, в сущности, ничего не знает о Земле. Ну, то есть о Земле до Битвы над Кур-Ити-Ати.

— А что, раньше... ну, ДО инопланетян, у нас тоже были войны?

— Были. Очень страшные. Бесперывные. Вам, живущим при Мире и Порядке, этого не представить. Всегда так было. Я предложил разорвать этот круг. И все согласились. — Старик снова повел зрачками в сторону хозяйки. — Все. Кроме нее. Отпусти меня к ней.

Но Айвену трудно было поверить в услышанное.

— То есть в Битве над Кур-Ити-Ати Земля победила? И никакой Оккупации, Поражения не было? — Он снова спросил, все еще не веря в очевидное. — Не было?

— Поражения не было, а Преображение было... И Мир, и Счастье.

— Да?.. А как же «кровавый казус» инопланетян?

— Не было никакого «кровавого казуса».

— Но зачем же нам говорили, что был?

— Чтобы масса, толпа не до конца понимала логику оккупантов...

— А Новое Оккупационное Правительство...

— Новым оно не было. Никогда! От Битвы над Кур-Ити-Ати и до этого момента у власти были мы. А рассказы о «Новом Правительстве» запускали, чтобы толпа думала, что иногда что-то меняется.

— То есть вы... вы живете сотни лет?

— Да. И все эти годы люди, боящиеся и ненавидящие оккупантов-инопланетян, которых не было, были благодарны нашему Оккупационному Правительству, которое было. И которое без всяких оккупантов, но пользуясь страхом перед их величием, всемогуществом, установило Мир и Порядок.

Длинная фраза тяжело далась Старику. Чувствовалось, что скоро и Машина Жизни окажется бессильной. Нужно торопиться. Надо узнать самое важное. Правда ли, что Старик и Айвен родственники? И какие? Нет, нет, это — бог с ним. Что важнее? А, вот!

— Но почему Хозяйка так злилась на вас? Из-за этого? — Айвен опять помахал исчерканными листами. — Из-за этого?

— Да.

— И что?

— Есть гипотеза, очень похожая на правду.

— Какая? Какая?! — Его вопросы били, как хлыст, окончательно загоняющий изможденного коня.

— Вроде из-за самоощущения...

— Какого?

— ...оккупированного населения... земляне утрачивают...

— Что?

— ...что-то очень важное...

— Что? В чем?

— ...в своей психологии.

— Что? Что именно?

— Волю, творчество, любовь... Но это... только гипотеза... — Неожиданно измученное лицо Старика прояснилось, стало почти счастливым: — Но ведь... есть... Космический Налог...

Да! Вот вопрос, который мучит и Айвена, и всех.

— И что? Что с ними происходит? С теми, кто улетает. Где они? Что с ними?

— У них... все... хорошо... Они... там!.. — Старик показал глазами вверх.

Начались судороги. И он замолчал, теперь навсегда.

Айвен закрыл ему глаза. Посидел. Встал. Что означают последние слова Старика? «Там» и глаза вверх — это что, издевательски сказанное «на том свете»?

Нет, не может быть! Ведь в его слабом голосе при этом прозвучало такое торжество. Старик гордился тем, что люди, на которых пал жребий, каждый год в День Поражения улетают не в неизвестность, а к другим звездам, на другие планеты. Да!

Айвен встал, походил по домику. Снова подошел к кровати и поцеловал Старика в прохладный лоб. Потом подумал и поцеловал (вместо Марьи) в холодный лоб Хозяйку.

Потом пошел в комнату Марьи. Осмотрелся. Вынул из гнезда чип с ее изображениями и сунул в карман. А дальше... Что дальше?

Нужно выбираться отсюда. Но не водой, не вплавь. Значит, нужно будет общаться с людьми из охраны. И не просто общаться, а влиять на них — на их решения, на их сознание. После всего, что произошло с ним за последние сутки, Айвен чувствовал в себе силу сделать это. И не только это. Там, на большой земле, он должен всем рассказать правду о Победе. И сам должен победить — он, Айвен. Люди должны узнать, что над ними нет оккупантов, что они — свободны!

Но ему нужны союзники. Так чип Марьи он уже забрал. Там могут быть не только ее фотографии, но еще много важного: друзья, контакты. А еще, пожалуй, стоит забрать чип Хозяйки. И, конечно, картонку с документом «Победа над Кур-Ити-Ати». Победа. Тогда победили, и сейчас победим!

Год спустя на Свободной Земле

«Официальное заявление Кейптаунской конфедерации.

Мы категорически отрицаем так называемое «право» Мальгашской империи на провинции Мапуту, Газа и Иньямбане. Развязанная ею война...»

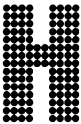
«Постановление ЦК КПП.

Этим актом Протекторат Тонкин объявляется вечной и неотъемлемой частью Поднебесной Народной Республики. И мы выходим с предложением о мире к братскому народу Вье...»

«Акт о независимости и создании Народно-Освободительной Армии Республики Сикатан...»

ОБЕД ПО РАСПИСАНИЮ

 у конечно, мне достался Занзибар! Убейте меня половником, я понятия не имею, где этот самый Занзибар и что там едят. Мама была против, чтобы я шел на войну. У нее уже убили одного сына, и она вовсе не хотела проблем со вторым. Тем более что боевая страховка не покрывает всех расходов. Но брат и отец поддержали мое патриотическое рвение, и по окончании колледжа я записался на сайте военкомата.

Повестку — традиционный треугольник из настоящей бумаги — курьер привез накануне жеребьевки.

В воскресенье мы собрались всей семьей в коконе, открыли семейный чат-куб и стали ждать. Когда генсек ООП достал из лототрона патрон с запиской и торжественно зачитал:

— Объявляется поединок округа «Бутово» провинции Москва с округом «Занзибар» провинции Танзания за право побрататься с независимой планетой Африканда! — по нашему семейному кокону пронесся вздох.

— Занзибар? Где это? — Я правда не слышал про такую провинцию.

— Где-то на Северном полюсе, — уверенно сказала мама. — Занзибарцы живут в круглых ледяных домах и питаются ягодами. И тюленьим жиром.

Я начал прикидывать, что можно сделать из тюленьего жира и ягод. Северными ягодами считаются: клюква, брусника, княженика, морошка... О! Мусс из морошки с тюленьим жиром... Добавить специи из сушеного багульника... Какой может получиться букет ароматов!

— Ты все напутала, — рассудительно сказал отец. — На Северном полюсе живут эскимосы. Провинция Занзибар находится в Африке, почти у экватора. И национальное блюдо у них паштет из толченых жуков и жареные гусеницы.

— На чем жаренные? — уточнил я.

— На пальмовом масле, чудак! — засмеялся брат. — Учи матчасть, салага!

Я свернул чат-поле, вышел из кокона, откинулся в кресле и задумался. Среди нас, поваров, корпоративной гордостью считалось умение готовить национальные блюда противника: кормить потенциальных пленных. Брату досталась провинция Нидерланды, ничего сложного, классические интернациональные, можно сказать, мясные блюда средней прожарки, овощные супы и мучные десерты. Правда, бутовцы проиграли, и брата пришлось восстанавливать заново целиком, поэтому он ничего про поединок рассказать не может: предсмертную копию снимали перед боем. Надеюсь, меня целиком не убьют. Все-таки кухня считается службой тыла.

С тех пор прошло много лет, и я с высоты своих лет могу сказать: за Африканду стоило побороться. Планета содержала огромное количество полезнейших ископаемых от каменного угля до редких металлов. Добытые ресурсы лепились в астероиды и отправлялись на космические рынки. Колония африкандов ширилась и развивалась, но в конце концов им надоело быть сырьевым придатком, и Совет планеты выставил Африканду на братальный аукцион в надежде получить право на современные технологии переработки. А мы, бутовцы, подали заявку.

Африкандов я впервые увидел в нашем домовом гипермаге, куда спустился за натуральной капустой брокколи. У меня случился приступ меланхолии, который я решил усугубить брокколи в сырном соусе, а синтетическая брокколи не такая противная, как выращенная. Наверное, инженеры-вкусотехники тоже люди.

В отделе кухонной утвари я задержался, размышляя, не купить ли мне новый диспенсер для теста, и обратил внимание на презабавное зрелище: худощавый блондин со смазливой физиономией пытался кадриться с андроидом-консультантом. До меня долетали обрывки разговора:

— Сегодня чудесная погода, светит солнце. Вам нравится солнце? Или лучше дождик?.. Вечером будет пасмурно, я просто уверен... а что вы делаете вечером?

Андроид в ответ вещала о преимуществах бриговских барометров перед халлеровскими и пыталась отослать настойчивого ухажера в отдел климатических установок.

К ним подошел темноволосый крепыш и хлопнул блондина по плечу:

— Стихи читать не пробовал? Два Пятки, ты разговариваешь с железякой бессмысленной.

— Да ладно! — Блондин попробовал ущипнуть андроида за щеку, наткнулся на силовое поле и расстроенно вздохнул. — Вечно Толстый, меня еще никто так не обламывал! Чертовы москвичи.

— Не переживай. Пусть тебя Маркиза с подружками знакомит.

— От нее дождешься...

Они ушли в глубь магазина, а я вертел в руках кулинаруный шприц и удивлялся ненароком подсмотренному эпизоду из чужой жизни. Кто эти люди? Какие забавные у них имена.

Я еще не знал, что знакомство с этой троицей перевернет всю мою жизнь.

А познакомились мы самым невообразимым образом. Они просто взяли и пришли ко мне в гости.

Однажды я обратил внимание, что в пустовавшем бунгало на моем 28-м уровне засветились окна. На высоте не каждый хочет жить, но у нас на уровне миленько, палисадники вокруг бунгало, детские площадки. Всего двумя этажами ниже — Дом быта, гипермаг, а для любителей цивилизации большой транспортный узел с реактивными лифтами во все концы московской провинции.

Потом я получил записку по домово́й сети: «Привет, сосед! Давай знакомиться. Как насчет субботнего визита?» В ответ я передал параметры своего адреса в чат-поле, нарисовал новый костюм и обновил чат-залу.

Но ничего из этого не пригодилось, а вышло как всегда.

В субботу я облачился в свой лучший сенсорный комбинезон из нитролатекса, влез в кокон и гостеприимно распахнул чат-поле. На табло поля вспыхнула надпись: «Открой дверь». Я в смятении огляделся. Гостиная кокона представляла собой круглую комнату с тремя окнами. Я поднял себя джойстиком и обошел кокон вокруг. Какая, к черту, дверь?

«В реале дверь открой, москвич!»

Мать моя хлебопечка! Соседи пешком пришли в натуре!

Я отлепил гарнитуру, выскочил из кокона, выбежал в прихожую и как был, в нитролатексе, распахнул дверь.

Они стояли там все трое: Две Пятки, Вечно Толстый и Маркиза со свертком в руках. И я весь такой красивый в голубом нитролатексе, который обтягивает все-все, вплоть до волоска, в оранжевых контактных точках, и самая яркая точка — как мне тогда представилось — светится на самом кончике, ну вы понимаете чего.

Маркиза восхищенно прошептала: «Аватар!» и уставилась именно туда, на эту точку. Я мгновенно вспотел от неловкости, воскликнул: «Я сейчас!» — и побежал переодеваться.

Мое бунгало, конечно, не предел совершенства и роскоши. Но кое-чем я могу гордиться. Например, грамотно обустроенная кухня, первое дело для потомственного повара. Гостиная с комплексом синтеза мебели. А вот прихожая, стилизованная под XX век, с настоящей деревянной вешалкой, досталась от бабушки. Я купил вакуумную чистку для ботинок и оставил все как было.

Но соседям этот антураж понравился. «Гламурненько», — одобрила Маркиза, оглядывая могучее развесистое сооружение.

— Двадцатый век, поди, — авторитетно произнес Вечно Толстый, трогая пальцем деревянный крючок. — Новодел.

Две Пятки усмехнулся и сунул ногу в вакуумную чистку.

А вот к гостиной они отнеслись настороженно. Глядя, как прямо из пола поднимаются, обрастая фактурой и цветом, диван и два кресла, Маркиза сказала:

— Синтетика. Фу. Не люблю пластмассу.

Я обиделся за свой синтезатор, остановил программу и задал новые параметры. Диван изменил очертания. Его ножки изогнулись в форме буквы «S» и покрылись тяжелой позолотой. Подлокотники поднялись, свернулись в мягкий валик, а спинка приняла мягкие волнистые очертания. Сверху я наклеил позолоченный резной гребень с гербом СССР (на фоне земного шара скрещенные серп и молот в венке из колосьев, если кто не знает) и покрыл всю эту красоту декоративным шелковым полотном, характерным для стиля «барокко»: темно-зеленые полосы на розовом фоне с узором из фруктов и мелких птичек. В программе для кресел поставил метку «гарнитур», только гербы убрал со спинок.

— Прелестно, — сказал Вечно Толстый, плюхаясь на диван, изрядно просевший под его телом. Две Пятки устроился рядом. Маркиза подошла к креслу и ткнула кулаком в сиденье.

— Офонареть! Он еще и мягкий.

Я закончил выращивать стол, и Маркиза тут же положила на него свой сверток.

— Мы тебе пирог принесли, — объявила она. — Только он немножко подгорел и его лучше горячим поедать. Где у тебя можно разогреть?

— На кухне, — я показал в сторону мембраны, прикрывавшей дверной проем. — Руки моют здесь.

Я провел ее в ванную комнату, достал там из шкафчика две одноразовых шапочки, халат, бахиллы и перчатки и протянул девушке.

— Серьезный подход, — уважительно сказала Маркиза, натягивая халат.

Мы вошли в мою святая святых. Я развернул пирог, понюхал. М-да. За такое творчество у нас из колледжа выгоняли с запретом на профессию. Вряд ли это можно спасти, но примитивную коррекцию стоит сделать.

— Слушай, наверное, надо срезать горелую корку, молочком размочить, а сверху маслицем смазать, — скомандовала Маркиза. — Яичко можно еще взбить, с мукой размешать. Давай я помогу.

— Не стоит.

Я посадил Маркизу на высокий барный стульчик и сунул ей в руки бокал с фруктовым коктейлем.

Затем поставил пирог в молекулярную печку и включил режим анализа.

Молекулярной кухней я заинтересовался еще в школе и, смею надеяться, достиг определенных успехов. В последнем классе лицея я выиграл Межмосковскую олимпиаду. А на первом курсе колледжа стал дипломантом конкурса «Молекулярное кафе» памяти Ильи Варшавского. Надо было создать гармоничное блюдо, состоящее из вкусовых элементов соленых огурцов, селедки, взбитых сливок и малинового джема. Большинство участников пыталось создать десерт, сводя к минимуму участие селедки и огурцов, а я главным компонентом выбрал селедку, структурировав все это под мучное изделие с хрустящей корочкой. Комиссия очень смеялась...

— У тебя тут что? Пульт управления космическим аппаратом? — поинтересовалась Маркиза, наблюдая за моими действиями.

— Просто кухня. Ничего лишнего.

Анализатор звякнул и вывел данные на панель. Спектрограмма вполне ожидаемо меня не порадовала, но восстановлению это изделие домашней кулинарии поддавалось. Я не стал спрашивать Маркизу, что внутри пирога — анализатор показывал большое количество углеводов и клетчатки, характерное для фруктовых начинок. Поэтому я решил, что не лишним будет покрыть все это сверху глазурью. Внес изменения в стандартную программу коррекции и запустил процесс.

Молекулярная печка замерцала индикаторами, на панели замелькали графики и полосы. Маркиза завороженно наблюдала за процессом. «Коррекция закончена», — сообщила печка.

Я открыл дверцу и достал пирог. Пахнуло хорошо пропеченным тестом, ванилью и сложной смесью душистых специй.

На Маркизу больно было смотреть.

— Это что? Это как? Это мой пирог? — Она выронила стакан и сползла с табуретки. — Мужик, ты кто?

— Ну... я студент второго курса колледжа Вкусного и здорового питания.

— Пошли! Скорее. — Она схватила меня за запястье и потащила с пирогом в залу. Я поставил свою ношу на стол.

— Круто, — сказал Два Пятки. — А на вкус это так же, как пахнет?

Я с достоинством кивнул.

— Да-а, — Вечно Толстый склонился над пирогом, потрогал пальцем глазурь и слизал шоколадную каплю. — Концептуально. Я только одного не понял: почему ты капустную кулебяку облил шоколадом?

Я растерялся, а Маркиза торжествующе засверкала глазами и воскликнула:

— Почему? Потому, что он — ученик кулинарного техникума!

Впоследствии, когда я благодаря (странное слово, но здесь — абсолютно верное!) трагическим событиям переселился на Африканду, я узнал, что в колонии была инфотека, целиком составленная из произведений раннего и среднего техногенеза. Маркиза и ребята воспитывалась на старых плоских фильмах, телезаписях, копиях с бумажных книг. Они откармливались натуральными продуктами растительного и животного происхождения, наблюдали, как зреют и колосятся зерновые, и самостоятельно собирали грибы в дикорастущем лесу.

Я им завидовал? Мягко сказано. Я помирал от зависти.

Честно говоря, вначале у меня были корыстные мотивы. Я возмечтал завести себе персональных дегустаторов с неизощренным природным вкусом. Но ничего не вышло. Мои гости оперировали тремя градациями: вкусно, очень вкусно, пальчики оближешь. Довольствуясь самой простой едой, они не почувствовали неладное, даже когда я явно переложил ванили в сырники, а жаркое из кролика приготовил без майорана.

Ребята приехали вместе с родителями — владельцами самого большого рудника на Африканде. У себя на родине они считались чуть ли не золотой молодежью, а в Москве оказались провинциалами с местечковыми привычками и долго привыкали к местным реалиям.

Однажды я показал Маркизе, как готовить мясное блюдо.

Мне на 16-летие родители подарили новый кухонный комбайн с приличным синтезатором, почти как ресторанным, только маленьким. Маркиза, как всегда,

сидела на высоком барном табурете и наблюдала. Две Пятки и Вечно Толстый на кухню не рвались, для них я открыл чат-окно прямо на стенке, чтоб не скучали.

Вначале я достал кусок сублимированной белковой моноплазмы, отрезал кусок, долил воды, досыпал ингредиентов и начал набирать программу.

— Курица или индейка? — спросил я всех.

— Курица, — сказал Вечно Толстый.

— Индейка, — возразила Маркиза.

— А утку можешь? — поинтересовался Две Пятки.

— Не вопрос!

Я внес изменения в программу и запустил процесс синтеза. Когда я вынул готовое мясо, холодное и влажное после создания, Маркиза недоверчиво ткнулась в него носом.

— Сырое мясо, — сказала она удивленно.

— Точно такое, какое ты покупаешь в магазине.

— Но...

— Это верно, на Земле сейчас все мясо делают из белковой моноплазмы, — включился в разговор Вечно Толстый. — Так дешевле, удобней и гуманнее, чем разводить высших животных, кормить, а потом убивать. И экология не страдает.

— А что ты закладывал в эту штуку?

— Моноплазму. Вещество с заданным составом жиров, белков и углеводов. В мясной моноплазме больше белка и меньше углеводов. А есть овощная моноплазма, там больше углеводов, а белков совсем нет. К ним добавляются клетчатка, витамины, эссенции, вкусовые добавки. На панели управления я задаю параметры структуры — волокнистое, пористое и так далее, и получаю на выходе кусок мяса. И сейчас мы его будем жарить.

— Прикинь, Маркиза, они своих покойников по той же технологии восстанавливают, — хохотнул Вечно Толстый. Две Пятки кивнул головой. — Снимают с живого человека полный скан, а потом, если что, воссоздают из моноплазмы.

— Верно, — подтвердил я. — У меня брата восста-

новили после смерти в бою. Тело как новенькое: ходит, разговаривает, все помнит. Кроме момента сражения: копию снимали как раз перед боем.

— Ужас какой! — воскликнула Маркиза. — А если кто-то наделает несколько таких копий?

— Это невозможно, — авторитетно сказал Вечно Толстый. — Душа-то у человека одна. Ее из моноплазмы не поднимешь.

Вопросы души занимали много места в разговорах африкандов. Они как-то связывали душу с религией, с божественной природой души. Религия запрещала им называть свои имена посторонним людям и предписывала носить клички. Мне все это казалось совершеннейшим пережитком и дикостью. Мне-то было все ясно: душа — это обособленный квант информационного поля Земли, осознающий себя личностью. Определение души я заучил еще в средней школе и не видел других вариантов. Британские ученые еще два века назад доказали, что всяческие ясновидения, вещие сны, общение с духами возможно лишь при условии, что существует единое информационное поле. Какие еще боги?

Оглядываясь на те благополучные, безмятежные времена, я удивляюсь: как мы могли не заметить приближающейся катастрофы? Ведь предвестники изменений буквально стояли у нас на пороге, достаточно было почитать новостную ленту. Просматривая кулинарные новинки, общаясь в чат-кубе, я мимоходом отмечал важные или выходящие из ряда вон сообщения. Что-то нам рассказывал Вечно Толстый, большой знаток сплетен, любознательный, как сорока. Возможно, он начинал догадываться о происходящем, но ни я, ни Маркиза с Две Пяткой, а тем более сокурсники по колледжу ни о чем не подозревали. Лишь сейчас, с высоты прожитых лет и пережитых событий, я могу связать воедино факты и события тех времен.

Вот несколько примеров из тех, что я помню.

— На южном побережье Северного Ледовитого океана разворачивается грандиозная программа по растапливанию арктических полярных шапок. Предполагалось, что возникнут новые зоны благоприятного климата. Правда, водой зальет почти всю Европу, зато Сибирь, вплоть до Монголии, окажется новой плодородной кладовой природы.

— В больших городах в моду входят аквапарки. Все гламурные властители средних умов обзаводятся домашними дельфинами.

— Самым популярным брендом десятилетия становится аквапластика — перепонки между пальцев, искусственные жабры, чешуя.

— В японском поселке Тайдзи отмечены случаи массовых суицидов. Поселок известен тем, что до сих пор там сохранился варварский обычай забоя дельфинов на мясо.

— Резня на побережье Гренландии: подразделение отвоевавших солдат уничтожило несколько поселений потомственных китобоев.

— Солдат, вернувшийся с войны, обнаружил у себя дома андроида, умело имитировавшего хозяина. Андроида деактивировали и отправили в переработку.

— Совет ветеранов подал иск против банка «Империя Москвы» в связи с отказом подтвердить счета восстановленным бойцам, вернувшимся с Луны. Идентификация проводилась по ауре, которая у новых тел не соответствовала отпечаткам. Юристы банка настаивали, что их клиентами числятся сотни бывших покойников, в том числе восстановленных после кошмарного цунами, смывшего восточное побережье Евразии, но ничего подобного раньше не было. Однако иск выиграли ветераны, пройдя через все инстанции, а банку «Империя Москвы» и другим финансовым учреждениям Конституционным судом было предложено отказаться от проверки ауры.

Вечно Толстого эта новость весьма встревожила.

— Аура — это атрибут души, — сказал он. — У по-

койников и андроидов ауры не бывает. Это показатель, что в тело вселился кто-то другой.

Как обычно, африканды сидели у меня в гостиной, я на кухне. Мы общались через экран.

— Такого не может быть, — авторитетно сказал я, перемешивая зажарку для гаспаччо. — В мозгу человека есть определенные маячки, по которым душа находит свое земное пристанище, и они воспроизводятся при молекулярном копипасте. Считается, кстати, что это Центр совести. Андроидов делают без маячков, и никто в них не вселяется. Я думаю, что на Луне просто не могут точно воспроизвести технологию, нарушают...

— Как ты сказал? — Вечно Толстый уставился на меня во все глаза. — На Луне?!

— Ну да. — Я накрыл сковородку крышкой и вытер руки полотенцем. — Все турниры происходят на Луне, в специальных куполах. Мало ли кто каким оружием жажнет? И там все тела погибших восстанавливают и на лифте катят на Землю.

— А почему нельзя на Земле восстановить? — спросила Маркиза.

Я пожал плечами:

— Чтобы не травмировать психику. Представляешь, ты только что был на Луне, и вдруг уже в Москве.

— Прикольно, — заметил Две Пятки, а у Вечно Толстого сделалась очень задумчивая физиономия. Он враз утратил свое обычное благодушие и просидел молча до конца обеда. А за десертом из имбирного мусса с фисташками внезапно встал, бросил: «Я пошел» — и ринулся из бунгало, чем-то прогрохотав в прихожей.

— Похоже, это была вешалка, — сказала Маркиза.

Вешалка наступила потом, когда учеба в колледже подошла к концу. Внезапно оказалось, что для поступления в Академию высокой кухни или Университет общественного питания необходимо пройти армию.

В рестораны и кафе тоже берут после поединка, а идти на комбинат, изо дня в день лепить одни и те же готовые обеды из моноплазмы я не хотел.

Поэтому и записался на войну. Чего там — потеряю три месяца, зато сколько возможностей откроется!

Африканды отнеслись к моему поступку по-разному.

Маркиза ахнула, прижала ладони к щекам и запричитала:

— Аватарчик, миленький, не ходи на войну! Тебя на войне убьют-покалечат... Мама-папа плакать будут-ут...

— Как убьют, так и восстановят, — сказал я. — Брата же убили — и ничего, живет себе не тужит.

Две Пятки похлопал меня по плечу, пощупал руку выше локтя и сказал:

— Надо бы физкультурку подтянуть. Приходи в спортзал на шестом уровне, будем заниматься.

Вечно Толстый велел Маркизе заткнуться и задумчиво оглядел меня.

— Плохо, что ты с нами не посоветовался. Ну да чего уж там. Расскажи-ка нам подробнее про эти ваши поединки.

— Наши? — Я даже немного обиделся. — Ради вас биться буду, между прочим, ради взаимопомощи и братской дружбы с планетой Африканда.

— Спасибо, — серьезно сказал Вечно Толстый. — А как часто проходят поединки? Как это выглядит? Брат тебе что-нибудь рассказывал?

— Поединки — каждую неделю. Все страны подают заявки на право братания с какой-нибудь планетой или иноземным поселением, если планета большая. Если заявок несколько, каждая страна набирает армию и устраивают поединок. Иноземных колоний у нас много, заявки сотнями подают, поэтому Генеральный секретарь ООН каждую субботу разыгрывает десять лотов.

— То есть каждая страна бьется с каждой за пере-

дел колоний? — восхитился Вечно Толстый. — Две Пятки, это тебе ничего не напоминает?

— Мировая война, классика! Как в девятнадцатом, что ли, веке.

— Прикинь, Аватар, у вас мировая война в самом разгаре, а ты и не знал! — воскликнула Маркиза.

Я пожал плечами:

— Не интересовался. А брат почти ничего не рассказывал. Приехали на Луну на лифте, поселились в куполе. Последнее воспоминание — как ложится в копияст.

Вечно Толстый почесал подбородок и сказал:

— Очень странно. Так не должно быть. Значит, битву он не помнит... А ты знаешь других людей, кто вернулся бы с Луны?

— Да полно! У нас половина преподавателей прошли поединок, со старших курсов многие ребята и девочки отвоевали. — Я со значением посмотрел на Маркизу. — Все ветераны, все восстановленные, все здоровенькие и веселые.

— В том-то и дело. — Вечно Толстый заложил руки за спину и прошелся по зале. — Мы не нашли еще ни одного человека, кто бы не умирал на Луне. Ты должен стать первым. Жаль, времени мало.

Мне лично времени хватило на все. Военкомат определил мою воинскую специальность как «армейский повар», статус «учебка», и скинул на личную полку в коконе тесты и пачку литературы. Поединок наметили на сентябрь, и все замечательное, солнечное лето я гулял, наслаждался природой на своем 38-м уровне и учил матчасть. А когда совсем одуревал от «Кухни полевой передвижной КП 125 модификация 2054», то бегал заниматься в спортзал на шестом уровне с Две Пяткой или тренировался в приготовлении блюд занзибарской кухни.

Кстати, жареные гусеницы на Занзибаре не популярны. Зато там едят улиток, моллюсков, много рыбы и других морепродуктов.

Когда моя учеба подходила к концу, я пригласил африкандов на разминочный ужин. Ничего шикарного, только то, что заложено в программе современной полевой кухни: буйабес из микса средиземноморских рыб, вителло тонато в соусе из тунца, темпура с корнем лотоса и раками. На десерт я приготовил хвосты тигровых креветок в медово-ореховом соусе.

Мальчишки сидели в зале и тихо о чем-то разговаривали, а Маркиза, как обычно, путалась под ногами и совала свой нос во все кастрюльки.

— Ой, что это? — воскликнула она, открыв колпак улиточницы, где я выдерживал десяток крупных экзотических улиток.

— Тропические улитки, мне их с Занзибара прислал вероятный противник, — пояснил я. — Закрой колпак, расплзутся.

— А почему они все в муке?

— Видишь ли, улитки, выращенные в живой природе, не разбирают, чем питаться. Они могли наестся ядовитых листьев, галлюциногенов, да мало ли чего! Поэтому их выдерживают на муке неделю, потом кладут на соль, чтобы избавиться от слизи, промывают в трех водах и только затем запекают или маринуют.

— Садист, — с чувством сказала Маркиза. — Я дома курам сразу голову рубила, а ты бедных улиточек мучаешь. И раков, небось, живыми варишь.

— Не видел еще ни одного живого рака. И мертвого тоже. Я раковое мясо в синтезаторе получаю.

Вечно Толстый в зале покашлял. Я посмотрел на экран.

— Аватар, а ты можешь сейчас синтезировать мясо дельфина и кита?

— В принципе могу.

Я сверился с каталогом и набрал код китового мяса. Панель синтезатора замигала красным: «запрещенный продукт». Я удивился и набрал дельфинье мясо. Та же реакция.

— Не получается. Запрет. Пишет, что продукт в списке А прим.

— Что это значит? Оно непригодно в пищу?

— Как сказать, — меня продрал мороз по коже. — До недавнего времени в списке А прим была только человечина.

Маркиза ахнула и уронила крышку на улиток, взметнув фонтанчик муки.

Ужин прошел в теплой, дружеской обстановке. Всем понравилась незамысловатая солдатская еда, только Две Пятки сказал, что предпочел бы всем моим изыскам хороший кусок телятины. Я возразил, что «вителло тонато» и есть телятина, только в соусе из тунца.

— Вы обратили внимание, что все блюда так или иначе содержат что-то морское, даже десерт, — заметил Вечно Толстый.

— Видимо, на Луне рыба зачем-то нужна, — ответил я. — Мой брат, кстати, после смерти резко поменял вкусовые пристрастия. Раньше он рыбу терпеть не мог, а креветки называл «морскими тараканами», а теперь перешел целиком на морепродукты.

— М-да, перекося заметный, — Вечно Толстый постучал пальцами по столу. — Вот что, Аватар, есть разговор. Две Пятки, давай.

Две Пятки вышел в прихожую и что-то сделал. Моментаально в бунгало отключилось все электричество. Погас свет, закрылись экраны. Маркиза вручную закрутила жалюзи. В бунгало воцарилась совершеннейшая тишина и полумрак.

Вернулся Две Пятки и сел в кресло.

— Десять минут у нас есть.

— Хорошо, — Вечно Толстый вздохнул и посмотрел на меня. — Послушай, Аватар. Ты должен... нет, ты обязан вернуться живым. Понимаешь? Если тебя убьют, домой вернешься не ты. Восстановленными с Луны возвращаются уже не люди.

Мне стало очень неловко. Ужасно не хотелось такое слушать.

— Вы так решили только потому, что им стала нравиться рыба? Это несерьезно!

Африканды переглянулись.

— Он нам не верит, — сказал Две Пятки. Вечно Толстый кивнул.

Маркиза повернулась ко мне.

— Меня зовут Анжелика, — решительно сказала она.

— А я Данила. — Две Пятки протянул руку.

— Николай, разрешите представиться, — наклонил голову Вечно Толстый.

— Очень приятно. А я Федя, — пробормотал я.

— Мы знаем, Федя. Мы все знаем. А теперь слушай внимательно. Помнишь историю про то, как солдат вернулся с войны и застал дома андроида? Так вот, это был не андроид...

Как я ехал на Луну — это отдельная история, хотя рассказывать, собственно, нечего. Нас собрали на призывном пункте, человек сто, погрузили в закрытый вагон и повезли. В дороге вагон переставляли с одного транспорта на другой, тогда нас немилосердно трясло. В какой-то момент навалилась сила тяжести, потом опять стала нормальной. Все гаджеты у нас отобрали: телефоны, наладонники, вотчеры, читалки, стрелялки и смотрелки. Мой картридж с кулинарными программами вез сопровождающий офицер в специальном контейнере: Вечно Толстый — ах, простите, Николай, подсунул мне его перед отъездом вместе с заранее оформленным разрешением.

— Запомни, ты уже был на Луне, — наставлял он меня. — По второму разу в бой не посылают. Мы вписали тебя в документы вместо брата. А сейчас ты едешь на стажировку. Все понял?

Понять-то я понял. Еще бы все запомнить!

Ну-ка еще раз.

Первое. Картридж нужно вставить в кухонный

синтезатор и загрузить программу синтеза «мясо лунного зайца». Тогда в военной базе данных мои параметры впишутся на место брата и получится, что я как бы здесь уже был.

Второе. Я сам должен есть только рыбное, чтобы не засветиться.

Третье. Ни в коем случае не ложиться в копияст!

Четвертое. На кассету записаны еще кое-какие программы, возможно, они мне пригодятся.

Прокрутив все это в голове восемнадцать раз, я разозлился. Я что, шпион?!

Ох, как по-идиотски я себя чувствовал. Ой, как мне было неуютно среди наших простых бутовских парней и девушек, не втравленных ни в какой заговор. Как они были спокойны.

Многие проспали весь полет, откинув спинку кресел. Некоторые смотрели головизор или гоняли по экрану монстров джойстиком, встроенным в подлокотники. Я пытался поспать, но только закрывал глаза, как под веками образовывалось что-то вроде салюта: звездочки, полосы, сверкание и мерцание. Все это и снедавшая меня тревога и раздражение не давали расслабиться.

В момент прилета я все-таки задремал и очухался, когда услышал шум и хохот. Парни и девчонки прыгали по проходу, сталкиваясь и стучаясь головой о потолок. Лунная гравитация, двадцать процентов от земной. Кайф!

Я отстегнул ремни и присоединился ко всеобщему веселью.

Лунная казарма занимала отдельный ангар. К нему с одного конца пристыковывался терминал, с другого — полигон, накрытый непрозрачным защитным колпаком. Впрочем, я узнал об этом потом, при самых неприятных обстоятельствах.

А пока все мои проблемы состояли в том, чтобы доказать принимающему сержанту, что мне совершенно необходим картридж с кулинарными программами.

К слову, офицеры и сержанты были из корпуса ООН, и обращаться к ним следовало: «сэр».

— Что у вас на этой штуке?

— Это картридж к полевой кухне, сэр.

— Я вижу, солдат. Что на нем?

— Кулинарные рецепты, сэр. Особенные.

— Отравить нас вздумал?! — Реплика от седоусого дядьки в форме полковника.

— Никак нет! Особые рыбные блюда. Суп из плавников голубой акулы. Салат с щупальцами гигантского кальмара. Стейк из мяса косатки.

— Косатки? — Седоусый полковник вздернул брови. — Хищного кита-убийцы?

— Так точно! По крупичам рецепты собирал, — отрапортовал я, чувствуя себя последним идиотом.

— Косатка, — пробормотал седоусый и злорадно улыбнулся. — Вот оно как. И я, солдат, буду жрать косатку, а не она меня?

— Так точно.

— Молодец! Иди служи. А ты отдай ему эту штуку и проводи на кухню.

Со вздохом облегчения я пошел вслед за офицером. Пошел — так, как меня учил Две Пятки, в «позе обезьяны», слегка согнувшись и подволакивая ноги. Сержант одобрительно покосился на меня и удосужил вопросом:

— Не первый раз на Луне?

— Так точно, сэр! Второй. Прибыл на стажировку перед Академией.

— Что ж ты сразу не сказал. В сопроводилровке просто написано: «Доброволец».

— Виноват, сэр. Не конкретизировал.

Мать моя кофеварка. Во что я вляпался? Только бы добраться до синтезатора и запустить программу! Я верил и не верил африкандам, но в душе прекрасно осознавал, что, пока мы шли по коридору к месту дислокации, судьба моя висела на волоске. Любой — да хоть тот же седоусый — в момент мог проверить лунную базу данных и обнаружить, что я сроду здесь не был.

Но все обошлось. В противном случае я бы не писал эти строки, уютно завернувшись в плед возле затопленного камина, вдыхая приятный аромат можжевелового дыма. Пушистая сквири Фирюза, дальняя родственница земных тюленей, вознамерилась заползти мне на колени. Ее ушки с кисточками на концах подрагивают в предвкушении ласки. Не время, милая. Я вспоминаю.

Кухня представляла собой стандартный комплект общественного питания. Синтезатор второго поколения, печка, впрочем, неплохая, несколько разрозненных агрегатов. В одном из них я, к своему удивлению, узнал допотопную кофеварку.

Первым делом я включил синтезатор и, путаясь в клавишах, торопливо набрал код. Индикаторная панель мигнула и вывела сообщение: «Курсант Федор Голиков, запись изменена. С приветом, Лунный заяц».

Наверное, это означало, что в базе меня провели вместо брата. Я вздохнул с облегчением.

По расписанию обед был назначен на два часа дня, у меня оставалась уйма времени, чтобы подготовиться.

Стейк из мяса косатки. Раз. Кроме из морской рыбы. Два. Андалузское гаспаччо с печенью трески. Три. Тюрбо с карамелизированной бриошью и желе из чернил каракатицы на десерт. Пожалуй, хватит на первый раз.

Я сверился со списком офицеров: пятеро старожил из ООН и двое новичков из Бутово, отправил им меню и приступил к синтезу косатки.

Моим кулинарным занятиям вскоре помешали. Двое бутовских офицеров — одного я, кажется, встречал в нашем доме, оба навеселе, завалились на кухню.

— Малой, я не ем рыбу, — заявил один из них. — У меня аллергия. Придумай что-нибудь другое.

— Готов служить. Что желают господа офицеры?

— Фуа-гра с трюфелями, — не совсем уверенно заявил первый.

— А мне бутылку водки и картоху с котлетой и солеными огурцами. Реально, пацан?

Я принял заказ на еду, а за водкой послал в медотсек: мой допотопный синтезатор це-два-аш-пять-о-аш воспринимал как отравляющее вещество, перечень С кватра.

Обед прошел нормально. Ужин тоже. Я престал переживать и поздно вечером, домыв кастрюли и сковородку, засел за синтезатор.

Одна из комбинаций клавиш открыла мне картинку на панели. Я увидел коридор с рядом комнат. Коридор постепенно смещался.

Другая комбинация показала приемный тамбур. Похоже, эта система подключалась к визорам обзорных дронов. Я нащупал закономерность и стал сканировать все дроны подряд.

Пятый набор показал мне боевой купол над полигоном. Теперь я знал: он черный, глянцевый, и в нем отражаются звезды. Еще мне показалось, что вокруг купола валяется какое-то тряпье и мусор, но я не придал этому значение.

Ночь я провел в комнате с тремя товарищами. Храпели все.

Утром (суфле из трески, пирожки с вязигой, а для бутовцев — гречневая каша с говядиной и теплый салат с сыром и беконом) господа офицеры пребывали в восторженно-задиристом настроении. Накануне весь рядовой состав прошел копияст, а ровно в десять часов начиналась битва.

— Сделай на обед бифштекс с кровью, — сказал мне бутовский офицер. — Мы порвем занзибарцев, и я буду чертовски голоден!

Я кивнул и отправился на кухню.

Столовая опустела. Я закрыл дверь на замок и присел к синтезатору.

Камера номер один показала опустевшие коридоры.

Камера номер два показала последних солдат, протискивающихся в боевой купол.

Я переключился на внешний дрон. Купол, освещенный солнцем, был хорошо виден со всех сторон. Я не знал, насколько высоко висит дрон, но, судя по окрестным деталям, размер купола составлял не более километра в диаметре.

Интересно, как на такой территории вести войну? Не в рукопашную же будут там биться? А оружие? В самом деле, я не видел, чтобы солдатам раздали автоматы или винтовки. Наверное, под куполом уже расставлены боевые установки.

По коридорам базы пронесся сигнал тревоги. Я невольно вздрогнул. Десять часов. Началось.

И в этот момент купол начал раскрываться. Все произошло так внезапно, что я сразу не понял, что это за щель посередине и почему оттуда летят какие-то ошметки и тряпье.

Как — открываться? Почему? Вокруг вакуум, безвоздушное пространство.

«Все погибли», — прозвучало в моем мозгу.

Дрон спустился ниже и безжалостно предъявил картину всеобщей гибели. На сухой каменистой плоскости лежали, метались, бились еще живые люди, вперемешку, белые и черные, видимо, занзибарцы. Я думал, что в космосе умирают мгновенно, но это не так. Смерть от вакуума длится секунд пятнадцать-двадцать и совсем не эстетична. У кого-то легкие выплеснуло наружу. Кто-то скрюченными пальцами пытался разорвать ворот рубашки. Многие были еще живы, кто бился в судорогах, иных рвало кровью. К бутовскому офицеру дрон приблизился непозволительно близко, я видел его глаза, безумные, яростные. У второго офицера внезапно распухли руки, как бревна, лопалась кожа, но он был еще в сознании!

Я замер у экрана.

Вот о чем предупреждал меня Вечно Толстый. Вот от чего уберегал.

Здесь не воюют. Здесь убивают мучительно, подло. Всех.

Гады.

Я синтезировал себе коктейль из валерьянки, пустырника, мяты и ландыша. Убрал запах. Руки предательски дрожали, когда я доставал кювету с напитком. Выпил залпом. Полегчало.

Боже, какой я идиот!

Потом я вытащил картридж, запихал в допотопную микроволновку и включил пуск. Тридцать секунд достаточно, чтобы стереть все на хрен.

Выключил свет, обесточил приборы, вышел.

Не спал всю ночь, хоть никто не храпел. Некому было.

Два дня прошло, как в тумане, а на третий в столовую как ни в чем не бывало пришли бутовские офицеры. Я немного воспрянул духом и понес им заказанный до войны бифштекс с кровью.

— Эт-то что? — спросил тот, у кого была аллергия на рыбу.

— Как давеча заказывали, говяжий бифштекс. Прожарка с кровью-с.

— Фу, мерзость какая. Мне бы что-нибудь такое... раки, селедочку... О! Сомы можешь?

— Постараюсь.

— А мне миноги и семгу на пару.

— Хорошо, господа офицеры. Несу.

Я машинально набирал на панели синтезатора коды заказанных блюд. В голове было пусто.

Когда я все-таки засыпал, мне снились сны. Я плыл в океане, теплом, домашнем. Рядом плыла прекрасная дельфиниха, и я ощущал волну нежности, исходящей от нее. Иногда мы приплывали в стаю, иногда отбивались от врагов. Мне казалось, что меня зовут — и не могут достучаться, довериться, добиться,

чтобы я услышал. А я каждый раз пугался и старался уплыть. Или проснуться.

Ну не мог я их воспринимать после того, что увидел на полигоне!

В последний день я сготовил суп из акульих плавников и сделал строганину из муксуна. Для этого мне пришлось заморозить синтезированную тушку в криогенной камере в медотсеке. Получилось классно, самого порадовало. А после обеда в кухню заглянул седоусый полковник.

— А ты, парень, не прост, — сказал он, не спеша прохаживаясь по кухне. Сердце мое замерло. — Угодил старику. Я послал тебе приглашение в кокон. Посмотришь. Если устроит, милости прошу.

Он повернулся и вышел.

Приглашение? Куда?

Ну вот, забыл закрыть сетку, и мотыльки летят на огонь. Фирюза давно забралась на колени и ластит мои ноги, громко урча. Тишина и покой на всей Африканде, и совершенно не хочется вспоминать далекие глупые времена. Но я обещал Маркизе — ах, простите, Анжелике. Страхиваю Фирюзу с колен, подвигаюсь к древнему ноутбуку и пишу дальше.

Когда мы всей толпой проходили через портал к лифтам, мне показалось, что за подъемником мелькнуло лицо брата. Я пригляделся, но никого не увидел. Наверное, померещилось, тем более что увидел я некую физиономию, обернутую в фиброгласовый платок: в таком ходят амфибии с жабрами. Но ведь брат не делал себе операции?

Вдруг до меня дошло: весь последний год брат посылал нам одни и те же изображения. Он скрывал свое истинное лицо!

Ощущение приближающейся катастрофы снова меня настигло. Домой! Немедленно. Только там развеемся этот кошмар. Я почти бегом добрался до свое-

го бунгало, приложил руку к замку и ввалился в прихожую. Наконец-то я в своей уютной норке, и гори синим пламенем все африканды с андроидами и все войны на свете!

Кокон светился золотым светом. Представляю, сколько набежало сообщений за эту неделю! Я скинул с себя одежду, натянул костюм из латекса и уселся в кресло. Замигало чат-поле. Я тронул джойстик и вскрикнул: из дымки экрана на меня смотрел брат. То, что он с собой сделал, было чудовищно: жабры, гребень на голове, грудной плавник. Мне стало страшно и противно.

— Как отслужил, Федя? — спросил брат, шевеля жабрами.

— Хо... хорошо. Все отлично. Я служил в офицерской столовой. Не посрамил, так сказать...

— Молодец.

Он пристально посмотрел на меня.

— А скажи, Федя, чем ты так потрафил полковнику Рыбалко?

— Я? А-ааа... Наверное, я накормил его стейком из косатки.

— Косатки, — брат захохотал. Его жабры неприятно раздувались при этом. — Ну ты юморист. Поделись рецептиком.

— Обязательно, — сказал я, чувствуя, что сердце ушло в пятки. Откуда брат узнал про усатого полковника?

— И еще. Скажи, ради бога, каким макарон я второй раз оказался на Луне? Когда мне начали приходить сообщения «зайдите на склад, получите обмундирование» или «обед по расписанию в тринадцать ноль-ноль по лунному времени», я решил, что в военной сети случился сбой или кто-то спамит. Но вчера мне поступила благодарность от полковника Рыбалко и приглашение в военную академию. Полковник обратился ко мне по имени и отчеству, никакой ошибки. Ну так что?

— Я... я н-не знаю. — У меня задрожали руки. —

Мало ли? Сбой в сети, знаешь, ведь, какая путаница в армии. Каждую неделю люди мрут... то есть сменяются...

Брат хмыкнул и потеревил головной гребень. Сверкнула чешуя на тыльной стороне ладони, я разглядел перепонки между пальцами.

— Ладно, — брат мотнул головой. — Мне сейчас некогда заниматься этой ерундой, я попрошу своих московских коллег разобраться со странным поведением воинской сети. Пока!

Я захлопнул чат и откинулся в кресле. Все. Я попал. Сейчас за мной придут, отправят обратно на Луну, выкинут на поле боя и откроют купол. И я буду корчиться, как те солдатики, ловить кровавыми легкими улетающий воздух... Надо бежать... бежать... куда?

Меня охватила апатия. Не знаю, сколько я просидел в открытом коконе, уже совсем стемнело, но я не зажигал свет.

Очнулся от стука в дверь.

Не открою. Ни за что. Постучат и уйдут.

Незванные гости не уходили. Я замер в кресле, боясь шелохнуться, надеясь неизвестно на что, и вдруг над чат-полем замигала надпись: «Дверь открой, москвич!».

Африканды!

Я выскочил из кокона, метнулся в прихожую. Торопливо приложил ладонь к замку. Дверь открылась, на пороге стояла Маркиза. Она молча толкнула меня в грудь. Я отступил назад, и в дверной проем скользнули две черные тени. Я резко повернулся к Маркизе, но первая тень сказала голосом Вечно Толстого:

— На кухню! Быстро. Свет не зажигать.

Второй снял шапку, и я увидел Две Пятки. Под мышкой он держал какой-то кулек.

— Иди переоденься, Аватар, — сказал он. — Маркиза, помоги!

Я зашел в спальню и встал в растерянности. Что я должен делать?

— Скидывай свой презервативчик. Переодевайся,

балбес! — в сердцах вскричала Маркиза, кинулась ко мне и стала сдирать, скручивать с меня комбинезон. Домотав до пояса, она воскликнула: — Дальше сам! Открой мне гардероб.

Я дотянулся до шкафа и приложил ладонь. Маркиза нырнула в раздвинутые створки и принялась рыться, время от времени выбрасывая что-то из одежды, выбирая потемнее. Я подхватывал и одевался. Едва я натянул свитер и застегнул штаны, Маркиза потянула меня на кухню.

Две Пятки с Вечно Толстым колдовали у окна. Моя молекулярная печка стояла развороченная, дверца валялась рядом, а вместо нее была вставлена рама с мембраной.

— Запри дверь на кухню, — приказал Вечно Толстый.

Я запечатал дверь ладонью.

— Садись.

Я сел на стул.

— Клади руку в печку.

Я просунул ладонь сквозь мембрану.

Две Пятки отвлекся от окна, вставил картридж с программой и нажал пуск. Я ощутил покалывание и жжение в пальцах.

— Что вы со мной делаете?

— Другого человека. Сейчас тебе испекли новые отпечатки пальцев. А теперь поменяем глаза. Маркиза, линзы!

Маркиза достала из кармана флакон и стерильный одноразовый пинцет. Отвинтив крышку, она одной рукой наклонила мне голову назад, развела веки и ловко наложила оптическую линзу. Прodelав ту же операцию с другим глазом, она велела:

— Поморгай!

Я поморгал. Немного саднило глаза.

— Нормально, — сказал я.

В этот момент Вечно Толстый с Две Пятки с натугой сняли стекло из оконной рамы.

— Прыгай, — кивнул мне Вечно Толстый.

— В окно? За... зачем?

— За тобой уже пришли. Слышишь?

Я прислушался. С перепугу мне чудились шорохи, и вдруг из прихожей загрохотало.

— Вешалка, — прошептал Две Пятки. — Разжирили, ихтиандрики, страх потеряли. Идите быстрее, а я им тут показательный дельфинарий устрою. С ко-сатками.

Маркиза уже спустилась вниз, Вечно Толстый подтолкнул меня к оконному проему. В последний момент я увернулся, ринулся к столу, вытащил пачку кулинарных картриджей и распибал их по карманам. Затем помог перелезть Вечно Толстому и плюхнулся следом. В воздухе пронзительно запахло сельдереем: я выращивал в палисаднике полезные травы.

— Сюда, — шепнула Маркиза.

Мы прошли какими-то переулками, переходящими в коридоры, и вдруг оказались на детской площадке, уставленной маленькими домиками. Вечно Толстый снял с домика крышу. Внутри оказался подъемник с двумя кнопками. Мы втроем кое-как туда втиснулись, Вечно Толстый поднял и вставил крышу, тронул кнопку, и домик поехал.

Мне показалось, что я схожу с ума. Ситуация представлялась то ли плохой комедией, то ли пародией на боевик эпохи раннего техногенеза. Подъемник из детского домика был как раз из этой серии.

— Ребята, вы шпионы? — тупо спросил я.

— Нет, — сказала Маркиза. — Мы просто решили похулиганить. Заодно спасаем тебе жизнь.

Я не буду останавливаться на том, как подъемник забросил нас в посольство Африканды; как мне наклеили бороду и удлинили нос, чтобы походить на члена экипажа космического лайнера «Хибины», порт приписки Африканда.

Все это время я будто пребывал в тумане. События слились в одну мутную полосу: спешные сборы в посольстве, где валялись на роскошных коврах впере-

★ мешку кристаллы и разбитые флешки, неведомо откуда выскочивший Две Пятки, довольный и весь перемазанный в липкой дряни, дорога к терминалу под завывание машин сопровождения, три линии безопасности в космопорте. Все это порождало ощущение хаоса.

Нарощенные папиллярные линии и пластиковая радужка не подвели. Так что очнулся я Степаном Фоминым, вторым поваром на корабельном пищеблоке.

В полное сознание меня привели равиоли из крабов и паровые хлебцы с креветками — шеф-повару донесли о моей квалификации, и он решил воспользоваться этим на всю катушку.

Мне не жалко!

На пятый день полета, когда мы подлетали к станции гипертранзита, Вечно Толстый привел меня в кабинет помощника капитана.

— Есть дело, товарищ Степан. Что у вас на ужин? Консоме с фрикадельками и фламбе из фуа-гра? Хм. Ну, допустим. А если я попрошу чуток подкорректировать продукты?

Я не стал капризничать и привнес во все блюда нотку рыбьего жира. Получилось странно, но вполне съедобно и пикантно. Я бы использовал эту находку и в дальнейшем, если бы...

Если бы в разгар ужина помощник капитана не вышел в зал шеф-повара и не объявил:

— А сегодня наш кудесник, мастер половника и шумовки преподнес сюрприз! Угадайте, что вы ели на ужин? Мастер, откройте секрет.

— Фрикадельки из китового мяса и фламбе из печени дельфина, — с видом радостного идиота объявил шеф-повар.

Двое мужчин выскочили из-за столика, роняя стулья и зажав рты, кинулись к выходу. Кого-то тошнило прямо в тарелку. Девушка с роскошными волосами упала в обморок, под ее высоким горлом трепыхались крохотные жабры.

Больше я этих людей не видел. Или уже не людей?

Ну вот, я записал все, что помнил. Африканда прекратила сношения с Землей, уничтожила космопорт и на долгие годы оказалась запертой на планете. Мягкий климат, богатые залежи ископаемых позволили всего за полвека выстроить нормальную цивилизацию.

Я не знаю, что сейчас на Земле. Первое время нас навещали колонисты с других планет, рассказывали, что вода от растопленных арктических шапок залила всю Европу и половину Азии; Америку и Канаду до самых водопадов. Население, естественно, никто и не думал эвакуировать.

Думаю, сейчас редкие люди ютятся в горах Тибета и Памира и потихоньку дичают.

О том, что произошло на Земле и Луне, было много разговоров, строились теории. По одной из них Луна когда-то была частью планеты с водной цивилизацией. Отколовшийся кусок похоронил много жителей той планеты, назовем их ихтиандрами. Так много, что они составили информационное поле, привязанное к этому каменистому осколку.

Души, или кванты информационного поля, как доказали британские ученые, вырвавшись из умершего тела, по истечении трех дней встраиваются обратно, на свое место информационного поля. Души рабочих и колонистов, погибших на Луне, тоже возвращались на Землю, а когда тело восстанавливали, на их место устраивались другие, местные, захватчики.

Вот почему им на Луне нельзя было умирать: тело вполне мог захватить другой претендент.

Вечно Толстый, большой умник, понял это, когда вник в историю с андроидом, якобы поселившимся в доме солдата. Это был современный дом со встроенным копиястом новейшей модели (их потом сняли с производства), поддерживавшим постоянную связь с хозяином, который синтезировал тело автоматически, если пропадало биение сердца. Во избежание двойного копирования тело держали в стазисе, пока не появлялась аура. Конкретная аура того человека, с

которого снимали копию. Не андроид, а хозяин дома, вот кто это был!

Но самое главное, личность убитого помнила все события до момента смерти. Того, первого, не спасли, но африканды стали искать и нашли человека с аналогичным копипастом. Его успели забрать до возвращения солдата, подробно расспросили, и таким образом я получил ту толику информации, которая помогла мне выжить на Луне.

Я не жалею о прожитых годах. Мы с Анжеликой то ссоримся, то миримся, но в целом живем дружно в радости и печали. Она — Маркиза пяти очаровательных ангелов, старшая дочь уже замужем. Я развил и дополнил свою поваротеку, постепенно привык потрошить живую дичь и рыбу. А какие здесь улитки! Звери, а не улитки, с мой кулак, честное слово.

Когда-нибудь я умру, и моя душа вернется на Землю. Тогда я и узнаю, что случилось с родной, далекой, исковерканной пришельцами планетой. Но я не спешу. Мне и здесь хорошо, на веранде, пропитанной запахами солнца и травы, где так уютно сопит ни разу не кошка Фирюза, прислонившись пушистым боком и поводя во сне ушами с кисточкой на конце.

КАТАФАЛК

 красное перекрестье прицела поелозило по лицу и остановилось на переносице — точно между глаз. Замерло на пару секунд, переползло на левый глаз, потом — на правый.

Желтый крестик тактично дожидался своей очереди в правом верхнем углу монитора, на табличке «Аварийный выход». На черный кружочек головы нарисованного убегающего человечка крестик не влез, концы выглядывали наружу.

— Ну? — не выдержал Командир.

— Что? — как ни в чем не бывало спросил Лунев.

— А где твой рапорт? — осведомился Командир. — Где это — «прицел откалиброван, к рейсу готов»?

— А... Прицел откалиброван, к рейсу готов, — протянул Лунев. — Слышь, Командир, а ты там случайно оружие с предохранителя не снял? А то я давно не пробовал, как оно — стрелять? На тренажере — не то. Ты бы...

— А вот если по возвращении попросить доктора тебя к психологу отправить?.. — задумчиво сказал Командир. — Или сразу к психиатру. Тяга к убийству и насилию, знаешь ли, штука неприятная... А мы с тобой в одной машине путешествуем. И ладно только мы, а вот пассажиры...

— Пассажиры... — с неприятной ноткой в голосе повторил за Командиром Лунев.

— Вот-вот, и об этом тоже с тобой мозгоправы побеседуют. Ты же сам знаешь, как они любят перевозчиков в утиль отправлять. Особенно почему-то стрелков.

— И особенно — передних, — добавил Егорка Токарев, в этот рейс отправляющийся кормовым стрелком. — Вот рейс-два, и начинают передние стрелки сыпаться. С чего бы это?

— Хочешь об этом поговорить? — оживился Лунев. — Ты ведь в курсе, что слово «кормовой» произошло от слова «корм»?

— Знаю, — невозмутимо согласился Токарев. — А еще я знаю, что мне давно пора прицел проверить, а ты не даешь...

— Ребята, не поверите, — подал голос водитель. — А ведь все переговоры пишутся. Прямо из салона к диспетчеру.

— Правда? — в один голос испугались стрелки. — Как же мы теперь жить-то будем?

Красное перекрестье ушло в нижний левый угол монитора, желтое быстро пробежалось по лицам пассажиров, на долю секунды останавливаясь на глазах или посреди лба, потом ушло вправо-вверх и тоже замерло.

— Ну? — напомнил Командир.

— Прицел откалиброван, к рейсу готов, — сказал Токарев.

— Двигатель в норме, — сообщил водитель. — К рейсу готов.

— Диспетчер! — позвал Командир, тронув сенсор переговорного устройства. — Ты меня слышишь?

— Слышу, Ноль пятнадцатый, — сказал диспетчер. — Телеметрия идет нормально, связь — нормально, погода снаружи хреновая, но вам-то какое дело?

— Никакого, — подтвердил Командир. — Как там прикрытие?

— Машины ушли двенадцать с половиной минут назад. Идут спокойно, без проблем. «Троечка» зачем-то уперлась в пробку на Московском, но сейчас

успешно преодолела закавыку и движется к выезду. Все чистенько. Ты почему пассажиров не сажаешь?

— А зачем спешить? — вмешался Лунев. — Еще успеют навонять.

— Ты, Антоша, все-таки попридержал бы язык, — посоветовал диспетчер. — Машинка не твоя, за эту работу тебе капают неплохие денежки, стаж один к трем, да еще и получишь пенсию госслужащего... А всей работы — доставить четверых пассажиров с грузом из точки А в точку Б. Ты знаешь, сколько народу на твое место бы согласилось?

— Знаю, — сказал Лунев. — Никто. Из тех, кому разрешили бы, — никто. Ты вон не хочешь?

— Не хочу, — честно сказал диспетчер. — Но ты бы все равно не трепался бы зазря...

— Они же все равно не слышат, — кормовой стрелок погонял перекрестье своего прицела по монитору, словно желая продемонстрировать, что пассажиры ничего не слышат и не видят...

— Так это пока! — засмеялся диспетчер. — Но ведь Антошка может раздухариться да и ляпнуть чего-нибудь при них. Вы слышали, как вчера «ноль тридцатый» облажался?

Про это слышали все из Депо. Кормовой стрелок с «ноль тридцатого», проверяя прицел, включил случайно — конечно, случайно, кто бы сомневался! — лазерный целеуказатель. Выглядело это, конечно, забавно, но у пассажиров, две минуты наблюдавших, как по их груди ползает ярко-красная точка прицела, возникли вопросы и обиды. А к вопросам пассажиров начальство Депо и выше всегда относилось с очень большим вниманием. Так что весь экипаж «ноль тридцатого» лишился пятнадцати процентов месячной зарплаты и премии за квартал.

— Скоро там с маршрутом разберутся? — спросил водитель.

Ему все эти пересмешки в эфире не нравились: в отличие от холостых стрелков Илья Сорокин был обременен семьей и тремя детьми, поэтому старался

★ строго придерживаться инструкций и приказов старшего. И эта тактика его пока не подводила.

«Что с того, что тебе не нравятся пассажиры, — как-то сказал Сорокин Антону Луневу, — тебе с ними детей не крестить. У меня дед ассенизатором работал, так что, ему нужно было дерьмо в бочке любить и уважать? Загрузил, отвез, выгрузил и вернулся. Ты его не трогаешь — меньше пачкаешься. Меньше пачкаешься — меньше воняешь».

Лунев спорить не стал и даже честно попытался держать себя в руках, но надолго его не хватило.

— Вылетит он из Депо, — сказал водитель Командиру. — Вот помянешь мои слова, Макс, — вылетит. Сорвется на каком-то уроде, а тот не пожалеет кроху малую от Братских щедрот и попросит, чтобы болтуна куда-нибудь услали подальше. Или просто выкинули на улицу к чертовой бабушке. Думаешь, их не послушают?

— А думаешь, Лунев слушает? — в тон водителю осведомился тогда Командир. — Тут или он себя переупрямит, либо пострадает...

— Готовность — три минуты, — сказал диспетчер. — Файл с маршрутом отправлен, ловите.

Командир глянул на технический монитор, открыл файл.

— Есть. Маршрут принят.

— Принят, — подтвердил Сорокин довольным тоном.

Сегодня им маршрут достался вполне приличный, без петель и проселков. Даже выход из города был указан по кратчайшей, без заезда в центр. Не маршрут, а сплошное удовольствие.

— Экипаж, — сказал Командир. — Открываю дверь, никто не забывает о масках.

Маски на лицах экипажа были условием обязательным. Пассажирам незачем было видеть, кто именно работает на катафалках. Мало ли какие мысли могут потом пассажирам в голову прийти? Даже родственники не знали, где именно работают парни.

Семья Сорокина, например, была уверена, что он шоферит на инкассаторском броневике. Командир своей жене по большому секрету сообщил, что трудится в органах правопорядка, не вдаваясь в подробности, а стрелки рассказывали всем вокруг, что в паре работают дальнобойщиками, гоняют фуры иногда даже за границу.

— Маски, — повторил Командир.

Это, пожалуй, было самой неприятной частью рейса — несколько часов находиться в этих самых масках.

— Есть-есть-есть... — доложили парни, и командир тронул сенсор.

С легким шорохом двери открылись.

— Первым входит Толстый, — объявил Лунев.

«Толстый так Толстый», — пожал плечами Командир. Имена пассажиров экипажу не сообщали, более того, был приказ решительно пресекать попытки представляться и знакомиться. Никаких имен. Поэтому экипаж награждал пассажиров кличками. Можно было просто нумеровать, но это было не так забавно.

— За ним — Кролик, — засмеялся Токарев. — Из мультфильма про Винни Пуха.

— Похож, — одобрил Сорокин.

Пассажиру кличка и вправду подходила, как влитая. Высокий, нескладный, с узкими плечами, выступающими вперед передними зубами и в круглых очках. Кролик, он Кролик и есть.

— Чудак и Пацан, — закончил именование пассажиров Лунев. — Не нравится мне этот Чудак, между прочим. Я за ним следил — дергается, плечом поводит, щурится. Не люблю я чудаков, между прочим.

Пассажиры стояли перед машиной и нерешительно смотрели на открывшуюся дверь

Командир включил внешний динамик.

— Уважаемые пассажиры, — ровным уверенным голосом произнес Командир. — Начинается и заканчивается посадка на борт нашего комфортабельного аппарата. Через десять секунд дверь закроется автоматически.

Пассажиры переглянулись и бросились в машину. Толстый, как и предвидел Лунев, влетел первым. Быстро огляделся и рухнул в правое переднее пассажирское кресло. Кролик сел в левое переднее, остальные на задние: Чудак в правое, Пацан в левое.

Двери закрылись.

— Мы рады приветствовать вас на борту нашего грузовоза, — сказал Командир, не поворачивая головы к пассажирам. — Просьба пристегнуться и сохранять спокойствие на все время нашего путешествия. Кстати, сейчас в салоне немного повысится давление, может возникнуть легкий дискомфорт в области ушей. Внимание...

Командир сглотнул, Толстый поморщился и сунул палец в ухо.

— Вот и все. И совсем не больно, правда? — сказал Командир.

— Здравствуйте, — невпопад сказал Пацан, мальчишка лет двадцати в джинсах, кроссовках и футболке с надписью «Повезло» на груди.

Ему никто не ответил — экипаж не собирался поддерживать с пассажирами приятельских отношений.

— Удачи! — пожелал диспетчер, водитель тронул машину с места.

— Я же просил пристегнуться, — напомнил Командир.

Пацан и Чудак быстро выполнили команду, Кролик завозился с замком, а Толстый покрутил ремень в руках и опустил, не застегивая.

«Наверное, он кажется себе очень уверенным и независимым, — подумал Командир. — Наверное, в какой-то крупной фирме не последний человек. Или даже владелец какой-нибудь фирмы. Такие любят в мелочах отстаивать свои права».

— Водитель, стоп! — приказал Командир.

Машина замерла, качнувшись на амортизаторах.

Открылась дверь, давление в салоне упало.

— Считаю до трех, — спокойно сказал Командир, не поворачивая головы к Толстому. — Либо вы пристегиваетесь, либо выходите.

Он наблюдал за выражением лица Толстого через монитор внутреннего обзора. Это даже неплохо, что проблемы начались так быстро. Прямо сейчас можно навести порядок, расставить акценты и обозначить приоритеты. Есть инструкция, есть правила, есть приказы Командира. Потом, по возвращении, можно будет подать жалобу, если что, но во время рейса все приказы выполняются беспрекословно и точно. Если бы пассажиры имели возможность прочитать всю инструкцию для экипажей спецмашин, то, возможно, были бы не так спокойны, усаживаясь в кресла.

— Два, — сказал Командир.

Толстый, побагровев, схватил ремень и защелкнул его на своем животе.

— Спасибо за понимание! — Командир закрыл двери, давление в салоне снова повысилось, машина двинулась вверх по пандусу.

Ворота открылись перед машиной и закрылись сразу, как только она выехала.

— На Московском пробка, — поведал диспетчер.

Командир не ответил — после выезда из ангара спецмашинам запрещено было поддерживать активную радиосвязь. Только в самом крайнем случае можно было вызвать диспетчера.

— Слышал, на Московском — пробка, — Командир сказал это для водителя, вывел карту города на свой монитор. — Лучше сразу пойти в объезд.

— А все так хорошо начиналось, — пробормотал водитель. — Короткий маршрут, блин...

— А здесь можно попить воды?

— Что? — не понял Командир и оглянулся на пассажиров.

— Воды попить можно? — повторил свой вопрос Чудак. — Я хотел взять в дорогу, но мне сказали, что...

— Можно, правду сказали, — Командир посмотрел на сидевшего через проход от него Токарева и покачал головой: что-то сегодня пассажир попался какой-то дерганый. — Вот выедем за город, можно бу-

дет отстегнуться и встать. Бачок с питьевой водой в конце салона, возле контейнеров. Дальше по проходу — туалет.

— Спасибо! — Чудак даже поклонился, насколько ему позволил ремень безопасности. — Я, знаете ли, немного волнуюсь...

— И есть с чего, — подхватил Кролик, дернул носом и поправил очки. — Я уже третий день не сплю. Нам сколько ехать до места?

Токарев демонстративно посмотрел на часы и развел руками.

Пассажиры сегодня и в самом деле словно решили прогнать обычный сценарий путешествия в первый час. Жаль, что не поинтересовались причиной повышенного давления в салоне: очень забавно смотреть, как народ реагирует на рассказы о потенциальной угрозе газовой атаки... или про то, как горящий на обшивке коктейль Молотова может затечь внутрь машины... Нынешний состав счастливиц больше интересуется не процессом доставки, а результатом. Может, это и неплохо. Хотя тоже надоедает.

— Так сколько времени нам ехать? — повторил Кролик.

— Как приедем... — сказал Командир. И не добавил — «если приедем». Ну их к черту, в самом деле.

— Нет, я понимаю, что секретность — это в наших интересах, — недовольным тоном произнес Толстый, — но сейчас, когда мы все уже в этой банке... Какой в этом смысл?

— Примета, — сказал Чудак и кивнул. — Как у моряков. У них, знаете, нельзя говорить «Прибуду двенадцатого». Нужно сказать «Полагаю быть двенадцатого»...

— Почему двенадцатого? — спросил Пацан.

— Ну, не двенадцатого, — отмахнулся Чудак. — Тринадцатого или пятнадцатого. Нельзя говорить точно, нужно как бы предположить. Иначе обязательно опоздадут.

— И при чем здесь мы? — Толстяк посмотрел на

Командира. — Я хочу знать... и не только я, — сколько времени продлится наша поездка? Мы просим слишком многого?

Командир посмотрел на карту — точка, обозначающая его машину, двигалась по какому-то переулку в стороне от проспекта. Этот район города Командир знал плохо, неподалеку городской рынок, потом стадион и проспект Гагарина до самой Объездной. И если все будет нормально...

— Я к вам обращаюсь, любезнейший! Как вас там — Командир? — повысил голос Толстый. — Мне кажется, что вы просто пытаетесь тешить свое воспаленное эго! Вы-то чего молчите, господа?

Толстый попытался обернуться к пассажирам из второго ряда, но ремень его не отпустил. «Точно, руководитель, — подумал Командир. — Организатор и вожак. Теперь будет апеллировать к массам, как будто в случае полного единодушия пассажиров у него получится что-то изменить. Ну почему этим ребятам так неймется все время? Нет чтобы расслабиться, подремать. В любом случае поездка займет не более пяти-шести часов. Нет, нужно самим дергаться и злить экипаж, который и так не в восторге от пассажиров. Априори не в восторге.

Хотя, с другой стороны, экипаж тоже мог бы не так демонстративно не любить пассажиров. В конце концов, потерпеть те же пять-шесть часов. Вот просто помолчать, расслабившись. И начальство к этому призывает, и психологи бьются, беседуют и разрабатывают методички, и все без толку...»

— Я требую, чтобы вы нам сообщили, куда, как и сколько времени мы будем ехать! — провозгласил Толстый. — Я считаю недопустимым такое обращение...

— Нет, в самом деле, — Кролик поправил очки. — В самом деле — почему бы и не рассказать? Какой смысл в молчании?

— А они нам завидуют, — тихо сказал Чудак. — Им не повезло, а нам... Вот они и бесятся, пытаются делать мелкие гадости... Ведь так, господин хороший?

— Вот козел... — еле слышно пробормотал Лунев. — И где ж такие только берутся...

— Уважаемые господа... хорошие... — Командир постарался придать своему голосу нейтральное выражение. — Экипаж не обязан отвечать на ваши вопросы. Более того, напоминаю вам, что всякое обсуждение ваших имен, подробностей личной жизни пассажиров не рекомендуется...

— Это еще почему? — удивился Пацан. — Чего это мне скрывать?..

Машину тряхнуло.

— Яма, — сказал водитель. — Вот ведь дерьмо — из другой галактики к нам прилетели, а у нас — ямы на дорогах.

— А нельзя выбрать какую-нибудь дорогу поровнее? — глядя себе под ноги, поинтересовался Толстый. — Проспекты и шоссе не для вас созданы? Нужно обязательно...

Машину снова тряхнуло.

— Хотите сойти? — спросил Чудак. — Начальник, вы его можете посадить?

— Нет, — сказал Командир. — Я могу его связать.

— Что? — Брови на багровом лице Толстого поползли вверх. — Что ты сказал?

— Он сказал, что может вас связать, — с усмешкой подсказал Кролик. — И меня, наверное, тоже...

— Совсем ополоумели. После возвращения я немедленно подам жалобу... — Толстый достал из кармана куртки платок и вытер вспотевший лоб. — Как ваше имя, начальник? Ах да, вы же должны соблюдать инкогнито. Вон даже лицо спрятали. Это чтобы вас потом не могли наказать...

— Почему же... Я старший экипажа спецмашины номер ноль пятнадцать. Вы пишете жалобу, меня легко находят...

— И я напишу! — пообещал Толстый. — Это ваше хамство...

— Командир, дай я с ними поговорю? — попросил

тихо Лунев. — Я быстро. В двух словах... Пара ушибов, не больше...

— Мне не позволили взять с собой ни еды, ни воды, ни лекарств, — сказал Толстый. — Когда такие требования выдвигаются при авиарейсах — я еще могу понять. Но в таком вот автобусе...

— Это точно, — усмехнулся Пацан. — Стюардесса бы тут не помешала. Мне друзан говорил — они такое в воздухе вытворяют. Его одна прямо после взлета закадрила и в туалет за собой почти силой поволокла. А тут — ничего веселого. Хоть бы телевизор включили...

— А почему, кстати, нужно нас перевозить на машинах? — Чудак подергал себя за нижнюю губу. — На вертолете, например, было бы быстрее... И безопаснее. Почему Братья требуют использовать наземный транспорт?

— Братья ничего не требуют, — Командир вздохнул. — Братья только определяют место передачи, указывают точку перехода, и всё. А транспортировка — это уже обязанности нашей стороны. Земли, так сказать.

— И почему тогда нужно ездить на этих гро... — Чудак осекся, кашлянул. — На этих аппаратах почему ездим?

— Потому, например, что в точке перехода могут возникнуть внезапные аномалии. Вплоть до выхода из строя любого электронного оборудования. В таком случае машина просто остановится с заглохшим двигателем, а вертолет упадет. Вам что больше нравится? Когда Встреча только-только произошла, если вы не помните, то наши попытались именно с вертолетов вести изучение зон Контакта. Было потеряно пять вертолетов за два дня, сорок семь человек, считая экипажи и научный персонал.

Толстый что-то хотел сказать, но передумал. И правильно, свои претензии пусть направляет Братьям, раз уж через несколько часов ему предстоит непосредственная встреча с ними. Пусть поспрашива-

ет. Можно, наверное, заменить материальное вознаграждение на получение информации. Удовлетворить, так сказать, свое любопытство, а не существенно пополнить семейный бюджет.

Хотя — нет, не семейный, только свой собственный, Братья почему-то настаивали именно на персональном контакте и персональной же оплате. И своего требования никак не объясняли.

Братья вообще ничего не комментировали, не предупреждали и не запрещали — земляне имели право вести себя как угодно... за исключением силовых методов воздействия. Попытки атаковать объекты Братьев пресекались сразу же, показательно и жестко: «Вы имеете право применить силу, а мы имеем право отреагировать на это любым удобным для нас способом».

Да. И контакт Братья строили так, как считали нужным. Первый год просто снабжали людей сведениями и технологиями, до неузнаваемости изменившими систему здравоохранения. Бесплатно, без каких либо условий и встречных требований. Плюс технологию быстрого и дешевого производства синтезаторов пищи. И только потом, когда стало понятно, что теперь люди будут жить долго, без голода и практически без болезней, Братья выдвинули условия дальнейшего обмена. В принципе, они могли потребовать все, что угодно: от полезных ископаемых, включая воду и воздух, до права колонизации некоторых участков Земли. Но Братья попросили только трупы. Покойников. Тела недавно умерших. Жмуриков, мертвяков, преставившихся. Трупы — и ничего больше.

Это был шок.

Земляне не сразу поверили, несколько раз попросили подтвердить полученную информацию. Братья подтвердили. И снова подтвердили. И снова.

Они были готовы передавать свои технологии... или готовую продукцию, в случае невозможности Земли быстро овладеть новыми знаниями и умениями, на тела умерших. И погибших тоже.

Выглядело все так: человек умирал, ближайший родственник брал тело, доставлял его к указанному месту, передавал Братьям и получал возможность выбрать из предложенного списка что-нибудь от щедрот инопланетян. И дальше распоряжаться полученными сокровищами по своему усмотрению.

Чаще всего — продавать это государству. Братья строго-настрого запретили государствам просто так отбирать полученное. Только сделка, и только добровольная. Чем именно Братья пригрозили всем правительствам в случае нарушения этих условий, общественность только догадывалась, но, видимо, чем-то серьезным — не было ни одного случая попыток обмана или насилия. Во всяком случае, в цивилизованной части Земли.

Государства честно, насколько это было вообще возможно, приобретали инопланетные артефакты у своих граждан. Те, кстати, имели право ничего и не продавать, все оставить себе. Правда, в этом случае государство не гарантировало безопасность при доставке покойников к месту обмена.

Было еще несколько ограничений — родственник должен быть только ближайший, и он никоим образом не должен содействовать смерти ближнего своего. Попытки, естественно, случались. И сдать родственника, которого сам же и убил, в расчете на то, что Братья не смогут распознать, а государство не будет особо стараться в расследовании смерти, и предложить для обмена труп совершенно чужого человека по поддельным документам...

Братья организовали трансляцию в Сети того, что именно происходило с разоблаченными убийцами и мошенниками, попытки сразу же прекратились. Никто не хотел умирать. Особенно таким неприятным образом. И так долго. Ходили слухи, что эти несчастные до сих пор умирают, испытывая адские муки. Хотя — это были только слухи. Никто не мог этого выяснить... разве что, сами Братья эти слухи и распространяли.

В общем, смерть стала тихим семейным бизнесом.

Умирал человек, Государственная комиссия сообщала всю информацию об умершем и о его родственниках Братьям (быстро сообщала, в считанные минуты), а те указывали, кто именно, по их мнению, может передать тело. И, соответственно, получить богатство. Кстати, он, этот ближайший родственник, мог и не передавать, это право Братья тоже закрепили в Соглашении. Всякий избранный мог отказаться отдавать тело, и никто не мог его заставить.

«Если вдуматься, это форменное свинство. Сволочи они, эти Братья. И провокаторы. Нет, если за каким-то чертом им нужны были земные покойники, то нужно было просто потребовать. Обязать Землю передавать тела. Оплачивать, да, но не оставлять выбора людям. Тогда был хоть какой-то шанс сохранить уважение к человеческой породе — нас заставили, от нас ничего не зависит... Зависит, мать твою. Только от нас и зависит».

Командир помотал головой, отгоняя неприятные мысли.

Штатные психологи Бюро им всем внушали, что ничего предосудительного экипажи спецмашин не делают. Выполняют работу, получают деньги — и только. Если откажутся они, то найдется кто-то другой. Очень удобное оправдание. Только вот почему-то экипажи скрывают даже от родственников свое место работы и род занятий. Нет, понятно, что сохранять инкогнито нужно в первую очередь для безопасности: существует угроза того, что кое-кто из землян решит, что такой вот некрообмен — штука не просто неприличная, но даже и преступная. И примутся физически наказывать всех причастных к этому.

Но ведь не только по этой причине Командир рассказывал своей жене о командировках, а стрелки вроде как были водителями-дальнобойщиками... Люди странно относились к работникам Бюро. С брезгливостью какой-то, с отвращением...

Да и сами члены экипажей...

В принципе, никто от них не требовал одобрения обменов. От них требовалось точное и неукоснительное выполнение инструкций. И все. Точное и неукоснительное.

Легче от этого членам экипажей не становилось. Вот не становилось, и всё. Кто-то впадал в депрессию, кто-то начинал спиваться, а несколько человек даже попытались покончить с собой. Некоторые — вполне успешно.

«Понимаешь, Макс, — сказал на прощание Командиру один из стрелков, подавший рапорт об уходе из Бюро, — все это, конечно, правильно. Люди сами решают, отдавать покойника или нет, это их дело, а мы только перевозим. Отвез-выгрузил-свободен. Но ведь я — стрелок, ты помнишь? Мне ведь придется стрелять, если что. В людей, между прочим, не в инопланетян, и не в этих... пассажиров, а в людей, с которыми я, в принципе, согласен. Ты понимаешь меня?»

Командир его понимал. И понимал, что ничего нового в государственной службе тот стрелок не открыл. Точно так же может думать полицейский в шлеме, бронежилете и противогазе, разгоняющий какую-нибудь массовую акцию на улице или защищающий очередного продажного политика, финансового афериста или заворовавшегося президента. Ничего нового. Только вот легче от этого все-таки не становилось.

«Счастье, что Непримиимые пока ограничиваются призывами в Сети и мирными акциями протеста у представительств Бюро. Более-менее мирными. И пока... Черт. Следить нужно за своим языком, — подумал Командир. Хотя, что тут играть с самим собой в прятки? Рано или поздно кто-то из борцов за человеческое достоинство... за достоинство человечества, возьмет да и выстрелит в проезжающую спецмашину. Машины, конечно, замаскированы под обычные грузовики, маршруты засекречены, точки перехода постоянно меняются, но ведь нет ничего тайного, что не стало бы явным».

— Все, Командир, вышли из города, — сказал водитель.

Командир и сам видел на карте, что они проскочили объездную трасу, но водитель всегда сообщал о преодолении очередного этапа. Информация о маршруте выдавалась на экран его монитора порциями, до следующей точки коррекции оставалось два с половиной километра.

Командир набрал очередной код из списка, карта на мониторе мигнула, и полоска маршрута протянулась дальше, еще на десять километров. «В общем, неплохо, — прикинул Командир. Места не глухие, но и не перенасыщенные движением. Проселки вдали от трасс. Кататься да наслаждаться, чего еще нужно? Время идет, денежки капают, лично ты ни за что не отвечаешь, кроме как за доставку — чисто экспедитор с жалованьем генерального директора.

Если бы еще заткнулись пассажиры».

— А теперь можно попить воды? — спросил Чудак.

— Конечно, вода в бачке. Вон там, сзади. Синяя кнопка — холодная, красная... ну, вы и сами разберетесь...

— И мне захватите стаканчик холодной, — сказал Толстый. — Там какие стаканы? Одноразовые, по сто двадцать миллилитров? Тогда мне полный. Холодной воды.

Оба стрелка одновременно обернулись к Чудаку, с интересом ожидая продолжения. Чудак замешкался на секунду, потом кивнул и пошел в конец салона, неуверенно переставляя ноги и касаясь рукой стенки, будто ожидая, что машину может тряхнуть. Или на самом деле ожидая этого.

«Да, — подумал Командир, — какие смешные бывают люди. Им-то знакомства всего на несколько часов, дальше они практически наверняка больше никогда не встретятся, но один все равно пытается сесть на шею ближнему своему, а второй с готовностью... ну или без возражений шею под задницу подставляет».

Чудак налил воды в стакан, выпил. Налил еще раз — снова выпил. Снял стаканчик, сунул его в мусоросборник. Командир краем глаза заметил, как Лунев разочарованно покачал головой — надеялся, наверное, что бедняга хотя бы плюнет в стакан Толстому. Вот ведь укатала жизнь человечка... Ведь не буддист ни разу, не толстовец, вон, дергается, щурится, словом — подвержен эмоциям, вроде как не склонен к непротивлению злу, а приказ хама — выполняет.

— Ваша вода, — тихо сказал Чудак, протягивая стаканчик Толстому.

— А? Да. Давайте, — Толстый медленно повернулся к Чудаку, посмотрел на того с некоторой безразличностью на лице. — Сюда, на столик ставь, в гнездо...

«Ставь, — оценил Командир. — Не ставьте, а ставь. На «ты». И где твое «спасибо», пузан? Или ты привык дожимать человека, давшего слабину, втаптывать его в грязь, мешать с дерьмом и даже не получать от этого удовольствие, а воспринимать это как должное? Ну и сволочь же ты, Толстый!»

— А впрочем, — вдруг сказал Чудак напряженным голосом. — Какого черта, впрочем? Ваша вода, сэр!

Чудак, не торопясь, поднял руку со стаканчиком и перевернул его над головой толстяка. Струйка вытекающей воды пришлась тому в макушку, толстяк дернулся, пытаясь вскочить, но ремни жестко удержали его на месте. Вода в стаканчике закончилась, Чудак припечатал его к голове Толстого, сминая.

— Еще воды принести? — осведомился Чудак дрожащим от возбуждения... или от радости голосом. — Я могу, я быстро...

Он вернулся к мусоросборнику, выбросил стаканчик и уселся на свое место.

Толстый матерился сквозь зубы, вытирал голову и лицо платком, но даже не пытался что-то сказать непосредственно Чудаку. А тот, напряженно ожидавший продолжения, вдруг расслабился, и на его лице появилась улыбка. Почти блаженная.

— А ведь здорово, — сказал Чудак. — Я и не знал, как это здорово...

— Еще можно было в рожу дать мудаку, — Пацан показал большой палец. — С колена, с колена удобно въехать сидящему. Так — бац! — и нос вдребезги, кровь, синяк потом на всю рожу. Я бы врезал. Но так тоже неплохо. Ты бы кипяточку набрал, братан! Вот бы повеселились!.. А если ты сейчас, жирдяй, хоть слово вякнешь, так я тебе в рыло дам. Понял?

Пацан радостно засмеялся в предвкушении возможности дать в рыло толстому уроду и расстегнул ремни безопасности. Демонстративно отбросил их в стороны, на подлокотники.

— Командир, если клиенты между собой разбираться начнут — ты встрянешь? — спросил Пацан.

— Можно я? — спросил Токарев и поднял руку, как на уроке. — Ну пожалуйста...

Командир покачал головой. Вот выйдут из машины — пусть хоть глотки друг другу перегрызут. А пока...

— Уважаемые пассажиры, — Командир увеличил громкость почти до максимума, поэтому его голос прогремел в салоне, словно взрыв, пассажиры дернулись и замерли. — Если еще раз повторится нечто подобное, то я буду вынужден принять меры ко всем нарушителям порядка. Начну с наручников. Всем понятно?

— Понятно, — быстро ответил Кролик, подергав носом, словно принюхиваясь в поисках опасности. — Как не понять?

— Еще раз повторяю — всем понятно?

— Да, — буркнул Толстяк, все еще пытаясь восстановить прическу.

— Да, — вздохнув со всхлипом, сказал Чудак.

— Без базара, — помахал рукой Пацан. — Я, если что, кому надо после путешествия по сопатке надаю. Так будет можно?

— Вне машины — ваше право.

— Мое право, — повторил Пацан. — Слышал,

урод? Что, заткнулся? Вот и правильно. А то начал тут права качать... Ну едем, ну Командир главный... Чего тебе еще? Ты скоро миллионером станешь, урод. Так нет же, тебе еще водички в стаканчике холодной... Ну не козел? Козел! Ты его правильно намочил, друзан. Таких вообще мочить нужно.

— Как мне надоели эти... — тихо сказал Чудак. — Они такие правильные, такие уверенные... Они сразу меня вычисляют. Хоть тысяча человек будет — все равно меня заметит и пошлет... Я ведь хороший специалист. Классный. Я такое могу сделать, что другой даже представить себе не способен, но на второй день, куда бы я ни пришел работать, начальник начинает от меня не только работы требовать, но еще и лакеем пристраивать... или стукачом... Сколько я работ сменил... и ведь не дашь в рыло, он ведь охрану позовет или ментам сдаст... Или даже еще хуже, станет потом звонить моим новым работодателям, сообщать, что я — вор, склочник... Ненавижу! И ничего нельзя было сделать. Ничего! На улицу уйти, бутылки собирать? У меня жена и дети. Жена и дети. Двое. И приходилось терпеть такое... Домой придешь — руки трясутся, ложку удержать невозможно. Жена все понимает, но ведь ничего не может ни подсказать, ни помочь... Да. Я бы никогда... никогда бы не повез тетку... к Братьям бы тело не повез. Противно это. В самом деле — противно. Она ко мне хорошо относилась, как мать была. И с детьми нянчилась, и вообще... Я бы никогда ее не повез, но тут... Это ведь шанс, сказала моя жена. Правда-правда, шанс. Тебе не нужно будет работать, сказала моя жена. Ты будешь защищен от этих уродов... Мы будем вместе. И дети... А так — я бы никогда. Это мерзко. Это неправильно, она ведь моя ближайшая родственница, а я... Но ведь так я просто сошел бы с ума. Они бы меня... И что делать моим? Жене? Детям?

— Самая родная, говоришь? — со злобой в голосе спросил Толстяк. — Да, конечно. Ты — слюнтяй и рохля. Полное ничтожество, у тебя на роже напи-

сано: плюнь сюда. Все вокруг виноваты, один ты — белый и пушистый. Тетку свою на опыты везешь и придумал оправдание. Хорошее оправдание, чего там, стать человеком на нечеловеческую подачку. А что там с ней делать будут — тебя не касается, конечно. У тебя жена и дети...

— Да — жена! — выкрикнул Чудак. — И дети! А ты... ты...

— Сидеть! — приказал Командир. — Если кто-то сейчас попытается встать — я применю силу. Пристегнуться. Я сказал — пристегнуться!

Чудак оскалился, словно собирался вцепиться в кого-нибудь зубами. Словно собака — не бойцовый пес, а уличная шавка, мелкая и трусливая, но доведенная до отчаянья. Потом застегнул ремень дрожащими руками, с третьей или четвертой попытки. Замер, скорчившись, стиснув кулаки.

— Ну почему сразу опыты? — спросил Кролик, дернул носом и поправил очки. — Зачем им для опытов именно только что умершие, свежие, так сказать? И, в конце концов, что, они не могли бы набрать нужное количество трупов где-нибудь в Африке? Там регулярно кто-то кого-то вырезает. Тысяча трупов — да пожалуйста! Без проблем. Да им просто не нужно было нам все эти лекарства передавать и решать продовольственную проблему. Тысячи — сотни тысяч людей... покойников в их распоряжении. Не так? А они вначале намудрили, уменьшили количество потенциальных покойников, и только потом... Нет, тут дело не в эксперименте, точно вам говорю. Тут что-то другое.

— И что же? — осведомился Толстяк. — За каким чертом им все эти сложности? Сам говоришь — все можно было сделать и лучше, и больше... Нет, тут все хитрее. Если бы они сразу начали трупы собирать, так мы бы их возненавидели. Такие вон, как этот психованный. Трупоеды, некрофилы... Нет? Даже сейчас иногда такое звучит...

— Иногда... — хмыкнул Пацан. — Как их только в Сети не называют!

— В Сети... Да хоть на лбу напиши, а так, в реале, вся ненависть сосредоточена на нас, на таких, как я, и ты, и ты, и ты... Нас ненавидят, это мы сволочи, телами родственников торгуем. Мы — грязные мерзавцы... А сами неплохо на нас наживаются.

— Это как?

— А что, кто-то отказался от лекарства, которое произведено по технологиям, полученным через такие... некрообмены? Энергией, которую мы получаем из новых генераторов, — кто-то брезгует? Мы не кушаем эту замечательную черную икру из биореакторов? Лопаем, пользуемся, греемся, лечимся и называем людей, все это предоставивших, гробовщиками. Подонками, мерзавцами, манкуртами... И знаете, что я вам скажу? Это все не от чистой совести и высокой нравственности — это от зависти. От простой колючей зависти, господа! Этот вот, борец за собственное достоинство. Он никто, дерьмо, неспособное чего-либо добиться. Но Братья ему такую возможность дали, и он тут же стал человеком, обрел достоинство... А на самом деле только получил возможность сделать то, о чем давно мечтал, но на что у него не хватало ни ума, ни силы воли. И он, конечно же, всячески не одобряет это. Но вынужден... — Толстый с наигранной печалью покачал головой. — Давайте ему посочуствуем...

— Ты... ты рот закрой! — крикнул Чудак.

— Это почему же? — поинтересовался Толстый. — Это почему только ты имеешь право голоса? Вот ты... ты везешь свою тетку инопланетянам. Имеешь право. Тебе даже повезло, что тетка твоя в жизни ни одной операции не делала, иначе Братья ее бы не приняли. Не знали, да? Что, правда не знали?

Толстый, насколько ему позволил ремень, оглянувшись, с искренним удивлением посмотрел на Кролика, Чудака и Пацана.

— Вы что, дебилы, даже бумаг не прочитали, которые давали в этом похоронном бюро? Покойничек должен быть целым, неповрежденным. В смысле —

одним куском. Так его хоть под каток сунь и в блин раскатай — если органы все на месте, если не оторвались друг от друга, то вполне можно сдать и обменять. А если вот аппендикс вырезали или даже миндалины удаляли — все, товар порченный, — Толстый помахал рукой. — Пока-пока! Зубы, правда, не считаются. Хоть все зубы удали — нормально, примут. И еще аборт не считается. Если внутренние органы, опять же, не повреждены в результате. И пластические операции тоже не препятствуют. Тут мне повезло, да. Моя благоверная пять аборт делала. Пять, представляете? И штук пятнадцать пластических операций и коррекций. Когда подохла, наконец, я даже и не подумал, что могу выиграть в эту мертвяцкую лотерею с такой латаной дохлой сукой, а оказалось — вот, пожалуйста. Всю жизнь из меня эта тварь соки тянула — на операции, на шмотки, на диеты, на курорты, на маникюр, на массаж, на то, на се, на черта, на дьявола... Если посчитать, то не такой уж высокой у меня прибыль получается от этой сделки. Но ничего, хоть свое верну, и еще на девок останется. Из бизнеса я хрен стану вынимать денежки на гульбу, а вот эти, от Братьев подарочек — с удовольствием прогуляю с шалавами где-нибудь на теплом море-океане. А что эти уроды из космоса с ней сделают — мне наплевать. Хоть на опыты ее пустят, хоть оживят и будут на ней воду возить... сексуальной игрушкой сделают. Что там еще предполагают? Съедят? Да пусть жрут! Было бы можно, я бы ее хоть десять раз свиньям скормил... Сам не знаю, как удержался и лично ее не грохнул. Не заказал даже. Вытерпел, и теперь — награда. За терпение!

Последние слова Толстый выкрикивал, размахивая руками. Раз или два врезал по подлокотнику, расшиб костяшки пальцев на правой в кровь. Алые брызги слетели с его руки на брюки, но Толстый на это внимания не обратил.

— Что уставились? Чего мне ее жалеть? Кто-то из вас такую пожалел бы? Скажите мне честно — пожа-

лел бы? Вот ты... — Толстый ткнул пальцем в сторону Егора Токарева. — Ты бы не отдал?

«Сейчас Егорка его пошлет, — подумал Командир. — С ходу, не задумываясь». Но Егор молчал. Именно что задумался стрелок. Как-то они говорили о том, можно или нельзя своих покойников отдавать, и вроде Егор был полностью уверен в том, что нельзя... А тут молчит, опустив взгляд. «Неужели слова этого подонка, слова Толстого так на него подействовали? — Командир недоверчиво покачал головой. — Странно».

— Не знаю, — после долгой паузы сказал Егор. — Вот честно — не знаю. Нехорошо это. Ты вот жену нелюбимую везешь, тебя понять, наверное, можно... Вот почему ты с ней не развелся — не понимаю, если детей нет. Нет, ладно, допустим, там имущество, денежка. Ладно. Но когда нужно кого-то родного отдать... Мать, например...

— А что в этом такого? — вмешался вдруг Кролик. — Мать... Почему можно зарыть в землю и оставить гнить, а отдать — нельзя?

Голос его дрожал, нос дергался, и пальцы тряслись, когда Кролик поправлял поминутно очки.

— Мы жили в двухкомнатной квартире... хоть не в однокомнатной, и то повезло. Она всю жизнь проработала учительницей. Наверное, хорошей — к ней ученики часто приходили... на праздники, на день рождения... Хорошая, наверное, была учительница. И как мать — добрая. Говорят, на своих детей у педагогов времени не хватает... А у нее находилось. И поиграть со мной, и поехать куда-нибудь... куда денег хватало. Отец давно погиб, я еще грудником был, только ее и помню. Она сама меня тянула, так замуж снова и не вышла. А я не женился. Куда я молодую жену приведу? К нам, в «двушку»? И маме к старости устроить шоу «Две хозяйки на кухне»? Я ведь даже девушку не мог к себе привести: какая порядочная согласится остаться у меня ночевать, если мы в квартире не одни? Нет, мама никогда не вмеши-

валась, всегда улыбалась, предлагала чаю... Но я не мог. Понимаете? Не мог я так. А потом мама умерла. Меня даже дома не было, пришел вечером, а она... — Кролик снял очки, вытер стекла о рубашку. — И тут мне сообщают, что... ну что можно обменять... Я сразу решил было, что не буду. Что нельзя, неправильно. А потом подумал: а что сказала бы мама? Она ведь всегда пыталась мне помочь — поддержать, защитить... Она всю свою жизнь мне отдала, так неужели после смерти... после смерти она отказалась бы мне помочь? Нет, она сама бы предложила. Мы с ней никогда об этом не говорили, но она не отказала бы. Настаивала бы... Она... Она у меня...

— Ага, — противным голосом засмеялся Толстый. — А ты ее — на консервы. А еще говорят, что у них, возможно, мода на чучела из людей. Любят набить опилками человека, лаком покрыть и поставить в комнате. Или просто голову на стену, как мы — кабаньи или оленьи. Ну, мало ли на что? Мы же их практически не знаем. Называем Братьями, а о чем они думают, как мозги у них устроены — никто не понимает. Я спрашивал раньше, мне сразу интересно стало. У профессоров спрашивал, у писателей. Зачем им покойники? Знаете, что мне говорили? Сказать?

— Скажи, — Егор Токарев бросил быстрый взгляд на пассажира и отвернулся.

— А разное сказали. Ну, про поедание серьезные люди не говорят, понятное дело. Это так, базарные сплетни. А вот про то, что на их основе могут создавать нечто вроде биороботов — вполне. Доктор наук один сказал, что, в принципе, если экстраполировать их наработки в области медицины, то оживление покойников и бессмертие где-то совсем рядом. Нужно сделать всего один шаг. А может, они этот шаг уже сделали и клепают теперь роботов? Для реконструкции планет, для добычи полезных ископаемых, для создания армии... Прикинь, недоделок, твоя мамаша прилетит на их корабле тебя завоевывать... Выпустит тебе кишки, а? Любя, конечно. Нет, невозмож-

но? В этом случае, между прочим, понятно, зачем они вначале нам лекарства и технологии передали, уменьшили, так сказать, свои первоначальные поступления. Это поначалу уменьшили, а потом, когда люди снова достигнут возрастного предела, — поток им пойдет в полном объеме. И получают они столько покойников, сколько им понадобится. Хорошего качества покойников, на правильном питании выращенных, с неиспорченными внутренностями. Нет?

— Нет! — выкрикнул Кролик. — Нет-нет-нет-нет! Не так. Не может такого быть! Они поставили условие — ведь не просто так тела принимают. Вы же знаете — только самый близкий родственник может передавать тело. Только самый близкий. Они за этим следят строго... наказывают... наказывали, если что не так... И убивать родственников не позволяют. Убийца не может отдать свою жертву. Не может, слышите! Тогда зачем они это делают? Может, они поступают так, чтобы сделать свои подарки не подарками? Может, у них в культуре так сложилось, что тела ближайших родственников являются величайшей ценностью, и они просто переносят на нашу цивилизацию свои нравственные критерии? Чтобы не просто так одаривать нас, а произвести равноценный обмен?

— Жена родственником не является, а ее принимают, — буркнул Толстый. — Не знаешь ни хрена, а несешь... Прикалываются Братья. Шутки у них такие.

— Или эксперимент проводят, — бесцветным голосом произнес Антон Лунев. — Психологический. Смотрят, как мы себя поведем перед соблазном. Что мы будем делать, если нам предложат такой вот обмен? Не кого ведь попало требуют — родственника. Или жену-мужа, самого близкого человека. То есть, на глобальном уровне им уже все понятно — правительства согласились. Разрешили устраивать торги, сделали это законным. Братьям понятно — на официальном уровне... на государственном, человечество готово на такие действия. Только мусульманские страны, кажется, еще не согласились, но и у них, вро-

де... Во всяком случае, они покупают то, что обменивают все остальные. Используют. На уровне социума, там в обществе, люди пока не определились. Кто — «за», кто — «против». Это пока лично выбирать не приходится, отдавать или нет. А как припечет...

— А что в этом случае? — спросил Егор. — Я вот ни разу не видел того, кто отказался от обмена... А ты?

— А ты дурак, что ли? Ты только и видишь тех, кто согласился. Ты им покойников перевозишь, обеспечиваешь безопасность, — невесело усмехнулся Антон. — А те, кто отказывается, дома сидят. Может, в Сети хвастаются... Я читал таких. Много.

— Ага, — с готовностью кивнул Пацан. — До фи-га таких в Сети, только сколько из них на самом деле отказались? Ведь могилка-то в любом случае есть. Согласился, типа, или отказался, а гробик ты все равно на кладбище отвезешь да зароешь. Могилка, крест — все как надо. А начинка какая у могилы, тело родственника или манекен, — только ты знаешь и парни из этой вот конторы...

Пацан указал пальцем на Командира.

— Я вчера могилку организовал. А вы?

— Вчера, — кивнул Чудак.

— Вчера, — подтвердил Кролик.

Толстый молча кивнул.

— И что классно, даже родственники не знают. Если ты не захочешь с ними делиться, то и ладненько. Потом потихоньку слиняешь, чтобы внимания не привлекать. А так — все как надо. Крест временный деревянный, а через год — каменное надгробье поставлю. Пусть стоит, мне не жалко. Будет куда прийти, плюнуть в рожу. Или даже отлить папашке...

— Отцу? — переспросил Кролик.

— Ага. Прикинь, смешно получилось. Он всю жизнь над матерью издевался... Ну, как всю жизнь. Они развелись, когда мне семь лет было. Он ни копейки на меня не дал. Ни копейки, прикинь? Мать в суд хотела подать на алименты, он пришел, ее из-

бил, меня пнул... Сволочь. Я тогда руку сломал, хорошо я тот вечер запомнил. Мать его боялась, так и не написала заявление. А он... Как выпить негде, так к нам приходил. С друзьями. Насвинячат, мать выставит закуску, он ее, наверное, и это... под настроение... любил физически. Биологически. Она не отказывала, боялась. За меня боялась. Мне как шестнадцать стукнуло, он явился к нам, я его битой встретил. С лестницы спустил и обе ноги переломал. Он, сука, пожаловался участковому, но тот знал, с кем дело имел, — и сам мер не принял, и в райотдел как нужно написал. После этого — исчез, сука. Не было почти пять лет, мать на человека стала похожа, я...

— Не лъсти себе. Ты на человека похож не стал, — вмешался Толстый, у которого, похоже, чувство самосохранения сегодня было напрочь подавлено обидой.

— Я — не стал, — согласился Пацан. — А что, кто-то хотел, чтобы я стал похож на человека? Кто-то в жизни хоть раз мне помог?.. Наше правительство, школа и эта... общественность? Не путайся под ногами, не мешай людям жить... а сам можешь хоть сгнить... Мать стала на человека похожа, я дергаться перестал, понял, что выше себя не прыгнешь, а тут — бац, папаня какого-то дерьма напился да ласты склеил. И вышел мне подарочек. Повезло.

Пацан провел пальцем по надписи на своей футболке.

— Я себе таких десятков заказал, потому что — повезло, ясно? И мать смогу в нормальную хату переселить, и сам...

— «Бумер» купишь, «адидасов» кучу, пивасик каждый день, от пуза... — подхватил Толстый. — Потому что повезло. А потом женишься на какой-нибудь шалаве и станешь ей морду бить за измены... или по настроению. Сына своего гнобить... Или сделаешь его таким же, как ты. А он будет смотреть на тебя и ждать, когда ему повезет. Ему же тоже должно рано или поздно повезти. Хотя повезти может и твоей шалаве. Мне вот — повезло же с женой...

★ Пацан не ответил. Сидел молча, уставившись невидящим взглядом куда-то в стену. Наверное, подумал вдруг, что Толстый прав? Что жирная сволочь хотя бы представляет себе, чем займется, что сделает на полученные от инопланетян деньги, а Пацан... Он, может, и хороший в душе, любит мать — как может любит, жалеет. Но ведь дальше...

Командир скрипнул зубами и перевел взгляд на монитор.

Дорога почти пустынна, легкий снег падает на асфальт, встречных машин нет.

— Следующий отрезок, — напомнил голос водителя в наушнике.

— Да, конечно, — Командир ввел очередной пароль, новый отрезок маршрута высветился на карте.

Пустая дорога. Никого навстречу.

Твою мать! Командир включил запись с видеорегистратора — последние десять минут — ни одной встречной машины. Вообще, с тех пор, как они свернули на этот проселок — навстречу не попало ни единого автомобиля.

— Илья, — тихо, чтобы не привлекать внимания остальных, позвал Командир.

— Да.

— Движения на дороге нет, обратил внимание?

— Нету, — подтвердил водитель.

— Думаешь, тут всегда так?

— А хрен его знает... — протянул Илья. — Я никогда здесь не ездил, может, тут... хотя, конечно, странно...

— Стрелки! Готовность, — приказал Командир.

— Первый — готов, — быстро ответил Лунев.

— Второй — готов, — отчеканил Токарев.

Всё, болтовня закончена, будто ее и не было. Крестики прицелов заскользили по экранам мониторов, останавливаясь на деревьях и кустарниках, словно стрелки пытались раздвинуть ветки, чтобы заглянуть внутрь.

Включился тепловизор — небольшие пятна на деревьях, птицы. Людей не видно, хотя уже есть такие

костюмы, которые скрывают тепловое излучение человека... Но откуда такое оснащение у Непримири-мых? Вообще не было пока ни одного нападения...

«Ключевое слово — «пока», — напомнил себе Командир. — Когда-то все случается в первый раз. У ко-го-то не выдержат нервы — и всё. И начнется. И если все равно с кого-то начнется, то почему и не с нас? Вот прямо сейчас?»

— Пассажирам пристегнуться, — Командир по-смотрел на обзорный экран. Господа счастливчики несколько побледнели, но, в общем, ведут себя нор-мально. То есть для человека, которого через несколь-ко мгновений могут вытащить из машины. Что, де-скать, сволочь, позоришь человечество? А вот тебе по сопатке! А вот тебе с носка! Ничто так не подни-мает среднего обывателя в собственных глазах, как возможность пнуть ближнего своего, да еще и с иде-ологически правильных позиций. А там борцы за честь и достоинство войдут в раж, отыщут более-ме-нее крепкую ветку на дереве, веревку, да и повесят предателей...

И чтобы этого не произошло, нужно будет стре-лять. По людям. Защищать тех, кто лично тебе про-тивен. Ведь противен же?

Крупное оранжевое пятно на тепловизоре пере-секло дорогу — собака. Бродячая собака, крупная. А может, даже волк.

То есть... Значит, если люди, которым ты, в прин-ципе, симпатизируешь или побудительные мотивы которых ты полагаешь правильными, соберутся на-казывать тех, кто лично тебе неприятен, то придется защищать этих, неприятных. И, что самое смешное, не из высоких моральных принципов, не оттого, что ты считаешь это правильным, а потому, что тебе за это платят деньги. Зарплату тебе платят и премиаль-ные за каждый рейс без происшествий и без жалоб со стороны пассажиров.

Ты скрипишь зубами, ругаешь себя последними словами, и больше всего злит тебя то, что и пасса-

жиры везут своих покойников не оттого, что считают это правильным, не оттого, что постигли замысел инопланетян, а из-за денег. Тупо — из-за денег. И чем ты отличаешься от них? «Тебе разве не противно это делать?» — спросил у Командира полгода назад Олежище. Накрыл «поляну» перед уходом, как положено, проставился, как следует, а на прощание, когда все уже были веселы и непринужденны, тихо спросил у Командира: «Тебе — не противно? И сам ты себе — не противен?»

Командир тогда ничего не ответил. И до сих пор старательно уклонялся от ответа, даже с самим собой старался этого не обсуждать.

Рейс, двое суток отдыха, снова рейс. Два месяца отпуска, ежеквартальные премии и выслуга. У нас ведь деньги просто так не платят, понимают, наверное, за что такие условия работы. И Олежище понимал, что такой работы он больше не найдет и что назад его не возьмут. Но все равно ушел. А Васька Крынкин, многодетный отец, не ушел. Честно тянул лямку, без нареканий. Случайно выстрелил себе в голову на охоте. Совершенно случайно.

А дорога — пустая. Судя по карте, до пересечения с трассой еще десять километров. Может, там какая-то авария? И все облегченно вздохнут, выскочив на трассу. На которой столкнулись два трактора и патруль перекрыл движение...

А может, и нет. Может, кто-то раздобыл что-нибудь противотанковое и ждет сейчас спецмашину за поворотом. Тут и тепловизор не поможет: только вынырнем из-за поворота, а в лоб — ракета. И всё. И привет. Пробоины, может, и не будет, но колеса отлетят, и пойдет дальше игра на добивание. И можно будет делать ставки — прибудет тревожная группа вовремя или опоздает.

Лотерея.

Черт. Кто-то из мужиков во дворе этим летом, когда снова зашел разговор о Братьях и трупах, сказал: а вдруг у инопланетян такая лотерея? Придума-

ли, мать их так, игру. Умер человек, его родственнику предлагают выбор — отдать труп или проявить гордость. Родственник тут голову ломает, а там, в космосе... на планете этих Братьев, народ ломится к букмекерам, ставки делает — согласится этот конкретный землянин или пошлет всех лесом, останется бедным, но честным... Ставки-ставки-ставки, потом — хрясь! — кто-то из Братьев выиграл и получает в зависимости от того, на что ставил. Мужики тогда долго ржали и прикидывали разные варианты. Даже Командир смеялся.

А если и вправду?

Почему тебе сейчас не смешно?

А когда Непримиримые начнут спецмашины жечь, появится еще один вид ставок — довезут труп или нет. Откуда мы знаем, как другие цивилизации развлекаются? Мы и на Земле шутим по-разному.

За поворотом — чисто. До трассы — семь километров.

Кто-нибудь когда-нибудь видел Братьев? Был личный контакт или нет? Или так, по телефону: «Алё, человеки! Мы вам чего выберете, а вы нам — трупы».

Зачем? Зачем трупы? Это ведь чушь, ясное дело. Совершеннейшая чушь. Если что-то в наших покойниках есть такое важное для инопланетян, нечто такое, ради чего стоит лететь через весь космос, так почему не выращивать там у себя клонов? Набрать тут клеток, ведь выращивают же на Земле органы для пересадок? По инопланетным технологиям выращивают, и кто-то писал, что, в принципе, можно не только печень или сердце, а всего человека вот так воспроизвести...

Но они заставляют нас выбирать. И не только тех, кто конкретно имеет право распоряжаться телами, а всех, каждого человека, потому что ведь каждый, кто против, может выйти на улицу — требовать, пикетировать, кричать, агитировать... Но нет демонстраций и пикетов. Люди ругаются, люди злятся, но всю свою желчь изливают по старой традиции на кухне... или

за бутылкой водки. И никто не требует, чтобы прекратили. Может, надеются, что им тоже выпадет такая удача? Не отдают себе отчет, но надеются? Отдать мать, отца, жену, мужа... Ведь не сами убивают, не клянчат, не подлят — просто хоронят тело не так, как обычно. Не зарывают его в землю, не суют в печь крематория, а... отправляют в космос, например? Чем это хуже?

Может, тем, что мы не знаем — что именно там происходит? Именно эта неопределенность нас злит и пугает? Если бы Братья сказали, что извлекают из тел наших покойников органы, восстанавливают их и пересаживают своим больным — мы бы даже испытывали чувство гордости. Даже если бы они перерабатывали тела на лекарства — мы бы тоже не испугались. Это было бы понятно. И за эту понятность мы могли бы себя простить...

Свет в салоне мигнул и погас.

Погасли мониторы. Только надписи, сделанные люминесцентными красками именно на такие случаи, светились в кромешной темноте.

«Выход», «Запасный выход», «Аптечка», «НЗ» и еще масса значков и пометок.

— Что это? — спросил хриплым голосом Чудак.

— Приехали, — сказал Лунев.

— Что значит — приехали? — Толстый испугался и не собирался своего испуга скрывать.

— Значит, что ваша остановка, — сказал Лунев. — Прибыли в точку.

— И нам выходить? — спросил Пацан.

— Всенепременно. Передайте привет Братьям.

— Внимание, прошу сохранять спокойствие, — сказал Командир. — Сейчас будет хлопок. Сработают камеры, в которых мы привезли тела.

Это было больше похоже на выдох, чем на хлопок. Кто-то долго сдерживал дыхание, а потом — выдохнул. Со всхлипом.

Давление в салоне резко упало, в ушах у Командира болезненно щелкнуло — Братья не проявляли осо-

бой заботы о пассажирах и экипажах, открывая двери спецмашины.

— На выход, — скомандовал Командир.

— А что там? — спросил Кролик.

— Не знаю. Посмотрите.

— А если я не выйду?

— Это обязательное условие, для проверки. Иначе теряете свое вознаграждение. А тело обратно не получаете.

— Суки, — тихо сказал Толстый, щелкая замком ремня безопасности. — Пойдемте, что ли?

— Иди первым, — приказал Пацан.

— Да что тут уже... — пробормотал Толстый и пошел к открывшемуся дверному проему. — Какая разница?..

— Обратно вы нас повезете? — спросил Кролик. — Командир! Вы нас повезете?

— Нет. Я даже не знаю, куда вас потом повезут. И кто. Об этом все было написано в инструкции, вам же выдавали?

— Слышь, жиртрест. Как там тебя? Что потом будет? — Пацан, похоже, уже начинал жалеть, что поссорился с Толстым. Самое время тому припомнить обиду, но нет. Ответил спокойно, без сарказма:

— Все нормально, пошли. Тебе предоставят список с предложенными для обмена товарами. А потом — отвезут для переговоров с представителями властей на предмет выкупа у тебя этих радостей.

— А... Ну ладно. — Пацан встал с кресла, пошел к выходу. За ним Чудак и Кролик. Не прощаясь.

Дверь закрылась.

Минут через десять свет в салоне загорелся, включилось оборудование, завелся двигатель.

— Продолжаем движение, — приказал Командир и стащил маску. — Я так понимаю, что будем маневрировать еще пару часов, прежде чем повернем домой.

— Гребаная работа, — сказал Егор.

— Зато теперь — два выходных и премия, — сказал Антон.

— Я обещал своих в цирк сводить, они очень дрессированных зверей любят, — словно оправдываясь, пробормотал водитель.

— Все мы... дрессированные звери, — объявил вдруг Егор. — Кто-то приучил нас — по команде ехать, тела отвозить...

— Дурак, — без злобы в голосе ответил водитель. — Точно — дурак.

Машина двинулась с места, следующий код вывел на экран весь оставшийся маршрут, как Командир и предполагал — извилистый и долгий. Смысла в этом, наверное, не было, но нужно было выполнить ритуал.

Кстати, может, и в обменах этих не было никакого смысла? Просто у Братьев выработался ритуал. Обычай у них был такой. И им, в общем, было наплевать на то, соглашается в данном конкретном случае человек на обмен или нет. Этот откажется — найдется сотня других, которые отдадут своих близких... тела своих близких. И вся эта суeta вокруг гробов, все эти самокопания и ругань — проблема людей, на которую инопланетянам плевать? Нет во всем этом ни сакральных тайн, ни подковырок, ни тестов, и, тем более, нет никаких тотализаторов. Мы вот при встрече здороваемся, хотя смысла в этом нет никакого, если разобраться. Они — просят для обмена самое ненужное... или самое ценное. Когда европейцы меняли аборигенам иголку, зеркальце, бусы на каучук, золото, жемчуг — потом с удовольствием ржали обе стороны. Европейцы были в восторге от того, что копеечную безделушку всучили за реально ценные вещи, а аборигены прекрасно знали, что золота, жемчуга и каучука они найдут еще сколько угодно, а вот иголку или зеркальце в джунглях или на островах посреди океана фиг достанешь.

Может, и тут нужно относиться ко всему происходящему проще?

Уже вернувшись в Депо и стоя под душем, Командир вдруг подумал, что есть еще одно объяснение происходящему. Очень забавное объяснение.

Человечество и вправду проходит тест. Отдать тело близкого человека в обмен на реальную пользу для себя и всего человечества или не отдать. Десятки, сотни и тысячи людей в день принимают это решение. Миллионы в год.

Братья все эти результаты плюсуют, складывают — крестики рисуют на листах бумаги, нажимают на кнопки какого-нибудь своего навороченного компьютера, камешки бросают в чаши весов... И рано или поздно тест закончится, будет принято какое-то решение.

Например — достойны люди жить или их все-таки лучше уничтожить. Или превратить в рабов. Или прекратить с ними какие-либо контакты. И каждый человек, который думает, что решает только свои внутрисемейные дела, на самом деле определяет судьбу всего человечества. Отдать — не отдать, жить или не жить, быть или не быть, вот в чем вопрос...

«С другой стороны, — подумал Командир, одеваясь в раздевалке, — даже если это так — мы ведь все равно не знаем критерия подведения итогов. Правда ведь? Хрен поймешь, с точки зрения инопланетян отдать тело матери в обмен на богатство — правильно или нет. Мы и сами не можем этого понять, а то, что думают Братья...

Нам остается только принимать решения в каждом конкретном случае, только для себя... А что там получится в целом — что получится, то получится, от нас ведь это не зависит, правда?

Я вот вообще ничего не решаю, только перевожу пассажиров и груз. Когда ассенизаторы возят дерьмо, они ведь не задаются проблемами бытия, не прикидывают, вносят ли своим грузом посильный вклад в обогащение почвы или травят землю. Возят, выливают и снова возят.

И не думать. Не думать. Успокоиться».

Он включил телефон, когда вышел из здания Депо. Девять пропущенных звонков от жены.

— Ты звонила, милая! — сказал Командир в трубку. — Что-то случилось?

Жена ответила странным тоном, будто не могла выбрать правильную интонацию:

— Лёша... Твой брат. Он попал в аварию... в катастрофу... Когда «Скорая» приехала, он уже умер. Максим, ты слышишь?

— Слышу, — сказал Командир, остановившись. — Где он сейчас?

— В морге. Уже три часа почти.

— Я еду туда.

— Да, конечно, — сказала жена. — И еще...

— Что?

— Как ты думаешь... Ты же у него ближайший родственник? Он же не женат... Может, тебе предложат...

Командир прервал разговор, взвесил на руке телефон, словно прикидывал — не забросить ли его куда-нибудь подальше. Это ведь его брат, Лёшка. Младший брат. Ведь сколько раз просили его оставить этот проклятый мотоцикл. И что теперь?

Командир посмотрел на телефон. Отключил его. Сел на припорошенную снегом скамейку, телефон положил рядом с собой.

— Ты только возишь груз, — сказал Командир. — Всего лишь возишь груз.

Сейчас нужно прийти в себя и заняться похоронами Лёшки. Еще вчера он был жив. Еще несколько часов назад он был жив, а сейчас... Сейчас Командир должен быть, понимая, что случилось непоправимое, что его брат, его Лёшка... А он вместо этого... вместе с этим, вдруг начинает думать: а что, если... А что, если ему предложат? Не задыхается от вопиющей несправедливости произошедшего... нет, задыхается, сердце вот что-то сдавило, и в голове шумит, но где-то там, глубоко... копошится мысль, отравляя все вокруг...

Командир снова посмотрел на телефон. Жена, наверное, пытается дозвониться. Вначале подумала, что связь просто прервалась, а потом... Ему предстоит тяжелый разговор.

Нужно включить телефон. Ничего ведь не случилось. И ничего не может произойти... он примет решение.

Два неотвеченных вызова. Один — жены. Второй — незнакомый номер.

Быстро они реагируют.

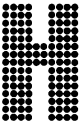
Телефон подал голос. Снова звонок с того самого незнакомого номера. Командир взял телефон в руку. Наверное, он надеялся, что звонок прекратится сам собой, но телефон не умолкал.

«Такие дела, Командир. Это ведь так просто — выбрать одно из двух. Так просто.

И если ты задумался над выбором — значит, ты уже признал возможность выбора. А может, ты уже выбрал?»

ЕЩЕ ОДИН ЧУДЕСНЫЙ ДЕНЬ

 ачинался еще один чудесный день.

Майское солнышко взошло над домами и улицами. Ленивые зайчики — медлительные, жирные — проникли в комнату, обшарили столы, диван и кресло. Тихонько посмеиваясь, плеснули светом сквозь прикрытые веки.

Василий сквозь сон потянулся и перевернулся с боку на бок. Проснулся. Спрыгнул с дивана, зевнул сладко.

Поднял трубой рыжий, ярче зайчиков-разбойников, хвост, хлопнул толстой лапой по полу и ворчливо уркнул — ужо вам, злыдни! Заиграетесь — будет вам. Это я просто сейчас ленивый, а так... Всех переловлю, поганцев.

Прошел в коридор, с интересом взглянув на чело-вечьи тапки. Нет, вроде вчера особо не безобразили, наказывать не за что, но иногда так приятно...

Ладно, помилованы. Больно день приятный.

На кухне выпил водички, закусил колбаской из красной миски, рыбкой из белой и залакировал все молочком. Сообразили оставить!

Все-таки хорошо он их выдрессировал. И мысли нет о том, чтобы новых заводить.

Напевая приятную послеобеденную песню, Василий проследовал на балкон — принимать воздушные ванны.

Погода была под стать настроению. Тепло, свежая зелень на ветках, черемухой пахнет — одурительно.

Птички летают — цветастые, жирные, кажется, лапу протяни — закуска сама прилетит.

Василий даже не выдержал — улыбнулся.

Взглянул наверх и влево. Так и есть, соседка сверху тут. Симпатичная, стройная кошечка по имени Семирамида — всё при ней. Сидит, греется.

— Здравствуй, малышка, — коротко бросил он, усаживаясь на перила. — Мне, конечно, наплевать, но если тебе это приятно — можешь спуститься ко мне, я не очень сильно разозлюсь.

— Ха! — коротко отвечала соседка.

Василий почувствовал себя так, будто его окунули с головой в холодную воду. А воды он, как всякий уважающий себя кот, терпеть не мог.

— Я понимаю, пламенная страсть лишила тебя дара речи. Милая, с этим надо бороться! Мы все же не настолько близки. Пока что, — вкрадчиво пропел он на одном дыхании.

— Да ты даже ко мне подняться не сможешь, тоже мне, герой-любовник... Сарделька ходячая! — Вздорная барышня издевательски хихикнула.

— Я, между прочим... — задохнулся Василий.

— Я ошибаюсь? Иди же тогда ко мне, мой милый!

Он грустно посмотрел наверх. Вот стерва. Вверх по гладильной доске, с нее на стену, еще немного вверх, потом — через пролет, зацепиться за низ балкона, а перемахнуть через перила уже дело техники.

Маршрут был легкий и приятен... Лет так пять и десять кило тому назад.

Но нравились ему стервы, такой уж характер. Кроме того, была задета мужская гордость.

Тяжело отдуваясь и поминутно оскальзываясь, полез вверх. Сердце вырывалось из груди.

В глазах потемнело, будто тяжелое свинцовое облако наполнило на солнце.

«Кончаюсь?.. Смертельная страсть», — успел трагически подумать Василий.

Услышал задушенный мям соседки, оглянулся, чудом не упав, — и ужаснулся.

Над городом висели, заходя на посадку, огромные, блестящие металлом овальные тарелки плавных форм.

Василий и сам не помнил, как взлетел наверх. Панический ужас гнал его вперед. Влетел в чужую квартиру, плечом поторопив хозяйку. Понесся с ней бок о бок, не разбирая дороги.

В мозгу билась одна мысль: «Бессмысленно. Все бессмысленно. Не уйти».

Он был прав.

* * *

Вовка Померанцев сидел на кухне и грустно смотрел на жалкие остатки растворимого кофе на дне банки. На чашку, и то навряд ли. Может, вообще плюнуть? Одной явно не хватит, а денег нет.

Это с одной стороны.

С другой — спать хотелось до ужаса. И уж точно без кофе было никак не высидеть пару у Злоботрясова — на редкость въедливого препода, возомнившего, что экономистам кровь из носа нужна аналитическая геометрия.

В самый разгар тяжелых раздумий за окном потемнело. В небе зависли свинцовые оладушки.

«Досиделся по ночам в Интернете, — понял Вовка. — Скоро еще и черти явятся, а потом санитары в пыльных шлемах склонятся грустно надо мной. Или там были не санитары?»

Он подошел к окну, достал смартфон, щелкнул пару снимков. К сожалению, на фото летающие блинчики никуда не исчезли.

Кухню залил яркий малиновый свет.

Вовка мигнул — тарелок больше не было в небе. Зато их покатые спины горбами вздымались из-за домов. Чужие приземлились. Вот так взяли и приземлились.

Низкий гул, от которого задрожали оконные стекла, прокатился по городу. Заболела голова. И голос,

странный механический голос произнес будто бы беззвучно, из самых глубин черепа:

«Спасайтесь/сохраняйте покойники/спокойствие. Они/оно/мы являться/врываться/захватывать грязь/земля/мир/с миром».

— Крындец, — отметил Вовка. — Это что, они нам говорят? С миром прилетели или мир захватили? Хрен поймешь. Или меня вообще глучит?

Голос тем временем на удивление складно продолжил:

«Система определила, что вы используете нелицензионную копию Космолингв 1.2.1. Внимание, данное действие карается в соответствии с соответствующими статьями Галакодекса и лицензионного соглашения. Немедленно удалите программу и обратитесь к системному администратору».

— Наверное, вот это он всё же им, — заметил Вовка вслух и нервно захихикал.

Кое-как совладал с собой, справился с мобильным и отбил сообщение в группу:

«Все видели? На аллее. Через час».

После чего заржал уже в полный голос.

* * *

Сквозь глубокий обморок Василий чувствовал, будто его обвевает пробирающий до костей ледяной ветер. Затем были вода и жар, способный испепелить мир.

Василий заорал бы от ужаса, будь он в сознании.

Но на долю его оставались лишь кошмары — и страх.

* * *

На аллее было приятно. Дул прохладный ветерок, ласковое солнце пригревало. Пахло свежей листвой.

— Нет! Нет! И еще раз нет, Ирочка, — заявил Вовка, наставительно направив палец в небеса. — Мы не пойдем на пару к Злоботрясову! Не время! Мир, Земля, возможно, вся Галактика в опасности! Нас захватили!

В общем-то, на пару идти никто и не предлагал, но Вовку несло. Вокруг происходили исторические события — и события эти требовали высокого штиля. Печенкой чуял — требовали.

Сёма, сидевший на спинке скамейки, поставив ноги на сиденье, серьезно заметил:

— Вова, ты перегрелся? Галактика к нам заявила, с ней как раз все в порядке. Но на пару забить можно и даже нужно. Не каждый день такое случается. Может, на смотровую площадку какую махнем? Мне сверху видно всё, все дела? Где у нас ближайшая?

Ира, хрупкая брюнетка, прилежная отличница, посмотрела на него неодобрительно сквозь стеклышки очков.

— Убери копыта свои! Тут, между прочим, люди сидят!..

— Ну да, — согласился Сёма. — Я, например. И ты хочешь, чтобы я сел чистыми штанами, куда кто-то, возможно, садился ногами? Не дожدهшься, радость моя. Но с моей тезой ты согласна, нет?

— Я, наверное, обратно домой, — решила Маша, поглаживая платиновый «конский хвост». — Вовчик, поможешь? У меня куда-то Васька делся, испугался, наверное. Найти надо.

— Найдется, — утешила Ирка. — Моя Дуська вообще спокойно отреагировала. Прижалась, смотрели вместе, потом жрать потребовала, маленькая.

Вовка выругался матерно. Медленно, по слогам, сказал:

— Ребята! Нас захватили. Все сдались, у всех дела какие-то. Вы в метро по сторонам глядели? Все на работу едут, в планшеты уткнувшись, будто и не было ничего! Это же коллаборационизм. С чего все взяли, что это мирные гости? У них даже проги нелицензионные!

Последний аргумент отчего-то не впечатлил собравшихся.

По аллее протопал староста группы Заглоба — стукач и любимец преподавателей, один вид жирной ро-

жи которого почему-то вызывал стойкое желание разбить ему пяточок.

— А вы чего на лекцию не идете?

— Сам не понимаешь? — нахмурился Сёма.

— Ха! Мы люди маленькие, нас это не касается. А вот сессия скоро, — менторским тоном сообщил Заглоба и пошлепал дальше.

— Видите? — взвился Вовка. — Им плевать, у них, понимаешь, сессия, работа, дела! Зарылись носом в повседневность, от страха-то.

— Видим, — кивнул Сёма. — И что ты предлагаешь?

— Разобраться, что происходит, для начала. В худшем случае, возможно, организовать Сопротивление или просто свалить из города. Правительства — курвы, они нас сдадут!

С последним согласились все.

— Но что делать-то нужно? — беспомощно развела руками Ира.

— А что мы знаем? — хладнокровно отвечивал Вовка.

— Ничего, — хмыкнул Сема. — К ближайшей тарелке смотаться предлагаешь? Так нас туда и пустят. Оцепили наверняка.

— Всё информация, — пожал плечами Вовка.

— Так, ни к какой тарелке мы не поедем, пока не найдем Ваську, — зарычала Маша.

— Тогда так, — мгновенно переориентировался Вовка. — Вы, ребят, едете к месту посадки. И просто слухи на улице и в Сети собираете. Мы едем искать Васю. Не мог же он из квартиры сдернуть? Через полтора часа встречаемся снова тут.

* * *

Василий пришел в себя... где-то. Металлические переборки и полное отсутствие дверей настроения не улучшали. Рядом лежала, все еще в отключке, соседка.

Кроме них, в камере никого не было.

Он потыкал девушку носом, удивившись, до чего же приятно та пахла. Она открыла глаза, улыбнулась:

— Ты пришел спасти меня?

— Конечно, детка, — веско сообщил Василий.

— И как же мы сбежим?

— Пока не знаю.

— Я верю в тебя, милый, — сказала она и заурчала.

Василия будто мягкой тряпочкой по сердцу погладили.

Одна беда. Он не знал не только как выбираться, но и где он оказался. Хотя подозрения у него имелись. И препоганейшие.

* * *

— Что случилось? — спросил Сёма, наморщив высокий лоб.

Был он до отвратительности бодр, в шуйце сжимал запотевшую от холода бутылку минералки. Ира еле попевала за своим кавалером, шагавшим весьма спорно, пусть и в задумчивости.

Вовка поднял взгляд от мрачной, словно надгробие, Маши. Развел руками — мол, нашли, что спрашивать.

Молчание нарушила сама Маша, выдавив:

— Котик мой бедный... — в голосе девушки почти не слышалось эмоций. — А дальше-то что? Неужели и нас так?..

Потом не выдержала, резко всхлипнула и отвернулась.

Вовка только вздохнул, приобняв её за плечи.

— Так, значит, не гон? — удивился Сёма.

— Ага, — кивнул Вовка. — Половина кошек, если не больше, пропала. Я же говорил — керосином пахнет.

— Как же Дуська осталась? — удивилась Ира.

— Везучая ты... — выдохнула Маша. — А если до нее доберутся? Гады, сволочи, содомиты!

Ира побледнела. Сёма нехорошо посмотрел на Машу, но ничего не сказал. Достал мобильник, потыкал пальцем.

— Вот, вебкамера у тебя на хате. Видишь, в порядке Дуська. На клавише спит, перегрев ноутбука обеспечивает.

— Мы должны их победить, слышите, — вдруг заявила Маша, сорвавшись на истерические нотки. — Это уже скотство! Котов нельзя обижать, слышите? Ваську надо вернуть!

— Да к чер... Ладно, не о том речь, — перебил Вовка. — Что узнали?

— Ничего особенного. Нормально оцепить все тарелки у властей людей не хватило, а может, договорились уже, но чужие и сами неплохо справляются. Стены металлические, дверей нет, фиг пройдешь. Висят в полуметре над землей — и всё. Кто-то сверлом пробовал — ровным счетом ничего не вышло. Кстати, когда садились, прохожих и машины как-то сдвинули. А вот памятник Вождю Пролетариата подавили на площади, прикиньте? — сообщил Сёма. — Возможно, это межзвездные диссиденты. Или, учитывая кошек, сериал про Альфа готовил нас к суровой действительности. Часть сразу схавали, а часть на развод оставили.

— Дурак, — сказала Ира, тревожно поглядывая на экранчик смартфона.

Маша заплакала.

Над аллеей на бреющем полете пролетел знакомый учебник по аналитической геометрии. Вслед за ним вприпрыжку с дикарским гиканьем пробежал Заглоба и начал его рвать зубами и ногами.

Все остоленели.

— Староста, ты чего? — выдавил Вовка.

— Злоботрясов! Гадина! — отвечал жирдяй. — Заявил, что раз конец света, то все давайте зачетки. Ну, я собрал, отнес ему. А он, а он... Два часа про Махабхарату рассказывал, а потом зачетки поджег и танцевать начал. Мы его схватить попытались, а он... он...

— Что «он»? — с трудом сдерживая смех, спросил Сёма.

— Вы не хотите знать, — всхлипнул Заглоба. — Как бог свят, не хотите.

— М-да, — повернулся к друзьям Вовка, — люди уже с ума сходят. Точно продали нас правительства. Сговорились.

— Не-а! — выкрикнул вдруг Заглоба, оказавшийся слухастым. — У меня дядя в аппарате президента. Ни с кем на связь не выходили, главный собрал манатки и свалил в бункер на Алтай. Вот оно как, значит.

— Вот оно как, — повторил Сёма. — Может, как у Лема, нечеловеческая логика формально даже на разум не похожа? Ведь знают, что слова понимаем. Знают, что ждем, что не понимаем ни шиша, а молчат.

— Молчат, — согласился Вовка.

— Ребят, — сказала Ирка. — Я тут подумала... А ведь Дуська породистая. Вислоухая. У кого такие же — тоже все при котях. И перса я у соседки видела... А исчезли дворовые...

— По идее, — задумался Сёма, — так не показательно. Надо бы побольше выборку. И вскрыть не мешало бы.

— Я тебя вскрою, — ласково пообещала Ира.

* * *

В камере становилосьлюдно. Кошки — разных расцветок, поведения и нравов, патриархи и совсем котята — толпились бок о бок. Непримиимые враги забывали о вражде. Пары ссорились.

Кто-то запел колыбельную — грустно, жалобно.

— Ну как? — спросила соседка.

— Было бы отлично, малышка, если бы меня не отвлекали. И прикрывайте, прикрывайте, наверняка все камерами напичкано, — с набитой пастью прорычал Василий.

Он уже снял одну из панелей пола и пытался про-

биться сквозь пучки проводов к какому-то распределительному щитку. Меньше всего на свете ему хотелось ненароком перекусить провод. Мало ли какое там напряжение!

Василий предпочитал оставаться в живых. Особенно теперь, когда Семирамида так на него смотрит.

* * *

— Наши девушки нас не ценят. Я больше скажу — они хотят нашей смерти. Ой взй, — Сёма был безутешен.

— Сам виноват, — зарычал Вовка, вглядываясь через бинокль в даль светлую. — Надо же было про Альфа ляпнуть! Это моя сразу сказала: котика не спасешь — можешь не возвращаться, а у тебя еще шансы были.

Друзья стояли на крыше многоэтажки неподалеку от ближайшего к квартире Маши места посадки.

— Друг мой, я начинаю задаваться вопросом, — сообщил Сёма, — а нужны ли нам такие дамы сердца? В конечном счете бытие монаха обходилось бы дешевле. Можно даже шаолиньского.

— Зато какие приключения, блин, — ответил Вовка. — Да и все равно бы полезли.

— И то верно. Надо же разобраться. Видишь что?

— Тарелка в полуметре над землей, да. Блокпост вижу. Пустой. На стене надпись, так: «Сами сторожите, подставляйтесь, гады. Не за нашу зарплату». Еще вижу... Стоп, да это ж Заглоба! Голый, простыней банной обернулся, с такими же римлянами. И плакатики у каждого: «Иисус был инопланетяниным». Ха, вот балбесы, через «О» пишется, не через «Ы».

— А остальное в их позиции тебя не смущает?

— Забей. Короче. Там психи в ассортименте, куча хипстеров селфи делает опять же, но охраны нет, трупов нет, можно лезть. Набор не забыл?

— Как договаривались. Паяльная лампа, кувал-

дометр, кислота, термит, еще мелочи всякие и супер-оружие — твой покорный слуга. Я зачарованный, от меня женские сердца батальонами бьются, не то что какие-то тарелки.

— Мечтай-мечтай, — Вовка опустил бинокль. — Но все же... Как бы нам эти чокнутые не помешали делом заниматься...

* * *

Василий ругательно ворчал себе под нос. Панель пришлось почти полностью прикрыть за ним, так что света было мало. Хуже того — у пульта управления обнаружилась добрая сотня кнопок — и ни одна не была подписана.

Одно хорошо — они хотя бы пахли по-разному, не перепутаешь.

Как его человек в таких случаях говорила? «Метод научного тыка способом русского Авося»?

Именно это ему и оставалось. Василий на всякий случай зажмурился и начал бить лапой по клавишам.

* * *

— Я дурной! Контуженный! У меня дрель! — разорвался Сёма. — Вот подойдете, я вам вжик сделаю, вжик! Есть желающие?

Желающих пока что не находилось, но это обещало продлиться недолго. Орды психов смотрели на них крайне недобро с тех пор, как поняли, что объекту религиозного поклонения грозит вскрытие. Блогеры, фотографы и прочие зеваки были не лучше.

Сейчас толпа остановилась. Кто-то уже дозвонился по сотовому до «неотложки» и призывал психиатрическую «Скорую» на помощь. Кто-то безуспешно пытался вызвать ментов. Несколько человек организова-

ли онлайн-трансляции их возни, а над головами уже минут пять как реял чей-то мультикоптер.

— Консервный нож?

— Не работает, — бросил Вовка. — Термит давай.

— Скажу тебе как витязь земли Русской витязю земли Русской, — зло пробормотал Сёма. — Провозишься еще двадцать минут — тут нас и повяжут. Причем сами. Не впечатляет их дрель, ну вот ни разу. И самое обидное — этих всех нормальными посчитают.

— Ты не русской, ты израильской. Земли.

— Тем более!

Шипение горячей смеси алюминия с ржавчиной заставило друзей замолчать.

— Похрен пляски, — констатировал Сёма.

— Хрен, — согласился Вовка.

— Время кувалды, — сказал Сёма. — Если и она не поможет...

— Нет времени на кувалду! Они уже опомнились, сейчас хватать полезут! Не убивать же дураков, — как-то излишне самоуверенно выпятил подбородок Вовка. — С нами крестная сила! За Русь святую!

Размашисто перекрестился — и пошел на таран матово блестящей стенки, внезапно распахнувшейся темным провалом перед ним.

— И почему все-таки коты... — пробормотал Сёма, прежде чем последовать за ним.

Края стенки вновь срослись. Зеваки загомонили и принялись быстро строчить твиты о только что увиденном.

* * *

Василий услышал, как пульт издал победную мелодию и затих. Все-таки он чего-то добился!

Но тут панель сверху распахнулась. Грубые металлические манипуляторы ухватили его под пушистые лапы. Отбегался, значит.

Когда его выносили из камеры, он успел крикнуть:
— Я люблю тебя, Семирамида!

Она лишь отвернулась.

«Глупо. Глупо. Глупо». — Мысль не давала покоя, билась в мохнатой башке, пока манипуляторы укладывали его мордой в пол.

Раздался голос — не вслух, а в самом нутре, голос на Старом Языке. Голос не был торжественным, лишь усталым:

— Выездная сессия трибунала двадцать бис сто сорок пять пятнадцатого сектора объявляется открытой.

— Невиновен! — завопил во всю глотку Василий, но еще один манипулятор тут же закрыл ему рот.

— Отвечайте на цивилизованном языке, подсудимый!

Василий бессильно заурчал.

— Итак, состав преступления налицо. Вы, Базилеус Стратокариус Четвертый и ваши подельники, обвиняетесь в массовом психическом воздействии четвертой степени на живые существа на пороге обретения разума, повлекшем среди них групповые психозы третьей степени, и злонамеренном использовании внешнего сходства с местной фауной с целью незаконной колонизации и установления рабовладельческого строя. Ваше слово, обвиняемый?

Манипулятор отпустил затылок. Седой кот в форме капитана третьего флота укоризненно смотрел на Василия.

— Я ни при чем! Предки!.. — напрягшись, транслировал он.

— И вы ничего не знали? То-то вы так удивились нам. Стыдно на вас смотреть, Базилеус. Противно. Загляните в местную инфосеть. Одни котики. Вы понимаете, какую психотравму нанесли обществу? Я не говорю о том, как вы чистили память вашим так называемым «хозяевам» — злая шутка, Базилеус! — при переходе от одного к другому с целью не допустить распространения информации о вашей реальной продолжительности жизни. Что, кстати, не

удалось. «Девять жизней», ага. Как вы пытались пристроить ваших дружков — чау-чау и панд — отдельная песня.

Василий беспомощно мурлыкнул.

— Ша! — ответствовал капитан. — К тысяча девятисотому году по местному летоисчислению полуразумные туземцы должны были уже выйти из периода войн. Тем более мировых. Возможно, обрести разум. А вы их искалечили. Да что я с вами говорю? Сын и внук рабовладельцев. Паразитов. Тьфу. Машина! Приговор. Дело передать на рассмотрение Высшему Суду. К подсудимому превентивно применить дисциплинарное воздействие первой степени. Привести в исполнение!

— Вам просто завидно! — из последних сил заорал Василий.

— И стыдно. В том числе за это, — грустно кивнул капитан.

Манипулятор ухватил за загривок — не вырваться. Распахнулся люк в полу, открывая взгляду зловонную лужу. Потащило мордой вниз.

— Нет! Мя-я-я-у-у-у-у!!!! — позабыл от страха «цивилизованный» телепатический язык Василий.

— Стоять! — землянская речь прозвучала музыкальной.

Удар кувалды сокрушил манипуляторы. Человеческая рука ухватила за загривок, вырывая шерсть, царапая ногтями, но это не волновало кота ни в малейшей степени.

Вторая рука ткнула капитана мордой в лужу.

Василий завопил от радости и попытался всеми четырьмя лапами обнять спасителя — кажется, самца его человека, кандидата на то, чтобы стать вторым его рабом.

«Прошел. Все тесты прошел! — решил он. — Заочно! Машке внушу — пусть кормит и балует. И не придирается!»

— Превентивные ему меры, сволочи! А ну быстро говори, скотина, как отсюда выбраться!

Вовка приподнял капитана.

— Вы... что... слышали? — попытался спросить капитан и немедленно отправился рылом обратно.

— Ответ неверный, — заявил Сёма, поигрывая кувалдой. — Слышали. Переводчик отключать надо, если приватности хотите.

Вова снова приподнял кэпа:

— Сисадмина... сгною...

— Аминь. По делу есть что сказать?

— Вы что, не поняли?! — завизжал мученик. — Вас используют! Вы их рабы! Мы вас освобождать прилетели!

— Умный ты, а дурак, — вздохнул Вовка горько. — И о психическом воздействии ни хрена не знаешь. Вот у Машки — воздействие. И рабство. А этот подлец еще тапком по рыжей морде получит. За то, что попался.

* * *

Начинался еще один чудесный день.

Василий проснулся на мягком кресле, потянулся, улыбнулся, предвкушая завтрак. Не сложилось.

Могучая рука ухватила под лапы, запихнула в рюкзак.

— Экзамен у Злоботрясова через час, а ты тут прохлаждаешься, Кашпировский хвостатый! — заявил Вовка. — И смотри, чтобы не меньше «отла» поставил, поганец! Кастрирую к лешему!

— Мя-я-яу! — возмутился Василий.

— Фигли мяу! Мне кэп всё-всё объяснил, как от тебя экранироваться!

Рюкзак закрылся. Стало темно.

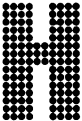
Василий заплакал.

На суде, бок о бок с родичами и любовью всей его жизни, было бы легче.

ВЛАДИМИР ВЕНГЛОВСКИЙ

РАДУЖНЫЕ НЕБЕСА

 а опушке березовой рощи среди осоки и пырея возвышаются два могильных холмика. На деревянных крестах таблички с именами матери и сына — одна дата смерти еще до войны с мимиками. Могилы пусты, но об этом знаю лишь я. Они служат для того, чтобы помнить и знать, кто я такой.

Чтобы полностью не раствориться в собственном уютном мире.

* * *

— Хороший нынче денек! — помахал мне рукой из-за забора Потапыч. — Как дела, Эван?

— Да не жалуюсь. — Я воткнул лопату в землю, снял брезентовые рукавицы и нахлобучил их на черенок лопаты. Пот заливал глаза, от жары не спасала даже тень от раскидистой яблони. — Давно уже собирался яму для силоса выкопать, всё руки не доходили. Что сегодня, нет для меня писем?

Потапыч виновато пожал плечами. Вопрос был привычным, игра шла по давно установленным правилам.

— Есть только «Сельские вести». Как обычно. — Потапыч тяжело вздохнул и шагнул во двор.

Мой дом стоял в конце улицы, и сквозь открытую калитку я увидел залитую летней жарой пустую дорогу. В небе переливались радужными цветами иглы тернии — силовые поля, искривляющие пространство. словно распутившийся гигантский цветок, терния была прекрасна, как и в первый день своего появления возле города. Одна из многих, соединивших Землю с иной планетой. Где-то в центре тернии находится портал — кротовина, позволяющая пришельцам приходить в наш мир.

Я зажмурился. От воспоминаний и ярких картин прошлого нельзя спрятаться. Вновь и вновь они возникают перед глазами во снах и реальности вместе с болью и ощущением беспомощности. Ничего уже не исправить и не изменить.

Потапыч из прошлого погиб на моих глазах — мимик разорвал его, когда Потапыч, крича, бежал по улице. Длинные, гибкие, словно резина, щупальца захлестнулись вокруг его ног и шеи, скрутили, как белье во время отжима, до хруста и брызнувшей в пыль крови. Мои руки дрожали, но я успел зарядить охотничье ружье патронами с картечью. Выстрел, еще один. От мимики отлетали куски плоти. Я пятился во двор, перезаряжая оружие.

Не думал, что оно мне когда-нибудь пригодится. Не охотился с молодости. Сын жалел зверей, а после его смерти я и сам не хотел никого убивать. Но патроны купил. Так, на всякий случай.

По вечерам в пустом доме, где кроме меня жил лишь прячущийся под полом сверчок, я не раз подносил ствол ружья к подбородку, держа палец на спусковом крючке. Сверчок выводил трели, а я вспоминал погибших жену и сына. Террористов, взорвавших школьный автобус, в котором они ехали, поймали спустя несколько дней после трагедии. Одного убили во время перестрелки, двоих судили. Мне от этого легче не стало.

Может быть, плохо, что одинокими вечерами мне не хватило духу спустить курок. Но умирать от клы-

ков, лап или щупалец мимика не хотелось. Пришельцы выглядели так, будто явились из наших кошмаров. Они могли принимать любой облик, подстраиваясь под наши мысли. Вытягивали сокровенные фобии из нашего подсознания, а мы всегда видели в пришельцах врагов. Теперь же наши страхи обрели плоть.

Навыков стрельбы я не утратил. Глаза схватившего Потапыча мимика лопнули, из его пасти хлынула кровь. Инопланетная тварь забилась на земле, ломая заборы и сдирая со стен штукатурку. Я смог спастись, чтобы позже вступить в ополчение.

Худшее в войне — это знание, что она проиграна еще до боя. Вторгшихся было слишком много, тернии появлялись там, где их совсем не ждали. Мимики захватили командные центры в считанные дни.

— Хорошо у вас, — сказал Потапыч, срывая с ветки яблоко. — Спокойно.

— Здравствуйте, Сергей Потапович! — Из дома вышла Маша в купальном костюме и шезлонгом в руках. — Чаю хотите? Холодного. С самого утра остужала.

— Холодного, говоришь? — Потапыч вытер яблоко о рубаху и вгрызся в сочную мякоть, не отводя взгляда от моей жены. — Грех отказываться.

— Тогда я сейчас. — Маша нагнулась, разложила шезлонг, а затем вернулась в дом.

— Не больно-то пялся, Потапыч, — тихо сказал я.

— Да будет тебе, — усмехнулся почтальон. — Я ж только посмотреть. Как на картину, можно сказать.

Он пожевал, скривился, затем придирчиво осмотрел яблоко и выковырял оттуда червяка.

— Давай уже свою газету, — протянул я руку.

Потапыч порылся в сумке и достал старый истрепанный экземпляр «Сельских вестей» за двенадцатое августа две тысячи двадцатого года. Я знал газету едва ли не наизусть. На первой странице под заголовком «Спецэффекты или инопланетяне?» фотография тернии — нагромождение разноцветных бликов. Каждый раз терния казалась иной. Это как стеклыш-

ки в калейдоскопе — поверни его, и они сложатся в новый узор. Небо вокруг тернии расцветало радужными лучами искривленного пространства.

Тогда мы посчитали статью газетной уткой.

— Спасибо, Потапыч, очень интересно, — сказал я, возвращая газету в его сумку. — А главное, познавательно.

Во дворе вновь появилась Маша с двумя чашками чая — для меня и Потапыча. Мы вместе с ним устроились на лавке в тени под деревом. Маша подошла сзади и облокотилась мне на плечи.

— Связи со столицей все нет? — спросил Потапыч.

— Нет, — ответил я, погладив спустившуюся мне на грудь руку жены.

В подвале гудел электрогенератор, компьютер работал, но Интернета не было. Мобильная связь тоже отсутствовала.

— Как там, интересно, — вздохнул Потапыч. — Сражаются ли наши еще?

— Вчера я видел военные самолеты. Три штуки. Летели на восток. Значит, кто-то еще дерется. Хотя все уже кончено.

— Эх-х-х... — махнул рукой Потапыч, расплескивая чай, отчего на его рубашке появились несколько новых пятен. — Давай как-нибудь вечером раздавим чекушку? У меня еще одна припрятана со старых времен, хе-хе.

— Почему бы и не раздавить, — согласился я. — Очень даже можно раздавить.

— Я вам покажу! — Машины накрашенные коготки впились мне в шею. — Алкоголики! Только посмейте!

— Ладно тебе! — Я поднялся и обнял жену.

— Ну, молодые люди, оставляю вас наедине.

Потапыч поставил чашку на лавку и поковылял к калитке. Прежде чем уйти, остановился, оглянулся и заговорщицки подмигнул.

— Ванек, ты все же подумай насчет этого дела. — Он щелкнул себя по шее и, заметив гневный взгляд

моей жены, шуточно поднял руки. — Все! Ухожу-ухожу.

Лешка с друзьями с самого утра убежал на озеро ловить рыбу, и мы с Машей были предоставлены самим себе. Работа подождет.

— Что ты делаешь? — наигранно возмутилась моя жена, когда я повел ее в дом.

— Там прохладно. — Я расстегнул застёжку на ее спине. — Там хорошо. И вообще загорать вредно. Успеешь еще.

Я поцеловал жену в шею и вдруг вспомнил засохшую струйку крови в этом же месте, когда я увидел Машу в морге на опознании.

— Ты чего? — тихо спросила Маша. — Что случилось?

Я вернулся на лавку и опустил голову на руки.

— Что-то не так? — Маша села рядом. Погладила меня по голове.

— Все нормально. — Я через силу улыбнулся. — Все хорошо. Ты иди загорай. Я еще чуть-чуть посижу.

* * *

— Вперед! Быстрее!

Мой отряд — все оставшиеся в живых десять человек — шли по центральной улице. Мы собирались довести до тернии автоматическую тележку, несущую ядерный заряд, пройти сквозь туннель в космосе на планету мимиков и по возможности уничтожить их командный центр.

Вдоль дороги стояли одноэтажные дома с проломленными стенами и выбитыми окнами. В одном, с уцелевшим деревянным петушком над дверью, жила старая Клавдия, у которой я в детстве таскал яблоки.

Из дверного проема вырвался мимик — клубок лап и щупалец. Я упал на колено, вскинул автомат. Раз-

рывные пули прошли тело чужака, вырывая ошметки мяса. Оторванное щупальце отлетело на середину улицы. Оно извивалось, словно огромная змея, оставляя на земле чернильные кляксы. Деревянный петушок над входом пошатался на перебитой ноге, а потом упал в кучу трепещущей плоти.

— Справа! Берегись, капитан!

Рядом стрелял Чижик, самый молодой из «коршунов».

Мимики лезли со всех сторон. Я выпустил почти весь рожок в раскрытую пасть мимика, полную острых зубов. Пули разорвались у него внутри, и меня забрызгало черной кровью. Двух одинаковых мимиков не существует. Разумны ли они? Я не знаю. Никто не знает. Может быть, они копируют не только наши страхи, но и мысли и переживания? Полная мимикрия? Определенно у них где-то должен быть главный. Тот, кто управляет их действиями.

* * *

Калитка открылась, во двор вбежал Лешка.

— Папа! Пойдем со мной на рыбалку! Пожалуйста! Олег и Колька ушли! А там самый клев! У меня вот такой карась сорвался!

— Клев, значит? — Я с сомнением посмотрел на полуденное солнце. Работать не хотелось. — Ладно, пойдем.

И мы пошли, оставив Машу загорать в шезлонге.

На улице было по-прежнему пусто. В соседнем доме жила глухая баба Клава, вечно сварливая и всем недовольная старушка, у которой мы покупали молоко. Еще дальше снимала дом молодая семья — Павел и Оля. Маша жаловалась, что порой по ночам они слишком шумные. Перед Лешкой неудобно, если он проснется. Но сама Машка от далеких вздохов и вскриков уснуть не могла, да и мне не позволяла.

В самом начале улочки в доме с провалившейся крышей обитал Потапыч. Я снова вспомнил его бегущим по дороге. На стенах пустых домов с выбитыми стеклами виднелись следы от когтей и пятна засохшей крови.

— Папа, — прижался ко мне сын. — Они больше не придут?

— Не придут, — успокоил я его.

— Может, не пойдем на рыбалку? Пойдем лучше в парк.

— Пойдем в парк, — согласился я.

Удочки мы решили домой не возвращать. Парк аттракционов построил в нашем маленьком городке местный олигарх и депутат Онуфриев. Возле входа стоял киоск, где обычно по вечерам и выходным шла бойкая торговля сладостями. Сейчас киоск был опрокинут, его жестяной бок погнут, будто по нему потоптался кто-то тяжелый.

Над парком возвышалось наклонившееся, словно Пизанская башня, колесо обозрения. Карусели давно не работали. Жестяные самолетики поскрипывали на поржавевших цепях. Деревянная лошадь, на которой любил кататься мой сын, когда был совсем маленьким, стояла обезглавленной, но Лешка все равно забрался на нее, отчего стал похож на кентавра.

— Папа! Давай уедем отсюда!

— Потом, сынок. Когда-нибудь потом.

— Хочу на крутилку.

Лешка спрыгнул с лошади и устроился на маленькой карусели. Я раскрутил ее, и она принялась вращаться, противно скрипя. Я почувствовал необъяснимую тревогу. словно совсем скоро должно случиться что-то скверное, готовое разрушить мой привычный уклад жизни.

— Сынок, пора идти домой.

— Но мы только пришли!

— Пойдем, пожалуйста, — нахмурился я.

Тревога не проходила.

— Ну ладно. — Лешка спрыгнул с карусели, но едва мы вышли на улицу, как он вскрикнул:

— Ой! Мы удочки забыли!

И рванулся было обратно, но я схватил его за руку.

— Стой!

— Почему?!

Вдали, в самом начале улицы, по направлению к нам медленно шел человек.

— Домой, быстро! — скомандовал я сыну. — Бери маму и спрячьтесь в погреб. Без разговоров!

Лешка умчался, а я отправился навстречу незнакомцу, одетому в военную форму. Скрываться бесполезно. Рано или поздно меня все равно найдут. Еще издали походка человека показалась мне знакомой — он шел, будто подпрыгивая на каждом шагу. Когда я приблизился, то узнал знакомые черты лица и смог разглядеть нашивку на его плече в виде раскрывшего крылья коршуна. Это был Володька Чиж, который теперь настороженно наблюдал за мной, сжимая автомат.

— Здравствуй, Чижик, — сказал я, останавливаясь в нескольких шагах от него.

— К-капитан? — неуверенно спросил Чиж, а потом на его лице появилась улыбка, сначала робкая, но уже через секунду она расплылась едва ли не до ушей. — Эван! Я знал, что вы живы!

Он рванулся навстречу, и мы обнялись, похлопывая друг друга по спине.

— Ты один? — спросил я, осматривая пустую улицу.

— Да, послали проверить, что и как. Я должен вернуться через час. Уж больно тихо в этом городке, непривычно. Что-то здесь не так.

— Все так, Чижик. Я тебе покажу, пойдем ко мне. — Я схватил его за локоть и потащил по улице. — Кто из наших остался?

Чиж сначала помедлил, а потом ответил:

— Почти никого. Я да Игорь Валетов. Помните его?

— Помню, — сказал я.

* * *

Автоматные очереди слились в непрекращающееся стаккато. Позади хрипел Игорь Валетов по прозвищу Бык. Я обернулся и увидел, что суставчатая лапа мимика прошла сквозь его тело, и теперь Бык висел над землей, словно жук на булавке. Я выпустил длинную очередь, которая прошла тело мимика, и оба — Бык и пришелец — упали на землю. Земля у автоматической тележки была завалена мертвецами. Из отряда остались только я и Чижик. Мой автомат захлебнулся, я лихорадочно пытался вставить новый магазин, но он вывалился из рук. На него закапала кровь из раны в моем плече.

Чиж стрелял экономно, короткими очередями, как на учениях. По земле ползли тени окруживших нас мимиков.

* * *

— Капитан, я не понимаю, что здесь происходит? — тихо спросил Чиж. — Почему в городе люди? Куда пропали мимики?

Мы подошли к моему дому. У входа нас встретила встревоженная Маша. Лешка испуганно прижимался к ее руке.

— Я же сказал вам сидеть дома! — вспыхнул я. — Почему не послушались? Хорошо, что пришел друг.

— Здравствуйте, — неуверенно кивнул Чижик.

Маша улыбнулась.

— Я сейчас мигом на стол накрою.

И убежала в дом.

— Иди к маме, — сказал я Лешке. — Мне с дядей надо поговорить.

Сын неохотно ушел, а я повернулся к Чижу:

— Вы пришли за ядерным зарядом? Хотите взорвать тернию или проникнуть на планету врага? — спросил я у него.

— Да, закончить то, что мы вместе когда-то начали.

— Я отвез тележку к тернии, подальше отсюда. Может быть, хотел взорвать. Не знаю. Там она и стоит до сих пор. Помню, как вы шептались за моей спиной, что я веду вас на смерть. Слышал, как ты возмущался, но парни были правы — я искал смерти с того времени, как погибла моя семья. Но я не хотел, чтобы вместе со мной погибли вы. Я никогда излишне не рисковал, но в тот бой потерял всех. А теперь вокруг меня мимики.

— Не понял, — сказал Чиж.

— Моя жена, Лешка, старушка по соседству, молодая пара, в которой еще бурлит страсть, — это всё мимики! Людей в этом городе не осталось.

На пороге появилась Маша.

— Прошу к столу.

Чиж попятился, поднимая автомат. Я бросился на него, выбил оружие из рук и прижал за шею к земле.

— Машка, иди в дом!

— Но...

— Быстрее!

Чиж дернулся, я надавил сильнее, склонился к его уху и зашептал:

— Помнишь, я говорил когда-то, что мимики копируют не только наши страхи. Они пытаются скопировать наши мысли. И если в тебе нет страха, они не порождают кошмары. Я перестал их бояться, перестал беспокоиться о чем-либо, и больше не вижу в них врагов. А других людей в городе нет. Теперь мимики вокруг меня могут лишь изображать людей, живущих в моей памяти.

Чиж перестал вырываться. Я ослабил хватку, и он перевернулся на спину, глядя на меня.

— Это всё пришельцы... И они знают, кто они такие?

— Я до сих пор не понимаю, разумны ли они. Может быть, только слепо копируют наши желания, поступают так, как мы хотим, чтобы они поступали. Или, возможно, на них действует так лишь мое созна-

ние. Если судьба подарит тебе дни счастья, пусть даже обманчивого, сможешь отказаться?

Чижик поднялся и сел на землю рядом со мной.

— Но теперь я думаю, что представляю для них угрозу, — продолжил я. — Мимики становятся полными копиями людей из моих воспоминаний. Скорее всего, они забывают, кто они на самом деле.

— Почему вы так решили?

— Либо забывают, либо очень хорошо притворяются, но это вряд ли. Почему решил? Потому что ты тоже мимик. Настоящий Володька Чиж умер на моих глазах в тот бой.

* * *

Я пытался непослушными пальцами вставить магазин, только теперь понимая, что ранен. Где и когда меня зацепило? Чиж с пробитой грудью бился на земле, как раненая птица, его пальцы загребали песок, оставляя кровавые разводы. Магазин снова выскользнул из моих пальцев и упал на дорогу. Все бесполезно и бессмысленно. Жить или умереть больше не имело никакого значения, собственная смерть меня не пугала. У самураев с их буси-до было подобное состояние «не ума», когда они совершали действия рефлексивно, без страха и сожаления убивая противника. А я также без страха и сожаления больше не хотел сражаться.

Тень закрыла от меня свет. Я ожидал смерти, но вместо этого на мое плечо опустилась рука стоящей рядом Маши.

* * *

— Я мертв? — удивился Чижик. — Не может быть. — Он побледнел, на его лице то появлялась, то пропадала улыбка. — Ерунда какая-то.

— Да, Чиж, ты мертв. Ты существуешь только благодаря моим воспоминаниям. Если я уйду, вы потеряете свой облик, но я не хочу уходить. И я не виноват в твоей смерти.

— Нас всего четверо из нового отряда, — тихо произнес Чиж. — Вы хотите сказать, что все мы мимики? Меня послали выследить вас и устранить, как дезертира. Говорят, что это вы тогда завели отряд в ловушку. Знаю, что это не так. Но все очень странно. Я не ощущаю себя чужим. Слушайте! А может быть, пришелец вы и это вы меня обманываете?

Я взял его автомат, проверил затвор. Плечо кольнуло давно забытой болью.

— А ведь меня точно боятся, — сказал я скорее для самого себя, чем для Чижа. — Определенно боятся, иначе не отправили бы вас меня убить.

Чиж попытался отобрать автомат, но я не отдал и продолжил:

— Они готовы взорвать часть себя, чтобы устранить меня. Они не могут убить меня сами, превращаясь в ожившие воспоминания и не знают, как взорвать ядерный заряд, чтобы уничтожить меня вместе с городом. Поэтому они направили сюда вас — мимиков, превратившихся в солдат из моих воспоминаний, пусть даже тех, что считают себя людьми.

Чижик внезапно кинулся ко мне, толкнул, сбивая на землю. Его голова взорвалась фонтаном крови, а потом раздался хлопок далекого выстрела. Я перекашлялся, высматривая противников. Сквозь открытую калитку заметил трех врагов. Один скрывался в доме молодоженов — именно он стрелял из открытого окна. Двое других приближались по улице, перебегая от укрытия к укрытию.

Чижик шевелился на земле грудой сплетенных лап и щупалец, которые вырастали из его мертвого тела. На порог выбежала Маша и замерла, неотрывно глядя на появляющегося мимика.

— Назад! — махнул я рукой, приподнимаясь. — В дом, быстро!

Главное, увести врагов дальше от моей семьи. Сжимая автомат, я выскочил на улицу и укрылся в соседнем доме. Часть забора с треском рухнула, сквозь образовавшийся проем выбрался истекающий черной кровью мимик. Он полз по направлению ко мне, его щупальца бессильно шевелились, не в состоянии оторваться от земли. Я поднял автомат и сквозь выбитое окно прицелился в чудовище. Затем опустил оружие, зажмурился, представляя заросшие травой могилы. Я не хочу убивать. Не хочу больше смертей, ни человеческих, ни чужих.

Пули стучали по стене, на меня сыпалась штукатурка. Надо было бежать, уводить врагов дальше за собой, но я не мог сдвинуться с места.

Мимик подполз к стене, ухватился щупальцами за оконный проем и приподнялся. В этот момент в него попала разрывная пуля. Мимик по-щенячьи взвизгнул и затих. Я высунул автомат в окно и выпустил очередь куда-то в воздух в сторону врагов.

В это время на улице появился, пошатываясь, Потапыч с пустой бутылкой в руке. Он прокричал что-то нечленораздельное, замахнулся и бросил бутылку в сторону солдат. Прежде чем она упала на землю, один из «коршунов» вскинул автомат и выстрелил. Я видел, как пуля попала Потапычу в плечо. Потапыч заорал и повалился на землю. Его кровь, сначала красная, через несколько мгновений окрасилась в черный цвет. Потапыч оброс шипами и щупальцами, вскочил на четыре лапы и бросился на врагов.

Наверное, у мимиков есть защитный механизм, включающийся в минуты опасности, и существо, бывшее Потапычем, вновь осознало себя. Выстрелы и рев, глухие удары и свист, который издают в воздухе бичи-щупальца, слились воедино, а потом наступила тишина. Больше было не разобрать, кто из мертвых мимиков был ранее Потапычем, кто — «коршунами». Их мертвые тела переплетались в тошнотворном сочетании лап, зубов и щупалец. Один из мимиков

пытался уползти, но затих, сумев преодолеть лишь несколько метров.

Автомат выпал из моих рук. От шума его падения я пришел в себя, вновь подобрал оружие и вернулся домой. Выбежавшая навстречу Маша бросилась мне на шею.

— Милый, ты живой! Лешка в подвале! Он рвался тебе на помощь, но я его заперла. Главное, что ты живой!

Я смотрел в ее глаза и видел в них далекие разноцветные блики тернии.

— Прости, дорогая, я сейчас... Мне надо уйти.

Маша вцепилась мне в плечи.

— Не уходи!

— Я скоро вернусь. Прости. — Я мягко отстранил Машу, и она вдруг обмякла, опустилась на лавку и заплакала.

— Ты идешь к тем могилам?

Я замер.

— Откуда ты про них знаешь? Ты следила за мной?

— Жена должна знать, где пропадает ее муж. Или я не твоя жена? Почему на крестах наши с Лешкой имена?

— Извини, мне трудно сказать тебе правду.

Я вышел на улицу. За городом, когда впереди показалась березовая роща, я остановился. Затем резко свернул к тернии, опасаясь, что передумаю и изменю свое решение. Показалось, что город за моей спиной складывается, как карточный домик, исчезают дома, рассыпается дождем из ржавой пыли колесо обозрения, и ветер уносит прах прочь. Но это была только иллюзия.

Когда я отошел достаточно далеко, из города слышался рев мимика. Однажды, когда я отвозил теплую с ядерным зарядом к тернии, то уже переступал ту невидимую черту, после которой мимики в городе переставали меня чувствовать. Но я вернулся, и они вновь приняли облики близких мне людей. Больше попыток уйти я не предпринимал.

Впереди была терния. Охраняющие ее мимики с моим приближением становились людьми. Они все были другими «я», теми, которыми я был когда-то, которыми мог быть и которыми не стану никогда. Двойники шли рядом со мной, сопровождая к ядерному заряду. Улыбался бегущий вприпрыжку мальчишка, так похожий на Лешку. Молодой мужчина с самоуверенным взглядом осторожно переставлял ноги, чтобы не запачкать отутюженные брюки. Седой нахмурившийся старик порывался мне что-то сказать, но останавливался на полуслове, задумчиво рисуя тростью узоры на земле.

На тележке рос одуванчик. Их было много вокруг — желтых клякс на зеленой траве. Но тот, который вцепился в ядерный заряд, уже покрылся белым пухом, спеша породить новую жизнь. Я дунул, ветер подхватил белые парашютики и унес прочь. Оставалось сорвать предохранитель и ввести код, но я не стану этого делать.

— Я это не сделаю, — сказал я мальчишке, и тот, рассмеявшись, умчался прочь.

— Они ведь меня недаром боятся, — кивнул я мужчине-щеголю, и он опустил взгляд, не выдержав моего.

— Потому что ты можешь их изменять, — ответил старик. Или это произнес я сам? — Потому что это они хотели взорвать бомбу, а ты этого не сделаешь. Ты уйдешь в их мир и будешь его менять, пока не найдешь главного. Того, кто всем управляет. И не думаю, что он сможет устоять. Ведь он боится тебя.

— Ты прав, — сказал я сам себе.

А потом пошел в глубь тернии, туда, где был портал в иной мир.

ИГОРЬ МИНАКОВ

УЧИТЕЛЬ С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

то случилось за десять лет до Вторжения. Маленький, ничем не примечательный поселок на севере России. Обыкновенная школа. Рядовое событие. Кто же мог предсказать, что это лишь первые предвестия большой беды...

*Из показаний девятиклассника Михаила М.
в Галактическом трибунале*

Тарелка появилась над полем, когда мы уже и ждать перестали. Здоровенная такая дура. Сама черная, а под днищем голубые огни в два ряда, друг другу навстречу крутятся. Инопланетная посуда четко рисовалась на фоне заката. Мы залегли на опушке Матюхина бора, и нам хорошо было ее видно. Не знаю, как другие, а я точно разглядел, как «дышат» радиальные спицы гравикомпенсаторов, придавая тарелке остойчивость. Я даже почувствовал пульсацию ультрасенсоров под своими ладонями, хотя откуда мне было знать, как они там пульсируют? На нашем симуляторе и сама тарелка, и ультрасенсоры в ее рубке — были только картинками на мониторе...

— Ух ты! — выдохнул Хлюпик. — Настоящая...

— Заткнись! — озлился на него Качок.

— Спокойно, Анзор, — сказал ему Учитель. — Они нас не услышат...

Не только Качок, но и все наши заметно нервничали, то и дело посматривая на Учителя.

Дмитрий Васильевич и не думал прятаться. Он стоял на открытом месте, запрокинув голову. Руки уперты в бока, в зубах соломинка. Я был знаком с ним уже почти три года, и точно могу сказать, что в тот жуткий момент он не выпендривался перед нами, а в самом деле был спокоен, как танк...

Тарелка вдруг тормознула, зависла, болтаясь, как на веревочке. Мне показалось даже, что Хлюпик не прав и вовсе она не настоящая. Я даже поискал в небе эту самую веревочку, но не нашел, конечно. Огни под тарелкой забежали быстрее, и, точно в кино, днище ее раскрылось диафрагмой, и оттуда выпал широкий луч голубого света.

Тогда Дмитрий Васильевич выплюнул соломинку и сказал:

— Действуем по плану... Анзор, веди свою группу... А ты, Миша, — обратился он ко мне, — сиди со своими ребятами здесь. Ждите приказа... Я сообщу, когда можно будет...

Проговорил он все это обычным своим голосом, как будто домашнее задание просил записать, но меня пробрало дрожью. Игры кончились, теперь все было взаправду...

* * *

Новый учитель появился в школе в середине учебного года. Седьмой «А» предвкушал веселое времяпрепровождение, так как с утра было известно, что учитель физики Исидор Иванович внезапно заболел, но скрипнула дверь, и в классе появилась Корнелия Степановна, завуч Малопахтинской средней школы, в сопровождении незнакомого мужчины. Седьмой «А» машинально поднялся.

— Здравствуйте, ребята! — сказала Корнелия Степановна. Семиклассники вразнобой поздоровались. — Позвольте представить вам нового учителя физики и вашего классного руководителя Дмитрия Васильевича Скоробогатова.

— Здравствуйте! — коротко поздоровался новый физик.

Семиклассники ответили ему еще менее охотно, нежели завучу.

— А как же Исидор Иванович? — спросила Алиса Позднева, круглая отличница.

— К сожалению, Исидор Иванович серьезно заболел, — ответила Корнелия Степановна. — Лечение продлится долго, и мы не могли оставить класс без руководителя... Надеюсь, ребята, вы подружитесь с новым преподавателем... Дмитрий Васильевич, начинайте занятия!

Торжественно неся башнеподобный шиньон, завуч покинула класс. Семиклассники впились глазами в нового учителя, изучая и выжидая. Дмитрий Васильевич был белокур, высок и широкоплеч — полная противоположность лысоватому, низенькому и толстенькому Исидору Ивановичу. Девчонки после спорили до хрипоты, на кого больше похож Скоробогатов — на Вдовиченкова или на Безрукова. Серые глаза физика поражали невозмутимым спокойствием, словно смотрели не на людей, а на копошение инфузорий в капельке воды на предметном стеклышке под микроскопом.

— Насколько мне известно, — произнес новый классный руководитель звучным глубоким голосом, — вы начали изучение давления твердых тел, жидкостей и газов... Прежде чем мы перейдем к формулам из учебника, я хотел бы рассказать вам о том, что происходит с твердыми телами, жидкостями и газами на планетах-супергигантах, по сравнению с которыми Юпитер — детский мячик.

Начало урока было столь необычным, что навести уши даже самые отъявленные бездельники вроде Анзора Тогоева, по кличке Качок. И навести

ли не зря. Новый физик умел увлекать. В его рассказах страшные миры, где даже лед мог быть раскаленным до тысячи градусов и при этом оставаться льдом, становились ближе и понятнее. Он говорил о ревущих безднах, откуда с чудовищной силой вырываются струи газа, тверже оружейной стали, чтобы на высоте десятков тысяч километров осыпаться рыхлыми хлопьями парафинов — углеводородными снежинками величиной с Эверест. Он описывал молнии, чьи вспышки длились веками, ураганы, способные подхватить и развеять, словно горсть песчинок, планету, подобную Земле, узорчатые нагромождения кристаллического водорода, медленно погружающиеся в океан нефти, чья поверхность была тверже асфальта.

Семикласники так заслушались, что не обратили внимания на звонок к большой перемене. В тусклый земной мир их вернул сам Дмитрий Васильевич, объявивший, что впредь намерен придерживаться на уроках школьной программы, а с остальным знакомить любознательных на занятиях кружка занимательной астрофизики, который организует в ближайшее время. Неудивительно, что в кружок записался весь 7-й «А» в полном составе.

*Из показаний девятиклассника Михаила М.
в Галактическом трибунале*

Группу захвата повел Качок. Повел краем бора, так чтобы все время оставаться в тени, а Учитель, не скрываясь, двинулся к тарелке напрямик. С понтом дела он тут прогуливается... Ага, прогуливается... В пяти километрах от ближайшей деревни... На месте пришельцев я бы насторожился. Видит мужик НЛО и спокойненько так к нему прется, будто это трактор какой... Жаль, что пришельцы не насторожились тогда...

Как и распорядился Учитель, мы с Хлюпиком, Ботаном и Очкариком остались на опушке. Наше время еще не пришло. Я видел, что пацанам реально страш-

но, мне тоже было не по себе. Еще бы! Мы же думали, что это игра такая. Типа, продвинутая ролевка. Ведь как клево все начиналось! На первом же занятии кружка Учитель сказал, что мы должны стать экипажем космического корабля. Думали, прикалывается. Что мы, детсадовские, в Гагарина играть! Но Дмитрий Васильевич не прикалывался. Да и мы быстро допетрили, что смехуарики кончились. Реальным звездолетом рулить — не в тупые космические стрелялки геймиться. Ясен пень, большинство отвалило после первых же занятий. Сначала — девчонки, им стало скучно. Потом смылся Качок со своими друзьями. Мы уже думали, что — с концами, но потом оказалось, что Учитель про Анзора не забыл. Космонавт из Качка, как из дерьма пуля, он мастак кулаками махать, и потому Дмитрий Васильевич взял его на заметку.

Правда, нас, кружковцев, это тогда не касалось, не до того было... Сами судите... Пацанам по четырнадцать-пятнадцать лет, а они решают дифференциальные уравнения, зубрят теорию субрелятивистского пилотирования, учатся вычислять координаты в n -мерном пространстве и всерьез опасаются, что от всей этой гравитоники и пузырей Алькубьера у них мозги отсохнут. Мы старались, как могли, а Учитель прощал наши промахи и ошибки. И только один раз, когда мы отрабатывали на пилотажном симуляторе взлет при силе тяжести в 3G и мне никак не удавалось скорректировать вектор тяги, из-за чего наш виртуальный корабль раз за разом терпел крушение, в глазах Дмитрия Васильевича мелькнуло что-то... Мне показалось, он меня по стенке размажет...

* * *

Зимой в Малой Пухте темнеет рано. Синие сумерки, отвлекая внимание багряной полосой заката на горизонте, подбираются незаметно, скрадывая снежную даль за рекой. Только деревообрабатывающий комби-

нат в Правобережье полон огней, а дома поселка неохотно обзаводятся вечерней иллюминацией. Жители экономят на электричестве, по старинке зажигая керосиновые лампы. Лишь на центральных улицах, где расположены школа, Дом культуры, поселковая администрация, почта и магазин, горят фонари, окраинные же улочки и переулки, тесные от сугробов, тонут в чернильной темноте. После заката здесь редко появляются прохожие. А те, кому приходится, нередко берут с собою волкодавов — самую популярную породу в Малой Пухте. У нового учителя волкодава не было, а возвращался на съемную квартиру он обычно поздно.

Занятия в школе, потом в кружке отнимали почти все его время. В учительской удивлялись такой самоотверженности, сплетничали, строили матримониальные планы. Новый физик был мужчиной хоть куда. Он даже затмил физрука, до сей поры считавшегося самым привлекательным представителем сильного пола в Малопухтинской школе. Проблема была только в том, что если физрук не пренебрегал своими мужскими обязанностями, то Скоробогатов не обращал на томные женские взгляды ни малейшего внимания. Видимо, для того, чтобы отвести от себя вполне обоснованные подозрения, физик организовал утечку информации о невесте, якобы оставленной им в северной столице. Столь редкая в начале XXI века верность окружила нового классного 7-го «А» практически непроницаемым для злых языков ореолом, но от злого умысла она защитить не могла.

Впрочем, и не было никакого умысла. Мужики выпили, захотели догнаться, а денег не хватало. Вот и вывалили на мороз, без определенной цели, наудачу. Ну и наткнулись на чужака. Даже не сразу поняли, что чужак. Задали пару наводящих вопросов, по принципу: «свой — чужой». Ответы оказались неудовлетворительными. И самый бешеный из выпивох, не продолжая дискуссии, съездил оппонента по рылу. После, добыв все же какого-то пойла, собутыльники пытались выяснить, что же все-таки произошло? Ведь

Бешеный заехал по рылу не чужаку, а собутыльнику, самому смирному и безвредному из троих. А затем — и менее смирному. Чужак отправился своей дорогой, не получив ни малейшей ссадины, пальцем не пошевельнув, а собутыльники еще несколько минут с завидным энтузиазмом мутузили друг дружку.

Слухи об этом странном происшествии разползлись по Малой Пухте, и, разумеется, досужие языки связали случившееся с новым учителем — не так уж и часто в поселке появлялись чужаки. И, само собой, что дошли эти слухи и до ребят из 7-го «А», укрепив и без того незыблемую веру в необыкновенные способности классного. Да и родители семиклассников были весьма довольны Дмитрием Васильевичем. Детей с улицы вытащил. Одни стали учиться лучше, другие занялись спортом, главное, не курили по углам, не глушили самогон, не дрались почем зря. Хотя нет, дрались, да еще как! Новый учитель хорошо понимал, кого и чему учить. Если умственных способностей не хватало, Скоробогатов находил применение физическим данным. По вечерам в школьном спортзале происходили странные вещи. Окажись там в тот момент посторонний, он решил бы, что ему мерещится. Спьяну ли или от переутомления — не важно. Важно, что обычный человек не способен размазываться в пространстве, как масло по бутерброду.

*Из показаний девятиклассника Михаила М.
в Галактическом трибунале*

Что там под тарелкой творилось, толком было не понять. По голубому лучу вниз спустились инопланетяне. Маленькие, коренастые, в навороченных скафандрах. Они выстроились полукругом, направив какие-то штуки, бластеры типа, на Учителя, который топал к ним так, будто сигаретку собирался стрелнуть. Мы с пацанами даже дышать забыли. А ну как пальнут сейчас, и все, нету Дмитрия Васильевича...

С перепугу мы даже забыли о группе Качка. Учитель приблизился к самой границе голубого света и почти ночной темноты, поднял руки. Не как в кино, когда сдаются, а как на физзарядке — ноги на ширине плеч, руки в сторону. Потом он согнул правую в локте, ладонью вверх, потом — левую, но ладонью вниз. Потом как-то весь изогнулся, руки у него заплясали, волнами пошли, будто у них не было суставов, да и все тело заколыхалось, задергалось.

Мы вытаращились. Хлюпик даже вскочил. Пришлось его уронить, сунув мордой в траву. Правда, на его месте я бы и не так подпрыгнул, я бы ноги оттуда сделал... Сами подумайте! Над поляной тарелка висит инопланетная, под нею до зубов вооруженные пришельцы, а перед ними выплясывает, как марионетка, наш Учитель! Жутко выплясывает, аж дрожь пробирает, на него глядячи... Пришельцев, по ходу, тоже проняло. Стоят как вкопанные, пушки свои опустили, вот-вот уронят... И в это мгновение на сцене появился Качок с братвой. Они выскочили как из-под земли и сразу навалились на пришельцев, загипнотизированных выгибонами Дмитрия Васильевича. Получилось у них классно. Пришельцы и вякнуть не успели. Правда, один вырвался, но на него кинулся Учитель... Вернее, я потом понял, что это он кинулся, а так будто вихрь пронесся. Рраз... и пришелец уже валяется в траве, а Дмитрий Васильевич стоит над ним и этот его бластер в руках держит... Дальше началась натуральная стрелька. Пришельцы сдаваться не собирались, и если бы Учитель не завладел одной из пушек, еще неизвестно, чем дело кончилось бы...

* * *

Что может быть лучше костра летней ночью, когда ароматный от смолистых сосновых веток дым отгоняет надоедливых комаров, а рой искр взлетает к самым звездам? Только интересная история, рассказанная

знающим человеком с хорошо подвешенным языком. Десять девятиклассников слушают, открыв рты, своего учителя. Учителя с большой буквы. Дмитрий Васильевич Скоробогатов три года подряд водил своих подопечных в летние походы. Он считал, что они сплачивают ребячьи коллективы. И, в общем, не ошибался. Даже такие малосовместимые друг с другом люди, как староста астрофизического кружка Миша и признанный лидер класса Анзор, в походах ладили, а следовательно, неплохо поддерживали дисциплину среди остальных ребят. Вот и теперь они сидели плечом к плечу, замороженно глядя в рыжее пламя костра, наострив уши, не пропуская ни единого слова своего Учителя.

Да и было что послушать. Дмитрий Васильевич говорил о множественности обитаемых миров. Говорил не как о чем-то абстрактном, а так, словно лично был знаком с представителями, по крайней мере, полдюжины космических рас. С необыкновенной легкостью классный руководитель теперь уже 9-го «А» рассуждал о том, что мыслящие млекопитающие крайне редкое явление в Космосе. Развитие жизни на других мирах гораздо чаще приводит к появлению разумных существ на других ветвях эволюции.

Моллюски обладают развитым мозгом и множеством хватательных органов еще на стадии водного существования, когда же изменившиеся условия заставляют их осваивать сушу, эти преимущества быстро выдвигают мягкотелых в лидеры процесса цефализации — то есть усложнения высшей нервной деятельности. Артроподы — вовсе необязательно превращаются в неуклюжих ракообразных и вертких, но слишком уж узкоспециализированных насекомых, как это произошло на Земле. В иных мирах артроподы обладают чрезвычайной гибкостью, и телесной, и, главное, умственной. Оказываются не менее гибкими в интеллектуальном смысле и червеобразные. Не говоря уже о позвоночных, которые достигают разумной стадии и на амфибийной, и на рептильной, и на птичьей ветвях эволюционного древа. Все эти существа гораздо стре-

мительнее идут по пути прогресса, нежели млекопитающие, чье сознание нередко бывает подавлено переразвитым инстинктом размножения. Культура иных разумных рас держится вовсе не на половом влечении и родительской заботе о потомстве, а на целесообразности и логике. Не все мыслящие во Вселенной знают искусство, но ни одна раса не обходится без математики. Логика, свободная от этики, в том числе и религиозной, позволяет добиваться вершин знания, не считаясь с жертвами. Лишенные половой страсти, затмевающей рассудок, разумные существа Галактики избегают множества ошибок при создании своих цивилизаций, очень рано начиная космическую экспансию, которая неизбежно приводит к военным конфликтам межзвездного уровня.

— Эх, встретить хотя бы одно из этих существ, — мечтательно произнес Коля Степанов по прозвищу Хлюпик, а по штатному расписанию кружковского «космического корабля» бортинженер.

— Встретишь, — совершенно серьезно отозвался Учитель. — И довольно скоро.

— Когда же? — немедленно осведомился Очкарик, он же пилот-навигатор второй позиции, он же Эрик Флейшман.

Классный руководитель посмотрел на часы.

— Завтра, в это же время, — ответил он.

— И где? — деловито уточнил командир группы захвата Анвар Тогоев по кличке Качок.

— В трех километрах отсюда, — в том же тоне ответил Дмитрий Васильевич. — На опушке Матюхина бора...

*Из показаний девятиклассника Михаила М.
в Галактическом трибунале*

В нагрудном кармане у меня хрюкнула рация. Я вытащил, вдавил кнопку приема.

— Миша, — прохрипел в динамике голос Учителя, — бери своих, и дуйте сюда...

— Слушаюсь, — отозвался я. Посмотрел на «своих». Глаза по пять копеек. Боятся. — Не сцы, братва! — попытался я подбодрить их. — Прорвемся!

Мы кое-как поднялись и «дунули». Страшно было не по-детски. Никому из нас не хотелось идти к тарелке, но еще страшнее было оставаться в лесу. А вдруг часть пришельцев успела укрыться там и сейчас они накинутся на нас?.. Не накнулись. Не могли. Все они лежали на границе голубого света. Я только глянул, и меня вывернуло наизнанку. Это были вовсе не гуманоиды. Они больше походили на птиц. Под прозрачными колпаками шлемов виднелись клювастые головы на тощих шеях, покрытых чем-то вроде цыплячьего пуха. Большие, выпуклые глаза были подернуты пленкой третьего века. Пришельцы были мертвы, все до единого. Навороченные скафандры их были прожжены. Воняло паленым пером. Меня все еще полоскало, когда ко мне подскочил Учитель, выкрикнул:

— Вставай, слабак! Марш в корабль!

Никогда я еще не слышал в его голосе столько злобы...

Дальше — больше. Он свистнул, и ко мне подскочил один из ребят Качка. Схватил за шиворот и поволок в центр светового круга. Спазмы все еще не давали мне разогнуться. Так и подняло меня на корабль, свернутого в бараний рог. Я пришел в себя только в рубке. Хлюпик, Очкарик, Ботан уже заняли свои места за подковообразным пультом. Передо мною стоял Дмитрий Васильевич... Вернее, существо, некогда выдававшее себя за учителя физики Малопахтинской средней школы. От Учителя осталась лишь одежда, да и то сильно потрепанная в драке. Безжалостные глаза рептилии смотрели на меня в упор, а раздвоенный язык то и дело облизывал жесткую чешую на морде. Мне опять стало тошно, я спешно поднялся и взобрался на странное сиденье, больше похожее на птичий насест.

— Стартуйте! — просвистел инопланетный монстр и повел бластером, зажатым в когтистых лапах.

Я посмотрел направо, где сидел Ботан, то есть — Боря Антонов, пилот-навигатор первой позиции. Боря кивнул. Я посмотрел налево и получил сигнал о готовности к старту от пилота-навигатора второй позиции.

— Делаем, как учили, — пробормотал я, погружая руки в черное желе ультрасенсоров. И добавил: — Пока нас эта ящерица не пришила...

*Из заключительной речи Генерального обвинителя
Галактического трибунала
господина Ороха-ан-Ороха*

Таким образом было установлено и доказано, что известный галактический пират, принадлежащий расе разумных рептилий, Бармор Бетельгейзец, совершил вынужденную посадку на третьей планете в системе ничем не примечательного желтого карлика. Оставшись без корабля, Бармор прибег к свойственной его расе физиолептической мимикрии, внедрился в местный социум под видом наставника неполовозрелых особей, принадлежащих расе прямоходящих млекопитающих. Воспользовавшись вполне естественной тягой юных особей к приключениям, Бетельгейзец всецело подготовил их к захвату корабля расы разумных пернатых из системы Антареса, час прибытия которых на вышеназванную планету был ему отлично известен. План Бармора блестяще осуществился. Юным прямоходящим удалось не только захватить корабль, но и пилотировать его в течение довольно длительного времени, а также принимать участие в грабежах и налетах, осуществляемых под руководством этого негодяя. На счету этого пиратского экипажа сотни жизней и миллиарды условных платежных единиц материального ущерба. Принимая во внимание, что юные особи были вовлечены в преступную деятельность путем обмана и угрозы физической расправы, а также то, что некоторые из них ценой собственной жизни помогли правоохранитель-

ным органам задержать опасного преступника Бармора Бетельгейзеца, предлагаю освободить выживших от какой-либо ответственности. А также порекомендовать Верховному командованию принять бывшую команду Бармора Бетельгейзеца в состав Оккупационных Сил Свободной Галактики.

* * *

Их высадили ночью. Ветер неизвестного мира выл в темноте, обдавая разгоряченные лица дождевой морсью.

— Где мы? — прошептал Коля, озираясь и слепотыча массивным стволом скорчера в темноту. — На какой планете?

— А ты не догадываешься? — усмехнулся Боря. — Чудило ты, Хлюпик...

— Так, пацаны, — процедил Миша. — Напоминаю, что мы больше не пираты, а военнослужащие регулярной армии ОССГ. Слушайте мою команду. Рассредоточиться, обеспечить прикрытие десантной группы! Вопросы есть?

— У матросов нет вопросов, — пробурчал Анзор и добавил: — Эх, не дали мне тогда добраться до этой ящерицы... Я бы ее голыми руками...

— Хватит тебе, — одернул его Боря. — После драки кулаками не машут...

— Разговорчики...

— У меня вопрос, — снова подал голос Коля. — Где мы все-таки?

Ребята расхохотались.

— Дома мы, Хлюпик, — смиростивился Миша. — Неужто не чуешь, как лесной прелью пахнет...

Я — СИДОРОВ

торой, прием. Видишь стрелка? — про-
рвался сквозь потрескивание помех
сердитый голос.

— Главный, это Второй. Стрелка вижу.
Третий этаж. Угловая комната.

Капитан рассматривал цель в оптический прицел. Стрелок — тощий горец в костюмчике с галстуком — никак не желал оставаться в зоне прямой видимости: суетился, размахивая руками, перемещался по аудитории. За партами сидели, напряженно вытянувшись и заложив руки за головы, несколько перепуганных ребят: пара азиатов — длинношейный вьетнамец и крупный сердитый монгол, высокий иссиня-черный африканец («Нигериец, — подумал капитан, — судя по оттенку кожи»). У доски застыл в какой-то нерешительной позе сутулый мужчина средних лет. Недалеко от окна, выставив перед собой коричневые ладони, стоял невысокий вертлявый мулат. Черты лица у парнишки африканские: широкий нос, резко очерченные выпуклые губы, кожа, как у многих жителей Центральной Африки, цвета кофе, но не слишком крепкого, словно кто-то из европеоидных предков капнул в него молока или сливок. Судя по жестам, парень пытался успокоить одноклассников. На белой рубашке расплылось пятнышко крови — она капала из простреленной мочки уха. Сириусянина

видно не было — либо первый в городском политехе инопланетный студент был уже мертв, либо вжался в угол у окна, который с позиции капитана не просматривался. Второе было вероятнее — стрелок то и дело указывал вертлявому полукровке в угол стволом пистолета, что-то гневно выкрикивая.

— Второй, прием! Сколько у него заложников? Есть еще раненые? — перекрывая помехи, гаркнул Главный. Капитан видел командира и нескольких ребят в холле корпуса, где засел стрелок.

— Главный, вижу пятерых. Четыре студента и педагог.

— А серожопый? Жив?

Капитан усмехнулся. Восемнадцать лет прошло, а Главный все тот же. «Серожопый». Как в Африке тогда, в двадцатом.

И осекся — словно услышав его мысли, маленький мулат бросил взгляд в окно. На мгновение снайперу показалось, что паренек увидел его, но этого быть не могло. За восемнадцать лет на службе, из которых пятнадцать он провел в войсках специального назначения, капитан научился не допускать ошибок.

Африканец скользнул взглядом по окнам корпуса и снова повернулся к стрелку.

— Думаете, раз влезли без мыла к нам на планету, все можно стало? Не бухти, не плюй тут, гнида инопланетная. — Довлет ткнул пистолетом в сторону Угэя, вжавшегося в стену за последней партой. Краска, растворившись от едких секретов сириусянца, налипла на его затылочные гребни, но Угэй не обращал внимания — он все больше вжимался в стену, пытался что-то сказать, но русский давался ему плохо: носовые булькали в глотке, а шипящие превращались в целый град едких брызг.

— Дай ему сказать, Довлет, в конце концов, — проговорил Анатолий Сергеевич, не решаясь отступить от доски. — У сириусян совсем другая артикуляция, он учит русский всего месяц, а от страха вырабаты-

вает кислоту. Не дави на него и дай сказать, а то он парту растворит.

— Там солдаты приехали, — тихо заметил Сундуй, не поворачивая головы.

— Тебе ж не видно, врешь неправду, — ответил ему высоченный Самуэль.

— Он правдза сказар, Само, — тихо прошептал сосед монгола по парте, Туан. — Я тодзе марына сры-жар.

— И я машину слышал, Довлет, — поддержал учеников Анатолий Сергеевич. — У корпусов парковка запрещена, но, судя по звуку, проехало три или четыре грузовика...

— Боишься, вонючий комок слизи, — попытался вернуть себе храбрость Довлет, нарочито игнорируя всех, кроме трясущегося в углу сириусянина. — Никакая полиция тебя не спасет. А всего-то и нужно было — встать на свои поганые колени и признаться, что вы, твари, не знали, куда суетесь, когда прилетели нас поработить.

— Он встанет, — выпалил мулат, все еще прикрывая сириусянца собой. Едкая слюна одноклассника прожигала дырочки на его форменном пиджаке с эмблемой факультета космической дружбы на рукаве. — Он сказал, что больше не надо стрелять, он встанет на колени и попросит прощения.

— Не ври за него, морда черная, — отмахнулся Довлет. — Думаешь, выучился говорить на этом проклятом сайдири и будешь мне мозги парить, да, Йа? Что-то не вижу раскаяния на его серой роже. Трусишь, улитка? — спросил он с вызовом у дрожащего всем телом Угэя. — Все вы трусы и лицемеры. Вонючие космические скоты. Лижете себе жопу, как собаки, и...

— Помолчал бы ты, Довлет, — в один голос оборвали его Анатолий Сергеевич и мулат.

Азербайджанец глянул на учителя, как на пустое место, и перевел надменный взгляд на монгола.

— Это ты мне, широкомордый, указывать будешь?

— Это не я, это Йа, — опасливо отвел открытые ладони от головы Сундуй.

— Значит, ты, мартышка-полукровка, не просто весь такой толерантный. Ты за них, да? Закрыв бы клюв. Из-за таких, как ты, Сидоров, эти слизни по всей планете расползлись. Напринимали обезьяны конвенций...

— Мой отец с Сириуса, — ответил Йа с преувеличенным спокойствием. — Доброго, чем он, я в жизни никого видел. Так что не надо обижать моего отца. Я ничего сказал про твоего.

— Что?

— В русском языке двойное отрицание, Йа, — поправил Анатолий Сергеевич. — Никого не видел. Ничего не сказал.

Оба студента глянули так, что он осекся. Пистолет Довлета сейчас смотрел прямо ему в грудь, но страха отчего-то не было. Скорее досада на сириусянского ученика и декана, настоявшего на том, чтобы университет в середине семестра принял на подготовительный факультет представителя инопланетной расы. Узнав об этом решении, Анатолий поначалу собирался уволиться — и сейчас жалел, что остался. Мог бы спокойно сидеть дома, заниматься переводами. Теперь из-за серого нелюдя его замечательная, с таким трудом собранная группа рассыпалась на глазах. Довлет с самого начала был нетерпим к другим ребятам, но такое Анатолию встречалось почти на каждом курсе. Азеры не хотели садиться за парту с дагами, те не желали подавать руку черножопым и косопузым. Не раз и не два приходилось начинать год с нравоучительных бесед и философских рассуждений, основная суть которых сводилась к тому, что «поступая на факультет космической дружбы, ты знал, куда шел, а если надеялся на какие-то привилегии, то можем вернуть тебя производителю или забросить обратно на пальму, с которой так опрометчиво сняли». Анатолий Сергеевич нес свое «бремя белых» второй десяток лет и мог быть очень нето-

лерантным — это работало безотказно. Именно потому, что за его резким тоном и обидными словами любой максималист-подросток, из какой бы страны он ни приехал, видел искреннюю заботу и желание помочь. В деканате Анатолия Сергеевича насмешливо прозвали «папа Толя», но оказалось, что и отцовской любви есть предел. Она вспыхнула и сторе́ла в атмосфере Земли восемнадцать лет назад вместе со спасательной капсулой, в которой пытался вернуться домой после гибели своего разведывательного корабля старший брат Анатолия — старлей Алексей Субботин.

Анатолий Сергеевич был готов принять и полюбить ребят любого цвета кожи, кроме серого. Он старался, и Угэй был неплохим мальчиком, но когда сириусянин, плюясь от досады и злости на собственный неповоротливый язык, выдавливал непослушными сизыми губами слово «сообщающихся», водя длинным суставчатым пальцем по схеме в учебнике, «папа Толя» видел перед собой лицо брата и не мог совладать с глухим раздражением. Алексей Субботин стал первой случайной жертвой молниеносной космической войны, в которой земляне... не проиграли — просто сдались на милость инопланетных визитеров, которым даже не пришлось стрелять: перепуганные жители голубой планеты выполнили всю грязную работу за пришельцев, радостно вцепившись в горло друг другу.

Глядя сейчас, как Довлет, дрожа от страха и ненависти, целится в чужака, Анатолий Сергеевич понимал, что виноват в случившемся именно он, их куратор, доцент А-Эс Субботин. Можно было предотвратить, погасить, научить договариваться миром, искать компромисс и стремиться к диалогу... Но он не мог. Его едва заметно передергивало, когда приходилось подходить к дальней парте, склоняясь над тетрадью Угэя. Он старался лишний раз не встречаться с новым учеником взглядами — именно потому, что понимал: рано или поздно и сам серокожий

★ студент, и его одноклассники почувствуют, что всеобъемлющая толерантность «папы Толи» дала сбой. В свои семнадцать-восемнадцать они еще совсем дети и по-детски остро чувствуют настроение тех, кому с таким трудом научились доверять. Застыв у доски, Анатолий понимал: то, что он сделал, а точнее — чего не сделал, было страшнее, чем если бы он сам вложил в руку Довлета оружие. Он хотел исправить все и не знал, как. А мерзостный внутренний голос тихо нашептывал о том, как все легко вернется на круги своя, если серокожий умрет. Если умрут все чужаки. А так и будет, стоит Довлету выстрелить.

Те, кто сейчас молча копит обиду на сириусян, выйдут на улицы, войдут в дома — и полетят гребни по закоулочкам. Земля для землян.

— Нет у тебя сириусянского отца, Сидоров, — рассердился Довлет. — Городишь всякую фигню, лишь бы я не пристрелил этого гаденыша.

— Ты уже домахался, — заметил мулат Сидоров, указывая на свое простреленное ухо. Едкая слюна инопланетянина и кровь, текшая по шее, совершенно испортили его пиджак. Йа снял его и повесил на стул, стараясь по-прежнему находиться между Довлетом и Угзем. — Мой приемный отец — сириусянин. Он спас маму, когда она умирала от голода у нас в Ямусукро. Он стал ей как папа и мне как папа. Я родился в космосе, на их базе, и только в три года увидел, какая Земля, когда отец решил, что нам с мамой ничто угрожает... не угрожает, — исправился он, быстро взглянув на учителя.

— Думаешь, заботился о вас? Задницу серую берег — ему бы вырвали все хозяйство с корнем, сунься он на Землю до конвенции. Теперь понятно, что ты жмешься к этому слизю, выкормыш осминожий. А я думал, ты нормальный пацан. Когда ты ко мне в друзья набивался, что-то забыл сказать про склизкого папочку! — Довлет выглядел искренне расстроенным. Он даже опустил пистолет.

— А почему тогда у тебя русская фамилия? Или

только похожа на русскую? — заговорил Анатолий, надеясь перевести разговор в мирное русло. Тему «Моя семья» они прошли еще в прошлом семестре, и вся группа охотно рассказывала о своих родителях. Йа показывал на телефоне фото матери, рассказывал много хорошего о приемном отце — космическом инженере. Забыв упомянуть, по счастью, о цвете кожи отчима.

— Все хотел спросить, — продолжил Анатолий, видя, что Довлет все еще держит пистолет опущенным, — почему тебя зовут «Йа»? Мы с другими преподавателями поначалу решили, что просто твои документы не очень удачно перевели.

— Мама назвала меня в честь отца, — обезоруживающе улыбнулся Йа. — Наверное, он был русский. Тогда над Ямусукро было много флаеров. И все флаги были разные. Ваш, русский, тоже был. Тот человек разбил свой флаер недалеко от нашего дома. Мама подобрала его. Она всегда была очень доброй. А потом тот русский отец куда-то делся, она осталась одна и почти умерла, когда пришел Коэла. Он и стал мне как папа.

— А тот, русский, — перебил ученика Анатолий, видя, как Довлет снова поднимает пистолет, — ты не пытался его найти? Твоя мама не говорила, как его зовут?

— Говорила. Он сам ей сказал: «Я Сидоров», а потом еще другое говорил, когда ему плохо было, а она совсем не знала его языка и не поняла даже, в каком городе искать. А когда я послал запрос, ответили, что человека с таким именем в России нет. Теперь-то я понимаю, что «я» — это не имя. — Сидоров хихикнул, смешно дернув широким носом. — Представляю, как смеялись люди, которые получили мой запрос.

— А меня назвали в честь моего деда, — вмешался Сундуй, каким-то внутренним чутьем поняв, что можно включиться в разговор.

— А вас? — Довлет повернулся к Анатолию Сергеевичу: — Вас в честь кого назвали?

— Мне имя брат выбрал. Старший. Он погиб. — Анатолий понял, что потерял контроль. Быстро бросил взгляд в угол, где жался к стене Угэй. Неверное слово могло стоять ученику жизни. — Я очень его любил. И твои братья и отец любят тебя, Довлет, и, думаю, им больно будет узнать, что ты устроил такое в университете. Может, отдашь мне пистолет? Мы все решим, обещаю тебе.

— Я не буду говорить, что ты стрелял мое ухо, — радостно подхватил Йа. — И Угэй не станет ничего говорить, так? — Он повернулся к сириусянину и что-то забулькал на сайдири. Угэй затряс головой, сперва только подбородком — по-своему, потом заставил себя несколько раз коротко кивнуть.

— Он не станет говорить, что ты хотел его убить, — выставив перед собой ладони в успокаивающем жесте, перевел Сидоров.

— Вы бы поверили ему? — безупречно вычленив самое слабое звено, Довлет уставился на учителя. — Я видел, как вы не хотели на уроках на него смотреть. Зря не ушли, когда я говорил. Я просто хотел объяснить этому слизню, где его место... Всегда вы такой, слишком честный, чтобы глаза отвести. А от него отводили. Пришельцы вашего брата убили, так?

— Твои бы ум и наблюдательность, да в мирное бы русло, Алекберов, — побелевшими губами ответил Анатолий. — И охраннику на входе хорошенько мозги прочистить, чтобы лучше проверял горячих парней на наличие холодного и огнестрельного.

— Выходите сейчас. Живо! — крикнул Довлет. — Вы же ненавидите этих серых тварей, но вам совесть не позволит дать мне проучить его. Вот и идите! Скажите, что я послал вас привести переговорщика. Позвоните моему отцу и в посольство. Только — убирайтесь вон. Я думал, вы сильный человек, а вы такой же слизняк. Злитесь на серожопых, что брата потеряли, морду от Угэя воротите, а ствол достать и поквитаться — кишка тонка. Я все думал, что такое эта ваша толерантность? А это вы, умные трусы, так сла-

бость свою называете. Вы не мужчина. Вот я — мужчина. И те, кто думает и поступает, как я. Те, кто дает оружие, а не пичкает день за днем тухлой толерантностью, будь проклято это гнилое слово вместе с вами!

Капитан следил через прицел, как стрелок перемещается по комнате.

— Ну что серожопый? Жив?

— Сириусянина не вижу, Главный. В углу жметя. Вылезет — дам знать. Отбой.

— Сириусянин, ёпть, да? Похами мне еще, Дима. Серожопый. Как в Кот-д'Ивуаре тогда, а? Опять нам с тобой спасать мартышек от пришельцев. Факультет космической дружбы, ёпть. Ждем приказа, а потом так их подружим, что мало не будет. Все понял, Дима? Отбой, Второй.

Главный был из тех, кто так и не смирился с тем, что они среди нас. Здесь, в российской провинции, присутствие сириусян было не так заметно. Пришельцам нужно было тепло, они жались к экватору. Туда и высадились первые корабли осенью двадцатого года. Дмитрию тогда было восемнадцать — как этим мальчишкам в кабинете политеха. Аккурат под осенний призыв исполнилось: поцеловал знамя, ускоренные курсы летчиков — и в Африку, с чужими воевать. Главный был тогда еще совсем не главным, а простым лейтенантом Мишей Косяковым. Вдвоем остались под Ямусукро, когда, якобы приняв российские флаеры за боевой патруль сириусян, звено атаковала стайка пиндосских «невидимок». Устроили они тогда Хьюстону проблемы, но потеряли половину ребят и машин. Свой флаер Димка воткнул в центр футбольного поля на Рут да Мами Адджоуа. Пришел в себя он только в маленькой, оклеенной постерами квартирке, обнаружив свежие повязки на ребрах и голове и миниатюрную африканскую девушку, мирно спящую на его левом плече. Чтобы хоть как-то отблагодарить за спасение, он оставил ей все, что на-

шел в карманах — просто свалил горкой на столе мятые деньги, пластиковые карты, в надежде, что она сумеет как-нибудь обналичить его невеликий капитал. И успел отыскать запутавшегося в стропах Косякова на дереве в самом начале улицы д'О — до группы испанских пехотинцев. Конкистадорам достались только тела двух лягушатников, над которыми те вдоволь поглумились, пока Дмитрий на парашюте доволоч Главного в какие-то заросли и сумел через его комп связаться со своими. Их подобрали через сутки. А когда Дмитрий вышел из госпиталя — война с пришельцами уже закончилась. Ватиканской конвенцией решено было разрешить визитерам из окрестностей Сириуса проживать по бессрочной гостевой визе в любой стране земного шара. Поэтому своего первого «серожопого» Капитан увидел много позже — когда приезжал в Москву по делам службы.

Кроме омерзительной, обрاملенной костяными гребнями рожи, ненавидеть его было не за что, поэтому Дмитрий решил остановиться на позиции «доверяй, но проверяй»: старался говорить о пришельцах в меру спокойно, но, на всякий пожарный, выучил матчасть: слабые места инопланетного противника, способы парализовать и уничтожить космического врага.

Признаться, и сегодня, когда спецгруппу вызвали в политех на «задачу С», — первой мыслью было, что стрелок — сириусянин. Но тот сидел в углу, не высываясь, так что даже ни один из снайперов не мог с уверенностью сказать, что «серожопый» в здании. Подтверждалось это скорее методом от противного: первый в городе инопланетный студент не находился нигде, а значит — мог быть только в кабинете со стрелком.

Угэй, казалось, стал вдвое меньше, съезжившись в углу. Его липкий пот лил на пол и парту, пачкая пиджак Сидорова, от которого под действием кислоты осталось совсем немного. Только белела в бурой куче

расползшейся ткани нашивка факультета — четверка разноцветных рук в круге земного шара.

Довлет схватил Анатолия Сергеевича за руку и толкнул к двери, указывая на нее пистолетом.

— Мне казалось, правильно будет учить вас поступать и думать, как я. — Анатолий Сергеевич шагнул к ученику, но остановился, поняв, что сделает только хуже. — Ты прав, я сам себе казался таким терпимым — и оказался не готов к тому, что с нами будет учиться Угэй. И на старуху бывает проруха. Есть у русских такая идиома. Но если ты спросишь сейчас, как надо поступать, то я снова отвечу: поступай, как я. Как Йа. Как он.

Сидоров вздрогнул. Яркие синие глаза на смуглом открытом лице наполнились такой грустью, что Анатолий Сергеевич почти физически ощутил волну страдания.

— И жить, как будто ничего не произошло? Будто они не забрали у нас планету?

— Можно мне в туалет? — тихо попросил Туан.

— Зассали мы, получается, Анатолий Сергеевич, — погрозил вьетнамцу пальцем Довлет.

— Можно подумать, планете легче будет, если один мальчик убьет другого, — ответил Анатолий, с досадой глядя, как ерзает на стуле Туан, дожидаясь, пока ему разрешат выйти. И сегодня разрешить ему учитель не мог.

— Я мужчина. И если так сделают все мужчины, лучше уж точно будет, — гордо задрав подбородок, проговорил Довлет. — Иди, Туан. Скажи, пусть телевидение позовут. Тогда пушу сюда переговорщика. Нужно, чтобы все видели, что на этой планете еще есть мужчины, способные забрать жизнь захватчика.

Вьетнамец сорвался с места и исчез за дверью. Все невольно посмотрели ему вслед.

— Они никогда с нами не воевали...

— Что? — Довлет посмотрел на Йа, и тот продолжил:

— Мой отец прилетел на первом корабле. И они за

все время не сделали ни одного выстрела. Только посылали на Землю своих, чтобы те спасали людей, которым сделали боль солдаты. Отец всегда говорил: «Нам никогда... не понять, почему на вашей планете так любят убивать». Они просто пришли в гости, потому что их планете нужно немного отдыхать. Привезли с собой знания, оборудование, специалистов. Приняли наши правила, признали законы, согласились на нашу ненависть, хотя могли просто убрать людей, как пыль, как мусор. — Йа провел ладонью по столу. — Но отец никогда не говорил такого, хотя я видел на корабле много машин, которыми можно вылечить человека, но можно и убить.

— А твой настоящий отец? Может, он погиб от рук этих тварей? — недоуменно спросил Довлет.

Йа пожал плечами:

— У моего настоящего отца серая кожа, друг. А тот, благодаря кому я родился, не назвал моей матери своего имени, потому что торопился убивать. Анатолий Сергеевич говорил: вы должны быть как я. Но я — просто Йа Сидоров. Образец из меня плохой. Мой отец научил меня любить и жалеть людей. Иногда чужими глазами лучше видно, какие мы несчастные. И я всех люблю. И мне жаль, что у Алексея Сергеевича умер брат, а у Туана болит живот, потому что ему нужно было в туалет, но он слишком тебя боялся, а ты его не пускал. Но и тебя жалею и люблю, друг.

— Иди ты к шайтану, друг, — фыркнул Довлет, делая шаг в сторону.

Он собирался сказать еще что-то, но отчаянный Йа одним молниеносным движением подскочил к нему и порывисто обнял.

— Второй, ответственность за действия стрелка взяла на себя ксенооппозиционная группировка «Земляне». На переговоры не соглашается.

«Пацан совсем, — подумал Дмитрий. — Купили родители место в университете, связался с ксенофобами — накрутили парня. Горцы вообще народ горячий,

внушаемый, дай только образ врага. В армию бы его, вытряхнуть из костюмчика, обвалить как следует в грязи — может, и понял бы, что, если думаешь с инопланетной дрянью воевать, надо не стволом в одnogруппников тыкать, а...»

— Второй, приказ на уничтожение стрелка. Как будет в прямой видимости — снимайте.

Капитан сосредоточился. Оптика приблизила цель — Дмитрий мог рассмотреть даже маленький значок общества за чистоту расы на лацкане университетского пиджака чуть выше символа вуза. Красная точка прицела скользнула по синей ткани, оставив на ладонь слева от грудины. Капитан медленно выжал спуск.

Откуда взялся вертялый мулат, он не знал. Мгновение назад его не было рядом с целью. На белой рубашке расплылось бурое пятно. Осыпалось градом осколков стекло.

Стрелок, инстинктивно подхватив падающее тело, долю секунды ошеломленно смотрел на него, а потом осел на пол, бросил оружие и, размазывая по лицу слезы, принялся тормозить мертвеца, не в силах поверить в очевидное.

— Вставай, друг, вставай, гадина черножопая. А ну, хватит, вставай. Вставай! — слышался в разбитое окно полный отчаяния и слез голос стрелка.

К нему подскочил учитель, оттолкнул, выхватив из ослабшей руки пистолет. По рации сквозь хрип по-мех Главный требовал доложить обстановку.

— Стрелок безоружен. Есть жертвы среди заложников, — глухо ответил Дмитрий, но Косякову, видимо, уже обрисовали более полную картину.

— Ёпть, Дима, что ты творишь?! Откуда эта мартышка вылезла? Твою мать, дерьма теперь не оберешься. Так облажаться! Отбой, Сидоров. Твою мать...

Капитан, не выпуская винтовки, следил в прицел, как в кабинет вбегают ребята, вяжут зарезанного парня. Как, пошатываясь на трясущихся ногах, выхо-

дят из кабинета заложники. Препод долго не соглашался выйти — дождался, пока на носилках вынесут тело незадачливого переговорщика, и вышел следом, поддерживая за плечи вяло ковыляющего сириусянина, наконец покинувшего свой угол. Вокруг серокожего толклись врачи. Дмитрий заставил себя расслабиться и выпустить винтовку.

— Победил, сука серожопая? — с ненавистью буркнул он себе под нос. Чертовски не хотелось признавать, что лажанулся. В конце концов, человеку свойственно ошибаться.

ЭЛЕОНОРА РАТКЕВИЧ

ДРУГ ДЕТСТВА

*Посвящается моему семейному
игрушечному медведю,
которому предстоит со временем
воспитывать пятое поколение
моей семьи.*

Нежду котом, который гадит в тапки, и начальством, которое гадит в личное дело, выбирать следует кота. Однако Тони Эпплгейт еще не был готов расстаться с работой в Интерполе — даже ради того, чтобы заменить шефа котом. Впрочем, сегодня потенциальный кот был как никогда близок к переходу в кинетическое состояние.

— И подумать только, — почти с ненавистью процедил Тони, — что об этом я мечтал с детства!

Что верно, то верно — он мечтал стать полицейским лет примерно с шести. Он был уверен, что у него обязательно получится. У него даже глаза были полицейские — серые, стальные. Самый подходящий взгляд для копа. Чтобы метать молнии, когда тебя ни за что ни про что разносит начальство, лучшего и не придумаешь.

— Ну, не преувеличивай, — усмехнулся Грант. — Нахлобучка от шефа в твои детские мечты вряд ли входила.

Если кто не мог похвалиться подходящими для копа глазами, так это Грант. Глаза у него были абсолют-

но штатские, мирные — карие, напоминающие своим оттенком маньчжурский орех. Лет двадцать назад Тони решил бы, что их мягкий теплый взгляд просто не может принадлежать тому миру, где ночь выплевывает огонь и свинец, а на руках злодеев защелкиваются наручники. Зато фамилия у Гранта была самая что ни на есть полицейская — Лестрейд.

— А такое позорище в них входило? — едва не взвыл Тони. — Мы ж у местных полицейских теперь просто любимые клоуны! Шоу года!

Проходящая мимо пожилая леди с огромным пушистым котом на цепочке ободряюще улыбнулась явно расстроенному молодому человеку. Тони ответил ей невеселой улыбкой, вздохнул и откинулся на спинку скамейки.

— Шесть ордеров, Грант! Шесть! И все до одного пустышка. А уж Олдербой как над нами потешается — даже думать страшно!

— А ты бы на его месте что — плакал? — фыркнул Грант.

— Животики бы надрывал со смеху, — мрачно ответил Тони.

Кевин Олдербой был притчей во языцех, занозой в заднице и бревном в глазу всего Интерпола. И он имел полное право потешаться: учиненный у него обыск не дал результатов шесть раз подряд.

— Точная наводка, — с горечью произнес Тони. — Верные сведения. Кевин Олдербой скупает по всему миру краденые произведения искусства. Дело за малым — взять этого поганца за шиворот. Шесть попыток — и мы за компанию с местной полицией остаемся с шиворотом в руках, а он уходит чистенький. Как только еще на нас в суд не подал! Шесть обысков — с собакой, с металлоискателем, со счетчиком Гейгера, с рентгеном... может, на следующий экстрасенсов пригласим? Нам терять уже нечего, глупее выглядеть не станем. Где ничего нет, ничего и не отыщется. Ну, вот с какой стати шеф вбил себе в голову, что он держит ворованное дома?

— Романтик у нас шеф, — усмехнулся Грант. — Старая школа, чего ж ты хочешь. Он ведь как мыслит? Должно у Олдербоя быть какое-то тайное укровище, где он все эти шедевры содержит и на них любит. И не через камеры слежения, а лично. Так сказать, во плоти. А значит, должен он этот бункер тайный постоянно посещать. Обложили его плотно, слежка поставлена на совесть, где и когда он бывает, известно до мелочей, буквально поминутно — и никаких отклонений от распорядка не замечено. А раз он никуда не наведывается, значит, при себе краденое держит. Иначе просто быть не может. Вот такая романтика.

— Сказал бы, что я о ней думаю, — процедил Тони, — но не могу: мне тогда придется арестовать самого себя за нарушение общественной нравственности.

Грант засмеялся.

— Ну, что ты думаешь о романтике, я уже понял, — ответил он. — А что ты думаешь о деле?

— Да чушь это собачья! — махнул рукой Тони. — Не станет Олдербой на шедевры любоваться. Незачем ему. Он же в искусстве разбирается примерно как я в инопланетянах.

— Думаю, и того меньше, — улыбнулся Грант.

— Не стану спорить, — кивнул Тони. — Главное, что в искусстве он ровным счетом ничего не мыслит. Для него это просто удачное вложение денег.

— Согласен, — отозвался Грант. — Какой смысл любоваться на чековую книжку?

— Любоваться — никакого, — ответил Тони, — а вот присматривать смысл есть. Дома у него точно ничего нет — но где-то в пределах досягаемости... где-то недалеко...

— В пределах обычных передвижений, — медленно произнес Грант.

Несколько долгих, как совещание у начальства, секунд Тони обдумывал эту мысль.

— Верно, — кивнул он. — Все верно, Грант. Стран-

но даже, что это до сих пор никому не пришло в голову. Ну что, возвращаемся в отдел?

— В отдел? — удивился Грант. — А чем тебе в Гайдпарке не работа? Небо синее, солнце желтое, птички поют, бабочки летают, собачки прогуливаются, девушки улыбаются — и никому до нас ровным счетом нет никакого дела. Идеальные рабочие условия.

— А материалы по делу?

— У меня нетбук с собой.

— Погоди, так ты что — служебную информацию с собой таскаешь? — сообразил Тони.

— Разумеется, — невозмутимо ответил Грант, расчехляя нетбук. — Коп, напарник, — это профессия творческая. Вроде поэта. Или композитора. В общем, в режиме «двадцать четыре — семь». Оставить мозги в ящике стола до утра просто не получается. Ну, вот огрело меня вдохновение, как яблоко — Ньютона. Или просто срочная справка понадобилась. И что мне делать — в отдел нестись в три часа ночи? Нет уж.

— Шеф узнает — голову оторвет, — выдохнул Тони, восхищаясь самоуправством напарника.

— Своей пусть сначала обзаведется, а уж потом на чужие покушается, — хмыкнул Грант. — А до тех пор он у меня в машине ничего не найдет. И не только он. Я не самый скверный программист в нашем отделе.

По мнению Тони, Грант был не просто не самым скверным, а и вообще лучшим программистом их отдела — а возможно, и всего лондонского филиала. И действо, развернувшееся перед ним на экране нетбука, как нельзя лучше подтверждало эту истину.

Пусть обычные пользователи ждут с замиранием сердца новых игр с невероятной графикой! Программисты до такой банальности не снисходят. У них другие развлечения. Нет слаще, чем раскопать какую-нибудь старую, прямо-таки первобытную игрушку, такую, что ее даже стандартный эмулятор не берет, приспособить ее под современную технику, навертнуть на нее невообразимо крутой мод и подsunуть собратьям по разуму! Именно такая игра и обнаружи-

лась на нетбуке Гранта. Третий «Police Quest». Тони гонял эту игру лет в семь, и уже тогда она считалась древней, как останки динозавра. Сейчас она выглядела как воскресший динозавр.

— Погоди немного, — произнес Грант. — Я тут сохранение поставил с упреждением.

На экране Майк Даунс объяснял, что он человек занятой, и советовал вставлять карту допуска так, чтобы стрелочка была сверху. На мгновение Тони снова сделался ребенком, который с нетерпением ждал, когда же этот зануда заткнется и он вместе с Сонни пойдет дальше.

«Сонни Бондс, пожалуйста, немедленно перезвоните диспетчеру».

«Сонни, тебе срочно нужно подъехать в Аспен Фоллз по вызову. Все остальные заняты».

«Можно изъять копа с улицы, но невозможно изъять улицу из копа — верно, Сонни? Ладно, я и так засиделся в здешней духоте. Пора на свежий воздух».

Тони помнил, что после этой фразы Сонни должен встать из-за стола и выйти в коридор. Но тут Грант коснулся тачпада, навел курсор на компьютер на столе у Сонни и быстро кликнул на него — зачем, ведь это просто часть фона, кликай хоть до послезавтра, игра не отзовется!

Игра отозвалась. Она возмущенно заявила: «Би-и-и-ип!»

— Попрошу без непристойных выражений, — промурлыкал Грант.

Игра еще раз выразила свое возмущение и исчезла с экрана. Ее место занял текстовый файл.

— Думать подано¹, — улыбнулся Грант.

— Ловко! — оценил Тони. — Таким манером у тебя

¹ Разумеется, в английском языке, на котором разговаривают Тони и Грант, выражение «кушать подано» благополучно отсутствует. Игра слов в их разговоре выглядит иначе: Грант сказал «Thinking delivery», по аналогии с «Pizza delivery» («доставка пиццы»).

долго можно искать спрятанное — и не сказано, что найдешь.

— Искать? — мягко переспросил Грант. — Ну, нет. Если хоть кто-то будет в моей машине хоть что-то искать, — то есть совершать любые действия, кроме заранее предусмотренных, — информация просто самоуничтожится. Останется только игра.

— Ты маньяк! — радостно ахнул Тони.

— Точно. Компьютерный Ганнибал Лектор. Посторонняя лапа, протянутая к моему нетбуку, совершила недопустимую операцию и будет откушена.

— Тогда я лучше не буду протягивать, — хмыкнул Тони. — Сам показывай, что тут у нас есть на этого шутника.

Пальцы Гранта заскользили по клавишам.

Неоднократно изученный вдоль и поперек распорядок Кевина Олдербоя безропотно явил себя для новой проверки.

— Деловые обеды... не подходит...

— Уверен?

— Полностью. Разное время, разные места, разные люди. По большей части те, кому Олдербой не доверяет. Причем место и время не всегда выбирал он сам. Да и возможность отлучиться из-за стола незамеченным хоть на десять минут — нулевая. Нет, это пустой номер.

— Посещение театров и выставок... разных. Бизнесмену положено выглядеть культурным.

— Вот разве что выглядеть. Судя по списку посещений, в искусстве он не смыслит ни бельмеса.

— Да неважно, в чем он там смыслит. Главное, что и эти вылазки — пустышка. Он же туда ходит, чтобы быть на виду. Покрутился на открытии выставки, журналистам поулыбался — мол, вот он я, современный деловой человек, однако не чужд, знаете ли, не чужд... новые веяния в искусстве... в общем, обычный набор благоглупостей. И куда он потом денется? К тому же видеокамеры повсюду.

— Пустышка?

— Однозначно. Я бы скорее уж присмотрелся к тем выставкам, которые он спонсировал.

— Отпадает. Сам посмотри — разные места. Причем не все даже в Лондоне. Ну, не таскает же этот хомяк-эстет свои сокровища в защечных мешках!

— Не таскает. Смотрим дальше.

— Так... раз в три месяца — профилактический осмотр у врача, раз в два месяца — у стоматолога... а он себя любит, оказывается.

— Любит, да. Холит и лелеет. Но нам это ничего не дает.

— Почему? Из-за посетителей?

— Да нет, они как раз скорее завеса, чем помеха. Но чтобы Кевин Олдербой два месяца ждал, пока он сможет проверить свою кубышку...

— Ты прав. Не станет он ждать так долго. Не тот человек. А жаль, так все складно получалось. Пресса бы вся изошла на заголовки. «Тайное укрытие похищенных шедевров под охраной маньяка-дантиста»!

— С бормашиной наперевес. Господи, что за трэш ты в кино смотришь?!

— Вообще-то по телевизору.

— А что, есть разница?

— Да, собственно, никакой. Что у нас там дальше?

— А дальше у нас — трижды в неделю тренажерный зал «Вершина Талиесина»¹.

Тони расхохотался, поперхнулся смехом и закашлялся.

— Вершина чего?! — выдавил он, отдышавшись. — Нет, серьезно?

— Абсолютно.

— Голову готов закладывать, Олдербой повелся именно на название, — все еще чуть хрипло заявил Тони. — Это же так в его духе. Интересно, кто владелец. Его, так сказать, собрат по разуму.

¹ Имя Талиесин, принадлежавшее древнему барду, и означает «сияющая вершина». Поэтому название «Вершина Талиесина» — крайняя безграмотность, приблизительно того же рода, что и «прейскурант цен» или «архитектурное зодчество».

★ Пальцы Лестрейда еще раз быстро скользнули по клавишам, потом замедлились, а потом и вовсе остановились, напоследок огладив воздух над клавиатурой.

— Ну как же интересно, — отсутствующим голосом произнес Грант.

— Неожиданности? — спросил Тони.

— И еще какие! — ухмыльнулся Грант. — Да ты сам посмотри. Здание старое. Пару раз его едва не снесли, но вмешались общества по охране всего подряд и всякого-разного, так что дом не снесли, а только перестроили изнутри. Хотя не так уж и сильно — там и до Второй мировой был спортзал. А во время войны в подвале было бомбоубежище... хороший подвал, верно? И прочный, и вместительный. После войны... так, ну это уже не очень важно, сколько раз этот дом менял владельца. Главное, кто владеет им сейчас. А купил его — угадай, кто? — Эйви. Именно тот самый. Мистер Джо Эйви.

Если Кевин Олдербой был бревном в глазу Интерпола, то Джо Эйви можно было с полным правом назвать веткой, которую так и не удастся спилить с пресловутого бревна.

— Эйви! — таким голосом ребенок произносит название любимого мороженого. — Лучший крокодил на побегушках в команде Олдербоя. И здание с основательным подвалом. И тренажерный зал — наверняка для своих. Олдербой туда таскается три раза в неделю — а мы и ухом не ведем! И скорее всего, он и есть настоящий владелец, а Эйви — для отвода глаз. Теперь это выглядит таким очевидным... ну, вот как мы могли все это прохлопать?

— Слишком долго искали черную кошку в темной комнате, — ответил Грант. — А тем временем белая собачка среди бела дня стащила сардельки. И слопала. Бывает. Возможно, это в чем-то и к лучшему. Собачка обнаглела и перестала остерегаться. Самое время ее ловить.

Дальнейшее было чистой воды авантюрой.

Потому что по всем правилам, сколько их есть, помилка обнаглевших белых собачек проходит по ведомству местной полиции, а не Интерпола. Операция должна быть совместной. Но шеф уперся. Уж если он принял Решение (непременно с заглавной буквы!), сдвинуть его с облюбованной позиции еще никому не удавалось. А на сей раз — не очень-то и хотелось.

Нет, дело не в том, что, шестикратно потерпев поражение, отдавать в чужие руки только что найденный ключ к победе обидно. Не настолько шеф был мелочен. Просто он считал, что наилучший способ загубить любую идею — это передоверить ее исполнение.

Во-вторых, шеф отлично понимал, что при всей своей убедительности новая идея тоже может оказаться провальной. Седьмой по счету раз сесть в лузу лучше бы все-таки без свидетелей.

А в-третьих, если вы параноик, это еще не значит, что вас не преследуют. Если шеф и не был параноиком, то, по крайней мере, горячо к этому стремился. Что значит — местная полиция всегда готова к сотрудничеству? Кто сказал? Она сама и сказала? А что в ее доблестных рядах наверняка хоть кто-нибудь, да повязан с криминалом, она не сказала? Нет? А ведь есть же кто-нибудь, есть — ручной, прикормленный! Нипочем бы Олдербой не держался так нагло, не будь у него в местной полиции своего «крота». И сейчас, когда наконец-то забрезжила надежда прищучить Олдербоя, о том, чтобы заранее поделиться информацией с местной полицией, и речи идти не могло.

Одним словом, кто варит свой мед, тот сам его пьет. И раз уж мед сварили два сотрудника Интерпола, посторонним не достанется ни капли.

А потому спустя несколько дней в заведение мистера Эйви заявилися два налоговых инспектора с внеплановой проверкой.

Налоговые служащие из Тони и Гранта получились хоть куда. Лучше настоящих. Приобрести абонемент в тренажерный зал «Вершины Талиесина» оказалось

невозможно — как Тони и предполагал, здесь пыхтели под штангой и задыхались на беговой дорожке, накачивая мускулы и сбавляя вес, исключительно «свои». К тому же со стороны зала не было выхода на лестницу, ведущую в подвал. Для двух налоговых инспекторов этих проблем не существовало.

Разумеется, без некоторых помех все же не обошлось. Разумеется, мистер Эйви, шипя, как плевок на раскаленном утюге, позвонил в налоговый департамент, чтобы выяснить, какого черта. Разумеется, мистеру Эйви расплывчато ответили, что на него «был сигнал». Разумеется, мистер Эйви высказал все, что он думает о грязных стукачах и тех, кто к ним прислушивается. Запаса его мыслей по этому поводу, перемежаемых вполне безобидными местоимениями, хватило минуты на четыре. И только потом вновь прибывшие смогли приступить к аудиту.

Если бы Джо Эйви мухлевал с налогами, с проверяющих глаз бы не спустили. Но отчетность у «Вершины» была в полном ажуре, и потому после первой вспышки негодования он махнул на них рукой: хотят парни искать от жилетки рукава — пусть ищут. Им за это деньги платят.

Есть ли смысл обращать внимание на то, в чем не видишь угрозы? И двух часов не прошло, как о присутствии проверяльщиков не то чтобы забыли, но перестали его толком замечать. И совсем уж никто не заметил, когда офисные служащие по одному потянулись на ленч, что двое из налоговой благополучно успели потеряться.

Само собой, потерять сразу двух налоговых инспекторов — достижение в своем роде особенное. Можно сказать, рекорд. Но только не в том случае, если потерявшиеся поднаторели в искусстве быть «где-то здесь». В нем нет ничего мистического. Им с успехом пользуются мужья сварливых жен, кинозвезды, удирающие от папарацци, и именно те официальные лица, которые должны поставить срочную печать на наши документы. Эти люди не проходят

сквозь стены, не проваливаются в подземный ход и не телепортируются в Антарктиду. Нет, все они «где-то здесь».

Искусством быть «где-то здесь» Тони и Грант владели хорошо. Ни один из работников мистера Эйви не забил тревогу. Даже когда операция была завершена, они были готовы поклясться, что двое из налоговой «где-то здесь».

Однако сейчас до завершения операции было еще далеко.

— Лестница там, — мотнул головой Грант.

— И как мы пройдем? Тут же камеры повсюду...

Видеокамеры на вертушках неторопливо елозили по вверенной их присмотру территории равнодушным стеклянным взглядом.

— Я тебя по «слепым зонам» проведу, — уверенно пообещал Грант.

— Точно? — недоверчиво прищурился Тони.

— Приблизительно, — ухмыльнулся Грант. — Главное, не отставай.

Вариант «развернуться и уйти» даже не рассматривался. Вариант «уйти, чтобы повторить проникновение в следующий раз» представлял собой совершенно бессмысленную трату времени — не говоря уже о ненужном риске. Оставалось и впрямь только одно — следовать за Грантом впритирку и надеяться, что чутье его не обманет.

Грант шел спокойно, почти не останавливаясь. Они уже одолели два лестничных марша. Оставался последний пролет с выходящей на него камеркой из тех, где обычно держат запасные швабры, и еще один марш. И тут Грант внезапно остановился и обернулся. Лицо его сделалось напряженным, как у человека, которому во время умывания попало мыло в глаза.

— Что такое?.. — очень тихо, почти одними губами спросил Тони.

Даже этот еле слышный шепот заставил Гранта досадливо поморщиться. Он приложил пальцы к губам — молчи, ни звука! — а потом замер, прислуши-

ваясь. Тони еще не слышал ничего — но не сомневался, что Гранту не померещилось.

Грант мотнул головой в сторону каморки. Дверь ее была открыта настежь. Они не могли знать, что там, в каморке, — но спрятаться было больше негде.

В каморке тоже было негде спрятаться.

В ней не было ничего, кроме вертящегося стула и небольшого стенда с непонятными датчиками и переключателями.

А шаги — теперь их слышал не только Грант, но и Тони — неумолимо приближались.

Кто это, куда он идет — в подвал или в эту крохотную комнатку?

Но даже если он идет в подвал, закрывать дверь уже поздно — наверняка заметит. Да и закрывают ли ее и вообще? Похоже, что нет. А если этот человек направляется именно сюда...

Додумать эту мысль до ее логического завершения Тони не успел. Грант дернул его за рукав, взглядом указал на дверь и почти беззвучно выдохнул: «Сюда!»

Старая детская придумка — если дверь открывается внутрь, так весело прятаться между распахнутой дверью и стеной!

Вот только места за дверью не хватает для двоих — тем более взрослых.

Только для одного.

Грант подтолкнул Тони к двери. Тот оглянулся на напарника растерянно и беспомощно: неужели Грант хочет, чтобы Тони спрятался один?!

Шаги на лестнице звучали уже совсем близко.

Грант внезапно толкнул Тони, и тот сам не понял, как он оказался за дверью и куда подевался Лестрейд. А Грант словно сквозь землю провалился. Спустился всего какую-то пару мгновений в каморку кто-то вошел — видеть его Тони не мог, но отлично слышал, как под его весом слегка скрипнул стул, как защелкали переключатели. Он слышал многое — и чуть тяжеловатое дыхание немолодого уже человека, и бормотание, и повторное поскрипывание стула. Но

Тони не улавливал ни одного звука, исходящего от Гранта. Да, но ведь и тот тип, что сейчас бодро щелкает переключателями, тоже явно никого рядом с собой не видит и не слышит! Он держит себя так, будто никакого Гранта Лестрейда поблизости нет и вовсе.

Чертовщина, да и только.

Тони было не до загадок: всем своим существом он был сосредоточен на том, чтобы не выдать себя не то что шорохом — дыханием. Он не думал и не мог думать, где же прячется Грант, — с него было довольно уже и того, что Грант сумел спрятаться. И лишь когда стул в последний раз скрипнул с легким провизгом, а чуть погодя звук удаляющихся шагов послышался уже с лестницы, Тони очень тихо выдохнул и наконец-то выглянул из-за двери.

Да так и замер.

Никакого Гранта в каморке не было и в помине.

Зато там было кое-что другое.

Только теперь Тони с изумлением обнаружил, что его рука сжимает лапку невесть откуда взявшегося плюшевого медвежонка.

Очень, очень знакомого ему медвежонка...

...Однажды кухня Тони, покупая игрушечный автомобиль для своего трехлетнего сына, попросила продавца дать ей машинку, предназначенную для прямого попадания в руки ребенка. Такую, что хоть пару месяцев продержится. Нельзя сказать, чтобы она была не права — однако далеко не все дети ломают игрушки. Данек своего плюшевого медвежонка берег пуще глаза: другого взять было бы неоткуда. Какие тут игрушки — хватило бы за жилье заплатить да прокормиться! Впрочем, с тех пор, как Адашь поступил учеником к портному Шнайдеру, одной парой рабочих рук в семье стало больше, и Данек уже не ложился спать голодным. А потом портной Шнайдер позволил Адашу взять себе лоскутки, и Адашь сшил братишке медвежонка. Отец отполировал два крохотных кусочка маньчжурского ореха, и у мед-

вежонка появились глаза. Данек всякую свободную минуту проводил со своим плюшевым сокровищем. А после того, как старшего брата забрали на войну, и вовсе с ним не расставался.

Коротко обстриженная голова Адася выглядела непривычно лопоухой; шинель была ему велика, и тощая шея торчала из воротника, как карандаш из стакана. Несомненно, для стороннего наблюдателя Адася являл собой преуморительное зрелище, но Данек не смеялся. И медвежонок не смеялся. Они ждали Адася вместе. Бессонными ночами Данек горячо шептал в плюшевое ухо: «Адася вернется, вот увидишь. Обязательно вернется. Точно тебе говорю». Медвежонок не спорил. Он согласно молчал, прижимаясь к мальчишеской щеке.

Адася действительно вернулся — и даже нашел семью среди других беженцев, сорванных с места войной. Медвежонок видел, как хромой солдат в потрепанной шинели не по росту вдруг быстро пошел, приволакивая ногу, навстречу Данеку, а потом нагнулся и подхватил мальчика на руки.

Он и вообще много чего видел на своем веку, этот медвежонок. Две мировые войны и одну гражданскую, не говоря уже о революции. Гетто и побег из него. Дорогу во Францию и переход через Пиренеи. Битком набитый трюм и чужеземные трущобы. Минувшие годы сделали из него полиглота: еврейская, польская, русская речь сменилась в его окружении немецкой, французской, а затем испанской, и только в сорок третьем году двадцатого века люди рядом с ним заговорили по-английски.

Он был немного потертым, когда попал в руки Тони, но это не имело значения. Или нет — все-таки имело. Он был не чета новым игрушкам прямо из магазина, веселым и глупеньким. Медвежонок прадедушки Даниэля, бабушки Аньес, дяди Джейкоба, а потом и мамин. Он был старше Тони, умнее и опытнее, он гораздо лучше знал жизнь. Никогда Тони не играл с ним во всякие девчонские игры — ха, вот

еще! Он был напарником Тони — потому что сам Тони неизменно был копом. С шести лет Тони не мыслил себя никем иным. С того самого дня, когда его подружку Лесли едва не похитили.

Когда нескладный долговязый парень схватил Лесли за руку и потащил в машину, девочка так испугалась, что даже закричать не смогла. А Тони совсем не испугался... ну, разве что потом, когда все уже закончилось. А тогда он вцепился Лесли в другую руку и потянул так сильно, что потом ей пришлось вправлять вывих. Уволочь одного ребенка совсем нетрудно. Куда сложнее справиться с двумя. Особенно если второй упирается, как маленький бегемотик. А Тони упирался изо всех сил, брыкался, лягался, ни на миг не отпуская Лесли, и орал, орал, орал, не переводя духу, он звал на помощь так, что уши закладывало. На его счастье, поблизости оказался коп. Хотя Тони был железобетонно уверен, что счастье или хотя бы везение тут совершенно ни при чем: коп обязательно должен был оказаться. Это закон природы.

Впоследствии выяснилось, что долговязый тип — жуткий маньяк, которого искали уже полгода, и Тони с Лесли купались в лучах заслуженной славы. Правда, Тони не считал свои оголтелые вопли невесть каким подвигом, а внезапную известность — чем-то серьезным. Подумаешь, большое дело — в газетах пропечатали! Куда важнее, что тот полицейский назвал Тони храбрым и находчивым. С этой минуты участь Тони Эпплгейта была решена. Он станет копом и тоже будет оказываться.

В своих детских играх Тони всегда был исключительно полицейским и никогда — частным сыщиком. Его не привлекала доля Майка Хаммера, Эркюля Пуаро или даже Шерлока Холмса. На Холмса Тони был даже немного в обиде. Кто же спорит, Шерлок Холмс — гений, и вообще он лучше всех, но это ведь не повод так измываться над инспектором Лестрейдом, верно? Инспектор — хороший коп, добросовестный и храбрый, он честно исполняет свой

долг. И самая лучшая книга про Холмса — это «Собака Баскервиль». Самая любимая. Потому что именно инспектор своим метким выстрелом спас сэра Генри. Но Тони все равно думал, что с инспектором обошлись не по справедливости. И своему плюшевому напарнику он дал имя Лестрейд.

Грант Лестрейд.

Как же он мог забыть!..

Рука Тони невольно разжалась, но игрушка не шлепнулась на пол: то, что выскользнуло из внезапно ослабевших пальцев, было не лапкой медвежонка, а ладонью сотрудника Интерпола Лестрейда, и он крепко стоял на ногах.

— Ты кто? — хриплым рваным шепотом спросил Тони, когда шаги окончательно затихли в отдалении.

— В твоём языке нету такого слова, — помолчав, ответил Грант.

— А в каком есть? — чуть более твердо произнес Тони.

Дурацкий вопрос, что и говорить. Однако впоследствии Тони не отказался бы посмотреть на того, кто сумел бы задать более умный.

— Японцы называют таких, как мы, цукумогами¹, — сообщил Грант.

— Кого-кого ногами?² — не понял Тони.

¹ Цукумога́ми (яп. — «дух вещи») — вещь, приобретающая душу и индивидуальность, ожившая вещь. Это не просто заколдованный предмет, а именно живое, сверхъестественное существо. Согласно поверьям японцев, цукумогами — это вещи, которые существуют достаточно долго (от ста лет и более) и потому стали живыми и обрели сознание. Любой объект этого возраста, от меча до игрушки, может стать цукумогами, но только если не был непоправимо поврежден. Поврежденный предмет стать цукумогами не сможет. Разумеется, канонические японские цукумогами становятся оборотнями сами, а не являются временным приютом чужого сознания.

² Безусловно, и здесь приведенная игра слов является, по сути дела, переводом. На родном английском Тони слышался иначе — его вопрос звучит как: «What monogamy?!»

Грант мягко усмехнулся.

— Цукумогами, — терпеливо повторил он. — Согласен, звучит не так чтобы очень. Но все-таки лучше, чем инопланетное разумное существо, верно?

Тони протянул руку и кончиками пальцев коснулся плеча Гранта. Настоящий, никаких сомнений. Не призрачный. И даже не плюшевый.

— Так ты этот... инопланетянин? — потерянно спросил Тони.

— Этот, — кивнул Грант.

Настоящий детектив всегда сохраняет самообладание. По крайней мере, так говорилось в любимых с детства книгах. Там не говорилось, что хороший детектив сохраняет способность думать даже тогда, когда самообладание утеряно напрочь. Меньше всего сейчас Тони мог похвастаться душевным равновесием. Но цепкий разум полицейского ухватил сказанные Грантом слова: «...называют таких, как мы...» — и не позволил им скрыться с места преступления.

— И вас... таких... много? — бесцветным голосом промолвил Тони.

— Много, — кивнул Грант.

— То есть вы нас... — прямой и ясный логический вывод не хотел выговариваться, он застревал даже не во рту — в глотке, но он должен быть высказан, невзирая ни на какие хотения. — Вы нас... захватили?

— Можно сказать и так.

— Зачем? — звонким детским шепотом спросил Тони. — Что вам дома не сиделось?

— Как всегда, — пожал плечами Грант. — Зачем вообще завоевывают? Жить хотелось. Есть хотелось.

— И кого же вы едите? — с мучительным спокойствием поинтересовался Тони.

Его друг и напарник Грант Лестрейд оказался его же собственным игрушечным медвежонком. Его медвежонок оказался инопланетянином. Захватчиком. Нет, Тони не боялся, что плюшевый монстр его съест. Ему и вообще не было страшно. Ему было мерзко. Что поделать, предательство — гнусная штука.

А гнуснее всего — предательство друга детства, того, кому веришь беззаветно. Даже не сам ты веришь, а тот ребенок, которым ты был когда-то.

— Не *кого*, — педантично поправил Грант, — а *что*. Мы едим восхищение. Привязанность. Любовь. Радость. Все то, что испытывают при виде чего-то красивого, сердечно дорогого, близкого. Мы умираем с голоду, если нас не кормить этими чувствами.

Медвежонок был Тони сердечно дорог. Что правда, то правда. Дорог и близок. Каких только детских тайн Тони не поверял ему шепотом! Он первым узнал, что Тони обязательно станет копом.

И коп, которым стал Тони, испытывал сейчас ни с чем не сравнимое облегчение.

Ведь одно дело — думать, что тебя съест предатель. И совсем другое — знать, что твоя детская привязанность спасла друга от голодной смерти.

— А своих чувств вам недостаточно? — неуклюже буркнул он. — Непременно нужны наши?

— Тебе знакомо такое слово — «каннибализм»? — поинтересовался Грант.

Тони осекся.

— Практически все разумные существа так или иначе проходят стадию каннибализма, — продолжал Грант. — И стараются ее как можно скорее забыть.

Тони кивнул. Это было понятно.

— У нас долгое детство, Тони, — вновь примолкнув ненадолго, произнес Грант. — По вашим меркам — очень долгое. Около ста лет. И эту сотню лет мы беззащитны. Это взрослыми мы ничем не отличаемся от тех, кто кормил нас своими чувствами. Ты можешь просвечивать меня рентгеном, изучать мою кровь под микроскопом — я такой же человек, как и ты. Сейчас. Хоть и могу при случае принять на время прежний вид.

— А если бы я был зеленым осьминогом? — уточнил Тони.

— Я тоже был бы зеленым осьминогом, — усмехнулся Грант. — И вполне мог бы пообедать рыбкой — или что уж там осьминоги едят. Но эти сто лет детства мы

не похожи на вас. Эта форма... называй ее призрачной, энергетической или там какой-нибудь молекулярной структурой — все будет верно и все неточно. Вы просто не знаете такой формы жизни, и я не смогу тебе объяснить, что мы такое в это время. Мы — цукумогами.

— Да что это за штукавина такая? — взмолился Тони.

— Цукумогами — это предмет, ставший человеком. По крайней мере, так это понимают японцы.

— Зонтик-оборотень? — обалдел Тони.

— Хотя бы, — кивнул Грант.

— Но тогда... — в голове Тони окончательно воцарился хаос, — получается, что его покусал другой зонтик? Или шкаф?

Грант негромко, но от души расхохотался.

— Тони, ну вот что за ерунду ты несешь? Как зонтик может покусать? И как можно покусать шкаф, чтобы он потом укусил зонтик? Ты как себе это вообще представляешь? Где ты такого набрался?

— В кино, — буркнул Тони, чувствуя себя донельзя глупо.

— Да хоть бы и в Википедии, — махнул рукой Грант. — Оборотничество, если хочешь знать, вообще кусательным путем не передается. Особенно среди шкафов и зонтиков. А вот статья цукумогами зонтик может. Если кто-то из нас выберет его для слияния. Это и есть наша детская форма. Мы вливаемся в предмет. Красивый. Сделанный рукой мастера. Тот, которым будут любоваться. Или пользоваться — долго. Передавая из поколения в поколение. Если он уцелеет сто лет, его обитатель станет человеком.

— А если нет? — Тони страшился услышать ответ — потому что предугадывал его.

Грант вздохнул.

— Иногда удастся уцелеть и найти другой предмет, — нехотя сказал он. — Но тогда взрослая форма будет больным человеком. Возможно, калекой. А чаще и этого не удастся. То же самое — если предмет непоправимо поврежден. Японцы и тут верно под-

метили. Ну — почти верно: мелкие царапины и прочее — не в счет. Но серьезное повреждение увечит или убивает нас.

— И ты рискнул стать игрушкой... — медленно, словно не веря себе, произнес Тони.

— Любимой игрушкой, — поправил его Грант. — Твой прадедушка Даниэль со своим медведем не расставался. Души в нем не чаял. Он хранил меня... а я — его. Мы не можем защитить себя — нас теряют, выкидывают, ломают. Но мы можем защитить тех, кто нас любит. Как оберег.

— Уцелеть в погромах, — все так же медленно произнес Тони. — Сбежать из гетто. Пересечь столько границ...

— Верно, — кивнул Грант. — Такова наша природа. Мы защищаем вас в детстве и даем то, что вам нужно, став взрослыми.

— А что было нужно мне? — тихо спросил Тони, вновь предугадывая ответ — только на сей раз он хотел его услышать.

— Друг, — ответил Грант. — Напарник. Грант Лестрейд.

Нет, Грант определенно медвежонок и инопланетянин. Человек бы смутился, говоря такие бесконечно естественные слова, а ему ну хоть бы что!

— Знаешь, а ты совсем не похож на медвежонка, — неловко буркнул Тони, старательно не глядя на Лестрейда.

— А я должен быть маленький, толстый и плюшевый? — развеселился Грант. — Ошибаешься. Наша взрослая форма не зависит от того, кем бы были в детстве. Непременно тебя познакомлю с одним моим приятелем — здоровенный такой лоб под два метра ростом, мускулы — Халк обзавидуется. В детстве — фамильное обручальное кольцо. Представляешь?

Тони не представлял.

— А актриса Линда Оуэн в прошлом была амбаром для зерна в Южном Уэльсе.

Тони только головой покачал. Линда Оуэн, миниа-

тюрная изящная девушка, меньше всего была похожа на амбар.

— Кстати об амбарах, сараях, чердаках и прочих подвалах, — напомнил Грант. — Здешний подвал нас уже вовсю дожидается.

— И то правда, — согласился Тони. — Пора прощаться с этой загадочной аппаратурой, пока нас тут еще кто-нибудь не застукал.

— Вообще-то это не загадочная аппаратура, — фыркнул Грант, — а косвенное доказательство.

— В каком смысле? — удивился Тони.

— Это панель управления установкой климат-контроля. Сам подумай — для чего в подвале нужен особый микроклимат и почему им нельзя управлять из общей аппаратной.

Конечно, можно было напридумывать много самых заковыристых объяснений. Но пусть уж этим занимаются адвокаты. А полицейским нужно одно-единственное объяснение — верное.

Подвал ошеломил Тони напрочь.

Он выглядел не просто старым — а старинным. Даже древним.

Кто и когда возводил эти стены из плотно пригнанных камней? И было ли в те давние времена это помещение подвалом — или же стало им, когда уровень замостки неумолимо поднялся, и дом огруз в землю, как обычно и бывает со старыми строениями? Наверное, все-таки здесь был подвал уже и тогда: в каменных стенах нет и намека на окна. Никакой более поздней кладки на месте бывших проемов. Только тяжелый камень и черный от времени мореный дуб. Невероятная мощь. Рядом с ней бронированная стена со стальной дверью казалась неуместно хрупкой и почти кокетливой. Тони знал, что такие двери обычно бывают в добрых полметра толщиной, но достижение современной техники все равно выглядело мимолетным и сиюминутным, проигрывая древней каменной кладке с разгромным счетом.

Тони, как замороженный, уставился на старинную стену и даже коснулся кончиками пальцев шершавого камня.

— С ума сойти! — восторженно ахнул он. — Грант, ты только посмотри!

— Обязательно, — отозвался Грант, внимательно разглядывая кодовый замок на двери.

— Ох, прости, — смутился Тони. — Опять я не ко времени...

— Ну отчего же, — возразил Грант. — Накормить голодного — всегда ко времени.

Голодного?..

Накормить?..

Когда-то в этом подвале спортсмены отмечали свои победы — музыка, танцы, смеющиеся девушки, много шума и веселья. Когда-то в этом подвале жители города Лондона прятались во время бомбежек. Когда-то...

А потом Олдербой купил здание, перестроил его, усадил в директорское кресло Джо Эйви и запер подвал.

И маленький цукумогами остался один.

Больше никто не кормил его радостью и надеждой. Никто не смеялся в этих стенах, никто не танцевал. Думать о том, что вся эта тяжкая громада — всего лишь пристанище заброшенного ребенка, было жутко. Ребенок был одинок и голоден, но он не мог покинуть ставшее ловушкой каменное тело. Ну, разве что потянуться наверх хоть немного — наверх, туда, где люди... хотя бы посмотреть на них через глупые глаза видеокамер...

Видеокамер?

Так вот как Грант провел их обоих через «слепые зоны».

Точнее — так вот кто их провел на самом деле!

Вот кто отворачивал камеры от идущих полицейских. И предупредил Гранта, что в аппаратную кто-то идет — предупредил раньше, чем Грант мог слышать шаги.

Тони сдавленно вздохнул. Проклятый комок засел в гортани и нипочем не хотел сглатываться.

— Спасибо, Тали... — хрипло произнес он, приложив ладонь к каменной стене.

И теплой волной в сердце он ощутил внезапный ответ, сильный и несомненный — такой же точно, как тот, что исходил от улыбки игрушечного медвежонка в давние дни, когда шестилетний Тони точно знал, что его плюшевый инспектор — живой.

— Тали, — медленно повторил Грант, словно пробуя звуки на вкус, и улыбнулся. — Хорошее имя. Думаю, твой крестник будет рад в свое время вписать его в паспорт.

Паспорт? Откуда вообще у инопланетянина паспорт?!

Так, стоп. Разве сейчас следует думать именно об этом?

— И ты прав, это Тали за нами присматривал. Без него нам бы сюда не дойти и уж тем более замок не открыть.

— Такое хитрое устройство?

— Устройство классическое, — пояснил Грант. — Я такое видел, у нас инструктаж был, когда я еще в другом отделе работал. Вот смотри — на наборном диске числа от нуля до девяноста девяти. Всего сто. В сердечнике замка — специальные диски с прорезями. Их четыре штуки. Значит, возможных комбинаций — сто в четвертой степени.

— То есть сто миллионов? — присвистнул Тони.

— Именно. Сам понимаешь, нужную комбинацию подобрать вручную нереально. Эта железка раньше проржавеет, чем мы ее таким манером откроем. Но нам подбирать и не придется. Тали ее столько раз видел...

Договаривать Грант не стал, а Тони его не переспрашивал. Он глядел во все глаза, как Грант поворачивает наборный диск, следуя неслышным для него, но внятным для цукумогами инструкциям.

— Пять раз вправо до девяноста шести, — повторил Грант за Тали вслух, и его худые гибкие пальцы

уверенно выполнили указание. — Четыре раза влево до пятнадцати. Три раза вправо до восьми. Два раза влево до сорока девяти.

— А что дальше? — не выдержал Тони.

— А дальше — будем открывать, — ответил Грант. Он нажал на ручку справа от замка.

— Есть! — объявил он весело. — Тащим!

Он взялся за громадную круглую блямбу на двери и с помощью Тони потянул за нее. Дверь открывалась тяжело, нехотя — и вдруг поддалась, словно к стараниям двух полицейских присоединил свое усилие кто-то третий.

— Спасибо, Тали! — на сей раз эти слова произнес Грант. — Да, ты прав, это лучше бы заблокировать. Чтобы уж нипочем не закрыть.

Он обернулся к Тони:

— Ну как, Аладдин, посмотрим, что в пещере?

— Раз уж Сезам открылся — почему бы и нет? — в тон ему ответил Тони.

Что ж — в «пещере» было на что посмотреть.

И Тони к этому зрелищу оказался абсолютно не готов.

«Маленькие голландцы». Этюд Делакруа. Рисунки Дали, поражающие уверенной точностью каждого штриха. Китайская ваза из белого нефрита — неправдоподобная, удивительная чистота ее линий была легкой, как дыхание спящего ребенка. Бесценная японская ширма с росписью на сюжеты из «Гэндзи-моногатари». Античные камеи — совершенная четкость резьбы, иной раз многослойной. Серебряный сервиз работы Челлини. Яшмовый шумерский амулет. Задумчивая балерина Дега. Украденная с выставки в Швеции «Регина в белом»¹ — портрет

¹ «Регина в белом», она же «Портрет актрисы Регины Разума в белом» — картина художницы Майи Табака. Портрет произвел настоящий фурор на выставке в Швеции, откуда и был украден в 1979 году. Дальнейшая судьба портрета неизвестна. Картина находится в розыске до сих пор.

темноволосой женщины в белом костюме на фоне белой стены. И многое, многое другое...

Эта обнаженная красота сминала сердце, как властная ладонь сминает мокрую бумагу, — потому что «обнаженный» значит «беззащитный».

Красота, представшая перед Тони, была беззащитной.

Все предметы были аккуратно разложены, расставлены, развешаны и снабжены ярлычками — а Тони казалось, что они беспорядочно сгрудились, сбились вместе, прижимаясь друг к другу, словно заложники под дулом автомата, столько в них было отчаяния и безнадежности. Тони доводилось по долгу службы бывать в музейных запасниках, где очередные шедевры ждали своей очереди — но даже там он не видел ничего подобного. Там их изучали. Там они могли надеяться на просторные залы музея. Здесь они были заброшенными, как дети алкоголиков — испуганные и ненужные.

Раньше Тони приписал бы это ощущение своей впечатлительности.

Теперь он знал, откуда он берется.

— Да как же с ними так можно... — вымолвил он почти умоляюще.

Он был полицейским, он видел кровь и смерть, он многое повидал. И все же сейчас душа его дрожала, как слеза на кончиках ресниц.

За его спиной Грант резко и тяжело выдохнул. Даже самая неистовая ругань не передала бы и десятой части убийственного гнева, который вместил в себя этот выдох.

— Сколько здесь... — Тони не договорил, не мог заставить себя договорить вопрос до конца. Но Грант его понял.

— Много, — хмуро ответил Грант. — Больше половины.

Тони знал, как утешить спасенного ребенка. Ему доводилось это делать. Но как утешить детей, которых он даже не видит? Изголодавшихся перепуганных детей, которых здесь больше половины?

— Все будет хорошо, — негромко произнес Грант, и Тони не понял, кого он сейчас успокаивает — маленьких цукумогами или его, Тони Эпплгейта.

— А еще, — внезапно добавил Грант с торжествующей злостью, — сейчас будет весело. К нам сюда идет хомяк-эстет. Собственной персоной.

Для такого грузного человека, как Кевин Олдербой, походка у него была удивительно легкой и бесшумной. Он словно бы не подошел, а сразу возник в дверном проеме — низкорослый, коренастый, почти квадратный. Его массивное лицо было совершенно неподвижно — как если бы он, не в силах выбрать между страхом, изумлением и гневом, не чувствовал в итоге вообще ничего.

— Вы... вы... — наконец выговорил он с усилием, — вы... что... откуда... как вы сюда вошли?

— Вообще-то через дверь, — учтиво сообщил Грант.

— А я думал, вы хоть поинтересуетесь, кто мы такие, — попенял ему Тони и жестко добавил: — Интерпол. Попрошу проследовать с нами.

— Интерпол не уполномочен производить аресты! — неожиданно отмер Олдербой.

— А кто тут говорит об аресте? — приятно удивился Грант. — Мы всего лишь оказываем вам любезность. Предлагаем подвезти вас до ближайшего полицейского участка.

— Верно, — подтвердил Тони. — А уже там вам все будет. И арест будет, и ордер, как полагается, и права зачитают...

— Идиоты! — набычился Олдербой, стремительно темнея лицом. — Вы что же думаете, я сидеть буду?! С моими адвокатами? С моими деньгами? С моими связями?

— В самом деле? — ласково осведомился Грант. — А я полагаю, будете. Причем полный срок. Без апелляций и амнистий. В противном случае я буду очень удивлен. Очень.

Тони не мог видеть Гранта, стоявшего у него за плечом. Но он слышал его голос. И видел, как брыластая физиономия Кевина Олдербой приобретает цвет размокшего крахмала.

— Д-д-дда... — с трудом выдавил Олдербой и быстро угодливо закивал.

Тони не знал, чем именно грозит Олдербою возможное удивление Гранта. Но Олдербой знал, что он увидел в глазах полицейского, — и боялся этого куда больше, чем тюремного срока.

— Эк ты его, — хмыкнул Тони, обернувшись к Гранту. — Не круто?

— Нет, — отрезал Грант. — В самый раз.

Сейчас Тони нипочем не назвал бы его взгляд мягким. В глубине глаз цукумогами медленно ворочалось, затихая, нечто такое, чему нет названия ни на одном человеческом языке.

— Тони, — почти спокойно произнес Грант. — Представь себе, что твоих племянников какой-то придурок похитил, запер и морил голодом просто потому, что это хорошее вложение денег.

— Ну, на то мы и копы, чтобы ловить таких придурков, — рассудительно ответил Тони.

Грант кивнул.

— Ну что, хомяк-эстет, — обратился он к Олдербою уже вполне нормальным тоном, — поехали.

* * *

В участке Олдербой закатил такое представление, что оно вошло в местные легенды. Он пытался вести себя растерянным полицейским на шею, подвывая и всхлипывая от облегчения. Он признавался сразу всем и сразу во всем. Да что там — он был готов сам себя арестовать, а возможно, даже повесить, лишь бы никогда и ничем не удивить Гранта Лестрейда. Угомонился он только в камере — предварительно взяв со всех присутствующих самое честное слово, что

они вот прямо сей момент поедут в «Вершину», чтобы изъять краденые шедевры.

Впрочем, вывоз их удалось завершить только далеко за полночь. В последнем по счету бронированном автомобиле, увозившем из «Вершины» «Регину в белом» и этюды Пикассо, ехали, сопровождая их, Тони Эпплгейт и Грант Лестрейд.

— О чем загрустил? — окликнул Грант напарника.

Действительно, печалиться было не о чем. Дело раскрыто, Олдербой арестован, украденные произведения искусства найдены, цукумогами спасены. И все же Грант угадал.

— Знаешь, — негромко ответил Тони, не сводя глаз с «Регины», — я ведь всегда знал, что ты живой.

Всегда. Только став взрослым, Тони забыл свое знание. А детям, которые родятся у него когда-нибудь, нечего будет забывать. Они будут не знать, а всего лишь верить. Это не было вполне осознанной мыслью — скорее, ощущением. Однако именно оно наполняло Тони невнятной печалью. Он не мог ничего толком сказать об этой печали — но Грант и не нуждался в словах. Ведь он был когда-то плюшевым инспектором. Другом детства. Грант помнил о Тони такое, чего он и сам о себе не помнил, и понимал в нем то, чего он сам в себе не понимал.

— Дети твоей семьи очень бережно относятся к игрушкам, — улыбнулся Грант.

Это было обещанием. Четким и недвусмысленным.

Где-то далеко, в пока еще неопределенном будущем, в котором Тони предстояло сделаться не просто копом, а женатым копом, его детей уже ждет цукумогами. И они обязательно поймут, что их любимая игрушка — живая.

Просто не смогут не понять.

СТАРТАП

В темноте зацепившись ногой за миноискатель, Серега тихонько, но от души выругался. Мизинец на ноге ушиб, теперь, блин, распухнет, посинеет. Хорошо, баба Вера — Вера Дмитриевна — не проснулась. Даже из-за дубовой двери слышен был ее могучий, сотрясающий стены храп.

Прихватив «телескоп», пару раскладных стульчиков и рюкзак с заготовленными с вечера червями, перловкой и кое-чем мокрым, без чего, согласно уверениям бабы Веры, клева не будет, Серега вышел из хаты и двинул к озеру.

Вообще, озер в окрестностях хватало — долина Северского Донца как-никак, сказочные, безлюдные почти что места: раздолье для охотников, собирателей грибов и рыболовов-любителей. Но то озеро, куда собрался Серега, оно... Оно особенное.

Щебетали птички, от реки над заливным лугом стелился густой, непроглядный туман. Серега, чуть прихрамывая, бухал резиновыми сапогами по щербатому асфальту, проложенному от населенного пункта Копанка к бывшему ЛТП, а нынешней «химии», как называли мрачное здание на холме те немногие местные, что здесь жили.

Холмов в окрестностях тоже хватало. В Великую Отечественную тут шли страшные бои. Вон на холме слева, что навис над нужным озером, — высота 162 —

даже памятник погибшим есть: серебристая женщина обнимает серебристого мальчишку в пальто. Холм этот совсем лысый, на его верхушке даже трава не растет.

Сергея перебросил ногу через черно-белый ограничитель для пьяных и зазевавшихся водителей и сбежал вниз по склону к неприступной гряде сухого камыша. Только чудом не поскользнулся на траве, мокрой от росы.

Неприступным камыш выглядел только от дороги. На самом же деле ход к воде был пробит правильно — так, чтобы скрыть его от посторонних взглядов, то есть зигзагом, без откровенных прямых, прямо-таки приглашающих кого угодно куда не надо, то есть к сижке: воткнутому в илистое дно дубовым стволам и наброшенным поверх ясеневым паллетам, по четыре в один слой, чтобы крепче было, сбитых поржавевшими за годы двадцатками. Паллеты и дубовые сваи тоже не выглядели крепкими: поросли склизкими лохмотьями водорослей и, если ткнуть пальцем, продавливались. Но сижка отчего-то не ломалась, держала и зимний лед, и весенне-осенние подъемы воды, когда открывали Печенежское водохранилище, потому что неделями шли дожди и таял снег.

Как раз был очередной подъем, поэтому до сижки пришлось брести чуть ли не по колено в еще прохладной апрельской воде.

Разложив стул, — второй предусмотрительно поставил рядом с собой, справа, — Сергей только расправил «телескоп», еще червя не успел на крючок насадить, как сижка дрогнула.

От неожиданности — хотя ждал, ну ведь ждал же! — Сергей едва не рухнул в воду. Уж очень ему захотелось дернуть отсюда вплавь, едва сдержался.

— На карася решился? — слышалось сзади.

— На карася, — согласился Сергей. Пальцы плясали так, что червяк никак не мог нанизаться на острое жало крючка.

Аист, расхаживавший только что неподалеку вдоль

камыша, сорвался в воздух. Все птички разом затихли. Небо как-то сразу затянуло тучами.

— Так рано еще на карася. Щука щас берет. Но не здесь, а на заливе, правее. Или на реке. А здесь карась. В июне приходи, а еще лучше — в июле. А еще лучше — вообще не приходи, — слышалось из-за спины.

— А я сейчас хочу и прихожу, — с трудом продавил сквозь зубы Серега и медленно обернулся. Баба Вера предупреждала, что на рыбалке лучше не делать резких движений.

Чтоб целее быть.

По щиколотки в воде, метрах в четырех от сжи, стоял себе самый обыкновенный мужичок лет... то ли тридцати с хвостиком, то ли пятидесяти, а то и под восемьдесят, как посмотреть. Одет он был в бундесверовский мультикам, популярный в этих местах уже год как. На голове — черная вязаная шапка. На рябом, сплошь в веснушках, лице — недельная рыжая щетина. Глаза зеленые, в окружении сети морщин. И на лбу морщины. И руки по-хозяйски скрещены на груди.

Если б не эти руки, Серега решил бы, что мужик действительно самый обыкновенный, то есть такой, кого можно вежливо послать на другое озеро. Благо, было, куда посылать — озер в округе хватало.

— А может... — Губы у Сереги враз стали сухими, непослушными.

— Что — может? — ласково улыбнулся мужик. Глаза его при этом превратились в едва заметные щелочки, и Сереге вдруг показалось, что не мужик это вовсе, а громадная, метров десять длиной, пятнистая шучара, которая, разинув пасть, усыпанную острыми зубами, — даже на языке зубы! — готова накинуться на него.

— У меня тут...

— Чего? — Щука облизнулась, глаза ее заблестели, красные плавники задрожали.

— Так ведь какая рыбалка без... — пролепетал Серега.

— Ну?! — Щука щелкнула зубастыми челюстями, мол, сколько можно вокруг да около?

— То, может, вы, дядя, со мной? У меня все есть, а самому — это уже не отдых... — неожиданно для себя затарахтел Серега и вытащил из рюкзака стеклянную бутылку, наполненную жидкостью столь прозрачной, что, казалось, бутылка вообще пуста. Следом он извлек пакет с бутербродами из второй свежести «дарницкого» и отрезов сала вдвое толще кусков хлеба. Все это Серега разложил на деревянном ящике, обнаруженном рядом в камышах. Наверняка ящик этот не впервые использовали в качестве сервировочного столика. — Ну, вы же понимаете, все вы понимаете, так что...

— Ты меня дядей Гнатом зови. Разрешаю, можно. — Мужичок сел на стульчик рядом с Серегой и степенно набулькал в советские еще граненые стаканы.

Откуда взялось стекло? Серега ведь пластиковые взял! Ну да бог с ними, со стаканами, хорошо, что гигантская щука сгинула без следа. Видать, Серега не проснулся еще толком, вот и померещилось.

— За Родину, за Союз Галактик?! — предложил мужичок и влил в себя полстакана за раз.

— Угу, — без энтузиазма поддержал его Серега, поднеся уже пустую тару к губам. Содержимое-то он незаметно вылил в озеро. Не пил алкоголя с первого курса универа, когда впервые попробовал эту дрянь. То есть категорически не пил, вообще.

Поплавок задорно заплясал по глади озера, то погружаясь в воду, то вдруг выныривая на поверхность, чтобы похвастаться красным пенопластовым бочком.

— Что ж ты садок не взял, дурья башка? — Мужик ловко подсек и подтянул к себе рыбину, снял ее с крючка и швырнул в полиэтиленовый пакет, в котором уже блестели золотой чешуей килограммов пять карасей. — И еще: в следующий раз с подружкой на рыбалку приходи. А то моду завели: мужское занятие, девки пусть дома сидят, по телевизору сериалы смотрят. А мне тут как без баб, а? Была одна русалка из созвездия Водолея, разведчица примерная, ух какая, долго мы с ней душа в душу...

Серге стало не по себе. Русалка какая-то, и рыба невесть откуда в пакете взялась. Однако виду он не подал, знал ведь, к кому в гости шел.

— Но как Ганс тут завелся, так она, русалка, подруга моя, — она к тому времени уж отслужила и на пенсию вышла, — сказала: «Или он, фашист твой липовый, или я». А как я Ганса выгоню, если он еще свое сполна не получил? Никак. Вот она по весне, в разлив, в Танаид и уплыла...

Мужичок еще что-то говорил, наживляя крючок, закидывая его и выдергивая из воды очередную рыбку, но Серега его уже не слушал. Ганс. Вот оно... вот! Теперь главное — не вспугнуть.

— Еще по чуть-чуть? — предложил он.

— Разве только по чуть-чуть. Возле водоема, сам знаешь, злоупотреблять нельзя! ОСВОД предупреждает! — Мужик дурашливо подмигнул зеленым своим глазом, второй же глаз смотрел на Серегу внимательно и серьезно. — Веры Дмитриевны продукт? Вкус знакомый, да. Продукт чистый как...

— Как слеза? — подсказал Серега, когда пауза затянулась. Вроде бы такую характеристику дают даже самому мутному и вонючему пойлу.

Дядя Гнат поморщился.

— Как родниковая водичка. Тут аккурат в центре озера родничок бьет. Из-под днища.

От волнения едва не промазав, Серега плеснул самогона в оба стакана, положил сальца на кусочки черного хлеба.

— Только неправильно это — на двоих, — авторитетно, типа с глубоким знанием вопроса, заявил он. — Третий нужен. С третьим — правильно, с третьим это уже для настроения, а не ради злоупотребления.

— Третий?.. — Дядя Гнат задумчиво поскреб рыжую щетину на подбородке. — А что, это можно, это мы за просто. — И он крикнул так, что Серега чуть не оглох: — Ганс, хватит уже на дне прохлаждаться! Давай к нам!

И тут же взбурлили воды озера.

Это потому, что из глубин его поднялись на по-

★ — верхность пятьдесят с гаком тонн хромомолибденовой брони. У Сереги аж дыхание сперло. Да это ж Panzerkampfwagen VI «Tiger», он же просто «Тигр» — танк легко было узнать по опорным каткам, расположенным в шахматном порядке. Новенький почти что, вообще без повреждений «Тигр»!

Кому-то 88-миллиметровая пушка на башне танка нынче показалась бы игрушечной, хотя во время Второй мировой это было грозное оружие. Кому-то, но точно не Сереге, потому как башня провернулась, направив пушку ему в живот. Он почувствовал, как его разглядывают в бинокулярный прицел, раздумывая, стоит ли тратить снаряд или просто жахнуть по горе-рыбачку из пулемета? А тут еще грозно взревел двенадцатицилиндровый движок «Тигра». В общем, впору было задирать лапки вверх или же со связкой гранат кидаться под траки, третьего не дано.

— Ганс, хватит озорничать, напитки стынут!

Движок смолк, круглый люк командирской башенки откинулся. Наружу показалась черная кепи с вышитыми орлом и кокардой, а следом выбралась и остальная одежда Ганса вместе с самим Гансом, конечно — блондином, вряд ли старше двадцати пяти лет.

Ловко спрыгнув с танка, он двинул по воде аки посуху, будто не озеро тут вообще, а так, слегка взбрызнутый дождиком асфальт. Если б Ганс еще достал из кармана губную гармошку и, предварительно спросив насчет млеко-яйки, заиграл «Ах, мой милый Августин», Серега окончательно рехнулся бы. Хотя, все, что уже произошло этим утром, вполне тянуло на повод для визита к психиатру.

— Знаешь, сколько тут народу нашего полегло во время Второй Межгалактической войны? Ну, Второй мировой или Великой Отечественной, как вы зовете? — Третий гранчак сам собой возник на импровизированном столе. Дядя Гнат плеснул в него изрядно, не жалея, мол, опоздавшему положена штрафная.

— Четыреста двадцать два воина, — не раздумывая, выдал Серега. — Из двести двадцать восьмой стрелковой дивизии.

Дядя Гнат удивленно вскинул рыжие брови.

— Откуда знаешь?

— Да так... интересуюсь историей родного края. Кстати, дивизия какая-то загадочная, информации о ней почти что нет... А он что, немец? — Серега кивнул на Ганса, выряженного в униформу Панцерваффе СС.

— Ага... немец... из созвездия Тау Кита. Утонул тут вместе с модулем развёртки посадочного плацдарма, замаскированным под танк, в сентябре сорок третьего. — Сказано было так просто, будто речь шла о чем-то обыденном, случившееся вот вчера, а может, на той неделе.

— Я-я, шнапс! Баба Вера! — подтвердил свою гибель звездный немец.

Его застегнутая на четыре пластмассовые пуговицы короткая куртка с большим воротником и широкими лацканами, небось, отлично защищала от сквозняков в танке, но от воды в боевом отделении хоть панцера, хоть звездолета спасти не смогла.

Серега задумался насчет того, сколько же годков бабе Вере, раз погибший в 1943-м фашист очень издалека знает вкус ее самогона, но решил, что Ганс наверняка просто вкушал уже на этой сиеже подношения рыболовов, которые отоварились у предприимчивой не по годам селянки.

Черная, а потому немаркая униформа танкиста сохранилась удивительно хорошо. Но разве это удивительнее того, что сам танкист запросто сидел рядом и пил самогон бабы Веры?..

— Ну, вздрогнем. За знакомство.

— Угу. — Серега незаметно выплеснул свою порцию в воду.

— Я-я! — Влив в себя сразу почти что стакан, алиенс-немец принялся уплетать сало.

На груди слева, сразу под Железным крестом 1-го класса — сколько стоит? вряд ли дорого... — у Ганса висел серебряный нагрудный знак: из венка выезжает танк; над ним орел сжимает в когтях свастику. То, что знак был не из цинка, означало, что Ганс получил его в начале войны.

— Его вообще-то Руди зовут по легенде, но много чести ему. А Фриц — как-то обидно, он же почти свой уже. Так что Ганс — в самый раз.

Выпили еще раз.

Из специального прорезиненного кармашка брюк Руди-Ганс вытащил часы. «Langendorf», швейцарские, полсотни евро, если рабочие. На циферблат немец смотреть не стал, — и то верно, что для него время? — зато уставился на тыльную часть корпуса, на которой была гравировка.

Заметив интерес Сереги, дядя Гнат сообщил:

— Ходики Гансу молодая жена подарила. На память. Перед тем, как его на Восточный фронт отправили. Умел он, сволочь, втереться к местным самкам в доверие, умел!.. Ни китайцев, — ну как Ганс, с Тау Кита которые, — ни нас на этой планете, понятно, официально не было, нейтральный сектор, сам понимаешь, вот и конспирация, маскарад этот...

Руди-Ганс тотчас заулыбался и кивком подтвердил сказанное.

Они опять выпили — и бутылка опустела.

Покосившись на торчащий посреди озера модуль развёртки посадочного плацдарма, прекрасно — не отличишь от настоящего! — стилизованный под Panzerkampfwagen VI, Серега сам вызвался сбегать за второй, благо тут недалеко, а баба Вера ему не откажет. Его предложение восприняли благосклонно: «немец» раз пять повторил слово «шнапс», пока Серега выбирался через камыши к дороге.

Увы, когда он вернулся с новым пузырем, ни дяди Гната, ни Руди-Ганса с его межзвездным танком уже не было. В одиночестве Серега проторчал на сие до заката, но не поймал ни единой рыбешки.

* * *

Чтобы подобраться к озеру, ограждение дороги пришлось временно демонтировать. Зато колесный Т-150, собранный еще в последнюю пятилетку, уве-

ренно скатился по склону и напрямую проделал в камышах проход к сиже.

Ямзовский движок взревел, толстенный трос натянулся и...

И трактор потихоньку, помаленьку пополз обратно через камыши.

Все прошло удивительно быстро, без накладок. Водолаз сразу нашел затонувший танк там, где указал Серега, трос не порвался, трактор не сломался, и даже тракторист был пьян умеренно, а не как всегда, мертвецки. Крановщик, который погрузил «Тигр» на прицеп тягача «Харьковспецтяжтранса», тоже все сделал профессионально, без перекосов, обрывов и прочего, что частенько снимают на камеру мобильного и выкладывают в сеть. Так что Серега только успевал отстегивать за труды по совести.

Но только он вытаскивал из барсетки очередную пачку банкнот, тесть, с которым Серега приехал сюда на «девятке», сразу хватался за сердце. Просто кое-кто заложил свою двушку и ею-то, по сути, расплачивался. Узнав, жена психанула, забрала сына, ушла к родителям. Тесть сказал: «Если не выгорит, я тебя вот этими руками!..» Но задумку назвал перспективной и согласился помочь.

— Да на этой иномарке раскатывать может любой, кто хоть раз тачку водил: руль, вон педаль газа, вон тормоз и сцепление! Да тут даже ручник есть! Да на ней в космосе можно! Вот же делали фашисты! — заявил тесть, откинув круглый командирский люк и заглянув внутрь танка. — И жмур тут. То, что от него осталось. Все честь по чести. Хорошо, гад, сохранился. Как живой.

Нанятые в похоронной конторе спецы — чтобы провести эксгумацию, Серега собрал целую папку бумаг и потратил кучу денег — осторожно извлекли из «Тигра» ничуть не истлевшие — даже ухмыляющиеся — останки Руди Феллера, 1918-го года рождения, Филлинген-Швеннинген. О том, что останки принад-

лежали именно Руди, свидетельствовал цепочка с жетоном у него на груди.

Но вовсе не жетон убедил родственников Феллера перевести оговоренную сумму на счет Сереги (перевод подтвердила эсэмэска из банка; значит, не зря он связался с ними, не зря они прилетели в Украину, чтобы лично присутствовать при эксгумации). Доисторическая фрау годков около сотни, не меньше, как увидела карманные часы «Langendorf» с дарственной надписью, так руками всплеснула, запричитала что-то по-немецки, расплакалась даже. Как сообщил переводчик, сопровождавший семейку бюргеров, дама эта пообещала своим родственникам, что не помрет, пока не разузнает судьбу ее возлюбленного, ушедшего воевать за Фатерлянд, потому что хочет, чтобы ее похоронили рядом с ним. Теперь же, раз Руди обнаружился, вся семья надеется, что фрау таки выполнит свое обещание, так что вот отдельный презент от благодарных потомков. Переводчик незаметно сунул в карман Сереги плотно набитый купюрами конверт и пообещал, если что, «протекцию в этой и окрестных галактиках»...

— Значит, ты трофейщик, черный следопыт?

Серега вздрогнул услышав за спиной голос бабы Веры.

Он обернулся.

— Да я... Работы не стало, денег нет, а у меня семья, сын... вот я и от безнадеги, да я еще историей всегда увлекался, вот и...

— И много нашакалил? На-ка вот, забыл у меня. — Баба Вера протянула ему миноискатель. В другой руке она держала сорокалитровый молочный бидон с плотно закрывающейся прорезиненной крышкой.

— Вера Дмитриевна, ну почему же сразу «нашакалил»?.. Десятка три неразорвавшихся снарядов и мин нашел. Задолбался милицию вызывать. Уже со взрывотехниками из Балаклеи за руку здороваться начал. Зато такого, чтобы продать, нет ничего, все до меня нашли. А тут, Вера Дмитриевна, вы мне сами рассказали, что, мол, во время войны в этом озере немец-

кий танк утонул. У командира экипажа, вроде бы, день рождения был, так он с экипажем своим упился шнапсом настолько, что загнал танк в озеро. Все, кроме командира, выплыли. Ну и про дядьку Гната тоже вы мне рассказали. Вот я и...

— Да ладно тебе оправдываться. Хорошее дело сделал. Ганс, хоть издалека, а по своей местной фрау очень скучал, задолбала его уже эта конспирация: ни вправо, ни влево, чтоб никто не заподозрил... А теперь они, считай, опять вместе. Официально, без самоволок и дезертирства. — Баба Вера, низенькая, коренастая, в фиолетовой пуховой куртке, проводила прищуром отъезжающую процессию: микроавтобус «Mercedes Sprinter», в котором едва уместились бюргеры, тягач с «Тигром» (фрау решила, что танк ее покойного мужа станет достойным ему надгробием), подъемный кран и Т-150 в хвосте колонны. — Денегто много заработал?

— Да какие деньги. — Серега сунул руку в карман, проверил, на месте ли конверт. — Так, расходы только отбить... Ну, прощайте, Вера Дмитриевна.

— До свидания.

Сунув миноискатель в багажник, Серега сел в «девятку» тестя.

Напоследок он оглянулся. С бидоном в руке, баба Вера спускалась по склону к сие.

* * *

В воскресенье работа на участке велась с восхода солнца.

По телефону тесть ругался с поставщиком, который так и не привез, хотя божился, саморезы с резиновой шайбой и три ящика «блехи». Вкручивая шурупвертами остатки крепежа, строители занимались кровлей сразу на трех деревянных домиках. Десяток уже готовых апартаментов эдакими гнездами прицепились к холму и уже приняли первых гостей.

Жена с сыном отправились за молоком к «своей» коровке Зирочке, которая целыми днями паслась на заливном лугу перед их недавно купленным домом, так что Серега решил прогуляться к озеру. Тому самому.

Несмотря на раннее время, припекало уже изрядно. Над головой прогудел здоровенный жук-олень.

Держась за поручень, Серега спустился по слегка вибрирующим под его ногами стальным ступенькам. Так ведь удобней, чем скользить по траве и грязи после дождя и росы.

Он вышел к кромке воды. От сижки не осталось и следа. Ни тебе вбитых в илистое дно дубовых стволов, ни ясеневых паллет.

— Я уж думал, Сергей, ты денег ухватил от поклонницы звездных вторженцев, да и с концами...

— Да ты чё, дядь Гнат? Как я мог? — Пройдя по аккуратному лодочному причалу, поставленному вместо сижки, еще пахнущему краской, Серега притормозил у водного велосипеда. На одной из двух сидюшек развалился огненно-рыжий мужчина, сменивший мультикам на белую футболку с логотипом стартапа Сереги. — Дядь Гнат, я только о том и думал, как лучше дела организовать, как озеро и вообще окрестности лучше перед мировой общественностью представить. Контракты, встречи, реклама в Интернете... Бумажек одних целую кипу оформить надо было! Эх, да что там говорить... Да я не спал почти что все это время, только все решал и решал! Экотуризм — это модно. А местный колорит тут какой! А наша кухня! Рыбалка! Грибы! Зверушки же тут разные, зайчики там, косульки...

— И волки иногда заходят... — поддакнул рыжий.

— Вот я и говорю: тут же места экологически чистые! Воздух!

— Это да... Воздух, угу. — Дядя Гнат хмыкнул, покосившись сначала на трубу цементного завода, что возвышалась над лесом за рекой, а потом на дымы Змеевской ТЭС. — Воздух — это понятно, без фильтров мы все пока не можем надышаться. Вот лет по-вашему че-

рез полтора ста... Непонятно только, зачем камыш тут по берегу твои работяги под корень выкосили?

— Так в обед восемь «зилков» с песком приедут. Пляж тут будет. Зонтики поставим, кабинки для переодевания. Ты ж сам хотел, чтобы сюда не только мужики приходили, но и дамочки. На пляже летом всегда красивая женщина найдется. А ты, как мы и договорились, будешь заведовать лодочной станцией. Проход пробьем к реке, чтоб можно было тут везде плавать. Можно будет женщин на лодочках катать. Как тебе такое, а?

Дядя Гнат одобрительно поскреб чисто выбритый подбородок и подмигнул Сереге зеленым глазом. На миг его зрачок затянула тончайшая перепонка.

* * *

Вечером, когда оглушительно заквакали лягушки, Вера Дмитриевна пришла на причал.

С собой она захватила алюминиевый бидон. Клиентов-то у нее стало больше, так что надо опять заквасить брагу.

Бидон Вера Дмитриевна отдала Гнату. Растопырив жабры и ласты, тот поплыл с ним к центру озера и нырнул к донному роднику, вода в котором такая, что... Отменная вода, только на той воде Вера Дмитриевна и делала свой продукт. Да что продукт! Только ее пила уже столько лет, что признаться страшно, от иной умерла бы на этой дрянной планете, там был генератор ее питательных веществ.

Потяжелевший на сорок килограммов бидон из рук Гната Вера Дмитриевна взяла легко, будто он пустой вообще.

— И все-таки, Верочка, хороший он парень, Сергей наш. Непьющий. Хозяйственник крепкий будет. То, что нам нужно. Не зря мы на него сразу глаз положили. Теперь в наши края люди потянутся. Женщины, дети. То, что надо, Верочка. Конспирация! Вой-

на ведь опять скоро, вот-вот война, сириусяне вот-вот попрут... А еще, знаешь, Верочка, он говорит, что когда в городе был, в областном центре, глаз не смыкал, все беспокоился...

— Конечно, не смыкал. Он у меня неделю почти что прожил. Что ж, по-твоему, я за такое время его примитивный мозг не перепрошила? Он бы еще погодил, так и жрать не смог бы, голодом морить себя начал бы, о нас вспоминая, о вложениях в наш укрепрайон беспокоясь. А так — да, отличный парень, кто бы спорил.

Гнат вздохнул.

— Зато он название хорошее для своей фирмы придумал, для стартапа этого... — Он ткнул себя пальцем в грудь, туда, где на футболке было голубым по белому написано «Высота 162», а чуть ниже красовался слоган: «Отдых всем. Мир каждому».

Вера Дмитриевна коснулась предплечья Гната, покрытого мелкой рыбьей чешуей.

— Тебе, мой милый, давно пора на покой. И отпустить уже прошлое. Ради настоящего и будущего.

— Ты сама знаешь, Вера, сколько тут наших, защитников Союза Галактик, в сорок третьем полегло...

— Знаю. И потому рада, что ты смог простить своего «немца». Наши-то с Тау Кита мир давным-давно заключили, Тау Кита в Союзе Галактик уже сколько годков. Щупальце к щупальцу, если что, вместе против сириусян встанем, как один.

Она повернулась, выпустив из ног присоски, плавно поднялась по стальной лестнице и пошла обратно домой. Перед новой войной надо хату подмести и брагу, опять же, успеть заквасить...

— А я — чужой, а я — чужой! Никто не води... — послышалось от озера. Гнат прокашлялся — в горле, небось, запершило, — и продолжил: — Никто не водится со мной!..

В небе над долиной ярко сияли звезды.

Такие далекие.

И такие опасно близкие.

Я БУДУ СИЛЬНЫМ

1

 ена, смотри: желтенькая! — Витька радовался, как ребенок. Хотя почему — «как»? Девять лет человеку. — Брось эту дрянь, — сквозь зубы сказала Лена.

— Я их собираю, — надулся Витька. — А то серые улетят, и ни у кого ничего не останется. А у меня будет коллекция!

Он шмыгнул в подъезд, сжимая карточку в грязной ладошке. Дверь, конечно, не придержал — правильно, пусть ворчливая старшая сестра сама справляется.

Лена ввалилась в темную прихожую. Поставила у двери две пятилитровые бутылки — в дома воду не подавали уже третий день, но уличные колонки еще работали — и с наслаждением растянулась прямо на холодном полу.

— Пришла? — Егор выглянул из комнаты. — Ну, слава богу. Я уже волноваться начал!

— Ты же у нас мужик, сам бы и сходил за водой, — вяло огрызнулась Лена. — И никаких тебе волнений.

— Доча, я ведь спину сорвал вчера, — беспомощно заморгал он.

Лену передернуло. Ей до скрежета зубовного не нравилось, когда Егор называл ее дочей. Ну да, он ее родной отец, тут не отвертишься, — но можно хотя бы не напоминать об этом лишний раз?

— Почему Витька на улице бегают? Я же тебе сказала — не выпускай его.

— Я за ним с балкона следил.

— Толку с твоей слежки...

— Не ругайтесь! — крикнул Витька с кухни. — Лен, иди сюда, я карточки покажу!

Вживую серых никто не видел, хотя Витька и утверждал, что заметил одного во дворе школы и еще двоих — у Лены под кроватью. Зато эти чертовы карточки валялись повсюду. Яркие, сделанные из тонкого пористого материала — инструкция по поведению для землян, испытавших побочные эффекты первого контакта.

Стилизованный человечек стоял на коленях, изображая страдание. На розовом тельце чернели бесформенные пятна. На следующей картинке он, забросив за плечи рюкзак, жизнерадостно шпарил к летающей тарелке (да-да, классической тарелке, à la блюдец на ножках), стоящей на вершине холма. На третьей — получал из рук инопланетянина пробирку с лекарством. На четвертой — радостно шагал домой, насвистывая мелодию.

Эта картинка — счастливая, как Витя ее называл, — попадалась чаще всего. Но были и другие.

Человечек стоял в просторном белом зале, но инопланетянин сокрушенно разводил руками. Другой серый указывал на полки с пустыми пробирками. На следующей человечек (глазки-крестики, рука прижата к сердцу) валялся на земле в луже крови.

Серые действительно привезли с собой заразу, от которой люди покрывались черными пятнами и начинали медленно гнить заживо. Ну, по крайней мере, так утверждала квартирная хозяйка, тетя Оля. Лена и сама не раз видела зараженных, уныло бредущих

куда-то (к тарелке, наверное, куда же еще?) по запыленным улицам. Конечно, связываться с ними, чтобы разузнать подробности, желания не было.

Нарочно или нечаянно серые это сделали, Лена не знала, да и знать не хотела. В любом случае, их жест доброй воли — берите наше лекарство, если, конечно, успеете — выглядел гадким и показушным.

— Катя говорит, есть еще какие-то с фиолетовыми полями, — Витька сложил карточки обратно в банку из-под кофе. — Говорит, видела там, за гаражами. Может, и врет. Но надо же проверить! Папа пообещал, что завтра со мной пойдет. Ты не волнуйся, он меня защитит, если что.

Егор? Защитит? Это жалкое существо, которое с начала вторжения нос на улицу высунуть боится? Но ссориться с братом не хотелось.

— Купаться иди, коллекционер, — поморщилась Лена. — Зря я, что ли, воду тащила?

2

Еще несколько лет назад, когда мама была жива, Лена слышала от кого-то байку о том, как в тридцать восьмом году люди приняли радиопостановку «Войны миров» за чистую монету. В две тысячи шестнадцатом все было наоборот. Многие, как и Лена, увидев по местному телевидению первый и единственный репортаж о приземлении корабля пришельцев, только пожали плечами — совсем беда у журналистов с чувством юмора — и переключились на другой канал.

Утром в новостях не было уже ни слова об инопланетянах у Черного Лога. Потому что и самих новостей не было. Какой канал ни включи, на экране мельтешила серо-черная рябь, телефоны не работали. То, что началось в Артемьевске, правильное всего было бы назвать паникой — если только это короткое слово способно вместить душный августовский полдень, запах пыли и бензина, детский плач, звон бью-

шихся стекол, бесконечные слухи о том, что военные высаживают людей из машин на выезде из города и увозят не пойми куда; что инопланетяне уже добрались до частного сектора; что надо бежать, прятаться, вооружаться, организовываться, — делать ну хоть что-то...

Ближе к полудню по радио объявили приказ об эвакуации. Люди, волоча за собой баулы с вещами, потянулись к остановкам, где их поджидали автобусы с черными номерными знаками и молчаливые парни в форме. Тогда можно было бы уехать — если бы Егор не был Егором. Он бубнил что-то про опасность поспешных решений, утверждал с непонятной уверенностью, что людей наверняка везут в фильтрационные лагеря, что город оцепили и никто не собирается выпускать свидетелей вторжения во внешний мир. Перепуганный Витька наотрез отказался уходить из квартиры — ну еще бы, разве папа может ошибаться! — а у Лены не хватило сил настоять на своем. А потом стало поздно. Автобусы, уехавшие девятнадцатого августа в город, само собой, не вернулись. Можно было бы, конечно, угнать машину и проверить, насколько правдивы все эти слухи об оцеплении, — если бы Егор умел водить.

Утром следующего дня на улицах появились эти проклятые карточки. Тетя Оля, вернувшись от соседки, трагическим шепотом сообщила, что в пригороде полным-полно зараженных — точь-в-точь как на картинках. Егор мрачно и торжественно заявил, что теперь-то власти уж точно никого не выпустят ни из города, ни из лагерей (дались они ему!): кому нужна эпидемия инопланетной чумы?

В общем, черт его знает, повезло ли тем, кто успел удрать из Артемьевска. Зато те, кто остался, уж точно не скучали — уже вечером первого дня Лена наблюдала с балкона, как грабят магазинчик бытовой техники напротив. Конечно, во всем виноваты были серые, — вот только витрину разбивали не они, а обычные люди: дядя Паша с первого этажа, медсестра из

детской поликлиники... Знакомых лиц было много: городок-то маленький, и тридцати тысяч жителей не наберется. Люди как с цепи сорвались — орали, матерились, дрались за дармовые йогуртницы и хлебопечки.

Тогда это показалось Лене смешным. А надо было испугаться.

— Вить! — Лена постучала в дверь ванной. — Ты там скоро?

Лязгнула щеколда. Витька, пряча глаза, как нашкодивший котенок, шмыгнул было в коридор, но Лена преградила ему путь.

— Все нормально?

Он ссутулился. И прошептал еле слышно:

— Я заразился.

— Вить, не смешно. Правда.

— Вот, — он задрал футболку.

На загорелой коже проступили сине-багровые пятна.

— Как на карточках, — всхлипнул он. И заревел, уткнувшись Лене в живот.

Лена рассеянно гладила его по волосам — и понимала, что нужно что-то сказать. Что-то важное и ободряющее. Но слова не шли на язык, как и полгода назад, когда они, обнявшись, сидели под дверью маминой палаты, и старенькая медсестра, смаргивая слезы, все пыталась узнать у «бедных детонек» телефон кого-нибудь из взрослых родственников. А Лена знала только, что отец, с которым мама давным-давно развелась, живет где-то на юге...

Ничего. Тогда они справились. И сейчас справятся.

Надо идти в Черный Лог. Взять у серых лекарство. Это недалеко, она за день дойдет — только вот кто позаботится о Витьке?

Лена обернулась, почувствовав на себе чей-то взгляд. Тетя Оля стояла в коридоре, скрестив руки на груди.

— Заразные? — сказала она сквозь зубы. — Пошли вон отсюда.

— Да как тебя угораздило, старик? — беспомощно спросил Егор. Уже в который раз.

Они спрятались от жары и людей в разграбленном киоске на бывшей остановке автобуса. Лена рылась в выпотрошенных ящиках, пытаясь найти хоть что-то полезное — добрейшая тетя Оля не позволила им даже вещи толком собрать, а Егор, конечно же, и не думал ей перечить. Нет, они и так не остались бы в квартире — но можно же было по-человечески попрощаться, а не вышвыривать их за дверь? Витьке и так несладко.

— Пап, так мы к серым пойдем за лекарством? — Витька поднял покрасневшие глаза. — И они нас в корабль пустят? Здорово было бы.

— Ага, к серым, — потерянно забормотал Егор. — В корабль.

Жалкое существо. Вот за что Витька его любит?

Щелкнул взводимый курок. Лена обернулась. На пороге замер чумазый мальчишка с пистолетом в руке.

— Рюкзак на пол, и валите, — буркнул он, стараясь выглядеть как можно свирепее. Это было бы даже забавно — вот только пистолет, кажется, был настоящим.

— Да-да, — закивал Егор, прижимая к себе перепуганного Витьку. — Уже уходим.

— Но там мои вещи! — возмутилась Лена.

— Доча, пойдем! У него же оружие!

Лена швырнула рюкзак под ноги мальчишке. И зашагала по улице, скрежеща зубами от злости. Он даже не попытался помешать этому упыренку! Трус несчастный!

Конечно, во всем виноваты были серые. Но злилась она сейчас не на них.

На ночлег они расположились в одной из брошенных квартир. Прошли мало, даже до центра города не успели добраться: Витька устал и натер ноги, а Егор шарахался от каждой тени.

Витька задремал прямо на полу. Ветер, прорвавшийся сквозь разбитое стекло балконной двери, шевелил рыжие кудряшки. Из ладошки выпала карточка — может, та самая, которую он подобрал утром.

— Ты спи, доча, — Егор заглянул в комнату. — Я посторожу.

В руке он сжимал кухонный нож. Воитель хренов. Мучительно захотелось сказать ему что-то злое и обидное, — но спать все-таки хотелось сильнее.

Лена открыла глаза. Уже светало.

Осторожно ступая, чтобы не разбудить Витьку, она вышла в прихожую — и выругалась. Из приоткрытой входной двери тянуло сырым подъездным запахом. А Егор, зараза, дрых в кресле, как ни в чем не бывало. Да их за ночь десять раз могли прирезать или что похуже!

Она потянулась к замку — и застыла, глядя на свою руку. Даже в полумраке прихожей были видны багровые символы, въевшиеся в кожу предплечья.

Это были не бесформенные пятна, проступавшие на коже зараженных, а четкие аккуратные знаки, похожие на буквы или цифры. Номер. Порядковый номер. Как в концлагере.

Слезы бессильной ярости покатались по щекам. Значит, им этого мало. Мало того, что Витя умирает, а она даже не знает, сколько времени есть, чтобы его спасти. Того, во что превратился этот город и его жители. Нет, им еще надо всех заклеить, как скот!

— Лен, у тебя тоже такая татуировка на руке? — хриплым со сна голосом спросил Витька. — У папы есть! Прикольно, да? И она в темноте светится!

Она обернулась, торопливо смахнув слезы. Витька — такой маленький — сидел на диване, кутаясь в одеяло. Под глазами залегли темные круги.

— Ты как? — спросила она нерешительно. — Тебе больно?

— Не-а. Лен, а я сон видел. Про серых. Будто бы их там, на той планете, очень-очень обижали, и они прилетели к нам за помощью.

— Да пошли они, — огрызнулась Лена. — Чудная у них манера просить о помощи, тебе не кажется?

Витька зябко поежился. Точно. Надо дверь закрыть.

Лена выглянула в коридор и чуть не рассмеялась: похоже, за ночь тут перебивал весь город. У двери стоял ее рюкзак. На боковом кармане темнело плохо замкнутое бурое пятно. Она заглянула внутрь — все вещи, пусть и скомканные, были на месте, даже ворох сотенных купюр.

— О, рюкзак вернулся? — Егор подошел так незаметно, что Лена вздрогнула. — Ну вот. А ты переживала.

— Ага, — рассеянно откликнулась она. Что-то здесь было не так, — хотя, черт возьми, все было не так!

— Тогда собирайся, и пойдем, пока не жарко.

5

Сколько раз Лена ходила по этим улицам за полгода жизни в Артемьевске? Со стороны могло, наверное, показаться, что ничего не изменилось. Все те же чахлые палисадники, кирпичные параллелепипеды хрущовок, та же пыль, жара и суховей. Разве что людей на улице нет — ну так и неудивительно, что им тут делать в такое пекло?

Дьявол, как всегда, прятался в деталях. Кровавое пятно на асфальте, цепочка темных капель, тянущаяся к подъезду. Запах гари. Осколки стекол, впивающиеся в подошвы кед.

— Пить хочу, — захныкал Витька.

На нем был старый свитер сестры, чтобы прохожие не заметили пятна. Так-то зараженных старались избегать, но, если верить рассказам тети Оли, не гнушались порой и забить до смерти — так ведь спокойнее...

Тишину пререзал крик. На той стороне улицы осколки стекла брызнули в пожухлую траву, что-то

гулко шлепнулось об асфальт. Наверху, в квартире, кто-то истошно завизжал.

— Не смотри, — Лена притянула к себе Витьку.

Егор вдруг резко остановился. Обернулся, приложил палец к губам.

— Серые! — выдохнул Витька.

Они стояли у дороги в тени старого платана и жадно, неотрывно смотрели на неподвижное тело. Их было двое. Невысокие, сутулые, с серой пористой кожей, водянистыми бесцветными глазами без век и ресниц.

Ничего, похожего на оружие, у пришельцев не было. Да что там оружие — Лена даже не смогла бы сказать, есть ли на них одежда, или эти ороговевшие запыленные чешуйки — их кожа.

До них было пять шагов, не больше.

— Они нам нужны, — прошептал Егор одними губами. Наклонился, подобрал отколовшийся кусок бордюра, взвесил в ладони. Лена кивнула. Высвободила пальцы из Витькиной ладони, осторожно, не сводя глаз с замерших серых, вытащила из джинсов ремень, свернула петлей.

Они подошли к пришельцам — так близко, что можно было разглядеть трещинки на сизой коже. Переглянулись.

Камень опустил на лысую голову серого — и тот беззвучно осел на асфальт. Лена набросила ремень на шею второго и дернула свободный конец на себя, затягивая петлю. Инопланетянин вскинул было тонкие руки, но захрипел от боли и замер, опустив голову.

Что, так просто?

Отец отшвырнул камень, измазанный в чем-то белесом. Неожиданно ловким движением подхватил обмякшего серого с земли и перебросил, как овцу, через плечо.

— Идем, — обернулся он ко второму. А тот и не пытался убежать. Покорно побрел за Леной, как собачка на поводке.

В подсобке гастронома было душно и тесно. И воняло. Не так, конечно, как в торговом зале, где все, что не успели вынести, догнивало в бесполезных холодильниках — но все же.

Серый, привязанный к стулу, равнодушно смотрел на них. Его товарищ валялся в углу на груде тряпья и полиэтилена. По-хорошему, надо было бы связать обоих, но от каждого прикосновения к ноздреватой коже к горлу Лены подкатывала тошнота.

Егор поднес к лицу серого карточку. Ткнул пальцем в картинку.

— Нам нужно это. Лекарство. Ясно?

Молчание. Ну а чего ждать от этих тварей? Что он сейчас возьмет и заговорит по-русски?

— Лекарство. *Médecine. Cure*, — повторил Егор. — Ты должен пойти и принести нам его. Чтобы с твоим другом не случилось ничего плохого.

Серый посмотрел на товарища. Полупрозрачные веки на секунду заволокли глаза.

— Ты ведь меня понимаешь, — отец разминал кулаки. — Раз у тебя хватило мозгов, чтобы долететь сюда, то должно хватить и на это. Ты приносишь нам лекарство. Или я его убью.

Егор пнул сероватое тельце. Вроде и несильно — но прищелец зашевелился и тоненько, по-щенячьи, заскулил.

— Так понятнее?

Серый помотал головой. Чуть сощурился.

— О как, — Егор облизнул губы. — Ладно...

Удар. Еще удар. Серый выл, но даже не пытался защититься.

— Лекарство, — отец отбросил со лба прилипшие волосы. — Или мне продолжать?

Ремень лопнул. Пряжка сверкнула в воздухе и ударила Егора по лицу.

Освободившийся серый вскочил на ноги. Замер, чуть покачиваясь.

— Ну что, ублюдок? — заорал отец, держась за

рассеченную щеку. — Что? Ну, ударь меня, раз такой смелый!

Кулак с чавканьем воткнулся в серую кожу. В горле прищельца что-то заклекотало, голова откинулась назад.

— Пап, не надо! — крикнул Витька. — Он же не может ответить! Не бей его!

Серый выл — тоненько, на одной ноте. Разорванная кожа сочилась белесой слизью.

Егор улыбнулся — широко и радостно. И наотмашь ударил дрожащего прищельца.

Второй вскочил и, нелепо наклонив голову, бросился наперерез отцу. Замер, будто наткнувшись на невидимую стену, и забился в судорогах. Длинные пальцы скребли по полу, оставляя мутные разводы.

— А, так вы у нас хорошие мальчики, и вам нельзя драться?

Лена не выдержала. Схватила за руку плачущего Витьку и поволокла его в зал, туда, где гнилое мясо и полчища мух, но все равно легче дышать, чем в подсобке. Посадила Витьку на колени, зажала ему ладонями уши.

Серый что-то кричал. Кажется, по-русски.

Отец смеялся.

Потом стало тихо.

Егор вышел, на ходу прикуривая сигарету. Уселся на пол рядом с Леной. Втянул едкий дым. Руки по локоть были в белой слизи.

— Зачем? — прошептала Лена.

— А они нас жалеют? — спокойно спросил Егор. — Мы для них — забавные зверушки, вроде того. А зверушки кусаются.

— Они же даже сдачи дать не могли! — яростно всхлипнул Витька. — Это — подло!

Отец повернулся к нему. Лена словно в первый раз увидела, какие у него глаза — холодные, льдистые.

— Это — жизнь, — грязный палец стряхнул пепел. — Идем... пацифисты.

Эта квартира была похожа на предыдущую. Скорее всего, там были обои другого цвета, может быть — больше комнат, но разве это было важно?

Она была такой же пустой. Брошенной. Неживой.

Как и все в этом несчастном городке.

Витька уснул не сразу. Даже во сне он продолжал всхлипывать.

Лена сидела в кресле и бездумно нажимала кнопки на пульте от телевизора. Экран оставался черным. Но так было спокойнее.

Цифра «6» — полустершаяся, почти незаметная в темноте. Напротив — единица, криво подрисованная замаской.

Лене было шесть лет, когда родители развелись. Витьке — год.

RW. Кнопка обратной перемотки.

— *Ма-ам, папа скоро придет?*

— *Не знаю. Иди спать.*

Вот ведь странная. Когда он дома, она плачет. Когда его нет — плачет еще больше.

Заскрежетал ключ в замке. Мама побледнела.

— *Елена, быстро в кровать!*

FW. Несколько месяцев вперед.

...Лена сидела, завернувшись в одеяло, и слушала, как ругаются за стенкой родители. Точнее, ругалась мама — папа был в отличном настроении.

— *Светик, мне ведь тоже нужно отдыхать. Ну, съездил я на дачу, такой вот я злодей. Что ты опять напридумывала? Я люблю ребят. И тебя.*

— *Любишь?* — закричала мама — так, что захныкал проснувшийся Витька. — *Любишь? Они опять придут и будут спрашивать, где ты был. И что я им скажу?*

Лена знала, о ком это она. О хмурых дядьках в милицейской форме, которые заходили на прошлой неделе. Они долго беседовали с мамой, и мама улыбалась им, и голос у нее был какой-то ненастоящий. Потом

один из милиционеров отвел Лену в сторонку и спросил, был ли папа дома на выходных. Конечно, Лена ответила, как надо было — мама ведь научила ее, что нужно говорить.

Утром он ушел на работу, а мама снова плакала — над газетой с фотографией девушки на первой полосе. В кухне пахло валерьянкой.

Через неделю они переехали в другой город. Второе.

Еще раз FW. Нажать — и держать, чтобы разошлась свежая царапина на пальце, чтобы вернуться в настоящее, а еще лучше — сразу попасть в будущее, чтобы все уже закончилось, так или иначе, но только закончилось...

— Кто ты? — прошептала Лена, глядя на тонкие пальчики Витьки, вцепившиеся в жилистое запястье отца.

7

Ночью прошел дождь. Витьке стало хуже — все утро его рвало, поднялась температура. Лена гладила брата по мокрым от пота волосам и думала — а может, отец прав, и серые все заслужили?

Чуть свет Егор ушел. Вернулся с инвалидной коляской для ослабевшего Витьки — и нет, Лена не хотела знать, где и как он ее раздобыл. Во-первых, это было неважно, а во-вторых — она его боялась. Боялась Егора — не того бестолкового мямлю, который трусил даже сходить в магазин, чтобы вернуть деньги за просроченное молоко («Доча, там же будут ругаться!»), а того, *другого*, из-за которого плакала мама, который вчера забил серых до смерти — просто потому, что мог.

Вот только каким бы он ни был — он сейчас был нужен им с Витькой. Только и всего.

Чем больше они удалялись от центра Артемьевска, тем труднее было катить коляску. Колеса, на которые налипло, наверное, по килограмму земли, то и дело

буксовали в грязи, застревали в трещинах асфальта. И это в городе. А что будет, когда они пойдут по лесу к Черному Логу?

Витька, казалось, не замечал ничего вокруг. Он рисовал в записной книжке, раздобытой в квартире. Сначала — только на чистых листах, потом в ход пошли и исписанные страницы. Карандаш мелькал в потемневших пальцах, оставляя на бумаге резкие, уверенные, яростные линии.

Опутанное проводами тощее тельце серого в овальной капсуле. Двое серых, взявшись за руки, смотрят с обрыва на горящий город. Какое-то существо — крупное, четырехрукое — избивает серого на глазах у его неподвижных, равнодушных собратьев.

Он рисовал, пока грифель не сломался. Потом пару секунд посмотрел на бесполезное орудие письма и со злостью швырнул карандаш в грязь. Следом полетел блокнот.

— Ты же так старался, старик! — удивился Егор.

— Они слабые, — Витька прикрыл глаза. — Они слабые, поэтому над ними все издеваются. Я так не хочу. Я буду сильным!

Ближе к полудню они увидели других паломников. Трое мужчин — один совсем молодой, без следов болезни; двое других постарше, с черными пятнами на загорелых лицах и предплечьях — брели по противоположной стороне улицы. Почему-то Лене стало легче от осознания того, что они не одни такие. Она помахала товарищам по несчастью. Молодой заметно удивился, но махнул рукой в ответ.

— Ну и зачем? — процедил сквозь зубы отец. — Еще увяжутся за нами. Что мы, сами не справимся? Каждый за себя, зайчатки.

Горел частный дом. Три тетки — одна почему-то с шубой в руках — стояли на тротуаре и угрюмо смотрели на языки пламени. Тушить они и не пытались — зачем, если можно просто занять одну из пу-

ствующих квартир? За эту неделю слова «свое» и «чужое» перестали быть антонимами.

Что-то заставило Лену обернуться.

У мусорных баков лежал человек в окровавленной белой майке. Мутным, невидящим взглядом смотрел на замызанную кирпичную стену гаража.

Он был еще жив.

— Егор! — крикнула Лена. — Стой!

— Зачем? — отозвался он.

Лена присела рядом с раненым. Не нужно было медицинского образования, чтобы понять: дело дрянь. Майка пропиталась кровью, а от раны исходил сладковатый запах гниения — такой же, как во вчерашнем магазине.

— Воды. Дай воды. — Раненый разлепил обкусанные губы.

Лена подняла взгляд — и выругалась сквозь зубы: Егор был уже в конце улицы. Нет, понятно, что времени мало, но нельзя же так!

— Воды... Ты куда? Нет, не уходи! — В окровавленных пальцах мелькнул стальной жетон.

— Он военный! — крикнула Лена.

Егор оглянулся. Развернул коляску.

— Солдат, значит? — спросил он, глядя на раненого сверху вниз. — Не похож что-то. Оружие есть?

— Я там, в гаражах, сумку спрятал... Вы поможете? Вы мне поможете?

— Остальные где? Или ты тут один такой?

— Остальные — там... У меня был приказ наблюдать за чужими. — Солдат поморщился. — Не трогать их. Не применять оружие. Просто наблюдать.

— И что же, мать твою, тобой было наблюдаено? — с тихой угрозой спросил отец.

— Они тут ненадолго. Скоро улетят. И они безвредны. У них блок на агрессию.

— Безвредны? Да эти суки перетравили тут полгорода! — сплюнул Егор.

— Заражены только три процента. И у чужих много антидота, — раненый закрыл глаза. — Хватит на всех.

Лена выдохнула. Если это правда... Господи, хоть бы это было правдой!

— И вообще, врачи, конечно, еще не закончили со всем этим, но они сомневаются...

— Так где там, говоришь, твоя сумка? — перебил его Егор.

Как только он ушел, Лена, боязливо поглядывая ему вслед, вытащила из рюкзака бутылку с водой. Поднесла к губам раненого. Тот пил жадно, захлебываясь, кашляя.

— Три процента, — повторил он зачем-то. — А остальное все — люди. Сами люди.

На его лицо упала тень. Лена подняла глаза. Увидела, как что-то черное блеснуло в руке отца. Инстинктивно отпрянула в сторону. Крепко-крепко зажмурилась.

Звук выстрела оказался совсем не таким, как она раньше представляла.

— Не жалец, — коротко объяснил Егор. Подхватил сумку и зашагал по улице. Лена, опомнившись, вцепилась в ручки коляски и покатила ее следом.

8

Они свернули за угол окраинной улицы. И Лена наконец поняла, почему в городе не было военных, кроме того бедолаги, — все собрались здесь, в поле.

Через весь горизонт — от земли до набрякших сирых туч — тянулась полупрозрачная сиреневатая завеса. С той стороны так же качались от ветра ветви деревьев, так же шевелилась трава. Вот только там не было ни души. А по эту сторону стояли в оцеплении вооруженные солдаты. Тьма-тьмущая солдат.

— Ничего ж себе, — прошептал Витька. — Прячутся, хитрюги!

— Еще бы, — скривился Егор. — Ты же сам видел, старик, какие из серых бойцы. Тут уж поневоле поднатореешь заборчики строить.

Солдат, переглянувшись с товарищем, направился навстречу им с Витькой. У Лены от страха поджилки затряслись. Сейчас, вот сейчас он увидит ту проклятую сумку в руках Егора и все поймет, и расстреляет их — всех троих — на месте!

Но бежать было поздно.

— Гражданин начальник, а у меня вот сынишка сразу эту подцепил, — залебезил Егор, заглядывая в лицо солдату. — Нам бы лекарство, если можно...

Лена исподлобья посмотрела на него. Значит, старый добрый папочка-рохля снова с нами?

— Руки, — сказал военный.

— Что, извините?

— Руки покажите. И вы, и девочка.

Егор послушно закатал рукав рубашки, Лена вытянула руки вперед. Символы, оставшиеся на загорелой коже с позапрошлой ночи, и не собирались блекнуть или расплываться.

— Метка есть? Поздравляю, — солдат кисло улыбнулся. — Пройдете, значит.

— Так еще и не всякий может, что ли?

— Конечно, не всякий. Иначе зачем бы мы тут загорали, по-вашему? — раздраженно спросил военный.

— Да, и вправду... Ох, спасибо вам огромное! Отлично, Витенька, это же просто отлично! — радостно засуетился Егор.

— Документы есть?

— Да-да, конечно! У меня есть паспорт, страховой полис, пропуск на работу, у Витеньки — свидетельство о рождении... — Егор начал загибать пальцы.

Лена вытащила из рюкзака пластиковую папку, протянула солдату. Тот, вытащив из поясной сумки блокнот и шариковую ручку, не спеша просмотрел документы, переписал номера. Поднял взгляд:

— Значит, так. С чужими в диалог не вступать. Молча берете лекарство и идете обратно. Антидот применять можно только под контролем врачей, так

что выносите его с собой. На выходе сразу же обратитесь к любому постовому, и вами займутся. Ясно?

Егор сосредоточенно закивал.

Лена подошла к завесе. Попыталась дотронуться до нее, но пальцы свободно прошли сквозь дрожащее сиреневатое марево. Она задержала дыхание — и шагнула вперед. На ту сторону.

Под вечер Черный Лог затянуло густым молочным туманом — невозможно было разглядеть даже траву под ногами. Слышно было, как в рощице хрипло каркают вороны, как где-то внизу бьется в каменном русле безымянная горная речка.

Витьке стало лучше — хотя от звука его хриплого, тяжелого дыхания Лене хотелось плакать. Он наотрез отказался ехать в коляске, и ее — грязную, ненужную — оставили на обочине проселочной дороги.

— Пап, ты говорил, дойдем дотемна, — Витька вдруг остановился. — Мы что, заблудились?

Эта мысль приходила в голову и Лене, но спросить она побоялась.

— Просто мы зайдем в гости, — Егор взъерошил Витькины волосы. Тот дернулся, как от удара.

— К кому? — не поняла Лена.

— Ко мне, дурашки.

Точно, у него ведь раньше была дача. Где-то здесь, рядом с Черным Логом.

— А я и не помню, как мы сюда ездили, — зачем-то сказала она.

— Мы и не ездили. Мама была против. Но сейчас-то все по-другому, правда?

Это и поселком назвать было сложно. Несколько полусгнивших покосившихся домиков на поросшем травой холме.

— Надо же, даже не разграбили, — Егор тепло улыбнулся, глядя на домишко, и Лена почувствовала

что-то вроде ревности: им он так никогда не улыбался. — Девять лет тут не был.

Он ускорил шаг. Ловко переступал через сухие ветки, завалившие дорожку. Двигался быстро и бесшумно, как зверь. А они с Витькой плелись следом.

— Мама не хотела бы, чтобы вы тут побывали. Чтобы вы узнали меня. Но теперь все иначе — спасибо серым! Да-да, вам! — крикнул он в сторону леса. — Что, прячетесь? Что ж, это очень правильно, господа!

— Папа, я пить хочу, — прошептал Витька.

— Пить? — словно бы удивился Егор. — А... в рюкзаке возьми.

Он развел костер. Вынес из дома два раскладных табурета, набросил старую куртку на плечи Витьке. Сел напротив Лены, глядя на нее сквозь огонь.

— Вы, наверное, перепугались там, в городе? Решили, что ваш жалкий тихий папка с катушек съехал? — Он подмигнул Лене. — Неприятный был тип, правда? Но его больше нет, дурашки. Да, в общем-то, и не было. Это я сдуру поверил вашей маме и решил, что с таким отцом вам будет лучше. С таким, которого можно любить, а не бояться.

— А надо бояться?

— Нет, — сухо сказал он. — Вы — мои дети. Вас я бы никогда пальцем не тронул. И она знала! Знала — и все равно сбежала. Увезла вас.

— Ты мог бы к нам приезжать, — вырвалось у Лены. — Или хотя бы звонить. А ты сидел в своем Артемьевске, пока мама не умерла... Эй, ты что?

Егор поднес руку к огню. Язык пламени лизнул ладонь. Он вздрогнул, но не отдернул руку — так и замер, отстраненно глядя на пламя.

— Хватит! — не выдержала Лена.

Он опустил руку. Улыбнулся:

— Доча, это ведь не больно. Знаешь, что больно? Не видеть вас. Не знать, где вы и что с вами. Леночка, думаешь, я бы вас отпустил? Это все она виновата. Отнесла свое проклятое заявление...

— Что за заявление?

— Доча, ты правда хочешь знать? Да? — спросил он странным голосом.

Господи, и зачем только она затеяла этот разговор?

— Мне надо знать, — пробормотала Лена.

Он кивнул. Встал и пошел к дому.

— Лен, — окликнул ее Витька. — Мне страшно.

— Мне тоже.

В голове метались безумные мысли: схватить Витьку на руки — и рвануть к лесу, и спрятаться... Если бы только был хоть один шанс, что отец их не догонит. Это его владения. Его мир, если угодно.

— Если что, беги и не оглядывайся, — прошептала Лена.

— Фиг тебе, — шепнул Витька в ответ.

Егор подошел к ним, сжимая что-то в руке. Тыльная поверхность ладони уже покрылась волдырями.

— А теперь, — тихо и торжественно сказал он, — хочешь узнать, чего она боялась? Вот этого, доча. Смотри.

В ладонь Лены легла какая-то веревочка. Отец просто лучился счастьем — как Витька, нашедший карточку.

— Не страшно, правда? Просто талисман на удачу. Здесь ничего и нет, кроме него. А она боялась.

Лена рассматривала пеструю веревочку на свет. На ощупь та была жесткой, колючей. Такие странные нитки...

— Это волосы? — пискнул Витька.

Тут и она увидела. Темные пряди, переплетенные с крашеными светлыми. Волосинки, щекочущие ладонь. Пальцы сами разжались.

— Осторожнее! — отец подхватил амулет у самой земли.

— Кем они были? — только и спросила Лена.

— Слабыми, — по лицу Егора словно тень пробежала. — Здоровыми, наглыми, молодыми. Но слабыми. А ведь у них был шанс спастись. У каждого из них! Но они не захотели. Или не смогли, что, в общем, одно и то же.

— Так ты убийца, значит? — хрипло спросил Витька.

— Можно и так сказать, — Егор потрепал Витьку по щеке. — Но ты не бойся, старик. Тебе и Леночке я никогда...

Он с изумлением уставился на прокушенную ладонь.

— Не трогай меня! — заорал Витька. — Слышишь, ты?

Он выругался — грязно, неумело, сквозь слезы. И побежал к домику.

— Витя? — Егор растерянно заморгал. — Старик, ты чего?

Дверь с треском ударилась об косяк.

— Он маленький, — нахмурился Егор. — Леночка, доча, но ты ведь — понимаешь?

Она замерла. Зажмурилась, затаила дыхание — в напрасной попытке спрятаться, оказаться далеко отсюда, хоть на секунду...

— Это нелегко принять, — отец вздохнул. — Просто сейчас самое время для откровенности. Ты не бойся, сейчас, если что, у меня с законом все в порядке. Они ведь так и не смогли ничего найти! Продержали меня почти год, дебилы, но так и не насобирали улик на сто пятаю. Но им же план надо выполнять, так что закрыли на семь лет по сто одиннадцатой — причинение тяжкого вреда здоровью. Был там один в тюрьме... Сам напросился.

Лена всхлипнула.

— Доча, ты ведь меня понимаешь?.. Неужели тебе самой никогда не хотелось почувствовать себя сильной? Той, кто вправе решать?

Он с надеждой поднял глаза.

— Нет!

Кто-то другой прокричал это. Кто-то другой, не она — пусть и ее голосом. А она, жалкая бессильная дура, только и могла, что реветь в три ручья и остервенело мотать головой.

Его улыбка погасла. Он опустил на траву. Криво усмехнулся:

— Ах, ну конечно. Нет. Я же для вас всегда плохой, что бы я ни делал. Я вам рассказал. Никому не рассказывал — а вам... А вы такие же трусливые слабаки, как ваша мамочка. Знаете что? Да пошли вы!

Он сторбился, закрыв лицо ладонями.

Рядом с бревном лежал топорик. Лена замерла. Представила, как пальцы сомкнутся на рукояти... как лезвие, зазубренное тупое лезвие, обрушится...

— Уходи, — проговорил Егор глухо, не оборачиваясь. — Пошла вон.

И она побежала. Проскользнула в приоткрытую дверь домика. Бросилась к сумке.

— Пистолет у меня, — прошептал Витька. — Лен?

— А?

— Почему мама нам не рассказала?

Лена легла рядом с ним. Уткнулась носом в пропахшие дымом волосы.

— Любила нас.

— Она такая же, как *этот*. Или хуже. Знала, чьи мы дети, — и молчала.

— Не надо, — попросила Лена. — Она хорошая была. Просто не хотела, чтобы мы чувствовали себя виноватыми.

— Лен...

— Что?

— Фигня это все.

Ветер бросил в окно первые капли дождя.

— Вить, послушай... Он плохой. Очень плохой. Но он нам нужен. Мы же должны достать лекарство...

Витька уже спал. Или притворялся.

Лена проснулась от холода. Пару секунд таращилась на обшитый вагонкой потолок, соображая, куда это их занесло. Потом память вернулась, заставив ее глухо застонать.

Она повернула голову — и чуть не заорала от ужа-

са. Витька лежал на полу, скрестив руки на груди. На левой половине лица расплылось черное пятно.

Нет. Нет, этого не может быть!

— Витя... — выдохнула она.

— Лен, да живой я, — равнодушно отозвался он. — Папа ушел.

— Давно?

— Папа ушел, — повторил Витька. И замолчал.

Лена босиком выскочила на крыльцо, подбежала по мокрой траве к остывшим углям кострища. Растерянно огляделась. Сумку Егор забрал с собой. Рюкзак с припасами — тоже, лишь в стороне валялась бутылка из-под воды.

Ушел! Бросил их!

— Может, он пошел на разведку? — бесцветным голосом спросил Витька.

— Наверняка, — торопливо кивнула Лена. — Он узнает, как там все, и вернется. Только знаешь что? Пойдем ему навстречу. Тут недалеко, — километров десять на самом деле, но зачем Витьке знать? — Ты как? Идти сможешь?

Он кивнул.

Они шли. Медленно, то и дело поскользываясь на покрытых мхом камнях, спотыкаясь о выступающие из-под земли корни. Голова кружилась от терпкого сладковатого запаха гнилой древесины, от тревожной, вязкой тишины — туман, казалось, гасил все звуки. Сквозь облака, затянувшие вершину холма, просвечивала стальная туша корабля.

Они молчали. О нем говорить было нельзя. Об остальном — незачем.

У половины Витькиных знакомых родители были в разводе: как-никак, двадцать первый век на дворе. И Лена просто не могла взять в толк, почему Витька так тоскует по отцу, которого, считай, никогда и не видел. Брат выдумывал бесконечные истории про папу-спецназовца, которому запретили видаться с близкими, донимал Лену бесконечными расспросами

о том, каким был Егор (как будто она помнила!), собирал деньги на билет, надеясь все-таки выпытать у мамы заветный адрес.

Тогда, в больнице, Лена даже не узнала Егора после девятилетней разлуки. А Витька сразу, непонятно как, понял, что вот этот сутулый очкарик в больничном халате, наброшенном поверх потертой кожаной куртки, — это и есть папа. И с радостным криком бросился к нему, с легкостью променяв свои мечты о героическом отце на этого невзрачного, затравленно озирающегося мужичонку.

И ведь он любил его не за что-то конкретное. Чтобы завоевать Витькину собачью преданность, Егору достаточно было просто *быть*.

Тишину прорезал сухой треск автоматной очереди. Кто-то закричал там, наверху, — человек или серый? — но крик почти сразу оборвался.

И опять стало тихо.

— Это он, — побледнел Витька. — Папа.

Лена стиснула зубы. Век бы его не видеть — но, черт возьми, ради Витьки надо туда пойти.

Еловая ветка больно хлестнула Лену по лицу.

Корабль, похожий на стального ската, высился над поляной. В боку зияло небольшое — метр на полтора — отверстие, затянутое мерцающей сиреневой завесой.

В примятой траве у входа в корабль лежали несколько серых. Их фигурки казались ненастоящими, игрушечными — то ли из-за цвета крови, то ли потому, что, когда зла становится слишком много, оно уже не вызывает никаких чувств.

Людей на поляне не было. Егор курил, опершись о ствол березки. Рукава рубашки были закатаны, как после тяжелой работы.

— А вы что тут делаете, зайчатки? — удивился он. — Я тут решил сбегать за лекарством, пока вы спите. Думаю, пусть отдохнут — нам же еще обратно проби-

ваться. А вы... Пойдите. Вы что, подумали, будто я вас бросил? Что, правда? Так и решили? Ну вы даете! Я же люблю вас, дурашки. Как бы вы меня ни огорчали.

Он наклонился, расстегнул сумку, доверху забитую пробирками с лекарством. Вытащил одну, посмотрел сквозь нее на затянутое тучами небо:

— Ну, подходи, старик. Будем лечиться.

— Зачем тебе столько? — спросил Витька.

— Мне? Да незачем, — пожал плечами отец. — А вот кому другому, может, и пригодится.

— Ты что, торговать ими будешь? Так же нельзя!

— Поверь, можно. — Он отшвырнул окурочек. — Они, дебилы, все это даром раздавали. Предложили мне лететь с ними и бить каких-то злодеев. Мол, я завоевал это святое право в честной конкурентной борьбе. А я говорю: и на кой мне ваши войнушки? Так забавно: сгребая их добро в сумку, а они только глазами моргают. Они же у нас паиньки...

Лена бросилась на него с единственным желанием — убить. Он отшвырнул ее, как пушинку. В затылке словно что-то взорвалось, глаза заволокло красной пеленой.

Пальцы зашарили по мокрой траве. Лена попыталась закричать, но из горла вырвался лишь хрип.

Он уходил — жуткая тварь из леса, которой не место среди людей. Уходил с лекарством, с оружием, унося последнюю надежду...

Над ухом прогрохотал выстрел.

И снова стало тихо.

10

Они появились словно из ниоткуда. Трое серых склонились над Егором, оживленно залопотали. Двое других подбежали к Витьке. Один осторожно подобрал пистолет, который выпал из разжавшихся пальцев, другой закатал рукав свитера и вколол что-то в почерневшую вену.

— Витя, — прошептала Лена. Просто чтобы что-то

сказать. Попробовала подняться на ноги, но ничего не получилось.

К ней подошел серый. Присел рядом на траву.

— Сильный! — Он ткнул пальцем в сторону Витьки. — Герой!

Потом, подумав немного, дотронулся до плеча Лены и повторил — уже не столь уверенно:

— Герой.

Он странно выговаривал звуки — отдельно и очень быстро, но четко. И, видимо, был очень горд своими лингвистическими способностями.

— За что вы так с нами? — спросила Лена.

Серый замер. Неумело растянул тонкие губы в подобие улыбки.

— Не опасно. Не смерть. Краска. Скоро уйдет.

Ах, ну да. Если серые в принципе неспособны причинять вред, то как бы они смогли создать смертельный вирус? Выходит, вся эта космическая чума — фальшивка, бутафория. А что, сработало ведь. Подопытные мышки резво помчались по трупам к возжеленному спасению. И ни одна, черт, ни одна не захотела остановиться и понять...

— Лен, смотри.

Витька держал в руке карточку. С фиолетовыми полями.

Улыбающийся человечек с забинтованной головой лежал в медицинской капсуле. Рядом, подняв большой палец, топтался серый в образе доктора (шапочка с красным крестом, стетоскоп на шее). На следующей картинке человечек, успевший разжиться скафандром, позировал на фоне горящего города — из воздетых к небу ладоней били лучи света. Следующий кадр — золотая статуя человечка, окруженная коленопреклоненными серыми.

— Герой. Помощь. — Глаза серого затянулись пленкой, и он затараторил, словно студент, зазубривший наизусть сложный билет, — явно цитируя кого-то. — Похоже, их цель — выявить наиболее выносливых и агрессивных представителей нашего вида. В пре-

делах доступной чужим локации, конечно же. Такой вот, милостивые государи, социальный эксперимент. Осознанный, прошу заметить. Допрос особи номер три недвусмысленно дал понять...

— Хватит! — заорал Витька. Серый шарахнулся в сторону.

— Жаль, — серый сочувственно указал на Егора. — Тоже был герой. Жаль.

— Уроды, — Лена рывком поднялась на ноги. Мир закружился перед глазами, но очень кстати подвернулось Витькино плечо. — Идем отсюда.

Брат еле заметно помотал головой.

— Им же надо помочь, Лен. Они как мы. Слабые, — он точно выплюнул это слово. — А мне надоело. Да и должен же кто-то... Если мы не согласимся, они еще куда-нибудь полезут со своими карточками.

— Но нельзя же так! Вить, мы же люди. А они делают из нас... черт знает, что они из нас сделают!

— Я убил папу. — Он обернулся к Лене — и ей стало не по себе от его холодного, отстраненного взгляда. — Я уже черт знает что. Хуже не будет.

— Герой — да? — спросил серый, нелепо склонив голову набок. — Или герой — нет?

— Вы улетите. Сегодня же. И забудете сюда дорогу. И никаких больше экспериментов, — тихо и четко проговорил Витька. — Ни над кем. Никогда. Ясно?

— А мы потом сможем вернуться? — спросила Лена. — Сюда, на Землю?

Инопланетянин осторожно покачал головой.

Лена горько усмехнулась.

А, собственно, куда им возвращаться? К тете Оле, которая вышвырнула их за дверь — и которая наверняка будет утверждать, что они просто не так ее поняли? К милым, приветливым, добрым (ну да, они устроили ад на земле, но ведь всего лишь на пару недель!) жителям Артемьевска?

Да пошло оно все.

— Герой — да? — с надеждой спросил серый.

Лена зажмурилась. И кивнула.

ВИКТОР ТОЧИНОВ

ПОВОДЫ ДЛЯ ОПТИМИЗМА

Электричество отключилось, когда Алексей Воронцов ткнул курсором в значок «почта» в окошке браузера, и больше в тот день не включалось. Конец света в самом буквальном его смысле. Электрического света.

Разумеется, Алексей не мог о таком помыслить, да и никто в здравом уме не помыслил бы: в больших городах свет надолго не гаснет, если аварийщики возьмется час — это уже ЧП и повод для потока жалоб во все инстанции.

И Алексей отнесся к происшествию как к мелкой бытовой неурядице, даже не слишком досадной — у него стоял на стационарном компе автономный блок питания, придуманный как раз для таких случаев, и результаты утренней работы пропасть не могли и не пропали: компьютер продолжал работать от аккумулятора, емкости хватало минут на двадцать, можно неторопливо сохранить все, что надо сохранить, и закрыть все программы. Алексей даже попытался было в отведенный срок прочитать непрочитанные письма, но не удалось, возможно, у провайдера тоже возникли перебои с напряжением, но скорее проблема в том, что обесточилось оборудование, установленное в их доме...

Невелика беда, никаких важных писем он не ждал.

Но стало скучно. Стало отчаянно скучно. Жизнь современного человека слишком уж зависит от электричества. Так зависит, что просто нечем убить час, или сколько там провозятся аварийщики...

Оставалась слабая надежда, что беда локальная, что теща врубила в сеть что-то мощное и выбила пробки. Наталья Сергеевна о законе Ома имела слабое представление, равно как и о счетах на оплату электричества. Зато любила, чтобы чайник закипал почти мгновенно.

На лестничной клетке освещение не горело, все защитные автоматы в щитке оказались включены. Этажом ниже звучала пара недовольных голосов, там тоже кто-то из соседей вышел к электрощиту... Все понятно: теща злостным вредительством не занималась, и обесточен весь подъезд, а может, и весь дом, или даже весь микрорайон... Оно и к лучшему, чем масштабнее авария, тем быстрее коммунальные службы на нее реагируют. Можно не дергаться и никуда не звонить, наверняка неутомимые активистки пенсионного возраста уже терзают телефоны аварийщиков, требуя незамедлительно все починить.

Алексей вернулся к себе, тоскливо посмотрел на телевизор, не менее тоскливо на музыкальный центр, взялся за айпад, досадуя, что не поставил его вчера заряжаться, как планировал — батарея едва жива... Но все-таки включил, зашел в Сеть, здесь стартовая страница загрузилась исправно. Письма смотреть расхотелось, Алексей рассеянно пробежался взглядом по колонке новостей. Ничего нового: в Карпатах стреляют, у берегов Италии затонул паром, полный иммигрантов, планета Земля входит в метеорный поток Лириды и вечером, если позволит погода, можно будет полюбоваться редким зрелищем звездопада...

Но у них с Милой на вечер другие планы. Если, конечно, у нее все сложится удачно в «Стройтресте».

Можно, кстати, позвонить, проверить... Он набрал номер, но поговорить не удалось, связи не было — очевидно, Мила закруглилась быстрее, чем планировала, и уже ехала обратно в метро, ее мобильный оператор под землей работал из рук вон плохо.

Совсем заскучав, Алексей вышел из своей комнаты, отправился на кухню, решив устроить второй завтрак — благо плита у них газовая и от перебоев электричества не зависит. В новом доме будет не так... И все равно, свой дом — это свой дом. Своя крепость. А теща, если заявится, будет там гостьей с птичьими правами...

Думать так стало ошибкой. Теща не иначе как телепатически уловила вольнолюбивые мысли Алексея и тоже вышла на кухню. Где немедленно продемонстрировала, что хозяйка здесь пока она, а птичьи права, соответственно, у дорогого зятя.

Первым делом Наталья Сергеевна ультимативно потребовала от зятя вымыть посуду. Посуды в раковине и впрямь накопилось изрядно, и вчерашняя, от ужина, и сегодняшняя, от завтрака, — Мила ушла рано, торопилась и отложила эту обязанность до возвращения.

Алексей вздохнул и стал натягивать латексные перчатки. У него была аллергия на моющие средства, но теще напоминать о том смысла нет, проверено. Для нее это пустая отговорка.

Однако судьба выступила на его стороне — горячая вода из крана не потекла. Холодная шла, но напор ее был вдвое слабее обычного.

Теща смотрела крайне подозрительно, явно подозревая Алексея в какой-то хитрой каверзе. На настаивать на мытье холодной водой не стала. Сам он не обратил внимания на совпадение, на одновременное исчезновение и света, и горячей воды, и не встревожился.

Время тревожиться наступило позже, когда на улице взвыли сирены.

* * *

Это был динозавр. Последний в своем роду, переживший всех своих сородичей и невесть каким ветром занесенный сюда, в печорскую лесотундру — деревья на скудных северных почвах росли невысокие, и монстр высился над ними, как небоскреб над палаточным городком.

У динозавра имелось имя: «Дарьял». Комплекс дальнего обнаружения «Дарьял». Последним на свете действующим «Дарьялом» он стал недавно, после того как брат-близнец в азербайджанской Габале пошел на слом.

Этот казался вечным... Так, по крайней мере, казалось Бессонову, служившему здесь уже четвертый год. Строил легендарный советский Миноборонпром не жалея ни металла, ни бетона, даже не на века — на тысячелетия. Человеческая цивилизация рассыплется в прах, а «единичка» и «двойка» так и будут торчать над лесотундрой, как символ вечности, как пирамиды над египетской пустыней.

Два громадных сооружения и в самом деле напоминали усыпальницы фараонов, — и габаритами, и отчасти даже формой: наклонные, косо срезанные стены зданий на самом деле были громадными фазомодулированными антеннами, нацеленными на север: не полетят ли над полюсом, по кратчайшему расстоянию, ракеты от заокеанских супостатов.

Ракеты не летели и не летели, служба казалась все менее важной и нужной, превращалась в опостылевшую рутину...

Служба Бессонова проходила в самом центре «двойки». Если в египетских пирамидах главное, наиболее надежно укрытое помещение — погребальная камера фараона, то в «Дарьяле» это вычислительный комплекс «Эльбрус». Именно он обрабатывал сигналы от антенн и вычислял параметры и траектории заатмосферных целей.

Сделан был «Эльбрус» не во времена фараонов, но

лишь немногим позже. Некоторые блоки работали не на микросхемах и даже не на транзисторах — на лампах! На вакуумных электронных лампах шестидесятих годов... Однако работали. Какой-нибудь ткацкий станок, извлеченный из фараоновой усыпальницы, тоже, наверное, заработает.

Центральный пункт управления «Эльбрусом» так и назывался: ЦПУ, и за его консолью Бессонов проводил немалую часть жизни. Это была не самая веселая ее часть, и Бессонов даже любил, когда случались неполадки и приходилось копать в потрохах прадедушки советской электроники, выискивая, какая из ламп именно сегодня решила скончаться, — хоть какое-то разнообразие.

Но сегодня все работало исправно, тесты прошли «на ура», и капитан Бессонов заступил на пост по охране космических рубежей Отечества.

Один нештатный случай все же произошел, но напрямую он Бессонова не касался.

— «Поларис» куда-то пропал, — кивнул на экран его коллега и сослуживец, старлей Стасов. — Торчал, торчал, как бельмо на глазу, а сегодня глянул — нет его...

— На низкую орбиту пошел, — равнодушно сказал Бессонов. — Скоро сгорит в атмосфере...

Упомянутый космический аппарат Европейского космического агентства был запущен на эллиптическую геосинхронную орбиту давненько, почти пятнадцать лет назад, и срок его жизни подходил к концу. Спутник не относился к военно-космическим силам и предназначался для мирных, телекоммуникационных целей. Он просто, как справедливо выразился Стасов, торчал бельмом на глазу.

Спутник выписывал огромные восьмерки над Северной Европой и постоянно болтался в зоне ответственности «Дарьяла» — именно по нему, как по контрольной цели, натаскивали молодых операторов. На самом деле спутники, конечно же, не могут кружить над каким-либо районом земной поверхности, и вось-

мерки выписывать тоже не могут; но именно так выглядит их движение с точки зрения земного наблюдателя — движение спутника по орбите накладывается на собственное вращение планеты.

«Поларис» был спутником мирным... Однако когда господа генералы вежливо просят установить на мирном коммерческом спутнике пару-тройку военных приборов, — им, генералам, отказывать не принято. Генералы тоже люди, со всеми присущими роду людскому слабостями, и любопытством страдают точно так же, как и простые смертные. Любой спутник связи — узловой пункт всемирной Сети, и грех оставлять без внимания и анализа проходящие через него потоки информации.

Капитан и старлей Российской армии отнеслись к исчезновению спутника наплевательски — сменили тему и позабыли. А у господ натовских генералов поднялась тревога...

Источником тревоги стала приемопередающая аппаратура спутника. Все происходило без участия человека: антенны приняли сигнал, бортовой компьютер идентифицировал его как представляющий интерес, запеленговал источник. Затем пакет кодированной информации отправился на другой космический аппарат, на спутник-ретранслятор.

Ретранслятор отпасовал информацию на антенны наземного комплекса дальней связи. Дальнейший путь оказался ничтожным по космическим меркам — меньше трехсот километров по оптико-волоконному кабелю в громадный подземный бункер Объединенного командования НАТО.

В Бельгии, в окрестностях города Монс, глубоко под землей и под слоем железобетона, замигал квадрат в углу экрана, — белые буквы на красном фоне. Оператору, чтобы заметить сообщение, прочитать его и понять, потребовалось больше времени, чем сигналу на весь его далекий путь.

До сих пор сообщение, хоть и шло с наивысшим

приоритетом, никакой тревоги не вызывало. Техника не умеет тревожиться.

Но теперь в дело вступили эмоции... Пожалуй, даже не тревога, а безмерное удивление прозвучало в голосе дежурного офицера, когда он произнес:

— Русские... предположительно русские аппараты рядом с нашим спутником! Несколько! Очень большие!

Дежурный офицер действовал строго по инструкции: немедленно объявил тревогу четвертой степени, она же синяя тревога.

Боевому расчету командного центра предписывалось по сигналу синей тревоги усилить наблюдение за районом ЧП, не покидать свои посты до ее отмены и находиться там в полной готовности к объявлению тревоги более высокой степени.

Тревога расползлась по бункеру, сопровождаемая звуковым и световым сигналами, затем выплеснулась за его пределы — сообщения ушли в командные пункты ПРО, ПВО и ВМС (командование сухопутных войск по совместительству квартировало здесь же, в бункере). Там история повторилась: несущие дежурство командиры оповещали своих подчиненных, подчиненные бросали недопитый кофе и недожеванные бутерброды, устремлялись на боевые посты: не в окопы и не к амбразурам — к экранам контроля оперативной обстановки и к пультам дальней связи.

Синяя тревога двинулась дальше — в войска, к командирам баз и соединений (на данном этапе начались первые утечки информации на сторону).

Спустя десять минут пришло новое сообщение: спутник замолчал, на сигналы не отвечает...

Спустя сорок минут состоялось виртуальное блиц-совещание заместителей командующих родов войск — но конкретно о «Поларисе» разговор на нем уже не шел, вопреки первоначальному намерению: аппараты, расположенные на высоких орбитах, выходили из строя один за другим, счет потрям пошел на третий десяток... Тревога меняла свой цвет, как

нануганный осьминог, и очень скоро превратилась в красную.

Старлей Стасов и капитан Бессонов понятия не имели о тревоге у вероятного противника. Они попили кофе и болтали о своем, вернее болтал Стасов, а Бессонов отделялся подходящими междометиями: речь шла о Ленке Маноловой, специалистке, прикомандированной из Москвы, из РТИ, и Стасов в который раз удивлялся, отчего москвичка держится такой цацей и не дает, хотя фактура у нее средненькая и лет давно не двадцать, — и как бы ему, Стасову, сделать, чтобы все-таки дала...

Они болтали и ни о чем не тревожились.

Время тревожиться наступило позже, когда аппаратура «Дарьяла» обнаружила инопланетные корабли.

* * *

За окном выло все, способное выть. Где-то вдалеке однотонно надрывались фабричные гудки, гораздо ближе, на железной дороге, вторили им гудки тепловозов. И еще какие-то сирены подключились, их Алексей не сумел опознать, но звук был крайне противный.

Он поначалу встревожился, но вовремя вспомнил, как в прошлом году случилась такая же какофония — в тот раз, чувствуя себя крайне неудобно, Алексей даже полез в Интернет, чтобы узнать, в чем дело. А всего-то проходили масштабные учения МЧС. И сейчас наверняка что-то схожее.

Лавин и землетрясений в Санкт-Петербурге не бывает, наводнение, даже самое рекордное, их район не затронет. А война, которую так опасалось старшее поколение, серьезная война с ядерными ударами... это ныне по ведомству научной фантастики.

В кухню, где Алексей соорудил-таки себе второй завтрак, снова вышла теща — в руках древнего вида

★ репродуктор. Поискала взглядом розетку радиоточки, не нашла, потом вспомнила, нащупала розетку за холодильником, воткнула в нее штепсель своего раритета.

Репродуктор мертво молчал. Наталья Сергеевна потрясла его, подергала провод... Все равно молчал. Алексей низко склонился над тарелкой, пряча усмешку. Провода, ведущие к розетке, он самолично срезал при ремонте. Не видел в них необходимости, источников информации и без репродуктора хватает с избытком.

Теща, до сих пор действовавшая в гробовом молчании, разлепила губы.

— Есть в доме приемник на батарейках? — спросила она, по всей видимости, у холодильника.

Холодильник промолчал, а Алексей объяснил: да, лежит где-то магнитола со старых времен, и вроде даже рабочая, но батареек к ней нет.

О том, что он слушает радио исключительно в машине и по беде можно спуститься во двор и поинтересоваться новостями местной радиостанции, говорить не стал. У тещи нога в гипсе, передвигается она и по квартире-то с трудом, незачем ей мучиться, чтобы узнать об очередных учениях...

Так он мог бы объяснить кому-нибудь причину своего молчания. На самом деле просто не хотел, чтобы Наталья Сергеевна лишний раз совала нос в машину.

Машина, в отличие от квартиры, его территория.

Теща похромала к себе, унося репродуктор. Алексей вернулся к завтраку, хотя есть расхотелось, и с трудом осилил горячий бутерброд, ставший едва теплым. Сирены и гудки продолжали за окном заунывную песню.

Наталья Сергеевна долго не отсутствовала — вновь появилась на кухне, попросила Алексея сходить в магазин и протянула несколько купюр и список. Просьба звучала как приказ.

Он изобразил мимикой, как уж сумел, что оказывает великое одолжение, хотя и сам был не прочь раз-

мяться после утра, проведенного за компьютером, а заодно выпить баночку пива вдали от тещиных глаз. Тем более что магазин «24 часа» был в сотне метров от их подъезда.

Взглянул на список и подумал, что заказанных тещей продуктов хватит, чтобы пережить ядерную зиму, затем ядерную весну, и еще на лето немного останется... Без рюкзака, пожалуй, не обойтись. Но потом решил, что несуразные количества гречки и перловки покупать не станет, — кончились, дескать, — а остальное как-нибудь донесет в полиэтиленовых пакетах.

В «24 часах» случился облом: магазин не работал. Электричество здесь тоже отключилось, продавцы отказывались торговать без кассовых аппаратов. Алексей со здешним персоналом был знаком, как постоянный покупатель, — и попытался уговорить отпустить хоть баночку пива, а чек пробить потом, но не преуспел.

Некоторые покупатели, набрав полные корзины, терпеливо дожидались, когда торговля возобновится. Другие, их было больше, уходили в надежде отыскать поблизости работающую точку.

Ушел и Алексей. Ему все же хотелось выпить пивка, прежде чем заниматься доставкой тещиною заказа.

Сирены не смолкали, создавали постоянный звуковой фон. Прохожие вроде бы не обращали на них внимания, но казались более мрачными и озабоченными, чем обычно. А еще на улице не было детей, ни одного.

Алексею хотелось подойти к кому-нибудь, не обрезавшему провода радиоточки, узнать, в чем дело, — и услышать, что действительно проходят учения... Ну, такие вот учения, — в условиях, приближенных к боевым, с отключением электричества и горячей воды.

Но знакомые не встречались, а расспрашивать незнакомых он постеснялся. Попробовал вновь позвонить до Милы и вновь не сумел. При чем теперь не

★ прозвучал голос, извещавший, что вызываемый аппарат отключен или вне зоны приема, и гудки вызова не прозвучали, — после набора номера в трубке воцарилась гробовая тишина. Алексей для проверки набрал еще несколько номеров — та же картина. Мобильная сеть легла.

И лишь тогда ему стало по-настоящему тревожно. Не за себя, за Милу. Что, если электричество действительно пропало во всем городе, в том числе и в метрополитене? А супруга была как раз под землей?

Вывести наружу даже пассажиров одной электрички, застрявшей в туннеле метро, — дело не легкое и не быстрое. А если там встали сотни поездов, набитых людьми?

Он решил не накручивать себя до срока. Может, вся эта катавасия застала Милу наверху.

Следующий магазинчик находился рядом, на другом торце того же дома, и оказался закрыт по техническим причинам, о чем извещала табличка на стеклянной двери. В третьей точке, за два дома, двери были открыты, но торговля не велась.

Район был спальный, хрущевские пятиэтажки перемежались с брежневскими девятиэтажками, и лишь кое-где вклинивались между ними дома современной постройки. Как следствие, магазины здесь не изобиловали. Можно было бы возвращаться, и без дальних экскурсий ясно, что света нет во всем районе и торговли нет тоже. Но Алексей представил, что выскажет теща по поводу его неспособности выполнить простейшее поручение, — и решил: если уж суждено вернуться пустым, надо хотя бы походить подольше. Мол, сделал все возможное, но не судьба. И он двинулся на проспект, к «Пятерочке», теща изначально наказывала затовариться именно там, она предпочитала магазины эконом-класса, — но Алексею поначалу вдаль тащиться не хотелось.

Подходя к проспекту, он услышал громыхавший вдали голос, усиленный динамиками. Репродуктор на столбе? Похоже на то... Разобрать даже отдельные

слова не удавалось, а магазин был в другой стороне, и Алексей не стал подходить к источнику голоса. Так или иначе все скоро узнает...

Работники «Пятерочки», видимо, тоже хотели закрыться, но не получилось: широкие раздвижные двери при отключении электричества замерли в открытом положении. Так уж они были спроектированы — чтобы покупатели при пожаре или в иной экстренной ситуации не оказались в ловушке. В результате сейчас всех желающих попасть внутрь не пропускали охранники магазина. А желающих оказалось немало — к небольшой толпе, скопившейся у входа, постоянно присоединялись все новые люди.

Присоединился и Алексей. Если ничего не удастся купить, так хоть послушает, что люди говорят... Его все сильнее разбирало тревожное любопытство.

* * *

— Инопланетяне летят, — равнодушно сказал Стасов, бросив взгляд на экран. — Что-то до хрена привалило сегодня. Работай, кэп. Твоя очередь их истреблять.

Бессонов тяжело вздохнул. После кофе хотелось расслабленно выкурить сигаретку, а возиться с истреблением инопланетян не хотелось абсолютно.

Разумеется, то был их профжаргон, не имевший отношения к галактическим пришельцам. Хотя молодых, впервые заступивших на дежурство по ЦПУ офицеров было принято разыгрывать, выдавая специфичные помехи за инопланетные корабли. В свое время пытались разыграть и Бессонова, но он не купился: в инопланетян не верил от слова «совсем», а для реальных космических аппаратов, летящих по орбитальной или суборбитальной траектории, отметки двигались слишком быстро и в странном направлении, небывалом для запущенных с земных космодромов ракет.

Потом-то он узнал суть прикола: древний «Эльбрус» был плохо совместим с более современными периферийными устройствами и время от времени страдал от компьютерных глюков. Причину их появления выявили эмпирическим путем и научились устранять простейшими способами.

Вот и сейчас Бессонов взял отвертку и отправился вниз, на технический подэтаж — там стояли охлаждающие установки и во множестве змеились толстые черные кабели, нужный среди них искать долго не пришлось, он был специально для таких случаев помечен привязанной биркой. Бессонов отвернул два винта и отстыковал здоровенный, на двести пятьдесят шесть контактов, разъем. Затем снова пристыковал и привернул винты обратно.

Он знал, что наверху Стасов в это время перезагрузил процессор ЦПУ и инопланетные корабли-глюки исчезли...

Сразу за пульт Бессонов не вернулся, заглянул в курилку, засмолил полагавшуюся после кофе сигаретку. А когда вернулся, был поражен странным видом Стасова, возбужденного и растерянного одновременно. И лужицей разлитого кофе, которую старлей даже не пытался вытереть с консоли. Взглянул на экран и все понял: проверенный способ не помог, отметки целей не исчезли. Более того, цели разделились: основная группа продолжала следовать прежним курсом, а группа из шести объектов двигалась, казалось, напрямиком на «Дарьял».

— Н-но это ведь не ракеты? — спросил Стасов дрогнувшим голосом.

Бессонов лишь фыркнул, не вдаваясь в объяснения. Баллистические ракеты, летящие со стороны Новосибирских островов, — нонсенс. Кто их оттуда запустил? Полярные медведи с леммингами?

Он понятия не имел, что отображается на экране, но не ломал голову, как поступить: не знаешь, что делать, — действуй по инструкции.

Бессонов подковырнул и снял щиток из прозрач-

ного оргстекла, прикрывавший большую кнопку, — разумеется, была она красного цвета. При нажатии, среди прочего, включилась видеокамера, снимавшая и пульт, и все действия операторов, и Бессонов, прежде чем нажать, коротко бросил напарнику:

— Кофе!

— Чего? — не понял Стасов, ждавший совсем другой команды.

— Кофе, сука, вытри!

* * *

Колян Красницын понятия не имел, что и в его родном поселке Апраксин, и в райцентре, и во всей области отключилось электричество. Колян в тот день был занят серьезным делом — он собирался заработать на весенней ловле миноги. «Немного приподняться», как сам он выражался.

К этому событию Колян готовился весь год. И готовил снасти. Миноги — существа незамысловатые, и ловят их не сетями и не удочками, а самым примитивным способом: пластиковыми бутылками из-под питьевой воды. Отрезают у бутылок донца и вставляют горловинами друг в друга, так что получается нечто вроде ловушки — заплывать в нее миноге легко, а выбраться почти невозможно.

Таких бутылей-ловушек Колян приготовил полторы с лишним сотни — трудился всю зиму, не покладая рук, и весь год неутомимо заготавливал сырье на окрестных мусорках.

Полторы сотни ловушек — это много. В удачные дни улов может исчисляться десятками килограммов, а в особо удачные — центнерами. Колян предвкушал удачный бизнес и с нетерпением ждал весны.

Рыболовные правила, разумеется, запрещали весеннюю ловлю миноги, но Колян относился к этому документу без малейшего почтения. В конце концов

не чиновники Рыбводхоза выкопали реки и запустили в них рыб — не им и запрещать.

Весна пришла, и все было готово: двадцать контрольных ловушек расставлены в укромных местах речки Мги, а остальные, чтобы зря не протирались о дно, лежат частью в машине Коляна, частью в его же сарае и поджидают ход миноги...

В тот день попался первый трофей, первые шесть миног. Пришла пора выставять все снасти без остатка, вот-вот деликатесная рыба повалит валом.

Тут-то его и повязали.

Едва он вылез из воды и подошел к своей развалюхе, даже не успел снять резиновый рыболовный костюм, — резво подкатила машина, таившаяся в отдалении за кустами. Двое в штатском сунули под нос корочки: полиция, отдел борьбы с экономическими преступлениями. Чем вы тут, гражданин, занимаетесь?

Колян изумился. С Рыбнадзором он давно научился жить не то чтобы мирно, но в состоянии вооруженного нейтралитета: знал, где и когда проводятся рейды, и судьбу не дразнил, на реке в те дни не появлялся. А тут с бухты-барахты экономическая полиция...

Штатские давили: а что у вас в садке? Что в салоне машины? Предъявите документки, гражданин, подозреваем вас, дескать, в совершении преступления, предусмотренного статьей двести пятьдесят шесть УК Российской Федерации.

Документы Колян предъявить не смог за их отсутствием — паспорт с собой не носил, водительские же права отобрали за пьянку год назад, но чтобы кататься по здешним проселкам, права не нужны. А с названной статьей он был знаком, предусматривала она громадный штраф или исправительные работы. Ладно хоть попался сегодня, а не пару дней спустя с хорошим уловом, — за каждый пойманный хвост миноги ущерба начисляют ни много, ни мало — пятьсот рубликов. Отпираться и твердить, что гулял берегом

и нашел садок, не имело смысла: салон машины забит ловушками, которые надлежало выставить при появлении первых миног-разведчиц.

Судя по дурацким вопросам, в рыбном промысле смыслили полицаи мало. Вообще ничего не смыслили. Небось катили мимо проселочной дорогой по другим делам и на беду заметили машину Коляна: ну и решили раскрыть мимоходом экономическое преступление, лишняя галочка в отчете, лишний червонец к премии... Гниды.

Гниды тем временем развили бурную деятельность: разложили на обочине вытащенные из салона ловушки-миножницы, поместили в центр натюрморта злосчастный садок, все засняли на видео. И Коляна в резиновом костюме засняли.

Потом один из ментов залез в свою тачку, с кем-то общался по рации, второй — тот, что занимался видеосъемкой — стоял снаружи, возился со своей камерой. Колян с тоской размышлял, покроются ли убытки от штрафа доходами от миножьего бизнеса.

И тут грянуло.

Вернее, сначала Колян ощутил лишь сильнейший толчок почвы, сбивший его с ног. Акустический удар докатился до берегов Мги парой секунд спустя. И не только акустический: деревья гнулись, садок и миножницы Коляна мгновенно куда-то сдуло, и его самого поволокло по земле, но далеко не уволокло, сильно ударился и зацепился за колесо своей ржавой «девятки».

«Война...» — растерянно подумал Колян. Других объяснений катаклизму он не находил. Ну разве что ЛАЭС рванула... Но не похоже, та далеко, такая мощная взрывная волна не докатится.

Он поднялся на ноги, потирая ушибленный бок и отплевываясь от песка, попавшего в рот. И понял, что полицаям досталось куда сильнее. Машина их стояла на самой обочине — и, сдвинутая с места, покатила с крутого берега в реку. В воду не упала, застряв на прибрежных камнях: лежит на боку и

мента не видно. Зато второй валялся рядом, не шевелился, не иначе как оглушенный ударом о собственную машину.

Драндулетка Коляна стояла удачнее: ее слегка развернуло, сдвинуло с места, — и только.

Упускать шанс не стоило. Опасливо поглядывая на неподвижного полица, Колян подобрал видеокамеру, отлетевшую в сторону, затем прыгнул за руль и ударил по газам, — как был, не снимая резинового костюма. На мосту он остановился и зашвырнул камеру в воду.

Удачно все повернулось... Документы он не предъявлял, даже имя не называл, а если оклемаются и вспомнят номер машины — так тачка не его, даже доверенности нет, — владелец на зоне, а Колян пока по-дружески пользуется.

Разумеется, Колян понятия не имел, что выручил его удар по одному из объектов ПРО, расположенному в Ленобласти — по станции дальнего обнаружения «Воронеж» (была она отдаленным потомком печорского «Дарьяла»). Но Колян Красницын стал одним из немногих обитателей планеты, искренне обрадовавшихся нанесенному удару.

* * *

Это был не ядерный удар... Нечто новое, небывалое и невиданное. Казалось, по лесотундре прополз невидимый исполинский плуг, вспарывая и почву, и осадочные породы глубоко, до самых базальтов земной коры...

Ширина борозды от «плуга» была около двух километров: оба главных здания «Дарьяла», «единичка» и «двойка», оказались в зоне разрушения, равно как и большинство вспомогательных сооружений.

Казавшиеся символом вечности серые бетонные громадины сложились и рассыпались, словно домик

из соломы, возведенный глупым поросенком, не верящим в существование волков.

Капитан Бессонов погиб мгновенно. Старший лейтенант Стасов жил еще два часа, придавленный железобетонной плитой, но в сознание не приходил.

Та же судьба постигла остальные станции дальнего обнаружения, и не только российские. И Россия, и США, и вся планета Земля осталась без противокосмической обороны, после чего пришел черед ПВО...

* * *

Гудки и сирены смолкли неожиданно и все разом. Люди, собравшиеся у «Пятерочки», недоуменно переглядывались. Звуковой фон стал уже привычным, наступившая тишина казалась тревожной и зловещей.

Из разговоров несостоявшихся покупателей ничего интересного Алексей не узнал. Одни, как и он, ничего не понимали и в основном задавали вопросы, вразумительных ответов не получая, лишь догадки и предположения. Другие отчего-то толковали об Аляске, как-то связывая ее с происходящим: дескать, перед самым отключением сообщили о крупнейшей катастрофе на Аляске, но без подробностей...

Кое-что полезное Алексей все же уяснил: батарейки, стоявшие вторым пунктом в тещином списке, покупать незачем, — все приемники ловят только мощнейшие помехи, не то магнитная буря приключилась, не то еще какая-то ерунда.

Впрочем, ни батарейки, ни что иное продавать им не собирались. И в первых рядах, напиравших на охранников, помаленьку разгорался скандал. Наиболее взвинченные покупатели все активнее требовали пропустить их внутрь, и уже не только словами требовали — охрана отпихивалась дубинками, один из церберов даже вытащил газовый баллончик, но в ход пока не пускал.

И тут грянуло...

Удар оказался не так силен, как на берегах Мги, его изрядно смягчили лишние семьдесят километров от эпицентра. Люди после толчка на ногах устояли, и последовавшая ударная лишь заставила задребезжать стекла.

Толпа онемела. Машины, припаркованные во всех окрестных дворах, наоборот, взвыли сигнализациями на разные голоса.

Молчание нарушил мужичок далеко не интеллигентного вида, самый напористый из пытавшихся попасть в магазин. Нарушил истошным воплем:

— Да что на них глядеть, на фашистов? За наши же деньги купить ничего нельзя?! С голоду теперьдохнуть?! Пошлии-и-и-и!!!

В завершение тирады он заехал кулаком охраннику — тому самому, с баллончиком. Внушительными габаритами и физической мощью мужичок не обладал, но удар имел поставленный. Охранник рухнул. Мужичок рванул в образовавшуюся брешь, следом его соратники, пришедшие, судя по виду, отнюдь не за кефиром. Взбудораженная толпа устремилась в магазин.

Алексей, по складу характера ни к какому экстриму не склонный, оказался вовлечен в общий поток. Толпа подхватила его, внесла в двери, под ногами оказалось что-то мягкое (тот самый охранник?), он споткнулся и с трудом устоял на ногах, понимая: упадет — растопчут.

Глаза вдруг заслезились, в носу и глотке защемило, — кто-то из охраны успел напоследок пшикнуть из баллончика, но струя ушла в сторону, Алексею досталось несильно.

В магазине царило безумие. Все как-то разом позабыли про намерение честно и благородно рассчитаться без чеков — хватали, что подвернется под руку, набивали в сумки и корзины, тащили к выходу, благо кассирш не было видно. Мародерствовали все, даже бабульки-одуванчики с древними кошелками... Лю-

дей вокруг не было — стадо взбудораженных животных.

Алексей, собравшийся, когда ослабнет рвущийся внутрь поток, выйти из магазина, ничего не тронув, — сам не понял, как получилось, что он оказался на улице с двумя набитыми, буквально рвущимися от тяжести пакетами. Какие продукты и напитки туда напихал, тоже не помнил. Наваждение какое-то...

Шагая к дому, он вяло думал, что надо сосчитать и записать все взятые продукты, чтобы потом, когда все закончится...

«А если не закончится?» — спросил незнакомый внутренний голос, принадлежавший, похоже, другому Алексею, только что увлеченно очищавшему магазинные полки и стеллажи.

«Не валяй дурака, — скомандовал голос, — бери дома самый большой рюкзак и возвращайся, там еще много осталось...»

Он шел к дому, придерживая под донца расползающиеся пакеты, и не знал, вернется или нет...

* * *

С пропавшего электричества список потерь лишь начался... За три дня на Земле исчезло многое: системы связи, ПРО и ПВО, и пусковые установки баллистических ракет, и атомные подводные лодки, и космодромы... И зарытый глубоко-глубоко под землю и железобетон бункер Объединенного командования НАТО тоже исчез.

Зато появилось кое-что новое. И кое-кто...

Узнали о том на четвертый день, когда электричество появилось столь же неожиданно, как и пропало, и ожили телевизоры, — казалось, навеки замолкшие. По всем каналам транслировали одну и ту же картинку: разноцветные пятна, мерцавшие в странном завораживающем ритме.

Потом заставка погасла, и на фоне черного, полно-го сверкающих звезд неба появилось существо — человекообразное, но бывшее кем угодно, только не человеком.

— Здравствуйте, земляне, — произнесло существо, и каждый слышал его на своем родном языке. — Мы пришли и принесли вам мир.

* * *

Ночью опять стреляли, неподалеку, на станции. Возможно, кто-то с кем-то не поделил содержимое вагонов, стоявших на запасных путях, или случилась другая причина для конфликта, не столь важно. Перестрелка длилась пару часов, из автоматического оружия, а несколько раз грохнули не то ручные гранаты, не то что-то еще в то же роде.

В любом случае Колян Красницын решил, что пора вооружаться. Телевизор, заработавший два дня назад, уверял в обратном: над всей Землей мирное небо, обстановка надежно контролируется (кем? кем, мать твою?! о президенте и правительстве давно ничего не слышно...), и населению необходимо сохранять поддержку и спокойствие, из дому без нужды не выходить, на провокации не поддаваться...

Колян теледиктору не верил, тем более что никаких иных сюжетов в новостях не появлялось, только зачитываемые по бумажке сообщения. Еще крутили шоу и сериалы, но все старые, в записи. Скукотища. Жизнь за окнами была гораздо интереснее. И опаснее.

Поутру он поделился созревшей мыслью с закадычным приятелем Михычем.

Тот оказался полностью солидарен: дела пошли такие, что ни «тулка» Коляна, ни обрез самого Михыча теперь в беде не помогут. Солидные стволы нужны. Но райотдел ментовский, по слухам, уже разгромили, все оружие забрали. К воинской части надо подавать-

ся — армию нынче отменили, и все армии на планете тоже, солдатики разбегаются.

Колян подтвердил: разбегаются, сам видел группу дезертиров, потрошивших отделение Сбербанка. Все при стволах были, между прочим. Но наверняка еще найдется, чем поживиться. Много им не надо: по паре «калашей» на брата да патронов, сколько смогут увезти. Ну и гранат ящик не помешает на всякий случай.

Поехали они на «девятке» Коляна и воинскую часть для экспедиции выбрали с умом, стоявшую на отшибе, — понадеялись, что банды мародеров сюда не успели добраться.

Ворота КПП были гостеприимно распахнуты, в караулке ни души, и внутрь друзья заехали беспрепятственно. Но едва стали разбираться, где здесь склад, — оказались под прицелом четырех автоматов.

Автоматчики были одеты в разнокалиберный, с боку по сосенке собранный камуфляж без знаков различия. Двое из них по возрасту никак не могли быть солдатами-срочниками, да и выправки военной у всех не видно... Колян заподозрил, что мародеры сюда все-таки добрались...

Под стволами их отконвоировали к начальству. Начальник был армейским капитаном, и по ухваткам видно — действительно офицер, не нацепил чужие погоны. Вот только на петлицах у него оказались скрещенные пушки, а в части квартировали мотострелки...

— Зачем приперлись? — спросил капитан.

Вид у него был измотанный, на лице трехдневная щетина, под глазами темные круги.

— Оружие хотим, — честно сказал Колян. — Времена говенные, без стволов никак... Поделишься?

Михыч жалобно шмыгнул носом, изображая, как погано жить в такие времена без оружия.

Капитан смотрел на них нехорошо. Словно на двух попавших под ноги насекомых — можно переступить, а можно и раздавить. Спросил:

— Местные?

— Ну так... как бы да... — обтекаемо ответил Колян.

— Срочную служили?

Оба синхронно кивнули.

— Я собираю отряд, — сказал капитан. — Хотите, вступайте, получите оружие. Нет — шагайте домой, пешком и без стволов. Машину вашу я оставляю, туго у нас с колесами.

— Отряд — для чего? — осторожно спросил Колян.

— Воевать будем.

— Так замирились вроде... В ООН все подписали: мы сдаем оружие, они нам технологии...

— Замирились... Вы речь ооновского генсека видели? Это ж не человек, манекен натуральный. Не то под наркотой, не то вообще мозги вынули и чип какой-то запихнули. Решайте, парни.

— Пошептаться можно? — спросил Колян. — Дело такое, обкашлять бы надо...

— Шепчитесь. Там, за дверью. Две минуты.

Посоветовавшись, приятели пришли к решению: в одиночку, хоть ты с автоматом, хоть с пулеметом, нынче не выжить. Надо примыкать к какой-то банде, а эта чем хуже других? Ну а не понравится, так ведь не на цепи их тут будут держать... Если что, уйдут уже как белые люди, при стволах и амуниции.

— Ну и ладно, — кивнул капитан, услышав их решение. — Какие ВУСы?

— Механик-водитель бээмпэшки, — сказал Колян.

— Не позабыл?

— Да хоть щас за рычаги, — приосанился Колян.

— Проверим... Ну а ты?

— Переносные ракетные комплексы, — доложил Михыч.

— С «Иглой» справишься?

— Как два пальца об асфальт.

— Тоже проверим. Но пока, парни, придется грузчиками поработать. Через два дня сюда прибудет команда утилизаторов, надо вывезти все, что успеем.

* * *

В тот день, так уж вышло, совпали два праздника: верующие справляли Пасху, атеисты — День космонавтики. Кирилл Михайлович Рютин, для своих Михыч, добавил к ним третий: умудрился сбить инопланетный летательный аппарат. Первый, и не только в их отряде, — вообще, насколько они знали, самый первый.

Многие хвастались, что сбивали, но доказать не могли — попадания действительно случались, но ни одна летающая машина не рухнула и трофеем не стала.

А у них и таких относительных успехов на счету не числилось... Сожгли несколько бронемашин карателей, именовавших себя миротворческой полицией, даже танк подорвали на фугасе, — но там все свои, переметнувшиеся, и бронетехнику имеют на вооружении земную.

Аппарат был невелик и хорошо известен партизанам: появлялся и исчезал неожиданно, словно выныривая из невидимости и затем ныряя обратно. Обычно за таким визитом следовал рейд карателей, но, показывая опыт, летающая машина и сама могла нанести неслабый удар. Многие считали ее беспилотником — слишком мала, некуда посадить экипаж, но в точности никто не знал.

Возможно, Михычу редкостно повезло — случайно угодил в уязвимую точку или дала сбой защита... Не важно, первая победа есть первая победа, если врага можно сбить — надо искать, надо придумывать, как это сделать.

Рухнула вражья хреновина на околице деревни Крюково, в глубине контролируемой повстанцами зоны, — исследовать трофей можно было неторопливо и без помех. Едва вскрыли корпус, изнутри потянуло лютой вонью, заканчивать работу пришлось в изолирующих противогазах.

— Серой тянет! — наставительно сказал отец Ти-

мофей, добровольно примкнувший к отряду и исполнявший обязанности военного священника. — Знак явный нам дан, чьей волей эти отродья посланы!

Капитан, хоть и был махровым атеистом, не стал возражать, лишь взял на заметку: атмосфера у пришельцев не земная, другая и весьма своеобразная, — может, этот факт как-то поможет их одолеть. Но если внутри воздух чужаков, то должен быть и тот, кто им дышал.

Так и оказалось — внутри якобы беспилотника сидели пилоты, двое. При виде их на Коляна Красницына напал истерический смех.

— И вот эти... вот эти... вот такие... это они нас завоевали?

Грозными завоевателями существа не выглядели — мягкие, кожистые, напоминавшие размером и формой дыньку с плоским основанием, зачем-то отрастившую небольшие гибкие конечности.

Один пилот, похоже, не выдержал падения и признаков жизни не подавал. Второй пульсировал еще полчаса — не то так дышал, не то содрогался в предсмертных конвульсиях. Потом и он затих.

После заката отпраздновали все три праздника разом, капитан выкатил спирта из НЗ, да и в Крюково нашлись жители, промышлявшие самогонварением, и ради такого случая не поскупились.

Герой дня, Михыч, о подвиге своем много не распынялся: выстрелил, попал, делов-то, — и лишь опрокидывал рюмку за рюмкой. Он вообще не отличался краснобайством, зато был не дурак выпить. Колян Красницын говорил за двоих, живописуя подробности исторической победы.

Капитан старался не подавать вида и праздник не портить, но мысли у него бродили мрачные. В сегодняшнем успехе был бы толк, если доставить трофей специалистам — ученым и военным инженерам, чтобы те разобрались, нашли уязвимые места и эффективные методы борьбы. А так... моральный эффект — вот и весь прибыток.

Да и вообще дела идут все хуже и хуже. Переговоры о создании единой партизанской армии увязли, как в трясине, в борьбе самолюбий и местных интересов, — все согласны, что объединяться надо, но все хотят командовать, а подчиняться приказам не хотят. Потери растут, а поток добровольцев слабеет, почти сошел на нет, и боеприпасов все меньше, но бесхозных запасов оружия не осталось, все зачищены утилизаторами, — каждый ящик патронов приходится захватывать с боем и кровью... О том, чем грозит зима — без запасов, без подготовленных баз, — капитан даже не задумывался. Он не надеялся, что их отряд дотянет до зимы.

— Не хмурься, капитан, — обратился к нему раскрасневшийся Колян. — Давай-ка лучше выпьем за победу.

Капитан взял протянутый стакан. В окончательную победу он, несмотря ни на что, верил. Капитан был оптимистом.

* * *

У Алексея и Людмилы Воронцовых в тот вечер к двум общим праздникам тоже добавился свой, личный, — новоселье.

Вернее, не совсем новоселье, оно случится, когда закончат ремонт и въедут в новую квартиру. Но и получение ключей от нее стоит отметить.

Они отметили — прямо там, в девственно-пустой комнате, еще папахивающей краской, штукатуркой и еще чем-то строительным.

Пили принесенное с собой шампанское, закусывали конфетами, болтали, много смеялись... Акустика в абсолютно пустом помещении была странная, смеху и голосам вторило гулкое эхо.

Как анекдот они теперь вспоминали первую попытку получить ключи: тревога, сирены, отключение электричества, Мила, застрявшая в лифте и не до-

бравшаяся в результате до «Стройтреста»... Тогда казалось: все, не будет теперь квартиры, и ничего не будет... Конец света.

А оказалось — вовсе не конец, а начало новой эры, гуманной, продвинутой и действительно космической (все-таки и Луна, и ближние орбиты в сравнении с глубинами Галактики — как прогулка по двору в сравнении с кругосветным путешествием).

Человечество сделало громадный шаг вперед, но и их молодая семья сделала свой шагок туда же — у Алексея теперь новая работа, в межпланетной комиссии по умиротворению и регулированию, и доходы у семьи новые. Можно будет расплатиться за квартиру гораздо раньше... А самое главное — пришло давно запланированное время подумать о детях. Они выпили по последней за грядущих детей и разбили бокалы на счастье.

Алексей и Людмила были оптимистами и верили, что их дети будут жить лучше родителей — в новом прекрасном мире, среди чудес технологий и безграничных галактических просторов.

* * *

Под утро по освобожденной территории с центром в деревне Крюково ударил тот самый «плуг», что превратил последний «Дарьял» в мешанину из бетона, металла, пластика и человеческой плоти.

Деревни не стало. Окрестных лесов, лугов, дорог тоже — монотонный лунный пейзаж. Живых в зоне поражения не осталось.

Приказ на атаку был отдан лично генерал-резидентом Туиуу-1162-3371/203 — огромным одноклеточным существом, обитавшим в жидком метане.

Во многом приказ стал жестом отчаяния. Поднадзорные никак не желали умиротворяться и переходить к плановому сокращению своей численности разумными цивилизованными методами: массовой

стерилизацией и жестким лицензированием деторождения — таким, чтобы прирост населения оказался в разы меньше естественной убыли.

Но местная агрессивная фауна не желала вымирать гуманно и мирно. Разрозненные очаги сопротивления, разбросанные по всем континентам, разрастались, накануне над деревней был сбит ДРК, уже пятый за истекшую неделю. Плюс суборбитальный десантный корабль, рухнувший в океан в результате диверсии.

А проклятые пацифисты в Галактическом Совете только и ждут повода, чтобы поднять вопрос о прекращении миротворческой операции и отзыве флота... Еще несколько потерь — и дебатов не избежать, а результат их для военного лобби может оказаться плачевен...

И жестокие удары возмездия — в сущности, последний шанс довести экстерминацию местной фауны до конца. Если и они не помогут...

Его превосходительство надеялось, что все же помогут. Оно было оптимистом и верило в окончательную победу.

АНДРЕЙ БУТОРИН

КУЛИНАРНОЕ ЧУДО

ыщик Брок редко ссорился с женой. Подуются разве друг на друга пару часиков, да и то не каждый день. А тут — ссора так ссора. Брок настолько обиделся на Ирусика, что даже ушел из дому, благо в родном сыскном агентстве «Бритва Оккама» имелся вполне приличный диван. За это стоило благодарить Сашеньку — любимую и единственную дочурку, которая по совместительству являлась и помощницей Брока в его частно-детективной деятельности. Откровенно говоря, по поводу этого дивана сыщику пришлось выдержать настоящий бой; он был уверен, что дорогое кожаное приобретение не только дешевое пижонство, но и ощутимая брешь в бюджете агентства. Сашенька сразу поймала отца на противоречии — мол, дорогое дешевым быть не может. А потом и вовсе добила несокрушимой логикой: клиент, впервые зашедший в агентство, в первую очередь обратит внимание на диван, поскольку тот будет самым большим предметом из всего, что имеется в офисе. И любой здравомыслящий человек сразу сделает вывод, что столь дорогие вещи может позволить себе лишь контора, дела у которой — жуки-пуки, несмотря на всякие там кризисы. За «жуки-пуки» Брок Сашеньку, конечно, пожурил — что возмешь с восемнадцатилетней дурехи, которая вместо юрфака поступила учиться на программиста, — но с

правотой ее слов вынужден был согласиться и выбросить белый флаг. В смысле, достать темно-коричневый бумажник. И сейчас он вынужден был признать: дочка оказалась права, спать на диване было вполне удобно, во всяком случае, куда удобней, чем на столе (довелось как-то раз заночевать в агентстве по производственной необходимости) — и мягко, и ноги не свисают.

Пошли уже третьи сутки, как сыщик не выходил из офиса — две ночи вне супружеской постели! Это, конечно, было ужасно — моральные принципы Брока пищали от возмущения, — но причина ссоры своей серьезностью перекрывала эти принципы с большим запасом, хоть прямо их положи, хоть боком. Страшно сказать — Ирина, любимая супруга, с которой прожито больше двух десятков лет, которая воспринималась Броком не просто женой, не только верной подругой, но и надежным тылом, поддержкой и опорой во всех его начинаниях, назвала его... графоманом!

Дело в том, что сыщик в свободную минуту любил пописывать фантастические рассказы. Да, мастером слова он, конечно, не стал (хотя пару раз его творения в разделе «Наши тоже могут» публиковала местная пресса), но чтобы вот так... чтобы графоманом!.. Обидно до слез. Хорошо, если быть дословным педантом, само определение «графоман» из уст супруги не прозвучало. Но как еще можно было расценить ее высказывание: «Ты бы лампочку в туалете лучше вкрутил, чем строчить опусы, которые никто, кроме нас с Сашенькой, не читает, да и то чтоб тебя не обидеть!»?

Лампочку он вкрутил. Разбив перед этим три — так дрожали от обиды и возмущения руки. А потом ушел в агентство с твердым намерением сидеть в офисе до победного конца. Чем именно будет ознаменован этот самый конец, Брок пока не решил. Как минимум, телефонным звонком раскаявшейся супруги. А в идеале, наверное, личным приходом рыдающей Ирины, с паданием на колени, бросанием на шею, посыпани-

ем головы пеплом и прочей атрибутикой искреннего раскаяния. Во второй вариант, конечно, верилось слабо, но даже телефонный звонок сыщика вполне бы устроил. По крайней мере теперь, когда пошли третьи сутки его затворничества, устроил бы точно. Даже без покаянных слов извинения. Пусть просто скажет обиденным, таким родным, таким любимым голосом: «Долго еще придуливаться будешь? А ну, марш домой, писатель!» Дело было даже не столько в том, что Брок уже очень соскучился по Ирусику, — просто он банально проголодался. Сильно. До урчания в желудке и легкого головокружения. Все, что было съедобного в офисе — два яблока, полпачки печенья, Сашины чипсы, найденный под шкафом каменный сухарь, — он доел еще сутки назад; схрумкал даже собачий корм, забытый кем-то из клиентов. Теперь впору было загавкать самому. Но звонка от жены так и не было.

Станным было то, что телефоны — ни мобильный, ни стационарный офисный — за все время добровольного затворничества вообще не звонили ни разу. Не посетил агентство и никто из клиентов. Последнее было не столь удивительным, клиентура «Бритвы Оккама» никогда не отличалась многочисленностью, ведь Брок брался не за все дела подряд, а за те лишь, которые казались необычными, невероятными, которым не находилось обиденного, не трагивающего сверхъестественных сфер объяснений. Дело в том, что сыщик строго придерживался незыблемого кредо «Чудес не бывает» и решил посвятить себя делу претворения данного утверждения в жизнь. Звучало это несколько громко и пафосно, чего не выносил скромный по натуре Брок, но так оно и было на самом деле: любое самое невероятное, кажущееся фантастическим дело он умудрялся вывести, что называется, на чистую воду, отыскивая реальные основы любой «фантастики». Ей же самой сыщик благоволил исключительно в литературном виде, отчего и увлекся в свое время писательством.

Но сейчас ему не писалось. Оказалось, что на голодный желудок даже любимая фантастика кажется безвкусной и пресной. Сыт ею, как говорится, не будешь. Плюс ко всему, не работал Интернет, где можно было бы если не наесться, то, по крайней мере, отвлечься от голода разглядыванием чего-нибудь... э-э-ээ... вкусненького. Или хотя бы в «танчики» поиграть — тоже весьма от всего отвлекает. Однако браузер презрительно и нагло сообщал о невозможности отображения любимых страниц. Да и вообще всех, включая сайта налоговой (в сомнительных случаях Брок набирал ее адрес — если уж не отвечала налоговая, связи точно кранты). Интернет вырубался и раньше, дело привычное, но именно сейчас это выглядело насмешливым издевательством. Обидно и... очень кушать хочется. Плюнуть на принципы и пойти домой?.. Ну уж нет! Плюнешь раз, плюнешь другой, а потом глядишь — и сам весь оплеванный.

И вдруг сыщика осенило. Сашенька! Ведь он может... нет, он просто обязан позвонить дочери! Даже в конкретном случае не дочери, а сотруднице агентства. В конце концов, что это, так сказать, за безалаберность и разгильдяйство — третьи сутки не появляться на работе без объяснений!.. Понятно, что Сашенька приняла в ссоре родителей сторону матери, но кто позволил смешивать личные, пусть даже родственные отношения с долгом? С трудовым законодательством, если уж на то пошло!

Сыщик вынул из кармана мобильник, но позвонить у него не получилось. Дисплей телефона показывал полное отсутствие связи с обоими операторами, к которым был подключен аппарат. Брок несколько раз встряхнул мобильник, легонько постучал по нему согнутым пальцем — ничего не изменилось.

— Так-так-так-таак, — пробормотал сыщик. — Это уже не издевательство. Это, так сказать, откровенная наглость.

Он решительно направился к столу и снял трубку стационарного телефона. Гудки в ней отсутствовали,

что уже не столь сильно удивило Брока. Ему даже стало интересно, что именно могло вывести из строя все имеющиеся в его распоряжении средства связи. Неужели это месть Ирусика?.. Но супруга не обладала такой властью, чтобы отключить в его агентстве Интернет с телефоном, да и оба договора с мобильными операторами были на его имя. Разве только у жены появился некий высокий покровитель наверху?.. Эта мысль заставила сыщика вздрогнуть. Он невольно посмотрел на потолок и замотал головой. Да ну, какая чушь! Они с Ириной доверяли друг другу, даже мысль об измене для обоих была неприемлемой. Но чем в таком случае объяснить случившееся? Ядерным апокалипсисом, взрывы которого он прослушал из-за урчания желудка? Нашествием инопланетян? Или все-таки наиболее вероятными причинами, что и призвана совершать пресловутая «бритва Оккама», в честь которой названо агентство? Ведь и псевдоним Брок — это сокращение данного словосочетания, а вовсе не фамилии-имени-отчества — Брокалев Олег Константинович, — как думают многие. Так что же получается: значит, все-таки Ирусик?..

От невеселых размышлений сыщика отвлек звук дверного колокольчика.

— Закрыто! — почему-то рявкнул Брок.

Впрочем, обернувшись, он увидел, что посетитель и не думает уходить. Точнее, посетительница, — неопределенного возраста женщина в мешковатом вытертом пальто, с головой, обмотанной старушечьим серым платком. В руках она держала сумку не сумку, мешок не мешок — Брок для себя назвал это котомкой. Всем своим видом женщина походила на нищенку-побирушку.

— Не подаю! — замахал руками сыщик. — Я уже сдал кассу.

— Папа! — завопила вдруг нищенка Сашиним голосом и стремглав кинулась к Броку. — Папа, ты жив!

— В каком смысле папа? — на всякий случай спросил отпрыгнувший в сторону сыщик, хотя успел уже

разглядеть под нелепым платком лицо Сашеньки. — Если вы решили под видом дочери выманить у меня деньги, то вы просчитались. Грим у вас, бесспорно, хорош, но Александра скорее съест этот платок, чем повяжет им голову. И пальто это дурацкое съест, и котомку. Так что, как говорится, милости просим. В смысле, просьба не беспокоить. И, так сказать, осторожно, двери закрываются. С той стороны.

— Уф-фф, папа, ты точно жив, — выдохнула Сашенька, добравшись-таки до продолжавшего пятиться отца, и, обняв, прижалась к нему.

— Э-э-ээ... — протянул Брок, не зная, как реагировать на яркое проявление чувств со стороны отнюдь не сентиментальной дочери. — Ты, так сказать, весьма наблюдательна. Я действительно жив. Ты не поверишь, но в это время суток я вообще как-то привык быть живым. Меня больше интересует другое... — Сыщик оторвал от себя руки дочери, слегка отодвинул ее и внимательно оглядел блестящее от слез родное лицо. — Первое: ты принесла мне поесть? Второе: почему ты прогуливаешь работу? Третье: у мамы кто-то есть? И четвертое: почему ты так одета?.. Впрочем, что это я! Наверняка ты внедрилась в группировку профессиональных нищенок, я прав?.. Правда, я не припомню, чтобы давал тебе такое задание. Подобная инициатива, она, знаешь ли...

— Папа! — округлила и без того огромные глаза Сашенька. — Разве ты ничего не знаешь?..

— Так-так-так-таак... Значит, мама все-таки... — понулся Брок, но тут же вскинул волевой подбородок: — Кто он? Директор рынка?

— Прекрати нести чушь, папа! — заплакала Саша. — Нас захватили пришельцы!

— Ну вот, — осуждающе вздохнул сыщик. — Стоит всего на пару дней оставить вас с мамой одних, как вас опять захватили. Нездоровая, я бы сказал, тенденция.

— А когда это нас раньше захватывали? — Сашенька от изумления даже перестала плакать.

— Ну как же? Помнишь, я год назад ездил к тетке в Саратов, а у вас целые сутки дрых в ванной пьяный сантехник?

— Не сутки, а всего три часа, пока полиция не причалась. И это был не пришелец.

— Ну, пусть приползенец. Важен сам факт. И он настораживает, — погрозил потолку Брок.

— Папа, ты сейчас не о том. Нас действительно захватили пришельцы. Нас всех. Всю Землю. Настоящие пришельцы — из космоса!

— Из космоса?.. — никак не мог выбросить из головы прошлогоднего сантехника сыщик. Не мог ли тот за год переквалифицироваться в директора рынка?

— Папа, ты сам сейчас будто в космосе! Ты меня вообще слышишь? Нас всех захватили настоящие пришельцы!

— Разумеется, я тебя слышу, — принял обиженный вид Брок. — Нас захватили пришельцы. Типичный, знаешь ли, случай.

— Типичный? — ахнула Сашенька. — Захват Земли для тебя типичный случай? И это говоришь ты, для кого космических пришельцев в принципе не существует?..

— Мне очень приятно, — растрогался сыщик, — что ты помнишь и чтить мои принципы. Но давай все-таки ближе к делу, потому что хоть я еще, как ты тонко подметила, жив, но совсем скоро быть таковым перестану. — И рявкнул: — Ты принесла еду?!

— Да, принесла, — надув губки, поставила на стол котомку Саша. — Там борщик и котлетки.

— Борщик?.. — слотнул слюну Брок. — Мамин?..

— Нет, борщ варила я, — продолжая дуться, ответила дочка. — Мама на тебя обижена. Мир на грани гибели, а ты тут в «танчики» режешься.

— Какие «танчики»?! — возмутился сыщик. — Интернета нет!.. Кстати, а дома есть?.. — Но тут до его сознания дошла более важная новость: — Борщ варила ты?! О, боже! Вот почему ты спросила, жив ли

я — ты решила меня убить. Отомстить, так сказать, за маму.

— Папа! — вновь заплакала Сашенька. — Я шла к тебе, рискуя жизнью, а ты... Ты бессердечный, жестокий и злой.

— Она рисковала жизнью! — взмахнул руками Брок. — Конечно, ведь за каждым углом притаилось по зомби с пулеметом, а над улицами барражируют голодные птеродактили. Ты, наверное, и старье это на себя напялила, чтобы для зомби за свою сойти. Кстати, и впрямь, для чего этот маскарад? Почему ты так вырядилась?

— Потому что пришельцы запретили свободное перемещение по городу! А так, я подумала, вдруг не обратят внимания. Ну, старуха какая-то сумасшедшая бродит.

— Вы напрасно нас недооцениваете, — раздался от входа механический — без акцента, но и без интонаций — голос. — Мы на все и на всех обращаем внимание. За свой проступок вы понесете наказание. Но сейчас у меня разговор к господину Брокалеву.

— У меня обед! — раздраженно обернулся сыщик, да так и застыл с разинутым ртом. Возле входной двери стояло нечто, напоминающее зеленую двухметровую медузу.

— Вам придется отложить прием пищи, — сказала медуза.

— Так-так-так-таак!.. — пришел наконец в себя Брок. — Значит, все-таки в городе маскарад... Александра, ты могла бы меня предупредить! Я бы оделся Холмсом. Я ведь похож на Шерлока Холмса? У меня даже трубка есть, хоть я и бросил курить.

— Вы не похожи на литературного героя с таким именем, — сказала медуза. — По описаниям автора Холмс был худым, а вы толстый.

— Кто толстый? Я?! — задохнулся от возмущения сыщик. — У меня просто кость широкая, а так я вообще для своего роста вешу меньше нормы! Это возмутительно, знаете ли, врываться в офис и оскор-

блять руководителя почтенного заведения! Как вы, кстати, вообще зашли — колокольчик же не звенел?..

— Телепортация, — ответила медуза. — А ваш вес превышает допустимую по местным меркам норму на шестнадцать с половиной килограммов. С учетом возраста.

— Ах, тебе еще и мой возраст не нравится? Да кто ты вообще такой?! Напятил это, с позволения сказать, уродство и думаешь, что похож на медузу? Если бы не Сашенька, я бы сказал тебе, на что ты, образно выражаясь, похож. А ну, выметайся отсюда, пока я полицию не вызвал!

— Папа, ты не вызовешь полицию, — шепнула Саша, — телефоны не работают. Тем более, полиция теперь под их контролем.

— Ваша дочь говорит правду, — подтвердила медуза. — Под нашим контролем все. Осталось назначить прокуратора этого захудалого городишки.

— Но-но-но-но! — замахал поднятым пальцем Брок. — «Захудалого городишки»! Ишь!.. Сам-то из какой деревни приبلудился?

— Я приبلудился из Великой Галактической Империи Фу. Я наместник Императора Бра в этой никчемной областишке вашей несчастной планетки.

— Фу? — переспросил сыщик. — Не Тьфу, так сказать, не Бэ-ээ, не Что-за-гадость, а именно Фу? Передайте вашему Торшеру, что названьице так себе. Да, оно привлекает внимание, но вызывает отрицательные ассоциации. Народ, как говорится, не поймет. Вот увидите, жюри вам то же самое скажет. На одном названии срежетесь. Я, между прочим, писатель — знаю, что говорю. Хотите, придумаю имена и названия, которые всем сразу запомнятся и только уже поэтому за вас многие проголосуют? Себя-то вы, кстати, как назвали?

— Мое имя — Тру.

— Ну вот, — всплеснул руками Брок. — Хорошо еще, что не Чешу. Не-е-еет, придется мне за вас все-таки взяться. Возьму недорого, не бойтесь. За импе-

рию, конечно, побольше, за императора — тоже; сами понимаете, они всегда на слуху, а за всякое разное вроде вас — считайте, сделаю даром. Беременным женщинам скидки. Есть у вас в «империи» беременные женщины?

— Мы все одного пола. И мы — не живородящие.

— Тоже так себе идея, — покрутил ладонью сыщик. — Старо, так сказать, избито и заезженно. К тому же, между нами, — покосился Брок на дочку, — кому интересны зеленые, размножающиеся почкованием медузы? Побольше, так сказать, сексуальности — и народ к вам потянется. Есть у вас в коллективе симпатичные молодые девушки?.. Я, так уж и быть, этим тоже займусь. Минимум одежды, то, сё... Вы не поверите, как изменится реакция зрителей и жюри.

— Папа!.. — зашипела Сашенька. — Тебя куда понесло?! Ты что, так до сих пор и не понял, что это не маскарад и не конкурс? Это настоящий захват Земли инопланетянами, и один из них стоит перед тобой.

— Инопланетян не бывает, — поморщился сыщик. — Я уже устал тебе это повторять. Или ты, так сказать, специально надо мной издеваешься, за маму мстишь? Это, знаешь ли, не очень красиво, я бы даже сказал, низко. Поверь, мы с мамой сами прекрасно во всем разберемся. А вы, молодой человек, — повернулся он к медузе, — если мое предложение вас не заинтересовало, покиньте, будьте любезны, агентство. Вы нам работать мешаете. И обедать. А имя все-таки поменяйте. Тру — это, поверьте мне, нонсенс. Тем более для медузы. И передайте привет вашей Люстре.

— Имя Великого Императора — Бра! — впервые проявила эмоции медуза, которая и не думала уходить. — Мне надоела эта бессмысленная трескотня!

— Вы не поверите, мне тоже, — закивал Брок.

— Тогда перейдем к делу.

— Так-так-так-таак! Значит, вы все же согласны, чтобы я взял, так сказать, над вами шефство? Только

★ давайте сразу оговорим сумму. А то, знаете ли, всякое бывает.

— Скажите вашему отцу, — обратилась к Саше медуза, — чтобы он превратился в слух и не издавал звуков, пока я буду излагать суть. Иначе мне придется запаять его ротовое отверстие.

— Я тебе сейчас знаешь какое отверстие запаяю?! — взъерепенился сыщик, но на нем буквально повисла Сашенька:

— Папа! Папочка, миленький! Ну, пожалуйста, помолчи, а? Ну ради меня, папочка!..

— Ладно уж, — проворчал снова растрогавшийся Брок. — Пусть излагает свою суть. Только быстро, я ведь и правда, так сказать, скоро от голода рухну.

— Суть состоит в следующем. Произведя анализ интеллектуальных способностей жителей вашего города, мы пришли к выводу, что на должность прокуратора более всего подходите вы.

— Слышала? — зашептал дочери втянувший живот и расправивший плечи сыщик. — А вы с мамой меня чуть ли не за идиота держите.

— Сказать по правде, папочка, — шепнула в ответ Сашенька, — они тебе как раз поэтому такую должность и предлагают. Но ты все равно соглашайся, иначе он тебя аннигилирует. Даже если в инопланетян не веришь, все равно говори, что согласен. Будешь как бы на маскараде прокуратором.

— А мне белый плащ с кровавым подбоем дадут? — обидевшись на дочку, обратился к медузе Брок. — Иначе, знаете ли, как все поймут, что я прокуратор?

— О вашем назначении на должность будет объявлено всему населению города. По телевидению, глобальной сети, другим средствам массовой информации. Но если вам непременно нужен белый плащ, будет и он.

— А банкет? — слотнул сыщик, у которого вновь громко заурчало в желудке.

— Банкет не предусмотрен.

— Это как же так? — взметнулся Брок. — Как же, позвольте спросить, без банкета? Это, знаете ли, совсем не по-людски получается. Без банкета у нас, как говорится, и собака не гавкнет. А тут, ну-ка, прокуратор!

— Вам не придется гавкать. Во всяком случае, часто. Тем более, собаки — не люди, им не надо по-людски. Нам тоже.

— Э нет, батенька! — завелся сыщик. — Так у нас дела не делаются. Не будет банкета — не будет прокуратора. Можете меня хоть сейчас аннигилировать.

— Папа, папа, что ты делаешь?! — встревоженно зашептала Сашенька. — Зачем тебе сдался этот банкет? Он ведь тебя точно того...

— Тихо... — в самое ухо дочери, почти беззвучно, сказал Брок. — У меня идея.

— Что у вас за идея? — спросила медуза. — Мой слух совершенен, можете не шептаться.

— Хорошо, — будто решившись на что-то, выдохнул сыщик. — Значит, вы против банкета?

— Категорически.

— А компромисс?

— Озвучьте ваш вариант, — помолчав пару секунд, выдала медуза.

— Банкета в его, так сказать, широком смысле не будет, — мотнул головой Брок. — Но я предлагаю устроить небольшой скромный обед на три персоны. Прямо сейчас. Сбрызнем, как говорится, нашу сделку.

— Папа, я не взяла спиртного, — смутилась Сашенька.

— Ничего, — подмигнул сыщик. — Борщиком сбрызнем. Борщиком даже лучше. — Он с вопросительным прищуром глянул на медузу: — Как вы на это смотрите, уважаемый Подтираю?

— Тру, — поправила медуза. — Плохо смотрю. Обед с нарушительницей невозможен.

— Ладно, — выставил ладонь Брок. — А только мы

с вами? Нарушительница же в счет наказания будет заниматься раздачей блюд и мытьем посуды.

— Я рассчитывал наказать ее более существенно, — с ноткой сомнения сказала медуза. — А именно — отрезать уши, поскольку она не умеет ими слушать приказы.

— Уши?.. — криво усмехнулся сыщик. — Да для нее это — тьфу! Все равно под волосами не видно. А вот раздача пищи и особенно мытье посуды для этого милейшего создания, уверяю вас, настоящая пытка.

— Папа! Ну зачем ты на меня наговариваешь? — вспыхнула Сашенька.

— Ага! — возликовал Брок. — Вы видели, видели, как она покраснела? Я попал в точку.

— Ну, коли так... — совсем по-человечески замялась медуза и махнула щупальцем: — А давайте! Убьем, как у вас говорят, сразу двух зайцев: исполним ваш дурацкий ритуал и накажем нарушительницу.

— Трех зайцев, — поднял почему-то все пять пальцев сыщик. — Еще и вас борщиком накормим.

— Папа, борщика мало, — пробормотала Саша. — Только для тебя. Я же не знала про банкет.

— Ничего, мне для такого гостя ничего не жалко, — стукнул себя в грудь Брок. — Я, так сказать, и котлетками перекантуюсь.

Сашенька пожала плечами, развязала свою убогую котомку и принялась доставать из нее замотанные в полотенца кастрюльки, нарезанный хлеб, посуду, приборы...

— Итак, — произнес Брок, шумно глотая слюну над тарелкой с котлетами, обрамленными желтой горкой пюре. — По нашей, так сказать, давней традиции, необходимо сказать тост. Но я, извиняюсь, так сильно хочу кушать, что ограничусь лишь культовым изречением: «Поехали!»

Сыщик даже не стал закрывать рот, сразу закинул туда рукой — не до церемоний, пока ее вилкой подцепишь! — целую котлету и, даже не жуя, проглотил.

Следом за первой полетели вторая и третья, и лишь затем Брок вооружился вилкой, чтобы сгребать пюре. Удобнее было бы ложкой, но та лежала возле тарелки с борщиком.

— Что же вы не кушаете, мистер... миссис... мисс... — начала перебирать, не зная, что лучше подходит бесполому гостю, Сашенька. Затем все же нашлась: — Наместник Тру, отведайте борщик. Сама варила.

— Фо форфику офа у фас фасфефица, — активно закивал сыщик. — Фмелее, Фру!

— Он владеет древним наречием? — изумилась покачивающаяся возле стола медуза. — Среди тех, на которых говорят современные земляне, такого языка нет, мы изучили все!

— Нет, — хмыкнула Саша, — папа просто не владеет правилами хорошего тона и часто говорит с набитым ртом.

— Что же он, в таком случае, сказал?

— Он похвалил меня и подбодрил вас, ваше превосходительство. Вы и правда кушайте, стынет же борщик, а мне его тут греть не на чем.

Медуза покачалась еще с полминуты, а затем, так и проигнорировав ложку, выдвинула откуда-то из-под зеленого «зонтика» прозрачную длинную трубку и одним махом всосала в себя борщик.

Брок замер с открытым ртом и вилкой с пюре, застывшей на полдороги к нему. Он явно чего-то ждал. И определенно дождался. Медуза стала медленно менять зеленый окрас на синий. При этом она заметно раздувалась, в итоге превратившись в огромный шар со смешными щупальцами-висюльками посередине.

— Саша, отойди к своему столу и быстро лезь под него, — сказал сыщик дочери.

Сам он шустренько доскреб со дна тарелки пюре, облизал вилку и юркнул под свое рабочее место.

— Зачем мы это сделали, папа? — донесся до его слуха приглушенный Сашенькин голос.

— Ну, папа же у тебя идиот, — не удержался

Брок. — Зачем, так сказать, удивляться идиотским поступкам?

И тут грохнуло. Казалось, подпрыгнуло само здание, но, скорее всего, это была только мебель. Запахло борщом и почему-то кроватками. Сыщик выбрался из-под стола. Офис было не узнать — его словно покрасили пьяные маляры в зеленый с бордовыми разводами цвет. Причем, покрасили все, включая стекла на окнах, мебель, компьютеры и папки с бумагами на столах.

— Ого! — услышал Брок возглас дочери. — А милоенько получилось. Живо и весело. Если бы не вонь, можно было бы так и оставить.

— Я ведь как рассуждал, — сидя за кухонным столом, жадно поглощал сыщик сваренный уже супругой борщ. — Если это переодетый человек, то от Сашиного борщика ему определенно станет худо...

— Папа!.. — возмущенно мотнула светлой челкой Сашенька.

— А что «папа»? Я всего лишь, как говорится, констатирую факт. Надеюсь, ты не забыла, как угощала своим борщиком одного нашего клиента, которого потом увезла «Скорая»?

— Она увезла его по другому поводу!

— Но первопричиной-то был борщик, — утверждающе поднял ложку Брок. И продолжил: — Так вот, если бы это был человек, ему бы стало худо. А если бы... я повторяю: если бы! — во что я, разумеется, не верю, — это и впрямь оказался пришелец с другой планеты, то ему бы ничего не сделалось. Видите ли, я привык доверять только фактам. Лишь эксперимент мог расставить точки над «ё». И он их, как вам уже известно, расставил.

— То есть, ты хочешь сказать, папочка, что от моего борщика разлетелся на зеленые, пахнущие кроватками шмотья человек? Обычный человек, житель Земли, умеющий раздуться до размеров дирижабля?

— Ну, на дирижабль он все-таки не тянул, — заметил любящий точность Брок. — На метеозонд максимум.

— Не увиливай от ответа, папа! — стукнула кулаком по столу Саша.

— Да, Олежа, ты уж говори попонятнее, — попросила Ирина, сидящая рядом с мужем и не сводящая с него истосковавшегося, полного раскаяния взгляда.

— Так я же у вас идиот, — отвернул голову сыщик. — Как я могу попонятнее?

— Кто тебе сказал такую глупость? — ахнула Ирина.

— Вот она, — ткнул сыщик ложкой на дочь. — И тот... шарик лопнувший. «Анализ интеллектуальных способностей!», «Мы пришли к выводу!...»... А она поддакивала. Таких, говорит, идиотов, как ты, папочка, только и берут в прокураторы.

— Ну неправда же, папа! — вскочила красная, как пионерский галстук, Сашенька. — Ну не так же все было.

— Может, не дословно, но именно так, — уставившись в тарелку, тихо произнес Брок.

— Папа, я же спасала тебя! — заплакала Саша. — Ну прости меня, пожалуйста...

— Ты и правда не сердись, Олежа, — погладила его по плечу супруга. — Мы ведь тут такое пережили... Ты лучше скажи, так кто же все-таки взорвался: человек или пришелец?

— Пришельцев не бывает, — буркнул сыщик. — А люди так не взрываются. Даже от термоядерного борщика.

Сашенька всхлипнула, но от комментариев на сей раз воздержалась.

— Тогда кто? — не отставала Ирина.

— Не кто, а что. Радиоуправляемая игрушка. Кто-то решил надо мной подшутить. По роду, так сказать, моей деятельности, мне не раз приходилось наступать на больные пятки всяким, извиняюсь за выражение, личностям. Вот и...

— На мозоли, — поправила Ирина.

— Что? На какие мозоли? — заволновался Брок. — Ты натерла мозоли? А ну, покажи. Сейчас мы их зеленочкой...

— Не на мои мозоли, Олежа.

— Ирусик, ты говоришь загадками... Кстати, я все собирался спросить: ты давно знакома с директором рынка?

— Я с ним вообще не знакома. При чем тут директор рынка?

— А при том, — начал задыхаться от волнения и обиды сыщик, — при том, что...

И тут сам собой включился телевизор. Весь экран занял желтый в синюю крапинку «зонтик» медузы.

— Люди Земли! — заговорила она. — Подлые обманщики, притворившиеся беззащитными и безвольными созданиями! Гнусным обманом, не оказав достойного сопротивления, вы позволили... нет, вы буквально вынудили завоевать вас, чтобы потом, исподтишка, пользуясь нашей безграничной доверчивостью, прикрываясь вымышленными традициями, уничтожать наших наместников, применяя химическое средство неведанной силы!.. Нам больно и обидно. Нам обидней втройне, что столь коварный акт смог осуществить представитель вашей презренной цивилизации, интеллектуальные способности которого имеют даже не отрицательные, а мнимые величины. Что же в таком случае готовили против нас остальные? Какие подлости, генерируемые вашими воспаленными желчной хитростью мозгами, предстояло испытать Великой Галактической Империи Фу? Какое будущее вы пророчили ей? Гибель и забвение? Тотальное уничтожение нашей расы, не делая исключения даже икре и малькам?.. Нет, мерзкие земляне, вы этого не дождетесь! Мы покидаем вашу гадкую планетку. Но мы увозим с собой полученные сведения, которые будут анализировать лучшие умы Фу. И уже веков через десять-пятнадцать мы будем знать все тонкости вашей подлой психологии. А еще... а

еще мы непременно создадим средство защиты против вашего супероружия «Борщик». Так живите все эти века в страхе! Трепещите перед неотвратимой сокрушительной мощью Великой Империи Фу! Ха-ха-ха-ха!

Экран погас.

— Ха-ха-ха-ха — это его имя? — спросила Сашенька.

— Фамилия, имя и отчество, — проворчал хмурый, как утро понедельника, Брок.

— А четвертое «ха»?

— У него фамилия двойная.

— Почему ты такой смурной, Олежа? — погладила голову сыщика жена. — Захватчики улетают, Земля опять свободна...

— Ирустик! — резко повернулся к ней Брок. — Не понимаю, как ты, взрослая интеллигентная женщина можешь всерьез воспринимать всю эту, прости за выражение, чушь? Эти дешевые интерактивные шоу, где даже не пытаются достичь хотя бы минимального, не побоюсь этого слова, правдоподобия? Где не уважают зрителя, подсовывая ему вместо живых актеров надувные радиоуправляемые куклы! Мало того, зрителей там прямым, так сказать, текстом оскорбляют. «Интеллектуальные способности которого имеют даже не отрицательные, а мнимые величины», — гнусавым голосочком процитировал Брок. — Это уже ни в какие, как говорится, сани летом!

— Ворота, — поправила Ирина.

— Что «ворота»?

— Ворота, а не сани. И не летом, а всегда.

— Вот именно! — потряс пальцем сыщик. — Именно, что всегда. Завтра же пойду на телевидение и предъявлю им протест!

— А почему не сегодня? — поинтересовалась Саша.

— Сегодня я съел очень много борщика, — погладил Брок ощутимо вздувшийся живот. — Лопну еще, как та надувная лягушка. Правда, я еще чаю не пил.

★ Нальешь мне чайку, Ирусик? Покрепче. Пять ложек сахара. Ну, ты знаешь. И печенюшки какие-нибудь дай, если есть. Или пряники. Или вафли. Или конфетки. Что-нибудь. А лучше — все.

Ирина кинулась выполнять просьбу мужа. Брок терпеливо ждал. Над столом повисло неуютное молчание.

— Папа... — разбила тишину Сашенька. — А ты не допускаешь мысли, что все это было по правде? Пришельцы, захват Земли, борщик?..

— Пришельцев не бывает, — устало вздохнул сыщик. — Захват Земли одной страной, или даже группой стран, при современном уровне вооружений маловероятен, а сразу всеми странами не имеет смысла. Борщик — да. Борщик был по правде, — снова погладил округлившийся животик Брок. — Я бы сказал, кулинарное чудо, прости за грубость.

— Но ведь чудес не бывает, — ехидно прищурилась дочка.

— У тебя они, должен признать, иногда получаются.

— Вот ты только представь на минутку, — подмигнув матери, продолжила прерванную мысль Саша, — что все это было правдой. Но ведь тогда я — спасительница мира! И меня наградят всеми мыслимыми и немыслимыми наградами!..

Голос Сашеньки, зазвенев от волнения, прервался. Ее мама, побледнев, накрыла ладонями рот.

Брок, сделав глоток чая и развернув конфету, усмехнулся:

— Тогда уж наградили бы не тебя, а меня.

— Это почему еще? — возмутилась Саша.

— Потому что именно я не научил тебя варить правильный борщ. — Конфета отправилась в рот сыщика.

— Олежа, ты не совсем прав, — смущенно опустила глаза Ирина. — Это я не научила Сашеньку варить хороший борщик.

— Мы оба не научили, а самостоятельно Алексан-

дра с предметом не справилась — значит, мы все герои, — проглотив конфету и взявшись за пряник, подвел итог сыщик. — Эх, жаль, что кроме Сашиного борщика чудес не бывает.

— Уж лучше бы и правда не было, — вздохнула супруга.

— Почему же, мамочка? — округлила глаза Сашенька. — Награды, слава, богатство — плохо ли?

— Ты представляешь, сколько на Земле стран? И каждая нам благодарна. Да нам же прохода не дают! От благодарственных спичей президентов, премьер-министров, королей, королев, всяких там шахов и матов у нас уши завянут...

Стоило ей это сказать, как зазвонил телефон. Трубку взяла Сашенька.

— Квартира Брокалевых, слушаю вас... Да, Ваше Величество, дома. Нет, Ваше Величество, он сейчас не может говорить, у него во рту пряник. Можете пока со мной покалякать. Как там, в Туманном Альбионе, с погодой — все дожди-дожди?..

ЭЙЛИН О'КОННОР

ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЛО СЛЕДОВАТЕЛЯ ЕРОХИНА

 х и красота же несказанная царила вокруг! На высоком песчаном обрыве среди сосен, смуглых и золотых, гулял свежий ветер. Внизу свободно и широко катила волны Ока, и облака над ней бежали, обгоняя друг друга и отражаясь в высокой синей воде. На другом берегу в изумрудной пойме паслись коровы, с обрыва казавшиеся крохотными, как букашки. Где-то неподалеку наверняка валялся и ленивый пастух, но разглядеть его с такого расстояния было решительно невозможно.

«Божьи коровки», — подумал Ерохин.

Простор, какой же простор! Солнце светит, река сверкает, смолистые капли вспыхивают на слюдяных стволах. Ветер треплет макушки сосен, а еще выше парит, раскинув крылья, ястреб.

Одним словом, благодать.

— Труповозка прибыла, Вась, — сказал неслышно подошедший сзади Угличин.

Ерохин кивнул, не оборачиваясь. Угличин вытер лысину платком, придвинулся ближе и тоже стал смотреть на коров.

— Как он их, а... — В голосе его звучала смесь ужаса и восхищения. — Средь бела дня... И ведь сложил так аккуратненько!

— Угу. Как дрова.

— Тогда уж как говядину в морозилке.

— Если бы в морозилке, — Ерохин сплюнул в черничные заросли.

Хорошо еще, что тела недолго пролежали на жаре: на них наткнулись деревенские пацаны. Пошли на реку купаться — и обнаружили неподалеку от трех палаток «Ладу» с открытыми дверями, из которой хрипло орал певец Лепс.

Тут-то один из мальчишек и заподозрил неладное. Какой владелец бросит машину нараспашку с магнитолой? «Может, пьяные валяются?» — предположил другой. Сунулись в палатку, пошарили за ней и бросились бежать, подвывая от ужаса.

Когда следственная группа прибыла на место преступления, Лепс по-прежнему рвал глотку. Первым делом Ерохин выключил магнитолау, а уж затем приступил к осмотру.

— Я поначалу решил, что тут двое потрудились, — негромко сказал эксперт. — Но сдается мне, Вась, один он был.

— Почему?

— Удары все нанесены левшой. Вскрытие точно покажет, но я бы поставил восемьдесят из ста, что одиночка.

— Одиночка — и шестерых? — усомнился следователь.

— Мож, псих?

— Да уж не грабитель...

Угличин сочувственно покивал. Какой уж тут грабитель, когда ни денег не взяли, ни выпивки. Отдыхающие привезли с собой пару пневматических ружей и стреляли по пустым пивным бутылкам — вон, вся поляна в битом стекле, — но и обе «духовки» валяются в палатке, нетронутые.

А главное, зачем он трупы-то сложил в кучку?

Была у следователя Ерохина одна мыслишка... Похоже, спугнули подростки убийцу. Может, он собирался погрузить тела в повозку, но не успел?

— Земля сухая, песчаная, — словно отвечая на его мысли, сказал эксперт. — Отпечатки протекторов толком и не снимешь.

— Ну хоть что-то есть?

— Что-то есть, — согласился Угличин. — Но что — хрен разберешь пока.

Ерохин еще раз поглядел на пасторальную тишь да гладь на другом берегу, зло пнул осколок бутылочного стекла и пошел обратно к месту преступления.

* * *

«Хоть капля просочится к журналюгам — бошки потрываю», — пообещал непосредственный начальник Ерохина и прибавил несколько идиом, долженствовавших означать, что теперь на него, Ерохина, легла ответственность за благополучие начальственной задницы. И что если он, Ерохин, не оправдывает возложенное доверие, будет ему худо. Поэтому собственному отделу следователь сухо сообщил, опустив цветистые эпитеты:

— Будете языками чесать и клювами щелкать — считайте, у нас открыта новая вакансия на место оперативника. Всем ясно?

В ответ нестройно загудели и забормотали в том смысле, что Ерохин обижает подчиненных недоверием и угрозами.

— Мы тут как бы тоже не пузом кверху валяемся, — подытожил Ваня Гнатюк всеобщий тихий ропот. — Коля пошерстил кой-чего... И кой-чего надыбал, ага.

Ерохин мигом забыл про начальственный гнев.

Гнатюк, довольный произведенным впечатлением, выпихнул вперед самого молодого из отдела — Колю Бубнова, всего полгода работавшего с ними и отчаянно старавшегося доказать, что и он чего-то стоит.

Бубнов, узкоплечий и долговязый парень, неловким

движением убрал белобрысую челку со лба, помялся и пробубнил:

— Короче, я тут того, в архив сгонял...

— Молодец! — одобрил Ерохин, и лицо Коли немедленно пошло красными пятнами от смущения, словно его не похвалили, а забросали переспелыми помидорами. — И что в архиве?

— Короче, это... Кое-что там, в общем, нашлось... Ну я и того... Подумал...

Ерохин вздохнул. Всем хорош парень, и старается так, что аж из штанов выпрыгивает, но вот говорить не мастак.

— Вань, давай ты, — попросил он.

Гнатюк, который заранее знал, что этим все и закончится, и только ждал просьбы, выдвинулся вперед, снисходительно кивнув Бубнову: мол, не мельтеши, твое дело сделано. Коля с облегчением спрятался за спинами, а Гнатюк одернул кургузый пиджачок, жестом фокусника выудил откуда-то картонную папочку и выдвинул ногу вперед, как Ленин на постаменте.

— Ну ты еще бревно на плечо возложи, — раздраженно предложил Ерохин. Из Гнатюка, не пойдя он в оперативники, вышел бы знатный театральный деятель. Иногда это вносило в обстановку необходимую долю шутовства, но временами мешало, вот как сейчас, когда Ерохин был совершенно не настроен изображать замирающую от восторга публику.

— Понял, босс!

Гнатюк мигом сбросил дурашливость и ненужную папочку отодвинул. Все, что там было, он, разумеется, помнил наизусть.

— В общем, Василь Сергеич, инфа пока из прессы, — предупредил он. — Проверять надо. Но вот тут, — оперативник постучал по обложке папки, — три скана с «желтых» статей о том, что в районе Балакирева три раза люди пропадали.

— Давай-ка в деталях.

Село Балакирево стояло в трех километрах от ме-

ста преступления. Опергруппа проезжала как раз через него: добротные дома, сытые небрежливые псы за оградами, на задах пасутся козы... И почти на каждой крыше недопеченными блинами сияют тарелки спутниковой связи. «Не бедствуют, в общем, жители Балакирева», — понял тогда Ерохин.

— Я тебе, Василь Сергеич, лучше заметки покажу, — решил Гнатюк. — Ты глянь свежим глазом, а там обсудим.

Сканы Ерохин сперва пробежал наискось, затем прочитал внимательнее. Подписаны все три статейки были говорящей фамилией Неравнодушный, и картина из них вырисовывалась любопытная. Пожалуй, даже жутковатенькая картина получалась, если верить печатному слову.

А из слов товарища Неравнодушного следовало, что живописнейшее место, поляну на обрыве в сосновом лесу в трех километрах от Балакирева, туристы облюбовали не так давно: всего пару лет назад. Но однажды проложенная народная тропа больше уж не зарастала.

В давние времена приезжие дачники да местные подростки жарким полуднем босиком приходили на реку, замирали на обрыве, любясь открывающейся дивной панорамой излучины Оки, затем с дикими воплями сбегали по крутому песчаному обрыву и плюхались в прохладную текучую воду. Хоть нагишом купайся — никто тебя не видит! На полуразрушенной старенькой турбазе неподалеку даже в сезон набирается не больше двух десятков жителей, да и те так далеко не ходят — плещутся у себя в специально отгороженном лягушатнике.

Директор турбазы давно облизывался на лесной участок, который местные так и называли: Сосновая Поляна. То ли себе дом хотел там поставить, то ли имел наполеоновские планы насчет небольшой гостевой избушки, за ночевку в которой приезжие москвичи да питерцы платили бы неразумные деньги... Как бы там ни было, это дело у него не выгорело: участок

относился к местному лесничеству, и идти навстречу директору (поговаривали, даже за приличную мзду) никто не согласился.

А затем появились первые палатки. Приезжали городские (точнее, условно-городские из ближайших Приокска и Зареченска), разбивали на Сосновой Поляне лагерь, врубали магнитофончик, жарили шашлычки-картошечку, справляли в наспах вырытой яме естественные надобности, а иногда обходились и без ямы: лес есть лес, все сгниет. Привозили с собой детей и собак, разводили костры, ну и по бутылочкам спьяну постреливали, не без этого. В результате бо-сиком по лесу стало не пройти: не осколок поймашешь подошвой, так на консервную банку наступишь (как Лешка, тетя-Тонин внук, распоровший ногу острым краем притаившейся в песке жестянки из-под кильки). Директор турбазы, поговаривали, был страшно недоволен таким наплывом «диких» туристов: шумели они по вечерам, музыку врубали на полную катушку, так что доносилось до его турбазы, и там уже, в свою очередь, возмущались пенсионеры, желавшие тишины и покоя.

По утверждению журналиста, первый раз туристы пропали год назад: двое парней из Зареченска, одному двадцать пять, другому чуть меньше. Говорят, поехали на рыбалку — и не вернулись. Впрочем, были они мутноватыми типами и крутили какие-то темные делишки, так что никто их исчезновению особенно не удивился. Может, удрали, а может, конкуренты прикончили под шумок. Только вот репортер якобы провел расследование и выяснил, что отдохнуть два приятеля отправились не куда-нибудь, а под Балакирево. Там, значит, и пропали.

Второй раз исчезли уже не двое, а трое: два мужичка, только откинувшихся с зоны, а с ними деваха, взятая для увеселения. Уехали и не вернулись. И машина как сквозь землю провалилась, вот что удивительно.

Дочитав до этого места, Ерохин всерьез задумался.

— Вань, надо запросы отправлять. А еще лучше — ножками ехать по отделам и спрашивать, были ли заявки о пропавших. Откуда-то ведь этот журналюга взял материал!

— Кто его знает, взял или из пальца высосал, — проворчал Гнатюк, недовольный поручением.

— Можно я поеду, Василь Сергеич! — вскинулся Коля.

— Можно. А ты, Вань, тогда с журналистом потолкуешь. Как его... с Неравнодушным.

Следователь приблизил к глазам третью статью. Кто там еще пропал?

Ого! А вот это дело он помнил. Владелец мелко-го автосервиса и бывший «браток», а ныне охранник при частном клубе, и с ними жены, всем четверым по тридцать—тридцать два, отправились на отдых. Это вам не бывшие ээки и не два придурка, толкающие «дурь» подросткам, а приличные люди из города Зареченска. Ерохин не связал их исчезновение с Сосновой Поляной, потому что машины пропавших нашлись возле Марьино озера, то есть в тридцати с лишним километрах.

Машины нашлись, а владельцы сгинули. Все четверо. И ни улики, ни свидетелей.

Правда, тогда, помыкавшись, решили все-таки, что имел место несчастный случай. Марьино озеро — хитрое, с ледяными подземными ключами и глубокими омутами, в которых на дне поджидают толстобрюхие усатые сомы. Если, скажем, один мужик пошел ко дну, ему на помощь кинулся второй, а за ними и бабы ихние... Могли потонуть? Могли, отчего же нет. Особенно по пьяной лавочке. Но тела-то тогда где? Обыскивали ведь дно озера, даже водолазов привлекали... Ничегошеньки в воде не нашлось.

«Допустим, — рассудительно ответил самому себе Ерохин, — озеро громадное, обыскали на раз-два, лишь бы отвязаться. Трупы рыбы объели, а косточки... Косточки, предположим, в ил засосало».

Вот-вот. Именно этим объяснением и удовлетворилось следствие полгода назад.

Журналист же писал: родственница пропавшего охранника утверждала, будто в последний момент тот с другом передумали и решили рвануть не к ледяному Марьину, а на Оку. Вроде как собирались остановиться на поляне дивной красоты, на высоком обрыве...

— Но джипы-то нашлись возле озера! — не выдержал Ерохин. — Что за чертовщина...

— А если перегнали тачки? — предположил Гнатюк.

— А убивали зачем?

Опер развел руками.

— Может, и не убивали, — вступил молчавший до сих пор Валя Яценко. — Тел-то не обнаружили! Допустим, сидят они у какого-нибудь придурка в погребке...

— ...и обслуживают его извращенные потребности, — закончил Ерохин. — Может, и так. Но у нас-то — мокруха! Так что давай-ка ты, Коля, по отделах, ты, Вань, кровь из носу достань нам журналиста, а мы с ребятами разгребем то, что останется.

К обеду следующего дня Ерохин мрачно изучал все, что выяснилось за последние сутки.

А выяснилось нехорошее.

Во-первых, прав был эксперт, предположивший, что вчерашний убийца действовал один. Все удары были нанесены топором, причем били слева. Вышло, что в лесах возле Балакирева бродит левша огромной физической силы.

Во-вторых, тайная надежда, что журналист врет, развеялась с возвращением Коли Бубнова. В районных отделах действительно были зарегистрированы заявления о пропавших.

В-третьих, отыскалась та самая двоюродная сестра исчезнувшего охранника. И подтвердила, что да, Виталик собирался поменять планы, но никому об этом

не рассказывал, кроме нее. И по описанию сказочного места, куда задумали ехать Виталик с директором сервиса, выходило, что это не что иное, как Сосновая Поляна.

Настоящая фамилия журналиста оказалась Прилучный. Но кроме этого, больше ничего в редакции оперативнику сообщить не смогли, кроме того, что Прилучный — мужчина в летах.

Ерохин потерял лоб, ослабил верхнюю пуговицу сорочки. Многие следователи из молодых в жару позволяли себе светлые хлопковые штаны и даже футболки, но Василь Сергеич был не таков и распушенности не одобрял. Брюки отглаживал каждое утро сам, до твердой стрелки — это у него был ритуал вроде бритья. А после того, как ушла жена, устав пилить его за безденежье и неподходящую для без пяти минут пенсионера работу, в своих привычках только еще сильнее укрепился. В прокуратуре над ним посмеивались, называли «наш старикан», и хотя Ерохин никому бы в этом не признался, в том числе и себе, прозвище его огорчало.

— Валя, кто у нас жертвы? Выяснили?

— Так точно, босс!

— Давай докладывай.

Яценко расправил широченные плечи, покрутил головой, так что в шее громко хрустнуло, и доложил.

Трое мужчин и три женщины. Всем от двадцати трех до двадцати пяти лет. Две пары состоят друг с другом в зарегистрированных отношениях.

— Семьи, значит, — перевел на человеческий язык Ерохин. — Детишки-то есть?

Нет, детишек не было. «Ну и то слава богу, — подумал Василь Сергеич, — а то остались бы сироты». Но вслух не сказал — нечего сантименты разводить.

Один из мужчин трудился контролером в общественном транспорте, двое подрабатывали от случая к случаю на стройке. Женщины временно безработные, кроме старшей, торговавшей на местном сельхозрынке.

Ну и зачем нужно убивать работяг-строителей и контролера?

— Что со следами протектора?

— Пока не ясно, Василь Сергеич. Эксперт над ними колдует, но почва... сами понимаете.

«Свалят все на залетного наркомана», — со злостью подумал Ерохин. Хотя наркоманом тут и не пахло. Нарик забрал бы все, включая колышки от палатки.

Кто же, кто? И зачем?!

— Валентин, проверь побегі за последние три недели. А ты, Гнатюк, собирайся: поедem с директором турбазы побеседуем.

* * *

В открытое окошко машины повеял ветерок, и Ерохин облегченно подставил ему лицо.

— Василь Сергеич, а Василь Сергеич... — Гнатюк сосредоточенно объезжал рытвины на разбитой, как челюсть уличного драчуна, дороге.

— Ась?

— У меня пропавшие из головы не выходят.

— Есть идеи?

— А может, их того... инопланетяне похитили?

— Нахера? — лаконично поинтересовался Ерохин.

— Ну... типа, чтобы послужили науке!

— Чучело набить, что ли? И в инопланетный зоологический музей?

— Вроде того.

— Тогда чего же этих шестерых прикончили?

Гнатюк задумался, попал колесом в яму и матюгнулся.

— А эти сопротивление оказали, Василь Сергеич. Не пожелали — экспонатами.

— Из нас тобой самих экспонаты сделают, если результата не выдадим, — напомнил Ерохин. — Там, —

он ткнул пальцем в крышу машины, — из кожи вон лезут, чтобы шумиха не поднялась. Только она ведь все равно поднимется, Вань.

— Шесть трупов в одном мешке не утаишь, — неуклюже сострил Гнатык.

Ерохин укоризненно покосился на него, но ничего не сказал.

На вчерашнем месте преступления не стояло ни одной палатки... Значит, просочились-таки слухи в народ. Испугались люди, теперь какое-то время будут стороной обходить это место, пока не отыщется дерзкий и не вылезет вперед со словами: «А что такого! Подумаешь, люди каждый день на улице помирают. Что ж теперь, и по улицам не ходить?»

И станет здесь снова все как в последние пару лет.

— Как прежде не будет больше, — проворчал Гнатык, попав в унисон с мыслями Ерохина. — Дурная слава пошла у этой поляны. Жалко — место-то красивущее!

Директор турбазы оказался суетливым мужичком с хитрыми глазками. «Жук», — охарактеризовал его мысленно следователь.

— Не знаю, не видел, не привлекался! — Мужичок поднял руки вверх, словно сдаваясь, и подмигнул Ерохину.

— В нынешней ситуации ваши шутки неуместны, — сухо сказал Василь Сергеич.

Знавал он таких типчиков! Сразу на своем языке начинают жужжать, проверять: наш ли ты, братец? Такой же жучила, как и мы? Договоримся, а? Не успеешь обернуться — и уже сам трепещешь надкрыльями и катишь навозный ком в норку.

Директор посерьезнел, глазки опустил, покивал:

— Такая трагедия, такая трагедия! Чем я могу помочь?..

— Где вы были, Ашот Львович, тринадцатого июня с десяти до двенадцати утра?

— Тут был! Мамой клянусь! — Горькая обида отразилась на лице. — Вы что, подозреваете меня?!

— Есть те, кто может подтвердить ваши слова?

— Да весь пансионат!

— То есть два с половиной инвалида, — под нос буркнул Гнатюк.

— Вам и двоих хватит! — окрысился Ашот Львович. Не выдержал-таки роль оскорбленной невинности.

Опросили свидетелей, и не двух с половиной инвалидов, а всех, с кем оперативники накануне не успели поговорить. Не соврал директор. Да и, говоря откровенно, не мог следователь представить пузатого Ашота бегущим с топором по лесу за отдыхающими гражданами. Вот нанять кого-то — это в его духе, пожалуй.

— Вы бы не честных людей тревожили, — заблажил напоследок директор, — а пасеку проверили! Там оч-чень сомнительный тип обитает. Глухой, между прочим!

— Тоже мне, честный человек, — фыркнул себе под нос Гнатюк, нахлобучивая кепочку, когда вышли из директорского кабинета. — Такой кус земли хотел отхряпать!

Они собирались уже было идти к машине, но тут Василь Сергеич заметил кое-что неожиданное. Черный «Лендровер» с московскими номерами (две цифры из номера зачем-то прикрыты радужным сиди-диском) медленно протасился за кустами шиповника, возя тяжелым брюхом по колею.

— Вань, дуй в Балакирево, прошерсти народец еще раз, — рассеянно попросил Ерохин, провожая взглядом «Лендровер».

— А ты?

— А я еще здесь поброжу, — неопределенно ответил Ерохин.

Двигаясь под прикрытием кустов шиповника, он медленно последовал за «Лендровером». И почти не удивился, когда тот остановился возле маленького

коттеджа — единственной новой постройки во всем пансионате. Коттедж смотрелся бы совсем чужеродно посреди окружающих его обшарпанных корпусов, если бы не был поставлен в отдалении и густо укрыт зарослями боярышника. Сквозь эти заросли, в которых роились и визжали злые комары, Ерохин и продрался к приоткрытому окошку.

— ...шныряет вокруг, сука... — тяжелым басом уронили внутри.

— Два дня уже, говорят, — добавил второй голос.

Третий пробурчал что-то неразборчиво, но с отчетливо начальственными интонациями. Ерохин хотел уже обойти коттедж и заявиться, как положено, через дверь, но внезапно его подергали за локоть.

Василь Сергеич едва не подпрыгнул. За спиной стоял таджик с непроницаемой физиономией и протягивал ему пиджак.

— У Ашота забиль, — громко сказал таджик. — Ашот мне говорит: догони, отдай, хорошая вещь! Жалько будит, если патирышь!

— Благодарствую, — сквозь зубы процедил Ерохин. — Ты бы еще рупор взял, дружок!

Парень всей плоской смуглой физиономией выразил непонимание. Развернулся — и потопал сквозь кусты напролом, как медведь, ломая ветки.

Когда вспотевший и искусанный комарами Ерохин обошел коттедж и толкнул дверь, внутри уже никого не было. И «Лендровер» укатил.

Дорогу до Балакирева Ерохин решил срезать через поле. Пиджак повесил на локоть, рукава у рубахи закатал, соломинку в рот сунул — и двинулся через душистое разнотравье, ориентируясь на поднимающуюся за дубравой макушку сельской церкви. Припекало здорово, но Василь Сергеич все равно упрямо пер через луг, не прячась в тени дубов. Когда еще получится надышаться таким воздухом!

Раз-другой в месяц Ерохину удавалось выбраться в деревеньку к дрыхлющим родителям. Места своего

детства он очень любил и прямо-таки душой оживал, отдохнув там пару дней. Но год назад соседский участок купил бывший таксист Вова, бойкий наглый парень из Владимира, и не стало приезжающему Ерохину покоя. Новый сосед для начала завел брехливого дурного алабая, пугавшего диким лаем мать Василь Сергеича. Привозил компании друзей с визгливо хохочущими девками, каждый раз новыми. Орали на участке, матерились, слушали музыку. «А чо, законом не запрещено!» — рассмеялся парень в лицо Ерохину, когда тот попросил приглушить «радиозону». Сосед пожилого следователя не боялся, хамил вежливенько, с улыбочкой. А один раз, когда Ерохин, предвкушая удовольствие, отправился ранним утром на рыбалку, промчался перед ним по реке на водном скутере, перепугав не только рыбу, но и самого Василь Сергеича.

Нет-нет, надо было успевать надышаться, наглядеться, насладиться изнемогающим от жары летним днем, наполненным до макушки стрекотом кузнечиков и утробным гудением счастливых шмелей.

Кряхтя по-стариковски о том, что все меняется к худшему, Ерохин вошел под своды дубравы. Впереди за деревьями промелькнули какие-то выбеленные руины, и он прищурился. Это еще что?

Оказалось — заброшенный дом. Вернее — контуры дома, словно труп обводили на земле мелом. Все растащили по кирпичикам, только одна стена сарая, исписанная похабщиной, отчего-то осталась нетронутой.

Василь Сергеич увлекся мысленной реконструкцией жилища, а потому шаги за спиной услышал слишком поздно. На голову махом надели что-то темное, мазнув по носу грубой мешковиной, руки скрутили за спиной — и Ерохин потерял опору под ногами.

Извивающегося и мычащего следователя протаскивали шагов тридцать, поднимали вверх. А потом он почувствовал, что летит. Впрочем, свободное падение было недолгим. Ерохин брякнулся на бок, вскрикнул от боли, перекатился на спину и замер, ожидая продол-

жения. Почему-то ему казалось, что должен грянуть выстрел. Однако выстрела не последовало. Над его головой пошуршали, кто-то коротко бормотнул. И наступила тишина.

Он осторожно пошевелил руками... Свободны! Одним рывком Василь Сергеич сорвал дерюгу с головы и заморгал недоуменно, не сразу поняв, куда попал.

Над головой синел аккуратно вырезанный квадратик неба. Пахло затхлостью и гнилью, бревенчатые стены сходились близко-близко, по ним расплзался желто-зеленый склизкий мох. Под спиной что-то зашуршало, и в мозгу ошарашенного следователя стрельнуло ужасом: змея! Одним прыжком он вскочил и прижался к противно холодной стенке.

Никакая не змея. Просто сухая ветка треснула под его тяжестью.

Ерохин вытер со лба холодный пот и оценил обстановку.

Он был в колодце. Судя по всему, очень старом и, на его счастье, много лет заброшенном. Когда-то закидали его землей, потом сверху падали листья с дубов, листья прели, на них ложились новые — и так до тех пор, пока сюда не свалился следователь Ерохин.

Глубокое недоумение по поводу того, кто осмелился проделывать такие штуки со следователем прокуратуры, Василь Сергеич засунул подальше. Сейчас нужно было понять, как выбираться отсюда.

«А ведь дела мои не так уж хороши», — понял Ерохин, когда первая волна эйфории прошла. Поначалу ему показалось, что все неплохо: руки-ноги-позвоночник целы, до края колодца рукой подать, а если он сам и не выберется, то Гнатюк пойдет искать шефа и рано или поздно наткнется на него.

Но вскоре Василь Сергеич более здраво оценил обстановку.

До края колодца было полтора человеческих роста, однако преодолеть их самостоятельно он был не в силах. Ерохин трижды подступался к стенам, пытаясь карабкаться — и трижды срывался. Вроде и падать

невысоко, но когда в спине что-то гнусно хрустит, задумаешься, прежде чем повторять попытку. И потом, есть шанс, что Гнатюк, не дождавшись шефа, вернется в город. Телефон у Ерохина не то выпал, не то вытащили нападавшие. К тому времени, когда начнутся серьезные поиски, он просидит тут не меньше суток.

И пиджак стырили, суки!

Воды нет. Еды нет. Ночью заморозки. Уже сейчас промозглая стылость ползет по ногам и подбирается к пояснице. А если те, кто запихнул его сюда, додумаются подбросить улики в другое место (например, пиджак оставят на берегу Оки), то никто и не сунется в эту дубраву. Будут исследовать дно реки, пока Ерохин тихо подышает в неглубоком засыпанном колодце, вот что обиднее всего! А когда найдут его, решат, что сам свалился сюда по глупости. Несчастный случай! И останется он в памяти всего отдела как старый идиот, погибший нелепой смертью.

От этой мысли Ерохин прямо-таки рассвирепел. Руки-ноги растопырил, укрепил себя в положении распорки прямо над кучей листьев — и давай понемногу ладони и ступни вверх передвигать...

Только надолго его не хватило. Подогнулась одна нога — и брякнулся Василь Сергееч обратно, как мешок навоза с телеги. Даже выругался матерно с досады, чего давно себе не позволял. «Ну так меня и в колодцы давненько не зашвыривали...»

Ерохин сел в углу, обхватил себя руками. Как-то очень быстро холод проник до самых костей и словно заполнил их изнутри. Страшно представить, каково тут будет ночью.

— Ах ты старый пень! — обругал себя Ерохин. — Давай, ползи! Выбирайся отсюда!

И пополз, куда деваться. На этот раз вышло лучше — почти половину пути преодолел Василь Сергееч, прежде чем какой-то шум наверху заставил его вскинуть голову — и от этого простого движения весь его организм словно судорогой свело. Ерохин завопил и снова полетел вниз.

★ Подождал, тяжело дыша. Никто не появился. Значит, не добивать его пришли. А раз так, поехали снова.

Василь Сергеич поднялся, закусив губу, и принялся карабкаться по стене, раскорячившись подобно крабу.

И ведь получилось! Ну, почти получилось. У самого верха, когда совсем чуть-чуть оставалось до высохшей на солнце доски в глубоких трещинах, Ерохин ощутил предательскую дрожь в коленях и почувствовал, что сейчас свалится капитально. Откуда-то пришло к нему понимание, что на этот раз ушибами не отделаться. «Позвоночник сломаю», — с ужасом, который он тщетно пытался заглушить, подумалследователь. Представилось ему, как он лежит на дне колодца с переломанным хребтом, как долго мучительно умирает, и от этого жуткого видения остатки сил покинули Василь Сергеича окончательно.

Но за миг до того, как его дрожащие пальцы разжались, кто-то схватил его за шкурку и рванул наверх, к теплу, воздуху и жизни. словно ангелы вознесли Ерохина к себе.

Следователь тяжело перевалился через край колодца и шмякнулся на землю.

— Ты что ж, мил-человек, другого прохладного места не нашел? — прогудели над ним.

Василь Сергеич перекатился на спину и попробовал сесть, но тело не слушалось. Спаситель протянул ему руку и помог подняться.

— Скинули меня туда, — стуча зубами, ответил Ерохин, нервно оглядываясь и еще не до конца поверив, что помощь пришла так быстро.

— Нету здесь никого, нету, — успокоил мужик, правильно поняв его беспокойство. — Да в эту дубраву отродясь никто не ходит, кроме чужаков. Тут клещей полно. Дубы же!

Он обвел рукой лес. Ерохин взглянул на него пристальнее.

Здоровенный, загорелый докрасна, голубоглазый. Лицо умное, насмешливое, в ранних морщинах. На

голове какая-то странная сетчатая конструкция, а за ухом проводок торчит... «Глухой»!

— Ты пасечник! — догадался Василь Сергеич.

— Он самый. Илья!

— Василий! — Ерохин крепко пожал протянутую ладонь.

— Пойдем-ка ко мне на пасеку, Василий, тебе хлебнуть надо. На тебе лица нет. Да и милицию вызовем. Или как она там сейчас зовется... Полиция?

— Я сам милиционер, — буркнул Ерохин.

— Будет врать!

— Чесслово.

Пасечник покосился на следователя, но, кажется, не особо поверил. «За кого ж он меня принимает?»

Разъяснилось это на пасеке. Улы гудели так, словно их вот-вот должно было разорвать изнутри. Ерохин пчел побаивался, а провожатый его шел спокойно, словно и не было вокруг сотен жужжащих насекомых.

— Журналист ты, — уверенно сказал Илья, пока Василь Сергеич жадно глотал прохладное пиво и приходил в себя. Домишко рядом с пасекой стоял малюсенький, ну прямо-таки туалетная будка, однако же нашлось в этой будке все необходимое. За домиком ржавела старая, выдавшая виды «Нива» с прицепом. — Разведываешь, что тут у нас за дела творятся на Поляне.

И тут до Василь Сергеича дошло: а ведь эти, которые его сбросили, решили точно так же! А он-то голову ломал, что за отморозки покусились на жизнь аж целого следователя прокуратуры?

— А ты его видел, того журналиста?

— Я — нет, а деревенские видали.

— И каков он собой? — напряженно спросил Ерохин, предвидя ответ.

— Да такой же, как ты, — рассмеялся пасечник и подмигнул, словно подыгрывал его игре. — Мелкий, седой.

— Ну уж мелкий! — обиделся Василь Сергеич.

— Ладно-ладно, не сердись! — Илья примиритель-

но улыбнулся и подлил еще пива. — Для меня все мелкие.

Ерохин быстро складывал в уме новые факты. Журналист, значит, мелкий и седой. А «Лендровер» — большой и черный. И те двое из «Лендровера» говорили, что двое суток кто-то шныряет вокруг, причем это обстоятельство их ни в малейшей степени не радовало...

— А скажи мне, Илья, — задушевнейшим тоном начал Василь Сергеевич, — зачем это к вам солидные люди на московских номерах наведываются?

Пасечник улыбаться перестал, голову склонил набок. Ерохин заметил, что слуховой аппарат Илья успел вытащить, и мимоходом удивился: что ж это получается, он нормально слышит?

— Ты о чем, Вась?

— О том, что я следователь прокуратуры, — уже нормальным своим сердитым голосом сказал Ерохин. — Удостоверение в пиджаке осталось, а то бы показал. А московская братва приняла меня, как и ты, за журналиста и едва жизни не лишила. Что это значит, сечешь?

— Что?

— Во-первых, что совсем оборзели, берегов не видят. — Ерохин загнул один палец. — Во-вторых, что им есть что скрывать. Ты местный, все дела знаешь. Так объясни мне, за что шесть человек полегло?

Когда полчаса спустя «уазик» Гнатыюка подъехал к пасеке, оперативник обнаружил шефа курящим на крыльце.

«Вот те раз! Он же бросил!»

Вид у обычно собранного Ерохина был усталый и зверски потрепанный. По телефону с чужого номера шеф ничего объяснять не стал, только сказал, где его найти.

— Василь Сергеич, что случи...

— Поехали, Вань. — Ерохин с силой загасил сигарету в пепельнице. — Все разговоры по дороге.

...Выслушав версию Ерохина от начала до конца, Гнатюк свернул на обочину и встал, забыв включить аварийки.

— Хочешь сказать, они все это затеяли из-за куса земли? — недоверчиво спросил он.

— Из-за очень дорогого куска земли, — поправил Ерохин. — Пасечник говорит, он видел план застройки. Они не просто избушку на курьих ножках хотят там забабахать, Вань. А отель! Даже название придумали: «Гнездо».

— Почему гнездо?

— Потому что высоко.

— А-а-а...

Гнатюк снова замолчал.

— А доказательства, Василь Сергеич? — спросил он наконец. — Нету же ничего, кроме рассказа этого пчеловода. Ты сам-то почему ему поверил? Может, он врет, как шлюха с триппером.

— Почему поверил? — усмехнулся Ерохин. — Я тебе объясню. Потому что эти двое из ларца меня пытались прикончить безо всяких там реверансов. Ни поговорить, ни припугнуть, ни денег сунуть! Смекаешь? Они по-простому решают проблемы. Вот появился журналист, который вынюхивает насчет продажи старого пансионата и незаконного расширения земель за счет территории государственного природного заказника. Журналист не простой, а въедливый: раскопал подробности прежних исчезновений людей и даже попытался привлечь внимание общественности. Один раз ему это не удалось, второй не удалось — а ну как третий удастся?

— Да что там какой-то журналюга! — не выдержал Гнатюк. — У этих московских все сверху донизу куплено, чихали они на разоблачения.

— Этого мы с тобой не знаем. Люди приезжают потихому, номера маскируют, сидят настороже. Ты думаешь, Ашот по доброте душевной за мной своего человечка послал? Нет, он пытался предупредить тех, из коттеджа: мол, шпионят за вами, ребятки. А те, не ра-

зобравшись, попытались меня убрать. Да так, чтобы все списали на несчастный случай. Никто бы не заморочился журналистом, сломавшим шею в колодце.

— Выходит, все убийства — чтобы дурная слава о Сосновой Поляне пошла?

— Верно. Чтобы народишко отвадить, Вань. Иначе больно много вони могло подняться, когда люди застройку бы увидели.

Гнатюк приоткрыл окно, закурил и нервно выпустил дым. От пронесившихся мимо фур «уазик» покачивало, как на волнах.

— Не может такого быть, Василь Сергеич! — сказал он наконец, не глядя на Ерохина. — Что хочешь со мной делай — не поверю. Что директор-ворюга решил собственный пансионат разорить и сбегрить за-летным бизнесменам — соглашусь. Что руки он собирает на этом нагреть — ни секунды сомневаться не стану. Что служба безопасности у бизнесмена из бывших урок набрана — легко допущу. Но чтобы они за-ради этого бизнеса весь последний год туристов истребляли? И все только для того, чтобы людишки возмущаться не начали? Да ни в жисть! Мы ж для них — тьфу! плесень! — Гнатюк поднял руку и с демонстративной брезгливостью растер что-то невидимое в пальцах. — Ты что же, полагаешь, они из-за всяких приокских колхозников станут утруждаться и под вышку себя подводить? — Он приоткрыл дверь и сплюнул на траву, туда же метко бросил окурок. Окурок зашипел и погас.

— Прости уж, Василь Сергеич, да только херня это все, — подытожил Гнатюк. — Не там ты роешь.

* * *

Вернувшись в отдел, Ерохин отдал необходимые распоряжения, доложил начальству и закрылся в своем кабинете. Ему надо было подумать.

Увы, пораскинуть мозгами толком не дали: в дверь

постучали, и в комнату вкатился жизнерадостный эксперт Угличин, помахивая пачкой снимков.

— Я ведь по твою душу, Василий, — обрадовал он. — Значитца, смотри сюда: видишь следы протекторов?

— Ну вижу, — хмуро согласился Ерохин, рассматривая фотографию.

— А ты чего какой невеселый? Зря, зря. Глянь-ка внимательнее: видишь, вот тут машина поворачивала?

— Угу.

— Колеса видишь?

— Следы колес, — уточнил дотошный Ерохин.

— Само собой!

— Вижу. И что? Мы с тобой вчера это уже рассматривали.

— Верно. Но вот что мы не рассмотрели, так это вот такууусенькую линию...

Эксперт сунул под нос Ерохину другой снимок и провел по нему карандашом. Василь Сергеевич нахмурился. Никакой линии он не видел, хоть тресни.

— Что мы здесь наблюдаем? — учительским тоном осведомился Угличин. — А наблюдаем мы здесь, товарищ Ерохин, не что иное, как перекрытие следов колес автомашины следами другого транспортного средства.

И тут следователя осенило.

— Прицеп! — ахнул он.

— Вот именно! — эксперт лучился довольством. — Видно только при повышенном контрасте и сильном увеличении. Но я тебе с высоты моего, без дураков, немалого опыта зуб даю, Вася, что здесь проезжала тачка с прицепом. Может, даже и коронку поставил бы на кон. Керамическую.

Некоторое время Ерохин без выражения смотрел на фотографию.

— Старый я стал, — наконец сказал он. — Списывать меня пора, Саша.

— И спишут! — успокоил эксперт. — Будешь тогда лежать на травке и поплевывать в потолок.

«На травке, — повторил Ерохин, когда Угличин ушел, напевая под нос «Интернационал». — И в потолок поплевывать».

Он поднял трубку.

— Машина мне нужна. Да, снова в Балакирево. И вот еще что...

Пчелиный хор нестройно распевал акафисты, и травы дурманили голову, и солнце заходящее простреливало каждый дубовый лист золотой стрелой. Небо, набрав густой синевы, переливалось через край. Той же тропой, которой его сегодня уже вели однажды, Ерохин прошел к пасеке и остановился недалеко от улья.

Пасечник сидел на крыльце, разложив руки запястьями кверху на коленях — не то молился, не то ловил вечерние лучи.

— Вот с рукой ты напортачил, — издалека сказал Ерохин.

Пасечник осторожно согнал с запястья присевшую пчелу.

— Да-да, именно это, — согласился Василь Сергеич, шагнув ближе к убийце. — Когда ты помогал мне подняться, протянул левую. А когда здороваться стал — правую. Это все потому, Илья, что первое действие у тебя было произвольное, а второе осмысленное.

Пчела сделала круг и снова вернулась на запястье.

— Ты левша, голубчик мой, — с сожалением сказал Василь Сергеич. — И постарался сей факт скрыть. Зачем, спрашивается? Потому что знал, что искать мы будем левшу. Кстати, все равно зря старался. Твой прицеп следы оставил в лесу.

— Так и думал! — Пчеловод раздосадованно щелкнул пальцами. — Вот что значит в спешке все делать...

— Ты что же, хотел тела погрузить в прицеп?

— Хотел, — спокойно кивнул Илья. — Да не успел. Балакиревские пацаны заявили, надо было сматываться. Если б не они, я бы и следы замел, как всегда, и от этих шестерых ничего бы не оставил.

Ерохин подумал и присел на корточки, привалился спиной к дождевой бочке. Страшно ему отчего-то не было. Солнце светило в глаза, и он приложил руку козырьком ко лбу.

— Остальных — тоже ты?

— А кто же! — удивился пасечник. — Потихонечку, помаленечку...

Он ласково провел пальцем над пчелой — будто гладил воздух.

— А машины куда девал?

— Одну к Марьину озеру отогнал, чтобы ментов с толку сбить, — рассудительно отозвался пасечник. — А другую в болоте утопил. Тут у нас такие болота, Василий, — танк можно схоронить, не то что легковушку.

Пчела, наконец, снялась и тяжело полетела домой, к улью. Ерохин смотрел на загорелого голубоглазого великана, улыбающегося ей вслед.

— Зачем же ты, Илюша, такой грех на душу взял?

Пасечник перевел на следователя непонимающий взгляд.

— Ты о чем, Вася? Какой такой грех?

— Людей ты убил, Илья, — ласково, словно разговаривая с ребенком, напомнил Ерохин. — Многих людей. Вчера вот шестерых, до этого четверых и прежде троих...

Василь Сергеич осекся. Пасечник от души смеялся. В лесу отозвалась свистом какая-то пичужка.

— Какие же это люди? — мягко и в то же время снисходительно сказал Илья, отсмеявшись. — Ты, Вась, глупость сморозил, честное слово! Это не люди, это совсем другие существа. Не хомо сапиенсы даже.

Он поднялся, и Ерохин быстро опустил руку к кобуре. Но пасечник зашел в дом и почти сразу вернулся с двумя кружками.

— Не пиво, квас. — Он протянул одну следовательно. — Домашний!

Василь Сергеич сжал ледяное стекло в ладонях. Илья отпил, как ни в чем не бывало, и вытер ладонью губы.

— Фух! Хорошо! Так о чем мы с тобой?..

— Про хомо сапиенсов.

— Точно. Василий, ты же умный человек. Неужели ты в самом деле думаешь, что вот эти, которых я кончил, — они из наших, из людей?

— Думаю, да, — очень серьезно сказал Ерохин.

Пасечник сдвинул брови и некоторое время пристально смотрел на него. Затем отставил кружку в сторону.

— Ты не шутишь? Да видел ли ты их, Вася? Видел, что они делают? Ты посмотри вокруг! — он взмахнул рукой. — Глянь, какая красотища! Река течет, сосны шумят! Какому человеку придет на ум все это изгадить и испортить? Нет такого человека! Может, один выродок найдется на тысячу, да и тот умом тронувшийся. А эти... — он сжал кулаки. — Сосны рубят для костров. Бутылки расстреливают. Вся земля в осколках, вся изранена! По соловьям из духовушек палят, тыц-тыц-тыц свой врубают, так что лес содрогается! А дерьма от них сколько! Бывает, придешь — и вся поляна в кучах, будто стая больных кобелей дристала! А это всего лишь одна семья приезжала отдыхать. И все в мусоре, все в гадости! — Он тяжело перевел дух. — Я давно понял: это для них не родное место, не родная земля. Они не отсюда, Вася! Это лимита понаехавшая, с другой планеты! Не знаю, зачем они здесь. Может, базы готовят для своих кораблей. Поработают тут, испортят все что можно — и вернутся к себе, на какой-нибудь Ыхдыщ. А может, и того хлеще — это и есть самый натуральный захват. Тайный и бескровный. Только нам ведь с того не легче, что уроды инопланетные не ресурсы с нашей Земли качают, а попросту превратили ее в туалет планетарного масштаба!

Ты видел, как они на соснах матерщину вырезают? Как в песок на берегу консервные банки закапывают? Слышал, как орут не переставая? Нет, Василий, никакие это не люди, — с глубоким убеждением сказал он. — Это — чужие в исконном значении слова. Враги. Твари, которых надо уничтожать. Двух прикончишь, трех, двадцать трех — глядишь, оставшиеся задумаются. Испугаются. Не станут соваться больше туда, где их брат пропадает. А я за ними грязь и мерзость приберу, сосны залечу, песок прибрежный почищу — и понемногу снова станет можно жить.

Пасечник одним глотком опустошил кружку и с громким стуком поставил на крыльцо.

— Я ведь когда первый раз на этих уродах наткнулся, глазам не поверил. — Он доверительно подался к Ерохину. — Но еще не понял, кто они такие. Наивный был, глупый. Вышел к ним и говорю по-человечески: что ж вы, братцы, делаете? Зачем все вокруг портите? Вроде как приехали красотой любоваться, и сами же ее превращаете в помойку. — Он сделал паузу. — Двое их было, молодые парни.

— А они? — после недолгого молчания спросил Ерохин.

— А они давать ржать! И гогочут-то не по-нашему. У них смех другой, не замечал? Не могут они наши голоса в точности повторить, все у них не то визгливо, не то гнусаво выходит. Речевой аппарат, я так мыслю, иначе устроен.

— Тогда ты их и прикончил? Тех двоих?

— Не сразу. Сначала стыдить пытался. Потом махнул рукой, сам пошел мусор по поляне собирать. Тут один в меня пивной банкой кинул.

Ерохин на секунду прикрыл глаза, представив.

— А второй ружьишко наставил, — спокойно продолжал Илья, — и говорит: ползи сюда. Раз ты такой чистоплотный, будешь мне ботинок от дерьма облизывать.

Пасечник покачал головой с тихим недоумением:

— Ну люди разве, а? Нет, конечно. Когда до меня это дошло, все остальное легко стало.

Посидели молча, слушая угасающее пчелиное гудение. Солнечный луч мазнул теплом Ерохина по щеке.

— А другие? — вздохнув, спросил он. — Те, у которых ты машину на озеро отогнал?

— Да в точности такие же! — рассмеялся Илья. — Вася, ты пойми: они все одинаковые! Все как под копырку слепленные. Ну бывает, еще собаку заведут — я так полагаю, мимикрировать пытаются. Но ведь и собаки у них получаются поганые, злобные: детей кушают, кошек рвут.

Ерохин вспомнил соседского дурного алабая и дернул головой.

— Ты подумай, Вася, — воззвал пасечник, — какой мерзостью надо быть, чтобы даже собак портить! И так со всем, к чему они прикасаются. Так что у нас с тобой, как у представителей человеческой расы, только один путь: истреблять эту гадину везде, где только ни увидишь. Иначе они нас задавят, Вася. Численностью задавят!

Он поднялся и расправил плечи. Край тени коснулся Ерохина.

— Пока что они маскируются. Под людей косят! Но если их не выжигать каленым железом, они притворяться перестанут, и очень скоро! Их ведь все больше и больше здесь высаживается. Запоминай: морды свои они не любят светить, тачки тонируют наглухо. Ходят всегда группами, по одному этих уродов редко встретишь! Но самый верный признак: всегда вокруг них дерьмо и разорение. Нельзя нам бездействовать, никак нельзя! Сожрут они нас, Вася, и не подавятся.

— Как это? Поработят, что ли? — с кривой усмешкой поинтересовался Ерохин.

— Может, поработят, а может, вчистую изведут, — без улыбки кивнул Илья. — А то еще хуже — превратят в таких же, как они сами. И станешь ты на детских площадках выпивать и щелкать по-ихне-

му... — Он оборвал речь на полуслове и хлопнул себя по лбу. — Ах ты ж господи! Чуть не забыл. Слушай сюда, Василий: есть еще один способ отличить этих пришлых уродов от нас. Самый верный.

Илья вытащил из отвисшего нагрудного кармана слуховой аппарат и бросил на колени Ерохину.

— Я там с ресивером малость похимичил и еще кой-чего подкрутил. Эти, с Ыхдыща, на низких частотах общаются. Наше ухо их «чвак-чвак» не разбирает, а вот с этой конструкцией, — он кивнул на слуховой аппарат, — все сразу слышно. Пользуйся, Вася!

Ерохин оторопело молчал. Пасечник прищурился на закат и кротко улыбнулся.

— Жалко, не много я успел. Пытался тебе глаза отвести байками, но ты башковитый, все просек. Еще бы пару годиков мне потрудиться — и стало бы у нас на берегу совсем чисто!

— Что ж ты меня в колодце не оставил? — тихо спросил Ерохин.

Пасечник изумленно уставился на него.

— Да ты что, Вася? Что я тебе, зверь, что ли?

Из-под крыльца выбралась маленькая тощая кошка и ласково потерлась об ноги пасечника.

— А, Манюся моя блохастая! — обрадовался Илья. — Ишь, попрощаться вышла, чуткая душа.

Ерохин вздохнул, вытащил рацию и сказал:

— Да. Теперь можно.

Месяц спустя

Василь Сергеич приехал к родителям в пятницу вечером, привез отцу лекарств, а матери новую мультиварку взамен старой. Июль выдался прохладный, вечерами приходилось накидывать рубаху.

— Дождя бы еще хорошего, — прокрихтел отец, обняв его. — Чтоб уж пролило так пролило!

Ужинали отварной картошкой с лисичками в сметане — как любил Василь Сергеич. После ужина

Ерохин вышел из дома посмотреть закат. Размякшее солнце таяло в малиновой дымке, растянувшейся вдоль горизонта. Над ним небо светлело до прозрачности, как озерная вода, и где-то высоко-высоко из этой прозрачности выплывала первая звезда — яркая, чистая.

Деликатно завибрировал телефон.

— Слушаю.

— Не знаю, где ты это записал, — сказал Угличин, по привычке переходя сразу к делу, — но наши утверждают, это не помехи. Откуда ты такую странную трескотню взял, а, Василь Сергеич? Неужели птица?

— У соседа в доме прослушку поставил, — думая о своем, пробормотал Ерохин. — Принимающую низкие частоты. Не помехи, говоришь...

— Василь Сергеич, ты там принял, что ли? — осведомился Угличин. — Какие еще низкие частоты?

Ерохин отключил телефон.

— В слуховом аппарате, — в пустоту сказал он.

Налетел ветер. Ерохин закрыл глаза, слушая, как шумят вокруг старые яблони, посаженные еще его дедом. На мгновение он словно растворился в окружающем его мире и ощутил, как зреют и наливаются на деревьях яблоки, как корни медленно переплетаются под землей, как шепчет и клонится за баней некошенная трава. Над головой сияла звезда. Мир был огромен и вечен, и следовательно Ерохин был огромен и вечен, а может, мал и преходящ, — это совершенно не имело значения.

Что-то захрипело поблизости, и со щелчком включился динамик.

— А я на зоне был фартовым пацаном! — заорал певец. — Да, тля, фартовым, тля, фартовым, тля, пацанчиком!

Ерохин дернулся как от удара и широко открыл глаза.

За соседским забором загорланили, завопили, перекрикивая друг друга. Захлопали двери, кто-то выматерился от души, споткнувшись об порог.

- Вован, где бухло? — загнусавил женский голос.
- Я те чо, неясно сказал? Дура, блин.
- Да пошел ты!
- Сама пошла!

Ерохин с окаменевшим лицом отодвинулся в тень.

- Сукой буду, вискарь брали!
- В багажнике глянь.
- Я не понял, а чо с музоном?
- Веселухи хотца!
- Паш, врубай!

И Паша врубил.

— Все девки будут наши! — надсадно взвыл певец. — Скажу я, не тая: коль бабе кинешь сотку, она уже твоя!

«Всегда вокруг них дерьмо и разорение», — внезапно припомнилось Ерохину.

Остервенело залаял алабай.

- Пристрелю, сука!
- Мальчики, это кобель!
- Правильно, сука у нас — это ты.

Заржали радостно и удовлетворенно. Кто-то проломился через малинник к забору и встал к Ерохину лицом. Зажурчала струя.

«Сожрут они нас, Вася, и не подавятся».

- Мангал где?
- У-у, мяско! Ирка, у тебя тоже мяско!
- Отвали!
- А я слабаю вам шансон да под шикарный закусон!

Алабай надрывался у калитки и громко взвизгнул, когда ему дали пинка.

- О, идея! Давайте Дику татушку наколем?
- А чо, прикольно! На загривке, а?
- Вован, мы ща твою псину облагородим!

«Так что у нас с тобой как у представителей человеческой расы один путь».

Ерохин вытащил слуховой аппарат и вставил в ухо.

— Чиолк-талк! — после паузы заклекотал аппарат. — Чток-чток-чток! Ктчк-ичик!

— Кичк! — отозвались с другой стороны. — Клок! Клок!

«Заявление на увольнение в понедельник подам, — спокойно подумал Ерохин. — Много их, конечно. Нас пока больше. Но если меры не принять, здесь будет их база, а должна быть наша земля».

Он привычным движением поправил кобуру на поясе, одернул рубаху — и уверенно двинулся туда, откуда доносились веселые пьяные голоса.

ТА

Лебо было чистым, насколько хватало глаз. Лишь кое-где — будто намертво приколоченные белые лоскуты облачков. Самая жаркая пора в этом уголке планеты.

Под та-хитой проносился пустынный пейзаж. Много песка, мало растений. Я летел в город людей.

Неясное пятнышко на горизонте вскоре выросло в мегаполис, окруженный засаженными полями. Серые стены цитадели зéмлян, возведенные с помощью гутчей, высились над посадками нерушимым монолитом. Город защищен, на та-хитах не прорваться. Всякая попытка равна самоубийству: при пересечении барьера машина теряет силу и беспомощно падает с огромной высоты. Нетрудно догадаться, что происходит с пилотом.

В незначительном отдалении от каждого города обязательно располагалась посадочная площадка. Отыскав среди полей небольшой квадрат, я бросил свою та-хиту вниз. Площадка пустовала, и я нагло сел прямо в центре. Отключил силу, проверил экипировку и покинул душноватую кабину. Движущие кольца замедляли вращение.

Осматриваясь, я направился к городу по прямой, отменно утоптанной дорожке. По обе стороны колосились местные злаки, а где-то посреди пути их сменили пищевые культуры гутчей. Хорошо.

Мне даже не пришлось стучать в ворота: до них оставалось еще шагов двадцать, когда из маленькой двери появились два привратника. Бдят. И не боятся вот так открыто выходить наружу. Думают, если я один, то не стоит и опасаться? Ну конечно, ведь у каждого по автомату! Совсем загордились с такими игрушками в руках. Нехорошо.

Я остановился в трех шагах, вежливо поклонился.

— Чего тебе, собачка? — спросил стоящий слева, но напарник осадил его:

— Юра, помолчи. — Скромно кивнув мне в ответ, он сказал: — Представьтесь и назовите цель вашего визита.

Я втянул свободно висящие хоботки и ответил, показывая закрепленный в ладони анкх:

— Я — Па-та-Уака, жрец Океана Вечности. — У меня были серьезные проблемы с мягкими согласными, «в» получался плавным — больше похожим на «у». Мой речевой аппарат не приспособлен к такому произношению.

Крест с петлей наверху выступал знаком перехода от жизни к смерти. В моих руках он умирал гутчей, напоминая о ждущем Океане, а также о моих силе и власти. В некоторые моменты служил символом единства; для знающих людей был признаком статуса и предостерегал от многого. То, что было сильным религиозным символом для гутчей, землянам не представлялось ничем особенным и больше вызывало любопытство схожестью с древнеегипетским знаком. Он даже назывался одинаково и у нас, и у них. Совпадение? Я бы на их месте серьезно задумался.

От неожиданности привратник опустил оружие.

— А... разве у нас что-то случилось?

— Да. Гутча умер насильственной смертью.

Первый, очевидно, ничего не понимал в происходящем. Он стоял и хмурился.

— И как вы узнали об этом? — спросил второй.

О, им ни за что не понять, как я получил инфор-

мацию из города, с которым нет никакой связи. Но оставлять вопрос без ответа — невежливо.

— Я — жрец Океана Вечности. Первый, кому становятся известны подобные вещи. Буду очень благодарен, если меня отведут к мэру.

— Так уж сразу и к мэру? — вновь заговорил невежливый привратник. Люди обладают удивительной способностью в считанные секунды показать себя с худшей стороны.

— Да, к мэру. И, если можно, поскорее.

— Да, конечно, уважаемый, пойдете.

Человек развернулся и пошел к двери. Я последовал за ним. Но когда проходил мимо застывшего с разинутым ртом выскочки, этот тип возмутился:

— Эй-эй, постой, собачка! Прежде чем войти в город, сдай оружие!

А потом он совершил глупость — схватил меня за руку.

— Юра, не смей! — выкрикнул мой провожатый, но поздно.

Быстрым движением я скинул цепкую руку и пнул охранника в бедро. А когда он удивленно вильнул, пошатнулся и упал на одно колено, я наказал его: развернулся в невысоком прыжке, одновременно делая широкий мощный замах посохом, и влепил ударником по уху. В тот момент, как я приземлился на ноги, привратника отшвырнуло далеко в сторону. Схватившись за ухо, он извивался на земле, скуля, как щенок. Выроненный автомат валялся рядом.

Из двери в воротах посыпались люди. У каждого огнестрельное оружие — привилегия привратников. Свирепые лица. Конечно же, им хотелось отомстить за обиженного соплеменника. Но мой провожатый вскинул руку и громко приказал:

— Отставить! Опустить оружие!

Отряд замер в недоумении. Кто-то сказал:

— Тоха, ты с ума сошел? Что он себе позволяет?

— Молчать! Выполнять приказы! Кто вас только таких сюда отбирает? — сурово заговорил прово-

жатый. — Шепель и Оса — помочь Кислому, остальные — внутрь. Пока я провожаю гутчу, Бикса за старшего. Выполнять!

Привратники послушались. Человек повернулся ко мне:

— Извините, уважаемый. К сожалению, не все люди знакомы с иерархией гутчей. К тому же никто еще не видел жрецов. Идите за мной.

Почтительно поклонившись, я пошел вслед за ним. Но ухо уловило злобный шепоток:

— Чтоб ты сдох, шакал!

* * *

— Значит, жрец Океана Вечности? — переспросил мэр, будто ослышался. Его лицо было красным, а лысина потной. Толстыми пальцами он словно пытался продавить столешницу. — Поправьте, если ошибусь. Вы — сыщик, следовательно, судья и палач в одном лице?

— А также эксперт, — уточнил я с долгим кивком. — Я хочу выяснить все подробности гибели гутчи и совершить правосудие. Это допустимо.

— Я ничуть не возражаю против вашего участия в расследовании, — поспешно сказал мэр. — Но позвольте поинтересоваться, почтенный Па-та-Уака... Я только пятнадцать минут назад узнал о смерти вашего соплеменника, вы же — еще полтора часа назад. Как? Мне известно, что на Земле больше нет работающих передатчиков. — Он подался вперед, склонил голову и как-то по-особенному произнес: — Или от нас что-то скрывают?

— Исключено, — резко ответил я на такой оскорбительный выпад. — Ложь — позорный грех для гутчи. Гутча предпочтет лжи смерть.

Секунду помедлив, человек за длинным столом от души расхохотался, и я учуял зловоние из его рта.

Молча стоявший рядом с шефом секретарь забежал глазками. Смех тоже можно расценить как оскорбление. Нехорошо.

— Вот как? — сказал, отсмеявшись, мэр. — А у меня иное мнение на этот счет. Я лично слышал, как гутча говорил неправду. Безо всякого зазрения совести. Вот, Михаил Викторович подтвердит. Мелкую неправду, но факт, как говорится, налицо.

Замявшись, я постарался ответить нейтрально:

— Я не владею такой информацией.

— Да бог с ней, с информацией. Ближе к делу. Случай действительно беспрецедентный. — Толстые пальцы нервно забарабанили по столу. — Поэтому с нашей стороны тоже будет расследование. А для того, чтоб у сторон не было друг к другу претензий по поводу предвзятости, предлагаю провести расследование совместно.

То, что мне дадут напарника-землянина, было ожидаемым. Как же иначе, если гутча убит в городе людей. Только вот станет ли человек полезным помощником?

— Не возражаю.

— Михаил Викторович...

Секретарь ожил и покинул просторную комнату. Я наострил заднюю лунку правого уха и услышал, как он позвал кого-то и вскоре вернулся с еще одним землянином.

— Знакомьтесь. Ваш, так сказать, коллега, Александр Муха.

Невысокий, молодой, лицо приятное. Интересно, насколько он опытен?

— Саша, — вновь пришедший протянул мне руку для человеческого приветствия. Удивительно, не брезгует.

— Нет-нет-нет! — подскочил хозяин кабинета, предостерегающе взмахивая ладонью, и я понял, что он обращается к моему свежееиспеченному коллеге.

— Все в порядке, — сказал я и крепко пожал руку, чтоб человек почувствовал мою мощь. — Жрец Океа-

на Вечности неприкасаем для препятствующих. Приветствующим можно. Па-та-Уака.

Саша пытливо изучал мое лицо.

— Только на сутки к нам? — спросил он.

— Почему вы так решили?

— Вы без симбионта.

Неглуп. Хорошо.

— Жрецы Океана Вечности в симбионте не нуждаются, — холодно сказал я. Пора было уже заканчивать болтовню и приступать к работе. Я повернулся к мэру: — Мы можем идти?

— Да, конечно, — привстал он. — О результатах непременно сообщите! В любое время, я всегда приму вас! Езжайте, Саша.

Плечом к плечу мы вышли из кабинета.

* * *

По дороге к месту, где обнаружили тело Ма-ка-Уаки, я разглядывал город. Типичное поселение землян. Высотные многоуровневые дома, сейсмически неустойчивые. Нехорошо.

После несчастного случая с питательным элементом на падающем корабле гутчей землянам пришлось несладко: вся электроника вышла из строя, атмосфера заполнилась агрессивными фотионами, убивающими радиоэфир на всех частотах и пагубно влияющими на кабельную связь. Это остановило развитие человеческой техники, а в чем-то и вернуло вспять. Когда люди стали в полной мере выплескивать свою агрессию на пришельцев, внезапно обрушившихся на Землю, как снег на голову, гутчи решили, что фотионы поразили и аборигенов. Понадобилось пять месяцев бессмысленных, никому не нужных кровопролитий и разрушений, прежде чем удалось докопаться до истины и снять с гутчей клеймо завоевателей. По сути, никакого захвата и не было — зато ущерб ока-

зался невосполнимым. Гутчи отнеслись с пониманием, люди затаили обиду. Большинство из них совершенно не скрывали неприязни к чужакам. Но когда чужаки, во избежание борьбы аборигенов за уголь, газ и нефть, снабдили их силовыми элементами, научив ими пользоваться, когда помогли воздвигнуть защитные стены вокруг крупных городов, а сами отделились от человека, выстраивая собственные поселения, — конфликт свелся до минимума.

Еще через семь лет до землян, наконец, дошло, что у гутчей нет возможности покинуть планету. Они здесь навсегда, и придется жить с ними бок о бок...

На городских улицах было пусто: горожане трудились на заводах и фабриках. Кое-где бегали детишки, лишь изредка попадались одинокие прохожие. Тишина. Спокойствие. Хорошо.

По пути Саша, до того вежливо молчавший, задал всего один вопрос:

— Что для гутчей значит убийство соплеменника?

Я ответил незамедлительно:

— Это недопустимо. Это нарушение всех писаных и неписаных законов. Это... неестественно. Гутчи высоко ценят чужую жизнь.

— Говорят, во время войны... — тут же попытался он горячо возразить, но я резко перебил:

— Это была защита. От ваших нападений. И очень хорошо, что наши расы пришли к обоюдному разоружению. — Я сменил эту скользкую тему: — Теперь спрошу я: вы были там, где нашли Ма-ка-Уаку?

Превосходно обученный распознаванию человеческих эмоций, я отметил удивление и некоторую долю беспокойства на лице Саши. Они никак не поймут, откуда я узнал о смерти, а также имя погибшего.

— Нет, не был, — ответил он, явно коря себя за такую неосведомленность.

— Но там кто-то дежурит?

— Обязательно.

Я кивнул:

— Хорошо.

Саше не терпелось спросить еще что-то. Может, даже многое, но он сдержался. Несмотря на свою молодость, он проявлял достойные черты опытного человека. Поразительный контраст с выскочкой у ворот. Похвально.

Тело стерегли три землянина и два гутчи. При нашем появлении люди отшвырнули сигареты. Гнусная привычка. Как и всякий, впервые увидевший жреца Океана Вечности, земляне пялились на мое одеяние: ранее им такого видеть не доводилось. Раздался шепоток:

— Гляньте, ни дать, ни взять — Анубис.

Я знал, что среди людей ходит презрительное наименование гутчей — «анубисы». Гутчи и впрямь очень похожи на этого бога из египетского пантеона, за исключением хоботков и крупного симбионта на их спине — ка-ниферы. Вот откуда все эти унижительные «собачки» и «шакалы». Мой костюм для защиты из тончайших пластин спецсплава, отсутствие симбионта, а также кое-что из экипировки делали меня как нельзя ближе к образу божества Древнего Египта. Несмотря на скрытое оскорбление во фразе землянина, я учтиво поклонился всем патрульным.

Ма-ка-Уака, уже начавший усыхать, в ношенной юбке и относительно новой рубаше, обмотанной ниже талии шарфом, лежал спиной вверх на тротуаре в тени деревьев в двух шагах от речного моста. Его симбионт тоже отсутствовал: два подлопаточных паза слияния выглядели неповрежденными, а вот в пяти центральных, идущих вдоль позвоночника, виднелись остатки соединительных шипов. Немыслимо! Руки мертвеца были то ли глубоко оцарапаны, то ли изрезаны. Проведя поверхностный осмотр, я пришел к выводу, что Ма-ка-Уака был насильственно лишен симбионта, но причина смерти не в этом. Его зрачки для гутчи были необыкновенно расширены, а внутренняя поверхность хоботков чрезвычайно суха (гораздо суше, чем должна быть у покойника двухчасовой давности) и начинала шелушиться.

По характерным потертостям на кистях Ма-ка-Уаки я понял, что он работал инженером. Скорее всего, обслуживал защитную стену. Нехорошо. Ведь этой смертью могут воспользоваться те, у кого на уме раскачать перемирие между гутчами и людьми. Если то, что сказал мэр о лгавшем гутче, — правда, тогда убийца может быть как из одной расы, так и из другой.

Закончив осмотр, я обратился к гутчам:

— Вы знаете, где он жил?

— Да, почтенный.

Все верно. Кварталы гутчей в городах землян не так густо заселены, и многие знают друг друга. Эти двое определенно не врут. Хорошо.

— Берите тело и несите к своей та-урите. Повезем к нему домой.

— Откуда вы догадались, что мы тоже на колеснице, почтенный? — полюбопытствовал один из гутчей.

— На твоих ногтях свежие вмятины от рулевого блокиратора. На их исчезновение нужно от сорока до шестидесяти земных минут. Следовательно, где-то поблизости стоит та-урита, на которой ты прибыл.

Гутча посмотрел на две канавки, проходящие по ногтям, и дробно пролаял, сотрясая хоботками, — одобрил мою наблюдательность. Потом они с товарищем осторожно взяли тело и понесли, а я обернулся к патрульным-землянам.

— Мы уносим тело Ма-ка-Уаки, чтобы предать ритуальному сожжению для полного воссоединения с Океаном Вечности. Надеюсь, у вас нет к этому никаких претензий? Ваш представитель будет присутствовать при этом, — я указал на Сашу.

Они замотали головами. Один ответил:

— Нам-то что? Можете хоть в гробницу замуровать свою мумию, хоть сожрать...

Пропуская мимо ушей грубость, я вновь поклонился и взмахом головы позвал напарника за собой. Когда мы достаточно удалились от патрульных-землян, чтобы они нас не слышали, а до патрульных-гут-

чей, несших тело, тоже оставалось немало, я шепотом обратился к напарнику:

— Пойдите, Саша, не торопитесь.

— Что такое? — удивленно притормозил он.

— Всего пара слов. Я настоятельно прошу вас не обсуждать наше расследование при посторонних до тех пор, пока не выяснится истина. Таким образом мы можем избежать многих проблем, если ситуация настолько серьезна, насколько я предполагаю.

— Как скажете, уважаемый Па-та-Уака, — быстро согласился Саша, — можете на меня положиться. Я полностью доверяю вам в этом вопросе, так как не очень хорошо знаком с культурой гутчей. — Он замылся и договорил: — И вообще, должен признаться, что слегка удивлен выбором господина мэра. У нас достаточно много куда более опытных специалистов, чем новичок, проработавший всего полгода.

Этот человек начинал мне нравиться. Сговорчивый, сдержанный, вежливый. Хорошо. Но новичок?.. Нехорошо.

* * *

Жилище Ма-ка-Уаки — квадратный однокомнатный домик с пирамидальной крышей — было скромным, как и любая обитель гутчей. Эргономичность и практичность. Хорошо.

А вот некоторые детали интерьера находились не на своих местах. Необычно для жилья гутчи. Этот легкий беспорядок намекал, что у хозяина были проблемы психологического характера.

Когда я сказал об этом Саше, человек поджал губы и ответил:

— А вы не допускаете, что он в спешке покинул дом и просто не успел вернуть вещи на места?

Вместо ответа я провел пальцами по мебели в разных уголках помещения и показал их Саше.

— Пыль. Везде одинаковый слой. Речь о днях, а не о часах. Эти вещи передвинуты не сегодня и не вчера. Психологическая стабильность Ма-ка-Уаки нарушилась несколько дней назад. Дня три. Может, четыре... Ага, вот здесь разные слои пыли. И здесь. Он постоянно перекладывал вещи, но так и не навел порядок. Странно... Сегодня будет нелегкий вечер: после сожжения тела нам предстоит опросить всех гутчей. Они должны были заметить, если Ма-ка-Уака вел себя не так, как обычно.

— Ну, может, не обязательно всех? Только самых близких?

Оторвавшись от осмотра вещей в столе, я посмотрел на Сашу и отчеканил:

— Все гутчи близки.

— Скажите, Па-та-Уака... — начал землянин и осекся. Но потом все же решился: — Поскольку теперь нас никто не слышит, можем мы говорить начистоту?

— Можем, — кивнул я.

— Как все-таки вы узнали о гибели соплеменника?

— Буду откровенным, Саша. То, что ты подал мне руку, — добрый знак. Это значит, что даже при сложившихся отношениях между нашими расами ты уважаешь гутчей. Но где-то в душе ты еще не до конца определился, кто мы такие — гости или оккупанты. Ты молод и можешь не совсем четко помнить пору... разногласий между вами и гутчами. Ты судишь об этом только по рассказам старших людей и, возможно, по обрывочной информации от самих гутчей. Но ты хочешь знать больше. Кто знает больше — тот ближе к правде. Хорошо. Это верный путь. И я готов помочь тебе в этом. Как видишь, я самовольно перешел на близкую форму обращения. Надеюсь, ты простишь меня за это и отомстишь мне тем же. — Я улыбнулся. — Ведь я доверяю тебе.

Сказав это, я крепко сжал плечо напарника. Наверно, чересчур крепко — когда я убрал руку, он стал его растирать.

— Да, конечно, как скажете... то есть — как ска-

жешь. Тебе больше известно о твоей расе — тебе и карты в руки.

Вернувшись к обследованию содержимого стола, я объяснял:

— Физиология гутчи очень схожа с вашей, но есть ряд отличий. Одно из них — накопитель в мозге. Он аккумулирует энергию. Значительную роль в этом играет ка-нифера, симбионт. В общем, не вдаваясь в подробности, перед встречей с Океаном Вечности каждый гутча непроизвольно выстреливает этим импульсом. Получатель импульса — жрец Океана Вечности. Таким образом, мне известно, кто и в каком состоянии умер.

Глаза Саши заблестели.

— И что же ты получил от Ма-ка-Уаки?

— Страх. Даже ужас. Еще панику и непонимание того, что происходит. Если гутча уходит своей смертью — хорошо. Я не вмешиваюсь и передаю о его уходе, куда следует. Умершего сжигают общиной, после чего он воссоединяется с Океаном. Когда же гутча гибнет так, как Ма-ка-Уака, моя обязанность — выяснить, что случилось, и наказать виновного.

— И часто такое случается?

— За последние триста лет — ни разу.

Дальше я поделился с Сашей своими результатами осмотра тела погибшего. А под конец рассказа наткнулся в одной из коробок стола на миниатюрный полиэтиленовый пакет с герметичным зажимом. Гутчи никогда не пользовались такими. Содержимое пакетика — маленькие кристаллы, слишком прозрачные для каменной соли и слишком мелкие для слюды, — искрились в солнечном свете, проникавшем в окно.

— Что это? — спросил я Сашу. — Это вещь землян.

Он поднес пакет к глазам, расстегнул и отсыпал часть крупинок на ладонь. И тут снаружи донеслись заунывные причитания на языке гутчи. Мы ринулись на улицу.

У тела Ма-ка-Уаки, оставленного на лавочке под домом, стояла коленопреклоненная гутча. Положив руки на грудь покойного, она плакала навзрыд и причитала. В такой позе симбионт особо бросался в глаза, выпирая из спины крутым холмом. И из слов гутчи я кое-что понял.

— Похоже, вечерний опрос может отмениться, — шепнул я Саше. Он вопросительно поднял брови.

— Эта гутча находилась в тесных отношениях с Ма-ка-Уакой.

Я подошел к плачущей и коснулся ее плеча.

— Здравствуй.

Она вскинула на меня темные влажные глаза. Красавица. Ее хоботки поочередно сокращались от горя.

— Мне очень жаль, что Ма-ка-Уака почил в Океане Вечности раньше времени. Его уже не вернуть. Но ты знаешь, что я, Па-та-Уака, накажу виновных, кем бы они ни были, гутчами или землянами.

— Меня зовут Туа-ка-Туака, — назвалась убитая горем гутча и, тотчас вскочив с коленей, страстно заговорила: — И я знаю, что гутчи не могли сотворить такое! Это дело рук землян! — махнула она в сторону Саши. — Ма-ка-Уака часто общался с ними в последнее время, был сам не свой. Он страдал от ностальгии, места себе не находил. А в эти два дня он изменился. Стал раздражительным, грубым. Стал чужим! Не гутча, а комок нервов. А однажды... он сказал мне неправду. Совсем как человек! — Она снова сверкнула глазом на Сашу. — Это он перенял у них. Я уверена, что в порыве гнева он оскорбил кого-нибудь из них, и они... убили его. Даже симбионта отобрали — препарировать. Звери, дикари! В крови землян течет коварство.

Я вскинул анкх, прерывая поток слов Туа-ка-Туаки. Если поблизости есть хоть один представитель человечества, гутчи никогда не заговорят родной речью. Весь разговор происходил на местном языке землян, и Саша вынужден был слушать яростный выплеск эмоций. Нехорошо.

— Туа-ка-Туака, твоими устами говорит страсть, — сказал я. — Нужно быть справедливым. Не все люди коварны. У тех, кто перешел жить в города гутчей, открытые сердца и чистые помыслы. Саша, — указал я на расстроенного землянина, — пришел, чтобы помочь. Ему не хотелось бы слышать таких слов в адрес своей расы. Мы должны послужить примером для землян. Одумайся, Туа-ка-Туака.

Гутча потупила взор. Затем тихо произнесла, утирая слезы и подбирая хоботки:

— Простите, почтенный Па-та-Уака. И вы простите. — Она подняла темные глаза к землянину.

— Не извиняйтесь, — подавленно ответил Саша. — Я все понимаю. — Он посмотрел на свою раскрытую ладонь. — И, кажется, понимаю, почему Ма-ка-Уака так себя вел. — После этого он глянул на меня, стряхивая с нее кристаллы.

Я поднял руку, видя, как загорелись глаза гутчи.

— Во все века, — упредил я массу вопросов, — жрецы Океана Вечности устанавливали истину и вершили правосудие. И оттого, что в последние десятилетия мне не было кого наказывать вообще ни за какие проступки, я не потерял навыка. Уверяю тебя: справедливость восторжествует.

Гутча кротко кивнула, поклонившись. И тут заговорил Саша, обращаясь к Туа-ка-Туаке:

— Я прошу прощения за возможную бестактность, но не могли бы вы позволить мне увидеть вашего симбионта?

Мы с гутчей удивленно переглянулись. Она замешалась, а я спросил:

— Зачем тебе это нужно? Пробуждение ка-ниферы, можно сказать, интимный процесс.

— У меня есть кое-какая догадка. Для ее подтверждения мне нужно увидеть симбионта и хотя бы в общих чертах узнать его роль в физиологическом обмене веществ гутчи. Второе я смогу узнать от тебя, Па-та-Уака, а вот с первым...

Туа-ка-Туака, услышав, что я безропотно позволил

человеку обратиться ко мне как к равному, несказанно удивилась. Я знал, это равенство непременно послужит сильным аргументом в пользу того, что Саша нам отнюдь не враг и крыться от него не стоит. И не ошибся.

Она с готовностью посмотрела мне в глаза.

— Разбуди, пожалуйста, ка-ниферу, — попросил я Туа-ка-Туаку. — Не беспокойся, я ее сразу же усыплю.

Мы прошли в дом. Гутча бросила смущенный взгляд на Сашу, но, после моего ободрительного кивка, покорно села на табурет. Склонив голову, уперев локти в колени и опустив лицо в ладони, она сомкнула веки. Какое-то время ничего не происходило, но так и должно быть, симбионты быстро не пробуждаются. Зато через пару минут я видел, что Саша испытал шок, глядя во все глаза, как просыпается ка-нифера.

Сначала внизу спины взбугрился позвоночник. Потом по нему прошла волна до самой шеи. А затем симбионт поднял голову, высвобождая из пазов свои шипы. Процесс происходил снизу вверх, так как по центру ка-ниферы крепились верхней, затылочной частью. Длинная шея с мгновенно затвердевающими шипами заколыхалась над головой Туа-ка-Туаки, на морщинистой морде распахнулся продолговатый кожистый клюв и хищной краснотой вспыхнули глаза. По бокам от позвоночника замершей гутчи раскрылись широкие крылья ка-ниферы. По верхней их кромке на внутренней стороне располагались острые когти немалых размеров — серьезная угроза. То, что человек всегда считал уродливым горбом, оказалось живым существом.

Из пасти симбионта раздался скрип, и Саша отступил на шаг.

— Не бойся, — сказал я ему и тотчас заговорил с симбионтом на языке гутчей, одной рукой поглаживая шею ка-ниферы, а другой размахивая перед его глазами анкхом. Если бы я не сделал этого, он мог бы

высвободиться целиком и надолго улететь. Уверен, это не входило в планы Туа-ка-Туаки.

Ка-нифера заурчала, сложив крылья; ее глаза закрылись, клюв защелкнулся, а шея стала возвращаться в исходное положение — переламываясь пополам и окуная шипы в открывающиеся пазы слияния. По линии позвоночника гутчи прошла контрольная конвульсия, и симбионт успокоился, засыпая. А через пару минут очнется Туа-ка-Туака.

Я спрятал переливающийся цветами анкх в ладонь и посмотрел на ошеломленного землянина. Еще ни один из них не видел процесса пробуждения симбионта и даже не представлял себе, как они выглядят на самом деле.

— Извини, что не по-русски. Не прими как неуважение, просто ка-нифера не понимает чужую речь.

У Саши перехватило дух.

— Вот это да! — наконец выдавил он. — Теперь я понимаю, откуда взялись слухи о маленьких ночных птеродактилях. Это же симбионты, покинувшие хозяев на время сна!

— Да, это так, — подтвердил я.

— Теперь я готов обсудить с тобой свои мысли, Пата-Уака.

— А я готов их выслушать, Саша. Но не здесь.

Когда Туа-ка-Туака встала с табурета, я поблагодарил ее.

— Во благо справедливости, почтенный, — ответила она и спросила: — В котором часу будет сожжение? Я соберу к тому времени общину.

— В полночь. Ровно в полночь Ма-ка-Уака совершит последний шаг в Океан Вечности.

* * *

Мы шли по аллейке в молодом парке гутчей. Деревца неспешно пошевеливали щупальцами, касаясь друг друга; под ногами похрустывал крупный песок.

Перед тем как делиться мыслями, Саша засыпал меня кучей вопросов о ка-нифере. Вникнув в суть симбиоза, он остановился и триумфально сказал:

— Боюсь, Па-та-Уака, тебе некого будет наказывать. В каком-то смысле Ма-ка-Уака убил себя сам.

Я остоленел, вопросительно глядя на землянина.

— Да, и вот мои размышления... — На секунду он смолк. — Ты превосходно владеешь нашим языком и в два счета уделал бы любого иностранца. Если бы не ужасный акцент и твоя внешность, я на сто процентов был бы уверен, что разговариваю с соотечественником.

— Чем лучше ты знаешь язык чужаков, тем глубже проникнешь в их мысли. Я владею двадцатью тремя языками Земли.

— Удивительно! За такой короткий срок? — В голосе Саши был искренний восторг. — Тогда ты наверняка знаком с поговоркой: с кем поведешься, от того и наберешься.

— Да, она касается лишь плохих качеств.

— Увы. Жаль, но Туа-ка-Туака права: многие гутчи, тесно общаясь с людьми, действительно начали по мелочи врать. Возможно, скоро это станет для них обычным делом, потому что остается безнаказанным.

— Выходит, мэр все-таки сказал правду. — Я сокрушенно задрал хоботки.

— Ну вот. Тем скорее ты поверишь в то, что я скажу дальше. Расширенные зрачки, шелушение в хоботках и ускоренное иссушение мертвого гутчи — красноречивое свидетельство того, что через обонятельные органы он принимал это. — Саша достал из кармана тот самый пакетик. — Метамфетамин.

— Синтетический наркотик землян! — Я раздул хоботки и стиснул от злости зубы. Невероятно! Очень, очень нехорошо!!!

Саша продолжал:

— Мы можем только догадываться о мотивах, толкнувших его на этот шаг. Версия номер один — ностальгия. Вероятно, организм Ма-ка-Уаки, как и лю-

бого существа вашей расы, оказался слишком слаб перед этим веществом. Отсюда его раздражительность и нервозность, о которой сказала Туа-ка-Туа-ка. Отсюда же неаккуратность в доме, на которую ты обратил внимание. Отсюда же и смерть.

— А как же страшные порезы на его руках? — наконец промолвил я, помалу выпуская хоботками воздух. — Кто вырвал ка-ниферу?

— Все легко объясняется, Па-та-Уака. — Саша резво жестикулировал, я видел, как активно он старается уверить меня в своей правоте. Теперь его энергия нашла выход. Может, он и был новичком, но, как говорят земляне, котелок у него варил что надо. — Испытав безумие, воцарившееся в голове гутчи, симбионт не выдержал, запаниковал и попытался сбежать от хозяина. Ма-ка-Уака не ожидал внезапного пробуждения ка-ниферы. Он закупорил пазы, но симбионт отчаянно сопротивлялся. Крыльями. Раны на руках гутчи — от когтей испуганного существа. Ма-ка-Уака пытался удержать ка-ниферу при себе, но она вырвалась. В буквальном смысле слова, понимаешь? В этот момент гутча и выстрелил импульсом. Пройдет два-три дня, и где-нибудь на улицах города обнаружат мертвого симбионта.

Я закрыл глаза и стал дышать ровно. Мне было больно слушать Сашу, потому что он, скорее всего, был прав. Его аргументы — стройны и убедительны.

— Единственное, чего я не могу понять, — сказал он в заключение, — что имел в виду Ма-ка-Уака, сообщая о своем убийстве? Ведь он умер сам от передозировки, буквально через считанные часы после ухода симбионта.

— Это тоже легко объясняется. — Я был раздосадован. — Его убил не наркотик, а тот, кто подсказал ему, что при помощи этой дряни можно временно вернуть родину. Тот, кто обманул его, сказав, что этот яд притупит одни эмоции и усилит другие. Тот, кто столкнул его в Океан Вечности. — Я раскрыл глаза, и Саша отступил от неожиданности: в них пылал

огонь правосудия. — А это значит, что для меня найдется работа.

— Па-та-Уака, я хочу предостеречь тебя. Люди, которые занимаются изготовлением и распространением метамфетамина, очень опасны. Ни с теми, ни с другими так просто не справиться. Это целая организация, в которой могут состоять и сотрудники полиции. Никто не связывается с ними, потому что никому не нужны неприятности.

— Ну уж одну неприятность я им обязательно обеспечу. — Мой посох свистнул в воздухе и, ткнув тупым концом дорожку, взбил фонтанчик песка. Я поймал лезвием солнце. — Называется — жрец Океана Вечности. Если боишься — посторонись и не вмешивайся.

Но Саша не боялся.

— Нет, Па-та-Уака. Я с тобой, — сказал он без тени страха.

* * *

До позднего часа я сопровождал Сашу. Мы посетили множество странных, неухоженных мест, о существовании которых я и не подозревал. Вот каковы они — люди. Их можно легко разделить на три слоя.

Первый: абсолютно законопослушные граждане, пекущиеся о близких и о благосостоянии пошатнувшегося мира.

Второй: ни рыба ни мясо. С одной стороны, они беспокоятся о себе, стараются держаться на плаву, нестись по течению, жить по общим правилам. С другой, такие для достижения каких-то личных целей не погнушаются нарушить закон. Чаще всего по мелочи, но если будут уверены в том, что рука закона не достанет их, могут совершить и серьезный проступок. А уж если это войдет в привычку...

Тогда они опускаются в третий слой, где слово «закон» — пустой звук. Подонки живут по своим, осо-

бым правилам, идущим вразрез с общепринятыми. Людям катастрофически не хватает жрецов Океана Вечности. Совсем нехорошо.

Но сегодня я им напомнил, что такое настоящая справедливость. В каждом из мест, которые мы посещали, я оставлял отсеченные конечности землян. А иногда и головы. Истекающие кровью аборигены выглядели столь же жалко, сколь и мерзостно. Они не понимали иного языка, кроме насилия. Через столетия жажды лезвие моего посоха этим вечером напилось вволю. Больше всего доставалось несговорчивым, а особенно — агрессивным. Тех, кто проявлял благоразумие, калечить не пришлось, но на память я оставлял им метку Океана Вечности.

С последней встречи я унес сувенир, поместив его в небольшой мешок.

Саша стал бледным и угрюмым, окунувшись в размышления. Мне показалось, что я уловил ход его мыслей.

— Ты шокирован. Опасаешься, как бы мои действия не сказались на тебе? Месть торговцев наркотиком? Служебная опала? Не стоило ли сначала отчитаться перед начальством?

— У нас не принято прибегать к таким радикальным мерам, — сухо отозвался Саша. — Не слишком ли это... круто?

— Это не круто, Саша. Это справедливо. Тебе их жалко? Никто не заслуживает Вечности так, как ее распространители.

— Хочешь добраться до вершины этой пирамиды?

— Как получится. Повторю еще раз: я тебя не держу, можешь хоть сейчас отправляться на доклад к мэру. Он хорошо информирован о жрецах и даже не помыслит меня останавливать. А я закончу все один.

— Нет, — твердо махнул головой Саша, приняв окончательное решение. — Я не отказываюсь от сказанного. Буду с тобой до конца.

— Хорошо. А сейчас поехали к гутчам. Близится сожжение.

* * *

Сотни гутчей плотно обступили срезанную пирамиду из поленьев. На ней лежало легкое, как пух, тело Ма-ка-Уаки. Оно высохло настолько, что несшим его не пришлось прилагать никаких усилий. Повсюду горели факелы. Один держал и я. Щупальца деревьев шевелились причудливыми тенями.

У каждого гутчи в руке было по сухой веточке. Подобно обычаю землян бросать комья земли в могилу с умершим, гутчи должны были бросить веточку в огонь. А я, подобно священнику некоторых местных религий, должен был сказать прощальное слово.

Я подошел к пирамиде, взошел по ступеням и высился над сооружением.

— Как ни крути, мы во многом схожи с людьми. Землянин Саша рассказал мне, что некоторые нации на Земле тоже сжигают своих мертвых. Очень жаль, что людям не хватает эмоциональной устойчивости. Как сделать, чтобы они научились уважать друг друга, верить ближнему, поддерживать во всем? Как помочь им отринуть ложь, осознав всю ее низость? Неужели сложно понять, что как аукнется, так и откликнется? Не год, не десять — долгие столетия нам жить вместе. Уверен, что вы так же, как и люди, хотите, чтобы исчезли эти барьеры вокруг городов. А то, что случилось с нашим братом Ма-ка-Уакой, считалось бы глупым недоразумением. Последним недоразумением, возникшим между ними и нами. — Свободной рукой я развязал тесьму притороченного к поясу мешка и сунул руку внутрь. — Надеюсь, урок справедливости будет выучен как следует. Вы знаете, что жрецы Океана Вечности — превосходные учителя. Люди также должны это знать!

Я воздел руку вверх, и собрание взревело одобрительным возгласом. Мертвые глаза отрубленной головы отразили огонь десятков факелов. Этот преступник-землянин с последней встречи был особо

несговорчив и груб. Мой сувенир присоединился к Ма-ка-Уаке.

— Пожелаем же нашему брату попутного ветра в Океане Вечности!

Я сошел на землю и поднес факел к пирамиде. Она мгновенно вспыхнула ненасытным пламенем. На моей поднятой вверх раскрытой ладони засиял анкх — сигнал к тому, что можно подходить и провожать покойного.

Вереница гутчей потянулась к пирамиде. Веточки полетели в гигантский костер. Одну бросил Саша. На его лице отображалась неподдельная скорбь.

На церемонию собралась вся община без исключений. Кто из гутчей, кто ушел с рабочего поста, после сожжения сразу вернутся назад. Никто из людей не препятствовал им проводить соплеменника в последний путь. Они тоже ни слова не высказали против того, что на священное действо явился чужак. Хорошо.

Когда от пирамиды с телом Ма-ка-Уаки остались лишь тлеющие угли, гутчи стали расходиться.

Я подошел к уставшему и удрученному Саше.

— Отправляйся домой. Хорошенько отоспись и езжай за мной вечером. Надеюсь, эти ублюдки клюнут на нашу удочку.

* * *

В пустом заброшенном цеху, куда под видом новых дилеров пришли мы с Сашей, было душно. Эхо от каждого движения блуждало от стены к стене, цеплялось за колонны, билось о площадки второго яруса и убегало на волю через оконные проемы.

На ящике посредине помещения сидел мужчина в белой майке, черных штанах и мокасинах на босу ногу. Подтянутый, но напряженный. Нехорошо.

Я приготовился к худшему.

Мужчина встал и сложил руки на груди.

— О-хо-хо! Чудеса да и только! Когда я услышал, что к нашему делу хочет примкнуть анубис, я ушам своим не поверил. Чё-то ты налегке. Где твой горб? Да и одет ты не так, как другие ваши. Не жарко?

— Умеренно, — ответил я.

Саша, как я ему и сказал, держался на шаг позади меня.

Энтузиазм говорившего землянина как рукой сняло.

— Где твое дружелюбие, собачка? Так у нас дело не пойдёт. Для начала улыбнись! Правда, хрен тебя поймешь, когда ты улыбаешься, а когда нет. — Он вновь опустил руки и слегка наклонился вперед. — Так чё, решил присадить анубисов на мет? До меня дошел слух, что один из ваших уже причащается. И ты, типа, состояние решил поднять на этом? Для тебя это будет недешево.

— Называй цену.

Человек опешил.

— Прямо так сразу?

— А чего тянуть?

— А того, шакал ты долбаный! — вдруг вспыхнул он. — Говорят, ты посек вчера много наших. А теперь заявился делать бизнес? Не борзо ли?!

— Никто не заслуживает Вечности так, как ее распространители, — повторил я свои слова.

— Чё? — вытаращился болтун. — Чё ты несешь? Сам, что ли, под метом? Ну, сука, короче, готовься. Отсюда вы с корешем не уйдете. Я твои сопливые хобота узлом завяжу, понял?

От колонн на обоих ярусах отделились тени. Я быстро сосчитал: пятнадцать человек. И у каждого огнестрельное оружие. Полное попираание межрасовой договоренности о разоружении. Третий слой человечества в действии.

Я отступил на полшага ближе к Саше, слыша, как он сглотнул ком в горле.

— Дрищешь, псина? — Трепач восторжествовал. —

Мы люди серьезные. Хрена ли ты пришел сюда качать права? Наша земля — наши законы.

— У меня есть имя.

— Да насрать.

— Насрете. — Выдернув из-под костюма та-линту, я подбросил ее высоко над собой. Пока громоздкий цилиндр, замерев, с визгом набирал вращательную скорость, люди в оцепенении рассматривали незнакомый предмет. А я загнал рукоятку посоха в трещину в полу и высоко подпрыгнул. Одной рукой оперся на оружие, второй — оттолкнулся от Сашиного плеча, добавляя себе еще высоты. От неожиданности он присел под моим весом, а мне того и нужно было. Я сразу убрал ту руку и распростерся над ним птицей. Все это заняло секунду времени. Шаровары и подрукавники раскрылись парусом, и в этот миг та-линта, достигнувшая пика скорости вращения, распаковалась. После громкого хлопка раздался дробный звон, я ощутил три толчка в корпус и укус в тыльную часть ладони, которой опирался на посох. Падая на ноги, я вновь полез под костюм и спросил Сашу:

— Цел?

— Да! Что это было?! — спросил он в полном изумлении.

— Та-линта.

Теперь наступила очередь та-кхъяты. Достав ее, я оценивал результаты взрыва. Отовсюду неслись вопли, стоны и ругань. Колонны, стены и пол были утыканы острыми клиньями. Жала из та-линты сразили почти всех преступников на обоих ярусах. В тех, кто еще держался на ногах, я произвел по меткому выстрелу. Раздалось четыре тихих щелчка, и из дула вылетели тонкие стержни, въедаясь в человеческую плоть. Спустя мгновение четыре тела поочередно разорвало на куски и разметало по всему помещению. Остро запахло смертью.

Мой невежливый собеседник с жалом в бедре, хромая, бежал к выходу. Саше следовало бы добить вы-

живших, но я сомневался в том, что он в состоянии справиться.

— Спрячься, — приказал я напарнику и бросился в погоню. По пути убрал та-кхъяту и выдернул жало из кисти.

Самоуверенный недоумок давно выскочил наружу, но я учел скорость его бега, срезал угол и помчался к окну. Выпрыгнув из проема, я принял горизонтальное положение и завертелся волчком. Ублюдок вильнул в сторону, но это его не спасло. Замедлившись, я подмахнул его посохом. С подрезанными сухожилиями далеко не убежишь.

Мы одновременно грохнулись наземь. Я тотчас поднялся. По ушам бил дикий крик. Ощущая спиной мой взгляд, человек перевернулся, чтобы видеть меня.

— Что ж ты творишь, падла?! Совсем оборзели, шакалы!

— Что я творю? Что творите вы?! Я не позволю изводить гутчей поганой отравой! У нас с вами разные понятия о чести и правосудии. — Острием посоха я пригвоздил его руку к земле, вызывая новый крик боли.

Из здания послышались выстрелы. Если атаковали Сашу, я не мог прийти на помощь — вдруг этого молодчика утащит кто-нибудь из уцелевших? А только ему известно, кто стоит за распространением метамфетамина в городе. Упустить его сейчас — остаться ни с чем.

Я провернул острие в ране. Землянин зарычал, его тело свело судорогой.

— А, сука! Он тебя накажет! Считай, что ты покойник! Всей вашей стае звездеч! Он найдет на вас управу!

— Кто — он? — Новый поворот лезвия — и из человеческой глотки вырвался нечеловеческий вой.

— Что ты как маленький? Да в городе пернуть нельзя без этого человека! Это же он приказал нам замочить вас!

— Имя?

После очередной прокрутки я услышал ответ. Так вот почему мне дали новичка!

Вынув посох из раны, я навис над плачущим землянином. Свистнуло лезвие. Перерезанное горло плюнуло кровью.

В здании еще стреляли.

Вернувшись туда, я увидел, как Саша с каменным лицом методично добивает раненых из их же оружия. Хорошо.

Я подошел к нему.

— Завтра тебе лучше не ходить со мной на доклад.

— Почему?

— Так надо. — Окинув взглядом убитых, я кивнул: — Ты замечательный человек, Саша, а таким быть сложно. Продолжай в том же духе, но будь осторожен. Тебя не ценят, а ты все-таки не жрец Океана Вечности, чтобы хорошенько постоять за себя. Удачи тебе.

— Значит, все?

Вместо ответа я протянул ему раскрытую ладонь. Он переложил пистолет, и мы попрощались крепким рукопожатием.

* * *

Мэр подскочил в кресле.

— Почему вы так нагло врываетесь ко мне?! По какому праву?!

Я неумолимо шел к нему по прелестному узорчатому ковру, для устрашения помахивая посохом. Вид смертоносного маятника заставил мэра побледнеть.

— Где охрана? — уже менее уверенно заговорил он. — Я буду кричать. Я позову полицию!

Он бросился к окну позади кресла, но моя тяжелая рука не позволила ему двинуться ни на шаг. Мэр вскрикнул от боли в плече. Кажется, там что-то хрустнуло.

Легким непринужденным движением я толкнул скулящего толстяка обратно в кресло и отшвырнул прочь массивный дубовый стол.

— Полиция не поможет, ты же знаешь. — Я положил раскрытую ладонь с укрепленным в ней анкхом ему на лицо и сжал достаточно сильно, чтобы он не смог произнести ни слова. — Как не помогли и твои головорезы. Ты ведь понимаешь: если я здесь, это означает, что они уже дрейфуют по Океану Вечности. — Из-под ладони заструился дым, из глаз землянина покатились слезы, он нечленораздельно замычал. — Что же вы за твари, люди? Ваше счастье, что жрецов Океана Вечности не допустили до войны. Гутчи предпочли справиться своими силами, без нас. Знаешь, почему? Потому что они искупали свою вину за нанесенный Земле вред. Дай они волю жрецам — и война превратилась бы в обычный геноцид. Полный геноцид землян! Безо всякой мотивации вы культивировали настрой против оккупантов! Оккупантов, которых не было. Молитесь вашим богам и помните, что ходите по берегу Океана, где каждую минуту вас может захлестнуть волна Вечности. — Лицо мэра побагровело, под моей ладонью шипело, человек трясся, но не смел даже поднять руку, чтобы остановить меня. — Стоило сразу догадаться, почему мне втюхали в напарники зеленого паренька. Чтоб дело продвигалось как можно медленнее, а? Тут вы просчитались. В связи с причинами смерти Ма-ка-Уаки, я буду подавать в Майорат прошение на прекращение всякого сотрудничества с землянами. На выведение гутчей из ваших городов, а землян — из наших. В конце концов, на обесточивание стен. Почувствуйте свою немощь. Это первый вариант.

Я отнял ладонь с анкхом. На щеке мэра багровел его выжженный отпечаток — клеймо Океана Вечности. Землянин попытался коснуться ожога, но передумал.

— Вариант второй, — продолжил я. — Пусть все остается по-прежнему, но при одном условии: систе-

★ ма правосудия вашего мира заменяется нами — жрецами Океана Вечности. Выбор будет сложным, но светлое будущее ждет вас только при втором варианте. При первом — вы постепенно станете зверьми, из которых когда-то эволюционировали. И догадайся, что будет с тобой, когда я прибуду в Майорат? Поэтому сейчас ты тоже сделаешь свой выбор.

Я развернулся. За спиной слышалось сиплое дыхание с тяжелым постаныванием. Выходя, я громко хлопнул дверью. Секретарь таращился на меня перепуганными глазами. А когда я покидал приемную, в кабинете мэра грянул выстрел.

* * *

Солнце жарило все так же нещадно, несмотря на утренний час. Кожа пересыхала.

Я дошел до та-хиты, забрался в кабину — духотища — и пустил силу. Мертво. Неожиданный поворот. Я даже слегка разволновался, но сразу взял себя в руки. Проверил возможные неполадки — не подтвердились. Тогда причина одна.

Выбравшись наружу, подошел к заднему борту и сорвал нужную панель. Гнездо для элемента пустовало. Нехорошо.

Гневно швырнув крышку на песок, я вышел из-за та-хиты и устремил взгляд к воротам. Ах вы, мерзкие негодники! Вот, значит, какова ваша месть? Ну, ничего, я люблю давать уроки. Выпустив хоботками избыток воздуха, я втянул их и решительно направился назад, к воротам. Еще километр по жаре, а потом и обратно! Это я тоже учту в наказании.

Но едва я сделал несколько шагов, как зоркий глаз отметил, что от города в мою сторону движется человек. Он не просто шел — неся очертя голову. Неужели что-то случилось? Или привратники опомнились и решили, не испытывая судьбу, вернуть элемент?

Вскоре выяснилось, что это Саша. Я терялся в догадках, что же могло произойти. Остановившись в нескольких шагах, Саша упер ладони в колени и тяжело произнес:

— Здравствуй, Па-та-Уака.

Я удивленно воззрился на него.

— Это то, ради чего ты так мчался ко мне, — поздороваться?

Он помотал головой.

— Это я изъял элемент ночью.

Сказав это, Саша достал из кармана тоненькую пластинку и протянул мне на ладони.

— Зачем ты это сделал? — изумился я.

— Не хотел, чтобы ты улетал... без меня. Пожалуйста, возьми меня с собой в ваш город. — И он упал на колени.

Еще одна неожиданность. Я пребывал в растерянности. Нехорошо.

— Встань. Негоже хозяину планеты стоять на коленях перед гостем. — Он поднялся. — Почему ты хочешь лететь со мной?

Я взял элемент и пошел устанавливать на место. Саша тем временем говорил:

— Мне уже известны все подробности о твоём разговоре с мэром. Весь город гудит, но гутчей никто не трогает. Пока я с тобой работал, я убедился, что вы не желали зла человечеству. Я окончательно удостоверился, что любой гутча больше достоин называться человеком, чем многие из землян... Даже ты.

Я медленно обернулся, крепко стиснув панель, которой собрался прикрывать элемент, и всмотрелся в лицо моего бывшего напарника.

— Что значит «даже я»?

Он лукаво улыбнулся.

— Я раскрыл твой секрет, Па-та-Уака. А оттого впечатлен еще больше. Есть ряд признаков, по которым можно только догадываться о твоей особенности. Нет нужды в симбионте, невероятная координация движений, вспыхивающие глаза. Но это еще не доказа-

★ **608** **ДЕНИС ОВСЯНИК**

тельства. Мало ли, что представляют собой жрецы Океана Вечности? О вас нам известно мало. Основной и неопровержимый мой аргумент заключается в вашем языке. Ты же сам сказал, что проникнуть глубже в мысли чужака можно, изучив его язык. Именно поэтому гутчи стараются не открывать его нам, предпочитая учить земные? Но многое можно понять и просто логическим путем. Мне показалось, я ослышался, когда ты мне представился. Приставка «ка» в именах всех гутчей означает «живой, живущий, живорожденный», ведь так? То же касается и ка-ниферы... Позже, после того как ты озвучил название той жуткой взрывчатки, полной жал, я провел аналогию. — Он указал на та-хиту. — Та-хита — летающая машина. Та-урита — ездящая машина. Та-линта — жалящая машина... Следовательно, Па-та-Уака — Па, машина рода Уа?

Я отвернулся, не спеша защелкнул панель на элементе и пристально посмотрел на Сашу. Необычайно пронизательный землянин. В его-то годы. Хорошо. Чертовски хорошо!

Прыснув хоботками, я тоже улыбнулся.

— Из тебя будут люди! Добро пожаловать в летающую машину! — Я откинул ступени.

Как известно, машины беспристрастны. А стало быть, наилучшие в правосудии. Возьмем, к примеру, меня...

МИХАИЛ КЛИКИН

ВНУЧОК

Тятничного автобуса ждала вся деревня. К механизатору Сане Малышеву должен был приехать городской приятель — весь год просил сводить его на рыбалку, и вот наконец-то сумел вырваться. В дом покойной Ирины Михайловны, как обычно, на время отпуска поселялись наследники-дачники — семейная пара лет сорока; бездетные, тихие, интеллигентные. Пасечник Корыстылёв, живущий на окраине, готовился встретить подругу детства — недавно она прислала ему письмо, а Петр Петрович вот уже лет десять как был вдовец, поэтому на весточку ответил, пригласил школьную любовь в гости на ягоды и свойский мед, она и согласилась, так как тоже недавно осталась одна, и в городе ей было скучно.

А к Маргарите Васильковой, которую промеж собой все в деревне называли Божьим Одуванчиком, приезжал внучок Боря. Бабушка Маргарита помнила, что осенью внуку как бы положено писать сочинение на обычную тему, и заочно краснеть перед учительницей ей не хотелось, поэтому она, исправно играя роль заботливой бабушки, навела везде порядок, прибралась в избе и даже вымыла в эмалированном тазу блохастого кота Мурзика. А в четверг во второй половине дня, когда до прибытия в деревню гремящего «пазика» оставалось чуть больше суток, она зашла

к соседу Грише и попросила его привести в порядок колодец.

Гриша Ерохин о колодце помнил — это дело ему поручили на общем собрании, состоявшемся во вторник. Он уже натаскал глины с оврага, обложил сруб высоким «замком», чтобы верховая вода не попадала в колодец. Поменял он и старое худое ведро — приклепал вместо него новенькую бадью. Деревянная посуда хорошо, очень по-деревенски, но вот зачерпнуть ей воду было непросто — она плавала, хоть и была тяжелей старого ведерка; чтоб ее утопить, приходилось баландать цепью. Гриша еще заметил петли на крышке колодца. Раньше там стояли железные, ржавые, скрипучие. Он их оторвал, прибил брезентовые полоски, попробовал: вроде, держится крышка; поднимается-опускается — что еще надо? А то, что она Маргарите чуть на голову не упала, когда та плавающее ведро по воде гоняла, — ну так неча так сильно за цепь дергать.

— Поправишь к завтра петли-то? — строго спросила Божий Одуванчик.

— Поправлю, — легко пообещал Гриша, думая о припрятанной в соломе бутылки с самогоном. Чай, целый день прошел в трудах — уже можно и пригубить.

— А по приезду внука с банькой поможешь, — то ли спросила, то ли приказала Маргарита.

— Да не вопрос! — Гриша козырнул по-военному; он-то в гости никого не ждал. К нему разве только забудьги из райцентра заезжали, но это редко было и подготовки обычно не требовало.

Воротившись домой, бабушка Маргарита принесла из подпола дозревший квас, убрала его в тарахтящий холодильник. По приставной лесенке слезла с моста на чердак, сняла березовый веник, понесла в баню, что стояла на краю оврага.

В бане было сумрачно. Свет едва пробивался через пыльное стекло крохотного оконца. Электричества здесь никогда не водилось. На полке стояла керосиновая лампа, но Маргарита ее зажигать не стала.

В полутьме она вымыла пол, вытерла тазы, принесла в предбанник сухих дров, а потом села на лавочку, прикрыла глаза и долго вспоминала покойного мужа Лёшу, который эту баню строил. Поплакала чуть, пожалела, что на кладбище теперь никак не дойти, могилку не поправить, не обкосить, оградку не покрасить. Да и есть ли оно сейчас — это кладбище...

Из бани бабушка Маргарита направилась к Колтыриным — у тех опять собрание было: семь человек пили под яблоней чай с ватрушкой. Колтырины держали много скотины. Были у них две козы, Машка и Зинка, бодучая корова Веснушка, безмянные овцы с бараном, туча курей, хряк со свиньей, гуси, утки, три индюшки с индюком да кролики, то мрущие, то плодящиеся — их потому и не считали никогда. Правление Колтыриным, конечно, помогало — сено подвозило, солому, корм какой-то странный выдавало — сухие серые шарики без запаха и вкуса — замочишь кипятком три горсти, получишь ведро нажористого пойла. Без этой помощи такое хозяйство всей деревней пришлось бы содержать!

Понятное дело, что городские к Колтыриным ездили часто. Земли-то много, сад большой, огород, и скотины целый зоопарк — есть что поглядеть.

— Бог в помощь! — Бабушка Маргарита чуть поклонилась; не дожидаясь приглашения, села на краешек скамьи, взяла предложенную чашку, сама отломала уголок ватрушки.

— Готова ли ко встрече внука? — негромко спросил у нее Максим Колтырин.

— Все как договаривались, — так же тихо ответила Божий Одуванчик.

— А не жалко тебе его? — спросила Елена Колтырина. — Чай, родной.

Бабушка Маргарита прыснула в кулак. Остальные тоже заулыбались. Только Федя Демидов остался мрачный. Он колюче глянул на соседей из-под седых бровей, покачал головой, пробормотал:

— Чему радуетесь? Может, выживет он еще. Коло-

★ — дед да баня... Надежно ли?.. Нет бы по-моему сделали — ветлой бы придавили, и дело с концом.

— Да, ветлу надо пилить, — согласился Максим Колтырин. — Ну да она и до следующего раза подождет, никуда не денется. А внуков у Маргариты — конца-краю не видно...

* * *

Внука звали Борей.

Бабушка Маргарита узнала его сразу — в автобусе он один такой был. Боря буквально прилип к окошку, было заметно, что ему тут все интересно, все в новинку — наверное, издалека приехал. Она помахала ему, он ответил тем же и заторопился к выходу, хотя автобус только-только подкатил к остановке и даже дверь еще не открыл.

Внук первым прыгнул в дорожную пыль, закинул рюкзачок на плечо, побежал к бабушке. За его спиной из автобуса осторожно выбирались дачники, выгружали здоровенные баулы, заблокировав дверь. Им, ласково поругиваясь, помогал пасечник Коростылёв — он торопился обнять школьную подругу; она уже кричала ему что-то радостное, норовя переступить через чужой багаж.

— Как доехал? — спросила бабушка Маргарита у внука.

Тот показал большой палец. Отвлекаться на разговоры ему, похоже, было некогда. Он жадно озираясь, набираясь впечатлений — приехал-то всего на два дня. Маргарита с улыбкой следила за внучком: вот он увидел утку, ведущую выводок от пруда; вот услышал крик петуха; вот заметил кривоногую Жучку, бегущую с высунутым языком, — испугался немного.

— Она не кусается, — сказала Маргарита. — Пошли давай. Наглядишься еще.

От остановки до дома было минут пятнадцать ходу. А они шли почти час. Внучок то и дело останавливал-

ся, отвлекаясь на всякую ерунду, — то жука в траве углядит, то ластящуюся кошку погладит, то к ласточкам под крышей взглядом прикипит — по всему видно было, что в деревне он впервые.

В избе он и вовсе застыл на пороге. Бабушка Маргарита трогать его не стала, прошла на кухню, затопила печь по-летнему — пучком хвороста. Углей хватило на два десятка блинов. Она складывала их стопкой, прислушивалась: как там внучок? Аккурат к трапезе он освоился, прошел в комнату, посидел на скрипучем диване, слушая, как бьются мухи в стекло, потом перебрался на стул к окошку, кончиком пальца собрал капельки с «ваньки мокрого», попробовал их на вкус.

— Проголодался, чай, — сказала бабушка Маргарита, расстилая салфетку поверх скатерти.

Она принесла блины, сметану в миске, масло в кружке и мед в блюде. Спустилась в подпол, вернулась, держа в руке крынку. Быстро сняла вершок на сметану, налила молока в стакан.

— Запивай.

Внучок Боря уплетал блины так, что за ушами трещало. Бабушка Маргарита села против него, включила тихонько радио, из комода вынула фотоальбом, положила его на стол, развернула, подвинула к внуку. Взялась рассказывать:

— Это твой дед. Он конюх был, а я в колхозе на птицефабрике работала. Пять детей у нас было: Гена, Юра, Марина, Вася и Таня. Марина маленькой умерла — жизнь тогда была такая. А Васю в двадцать лет бык забодал.

Она тихо заплакала. Внук перестал есть, посмотрел на нее с интересом — как на жука или на ласточек.

Она вытерла слезы, покашляла, стала дальше листать альбом:

— Вот мы в Москве на выставке. А это корова наша, Зорька. Видишь, дою я ее. Дед тогда фотоаппарат в спортлото выиграл, вот, баловался, снимал все. В рундуке до сих пор его красный фонарь лежит.

А остальное внуки давно разобрали. Ты-то что хочешь на память взять? Какой сувенир? Решил уже?

— Нет, — Боря покачал головой.

— Ну да ладно, потом надумаешь. — Она махнула рукой и встала, чтобы собрать посуду.

— А что мне делать можно? — спросил внук, тоже поднявшись.

Она пожала плечами:

— Погуляй пока. Потом поможешь. Делов на сегодня немного: яйца у кур соберем, малину на варенье пощиплем. А завтра за водой сходишь, баньку затопим.

— А потом? — спросил он.

— А потом видно будет, — ответила она и улыбнулась.

* * *

Утром Борю разбудили петухи. Он долго лежал на пуховой перине, вслушивался в непривычную тишину, пытался угадать, что за звуки раздаются на улице. Потом поднялся.

Пол был холодный, и ему пришлось обуть войлочные галоши — бабушка назвала их смешным словом «чуни». В комнате — горнице — было светло. За окном от ветра шевелился куст — сирень. По ней, звонко цвяркая, скакала стайка мелких птичек — их название Боря еще не знал.

— Проснулся ли, паря? — Бабушка заглянула в комнатку, где из всей мебели были кровать, два сундука, лавка и стол. — Пошли в избу, завтракать пора.

Боря еще вчера понял, что кормят здесь, как на убой, — это странное выражение он прочитал в путеводителе. Завтрак только усугубил это впечатление. На столе стояли чугунок с картошкой, миска с солеными грибами, тарелка огурцов, сало, кружка молока и ломоть хлеба.

— Ленишься не дам, — сразу предупредила бабушка. — Так что заправляйся и выходи. А я пока пойду

жуков с картошки собирать. Ползут, сволочи, откуда-то! Жжем их, жжем, а они все равно лезут.

Она покачала головой, быстро собралась и ушла, что-то бормоча под нос. Борис выглянул в окошко, но бабушки не увидел. Его внимание привлекла девушка в сарафане и резиновых сапогах. Она явно была местная — шла куда-то по своим местным делам, несла на плече грабли. Борис с интересом проследил за ней, только потом взял из чугунка картофелину, положил рядом с ней на тарелку ложку грибов и кривой пупырчатый огурец, отщипнул немного хлеба...

Еда была простая, грубая, но довольно вкусная.

Борис быстро насытился, послушал радио, полистал фотоальбом. В избе было тихо и скучно, накрытый салфеткой телевизор, как выяснилось, не работал, а в окне мало что можно было разглядеть, поэтому Борис, не теряя времени даром, отправился на улицу. Бабушку он нашел за домом — она ходила по полю с банкой в руке, собирала в нее ярко-оранжевых личинок и полосатых жуков. Увидев внука, она поставила жестянку на землю, закрыла ее и, вытирая шершавые руки о замызганный подол, поспешила к тропке, справа от которой росла жгучая высокая трава, а слева — колючие кусты с зелеными, должно быть, незрелыми ягодами.

— Ну, паря, пошли сено валить, — сказала бабушка. — Одной-то мне несподручно, а вдвоем управимся быстро. Ты подавать снизу будешь, а я по сеновалу раскладывать. Сможешь?

Боря пожал плечами. Откуда ему было знать?

Но крестьянская работа оказалась простой. Знай, тыкай вилы под правильным углом в кучу сухой травы да поднимай ее повыше и пихай под крышу двора. Сено приятно пахло, но с него летела колючая труха. Боря поначалу отряхивался, выскребал мусор из волос пальцами, но бабушка, заметив это, высмеяла его.

— Чай, не вши, чего ты там колупаешь? В баню пойдешь скоро, вычешешь все, вымоешь.

Несмотря на неприятные мелочи, в целом Боре работать понравилось. Он помог бабушке вычистить козью стайку, принес на двор пять охапок соломы, помахал косой, срезая лопухи и одуванчики в низинке за домом. И очень удивился, обнаружив на ладонях надувшиеся пузыри.

— Ну и хватит на сегодня, — решила бабушка Маргарита, с улыбкой оглядев внука. — А то завтра не встанешь, с непривычки-то.

Они сели на лавочке в тени большой липы. Какое-то большое насекомое упало в траву под ноги Боре, зажужжало. Он наклонился, вопросительно глянул на бабушку.

— Шмель это, — ответила она на незаданный вопрос. — Ты его не трожь, укусит... А перед отъездом, может, сходим с тобой на пасеку. Пчел поглядишь. Хочешь?

— Хочу.

— Что-то ты молчишь все. Рассказал бы, как дела в городе, что в мире делается.

Внук глянул на нее чуть испуганно, чуть растерянно — словно школьник, не выучивший урока, но думавший, что сегодня его к доске не вызовут. Она тут же поняла, что спросила лишнего, замахала руками, засмеялась:

— Да шучу я, шучу! Ты погоди меня тут, я сейчас ведра принесу. На колодец за водой сходишь. А я пока баню затоплю. Отмоешься, попаришься — а там и обед. Любишь окрошку? Такой окрошки, как у меня, во всем мире не найдешь!

Она, продолжая что-то говорить, ушла в дом, вернулась минут через пять, поставила на скамейку жестяные ведра, принялась подробно объяснять, как черпать воду, подкрепляя слова пантомимой:

— Ведро кинешь вниз. Вода глубоко — пока не наклонишься, не разглядишь...

Борис внимательно слушал, кивал, запоминал. Память у него была хорошая.

— Ну, иди-иди, что ли... — Бабушка вручила ему ведро, подтолкнула к тропке. — Не тяни время-то. Видимо, вода была ей очень нужна...

* * *

Колодец стоял у дороги.

Боря поднял крышку, осторожно заглянул внутрь. Как и предупреждала бабушка, воду там было не разглядеть. Он снял тяжелую бадью с гвоздя, кинул ее вниз — и едва успел уклониться от кованой ручки ворота — она, раскручиваясь, вполне могла своим краем проломить череп.

Бадья звонко шлепнулась в воду, а ворот все вертелся и грохотал — Боря попытался его поймать, но получил удар по пальцам и отдернул руку.

Наконец сбегающая цепь остановилась. Боря выждал минуту, потом начал поднимать бадью. Когда она закачалась вровень с полкой колодца, он увидел, что воды в ней чуть — на дне. Бабушка предупреждала его об этом и говорила, как нужно делать: взять за цепь, подрыгать ее из стороны в сторону, подергать, пока бадья не начнет наполняться водой.

Он взялся за холодную ручку обеими руками, стал медленно ее поворачивать, уже не рискуя отпустить. Когда бадья вновь дошла до воды, перегнулся через рубленую полку, заглянул в темный сруб, ухватил цепь, начал дергать, раскачивать ее.

Он все ниже и ниже перегибался через край колодца.

Ноги его скользили на мокрой свежей глине.

А сбитая из досок крышка все заметней подрагивала, словно готовящаяся захлопнуться западня...

* * *

Гриша Ерохин, хоть и был пьяненький, но пришел вовремя. Он твердым, как дерево, пальцем постукал по дребезжащему стеклу. Маргарита выглянула в

окошко, кивнула — «жди!» — и только минут через пять вышла на крыльцо, держа в руке ковшик с длинной ручкой.

— Баню я затопила уже, — сказала она Грише. — Ты только дров подкинь и щеколду на двери поправь — она вот-вот отвалится. Если будет темно, зажги лампу. — Она протянула ему ковшик, стараясь не потревожить содержимое. — Вот керосин. Заправишь, если надо.

Гриша кивнул.

— А где внук-то?

— За водой отправила.

— Так, может, и не потребуется сегодня банька-то?

— Ты иди, делай, как договорено. А остальное — моя забота.

Гриша пожал плечами и направился к оврагу. Маргарита проводила его взглядом, повернулась, чтобы воротиться в избу, но тут из-за угла соседского дома вышел, покачиваясь, внучок Боря с ведрами в руках. По его шее текла кровь, на лбу и щеке пламенили ссадины. Бабушка Маргарита всплеснула руками, бросилась к помощнику, отобрала у него ведра:

— Что случилось?!

— Я чуть в колодец не упал. Крышка свалилась.

Бабушка Маргарита заохала, запричитала; поставила ведра с водой на траву, ощупала раны.

— Больно? Как же ты так неосторожно?! Ну, ничего-ничего. До свадьбы заживет. Царапины одни. Хорошо хоть вниз не свалился. Утоп бы!

— Я больше к колодцу не пойду, — сказал Боря.

— А и не надо! И так сегодня сколько дел приделал, помощник мой. Отдыхай! Банька почти готова. Ты пока ляг в палисаднике, позагорай. Я там как раз одеяло ватное постелила прожарить.

Бабушка едва ли не силой отвела Борю в загородку, где росли ирга и туя, уложила внука на красное одеяло, горячее от солнца, сбегала за книжкой и сахарными пряниками, обработала царапины зеленкой из старых запасов, к большой ссадине на шее заста-

вила приложить лист подорожника. И, уверившись, что с внуком все в порядке, ушла смотреть, как идут дела у Гриши Ерохина.

* * *

Гриша со щеколдой долго возиться не стал, подвигал ее туда-сюда, подкрутил, махнул рукой, сказал вслух:

— И так сойдет.

Он подобрал кусок проволоки, валяющийся на листе железа, прибитом к полу перед топкой, повесил на дверную ручку. Подкинул в печку дров, разулся в предбаннике, зашел в самую баню — выметенную и вымытую — там уже было жарко, вода в котле вот-вот должна была закипеть.

Он снял с крючка лампу, чтобы долить в нее керосина, но она уже была полная. Тогда он поставил ковшик на лавку и забыл о нем. Замочил в тазу подготовленный Маргаритой веник. Увидел искорку на шелушащемся окалиной боку печи, подошел ближе, ковырнул гвоздиком, легко проткнул выгоревший металл и покачал головой:

— Надо менять печку-то.

Его мучила жажда. Он хотел хлебнуть воды из кадушки, но заметил около нее ковшик, похожий на тот, в котором принес сюда керосин. Поднял посудину, принюхался — в ковшике был квас — такой квас только Божий Одуванчик умела делать — одна на весь белый свет. Он не удержался, глотнул пару раз. Потом, решив, что прегрешение скрыть все равно не получится, допил остаток, крикнул, вытер губы рукавом.

Бабка Маргарита, словно почуяв, что на ее добро покусились, шумно затопталась у прикрытой двери, застучала в нее кулаком:

— Ты там ли, Гришка?

— Иду, иду!

Он кинул пустой ковшик в кадушку, вышел в предбанник. Входная дверь была приоткрыта, Божий Одуванчик внимательно разглядывала щеколду.

— И так сойдет, — объяснил ей Гриша. — Я шурупы покрепче протянул. А чтобы не отпадало, надо проволокой примотать.

Маргарита покачала головой, но ничего на этот счет не сказала.

— Ладно, сосед, иди домой.

— Тебе печку менять пора, — важно сказал Гриша, чтобы хозяйка поняла, что он тут не дурака валял, а делом был занят. — Я поглядел: насквозь прогорела.

— Знаю я. Или уж.

Она посторонилась, выпуская Гришку, а следом за ним и сама вышла из бани.

* * *

Маргарита, зная, что внук в деревенскую баню идет впервые, одним напутствием не обошлась — ей хватило колодца, чтобы понять, что только на слова рассчитывать не надо. Она проводила Борю по тропке до оврага, вместе с ним зашла в темную жаркую избушку, показала, как запереть щеколду на двери, как замотать ее проволокой.

— Можно, конечно, не закрываться, — сказала она. — Но у нас как-то воришка повадился украшения и одежду таскать, пока люди мылись. Так что ты лучше запрись от греха подальше. Воришку-то мы так и не поймали.

Она, не раздеваясь, объяснила, как похлестывать себя веником, выгоняя хворь из натруженных костей и мышц. Добавила, что на полке надо обязательно пропотеть, перетерпеть жар, зато потом, когда на вольный воздух выйдешь, будто заново родишься.

— Там в ковшике я кваску оставила, найдешь. Он

пахучий такой — ни с чем не спутаешь. Ядреный, но ты его не пей. Ты его на печку плесни перед тем, как париться будешь, — аромат волшебный пойдет, и воздух целебным станет.

Уходила она неохотно, словно чувствовала, что забыла сказать еще что-то важное, и не могла вспомнить, что именно. Он закрыл за ней дверь, задвинул щеколду, закрутил проволокой — чтоб не отпала и чтобы вор не залез. Потом разделся, с интересом оглядывая свое щуплое смешное тело, отражающееся в мутном облезлом зеркале, приставленном к одной из бревенчатых стен. Окошко в предбаннике было маленькое, оно располагалось у самого пола, и света от него почти не было. Но бабушка предусмотрительно зажгла керосиновую лампу, поставила ее на лавку, где Боря бросил одежду.

В жаркую моечную он зашел, затаив дыхание. Постоял, привыкая, оглядываясь. Забрался на высокую полку, полежал там, потев, отдуваясь. Потом спустился, взял веник из таза, попробовал хлестнуть по ноге — это оказалось совсем не больно. Впрочем, и обещанного удовольствия он тоже не испытал.

Может, все дело в квасе?

Борис взял ковш, понюхал жидкость — у нее, действительно, был сильный запах — ни с чем не спутаешь. И, сделав шаг к раскаленному печному боку, он с силой выплеснул на него содержимое ковша.

Пламя взметнулось до потолка, фыркнуло и опало, растеклось по полу. Борис закричал тонко, скорчился, пытаясь руками стряхнуть с ног и тела жгучий огонь. Сухие стены вспыхнули почти сразу, словно были пропитаны чем-то горючим. Голый Борис, продолжая кричать, вывалился в предбанник, ударил плечом во входную дверь. Она была заперта — он сам ее старательно запер.

Борис начал раскручивать проволоку на щеколде, но она ломалась. Едкий дым быстро наполнял тесное помещение. Борис закашлялся, бросился к низкому оконцу, выбил стекло, порезав кулак.

★ — На помощь! — заорал он, стоя на коленях. — Помогите!

Его не слышали. Он понял, что попусту теряет время, и вскочил, задев лавку, опрокинув керосиновую лампу. Она разбилась, развалилась на части. Маслянистая жидкость, пахнувшая точно как квас в ковшике, растеклась по полу, вспыхнула. Борис, кашляя, задыхаясь, всем телом налетел на дверь. Меняющимися пальцами сорвал последние проволоочные витки. Но щеколда не поддавалась. Что-то с ней было не так.

Он повернулся, увидел себя в мутном зеркале — уже другого, не смешного и тщедушного, а настоящего — подтянутого, с плоским животом, с кожистым наличником, с острыми церками.

Он понял, что сейчас умрет, и застрекотал.

* * *

На пожар сбежалась вся деревня. Саня Малышев и Тимофей Карасин таскали воду из пруда, заливали крышу, Максим Колтырин размахивал совковой лопатой, пытался песком сбить огонь со стен, баба Ньюша причитала, Маргарита Василькова охала, держась за сердце, а пьяненький Гриша, отворачивая лицо от пламени, рубил заклинившую дубовую дверь топором и ругался.

Они отступили, когда огонь проел крышу и поднялся вровень с осиной, растущей на краю оврага.

— Спаси господь его душу, — сказала баба Ньюша, как-то разом успокоившись. Она перекрестилась, жалостливо поглядела на Маргариту, покачала головой...

Догорела баня только утром.

Прибывшая комиссия осмотрела еще горячее пожарище. Служители в оранжевых комбинезонах вынесли обугленные останки Бори, завернули их в серебристую ткань, перевязали алой лентой, погрузили на самоходную платформу, парящую в метре от земли. Два инспектора в белом прошли по всей деревне

от дома к дому, опросили жителей. Больше всего времени они провели у Маргариты Васильковой и у Гриши Ерохина, восстанавливая картину происшествия, записывая показания на какой-то прибор, похожий на живого таракана. Собравшись уходить, велели хозяйке сложить все вещи погибшего внука — за ними скоро должен был прибыть представитель туристической конторы, организовавшей отдых Бориса.

Последним Маргариту Василькову навестил управляющий. В избу он вошел без стука, сел у окна, долго молчал, глядя, как хозяйка занимается делами. Потом сказал:

— Не понимаю, как вы без нас жили.

Она выпрямилась, посмотрела на него, ничего не ответила, хоть ей и очень хотелось.

— Я решил бы, что вы специально все подстраиваете, — сказал управляющий, — если бы не знал, что в других резервациях происходит то же самое. Специалисты не понимают, как ваши дети успевали повзрослеть. Вы не жили, а выживали среди смертельных опасностей, ставших обыденными!

Он выдержал паузу. Продолжил ровным голосом — будто лекцию по бумажке читал:

— Вы же вымирали, пока не появились мы. Тысячами гибли на дорогах. Всю жизнь травили себя алкоголем и плохой едой. Тонули в морях и реках. Заживо сгорали в пожарах... А ваши войны! Так почему вы так неблагодарны? Мы сделали вашу жизнь безопасной, упорядочили ее. А ради чего вы воевали? Зачем так долго сопротивлялись?

Маргарита Василькова пожала плечами, улыбнулась управляющему, ответила:

— Дураки были. Счастья своего не понимали.

Он сидел еще долго. А она перебирала старые вещи, которые когда-то были ее собственностью, а теперь принадлежали музею гостевого типа «Деревня Туески», — бесцельно перекладывала их с места на место, гладила руками: рубашки и штаны сыновей, погибших на войне, платья дочери, получившей по-

жизненное направление в трудовой лагерь, игрушки настоящего внука, попавшего под программу сокращения туземного населения, куклы внучки, исчезнувшей во время кампании выбраковки.

Он, кажется, все ждал от нее какого-то ответа. Может быть, благодарности. Но так и не дождался, встал, изменив человеческий облик на более привычный — сделался похожим на гигантского богомола. Уже в дверях он сказал еще что-то, но бабушка Маргарита его трещание не поняла.

* * *

Второго августа у Колтыриных опять было большое собрание — отмечали день рождения Егора Васильева. Праздновали шумно, весело, с песнями, с танцами — как в старые времена. Ближе к вечеру, когда чужаки не выдержали пытки комарами и покинули застолье, поредевшая компания перебралась под крышу застекленной веранды.

— В следующую пятницу большой заезд, — напомнил Максим Колтырин, разливая чай из самовара, расставляя горячие чашки перед гостями, раскладывая варенье в мисочки: в красную — малиновое, в зеленую — яблочное.

— Ко мне племянник приедет, — поделилась бабушка Нюра. — Взрослый уже, хочет повидать места, где провел детство.

— А ко мне сын из армии возвращается, — сказала Нина Гаврюшина. — Три года на флоте был.

— А я жду фельдшерицу из города, — сказала бабушка Маргарита. — Она только институт закончила, прислали сюда. Жилья пока не дают, так что я ее к себе пустила побыть.

— А может, дачников выберем? — сказал Саня Малышев. — Давно живут. Даже удивительно, что ничего с ними не случилось.

— Пожалуй, — согласился Егор Васильев. — А способ?

— Пчелы, — предложила бабушка Маргарита.

— Было, — сказала Нина Гаврюшина.

— Ветла, — напомнил Федя Демидов.

— Пусть пока постоит, — сказал Максим Колтырин.

— Удар молнии.

— Это как вообще? Нет — слишком сложно.

— Сортир, — вдруг поднял голову пьяненький Гриша Ерохин. — Помню, у меня как-то поросенок молочный в выгребную яму провалился — еле успели достать. А у дачников дом старый, туалет, небось, прогнил весь...

Все переглянулись.

— Хороший вариант, — сказал Егор. — Но нужен еще один способ — запасной.

Они расселись за столом, зажгли керосиновую лампу и стали пить горячий чай, пахнущий дымком и мятой, строя планы на ближайшее будущее.

Далеко вперед они не заглядывали, так как не знали, что будет с ними через год, через десять лет. Но они надеялись, что у них останется достаточно времени, чтобы отомстить за каждого убитого и пропавшего без вести.

Они надеялись, что у них хватит терпения и хитрости, чтобы и дальше скрывать свою ненависть.

ОНИ ПРИШЛИ

 тут эта сука выбивает мяч за ограду стадиона! — зло закончил сержант Джексон и с остервенением вгрызся в двойной гамбургер.

— Оу, fucking! — с сочувствием отозвался капрал Марджери. В отличие от Джексона он к бейсболу относился вполне спокойно. Нет, Марджери, конечно, регулярно смотрел матчи по телевизору в спортбаре и, случись что, вполне готов был поддержать разговор на тему типа: почему в прошедший уикэнд «Los Angeles Dodgers» слили матч «San Diego Padres»¹. Но мотаться каждый уикэнд двести с лишним миль из Блайта до Сан-Диего и обратно только для того, чтобы посмотреть матчи с трибун «Petco Park»², — такого капрал не понимал. Неужели на выходные нельзя найти никакого другого более приятного занятия? Впрочем... капрал покосился на своего сегодняшнего напарника и еле заметно усмехнулся. Судя по тому, что Джексон с большим трудом помещался на переднем пассажирском сиденье полицейского «Форда», да и то только изрядно откинув спинку, некоторые при-

¹ Бейсбольные команды из городов Лос-Анджелес и Сан-Диего, Калифорния.

² Один из самых известных бейсбольных стадионов, расположенный в городе Сан-Диего, Калифорния.

ятные занятия этой туше явно были недоступны. Ну, или сильно затруднены. Бабы же — они на сало не клюют. Им другое подавай... А со всем этим другим у сержанта были большие проблемы. Даже если под другим понимать еще и тугой кошелек...

Пш-ш-ш-рхх... — сержант покончил с гамбургером и, «свернув голову» большой бутылке «кока-колы», жадно присосался к горлышку. Капрал снова бросил взгляд на сегодняшнего напарника. Да уж... сожрать шесть, нет, вы только подумайте, ШЕСТЬ двойных гамбургеров и... заботясь о здоровье, запить все это *диетической, обезжиренной* «кока-колой»... А с другой стороны — пусть хотя бы так. А то уже сейчас четыреста фунтов живого веса непросто разместить даже в таком здоровенном внедорожнике, в котором они сейчас сидели. И это еще слава богу, что у них сельский округ, то есть почти треть населения живет по глухим ранчо, к которым ведут раскатанные грунтовки, вследствие чего управление шерифа и вынуждено закупать для патрульных именно внедорожники. В обычный городской полицейский автомобиль Джексон перестал бы помещаться уже лет пять назад.

Выхлебав чуть больше половины бутылки, Джексон шумно выдохнул, потом длинно и протяжно рыгнул и с блаженным выражением на лице откинулся на спинку.

— Уф... хорошо поел. — Посидев несколько секунд, он повернул голову к капралу: — А ты как? Не желаешь перекусить? Можем по-быстрому проскочить до «Эль гаучо».

— Нет, саж¹, — мотнул головой Марджери. — У меня режим.

— А ну-да, ну-да, — кисло скривился Джексон. — Ты ж у нас — спортсмен... — Он посидел молча пару минут, потом вздохнул и с большим сожалением в го-

¹ Довольно распространенное жаргонное именование сержанта в американской армии и полиции.

лосе произнес: — А я бы сейчас полакомился парочкой буррито.

Капрал едва не поперхнулся — это после шести гамбургеров-то... а сержант снова тяжело вздохнул по упущенным перспективам и, всколыхнувшись всем телом, выудил откуда-то из-под задницы упаковку «Твикса», после чего, не откладывая дела в долгий ящик, развернул ее и сунул одну из палочек в рот. Целиком. Хрустнул, а затем удивленно произнес:

— Хм... что это там?

— Где?

— А вон, за «Пареньком в шляпе» — так называли одну из приметных скал, которая, на взгляд Марджери, ну совершенно не напоминала ни паренька, ни тем более, шляпу.

— Э-э... а это, наверное, дальнобойщики.

— Дальнобойщики?!

Джексон большую часть времени обычно торчал в офисе шерифа, занимаясь оформлением задержанных, выдачей справок и всякой другой бумажной мутотенью, поэтому слабо разбирался в особенностях данного участка местности.

— Ну да. Там, в трех милях восточнее, пост весовщиков¹. Вот кое-кто, кто зацепил себе «за спину» на пару тонн больше разрешенного и объезжает их через ранчо тетушки Деннис.

— Это через Литл Криик, что ли?

— Нет, дальше, мимо Одинокого Зуба и на север.

— А там что, дорога есть?

— Теперь есть, — усмехнулся капрал. — Наездили.

— Хм, — криво усмехнулся сержант. — Это значит, Глухой Джо сегодня останется с носом.

Глухим Джо звали начальника весового поста. Это

¹ Весовой дорожный контроль — одна из дорожных служб США, которую водители-дальнобойщики боятся едва ли не больше, чем полицию. Обладает правами (и активно ими пользуется) накладывать на водителей и транспортные компании США просто чудовищные штрафы.

был здоровенный краснорожий пятидесятилетний мужик, действительно страдавший легкой глухотой. Вот только остальным от этого было только хуже. Потому что из-за этой глухоты он имел привычку все время орать. А когда на тебя орет такое дюжее, краснорожее могучее тело, то ты точно будешь чувствовать себя не слишком-то уютно. Даже если оно орет всего лишь что-то типа: «Доброе утро»... Поэтому особенной популярностью у окружающих Глухой Джо не пользовался. Впрочем, ему было на это совершенно наплевать. Как говорится в одном известном анекдоте: «У носорога очень слабый слух и плохое зрение. Но с его массой и характером — это совершенно не его проблемы»...

— А может, и не дальнобойщики, — задумчиво произнес капрал. — Уж больно разноцветно там все светится...

— Пф! — фыркнул Джонсон. — Был я на фестивале траков в Сакраменто. Там вообще у многих установки цветомузыки на крышах стояли. Едет себе такой трак по дороге, а над ним на облака всякая хрень проецируется — звездочки, круги, лучи всякие. И все тоже такое разноцветное...

— Ну, может быть... — не стал спорить Марджерри. Следующую минуту в салоне полицейской машины слышался только хруст пережевываемых палочек «Твикса», а затем капрал удивленно спросил:

— А это еще что за ковбой?..

* * *

— Три года?! — стажер Антоша удивленно покачал головой. Старший наряда ППС сержант Кропач окинул стажера насмешливым взглядом и солидно кивнул.

— Ну да, во флоте — три, молодой, а в армии только два. Но меня как раз во флот призвали. Я торпеди-

стом служил. Начальником БЧ-З¹ у нас на БПК² был кап-три Харитоненко. Старый, как говно мамонта. Но служа-а-ака, ну как... как настоящий хохол. Ух, он нас и гонял. Зато до сих пор — разбуди ночью, я тебе порядок включения и подготовки к работе ПУСБ «Буря-1134» или приборов ПУТС «Тифон-1134 А» наизусть оттарабаню. Ну да не об этом речь... Так вот, на третий год службы внезапно образовались у нас учения... Это сейчас Путин с Шойгу армию и флот в хвост и в гриву гоняют, а в то время для нас простой одиночный выход в море за событие был. Даже без отработки учебной задачи. Но тут вот — подфартило, — тут сержант замолчал и затянулся сигаретой. Третий член состава наряда, рядовой полиции Трубников, заинтересованно заерзал на своем водительском кресле, а затем не выдержал и спросил:

— И чего?

Кропач хмыкнул.

— Да ничего особенного. Вышли. Отработали. Вернулись. Получили всего и по полной. И люлей, и поощрений. Но я не об этом, а о том, что по результатам этих учений меня тогда в отпуск отпустили. На десять суток плюс дорога.

— А разве в отпуск не раз в год? — удивленно спросил стажер.

— Эх ты, салага, — добродушно прервал его сержант. — Это сейчас вы, сопляки, всего на год служить уходите, и то вам отпуск полагается. А в мое время у нас со всего корабля за три года службы дай бог человек семь-восемь в отпуске побывали. Из где-то сотни-полутора матросов-срочников.

¹ Боевая часть — наряду со службой, основное организационное подразделение экипажа кораблей советского и российского Военно-Морского флота, в ведении которого сосредоточены боевые и технические средства по определенному виду вооружения или оборудования, предназначенные для выполнения определенных задач в бою или повседневной жизни.

² БПК — класс кораблей советского и российского ВМФ.

— Правда, что ли? — изумился стажер. Но этот вопрос сержант Кропач оставил без ответа, степенно продолжив начатое повествование:

— Ну так вот, приезжаю это я в свою деревню. Весь такой красивый — бескозырка, форменка... А у нас там из молодых пацанов считай одна пьянь осталась. Все, кто хоть что-то мог и хотел, — либо совсем еще сопляки, либо в армии, либо давно в город умотали. Так что я в тот момент в деревне однозначно был первым парнем, — сержант сделал паузу, еще раз затянулся и щелчком пальцев выкинул оставшийся от сигареты бычок за окно полицейского «уазика», после чего продолжил: — Ну и, соответственно, поперся я на танцы. Там вот свою будущую и увидел. — Тут сержант снова замолчал, но уже не из-за того, что затягивался куревом, а, похоже, чтобы слегка подогреть интерес к повествованию. Что ему, несомненно, удалось.

— И что? — не выдержал на этот раз уже стажер.

— Она на два года младше меня, — добившись реакции, продолжил старший наряда. — Так что, когда я служить уходил — еще совсем соплюшкой была. А ту-у-ут — я помню, аж слюну сглотнул: коса — до пояса, буфера — кофта лопается... короче, все при ней. Ну я ее и подхватил. Весь вечер обнимались... А у меня ж почитай два с половиной года ни одного случая за бабу подержаться не было. Как у меня тогда ширинка не лопнула — сам даже не знаю...

Стажер эдак смущенно нервно-хохотнул, а Трубников подвинулся поближе, боясь упустить хоть слово из столь захватывающего повествования, и нервно спросил:

— Ну и?

— А что и? — лениво отозвался сержант. — Пошел я ее после танцев домой провожать. А как до первой лавки дошли, я ее на это лавку — раз, юбку на голову задрал — два, и...

Двое слушателей замерли, боясь даже дышать.

— ...и тут она пальцем в глаз ткнула и говорит: «Только тронь — глаз выколю!»

Несколько мгновений в салоне полицейского «уазика», висела напряженная тишина, но потом Трубников не выдержал и дрожащим от напряжения голосом, опять спросил:

— И что?

— Что-что, — ухмыльнулся сержант. — Я ж вам говорил, что у меня почти два с половиной года бабы не было. Так что я подумал-подумал и решил — да и хрен с ним, с этим глазом!

Когда утих всеобщий хохот, Трубников развернулся к рулю и удивленно присвистнул:

— Эх ты, как полыхает! Это что, они там фейерверк устроили? А чего тихо так?

— Кто устроил? — не понял сержант.

— Ну, ролевики, — пояснил водитель, но, поняв, что старший наряда его не понял, продолжил: — Чокнутые такие. Они во всяких рыцарей, магов и эльфов играют. Вчера весь день от платформы «Сто пятьдесят шестой километр» за Кривую балку тянулись. Лагерь у них там.

— За Кривую балку? Она ж в другой стороне!

Трубников пожал плечами:

— Да кто их разберет. Я в Скошиково стажировку проходил. А там они уже четвертый год собираются. Так мне рассказывали, что они во время игры по всей округе расползаются и грибников пугают.

— Ночью?

— Нет, грибников — днем. А по округе ползают и ночью.

— Ну-у, тогда ХЗ, может, и эти твои ролевики, — задумчиво отозвался Кропач. — Лан... будем посмотреть.

Но долго смотреть не пришлось. Буквально через три минуты, с той стороны, где сверкало, нарисовались три высоких силуэта. Все трое членов экипажа «уазика» уставились в сторону приближавшихся, а затем стажер убежденно заявил:

— Точно — ролевики! На лошадях. В доспехах. И доспехи у них, похоже, тоже светодиодами подсвечены...

* * *

— О'кей, парни, а сейчас быстро соскочили с этих своих зверей, положили свои железки и задрали руки вверх. Понятно? — грозно прорычал сержант Джексон, направив на странную парочку служебный «ругер». Сержант считал себя крутым копом, какие, по его мнению, должны были пользоваться исключительно револьверами.

Двое всадников, остановивших своих... м-м-м... ну, назовем это скакунами, прямо перед полицейским «Фордом», молча переглянулись. А затем тот, кто сидел на каком-то странном то ли ящере, то ли драконе или, вернее уж, замаскированной под ящера или дракона лошади (причем, довольно умело замаскированной, надо сказать), поднял руку и что-то произнес на каком-то странном гортанном языке.

— Мексиканцы, что ли? — удивленно произнес капрал Марджери, занявший позицию за открытой дверью с опущенным стеклом с дробовиком в руках.

— Ты хочешь сказать, что это — испанский? — саркастически поинтересовался сержант.

— Ну-у-у... нет, — слегка смутился капрал. — Но кто тут еще может быть-то?

Джексон на этот вопрос не ответил, снова заорав этим идиотам, обрядившимся в какое-то подобие средневековых рыцарских доспехов, только куда более вычурное, которые, к тому же, зачем-то были еще и усеяны мелкими светодиодами:

— Я повторяю последний раз — слезть на землю, положить оружие и поднять руки вверх. При неисполнении — стреляю! — после чего воинственно повел «ругером» от одного до другого.

Двое странных «ковбоев-рыцарей» переглянулись,

а затем тот, который уже что-то там говорил, вытащил меч (ну, или то, что выглядело как меч) и, направив его в сторону полицейских, снова что-то произнес. Но на этот раз с явственно ощутимыми властными нотками в голосе. Джексон довольно осклабился. Как и любой клерк, принадлежавший к какой-нибудь силовой структуре, он считал себя куда более крутым, чем всякие там обычные люди. И был свято уверен в том, что право американской полиции стрелять при малейшей (даже и мнимой) агрессии в сторону полицейского было и остается святым и незыблемым. И никакие волнения в Фергюссоне, Балтиморе и десятках других городов ничего с этим поделать не могли.

— Сардж, не на...

— Ду-дух!

— С-ш-ш-ксах! — В следующее мгновение жирная туша сержанта Джексона оказалась отброшена от полицейского внедорожника на два десятка ярдов, а сам внедорожник... капрал Марджери не поверил своим глазам... этого... этого просто не могло быть. Огромный «Форд-Эксплорер» в полицейском обвесе, с мощным кенгурятником, с громадной люстрой на крыше покачнулся раз, другой, а затем... аккуратно распался на две неровные половинки, бурно заливая землю под собой бензином, маслом и охлаждающей жидкостью из разрубленных бензобака, картера двигателя и радиатора. А еще диетической «кока-колой» из попутно разрубленной бутылки... Капрал, едва успевший выскочить из-под той половинки «Форда», что рухнула в его сторону, несколько мгновений в ступоре пялился на две половинки пластиковой бутылки, ранее мирно стоявшей в большом подстаканнике (скорее, даже, «подбутыльнике») на центральном тоннеле, потом судорожно вздохнул и осторожно положил дробовик на землю.

— О'кей, ребята, о'кей, давайте не будем нервничать и начнем все с начала. Я — капрал Марджери, из полиц...

* * *

— Вот черт! — выругался сержант Кропач. — На каком они хоть говорят-то, может кто сказать?

Стажер и водитель переглянулись и молча пожали плечами.

— Хрен его знает, но точно не английский, — осторожно подытожил Трубников.

— Это я и сам понял, — огрызнулся Кропач, потом вздохнул и махнул рукой. — Ладно. Придется проводить их до их лагеря. Говоришь, он за Кривой балкой?

— Говорили, где-то там, — отозвался водитель. — Точно-то я и сам не знаю.

— Тогда давай — заводи шарабан и разворачивайся. Не хватало мне, чтобы еще с этими дураками на... — он покосился на странных верховых животных, на которых восседали ролевики-иностранцы, хмыкнул, покачал головой и закончил: — Короче, с иностранцами по дороге чего-то случилось. А то еще кто спьяну по ним из ружья шандарахнет... — После чего махнул рукой иностранцам, призывая следовать за собой, и нырнул на переднее сиденье «уаза».

Двое «смотрящих» из Дома Звезд, восседавших на верховых «химерах», несколько мгновений задумчиво сопровождали взглядами какую-то, похоже, механическую повозку, экипаж которой пошел на контакт вполне дружелюбно и с положенным «немым» уважением к «звучащим», а затем плавно тронул своих «химер». Как бы там ни было, задачу разведки нового мира, стоящую перед «смотрящими», никто не отменял...

* * *

Никто из тех, кто в этот день впервые встретился с «лесничими» Дома Чащи и «смотрящими» Дома Звезд, не представлял себе, что с этого мгновения не

только их судьба, но судьба всей Земли изменилась навсегда. Потом, много позже, одни будут называть этот день днем, когда рухнуло будущее планеты, исчезли свобода и гордость человечества, а другие — днем, когда на Землю вернулись совесть, честь и мастерство...

О том, что было дальше, читатели скоро смогут узнать из нового цикла Романа Злотникова «Экспансия».

СОДЕРЖАНИЕ

Василий. В. Головачёв	
МОЛЁБСКИЙ ЧЕЛЛЕНДЖ	5
Виктор Колюжняк	
ЧТО, ЕСЛИ МЫ САМИ?..	96
Сергей Раткевич	
ДЕЛАЙ, ЧТО ДОЛЖЕН	107
Майк Гелприн	
СЧАСТЛИВЧИК	164
Вячеслав Бакулин	
МОЗГОВОЙ ЧЕРВЬ ДЖИМ.....	178
Вера Камша	
БЕЛЫЕ НОЧИ ИТАКИ	198
О'Рейн	
ПРОЛЕТАЯ НАД ГЛУБОКИМИ ТЕМНЫМИ ВОДАМИ ...	244
Олег Кудрин	
АЙВЕН ДА МАРЬЯ, или С ДНЕМ ПОРАЖЕНИЯ!	277
Юлия Черных	
ОБЕД ПО РАСПИСАНИЮ	306
Александр Золотко	
КАТАФАЛК.....	337
Игорь Прососов	
ЕЩЕ ОДИН ЧУДЕСНЫЙ ДЕНЬ	374

Владимир Венгловский	
РАДУЖНЫЕ НЕБЕСА.....	389
Игорь Минаков	
УЧИТЕЛЬ С БОЛЬШОЙ БУКВЫ.....	404
Дарья Зарубина	
Я — СИДОРОВ	417
Элеонора Раткевич	
ДРУГ ДЕТСТВА	431
Александр Шакилов	
СТАРТАП.....	459
Татьяна Романова	
Я БУДУ СИЛЬНЫМ.....	473
Виктор Точинов	
ПОВОДЫ ДЛЯ ОПТИМИЗМА.....	500
Андрей Буторин	
КУЛИНАРНОЕ ЧУДО	528
Эйлин О'Коннор	
ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЛО СЛЕДОВАТЕЛЯ ЕРОХИНА	548
Денис Овсяник	
ТА.....	579
Михаил Кликин	
ВНУЧОК.....	609
Роман Злотников	
ОНИ ПРИШЛИ	626

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

**ПРИШЕЛЬЦЫ.
ЗЕМЛЯ ЗАВОЕВАННАЯ**

Ответственный редактор *И. Минаков*
Редактор *Л. Демина*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *М. Печковская*
Компьютерная верстка *Д. Фирстов*
Корректор *И. Гончарова*

ООО «Издательство «Э»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-66-86; 8 (495) 956-39-21.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-66-86; 8 (495) 956-39-21.

Tayyar berildi: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 16.03.2016.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Балтика».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,6.
Тираж 2 500 экз. Заказ 2187

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

В электронном виде книги издательства вы можете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:
ОДИН КЛИК ДО КНИГ

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:

142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными
оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж**
*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**
+7 (495) 411-68-59, доб. 2115/2117/2118; 411-68-99, доб. 2762/1234.

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**

142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел.: (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29,
бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел.: (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел.: (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел.: +7 (383) 289-91-42.

В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев, пр. Московский, 9 БЦ «Форум».
Тел.: +38-044-2909944.

**Полный ассортимент продукции Издательства «Э»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.

Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД»,
Невский пр-т, д.46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14.

ISBN 978-5-699-86810-0

9 785699 868100 >

ВСЁ самое
интересное
О ФАНТАСТИКЕ
И МИСТИКЕ
в группе:

http://vk.com/m_y_f

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

ПРИШЕЛЬЦЫ ЗЕМЛЯ ЗАВОЕВАННАЯ

Руководство отдела исследований аномальных явлений научного Управления ФСБ срочно отправляет своего сотрудника Варавву Кашина в поселок Усть-Кишерть Пермского края. Это место с давних пор известно как Малёбская геопатогенная зона, но до сих пор оно не обращало на себя внимания российских спецслужб. И вдруг – срочная командировка майора Кашина с заданием высшего уровня секретности ...

Какой мальчишка не мечтал стать настоящим космическим пиратом, управлять звездолетом, стрелять из бластера?! Вот только в реальности все несколько сложнее...

Так ли важно, кто они и откуда? Так ли важно, каковы их истинные цели? Так ли важно, насколько они отличаются от нас внешне? Главное — они ЧУЖИЕ. И они захватили нашу Землю...

Василий Головачёв, Роман Злотников, Вера Камша и другие авторы в сборнике фантастических произведений о вторжении инопланетных агрессоров!

ISBN 978-5-699-86810-0

9 785699 868100 >

ПРИШЕЛЬЦЫ. ЗЕМЛЯ ЗАВОЕВАННАЯ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ • РОМАН ЗЛОТНИКОВ • ВЕРА КАМША • АЛЕКСАНДР
ЗОЛОТКО • ДАРЬЯ ЗАРУБИНА • ВЯЧЕСЛАВ БАКУЛИН • МАЙК ГЕЛПРИН